

179 (1830)
p. 10

BOAUKH

**З нагоди ювілею
100-річчя Волинської єпархії
перевидання книги благословляю.
Варфоломій, єпископ Волинський
і Луцький.**

ТЗ (4Укр)
В 40

ВОЛЫНЬ

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ

ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ИЗДАНО ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

И. Н. Батюшковымъ.

721596

Съ 2-мя хромотографіями и 69-ю гравюрами.

Бібліотека НУВГП

721596

ТЗ(4Укр) В70

Волынь. Историческія судьбы

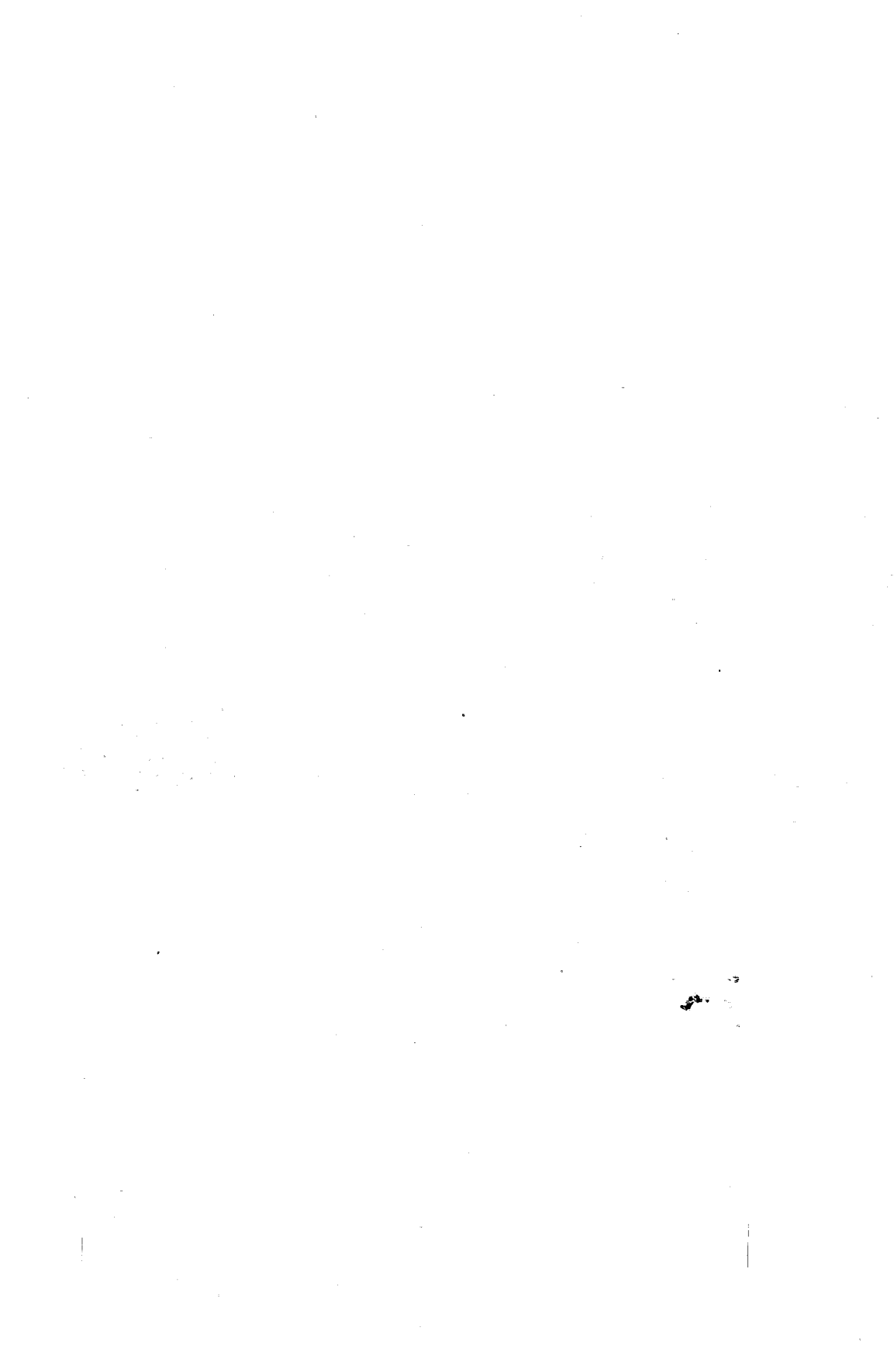
V 40

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза». Большая Подъяческая, 39.

1888.

НУВГП №2
**НАУКОВА
 БІБЛІОТЕКА**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя. XIII

Введение.

Названіе и предѣлы страны; славяно-русскія племена, ея населявшія, и историческія судьбы ихъ.—Періоды исторіи страны: 1) древне-русскій до начала XIV вѣка; 2) литовско-русскій до 1569 года; 3) польско-русскій до 1793 года, и 4) русскій съ 1793 года.—Отраженіе ихъ въ кнѣзьнемъ населеніи Волыни.—Задача настоящаго времени и цѣль книги 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Волынь подъ властію русскихъ князей.

Природа страны и племена, ея населявшія.—Подчиненіе ихъ власти русскихъ князей, начало гражданственности, развитіе городовъ, управление областями и внутреннее объединеніе православною вѣрою.—Начатки христіанства до св. Владиміра.—Св. Владиміръ, походъ его на Корсунь и принятіе православной вѣры; крещеніе кіевлянъ; крещеніе всей Русской земли и раздача удѣловъ сыновьямъ.—Древнѣйшіе храмы и святыни на Волыни.—Успѣхи православія на Волыни послѣ св. Владиміра: умноженіе храмовъ, епархій, школъ, книгохранилищъ, просвѣщенія и славянской письменности 5

ГЛАВА ВТОРАЯ. Судьбы южной Руси послѣ св. Владиміра до литовскаго владычества.

Вліяніе православія на государственныи строй древней Руси послѣ св. Владиміра.—Раздѣленіе Руси на удѣлы и стремленіе къ объединенію удѣловъ въ княжествахъ Киевскомъ, Волынскомъ и Галицкомъ.—Важнѣйшіе князья и событія въ исторіи этихъ княжествъ.—Объединеніе южной Руси подъ властію галицко-волынскихъ князей.—Романа Мстиславича и Даніила Романовича.—Татарское нашествіе и разореніе южной Руси и Волыни.—Потребность полнаго объединенія Руси послѣ татарскаго нашествія.—Перенесеніе Киевской митрополіи на сѣверъ Россіи и усиленіе его.—Стремленія галицко-волынскихъ князей, послѣ Даніила Романовича, къ обособленію; попытки образованія Галицкой митрополіи; раздѣленіе Галицко-Волынскаго княжества на удѣлы, ослабленіе его и паденіе.—Залогъ живенности и будущаго возрожденія южной Руси 30

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Волинь подъ литовскимъ владычествомъ.

Литовскія племена, ихъ расселеніе, начатки обрусенія и государственное объединеніе. — Миндовгъ, Воишелкъ и Гедиминъ и отношенія ихъ къ галицко-волинскимъ князьямъ. — Любарть Гедиминовичъ лужскій, какъ первый литовскій князь на Волини. — Общій характеръ литовскаго господства и отраженіе его на Волини; первоначальное господство и памятники православія и русской народности на Волини; позднѣйшія слабыя попытки ополяченія и окатоличенія Волини. — Борьба литовско-русскихъ князей съ Польшею за галицко-волинское наследство и объединеніе Любартомъ Волини. — Ольгердъ Гедиминовичъ и присоединеніе къ Литвѣ Кіева, съ Житомиромъ и Овручемъ, и Подоліи; удѣльные князья кievскій и волинскій; попытка учредить особую Литовскую митрополию. — Ягайло и унія Литвы съ Польшею 1386 г.; возстанія противъ него и назначеніе Ягайломъ на литовскій престолъ сначала Скиргайла, а потомъ Витовта. — Предпріятія Витовта и общее направленіе его дѣятельности; возстаніе Свидригайла и поддержка ему на Волини; городельская унія 1413 года и опасность для православія; попытка учрежденія особой Литовской митрополіи и введенія уніи; съѣздъ государей въ Луцкъ. — Свидригайло, его особыя отношенія къ Волини и Кіеву и соперникъ его Сигизмундъ Кейстутевичъ. — Избраніе Казимира Ягайловича на литовскій престолъ

53

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Дальнѣйшія политическія судьбы Волини до перехода ея подъ владычество Польши.

Характеръ правленія Казимира Ягайловича; возстановленіе удѣловъ Луцкаго и Кіевскаго; внутреннее управленіе; восшествіе на польскій престолъ; споры между Литвою и Польшею изъ-за областей и границъ; уничтоженіе Луцкаго и Кіевскаго удѣловъ; татарскіе набѣги на Волинь; флорентійская унія, состояніе православія на Волини и учрежденіе особой Литовской митрополіи. — Александръ Казиміровичъ; отношеніе его къ Москвѣ; возобновленіе уніи Литвы съ Польшею; внутреннее управленіе и отношеніе къ православію. — Сигизмундъ I; попытка Глинскаго присоединить Кіевскую землю къ Москвѣ; состояніе православія; возобновленіе войны съ Москвою. — Назначеніе Сигизмунда-Августа великимъ княземъ литовскимъ; внутреннее развитіе Литвы; захватъ поляками литовско-русскихъ должностей иземель на Волини; Сигизмундъ II Августъ въ Литвѣ; протестантство въ Литвѣ и на Волини; восшествіе Сигизмунда II на польскій престолъ; война съ Иоанномъ Грознымъ; люблинская унія Литвы съ Польшею въ 1569 году; переходъ Волинской и Кіевской земель подъ власть Польши .

87

ГЛАВА ПЯТАЯ. Волинь подъ владычествомъ Польши и борьба православія съ католичествомъ и уніей.

Послѣдствія государственной люблинской уніи 1569 года. — Усиленіе вліянія Польши и рознь между полноправными и

безправными сословіями и классами южно-русского народа.— Введеніе іезуитовъ, совращеніе высшихъ классовъ русскаго общества въ католичество и распространеніе католичества на Волыни.—Церковная унія, брестскій соборъ 1596 года и раздѣленіе между православными и уніатами; гоненіе на православныхъ; Кириллъ Терлецкій, Іпатій Поцѣй и ихъ дѣйствія на Волыни.—Слабые успѣхи уніи.—Преданность православной вѣрѣ многихъ русскихъ вельможъ и дворянъ, духовенства, мѣщанъ и казаковъ.—Защита православія представителями высшихъ классовъ южнорусскаго общества и особенно княземъ К. К. Острожскимъ.—Церковныя братства и учрежденіе ихъ на Волыни.—Появленіе и развитіе казачества и дѣйствія его на Волыни. 116

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Возстановленіе православной іерархіи и положеніе Волыни передъ воссоединеніемъ ея съ Россіей.

Возстановленіе южно-русской православной іерархіи іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ 1620 году; православные епископы владими́ро-волинскій Іезекіиль Курцевичъ и лудскій Ісаакій Борисковичъ и положеніе православія на Волыни.—Смерть Сигизмунда III; дѣйствія православныхъ и Петра Могилы; успокоеніе православія въ 1632 г. при избраніи Владислава IV на престолъ; избраніе новыхъ іерарховъ; лудскій православный епископъ Афанасій Пузына и состояніе при немъ православія на Волыни.—Угнетеніе поляками казачества и православія.—Возстаніе Богдана Хмельницкаго и дѣйствія казаковъ на Волыни; смерть Владислава IV и избраніе Яна-Казимира на престолъ; зборовскій договоръ 1649 г. и ограниченіе его сеймомъ 1650 г.; возобновленіе войны, пораженіе казаковъ подъ Берестечкомъ и бѣлоцерковскій миръ 1651 г.—Разореніе Волыни и переселеніе жителей въ Слободскую Украину.—Воссоединеніе Малороссіи съ Россіей и кончина Богдана Хмельницкаго 151

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Переходное состояніе Волыни по смерти Богдана Хмельницкаго.—Угнетеніе православія.

Значеніе воссоединенія Малороссіи съ Россіей при Богданѣ Хмельницкомъ для усиленія и объединенія Россіи.—Раздѣленіе Малороссіи, по смерти Богдана Хмельницкаго, на части и ослабленіе ея.—Судьба Волыни подѣ владычествомъ Польши и управленіемъ западно-украинскихъ гетмановъ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Тетери, Дорошенка и Ханенка; фастовскій полковникъ Семятъ Палій и прекращеніе гетманства въ западной Украинѣ.—Упадокъ русской народности и православія на Волыни: ополяченіе и окатоличеніе волинской шляхты, ея воздѣйствіе на народъ; усилія къ совращенію православныхъ въ унію въ XVII вѣкѣ и къ окатоличенію уніатовъ въ XVIII вѣкѣ.—Последніе особыя православныя митрополиты въ западной Украинѣ: Діонисій Балабанъ, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и Антоній Винницкій.—Львовскій епископъ Іосифъ Шумлян-

скій; притѣсненія православію; тайное совращеніе Шумлянскаго съ сообщниками въ унію и дѣйствія его; удаленіе луцкаго епископа Гедеона Святополка-Четвертинскаго въ Кіевъ и поставленіе въ санъ кіевскаго митрополита; захватъ Луцкой епархіи Шумлянскими.—Угнетеніе православія открытыми уніатами, католическимъ духовенствомъ и дворянами и усиленное распространеніе уніи; слабое противодѣйствіе ей со стороны православныхъ.—Избраніе православными Діонисія Жабокрицкаго въ луцкіе епископы, совращеніе его въ унію и ссылка въ Сибирь; послѣдній луцкій православный епископъ Кириллъ Шумлянскій.—Остатки православія на Волыни до половины XVIII в.

178

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Сближеніе уніи съ католичествомъ и паденіе Польши.

Замыслы объ окатоличеніи уніатовъ.—Замостьскій соборъ 1720 года и сближеніе уніи съ католичествомъ.—Партіи въ уніи: монашеская—базилианская и свѣтская.—Сближеніе базилианъ съ католиками и ихъ дѣйствія на Волыни.—Остатки православія у бѣлаго духовенства и мірянъ; преслѣдованіе и униженіе бѣлаго духовенства.—Проекты совращенія уніатовъ въ католичество, постройка новыхъ костеловъ и кляшторовъ, насильственные мѣры къ совращенію уніатовъ въ католичество.—Заступничество Екатерины II за православныхъ; въ Польшѣ: стремленіе волынскихъ уніатовъ къ православію; смуты въ украинѣ и на Волыни.—Второй и третій раздѣлы Польши и воссоединеніе Волыни съ Россіей

209

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Воссоединеніе Волыни съ Россіей.

Образованіе Изяславской губерніи послѣ втораго раздѣла Польши и возстаніе Косцюшки; образованіе Волинской губерніи послѣ третьяго раздѣла Польши и введеніе русскаго управленія.—Епархіальное управленіе православной, католической и уніатской церквей.—Минскій архіепископъ Викторъ и его посланіе съ призывомъ уніатовъ къ православію; первые дѣятели по воссоединенію уніатовъ на Волыни и препятствія этому дѣлу со стороны уніатскихъ властей и польско-католиковъ; воссоединеніе волынскихъ уніатовъ въ 1794 и 1795 годахъ; учрежденіе Житомирскаго викаріатства и Волинской семинаріи.—Павелъ I, его покровительство польско-католикамъ и отношеніе къ уніатамъ; уніатскіе беспорядки и взглядъ Павла I на уніатовъ, подчиненіе ихъ католикамъ; сближеніе уніатовъ съ католичествомъ и совращеніе въ него уніатовъ и даже православныхъ; состояніе православія на Волыни при Павлѣ I и учрежденіе самостоятельной Волинской епархіи.—Александръ I и состояніе при немъ православной церкви на Волыни.—Покровительство Александра I полякамъ и ихъ неблагодарность.—Адамъ Чарторыйскій и устройство польскихъ школъ; Чацкій, польскія школы на Волыни и Кременецкій лицей; привлеченіе католическаго духовенства къ дѣлу польскаго образованія; совращеніе уніатовъ въ латинство; попытка преобразовать базилианскій орденъ въ воспитательный; противодѣйствіе уніат-

скаго митрополита Лисовскаго окатоличенію уніатовъ и пре-
 образованію базилианскаго ордена въ воспитательный; преем-
 ники Лисовскаго, борьба бѣлаго уніатскаго духовенства съ ба-
 зилианами и перевѣсъ надъ ними. 231

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Возсоединеніе уніатовъ и возстановленіе пра- вославія и русской народности на Волыни.

Отношеніе императора Николая I къ уніи и поддержка бѣ-
 лому уніатскому духовенству противъ католиковъ и базилианъ.—
 Уніатскій протоіерей Іосифъ Сѣмашко, его планы объ очище-
 нии уніи отъ католичества и сближеніи съ православіемъ и
 осуществленіе ихъ правительствомъ; назначеніе Іосифа Сѣ-
 машка епископомъ; козни польско-католиковъ и базилианъ; поль-
 скій мятежъ 1830 и 1831 гг. на Волыни; усмиреніе мятежа, за-
 крытіе польскихъ школъ и нѣкоторыхъ католическихъ монасты-
 рей и передача Почаевскаго монастыря православнымъ; мѣры
 противъ ополяченія и окатоличенія края, ускореніе уніатскаго
 дѣла и возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію въ
 1839 году; состояніе православной церкви на Волыни при Ни-
 колаѣ I.—Александръ II, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной
 зависимости въ 1861 году и польскій мятежъ 1863 года; пробуж-
 деніе русскаго самосознанія и духа на Волыни; правительствен-
 нныя и общественныя мѣры къ обрусенію края и поднятію рус-
 ской народности и православія.—Нынѣшній составъ населенія
 Волынской губерніи.—Заключеніе. 272

Примѣчанія	1
Объясненія къ рисункамъ	27
Указатель личныхъ именъ	115

РИСУНКИ И ГРАВЮРЫ.

А. Священныя изображенія.

1. Почаевская икона Божіей Матери	61
2. Икона Божіей Матери изъ Успенскаго Мстиславова собора въ г. Владимірѣ-Волынскомъ	125
3. Дубенская икона Божіей Матери	173
4. Св. равноапостольный князь Владиміръ (хромолитографія на отдѣльномъ листѣ)	14
5. Св. Петръ, митрополитъ всея Руси	89

Б. Портреты и изображенія историческихъ лицъ.

6.	Семейство великаго князя Святослава Ярославича (хромоли- тографія на отдѣльномъ листѣ)	18
7.	Строители древняго Почаевского храма Домашевскіе	73
8.	Кіевскій удѣльный князь Александръ (Олелько) Владимі- ровичъ	137
9.	Князь Константинъ Констановичъ Острожскій	140
10.	Князь Иванъ (Янушъ) Константиновичъ Острожскій	147
11.	Уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй	153
12.	Константинопольскій патріархъ Іеремія II	180
13.	Кіевскій митрополитъ Петръ Могила	185
14.	Іерусалимскій патріархъ Теофанъ	189
15.	Кіевскій воевода Адамъ Кисель	195
16.	Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ	211
17.	Кіевскій митрополитъ Гedeонъ, князь Святополкъ-Четвер- тинскій	217
18.	Могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій	223
19.	Архимандритъ Мелхиседекъ Значко - Яворскій	227
20.	Графъ Михайлъ Никитичъ Кречетниковъ	233
21.	Тимоей Ивановичъ Тутолминъ	243
22.	Николай Михайловичъ Карамзинъ	249
23.	Уніатскій митрополитъ Ираклій Лисовскій	253
24.	Императоръ Николай I Павловичъ	259
25.	Литовскій греко-уніатскій епископъ Юсіфъ Сѣмашко, впослед- ствіи литовскій православный митрополитъ	265
26—27.	Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ и графиня Анто- нина Дмитриевна Блудова	277

В. Виды мѣстностей и зданій.

28.	«Ольгина купальня» близъ мѣстечка Искорости, Овруч- скаго уѣзда	7
-----	--	---

29. Мѣсто, гдѣ, по преданію, погребенъ князь Олегъ Святосла- вичъ (близъ г. Овруча)	11
30. Аскольдова могила (церковь св. Николая въ Кіевѣ)	21
31. Памятникъ - часовня въ честь крещенія Руси	25
32—34. Церковь Рождества пресвятыя Богородицы или Десятин- ная въ г. Кіевѣ	28
35. Обыденная церковь св. Василия въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.	33
36—38. Два храма Успенія пресвятой Богородицы въ г. Владимірѣ- Волынскомъ («Старая катедра» и Мстиславскій) . . .	37 и 41
39. Церкви Успенія пресвятой Богородицы и св. Василия въ селѣ Зимномъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, и остатки терема, по преданію, принадлежащаго св. Владиміру . . .	45
40. Развалины храма св. Василия Великаго въ г. Овручѣ	49
41—42. Развалины Крестовоздвиженской церкви въ г. Луцкѣ. . . .	54 и 57
43—45. Почаевская лавра и изображеніе Почаевской стопы.	67, 77 и 81
46. Гробница Ярослава I (Юрія) Владиміровича	85
47—48. Замки князя Любарта (Дмитрія) Гедиминовича въ г. Луцкѣ	93 и 99
49—53. Развалины Богоявленской церкви, остатки замка князей Острожскихъ и древнія башни на Красной и Судовой го- рахъ, въ г. Острогѣ	104, 105 и 109
54. Межиричскій Свято-Троицкій монастырь, Острожскаго уѣзда.	113
55. Дерманскій Свято-Троицкій монастырь, Дубенскаго уѣзда. . .	117
56. Гротъ съ часовнею св. Николая, въ с. Гульчѣ, Острожскаго уѣзда.	121
57. Креховскій монастырь Преображенія Господня, близъ г. Львова	201
58. Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ	205
59—60. Преображенскій кафедральный соборъ въ г. Житомирѣ.	269
61. Кирило-Меодіевская церковь Острожскаго братства	285

Г. Р а з н ы я г р а в ю р ы .

62. Монеты великихъ князей кіевскихъ св. Владиміра и Ярослава (литографія на отдѣльномъ листѣ)	16
---	----

63. Страница изъ рукописнаго евангелія (XIV в.) Спасскаго
Красносельскаго монастыря, близъ г. Луцка 129
64. Страница изъ рукописнаго Каменецъ-Стромиловскаго еван-
гелія XV вѣка 133
- 65—69. Пять образцовъ Острожской первопечати: «Новый завѣтъ
съ псалтирю» и «Острожская библія». 157, 161, 165 и 169
- 70—71. Медаль въ память присоединенія къ Россіи южнорус-
скихъ областей. 236 и 237
72. Двадцать двѣ гравюры заставокъ и инициаловъ изъ дре-
внихъ рукописей и первопечати 1, 5, 30, 53, 87, 116, 151,
178, 208, 231 и 272

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Вслѣдъ за появленіемъ изданнаго въ 1887 году, съ Высочайшаго соизволенія, сочиненія „Холмская Русь“, было признано необходимымъ приступить къ изданію историческаго описанія судьбъ остальныхъ западныхъ окраинъ нашихъ, бывшихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій подъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ. По всеподданнѣйшему объ этомъ докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, президента Императорской академіи наукъ, графа Д. А. Толстаго, Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить составленіе и изданіе отдѣльными выпусками историческихъ описаній Волыни и Бѣлоруссіи съ Литвой.

Предлагаемая книга имѣетъ своимъ предметомъ описаніе первой изъ этихъ областей согласно той программѣ, какая очерчена въ предпосланномъ книгѣ введеніи.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго выпуска совпадаетъ съ все-россійскимъ юбилейнымъ торжествомъ крещенія Руси, совершеннаго 9 вѣковъ тому назадъ въ Кіевѣ, при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Просвѣтительная дѣятельность крестителя русскаго народа не ограничивалась однимъ Кіевомъ, но проявлялась одинаково и по отношенію къ Волынскому краю. Здѣсь вслѣдъ за Кіевомъ болѣе всего выражались мудрыя государственныя стремленія равноапостольнаго; здѣсь же имъ сооружались величественныя храмы для укрѣпленія насажденной имъ вѣры Христовой. Большая часть этихъ храмовъ несохранилась, но уцѣлѣвшія развалины нѣкоторыхъ изъ нихъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что Волынская земля — издревле православная. Въ то же время величавыя остатки этихъ памятниковъ, какъ и церковныхъ

сооруженій періода удѣльныхъ русскихъ и литовско-русскихъ князей, служить подтвержденіемъ страшнаго гоненія на православіе, которое на Волыни и въ другихъ русскихъ западныхъ областяхъ систематически преслѣдовалось и безпощадно искоренялось въ позднѣйшую эпоху польско-латинскаго владычества. На страницахъ настоящаго изданія читатель встрѣтитъ послѣдовательное изложеніе этой печальной эпохи, поясненное изображеніемъ древнихъ памятниковъ православія; независимо отъ сего, въ особомъ объясненіи къ изображенію Житомирскаго кафедральнаго собора, въ общихъ чертахъ, указаны стремленія латино-польскихъ фанатиковъ, направленные къ разрушенію и уничтоженію православныхъ храмовъ, равно какъ и дѣятельная заботливость августѣйшихъ членовъ Царской Семьи, правительства и русскаго общества о возстановленіи нашихъ древнихъ святынь.

Трудъ составленія историческаго описанія судебъ Волыни принадлежитъ профессору Кіевской духовной академіи Н. И. Петрову, при содѣйствіи профессора той же академіи И. И. Малышевскаго.

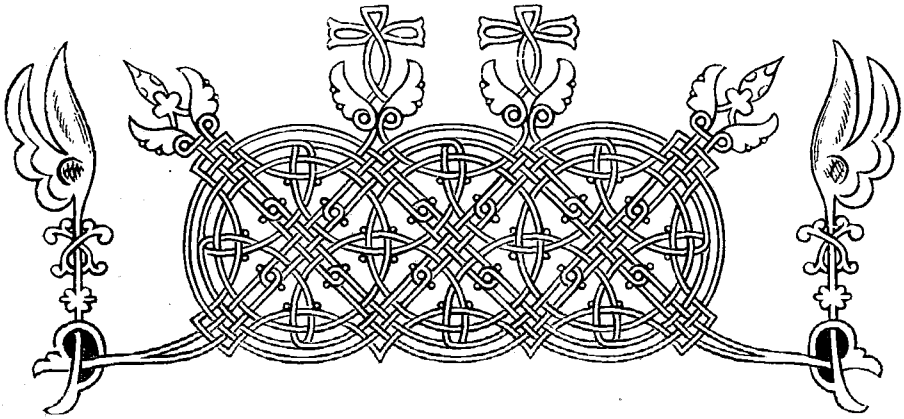
Иллюстрированіе книги, предназначенной для широкаго распространенія по западнымъ окраинамъ, значительно облегчилось весьма обязательнымъ содѣйствіемъ, оказаннымъ издателю: высокопреосвященнымъ Палладіемъ, архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ и священно-архимандритомъ Почаевской лавры, обязательно доставившимъ нѣсколько изображеній волынскихъ древностей; Церковно-археологическимъ обществомъ при Кіевской духовной академіи, открывшимъ свои богатые коллекціи для воспроизведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ настоящей книгѣ; волынскимъ губернаторомъ В. В. фонъ-Валемъ, который доставилъ издателю свое обширное собраніе фотографій церквей, монастырей, замковъ и т. п.; намѣстникомъ Почаевской лавры, архимандритомъ Модестомъ, доставившимъ нѣсколько фотографій лавры; кромѣ того было оказано содѣйствіе изданію изслѣдователемъ древне-русскихъ монетъ гр. И. И. Толстымъ; извѣстнымъ знатокомъ и собирателемъ портретовъ и гравюръ, сенаторомъ Д. А. Ровинскимъ; предсѣдателемъ Виленской археологической комисіи Я. Ѳ. Головацкимъ и помощникомъ ди-

ректора Императорской публичной библіотеки Л. Н. Ма й к о в ы м ъ. Издатель считаетъ долгомъ выразить этимъ лицамъ свою искреннюю и живую признательность за ихъ просвѣщенное содѣйствіе.

Редакція изданія, наблюденіе за воспроизведеніемъ иллюстрацій и составленіе объяснительнаго текста рисунковъ, приложеннаго въ концѣ книги, принадлежатъ М. И. Городецкому, который, по просьбѣ издателя, для ближайшаго ознакомленія съ художественными и другими матеріалами, совершилъ поѣздку въ Кіевъ, гдѣ пользовался содѣйствіемъ составителя очерка, блюстителя музея при Кіевской духовной академіи Н. И. Петрова.

Иллюстраціи исполнены въ Петербургѣ лучшими художниками и граверами: хромолитографіи—Штадлеромъ и Паттиномъ, гравюры на деревѣ—ксилографами В. В. Матэ, А. И. Зубчаниновымъ, К. П. Вейерманомъ, В. Ф. Адтомъ и К. Рихтеромъ; фотоцинкографіи Корнфельдомъ. Вся книга отпечатана въ типографіи «Товарищества Общественной Пользы», подъ наблюденіемъ директора Товарищества В. И. Вишнякова.

ВВЕДЕНИЕ

Названіе и предѣлы страны; славяно-русскіи племена, ее населявшія, и историческія судьбы ихъ.—Періоды исторіи страны: 1) древне-русскій до начала XIV вѣка; 2) литовско-русскій до 1569 года; 3) польско-русскій до 1793 года, и 4) русскій съ 1793 года.—Отраженіе ихъ въ нынѣшнемъ населеніи Волини.—Задача настоящаго времени и цѣль книги.

ЕМЛЯ ВОЛЫНСКАЯ получила свое названіе отъ города Волиня, бывшаго главнымъ городомъ славяно-русскаго племени дулѣбовъ, бужанъ или воляннъ, и находившагося въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ нынѣшняго Владимира-Волинскаго¹⁾. Это племя находилось въ сосѣдствѣ и перемѣшивалось съ другими родственными славяно-русскими племенами, а именно—хорватами на юго-западѣ, тиверцами на югѣ, полянами на востокѣ, древлянами и дреговичами на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ, и не имѣло строго опредѣленныхъ границъ²⁾. Судя по извѣстіямъ начальной русской лѣтописи, воляннѣ заселяли нынѣшніе уѣзды Волинской губерніи: Владимірскій, Луцкій, Кременецкій, Дубенскій и сосѣднія части другихъ уѣздовъ Волинской губерніи, а также Галиціи и Люблинской губерніи. Въ XII вѣкѣ въ составъ Волинскаго княжества вошли земли по теченію

рѣки Горыни и земли по среднему течению рѣки Буга и по среднимъ же лѣвымъ притокамъ Нѣмана, съ главными городами Берестемъ и Дрогичинимъ. Высшаго могущества княжество достигло при Даниилѣ Романовичѣ галицкомъ и его ближайшихъ преемникахъ. Но уже съ XIV вѣка оно начинаетъ падать; отъ него отдѣляется Берестейская земля, и къ концу этого столѣтія оно дробится на мелкія княжества, теряетъ свою самостоятельность³⁾ и подчиняется Литвѣ. Подъ владычествомъ Литвы, Волынская земля ограничивалась небольшою юго-западною полосою нынѣшней Галиціи, нынѣшними уѣздами Волынской губерніи — Владимірскимъ, Луцкимъ, Кременецкимъ, Острожскимъ, Дубенскимъ, Ковельскимъ, Староконстантиновскимъ, Заславскимъ, Ровенскимъ и частію Новградволынскаго уѣзда.

Послѣ втораго и третьяго раздѣловъ Польши, въ 1793 и 1795 годахъ, Волынское воеводство почти въ цѣломъ своемъ составѣ включено было въ предѣлы нынѣшней Волынской губерніи. Къ ней присоединены также, отъ бывшаго Кіевскаго воеводства, уѣзды Овручскій, Житомирскій и часть Новградволынскаго, заселенные въ древности племенами древлянъ и полянъ⁴⁾. Въ этихъ позднѣйшихъ предѣлахъ мы и будемъ изображать Волынь въ ея историческомъ развитіи.

Соотвѣтственно важнѣйшимъ государственнымъ перемѣнамъ, какія испытывала Волынь въ разныя времена своего существованія, исторію ея можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: 1) періодъ первый отъ начала историческаго существованія Волыни и до прекращенія ея самостоятельныхъ русскихъ князей изъ Рюрикова дома въ началѣ XIV вѣка; 2) второй періодъ — періодъ господства Литвы надъ Волынью, или литовско-русскій, съ начала XIV вѣка и до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 году; 3) третій періодъ — польскаго преобладанія и владычества въ краѣ, или польско-русскій, съ 1569 года и до втораго раздѣла Польши въ 1793 году, и 4) четвертый періодъ — возсоединенія Волыни съ Россіей съ 1793 года, или періодъ возстановленія русской народности и православія въ краѣ, продолжающійся до настоящаго времени.

Во всѣхъ этихъ періодахъ коренною почвою, на которой созидалась исторія Волыни, служили родственныя племена одного и того же русскаго народа; но въ различные періоды эти племена находились въ различныхъ положеніяхъ. Въ первомъ періодѣ русскій народъ на Волыни

находился подъ верховною властью русскихъ князей, которые распро­страняють и поддерживаютъ на Волыни православную вѣру, защи­щаютъ страну отъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ враговъ и вообще содѣйствуютъ самостоятельному, народному ея развитію. Второй пе­ріодъ исторіи Волыни, литовско-русскій, представляетъ собою переход­ное время или переходную ступень отъ самостоятельнаго развитія рус­скаго народа на Волыни къ подчиненію его чуждому латино-польскому господству и вліянію. Въ это время Волынь съ сосѣдними русскими землями, хотя и подчиняется власти великихъ князей литовскихъ, пе­репинавшихъ польскіе порядки и гражданственность и старавшихся водворить ихъ и въ своемъ государствѣ, но, не смотря на то, еще поль­зуется защитой и покровительствомъ удѣльныхъ и служилыхъ литовско-русскихъ князей и вельможъ на Волыни, пока, наконецъ, и они не на­чинають мало по малу увлекаться польскими порядками и совращаться въ католичество. Третій періодъ исторіи Волыни есть время ополяченія и окатоличенія, если не всей страны, то по крайней мѣрѣ высшихъ со­словій, время введенія вѣроисповѣдной уніи, какъ переходной ступени для простаго народа къ совращенію въ польское католичество, и упор­ной и продолжительной борьбы русской народности и православія съ польско-католиками за свою цѣлость и неприкосновенность. Этотъ пе­ріодъ заканчивается наружнымъ совращеніемъ почти всего русскаго населенія Волыни въ унію и раздѣлами Польши между сосѣдними госу­дарствами. Четвертый и послѣдній періодъ исторіи Волыни—есть пе­ріодъ возстановленія первобытныхъ, основныхъ началъ русской народ­ности и православія въ краѣ, — возстановленія, совершающагося ме­ленно и до настоящаго времени еще не закончившагося, влѣдствіе упру­гости чуждыхъ, враждебныхъ вліяній, долго тяготѣвшихъ надъ страной и уцѣпившихъ въ ней довольно глубокіе корни.

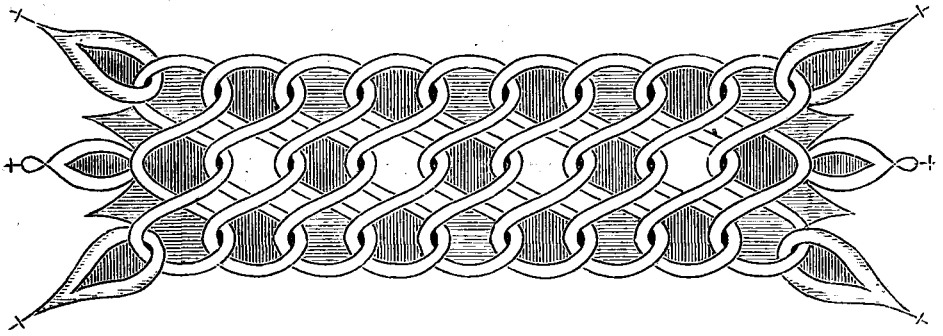
Въ настоящее время къ числу важнѣйшихъ задачъ русскаго государ­ства и общества по отношенію къ Волыни относится та, чтобы предста­вить въ ясномъ свѣтѣ коренныя начала русской народности и православія, развивавшіяся на Волыни въ первый періодъ ея исторіи, обозначить различ­ныя стороннія и наружныя наслоенія на коренной пласть мѣстнаго рус­скаго населенія, наложенныя на него литовскимъ и особенно польскимъ владычествомъ, и ослабить ихъ дѣйствіе, и, наконецъ, провести въ со­знаніе различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія мысль о необходимости

и неизбежности полнѣйшаго объединенія этой окраины Россіи съ другими коренными ея частями.

Творцомъ исторической жизни русскаго народа, положившимъ твердое основаніе нынѣшнему его величію, былъ святой равноапостольный князь кievскій Владиміръ. Онъ озарилъ и сплотилъ всю Русскую землю православною вѣрою и сдѣлалъ русскій народъ причастнымъ христіанскому просвѣщенію, безъ котораго онъ никогда, можетъ быть, и не пришелъ бы къ сознанію своей народности и погибъ бы въ борьбѣ за существованіе съ другими сильными и просвѣщенными народами. А послѣ Кіева, св. Владиміръ болѣе всего оставилъ слѣдовъ своей государственной и христіанско-просвѣтительной дѣятельности на Волыни. Поэтому, въ настоящее время, когда празднуется девятисотлѣтіе крещенія Русской земли св. Владиміромъ, — всего умѣстнѣе и своевременнѣе связать исторію христіанскаго просвѣщенія Волыни съ нынѣшнимъ всероссійскимъ празднествомъ и прослѣдить, какимъ образомъ русская народность и православіе въ краѣ, не смотря на всѣ препятствія со стороны враждебныхъ имъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ, развивались и укрѣплялись здѣсь отъ временъ св. Владиміра и до нашихъ дней и въ общемъ итогѣ содѣйствовали возрастанію могущества и славы общаго нашего отечества, Россіи.

Такова цѣль настоящей книги. Соотвѣтственно этой цѣли, въ книгѣ излагаются, по готовымъ изслѣдованіямъ и пособіямъ, только такія событія изъ жизни Болыни, которыя содѣйствовали или препятствовали развитію русской народности и православія, и опускаются событія, не имѣющія отношенія къ этой цѣли.

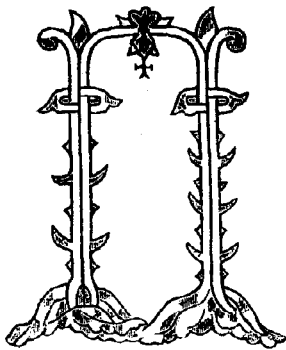

Глава первая.

Волинь подъ властію русскихъ князей.

Природа страны и племена, ея населявшія.—Подчиненіе ихъ власти русскихъ князей, начало гражданственности, развитіе городовъ, управленіе областями и внутреннее объединеніе православною вѣрою.—Начатки христіанства до св. Владиміра.—Св. Владиміръ, походъ его на Корсунь и принятіе православной вѣры; крещеніе кіевлянъ; крещеніе всей Русской земли и раздача удѣловъ сыновьямъ.—Древнѣйшіе храмы и святыни на Волини.—Успѣхи православія на Волини послѣ св. Владиміра: умноженіе храмовъ, епархій, школъ, книгохранилищъ, просвѣщенія и славянской письменности.

ОВЕРХНОСТЬ нынѣшней Волинской губерніи вообще довольно не одинакова и самой природой раздѣлена на двѣ части: южную—гористую и сѣверную—визменную и гѣсистую. Границей между ними можно принять почтовую дорогу, идущую отъ Устиплуга чрезъ Владиміръ, Торчинь, до Луцка; отсюда она направляется на Олыку и Клевань, по такъ называемому купеческому тракту, затѣмъ снова поворачиваетъ на почтовую дорогу къ деревнѣ Бронной и отъ нея идетъ далѣе на востокъ чрезъ мѣстечка Тучинь и Корець и городъ Новградволинскъ. Южная часть губерніи усѣяна взгорьями и дикими гранитными скалами и въ Кременецкомъ и Староконстантиновскомъ уѣздахъ пересѣкается Авратынскимъ отрогомъ Карпатскихъ горъ. Почва въ этой части Волинской губерніи черноземъ.

ная, плодородная, за исключеніемъ Авратынской возвышенности, и хорошо вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Сѣверная часть губерніи, называемая волинскимъ полѣсьемъ, покрыта дремучими лѣсами, перерѣзана густою сѣтью рѣкъ и озеръ, множествомъ болотъ и трясинъ и мало плодородна⁵⁾.

Природа страны наложила свою печать на нравы первоначальныхъ жителей и дальнѣйшую ихъ исторію. Жители южной части Волины, жившіе въ открытой мѣстности, имѣли нравъ кроткій и тихій, занимались земледѣіемъ и торговлей и достигли сравнительно высокой степени гражданственности. Напротивъ, жители сѣверныхъ лѣсовъ и болотъ занимались звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, отличались болѣе грубыми нравами и суевѣріями и долго еще не имѣли брака, а «умыкали дѣвицы у воды»⁶⁾.

Въ свою очередь, какъ южные, такъ и сѣверные обитатели нынѣшней Волины въ древности подраздѣлялись на болѣе мелкія племена: полянъ и волянъ на югѣ и древлянъ и дреговичей на сѣверѣ Волины. Эти мелкія подраздѣленія основывались, впрочемъ, не столько на племенныхъ особенностяхъ того или другаго племени, сколько на мѣстополюженіи его и расселеніи по извѣстнымъ рѣкамъ. Такъ напр., поляне и воляныне, родственные между собою по зачатіямъ, нравамъ и обычаямъ, отличались между собою тѣмъ, что первые жили по притоку Днѣпра Тетереву и его притокамъ, по рѣку Случь, а вторые — между верховьями восточнаго и западнаго Буга. Древляне и дреговичи, жившіе на сѣверѣ нынѣшней Волинской губерніи, въ области рѣки Припети, раздѣлялись притоками ея Горынью и Случью⁷⁾. Такое положеніе Волины между нѣсколькими рѣчными областями, преимущественно же между областями Днѣпра и западнаго Буга, было причиною того, что въ послѣдствіи времени образовалось здѣсь отдѣльное княжество Волинское, которое съ одной стороны имѣло связь съ Галичемъ и занимало посредническое, такъ сказать, положеніе между Русью и Польшею, съ другой — тянуло къ Кіеву и имѣло на него притязанія⁸⁾.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ нынѣшней Волинской губерніи жило четыре славяно-русскихъ племена: часть полянъ, древляне, воляныне и часть дреговичей. Кромѣ того, въ XIII вѣкѣ становится извѣстною на короткое время какая-то загадочная Болоховская земля, лежавшая на сѣверѣ нынѣшней Подольской и югѣ Волинской губерній⁹⁾.

Ольгина, куналяя, близ местечка Искорости. Овручского уезда.

Всѣ эти племена, принадлежа къ одному главному славяно-русскому племени, сначала жили каждое своею особою жизнію и не сознавали потребности объединенія своихъ силъ въ одномъ прочномъ и могущественномъ государствѣ. Стремленіе къ объединенію этихъ племенъ въ одно цѣлое явилось у наиболѣе развитаго племени полянъ или Кіевской Руси и на первыхъ порахъ навязано было другимъ сосѣднимъ славяно-русскимъ племенамъ насильно, путемъ завоеванія, пока наконецъ не скрѣплены они были внутренне православною вѣрою и христіанскимъ просвѣщеніемъ.

Примѣръ того упорства, съ какимъ отстаивалась особность отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, можно видѣть на землѣ Древлянской, получившей свое названіе отъ лѣсистой мѣстности. Еще задолго до основанія Русскаго государства древляне обособились отъ другихъ славянскихъ вѣтвей и образовали Деревскую землю съ городами Коростеномъ и Овручемъ. Сохранилось изъ глубокой древности преданіе о томъ, что вскорѣ по смерти Кія и его братьевъ поляне «быша обидимы древлями». Въ первый разъ древляне покорены были полянами и присоединены къ кіевскому княженію въ 884 году, но все-таки сохраняли нѣкоторую долю самостоятельности, имѣли своего князя и пытались свергнуть съ себя власть полянъ. Обыкновенно кіевскіе князья отправлялись зимой, въ сопровожденіи своихъ дружинъ, въ подвластныя земли для сбора дани и производства суда и расправы между жителями. Пребываніе ихъ здѣсь называлось тогда полюдьемъ. Во время одного изъ такихъ полюдій, въ 945 году, погибъ въ Древлянской землѣ кіевскій князь Игорь Олеговичъ. Этотъ смѣлый, предприимчивый князь, пребывая въ землѣ древлянъ, отправилъ въ Кіевъ большую часть дружины съ собранной данью, а самъ остался съ небольшимъ числомъ людей и продолжалъ производить поборы, не обращая вниманія на враждебное расположеніе туземцевъ. Тогда жители города Коростена собрались подъ начальствомъ своего князя Мала, напали на Игоря и звѣрски убили его. Они привязали Игоря къ верхушкамъ двухъ нагнутыхъ другъ къ другу деревьевъ, а потомъ пустили ихъ,—и онъ былъ разорванъ. Возмущеніе древлянъ было усмирено полянами, которые при этомъ жестоко отомстили древлянамъ за смерть Игоря¹⁰⁾. Лѣтописецъ украшаетъ эту мечь баснословными сказаніями, въ которыхъ нельзя не видѣть отраженія чисто народныхъ наземъшекъ одного славяно-русскаго племени надъ другимъ, подобныхъ на

смѣшливымъ разсказамъ нынѣшнихъ малороссовъ о литвинахъ и полѣшукѣхъ¹¹⁾. Въ этихъ сказаніяхъ достовѣрно только то, что сынъ и преемникъ Игоря на кіевскомъ столѣ Святославъ вмѣстѣ съ матерью своей Ольгою усмирилъ древлянъ, взялъ и сожегъ ихъ городъ Коростенъ, — главное гнѣздо возмущенія. Часть его населенія, по обычаю того времени, была обращена въ рабство и раздѣлена между княземъ и его дружиною. Жители Коростена были обложены еще болѣе тяжкими поборами, чѣмъ прежде. Послѣ усмиренія древлянъ, отправлена была тризна по Игорѣ на самой его могилѣ. На могилу Игоря прибыла вся дружина Святослава и его матери. Мѣстные жители должны были наварить потребное количество крѣпкаго меду. Многіе плѣнные древляне принесены были въ жертву богамъ и погребены вокругъ Игоревой могилы, а надъ всю насыпанъ обширный курганъ. Затѣмъ совершились поминальное торжество и воинственные игры въ честь покойнаго, согласно съ обычаями и обрядами языческой Руси¹²⁾. Памятниками пребыванія Святослава и Ольги въ Древянской землѣ и доселѣ считаютъ такъ называемыя Игореву могилу въ пяти верстахъ отъ м. Искорости (древняго Коростена), Овручскаго уѣзда, и Ольгину купальню въ углубленіи на камнѣ среди рѣки Уши, въ томъ же мѣстечкѣ. Кромѣ того, въ Овручскомъ же уѣздѣ, на границѣ Словечанскаго имѣнія съ Прибытковскимъ ключемъ, находится колодезь, издревле называемый Южинымъ. По мѣстнымъ преданіямъ, онъ выкопанъ по повелѣнію княгини Ольги во время похода ея на древлянъ. Наконецъ, тамъ же, въ предѣлахъ Овручскаго уѣзда, находится гротъ княгини Ольги, — скала, на которой указываютъ слѣды копытъ лошадей Ольги и сына ея Святослава¹³⁾.

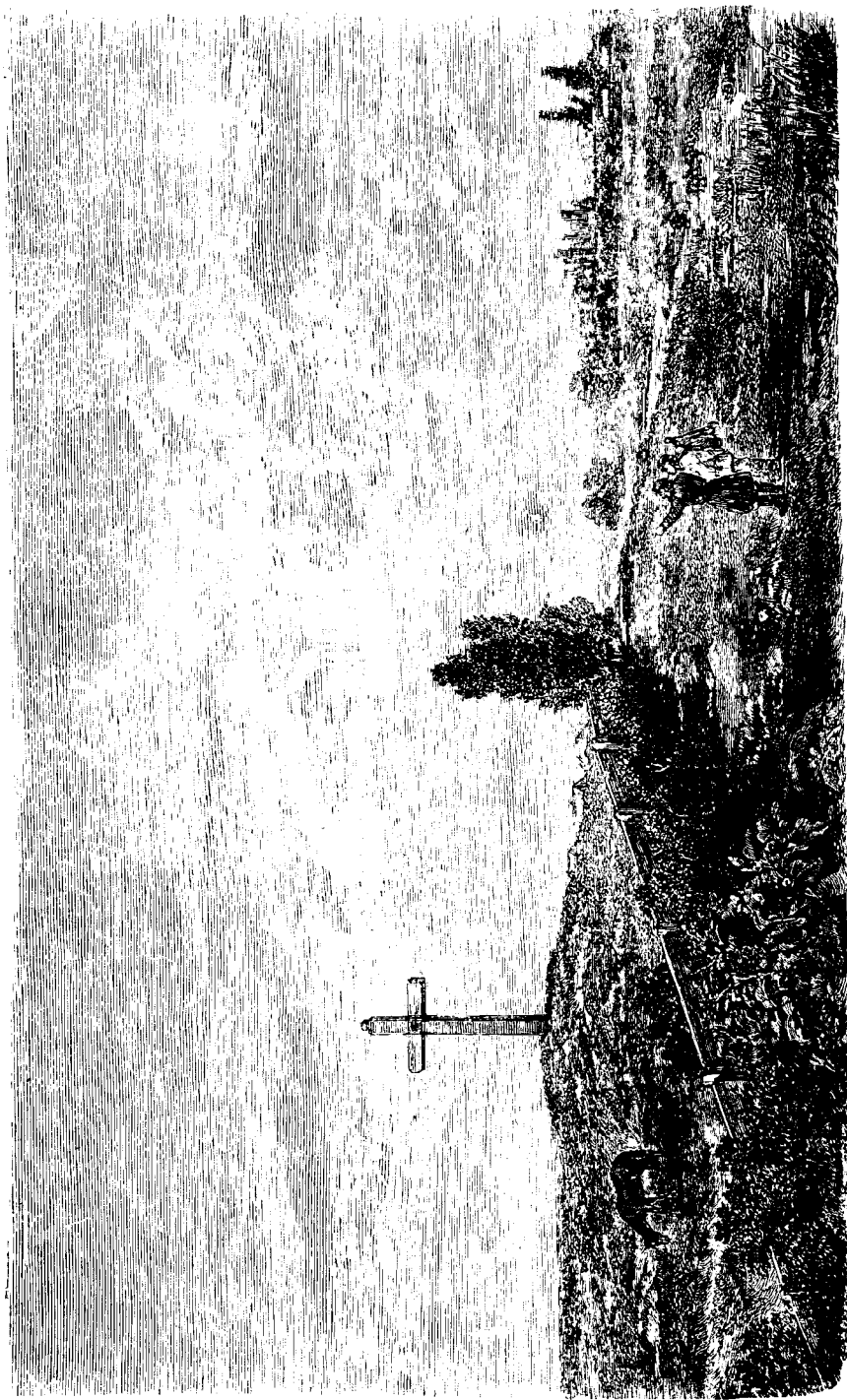
Другое сосѣднее и родственное съ древлянами племя дреговичей тоже очень рано подчинилось Кіевской Руси. Время подчиненія дреговичей русскимъ князьямъ съ точностью неизвѣстно; но, по всей вѣроятности, и они при первыхъ же кіевскихъ князьяхъ вошли въ составъ Русскаго государства. По крайней мѣрѣ, извѣстіе о войнахъ Аскольда съ полочанами даетъ основаніе предполагать непосредственное сосѣдство тогдашнихъ кіевскихъ владѣній съ Полоцкою землею, а слѣдовательно и зависимость дреговичей отъ кіевского князя. Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный, которому они извѣстны подъ именемъ другувитовъ, называетъ ихъ въ числѣ славянскихъ племенъ, платившихъ дань Руси. Важнѣйшими городами у дреговичей были Туровъ

и Пинскъ нынѣшней Минской губерніи; но крайнія поселенія дреговичей нѣкоторые находятъ въ уѣздахъ нынѣшней Волынской губерніи — Владимірскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ, Ровенскомъ и даже Острожскомъ¹⁴).

Нѣсколько поздыѣ покорено было кіевскими полянами сильное племя волянннцъ, коренныхъ обитателей Волини. Предполагають, что въ VII вѣкѣ это племя носило родовое имя дулѣбовъ, потомъ стало называться бужанами и, наконецъ, въ половинѣ IX вѣка — воляннанами. Въ X вѣкѣ рядомъ съ Волинью становится извѣстною Червенская земля, вѣроятно получившая названіе отъ города Червена, находившагося въ нынѣшней Люблинской губерніи. Постепенно подвигаясь къ сѣверу, въ землю Дреговичей, и вытѣсня ихъ далѣе¹⁵), дулѣбы или воляннине, въ свою очередь, подчиняются, въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка, Кіевской Руси. По сказанію лѣтописи, въ 907 году кіевскій князь Олегъ, шедши на грековъ, «поя множество варягъ и словѣнъ, и древлншы, и хорваты, и дулѣбы, и тиверцы». А въ 981 году великій князь кіевскій Владиміръ святой отнялъ у поляковъ, а можетъ быть и въ первый разъ покорилъ червенскіе города, составлявшіе самую отдаленную отъ Кіева сѣверо-западную часть древней Волини; но, вмѣсто Червена, сдѣлалъ главнымъ городомъ Волини Владиміръ Волинскій. Вѣроятно, для защиты этихъ завоеваній своихъ отъ вышнихъ враговъ, св. Владиміръ въ 983 году «иде... на ятвяги и побѣди ятвяги и взя землю ихъ»¹⁶).

Такимъ образомъ, къ концу X вѣка, вся нынѣшняя Волинь объединена была въ одно цѣлое, вошла въ составъ сильнаго княжества Кіевского и, подъ руководствомъ и защитою кіевскихъ князей, получила возможность широкаго внутренняго развитія и гражданственности. Есть основаніе полагать, что именно со времени объединенія Волини и подчиненія ея кіевскимъ князьямъ въ этой странѣ быстро начинаютъ размножаться города, — эти средоточія государственной силы, просвѣщенія, промышленности и торговли.

Древнѣйшіе города Волини относятся еще къ тому времени, когда она раздѣлена была между отдѣльными, разрозненными племенами. Такъ, напр., въ землѣ Древлннской были города Коростень, Норинскъ и Городище¹⁷); въ землѣ Волянннцъ — городъ Волинь, въ 20-ти верстахъ отъ нынѣшняго Владиміро-Волинска¹⁸), и — предположительно — города Луцкъ и Владиміръ, называвшіеся

Мѣсто гдѣ по преданію погребенъ Олегъ Святославичъ. (Вблизи города Овруча).

до св. Владиміра Людомиріей ¹⁹). Но бѣльшая часть древнихъ волынскихъ городовъ становится извѣстною лишь съ конца X вѣка, т. е. со времени государственнаго объединенія Волыни. Такъ напр., въ концѣ этого вѣка становятся извѣстными: Овручъ 977 г. и Полонное, нынѣ мѣстечко Новградволынскаго уѣзда. Въ XI вѣкѣ упоминаются города: Дорогобужь, нынѣ Острожскаго уѣзда, Всеволожь гдѣ-то во Владимірскомъ уѣздѣ, Дубенъ (Дубна), Перемиль (нынѣ с. Перемелье Дубенскаго у.), Турійскъ Ковельскаго у., Шеполь, Владимірець и Черторыескъ Луцкаго уѣзда, и Острогъ. Отъ XII вѣка извѣстны: Котельница (нынѣ м. Котельня), Ушскъ или Ушескъ (Ушомирь), Корецкъ (м. Корець), Гольско (м. Гульскъ) и Каменецъ (м. Каменка) Новградволынскаго уѣзда; Микулинъ (д. Микулино) Заславскаго у.; Пересопница (с. Пересопница), Зарѣчскъ (м. Зарѣчскъ) и Дубровица (м. Дубровица) Ровенскаго уѣзда; Торчевъ (м. Торчинъ), Семычъ (д. Семаки) и Полоная (с. Полонное) Луцкаго уѣзда; Каменецъ (м. Камснь-Коширскій) Ковельскаго уѣзда; Сапогынь (можетъ быть, нынѣшній Сапожинъ), Мыльскъ (с. Новомыльскъ), Гнойни (с. Гнойница) и Тихомель (с. Тихомль) Острожскаго уѣзда; Чемеринъ (д. Чемеринъ), Копыль (с. Копылы), Муравица (м. Муравица) и Олыка (м. Олыка) Дубенскаго у.; Торчевскъ или Торческъ (можетъ быть, м. Старый Таражъ), Шумскъ (м. Шумскъ), Выгошевъ (можетъ быть, м. Вышгородка) Кременецкаго у., и Устилугъ (м. Устилугъ) Владимірскаго уѣзда. Въ XIII вѣкѣ упоминаются города: Кременецъ, Жидичинъ (нынѣ Луцкаго уѣзда), Бѣлобережье (Дубенскаго уѣзда), Житомиръ, Колодяженъ (Новградволынскаго уѣзда село Колодяжное), Изяславль (Заславъ), Даниловъ (д. Данилово, Кременецкаго уѣзда); Чернятинъ (с. Чернятинъ, Заславскаго у.); болоховскіе города Дереве (с. Деревичи Новградволынскаго у.) и Губинъ (с. Губинъ того же уѣзда); Мельница и Лековия (м. Мельница и урочище Лековія, Ковельскаго у.); Возвягль или Звягель (нынѣ Новградволынскъ). Городокъ (можетъ быть, Райгородокъ Житомирскаго уѣзда), Стожекъ (с. Стожекъ, Кременецкаго у.), Любомль (м. Любомль, Владимірскаго у.), Степанъ (м. Степанъ, Ровенскаго у.) и др. ²⁰).

Главными средствами къ объединенію и сплоченію славяно-русскихъ племенъ Волыни въ одно государственное цѣлое и водворенію между ними гражданственности были съ одной стороны раздѣленіе Руси на

удѣлы и назначеніе особыхъ удѣльныхъ князей изъ Рюрикова дома, но подъ главенствомъ великаго князя, а съ другой стороны—принятіе и утвержденіе православной вѣры въ Россіи и учрежденіе церковной іерархіи. Эти два главные дѣятеля государственнаго объединенія и просвѣщенія древней Руси, послѣ принятія ею православной вѣры, стояли въ столь тѣсной связи между собою и зависимости одинъ отъ другаго, что съ размноженіемъ удѣльныхъ княжествъ увеличивалось и число епархій, и что съ прекращеніемъ или даже ослабленіемъ связи извѣстнаго удѣльнаго княжества съ великокняжескимъ престоломъ являлись попытки прекращенія или ослабленія іерархической зависимости этого княжества отъ главы русской церкви.

Первые князья кіевскіе, очевидно, старались имѣть въ покоренныхъ областяхъ своими намѣстниками собственныхъ сыновей и другихъ родственниковъ, чтобы крѣпче связать съ Кіевомъ подвластныя племена и вытѣснить мѣстные княжескіе роды. Святославъ Игоревичъ, отправившись въ 968 году для покоренія Дунайской Болгаріи, оставилъ вмѣсто себя въ Кіевѣ старшаго сына своего Ярополка. Другой сынъ его Олегъ княжилъ въ землѣ Древлянскій, а младшій Владиміръ—въ Великомъ Новгородѣ. Но кіевскій князь Ярополкъ, желая быть дѣйствительнымъ господиномъ всей Русской земли, отнялъ у Олега его Древлянскій удѣлъ, но въ свою очередь погибъ въ войнѣ съ младшимъ своимъ братомъ Владиміромъ святымъ ²¹).

Занявъ кіевскій престолъ, Владиміръ старается собрать и устроить свою землю и объединить ее одною общою вѣрою. Онъ ведетъ множество войнъ; но война для войны не имѣетъ для него смысла, какъ она имѣла для отца его Святослава,—и всѣ войны ведутся Владиміромъ всецѣло для пользы государства, для расширенія или охраненія его предѣловъ. Такъ напримѣръ, въ 981 году «иде Володимерь къ ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины грады» и присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Въ 983 году онъ ходилъ на ятвяговъ, побѣдилъ ихъ и взялъ землю ихъ, вѣроятно въ наказаніе за ихъ набѣги на сосѣднія западно-русскія области и для охраны послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Владиміръ, отличавшійся всегда набожностію, обнаруживаетъ особенное усердіе къ начинавшему упадать славянскому язычеству, возстановляетъ идолопоклонство и даже кровавыя человѣческія жертвы идоламъ и старается утвердить его и въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ своего государства.

Очевидно, онъ разсчитывалъ объединить и скрѣпить всѣ подвластныя ему славяно-русскія племена одною общемою вѣрою. Но, какъ государь мудрый, св. Владиміръ не могъ не увидѣть, наконецъ, всей несостоятельности отживавшаго язычества. Руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, онъ постигнулъ, — говоритъ митрополитъ кіевскій Иларіонъ, — что единъ есть Богъ, Творецъ видимаго и невидимаго ²²). А постигнувъ это, онъ сталъ искать истинной вѣры съ такою же ревностію, съ какою прежде поддерживалъ упадавшее язычество, обрѣлъ ее и не только самъ принялъ, но и сдѣлалъ ее господствующею въ своемъ государствѣ.

Православная христіанская вѣра извѣстна была въ Россіи еще до св. Владиміра, но не была здѣсь господствующею. Она ранѣе распространилась и утвердилась на югѣ Россіи, чѣмъ на сѣверѣ ея, благодаря близкому сосѣдству съ Византіей съ одной стороны и Великой Моравіей — съ другой.

По преданію, очень вѣроятному, еще св. апостоль Андрей проповѣдывалъ Христову вѣру между племенами, населявшими тогда теперешнюю Россію, и водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Андреевская церковь. Нѣсколько епархій рано образовалось на устьяхъ Дуная и въ теперешнемъ Крыму, откуда христіанство могло проникать и къ славянамъ. Число неповѣдниковъ православія само собою умножилось, когда славяне вошли въ ближайшія сношенія съ восточной Римскою имперіей или Византіей. Кіевскіе князья изъ дружины Рюрика, перваго основателя Русскаго государства, Аскольдъ и Диръ, подчинивъ себѣ окрестные народы, въ 865 году дѣлаютъ неудачный походъ на Константинополь; послѣ чего принимаютъ къ себѣ православнаго епископа. Тогда-то, кажется, крестился одинъ изъ этихъ князей Аскольдъ, если не оба ²³). Въ дружинѣ кіевского князя Игоря было такъ много христіанъ, что для нихъ въ Кіевѣ существовала церковь св. Іліи. Въ 957 году крестилась бабка Владиміра, святая великая равноапостольная княгиня Ольга ²⁴). При самомъ Владимірѣ, не смотря на возстановленіе имъ язычества, жили въ Кіевѣ христіане, и двое изъ нихъ, варяги Теодоръ и Іоаннъ, отецъ съ сыномъ, приняли мученическую кончину отъ разъяренной языческой толпы, требовавшей Іоанна на жертву идоловъ ²⁵).

Съ другой стороны православная вѣра проникала въ Русскую землю

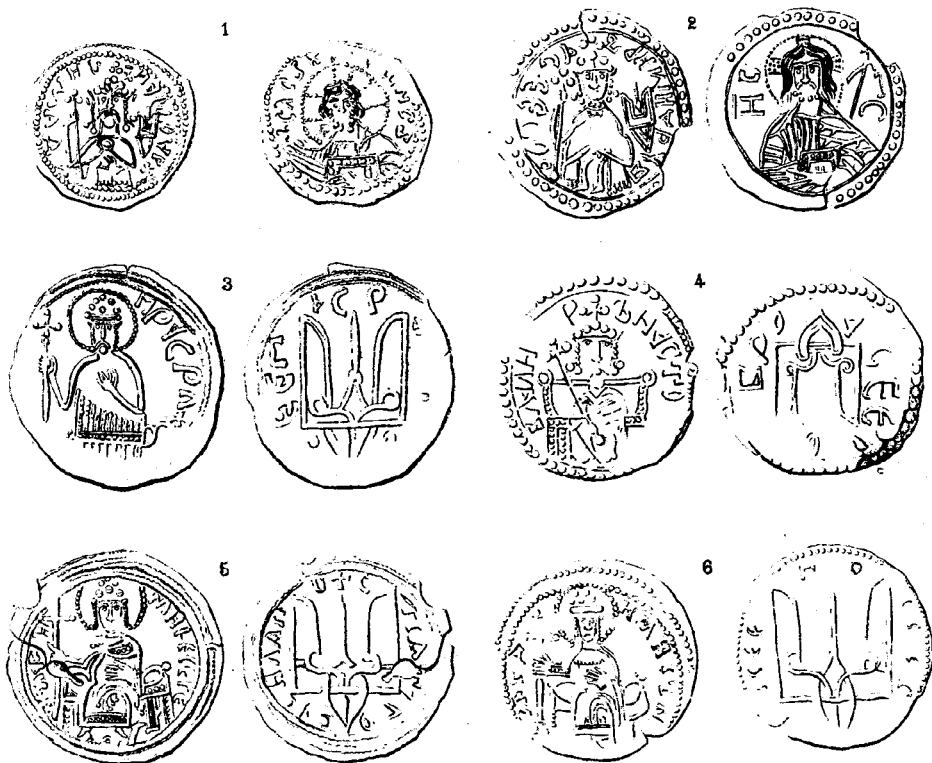
съ запада, изъ Великой Моравіи. Эта страна была послѣднимъ и главнымъ поприщемъ просвѣтительной дѣятельности апостоловъ славянства святыхъ братьевъ Кирилла и Меодія, и составляла епархію св. Меодія. Восточныя границы этой епархіи шли по рѣкамъ западному Бугу и Стыри, такъ что могли обнимать собой западную часть нынѣшней Волыни. Есть преданіе, что святые Кириллъ и Меодій послали проповѣдниковъ въ Сплезію, Польшу и сосѣдственную Русь. Когда же, въ концѣ IX вѣка, царство Моравское совершенно разрушилось, множество славянъ, исповѣдывавшихъ Христову вѣру, оставивъ Моравію, разсѣялось по сосѣднимъ землямъ, въ числѣ которыхъ нужно полагать и нынѣшнюю Волынь ²⁶). Главная же, безсмертная заслуга святыхъ братьевъ для всего славянскаго міра и для насъ, русскихъ, состоитъ въ томъ, что они составили славянскую азбуку, выработали письменный славянскій языкъ и перевели на него богослужебныя книги православной церкви. Вслѣдствіе этого, предки наши могли слушать проповѣдь христіанства на своемъ родномъ языкѣ и охотнѣе усвоить ее. Созданный святыми братьями языкъ письменный послужилъ орудіемъ для развитія собственной письменности у разныхъ славянскихъ племенъ, тогда какъ вся письменность западной Европы была въ то время латинскою. Да и самыя произведенія славянской письменности, какъ народныя, должны были имѣть сравнительно широкій кругъ распространенія ²⁷).

Ясно, что христіанская вѣра съ разныхъ сторонъ окружала Русскую землю, проникала въ нее и привлекала народными чертами своими новыхъ поклонниковъ. Св. Владиміръ шелъ только на встрѣчу окружавшему его со всѣхъ сторонъ христіанству и понималъ требованія времени. Онъ понималъ «настоящую Россіи необходимость стать страшною христіанскою для того, чтобы сдѣлаться странною вполне благоустроенною, и это убѣжденіе его, соединяясь съ прямымъ и непосредственнымъ желаніемъ дать народу истинную вѣру, и произвело то, что онъ не только самъ принялъ христіанство, но рѣшился сдѣлать это послѣднее вѣрою и всего своего государства» ²⁸). Заслуга его для Россіи становится еще выше, если мы представимъ себѣ тѣ трудности, съ какими соединена перемѣна одной вѣры извѣстнаго народа на другую новую. Наложить руку на язычество значило наложить руку на весь старый бытъ. Въ міросозерцаніе, въ правовыя отношенія, въ семейный строй,

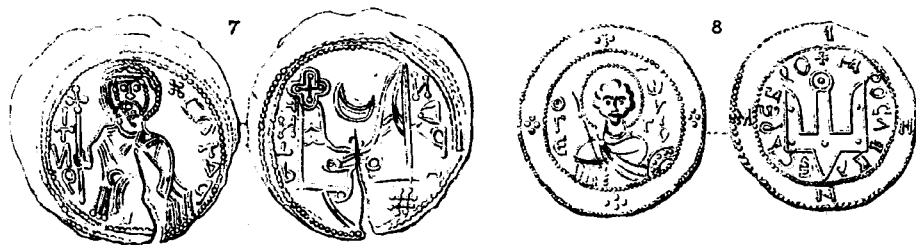
словомъ въ цѣлый бытъ Руси онъ долженъ былъ внести совершенно новыя начала, новую живительную, связующую и объединяющую силу, и преобразовать его совершенно²⁹⁾, — и св. Владиміръ не отступилъ передъ величіемъ и трудностію этой задачи и успѣшно выполнилъ ее!

Чтобы имѣть средства и орудія къ христіанскому просвѣщенію себя и своего государства, не унижаясь при этомъ передъ гордою Византіей и не поступааясь ей своею самостоятельностью, — для этого св. Владиміръ, тогда еще некрещенный, задумалъ войною приобрѣсть отъ грековъ эти средства³⁰⁾ и въ 988 году предпринялъ походъ на византійскій городъ Корсунъ или Херсонъ, лежавшій близъ нынѣшняго Севастополя. «Господи Боже Владыко всѣхъ! — молился при этомъ св. Владиміръ, — сего у тебя прошу: предай мнѣ городъ, чтобы я взялъ и привелъ людей христіанскихъ и поновъ въ свою землю, да научать они народъ закону христіанскому»³¹⁾. Господь услышалъ его молитву. Городъ Корсунъ былъ взятъ; но онъ взятъ лишь для того, чтобы заставить грековъ удовлетворить задушевнымъ желаніямъ Владиміра. Однимъ изъ условій мира онъ поставилъ бракъ съ сестрою византійскихъ императоровъ Василя и Константина царевной Анной. По прибытіи ея въ Корсунъ съ гражданскими сановниками и духовенствомъ, св. Владиміръ крестился здѣсь, принявъ христіанское имя Василя, а съ нимъ крестились его бояре и вся языческая часть его дружины. За крещеніемъ послѣдовало брачное торжество. Послѣ того Владиміръ успѣлъ еще соорудить въ Корсунѣ церковь, возвратилъ этотъ городъ грекамъ и, покидая его, взялъ съ собою нѣсколькихъ священниковъ съ частью мощей св. Влиента, папы римскаго, мученически скончавшагося во II вѣкѣ, и ученика его Фива. Онъ увезъ также съ собою много сосудовъ и иконъ для будущихъ храмовъ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ Руси. Преданіе гласитъ, что нѣкоторыя изъ этихъ иконъ были впоследствии посланы къ бужанамъ въ Холмщиву.

По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ крестилъ все свое семейство и началъ ревностно вводить новую вѣру въ Русской землѣ. Прежде всего, онъ въ самомъ Кіевѣ велѣлъ уничтожать идоловъ и готовить народъ къ св. крещенію. Когда это было исполнено, великій князь приказалъ кіевлянамъ всѣхъ званій, состояній и возрастовъ, чтобы они шли на рѣку Днѣпръ креститься. Здѣсь совершенно было надъ ними св. крещеніе. Затѣмъ въ Кіевѣ началась дѣятельная постройка храмовъ. Тамъ,

МОНЕТЫ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.

МОНЕТЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА I (ЮРИКА) ВЛАДИМИРОВИЧА.

(Изъ соч. гр. И. И. Толстаго „Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества Кіевскаго.“)

721596

гдѣ стоялъ главный языческій идолъ Перунъ, великій князь поставилъ церковь св. Василя (гдѣ нынѣ Трехсвятительская церковь). На томъ мѣстѣ, гдѣ скончались при Владимірѣ же христіанскіе мученики Θεодоръ и Іоаннъ, сооруженъ былъ греческими мастерами каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы. На содержаніе сего храма и его причта Владиміръ назначилъ десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ доходовъ, вслѣдствіе чего этотъ храмъ и сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ Десятиннаго³²). Между прочимъ, къ нему приписанъ былъ городъ Полонный, нынѣ мѣстечко Новградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи³³). Съ духовенствомъ св. Владиміръ часто совѣтовался о томъ, какъ установить церковный законъ среди новообращенныхъ³⁴) и какъ прекратить между ними душегубство и разбой³⁵). На духовенство же возложена была забота и о народномъ образованіи. При св. Владимірѣ устроены были при церквахъ училища, гдѣ воспитывались дѣти подъ руководствомъ мѣстныхъ священно-церковнослужителей, — и такимъ образомъ, по словамъ «Степенной книги», «бысть множество училищъ книжныхъ»³⁶). Преподаваніе въ этихъ училищахъ, по всей вѣроятности, ограничивалось чтеніемъ и письмомъ, которыя открывали любознательнымъ доступъ къ богатой переводной христіанской письменности и создавали новое поколѣніе людей въ Россіи съ высокимъ христіанскимъ настроеніемъ.

Послѣ Кіева наступила очередь и другимъ городамъ и областямъ Россіи принять православную вѣру. По словамъ лѣтописей, св. Владиміръ, крестивъ всю Русскую землю отъ конца и до конца, началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ, и людей къ крещенію приводить по всѣмъ городамъ и селамъ³⁷). Въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ Россіи дѣло крещенія не обходилось иногда безъ противодѣйствія и мятежа со стороны язычества; но на югѣ борьба съ нимъ не представляла большой трудности, такъ какъ здѣсь давно уже подготовлена была почва для принятія христіанской вѣры³⁸).

Между важнѣйшими средствами къ распространенію и водворенію православной вѣры въ различныхъ городахъ и областяхъ Россіи были въ рукахъ Владиміра раздѣленіе Русской земли на удѣлы и раздача ихъ своимъ сыновьямъ въ управленіе, подъ верховною властью самого Владиміра. Лѣтопись насчитываетъ до 12-ти сыновей св. Владиміра, изъ коихъ болѣе извѣстны: Изяславъ, Ярославъ, Мстиславъ, Всево-

лодь, Вышеславъ, Святополкъ, Борисъ, Глѣбъ и Святославъ. Между ними онъ раздѣлилъ Русскую землю одновременно съ утверженіемъ христіанства и, по всей вѣроятности, не безъ связи съ этимъ событіемъ. Между прочимъ, Святополку онъ отдалъ Туровъ, Святославу — Древянскую землю, Всеволоду — Владиміръ-Волинскій и проч.³⁹⁾. Находясь подъ верховною властью своего отца, они должны были имѣть непосредственный надзоръ за отдѣльными славяно-русскими племенами и областями, производить здѣсь судъ и расправу на общихъ для всѣхъ областей основаніяхъ и правилахъ, сглаживать такимъ образомъ отличительныя особенности и разности между отдѣльными племенами, приводить ихъ къ сознанію народнаго единства и внутренней, духовной связи между собою и быть живыми звеньями и посредниками во внутреннемъ объединеніи и общеніи всѣхъ славяно-русскихъ областей не только между собою, но и со столичнымъ городомъ Русскаго государства. А такъ какъ главною связующею силою Русскаго государства, по мысли св. Владиміра, должна быть православная вѣра, то сыновья его прежде и болѣе всего и должны были позаботиться о распространеніи и утвержденіи этой вѣры въ своихъ удѣлахъ. Раздавая сыновьямъ удѣлы, св. Владиміръ «посла съ ними священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да каждо во области своей повелѣваетъ учить и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть». Слѣдовательно, на первыхъ же порахъ крещенія Руси просвѣщены были св. вѣрою и земли Древянская и Владиміро-Волинская, доставшіяся сыновьямъ Владиміра Святославу и Всеволоду и входяція въ составъ нынѣшней Волыни.

Раздѣливъ Русскую землю въ наслѣдіе сыновьямъ своимъ, св. Владиміръ намѣренъ былъ устроить въ градахъ «епископы во исполненіе благочестія», и потому, посылая сыновей въ удѣлы ихъ, заповѣдалъ имъ, между прочимъ, совѣтоваться съ епископами. Но собственно на Волыни при св. Владимірѣ учреждена была одна только епископская кафедра во Владиміръ-Волинскомъ, подчиненная кіевскому митрополиту, хотя были здѣсь части и другихъ сосѣднихъ епархій.

Первымъ епископомъ владиміро-волинскимъ нѣкоторые считаютъ Оому грека, будто бы назначеннаго сюда еще въ 988 году. Но если Оома и былъ здѣсь, то, вѣроятно, не въ качествѣ епархіальнаго архіерея, а для того, чтобы содѣйствовать распространенію и утвержденію христіанства въ этой странѣ. Епархій же впервые учреждены были въ Россіи при кіев-

ЖЕЛАННІ СРДЦА АМЖГО ГНІ ПІРЬ БІННІ ПРНГ
НН ВЬСА НПОАМЛОУМНЬ

ГЛАЗЕЪ ОБЪГЪ ДАДЪ РИМОНЪ ПАРСАДЪ КРАЛЪМНІ СТО СЛА
БЪ

**СЕМЕЙСТВО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
СВЯТОСЛАВА РОСЛАВИЧА.**

Уменьшенная копия с рисунка, приложенного кь „Изборнику Святослава“ 1073 г.

скомъ митрополитѣ Леонтиѣ въ 992 году. Одна изъ нихъ назначена была во Владимірѣ-Волынскомъ, и тогда же былъ сдѣланъ первымъ епископомъ владиміро-волыцкимъ Стефанъ 1-й ⁴⁰). Въ этомъ же году св. Владиміръ ходилъ войною на возмутившихся хорватовъ, жившихъ въ верховьяхъ рѣки Днѣстра, и посѣтилъ городъ Владимірѣ-Волынской. Къ этому времени мѣстное преданіе относитъ построение св. Владиміромъ во Владимірѣ-Волынскомъ каменной церкви, которая, по христіанскому его имени, названа и доселѣ называется Васильевскою. Преданіе говоритъ, что эта церковь построена войскомъ св. Владиміра послѣ похода его въ Польшу (противъ хорватовъ), въ благодарность Богу за одержанную побѣду. Святому же Владиміру приписываютъ построение во Владимірѣ-Волынскомъ кафедральнаго Успенскаго собора, а также того храма, развалины котораго и доселѣ находятся въ одной верстѣ отъ города, на урочищѣ «Старая катедра» ⁴¹), и открыты особо назначенной комиссіей въ 1886 году ⁴²), и основаніе Печерскаго на Волыни или Святогорскаго монастыря. Послѣдній находился въ нынѣшнемъ селѣ Зимномъ, въ 5-ти верстахъ отъ г. Владиміра. Въ этомъ селѣ и доселѣ сохранились двѣ помонастырскія каменные церкви съ остатками древней постройки и чудотворная икона Богоматери, которую, какъ гласитъ преданіе, благословилъ константинопольскій патріархъ царевну Анну на бракъ со св. Владиміромъ. Къ сожалѣнію, эта икона поновлена позднѣйшими неискусными иконописцами. Подъ главною церковію Зимнею, на глубинѣ 10-ти аршинъ, выкопаны пещеры, наподобіе кievскихъ ⁴³).

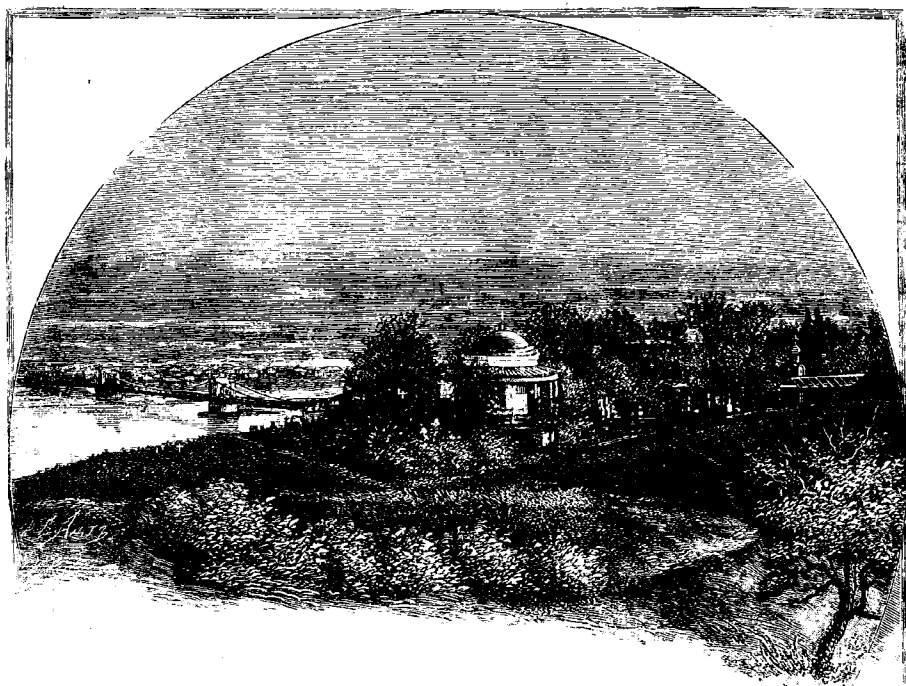
Безъ сомнѣнія, св. Владиміромъ, или, по крайней мѣрѣ, въ его княженіе, построены были храмы и появились св. иконы и въ другихъ мѣстахъ Волыни, кромѣ г. Владиміра-Волынскаго. Въ г. Овручѣ сохранились развалины древняго Васильевскаго храма, основаніе котораго приписывается св. Владиміру ⁴⁴), хотя, быть можетъ, этотъ храмъ построенъ или возобновленъ овручскимъ княземъ XII вѣка Рюрикомъ Ростиславичемъ, также носившимъ христіанское имя Василя ⁴⁵). По мѣстнымъ преданіямъ, въ этомъ храмѣ находилось нѣсколько св. иконъ, присланныхъ еще св. Владиміромъ. Изъ нихъ икона Срѣтенія въ первой половинѣ XIII вѣка взята была Даниломъ Романовичемъ въ г. Холмѣ, для вновь сооруженнаго имъ храма во имя св. Іоанна Златоустаго ⁴⁶), а икона св. Василя Великаго, съ признаками поновленія въ началѣ XVII вѣка, перенесена въ новѣйшее время въ новый православный

Житомирскій кафедральный соборъ. Въ Овручѣ же остаются въ настоящее время двѣ древнія иконы—св. Николая чудотворца, обновленная въ 1873 году, и Богоматери ⁴⁷⁾.

Въ предѣлахъ же древней Волини, хотя и внѣ теперешней Волинской губерніи, извѣстны двѣ древнѣйшія чудотворныя иконы Богоматери, съ которыми преданіе соединяетъ имя св. Владиміра. Это—иконы Холмская ⁴⁸⁾, и Белзская (нынѣ Ченстоховская) ⁴⁹⁾.

Какъ ни обильна и многостороння была дѣятельность св. Владиміра по распространенію и утвержденію православной вѣры въ Россіи однако же онъ не могъ видѣть полныхъ плодовъ ея, которые взошли и созрѣли уже послѣ блаженной его кончины († 1015 г.). Св. Владиміръ былъ только сѣятелемъ православія и христіанскаго просвѣщенія на нивѣ Русской земли, а въ трудъ его вошли всѣ ближайшія и отдаленныя поколѣнія. Особенно ярко отобразился свѣтлый ликъ св. Владиміра на ближайшихъ къ нему поколѣніяхъ князей, бояръ, духовенства и простаго народа, образовавшихъ какъ бы новую породу людей, съ возвышенными стремленіями. Эти люди горячо преданы были православной вѣрѣ, которая, будучи воспринимаема на родномъ славянскомъ языкѣ, сдѣлалась какъ бы кореннымъ свойствомъ русскаго народа, содѣйствовала народному самосознанію его и въ послѣдствіи времени спасла его отъ поглощенія сосѣдними хищными иноплеменниками. Восторгаясь этой новой породой людей, кievскій митрополитъ Иларіонъ съ такими словами обращался къ усопшему просвѣтителю Руси, въ присутствіи его сына Ярослава-Георгія: «Встань, посмотри на сына своего Георгія... и на благовѣрную сноху свою Ирину; посмотри и на внуковъ и на правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ содержатъ благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени! Посмотри и на городъ (Кіевъ), сіяющей величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій еміамомъ и божественными пѣснопѣніями!» А эти слова съ такимъ-же правомъ можно отнести не только къ семейству Ярослава Мудраго и къ городу Кіеву, но и къ другимъ князьямъ и областямъ русскимъ во весь древній періодъ русской исторіи. О высотѣ духовно-нравственной жизни въ древней Руси можетъ свидѣтельствовать уже то одно, что на небольшомъ пространствѣ

нынѣшней Волынской губерніи и въ теченіи 300 лѣтъ со времени кончины св. Владиміра является цѣлый рядъ блаженныхъ мужей, преподобныхъ и святыхъ угодниковъ Божіихъ изъ князей, святителей и иноковъ. Таковы напримѣръ, св. Ярополкъ Изяславичъ, князь владиміро-волынскій († 1086 г.); преподобный Стефанъ II, епископъ волынскій († 1094); св. Амфилохій печерскій, епископъ владиміро-волынскій († 1122); преп. Никола Святоша, въ мирѣ Святославъ Давидовичъ, князь луцкій († 1142); св. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій,

Аскольдова могила въ Кіевѣ (Церковь св. Николая).

бывшій короткое время княземъ пересопницкимъ на Волыни († 1174 г.); св. Петръ, игумень ратненскій, впоследствии митрополитъ кіево-московскій († 1326 г.), и др. ⁵⁰).

Такое обиліе св. мужей, прославленныхъ церковію, само по себѣ уже свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ христіанской жизни и благочестія въ ближайшія ко св. Владиміру времена. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, многіе другіе князья, святители и иноки соревновали между собою въ устроеніи церковей монастырей, и святительскихъ кафедръ, въ

книжномъ обученіи, списываніи книгъ и обогащеніи отечественной христіанской письменности новыми переводами на церковно-славянскій языкъ и самостоятельными ея произведеніями.

Сохранилось нѣсколько извѣстій и преданій объ усердіи нѣкоторыхъ благочестивыхъ князей къ умноженію и благолѣпію церквей на Волыни. Св. Мстиславу Владиміровичу, сыну Владиміра Мономаха, приписываютъ построение, въ первой половинѣ XII вѣка, Пречистенскаго монастыря и храмовъ св. Дмитрія ⁵¹⁾ и Феодора въ Луцкѣ ⁵²⁾. Мстиславъ Изяславичъ, княжившій на Волыни около половины XII вѣка († 1170 г.), въ 1160 году построилъ во Владимірѣ-Волинскомъ новый великолѣпный соборъ во имя Успенія пресв. Богородицы, служившій мѣстомъ погребенія многихъ князей волинскихъ. Величественныя развалины этого храма существуютъ и до настоящаго времени ⁵³⁾. Въ XII вѣкѣ существовали православныя церкви въ г. Полонномъ, нынѣ мѣстечкѣ Новградволинскаго уѣзда ⁵⁴⁾. Даниилъ Романовичъ галицкій († 1264 г.), по словамъ лѣтописи, «созда города многи, и церкви постави, и украси ѣ (т.е. ихъ) различными красотами» ⁵⁵⁾. Въ 1227 году «ѣха Даниилъ въ Жидичинъ кланятися и молитися святому Николѣ»; слѣдовательно, въ это время существовалъ уже знаменитый впослѣдствіи православный Жидичинскій Николаевскій монастырь, находившійся въ семи верстахъ отъ нынѣшняго города Луцка. Въ 1231 году Даниилъ Романовичъ, свидѣвшись съ братомъ своимъ Василькомъ у Шумска, нынѣ мѣстечка Кременецкаго уѣзда, перешелъ рѣку Велью на Шумскъ и поклонился Богу и св. Симеону; слѣдовательно, въ Шумскѣ или близъ него былъ въ это время храмъ или монастырь св. Симеона ⁵⁶⁾. Есть преданіе, что при Даниилѣ Романовичѣ и въ его владѣніяхъ получила свое начало знаменитая впослѣдствіи обитель Почаевская. По этому преданію, она основана иноками, ушедшими изъ Кіева отъ татарскаго разгрома въ 1240 году и жившими здѣсь первоначально въ пещерахъ. Одинъ изъ этихъ иноковъ, взошедши на вершину горы Почаевской, увидѣлъ пресв. Богородицу «въ столпѣ огненномъ на скалѣ стоящую». Въ то же время явленіе это видѣлъ и житель селенія Почаева Іоаннъ Босый, пасшій стадо овецъ со отроками на отлогихъ покатосяхъ горы Почаевской. Пастухъ побѣжалъ въ монастырь извѣстить иноковъ о своемъ видѣніи; но здѣсь ему сказали, что они сами видѣли явленіе Божіей Матери, и что на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, она оставила

слѣдъ правой ноги, наполненный водою. Съ того времени этотъ слѣдъ, подъ названіемъ стоны, находится въ Почаевской обители доселѣ, а истекающая изъ нея вода усердно почерпается богомольцами и разносится ими во все концы обширной Россіи и за границу Австрійской имперіи ⁵⁷).

Можетъ быть, въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи находился и монастырь Полонинскій, упоминаемый подъ 1262 годомъ. Въ этомъ году сынъ литовскаго князя Миндовга Воишелкъ «иде въ Полонное къ Григоріеви въ монастырь и пострижеса въ черницы и бысть въ томъ монастырѣ у Григорія пять лѣтъ» ⁵⁸). Подъ 1268 годомъ упоминается монастырь св. Михаила во Владимірѣ-Волынскомъ, бывший мѣстомъ убіенія Воишелка ⁵⁹).

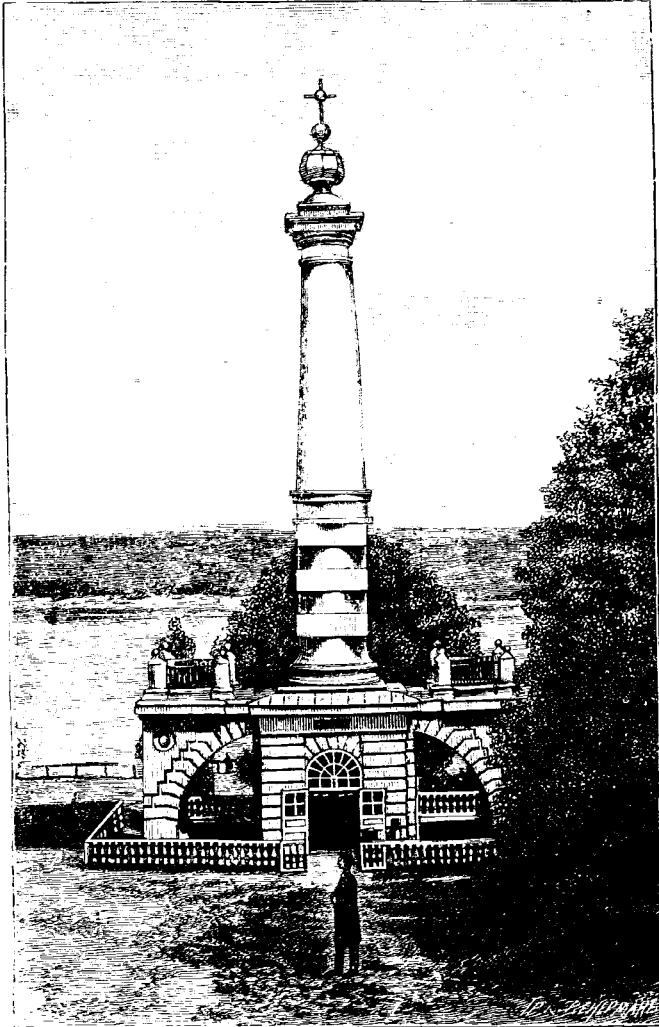
Большую ревность къ церкви Божіей и ея благолѣпію имѣлъ волынской князь Владиміръ Васильковичъ, племянникъ Данила Романовича. Онъ построилъ въ Каменцѣ-Литовскомъ церковь Благовѣщенія, въ Брестѣ церковь св. Петра, въ Любомлѣ (нынѣ Владиміроволынскаго уѣзда) церковь св. великомученика Георгія и во Владимірѣ-Волынскомъ или близъ него — монастырь св. апостоловъ. Онъ покрывалъ сооружаемые имъ храмы фресковымъ стѣннымъ росписаніемъ, снабжалъ мѣдными дверями, оксамитными завѣсами и покровами, золотыми и серебряными сосудами, иконами въ золотыхъ и серебряныхъ вѣнцахъ, въ монистахъ и ризахъ, съ дорогими каменьями и золотыми гривнами, евангеліями и другими богослужебными книгами въ дорогихъ окладахъ. Нѣкоторыя богослужебныя книги князь списывалъ самъ. Такъ, онъ самъ списалъ книгу апостолъ для Владимірскаго монастыря св. апостоловъ, куда, кромѣ того, отдалъ сборникъ великій отца своего ⁶⁰). Онъ росписалъ также церковь св. Дмитрія во Владимірѣ-Волынскомъ ⁶¹). Умирая, Владиміръ Васильковичъ отказалъ своей женѣ Ольгѣ Романовнѣ построенный имъ на собственное иждивеніе монастырь св. апостоловъ, съ пожалованнымъ монастырю селомъ Березовичи. Двоюродный братъ Владиміра Васильковича и сынъ Данила Романовича, Мстиславъ Даниловичъ, получивъ въ наслѣдіе Луцкій удѣлъ, построилъ близъ Луцка, въ любимомъ своемъ селѣ Гаѣ, красивую церковь и богатые княжескіе хоромы ⁶²).

Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ перечисленныхъ храмовъ и монастырей, въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи основаны были, при рус-

сихъ князьяхъ, и нѣкоторые другіе православные храмы и монастыри которые становятся извѣстными для насъ уже въ слѣдующій, литовскій періодъ исторіи Волыни. Таковы, напр., Василиевскій и кафедральный Іоанно-Богословскій въ Луцкѣ⁶³), Спасскій и Богородичный во Владимірѣ, монастырь Честнаго Креста близъ Владиміра, Іоакимо-Аннинскій и Успенскій въ г. Овручѣ, Рождество-Богородичный Пересопницкій, Михайловскій Степанскій, Пречистенскій Дорогобужскій, Троицкій подъ Чарторыйскомъ, Михайловскій Колодеженскій и др. По всей вѣроятности, они получили свое начало еще въ разгаръ раздѣленія Волыни на удѣлы, когда города, въ которыхъ или около которыхъ они находились, были на вершинѣ своего значенія и процвѣтанія, какъ столицы удѣловъ. Въ позднѣйшихъ записяхъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ храмовъ и монастырей иногда прямо замѣчается, напримѣръ, о монастырѣ Пересопницкомъ подъ 1505 годомъ, что имѣнія его «зъ вѣка» принадлежали сему монастырю⁶⁴). Да и вообще съ XI вѣка лѣтописи упоминають о многихъ городахъ волынскихъ, какъ о городахъ христіанскихъ, въ которыхъ находилось уже не мало храмовъ Божіихъ⁶⁵).

По мѣрѣ распространенія и укрѣпленія православной вѣры на Волыни, увеличивалось здѣсь и число православныхъ епархій, и такимъ образомъ мало по малу выполнялась задушевная мысль св. Владиміра объ учрежденіи епископскихъ кафедръ въ важнѣйшихъ городахъ древней Руси. При св. Владимірѣ, въ предѣлахъ Волыни, была одна только особая епархія Владиміро-Волынская, и, кромѣ того, въ нынѣшней Волынской губерніи находились части сосѣднихъ епархій Туровской съ городами Дубровицей и Степанемъ (нынѣ м. Домбровица и Степань, Ровенскаго уѣзда)⁶⁶), и Кіевской съ городами Овручемъ, Житомиромъ, Полоннымъ и др.⁶⁷). Но въ 1120 году учреждена была новая епархія въ Перемышлѣ, а около 1157 года — въ Галичѣ⁶⁸). Въ XIII вѣкѣ являются епархіи: Угровская, учрежденная Даниломъ Романовичемъ и вскорѣ перенесенная имъ въ Холмъ, и Луцкая, упоминаемая въ первый разъ, какъ уже существующая, въ 1288 году, основаніе которой предположительно приписываютъ младшему брату Данила Романовича, волынскому князю Васильку Романовичу⁶⁹). Въ послѣдствіи времени Перемышльская, Галицкая и Холмская епархіи отошли отъ Волыни и только Холмская епархія до 1795 года имѣла нѣсколько приходоу въ сѣверо-западномъ углу нынѣшней Волынской губерніи⁷⁰).

При епископскихъ кафедрахъ, монастыряхъ и церквахъ продолжали учреждаться школы и книгохранилища. Сынъ св. Владиміра, великій князь кіевскій Ярославъ I Мудрый, продолжалъ дѣло своего отца по устроению училищъ и поручилъ церковнослужителямъ обучать дѣтей грамотѣ; а

Памятникъ-часовня крещенія Русь.

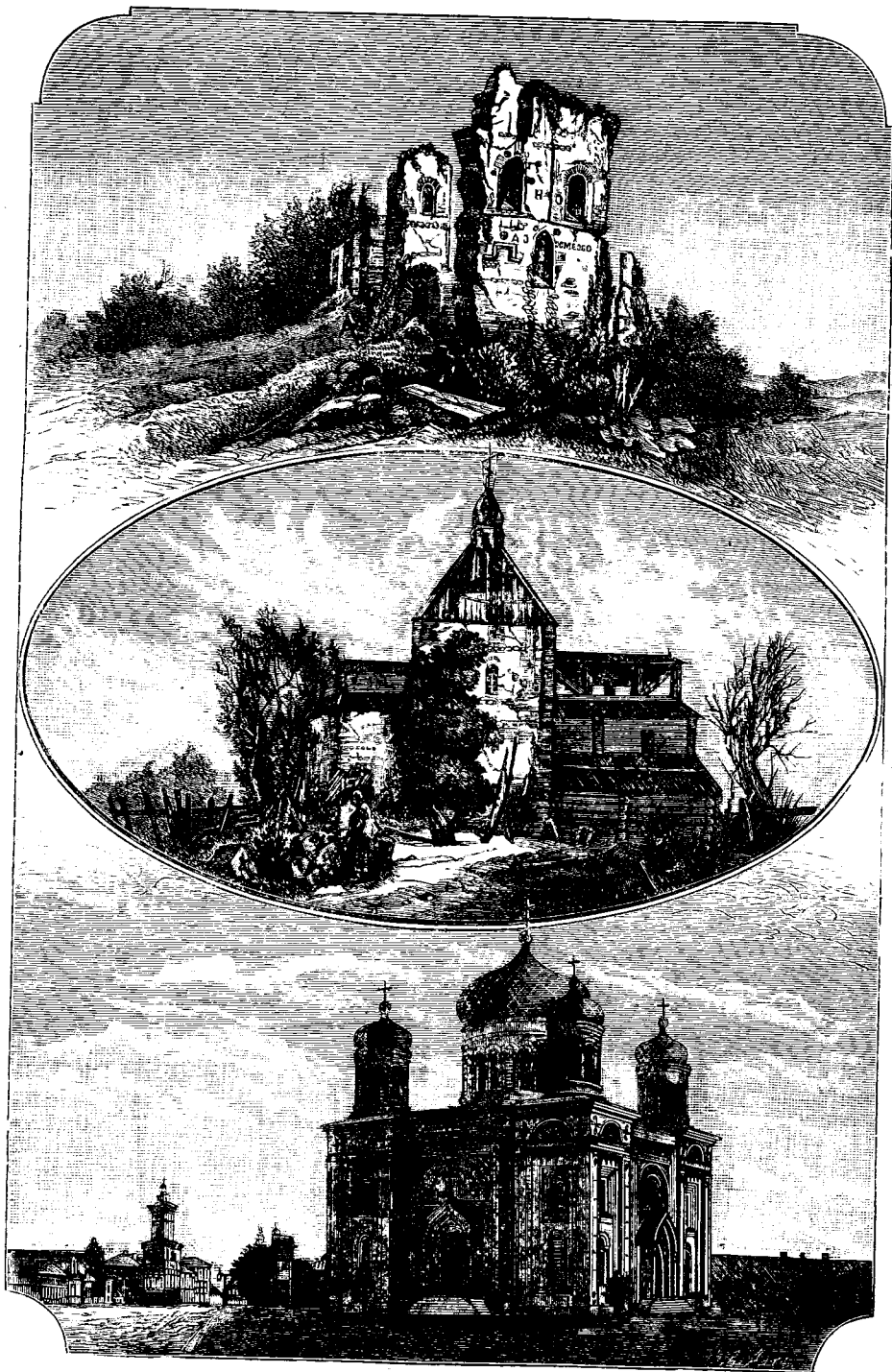
въ Новгородѣ онъ устроилъ училище, состоявшее изъ 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ. Ярославъ собиралъ также писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей, при чемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго или исправлять болгарскіе переводы. Есть

основаніе полагать, что онъ даже самъ переводилъ и давалъ списывать нѣкоторыя священныя книги и принесть ихъ въ даръ созданному имъ въ Кіевѣ храму св. Софіи. Одинъ изъ сыновей Ярослава, Святославъ, подобно своему отцу, былъ книголюбецъ и заставлялъ переписывать для себя славяно-болгарскія рукописи. До насъ дошелъ въ подлинникъ переписанный для него въ 1073 году сборникъ разныхъ статей преимущественно духовнаго содержания. Къ этому Святославову Изборнику приложенъ рисунокъ, который изображаетъ князя, его супругу и пять сыновей, въ тогдашнихъ княжескихъ одеждахъ. Одинъ изъ этихъ сыновей, Олегъ Святославичъ, былъ нѣкоторое время удѣльнымъ княземъ во Владимірѣ-Волинскомъ⁷¹). Если вѣрить Татищеву, на Волыни въ XI вѣкѣ была уже цѣлая сѣть училищъ, главное управленіе которыми находилось въ Кіевѣ. Подъ 1097 годомъ Татищевъ приводитъ извѣстіе лѣтописца Василя о томъ, что этотъ послѣдній ѣздилъ во Владиміръ на Волыни смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей. Галицко-волинскій князь Ярославъ Владиміровичъ Осмомысль († 1188 г.), «изученный многимъ языкамъ и наукамъ», ревнуя о благоустроеніи церковнаго клира, искорененіи въ народѣ суевѣрія и распространеніи правой вѣры, вмѣнялъ инокамъ въ обязанность обучать дѣтей наукамъ и удѣлять на это часть монастырскихъ доходовъ. Племянникъ Данила Романовича, волинскій князь Владиміръ Васильковичъ, считавшійся великимъ книжникомъ и философомъ своего времени, ревностно заботясь о распространеніи христіанскаго ученія между своими подданными, усердно старался приобрѣтать различныя священныя, богослужебныя книги, иногда самъ списывалъ ихъ собственноручно и передавалъ въ монастыри и церкви. Приходскимъ священникамъ поставлялось въ обязанность учить малыхъ дѣтей въ домѣ, а всѣхъ — въ храмѣ, что, безъ сомнѣнія, много способствовало распространенію духовнаго просвѣщенія въ народѣ⁷²).

Школа и книги открывали любознательнымъ доступъ къ переводной славяно-болгарской письменности. Но отдѣльныя, избранныя лица, особенно изъ духовенства и князей, довершали свое образованіе подъ руководствомъ грековъ, или же воспитывались въ западной Европѣ, и потому непосредственно могли знакомиться съ византійскимъ и западно-европейскимъ образованіемъ. Высшею школою просвѣщенія въ византійскомъ духѣ долгое время былъ Аѳонъ. Здѣсь, въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, до XII вѣка было много русскихъ книгъ. Съ

греческаго переводилось не то, что попадало подъ руку, а напротивъ то, что считалось важнымъ. Вотъ отчего древняя русская письменность была обогащена всёми, что въ то время въ Византіи считалось лучшимъ! Вотъ почему у нашихъ предковъ были переводы почти всёхъ лучшихъ произведеній, не только Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Богослова, но и многихъ другихъ отцовъ церкви и лѣтописей Іоанна Малалы, Георгія Амартола и другихъ историковъ. Съ самаго принятія христіанства, русская церковь уже употребляла славянской переводъ Номоканона (Кормчей книги), съ которымъ соединились и нѣкоторые памятники свѣтскаго греко-римскаго законодательства⁷³). Кіевскій митрополитъ Кириллъ, поставленный на митрополию по вліянію Данила Романовича галицкаго, досталъ изъ Болгаріи новый переводъ Номоканона съ толкованіями и ввелъ его во всёхъ епархіяхъ, а слѣдовательно и въ волынскихъ⁷⁴). Къ византійскому вліянію въ послѣдствіи времени присоединилось западное. Ему преимущественно подчинялись галицко-волынскіе князья, нерѣдко входившіе въ родственныя связи съ западными сосѣдями своими и получавшіе иногда образованіе при иностранныхъ дворахъ, напр. въ Польшѣ и Венгріи. Но это вліяніе почти исключительно касалось военнаго дѣла, разныхъ ремеселъ и художествъ и удобствъ жизни и не переступало границъ. Главное, — не было усвоено католичество, которое не замедлило бы наложить на народъ свою тяжелую, гнетущую руку, — и Русь осталась православною землею. Безо всякаго посторонняго насилія она могла провѣрять и исправлять свое собственное и развивать здоровую и самостоятельную гражданственность, при знакомствѣ съ западомъ, но безъ преобладанія его⁷⁵).

Первыми опытами самостоятельнаго усвоенія и приспособленія византійской гражданственности и просвѣщенія къ Русской землѣ являются «Русская правда» и церковные уставы, извѣстные съ именами великихъ князей св. Владиміра и Ярослава и имѣвшіе значеніе и въ Волынской землѣ. «Русская правда» есть сборникъ гражданскихъ постановленій, составленный для руководства судей и постепенно видоизмѣнявшійся и пополнявшійся новыми статьями. Первымъ источникомъ заключающихся въ ней законовъ являются постановленія княжескія; затѣмъ, многое выходитъ изъ обычая, напримѣръ родовая месть, насилѣдство и т. д.; иное можетъ объясниться вліяніемъ византійскаго

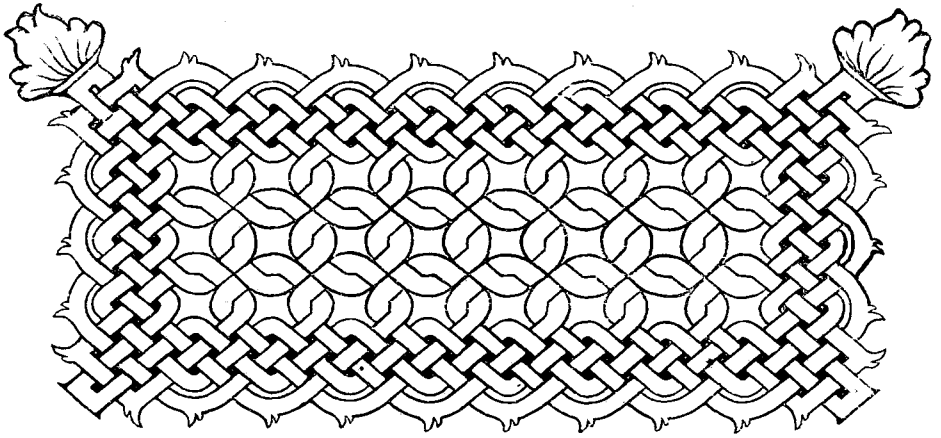

«Десятинная» церковь в Киевѣ: 1) развалины храма, сооруженнаго св Владиміромъ; 2) церковь, построенная изъ этихъ развалинъ Петромъ Могилой, и 3) видъ храма въ настоящее время.

законодательства. Примѣненіе византійскаго права къ русской церкви и обществу представляютъ уставы св. Владиміра и Ярослава I. Въ этихъ уставахъ опредѣляется положеніе церкви и духовенства среди свѣтскаго общества и указывается кругъ лицъ, подвѣдомыхъ церкви, и средства для содержанія духовенства ⁷⁶).

Что касается собственно Волини, то древнѣйшимъ памятникомъ просвѣщенія и самостоятельной письменности въ этой странѣ служить описаніе нѣкоторыхъ волинскихъ происшествій нѣкимъ іереемъ Василюемъ, жителемъ Волинской области, который около 1098 года посланъ былъ во Владимірѣ-Волинскомъ къ ослѣпленному князю теребовльскому Васильку Ростиславичу и описалъ разговоръ свой съ нимъ и самыя обстоятельства ослѣпленія. Сказаніе Василя включено было потомъ въ начальную лѣтопись ⁷⁷). Образцы витіеватости въ византійскомъ духѣ представляютъ проповѣди св. Кирилла, епископа туровскаго, къ епархіи котораго принадлежала и часть нынѣшней Волини ⁷⁸). Отъ XIII вѣка сохранились сочиненія волинскаго игумена Петра, бывшаго впоследствии митрополитомъ кіево-московскимъ. Ему принадлежатъ два посланія, изъ коихъ въ одномъ святитель убѣждаетъ христіанъ проводить время поста въ строгомъ воздержаніи и молитвѣ, непременно приобщаться св. таинъ и проч., а въ другомъ поученіи «игуменомъ, пономъ и діакономъ» убѣждаетъ ихъ быть истинными пастырями, а не наемниками. Святому же Петру приписывается поученіе о вдовствующихъ поцѣхъ, которое было, нѣкоторое время, руководственнымъ правиломъ въ русской церкви ⁷⁹). Наконецъ, какъ памятникъ древняго просвѣщенія на Волини, особенное значеніе имѣетъ волинская лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Ипатьевской. Лѣтописецъ удивляетъ читателя знакомствомъ съ ученостію греческою, знаніемъ св. писанія, твореній св. отцовъ греческихъ и отечественныхъ, исторіи и проч., также необыкновенною живостію и стройностію языка и живописностью изображенія ⁸⁰). Онъ звалъ Малалу въ древне-болгарскомъ переводѣ, Евсевія Кесарійскаго и другихъ лѣтописцевъ и Гомера, которому иногда даже подражалъ. «Читая лѣтопись южной Руси, — говоритъ одинъ новѣйшій историкъ, — убѣждаешься въ значительномъ успѣхѣ въ искусствѣ писанія, котораго достигли ваши книжники въ періодъ до нашего ствія татаръ» ⁸¹).

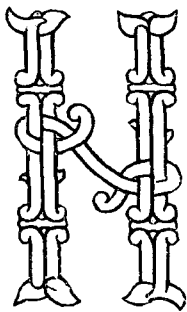

Глава вторая.

Судьбы южной Руси послѣ св. Владиміра до литовскаго владычества.

Вліяніе православія на государственный строй древней Руси послѣ св. Владиміра.—Раздѣленіе Руси на удѣлы и стремленіе къ объединенію удѣловъ въ княжествахъ Киевскомъ, Волынскомъ и Галицкомъ.—Важнѣйшіе князья и событія въ исторіи этихъ княжествъ.—Объединеніе южной Руси подъ властію галицко-волынскихъ князей—Романа Мстиславича и Данила Романовича.—Татарское нашествіе и разореніе южной Руси и Волыни.—Потребность полного объединенія Руси послѣ татарскаго нашествія.—Перенесеніе Киевской митрополіи на сѣверъ Россіи и усиленіе его.—Стремленія галицко-волынскихъ князей, послѣ Данила Романовича, къ обособленію; попытки образованія Галицкой митрополіи; раздѣленіе Галицко-Волынскаго княжества на удѣлы, ослабленіе его и паденіе.—Залогъ жизненности и будущаго возрожденія южной Руси.

НЕПОДАТЛИВЪЕ всего для воспринятія и осуществленія христіанскихъ началъ была область государственныхъ внутреннихъ отношеній между князьями въ древней Руси. Въ этой области, во все время существованія древней Руси, идетъ борьба двухъ противоположныхъ теченій: съ одной стороны — стремленія къ раздѣленію Руси на удѣлы и обособленности ихъ одного отъ другаго и отъ государственнаго средоточія, а съ другой — стремленія къ утвержденію единой державы и возвышенію государственной власти въ Россіи. Первое исходило изъ

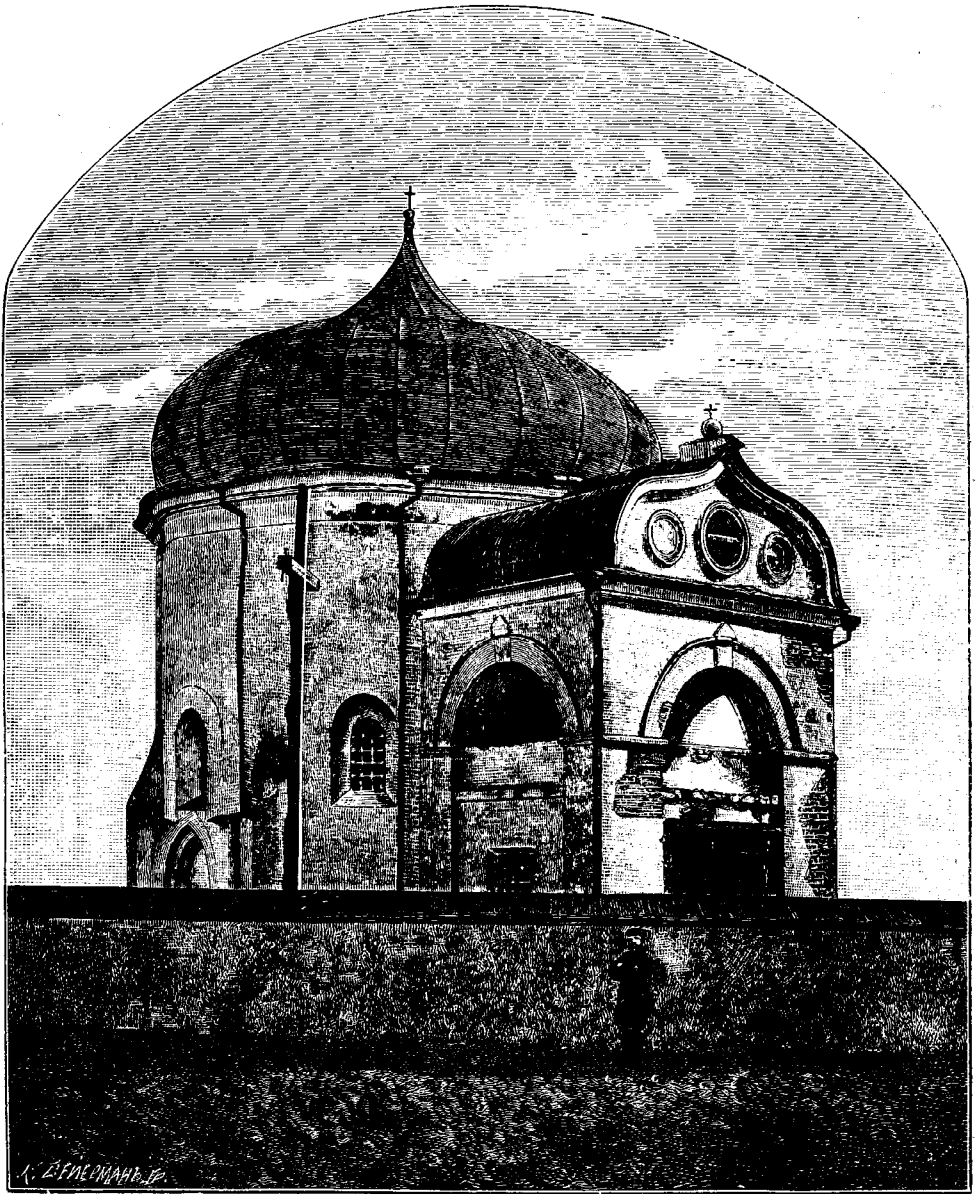
господствовавшего въ княжескомъ родѣ обычая давать членамъ этого рода въ управленіе особыя удѣлы, поддерживалось рознью между различными русскими племенами, областями и даже городами, и породило смуты и междоусобія. Стремленіе къ единовластію и самодержавію опиралось на племенномъ единствѣ русскаго народа, какъ народа христіанскаго, и на понятіяхъ о государственной власти, полученныхъ св. Владиміромъ, вмѣстѣ съ православною вѣрою, изъ Византійской имперіи, и находило выраженіе себѣ въ особѣ великаго князя. Это стремленіе пробивалось и высказывалось даже въ самыя смутныя времена раздѣленія Руси на удѣлы и княжескихъ усобицъ и съ теченіемъ времени, мало по малу получало верхъ надъ стремленіемъ къ разрозненности и обособленію. По естественному развитію древней Руси въ этомъ послѣднемъ направленіи помѣшали иноплеменные народы, которые, пользуясь усобицами русскихъ князей, ударъ за ударомъ наносили неокрѣпшей еще Русской землѣ и такимъ образомъ къ концу этого періода подготовили паденіе государственной самостоятельности Руси и отдѣльныхъ ея областей, особенно на юго-западѣ Россіи. Здѣсь такими иноплеменниками были печенѣги, половцы и особенно татары на востокѣ, и венгры, поляки и литва на западѣ и сѣверо-западѣ.

Объединительныя и противоположныя имъ стремленія обнаружались еще при ближайшемъ преемникѣ св. Владиміра, сынѣ его, великомъ князѣ Ярославѣ I, который съ одной стороны объединилъ Русь подъ своею властію и ревниво оберегалъ ея цѣлость, а съ другой — самъ-же раздѣлилъ ее между своими сыновьями на удѣлы и содѣйствовалъ упроченію въ Россіи удѣльнаго порядка и раздробленію Руси.

По смерти св. Владиміра, сынъ его Святополкъ туровскій, женатый на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, захватилъ въ свои руки великое княженіе и хотѣлъ не только обезпечить его за собою, но и по возможности завладѣть удѣлами своихъ братьевъ. Съ этою цѣлію онъ умертвилъ своихъ братьевъ, святыхъ Бориса и Глѣба, а также Святослава древлянскаго. Но Ярославъ новгородскій вооружился противъ братоубійцы и выгналъ его изъ Кіева. Святополкъ Окаянный обратился за помощію къ тестю своему Болеславу Храброму, который въ 1017 году побѣдилъ Ярослава подъ городомъ Вольшемъ и сѣлъ въ Кіевѣ, «а воинство его по градамъ окольнымъ

многія насилія людемъ творяху». На обратномъ пути въ Польшу, Болеславъ захватилъ червенскіе города. Но Ярославъ, утвердивъ свою власть на Русѣ, въ 1030 году, пользуясь междуусобіями въ Польшѣ, отнялъ у поляковъ Белзь, а въ слѣдующемъ году возвратилъ и остальные червенскіе города ⁸²).

Ярославъ I еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управленіе или въ намѣстничество свои земли. Старшій сынъ Владиміръ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, а по смерти его переведенъ въ Новгородъ изъ Турова второй сынъ Изяславъ. Передъ смертью Ярослава распорядился областями такимъ образомъ: Изяславу онъ назначилъ Кіевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ-Волынскій и Вячеславу Смоленскъ ⁸³). Дальнѣйшій же порядокъ престолонаслѣдія Кіева и владѣнія удѣлами опредѣлялся родовыми отношеніями. Ближайшій по родству къ родоначальнику Ярославу Мудрому долженъ былъ владѣть кіевскимъ престоломъ, при чемъ дяди первенствуютъ надъ племянниками, которые становятся старшими только послѣ всѣхъ дядей. Изъ шести сыновей Ярослава старшимъ долженъ бы быть Владиміръ, но онъ умеръ, а право представительства не допускалось въ древней Русѣ, и сынъ его не можетъ быть старшимъ; слѣдовательно старшинство переходитъ ко второму и потомъ по порядку къ каждому изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ, а послѣ нихъ къ старшему изъ сыновей того брата, который первый былъ великимъ княземъ. При каждомъ возвышеніи одного изъ князей на кіевскій столъ, его собственный столъ переходилъ къ старшему по немъ. Слѣдовательно, князья не осѣдали на одномъ мѣстѣ, а постоянно передвигались. Волости тѣхъ князей, которые умерли, не достигнувъ старшинства, дѣлились между оставшимися, а сыновья ихъ не получали никакой доли и становились «изгоями»; если же за ними и оставалась ихъ волость, то въ качествѣ совсѣмъ особаго владѣнія ⁸⁴). Такой порядокъ престолонаслѣдія Кіева и наслѣдованія удѣловъ не могъ быть прочнымъ и не обѣщаль спокойствія Россіи. Съ размноженіемъ княжескаго рода и раздѣленіемъ его на далеко расходящіяся между собою вѣтви, родовыя отношенія и права владѣнія запутались и породили множество недоразумѣній, смуть и усобицъ. Обдѣленные изгои, въ свою очередь, не хотѣли мириться съ своимъ положеніемъ, старались добыть себѣ удѣлы силою и еще болѣе увеличивали смуты и междуусо-

«Обыденная» церковь св. Василія въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ.

бія. Во избѣжаніе послѣднихъ, любечскій съѣздъ князей въ 1097 году установилъ порядокъ вотчиннаго владѣнія и наследственности удѣловъ въ одномъ и томъ же племени. Старшіе князья, внуки и правнуки Ярослава, собравшіеся на этотъ съѣздъ, говорили другъ другу: «Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами, а половцы радуются нашимъ междоусобнымъ бранямъ и разносятъ нашу землю? Будемъ отнынѣ заодно, и пусть каждый владѣетъ своею отчиною»⁸⁵). Этотъ новый порядокъ владѣнія удѣлами послужилъ въ послѣдствіи времени точкою опоры для объединенія различныхъ удѣловъ въ одно цѣлое. Представителями этого порядка, въ противоположность Кіеву, являются на югѣ Россіи сначала Владиміро-Волинское, а потомъ Галицкое княжества, изъ коихъ послѣднее въ заключеніе одержало верхъ надъ всѣми южно-русскими княжествами и надъ самимъ Кіевомъ и хотъ не надолго объединило ихъ подъ своею властію.

Въ предѣлахъ нынѣшней Волини, во время развитія удѣльнаго строя, находились двѣ главныя, составныя ея части, а именно часть Кіевского княжества и собственно Волинь съ Погоринной. Къ нимъ нужно присоединить еще древнее Галицкое княжество, которое, хотя и не входитъ въ составъ нынѣшней Волини, имѣло однако громадное вліяніе на ея историческія судьбы. Взаимное отношеніе этихъ частей между собою было такое. Сначала Кіевъ, какъ первопрестольный городъ, владычествуетъ надъ Волинскимъ и Галицкимъ княжествами. Но, будучи представителемъ стараго порядка престолонаслѣдія по старшинству, онъ дѣлается яблокомъ раздора между различными искателями кіевского престола и ко времени нашествія татаръ на южную Россію совершенно упадаетъ. А по мѣрѣ упадка Кіева и насчетъ его, возвышаются и получаютъ самостоятельность княжества Волинское и Галицкое, представители новаго порядка вотчиннаго владѣнія и наследственности удѣловъ. Наконецъ, эти два княжества соединяются вмѣстѣ и объединяютъ собою всю юго-западную Русь.

Восточная часть нынѣшней Волинской губерніи, приблизительно по рѣку Случь съ притоками, входила въ составъ княжества Кіевского. Здѣсь были важнѣйшіе города Овручъ, Житомиръ и Полонное. Особые удѣльные князья въ этой части Волини встрѣчаются весьма рѣдко. Въ 1171 году удѣльнымъ княземъ въ г. Полонномъ былъ Владиміръ Мстиславичъ⁸⁶). Въ Овручѣ, въ концѣ XII и въ началѣ XIII в.в. былъ удѣль-

нымъ княземъ Рюрикъ Ростиславичъ, который неоднократно восходилъ на великокняжескій престолъ кievскій и долго боролся за него⁸⁷). Въ 1195 году Рюрикъ отдалъ городъ Половное зятю своему, владиміровольнскому князю Роману Мстиславичу⁸⁸). Вѣроятно, за этими немногими исключеніями, волынская часть Кіевскаго княжества непосредственно зависѣла отъ великихъ князей кievскихъ. Послѣ смерти Ярослава I, великими князьями кievскими, а слѣдовательно и князьями овручскими и житомирскими, преемственно были три оставшіеся въ живыхъ сына его Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ (1054—1093 г.), а затѣмъ внуки его Святополкъ-Михаилъ Изяславичъ (1093—1113 г.) и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ (1113—1125 г.). Послѣдній занялъ великокняжескій престолъ помимо двоюроднаго брата своего Олега Святославича, по настоятельному приглашенію кievлянъ. Такимъ образомъ уже въ третьемъ поколѣніи Ярославова дома естественный порядокъ старшинства и престолонаслѣдія кievскаго нарушился въ пользу младшихъ, но болѣе даровитыхъ князей этого дома. По смерти Владиміра Мономаха, кievскій престолъ послѣдовательно занимали два сына его Мстиславъ Великій (1125—1132 г.) и Ярополкъ (1132—1139 г.). Послѣ Ярополка, на кievскій престолъ вступила вторая вѣтвь Ярославова рода, въ лицѣ Всеволода Ольговича, внука Святославова и правнука Ярославова (1139—1146 г.). Когда же умеръ Всеволодъ Ольговичъ, то кievляне снова обратились къ роду Владиміра Мономаха и призвали на свой престолъ внука его Изяслава Мстиславича (1146—1154), который однако почти все время своего княженія велъ борьбу за великокняжескій престолъ съ дядей своимъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ суздальскимъ. По смерти Изяслава, на кievскомъ престолѣ чередовались и спорили за него братъ его Ростиславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давидовичъ и Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Въ этихъ частыхъ смѣнахъ и спорахъ все болѣе и болѣе падало достоинство Кіева и окончательно упало, когда въ 1169 году суздальскій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій составилъ противъ великаго князя Мстислава Изяславича (1167—1169 г.) союзъ изъ одиннадцати князей и отправилъ къ Кіеву союзную рать подъ начальствомъ сына своего Мстислава Андреевича. Городъ былъ взятъ и разграбленъ и съ тѣхъ поръ быстро началъ клониться къ упадку. Въ 1240 году, въ годъ взятія Батыемъ Кіева, въ немъ сидѣлъ намѣстникъ Данила Романовича галицкаго⁸⁹).

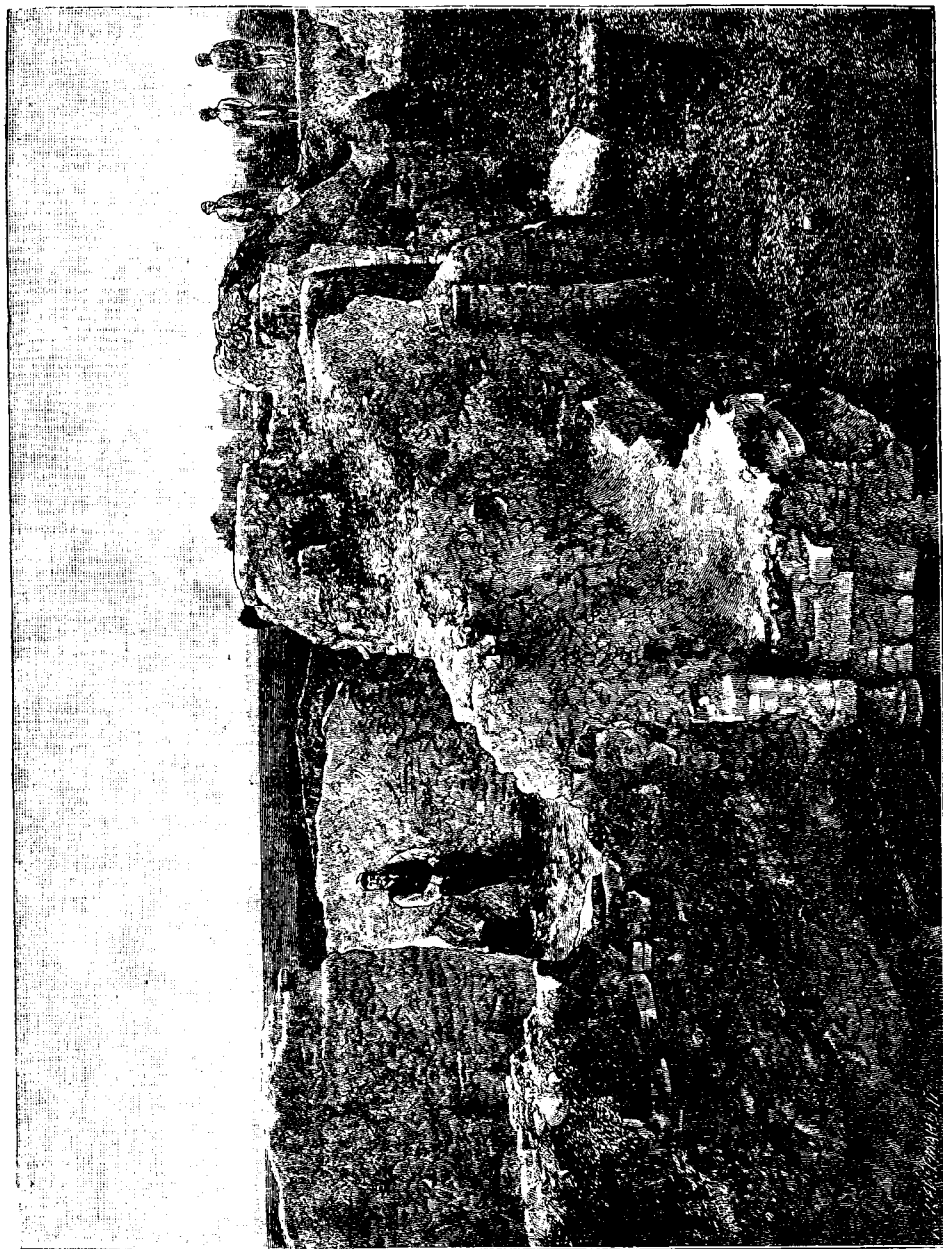
Западную половину нынѣшней Волынской губерніи занимала въ древности Волынь въ тѣсномъ смыслѣ. Въ начальную пору русской исторіи Волынь не имѣла государственной самостоятельности и отдѣльности и состояла въ постоянной зависимости отъ Кіева. Каждый князь, переходя на кіевскій великокняжескій престолъ, старался посадить на Владиміро-Волынское княжество своего сына, или, по крайней мѣрѣ, поставить прежняго волымірскаго князя, обыкновенно своего племянника, въ подручныя отношенія. Укажемъ важнѣйшія перемѣщенія князей и наиболѣе крупныя событія изъ исторіи Волыни.

Ярославъ I отдалъ Владиміро-Волынское княжество, съ Перемышльскою землею, одному изъ младшихъ сыновей своихъ Игорю Ярославичу, по переходѣ котораго на смоленскій престолъ, волость эта перешла къ внуку Ярославу, изгюю Ростиславу Владиміровичу, который отсюда удалися въ Тмутаракань. Ярославъ совершилъ нѣсколько походовъ на ятвяговъ и литву, вѣроятно для обеспечения и распространенія здѣсь волынскихъ поселеній.

Великій князь Изяславъ Ярославичъ дважды стоняемъ былъ съ кіевского престола и оба раза обращался за помощію къ родственнику своему, польскому королю Болеславу Смѣлому, который въ 1069 году, совершивъ походъ на Кіевъ и прогостивъ здѣсь цѣлую зиму, на обратномъ пути овладѣлъ Перемышлемъ и потомъ дѣлалъ набѣги на Владиміро-Волынское княжество, которое защищалъ отъ него Владиміръ Мономахъ. При Изяславѣ въ первый разъ являются на юговосточныхъ границахъ Россіи половцы, которые въ послѣдствіи времени дѣлали частые набѣги и на Волынь и опустошали ее.

Святославъ Ярославичъ, изгнавъ изъ Кіева старшаго брата своего Изяслава, посадилъ во Владиміръ-Волынскомъ сына своего Олега, который, по смерти отца († 1076 г.), возвратился въ Черниговъ.

Третій братъ Изяслава и Святослава Всеволодъ Ярославичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, раздѣлилъ Волынь между племянниками и внуками своими отъ своихъ братьевъ. Ярополку Изяславичу онъ отдалъ Туровъ и Владиміро-Волынское княженіе; Давиду Игоревичу, сыну меньшаго умершаго своего брата—Дорогобужъ, а Рюрику, Володарю и Васпльку Ростиславичамъ, внукамъ старшаго своего брата Владиміра—Перемышль и Теробовль. Это раздробленіе волынскихъ земель было причиною продолжительной усобицы, сопровождавшейся

Развалины храма Успения пресв. Богородицы въ городѣ Владимірѣ-Волынецкомъ („Старая катедръ“)

злодѣяніями. Ростиславичи и Давидъ Игоревичи заявляли притязанія на Владиміро-Волинское княжество и постоянно беспокоили Ярополка Изяславича, который наконецъ погибъ въ 1086 году отъ руки убійцы, подосланнаго Рюрикомъ Ростиславичемъ. Послѣ этого Волинь досталась Давиду Игоревичу. Но этотъ князь, не довольствуясь своимъ удѣломъ, захотѣлъ отнять у Ростиславичей Теробовльскій удѣлъ. Тотчасъ послѣ любечскаго съѣзда князей 1097 г., на которомъ утверждены были права князей владимірскаго, теробовльскаго и перемышльскаго, Давидъ Игоревичъ коварно захватилъ въ плѣнъ и ослѣпилъ мужа-ственнаго Василька теробовльскаго, вымогая у него уступку Теробовля. Это случилось уже при новомъ кievскомъ князѣ Святополкѣ-Михаилѣ Изяславичѣ. Возмущенные этимъ неслыханнымъ на Руси злодѣяніемъ, Владиміръ-Мономахъ и другіе князья поручили великому князю наказать злодѣя; но Давидъ Игоревичъ долго еще отбивался отъ великаго князя и нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ на помощь половцевъ. Наконецъ, на витическомъ съѣздѣ князей въ 1100 году Давидъ Игоревичъ, по общему приговору собравшихся князей, лишень былъ Владиміра-Волинскаго. Ему даны только города Бужскъ, Острогъ, Дубень и Черторыйскъ; но чрезъ нѣсколько времени великій князь Святополкъ II отнялъ у него и эти города и далъ ему одинъ только Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1112 году.

Еще въ 1097 году великій князь Святополкъ II Изяславичъ отдалъ Луцкъ двоюродному племяннику своему, правнуку Ярослава I, Давиду Святославичу, въ иночествѣ Николѣ Святошѣ; но этотъ князь выгнанъ былъ изъ Луцка Давидомъ Игоревичемъ и удалился въ Черниговъ, а затѣмъ принялъ иночество въ Кіево-Печерской обители. Когда же Давидъ Игоревичъ лишень былъ въ 1100 году Владиміра-Волинскаго, то Святополкъ посадилъ тамъ сына своего Ярослава.

Со времени перехода великокняжескаго престола къ Владиміру Мономаху (въ 1113 г.), Владиміро-Волинское княжество поступаетъ въ родъ этого князя и остается во владѣніи Мономаховичей, почти безъ перерыва, до самаго пресѣченія ихъ южной владѣтельной вѣтви. При сынѣ и внукѣ Мстислава Великаго, Изяславѣ Мстиславичѣ и Мстиславѣ Изяславичѣ, Владиміро-Волинская земля получаетъ даже, хотя и на самое короткое время, самостоятельное государственное значеніе и отдѣляется отъ Кіева.

Съ поступленіемъ Владиміра Мономаха на великокняжескій престолъ, въ рукахъ этого князя сосредоточивались земли Кіевская, Переяславская, Смоленская и Ростовская. Очередь была теперь за Волынью, гдѣ оставался еще прежній князь Ярославъ Святополковичъ. Этотъ послѣдній отослалъ отъ себя свою супругу, внучку Мономахову. За это Мономахъ осадилъ Ярослава, заставилъ его сдаться и, не лишая удѣла, въ то же время послалъ во Владиміръ сына своего Романа, а по смерти его—другаго сына Андрея. Къ этому Ярославу Святополковичу писалъ посланіе кіевскій митрополитъ Никифоръ, предостерегая его отъ латинянъ и раскрывая ихъ заблужденія. Но, лишившись довѣрія Мономаха, Ярославъ бѣжалъ въ Польшу, составилъ громадное ополченіе изъ венгровъ, чеховъ и поляковъ и осадилъ Владиміръ-Волынскій, но былъ убитъ во время этой осады. Княземъ на Волыни остался Андрей Владиміровичъ.

Преемниками Мономаха на великокняжескомъ престолѣ были сыновья его сначала Мстиславъ, а потомъ бездѣтный Ярополкъ II. При немъ досталась Волынь племяннику его Изяславу Мстиславичу.

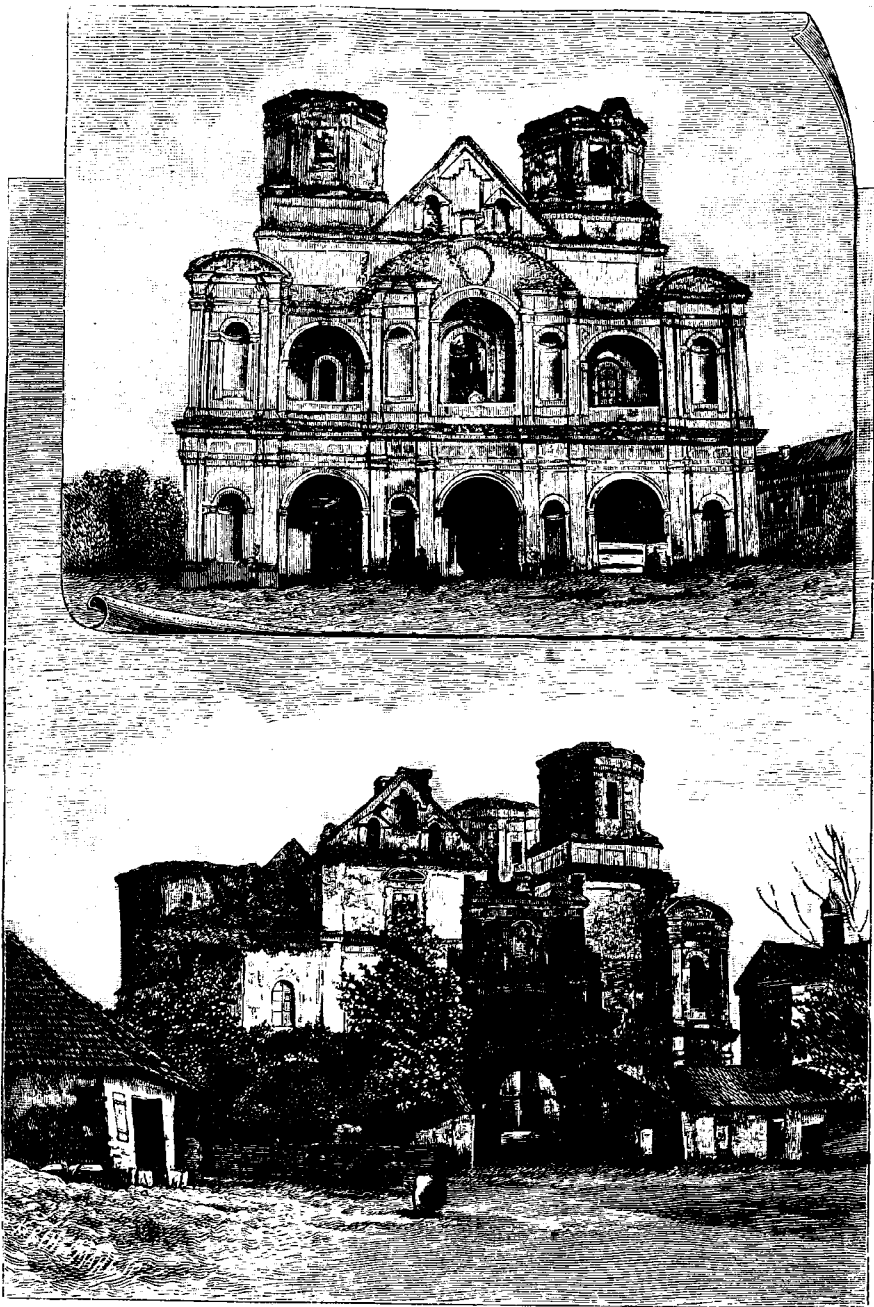
Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, занявъ, послѣ Ярополка II, кіевскій престолъ, вывелъ Изяслава Мстиславича изъ Владиміра-Волынскаго въ Переяславль, а на его мѣсто посадилъ сына своего Святослава.

Послѣ смерти Всеволода Ольговича, Изяславъ Мстиславичъ захватилъ великокняжескій престолъ и снова овладѣлъ Волынью, раздѣливъ ее между братьями своими Святополкомъ и Владиміромъ Мстиславичами: первый сидѣлъ во Владимірѣ, а второй—въ Луцкѣ. Только пять городовъ, въ томъ числѣ Божскій и Межибожіе, онъ предоставилъ прежнему волынскому князю Святославу Всеволодовичу, передавъ ихъ впоследствии Ростиславу Юрьевичу. Съ этого времени Изяславъ не выпускалъ уже изъ своихъ рукъ Волыни и опирался на нее въ борьбѣ съ черниговскими князьями Ольговичами и роднымъ дядей Юріемъ Долгорукимъ суздальскимъ за великокняжескій престолъ. Два раза Изяславъ былъ изгоняемъ своимъ дядею изъ Кіева и уступалъ ему великое княженіе и два раза возвращался въ Кіевъ⁹⁰). Послѣ перваго изгнанія Изяслава Мстиславича изъ Кіева, суздальское войско осадило городъ Луцкъ, защищаемый младшимъ братомъ Изяслава Владиміромъ. Здѣсь впервые отличился своею отвагою и ратными подвигами второй

сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій. Онъ почти одинъ врьзался въ отрядъ непріятельской пѣхоты и едва спасся отъ гибели. Подъ нимъ убитъ былъ конь, котораго Андрей велѣлъ торжественно похоронить на берегу рѣки Стыри, близъ Луцка, гдѣ и теперь еще указываютъ огромный курганъ въ оградѣ сада бывшаго луцкаго монастыря бернардиновъ. Война на этотъ разъ кончилась миромъ въ Пересопницѣ, по которому Изяславъ отказался отъ Кіева. Но когда вскорѣ затѣмъ онъ снова занялъ великокняжескій престолъ и вторично былъ прогнанъ съ него Юріемъ Долгорукимъ, то Андрей Боголюбскій опять является на Волыни и получаетъ въ удѣлъ Туровъ, Пинскъ, Дорогобужъ и Пересопницу. По удаленіи Юрія Долгорукаго съ юга Россіи въ 1152 году, и Андрей Боголюбскій оставилъ свой Волынскій удѣлъ и возвратился въ Суздальскую землю⁹¹). Овладевъ въ послѣдній разъ Кіевомъ, Изяславъ Мстиславичъ не разставался съ властію уже до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1154 году.

Сынъ Изяслава Мстиславича Мстиславъ, утвердившись на Волыни, сдѣлался почти независимымъ княземъ волынскимъ и въ 1159 году возвелъ на великокняжескій престолъ дядю своего Ростислава, а по смерти его въ 1168 году самъ занялъ этотъ престолъ, оставивъ за собой и Волынь. Но двоюродный дядя его, суздальскій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, въ 1169 г. выгналъ Мстислава изъ Кіева и посадилъ на кіевскомъ престолѣ брата своего Глѣба Юрьевича. Мстиславъ удалился на Волынь, еще разъ овладѣлъ на короткое время Кіевомъ и умеръ на Волыни лѣтомъ 1170 года.

Во время смерти Мстислава Изяславича, старшій сынъ его Романъ княжилъ въ Новгородѣ. Здѣсь, незадолго предъ тѣмъ, въ 1169 году, онъ отразилъ отъ Новгорода суздальскую рать Андрея Юрьевича Боголюбскаго, — и этотъ подвигъ его увѣковѣченъ въ Новгородѣ особымъ сказаніемъ и иконописнымъ изображеніемъ⁹²). По смерти отца, Романъ ушелъ изъ Новгорода во Владиміръ-Волынскій и занялъ его, какъ старшій въ родѣ. Здѣсь онъ сначала княжилъ спокойно, не вмѣшиваясь въ чужія дѣла и не добиваясь Кіева, и занимался устройеніемъ своего княжества и защитой его отъ нападений ятвяговъ и литовцевъ. Но съ теченіемъ времени онъ заливаетъ притязанія на сосѣднюю Галицкую землю, овладѣваетъ ею и соединяетъ ее съ Владиміро-Волынскимъ княжествомъ въ одно могущественное государство⁹³).

Развалины храма Успения пресв. Богородицы въ городѣ Владимірѣ-Волинскомъ (Мстиславскій соборъ): 1) съ западной стороны, 2) съ сѣверной стороны.

Галицкая земля лежитъ на юго-западѣ отъ нынѣшней Волынской губерніи, въ нынѣшней австрійской Галиціи. Обособленность и самостоятельность Галицкой земли, въ древній періодъ русской исторіи, начинаются съ тѣхъ поръ, какъ князья-изгои, три брата Ростиславичи—Рюрикъ, Володаръ и Василько, правнуки Ярослава Мудраго, получили эту землю отъ великаго князя кievскаго Всеволода Ярославича и утвердились въ Перемышлѣ и Теребовлѣ. Перемышль отвоёванъ былъ ими у ляховъ и сдѣлался какъ бы наследственной частію Ростиславичей. Удѣлъ этотъ утвержденъ былъ за ними любечскимъ съѣздомъ князей въ 1097 году. Попытка владиміро-волынскаго князя Давида Игоревича отнять у нихъ этотъ удѣлъ, сопровождавшаяся ослѣпленіемъ Василька Ростиславича, осталась безуспѣшною. На витичевскомъ съѣздѣ князей 1100 года постановлено было ограничить удѣлъ Ростиславичей однимъ Перемышлемъ; но это постановленіе встрѣтило отпоръ со стороны Ростиславичей и не было приведено въ исполненіе. Перемышль и Теребовль остались за ними, и по смерти ихъ сынъ Володаря Владимірко успѣлъ соединить ихъ удѣлы подъ своею властію, изгнавъ своего племянника Ивана Ростиславича Берладника, и перенесъ свой столъ въ Галичь. Вся жизнь его прошла въ стремленіи не допускать усиленія волынскихъ князей; а между тѣмъ страна его богатѣла, такъ какъ непріятель рѣдко входилъ въ землю Галицкую. Владимірко умеръ въ 1152 году, оставивъ единственному своему сыну Ярославу Осмомыслу могущественное по тому времени княжество⁹⁴). Миръ и тишина, наставшія въ Галицкой землѣ при Ярославѣ Осмомыслѣ, были нарушены только его семейными раздорами и вмѣшательствомъ галицкихъ бояръ въ эти раздоры. Ранняя обособленность галицкаго княженія отъ остальной Руси, а также единовластіе и преемство стола отъ отца къ сыну, утвердившіяся здѣсь прежде другихъ русскихъ областей, много способствовали усиленію здѣсь галицкаго боярства. Вмѣстѣ съ княжескимъ родомъ, и бояре его приобрѣли прочную осѣдность, сдѣлались богатыми землевладѣльцами и принимали видное и дѣятельное участіе въ управленіи страной и защитѣ ея отъ враговъ. Притомъ самое водвореніе единовластія совершилось и поддержалось съ помощію старшей дружины или бояръ, и князь необходимо долженъ былъ ласкать дружину, награждать ее и вообще дорожить ея расположеніемъ. Сословнымъ притязаніямъ галицкаго боярства не мало способствовали близкіе примѣры западныхъ со-

сѣдей, то есть Польши и Венгріи, гдѣ высшее сословіе пользовалось особымъ значеніемъ, владѣло большою поземельною собственностью и ограничивало королевскую власть. Эта боярская партія галицкая заставила Ярослава Осмомысла возвратить къ себѣ брошенную-было имъ свою супругу Ольгу съ сыномъ Владиміромъ и затѣмъ, по смерти Ярослава и вопреки его завѣщанію, возвела Владиміра на галицкій престоль. Она не ладила и съ Владиміромъ, поочередно призывала противъ него въ Галичь то Романа Мстиславича волинскаго, то угорскаго короля Белу и сына его Андрея, то Ростислава Ивановича Берладника, и не разъ изгоняла его отъ себя. Возвратившись наконецъ въ Галичь, Владиміръ Ярославичъ умеръ здѣсь около 1200 года, не оставивъ послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ. Этимъ воспользовался Романъ Мстиславичъ волинскій и овладѣлъ Галичемъ ⁹⁵).

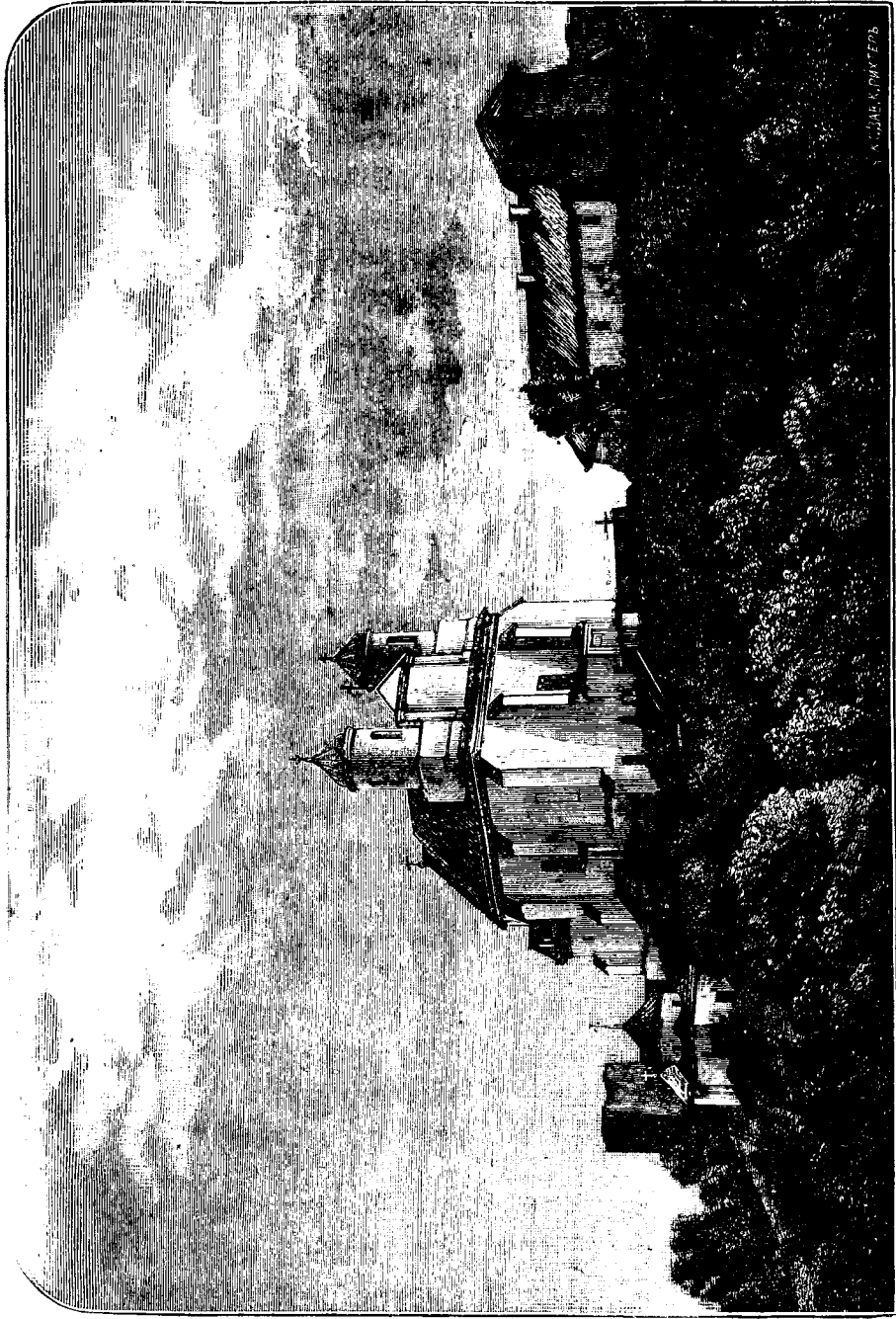
Соединивъ въ своихъ рукахъ Владиміръ и Галичь, Романъ сдѣлался безспорно сильнѣйшимъ княземъ въ южной, если только не во всей Руси. Въ теченіи своего кратковременнаго управленія соединенными княжествами, Романъ старался усмирить строптивыхъ и крамольныхъ бояръ галицкихъ, сплотить и расширить еще болѣе свое государство и обезопасить его отъ внѣшнихъ враговъ. Онъ дважды изгонялъ изъ Кіева своего тестя Рюрика Ростиславича, распорядился великокняжескимъ кіевскимъ столомъ и такимъ образомъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ силы южной Россіи. Могущество Романа достигло своей высшей степени, такъ что лѣтсписецъ волинскій величаетъ его самодержцемъ всей Русской земли ⁹⁶). Знаменитый папа Иннокентій III въ 1204 или 1205 гг. засылалъ посла къ Роману Мстиславичу съ предложеніемъ покровительства и королевскаго вѣнца, подъ условіемъ принятія латинской вѣры; но получилъ отъ Романа гордый отказъ ⁹⁷). Къ прискорбію, Романъ Мстиславичъ погибъ преждевременно, вмѣшавшись въ 1205 году въ распри польскихъ князей.

Послѣ Романа остались два сына Даніиль и Василько, изъ коихъ старшему Даніилу было только четыре года. Междоусобицы князей южной Руси, прекращенныя Романомъ, возобновились теперь съ новой силой. Боярство, усмирненное Романомъ, вновь подняло свою голову и дошло наконецъ до того, что одинъ изъ вожаковъ его успѣлъ занять галицкій княжескій столъ и довольно долго удерживался на немъ. Угры, ляхи и бояре раздирали Галицкую землю. И

если она не сдѣлалась въ это время добычею иноплеменниковъ, то этому помѣшали съ одной стороны существованіе еще довольно сильныхъ князей кіевскихъ и черниговскихъ, а съ другой — раздробленіе Польши и неустройства въ самой Венгріи. Только въ 1229 году, послѣ разныхъ превратностей, на галицкомъ столѣ сѣлъ Даниилъ Романовичъ. Онъ долженъ былъ, такъ сказать, заново созидать свое государство и утверждать его за своимъ родомъ и достигъ этого не раньше 1235 года⁹⁸). Утвердившись окончательно на галицкомъ престолѣ, Даниилъ Романовичъ захватилъ въ свои руки и самый Кіевъ и такимъ образомъ, подобно отцу, сталъ располагать силами почти всей юго-западной Руси. Несомнѣнно, что въ его земляхъ продолжали существовать и другія княжескія вѣтви; но представители этихъ вѣтвей стали сподручными, служебными князьями и другаго значенія и особенной силы не имѣли. Но объединенныя подъ властію Даниила Романовича земли на первыхъ порахъ не могли имѣть надлежащей устойчивости. Объединеніе было только внѣшнее, поверхностное; обширныя владѣнія не имѣли тѣсной сплоченности; не существовало необходимой для борьбы съ внѣшнимъ сильнымъ врагомъ хорошо устроенной военной силы⁹⁹).

Въ такомъ положеніи застало южную Русь грозное татарское нашествіе!

Гроза татарская стала надвигаться на Русь еще до объединенія Данииломъ Романовичемъ своихъ владѣній. Въ первый разъ онъ встрѣтился съ татарами въ маѣ 1223 года на берегахъ рѣки Калки и, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, потерпѣлъ отъ нихъ полное пораженіе. Разоривъ въ 1237 году сѣверную Русь, татары въ 1240 году обратились на юго-западную Русь, взяли Кіевъ и направились въ предѣлы Волыни. Узнавъ о походѣ татаръ на Кіевъ, Даниилъ Романовичъ поспѣшилъ въ Венгрію за помощью противъ общаго врага, но, не получивъ ея, удалился въ Польшу, гдѣ нашелъ съ семействомъ убѣжище у своихъ родственниковъ и друзей. Между тѣмъ татары, вторгнувшись въ предѣлы Волыни, раздѣлились на нѣсколько отрядовъ, которые потомъ, приближаясь къ галицкимъ предѣламъ, соединились вмѣстѣ. На пути своемъ они разорили волынскіе города Овручъ, Житомиръ, Колодеженъ (нынѣ село Колодежное, Новградволынскаго у.), Каменецъ (нынѣ м. Каменка на р. Случи, того же у.), Полонное (Новградволынскаго у.),

Церкви Успеші пресв. Богородици и св. Василия въ селѣ З и м н о м ъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, и остатки
терема, по преданію, принадлежавшаго св. Владиміру.

Х. ДАВ. С. ДИМІТІЕВЪ

Изяславль (нынѣшній г. Заславъ), но не могли взять Кременца и Данилова (можетъ быть, Даниловка, Кременецкаго у.), и отсюда направились на Владиміръ-Волинскій, истребивъ его огнемъ и мечемъ. «Не бѣ на Владиміръ не осталъ живый, — говоритъ лѣтописецъ, — церковь св. Богородицы исполнена трупья: иныя церкви наполнены быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ». Кромѣ Кременца и Данилова, татары не могли также взять сильно укрѣпленнаго Холма, любимаго города Данила Романовича. Опустошивъ затѣмъ Галицкую землю, часть Польши и Венгрію, татары возвратились назадъ, въ восточную Россію, разоривъ по пути сѣверо-западную Волянъ¹⁰⁰).

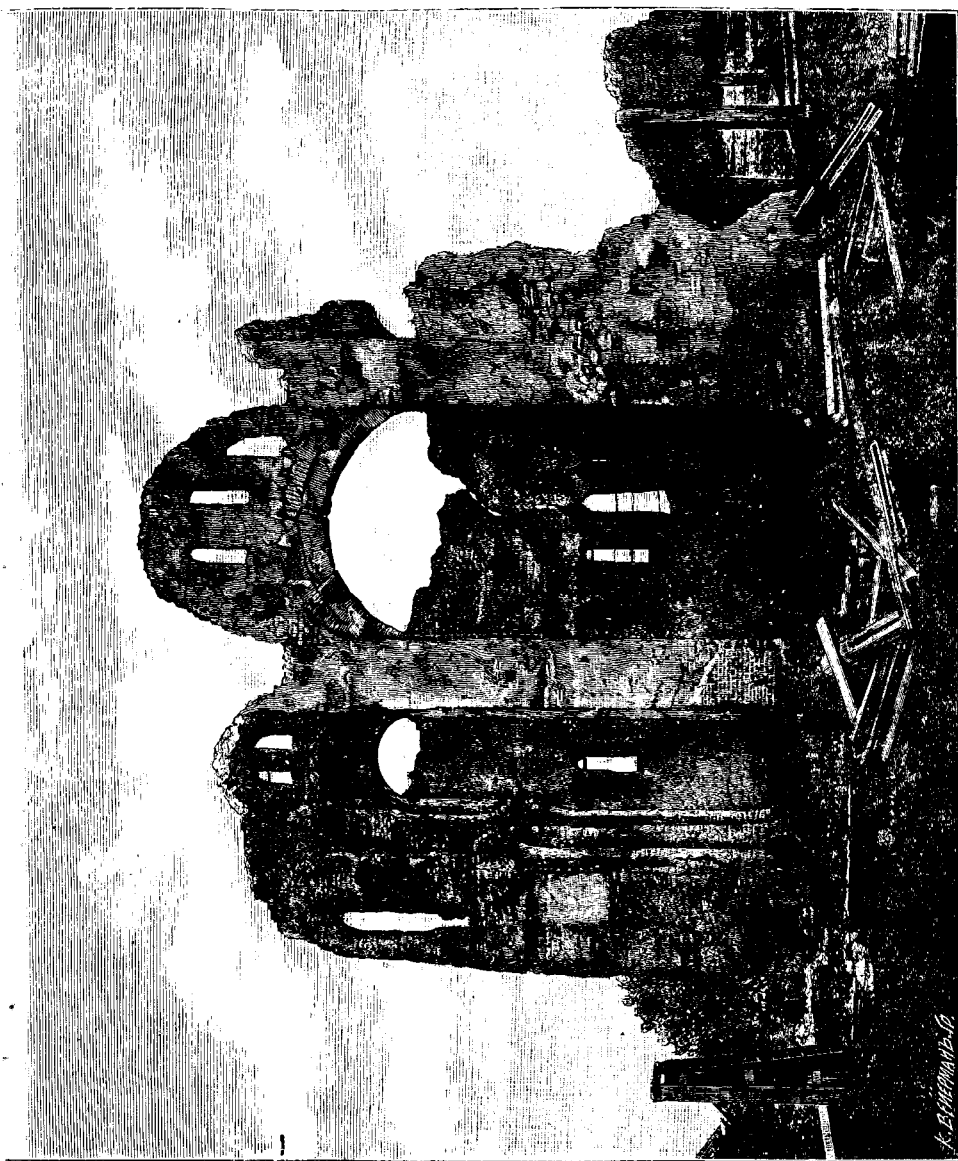
По удаленіи татаръ, Данилъ Романовичъ съ братомъ своимъ Василькомъ возвратился въ свою землю, наказалъ въ 1241 году города, приставшіе къ татарамъ, и между прочимъ болоховскіе города и Возвягль (нынѣ Новградволинскъ), и занялся устройствомъ своего опустошеннаго государства. Онъ возстановляетъ разрушенные города, строить и укрѣпляетъ новые и цѣлыхъ пять лѣтъ продолжаетъ спокойно свою хозяйственную дѣятельность, не думая ѣздить въ Орду на поклонъ. Наконецъ въ 1245 году пришло къ Данилу Романовичу рѣшительное требованіе или явиться къ хану Батыю на поклонъ и признать свою зависимость отъ него, или оставить Галичъ. Данилъ чувствовалъ себя еще недостаточно готовымъ для борьбы съ татарами и отправился къ Батыю на берега Волги для изъявленія своей покорности. Ханъ видимо былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго, сильнаго князя, милостиво принялъ и отпустилъ его, утвердивъ за нимъ отцовскія владѣнія.

Эта поѣздка къ хану еще болѣе увеличила значеніе Данила въ глазахъ сосѣдей и въ тоже время усыпляла подозрительность татаръ къ его дѣйствіямъ. Возвратившись изъ Орды, Данилъ еще съ большимъ, чѣмъ прежде, усердіемъ укрѣпляетъ и строятъ города, составлявшіе въ то время главный оплотъ страны, заключаетъ союзы со своими сосѣдями, входитъ въ сношенія съ папой и получаетъ отъ него королевскій вѣнецъ. Пользуясь нѣкоторыми замѣшательствами, наступившими въ Ордѣ по смерти Батыя, Данилъ сначала отнялъ у татаръ подольскій городъ Бакоту и отразилъ татарскаго военачальника Куремсу отъ Кременца, а потомъ, въ 1257 году, началъ открытую борьбу съ татарами, отнялъ у нихъ волинскіе города, лежавшіе на верховьяхъ

южнаго Буга и Случи, которыми татары владѣли непосредственно, взяли землю Болоховскую и распространили свои завоеванія на Кіевскую землю по рѣкѣ Тетереву. Между прочимъ, онъ сжегъ городъ Возвягль (Новградволинскъ), подчинившійся непосредственно татарамъ, а жителей его раздѣлилъ между братомъ и сыновьями. Когда Данилъ и братъ его Василько воротились изъ похода домой и распустили на отдыхъ свою рать, робкій Куремса рѣшился наказать ихъ за возстаніе и внезапно явился подъ Владиміромъ-Волинскимъ. Онъ былъ отбитъ гражданами и затѣмъ пошелъ на Луцкъ, гдѣ то же потерпѣлъ неудачу, и оттуда ушелъ въ степь, не дожидаясь Данила и Василька, которые собирали противъ него свои силы. По прекращеніи смуть на востокъ, новый ханъ Беркай отозвалъ неспособнаго Куремсу, а на его мѣсто прислалъ съ новыми полчищами стараго Бурундая, сподвижника Батыева при завоеваніи Руси. Хитрый, опытный Бурундай прежде всего постарался поссорить галицкаго короля съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, втянувъ его въ войну съ Литвою, а въ 1261 году явился на Волинь и, разгнѣвавшись на то, что встрѣченъ былъ у города Шумска не самимъ Давиломъ, а сыномъ его Львомъ и холмскимъ епископомъ Іоанномъ, потребовалъ, чтобы разметаны были все «города», то есть городскія стѣны. Василько и Левъ, не имѣя ни откуда помощи и находясь въ рукахъ татаръ, рѣшились исполнить требованіе и уничтожили городскія стѣны во Львовѣ, Кременцѣ, Луцкѣ и Владимірѣ-Волинскомъ. Уцѣлѣлъ одинъ только Холмъ, излюбленный городъ Данила, благодаря хитрости Василька и догадливости защищавшихъ его бояръ. Во время Бурундаева нашествія Данилъ Романовичъ удалился въ Польшу, а оттуда въ Венгрію. Теперь, воротившись въ свою землю, при видѣ разоренныхъ городскихъ укрѣпленій, онъ убѣдился въ своемъ безсиліи свергнуть ненавистное иго и снова долженъ былъ признать себя татарскимъ данникомъ, хотя и не унизился до новой поѣздки въ Орду. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался въ 1264 году ¹⁰¹).

Время княженія Романа Мстиславича и Данила Романовича представляетъ собою высшую точку развитія государственной власти въ удѣльный періодъ исторіи Руси. Подъ властію этихъ двухъ князей уже ступшеваются все прежде бывшія мелкія удѣльныя княжества и вовсе уничтожаются, или же становятся въ подручныя, подчиненныя отношенія къ первенствующимъ князьямъ ¹⁰²). Какъ Романъ Мстиславичъ,

такъ и сынъ его Данилъ Романовичъ сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ силы юго-западной Руси, и Галичь, и Волынь, и Кіевъ, и первый изъ этихъ князей считался въ свое время едва ли не самымъ могущественнымъ княземъ во всей Руси. Но все же южная Русь, при всемъ своемъ сравнительномъ могуществѣ, была только частію одного великаго цѣлаго, т. е. Россіи. Естественный ходъ развитія государственнаго могущества и самыя историческія условія Россіи требовали, чтобы и эта крупная часть Русской земли или притянула къ себѣ другія такія же части ея, или же сама примкнула къ нимъ. Потребность такого всецѣлаго объединенія Руси особенно сознавалась послѣ нашествія татаръ на Русь. Если бы Русь не раздѣлена была на особыя части и не ослаблена междуособіями, то, разумѣется, никакая бы татарская и другая иноземная сила не сломила и не одолѣла ее. Много работалъ для объединенія и усиленія южной Руси, послѣ татарскаго погрома, и Данилъ Романовичъ, но особенно объединительныя стремленія обнаружались на сѣверѣ Россіи, въ землѣ Суздальской и Владимирской. Здѣсь еще Владиміръ Мономахъ, Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій образовали другое средоточіе государственной власти и могущества, соперничавшее съ южной Русью. Послѣ нашествія татаръ, это средоточіе передвигается въ Москву и не только притягиваетъ къ себѣ, мало по малу, всю сѣверо-восточную Русь, но впоследствии времени стремится оказывать влияние на ходъ событий и въ южной Россіи. Прежде всего, объединительныя стремленія сѣверной Руси поняли и оцѣнили кіевскіе митрополиты, какъ носители православно-христіанскихъ понятій о значеніи и правахъ самодержавной власти, переселились на сѣверъ Россіи, не прерывая общенія съ югомъ ея, и содѣйствовали осуществленію этихъ стремленій всѣми зависящими отъ нихъ духовно-нравственными средствами. Вскорѣ по разореніи Кіева татарами, въ кіевскіе митрополиты поставленъ былъ, по желанію Данила Романовича, бывшій печатникъ его Кириллъ П¹⁰³). Не смотря однако на южно-русское происхожденіе свое, Кириллъ П мало жилъ въ Кіевѣ, а подолгу оставался на сѣверѣ, въ землѣ Суздальской. Преемникъ же Кирилла П митрополитъ Максимъ окончательно покинулъ Кіевъ: со всѣмъ своимъ причтомъ и митрополичьимъ добромъ онъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ и самъ занялъ Владимірскую кафедру, а бывшаго здѣсь епископа Симеона перевелъ на кафедру Ростовскую¹⁰⁴). Къ

Развалины храма св. Василия Великаго въ городѣ Овручѣ.

сожалѣнію, галицко-волынскіе князья, преемники Данила Романовича, не хотѣли идти на встрѣчу объединительнымъ стремленіямъ сѣверной Руси, себялюбиво замкнулись въ тѣсномъ кругѣ мѣстной жизни и личныхъ выгодъ и въ скоромъ времени оказались безпомощными въ виду окружавшихъ ихъ сильныхъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ враговъ.

Пользуясь удаленіемъ митрополитовъ изъ Кіева, галицко-волынскіе князья думали учредить въ Галичѣ особую митрополию и образовать въ юго-западной Россіи совершенно отдѣльное церковное управленіе. Поэтому, когда въ 1305 году скончался митрополитъ Максимъ, то внукъ Данила Романовича, галицко-волынскій князь Юрій Львовичъ, убѣдилъ игумена Ратненскаго въ Галиціи монастыря отправиться въ Царьградъ съ галицкимъ посольствомъ и съ княжею грамотою къ патриарху Аѳанасію, для посвященія въ митрополита. Но патриархъ недобрительно принялъ мысль о раздѣленіи русской митрополи и поставилъ св. Петра митрополитомъ кievскимъ и всея Руси. Новопоставленный митрополитъ, хотя по рукоположеніи пробылъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, но потомъ переселился во Владиміръ на Клязьму, а затѣмъ въ Москву и весьма много содѣйствовалъ возвышенію и усиленію Московскаго государства. Въ 1317 году галицко-волынскій князь Юрій Андреевичъ возобновилъ попытку получить особаго для юго-западной Руси митрополита, каковымъ, съ соизволенія константинопольскаго патриарха и синода, временно явился галицкій епископъ Теодоръ ¹⁰⁵); но онъ, кажется, и не пользовался правами своего сана. Извѣстно, что останки св. Петра погребаль въ 1326 году въ Москвѣ Теодосій, епископъ луцкій, слѣдовательно имѣлъ общеніе съ покойнымъ митрополитомъ и зависѣлъ отъ него. Преемникъ св. Петра, митрополитъ Теогиость, поставленъ былъ въ 1327 году митрополитомъ «Кіеву и всей Русской землѣ», а въ 1328 году путешествовалъ въ Волынскую землю, Галичъ и далѣе. Въ 1329 году во Владиміръ-Волынскомъ онъ поставилъ епископа въ Тверь, а въ 1330 году—архіепископа въ Новгородъ. При этомъ, по словамъ лѣтописи, было четыре епископа юго-западной Россіи: Аѳанасій владимірскій, Маркъ перемышльскій, Іоаннъ холмскій и вышеупомянутый Теодоръ галицкій, находившійся, слѣдовательно, въ зависимости отъ митрополита Теогиоста ¹⁰⁶). Наконецъ, въ 1347 году, по настоянію московскаго великаго князя Симеона Гордаго и митрополита Теогиоста, патриаршею грамотою совершенно уничтожена Галицкая митрополія, а

подчиненныя ей епархіи возвращены подъ власть кіевскаго митрополита ¹⁰⁷).

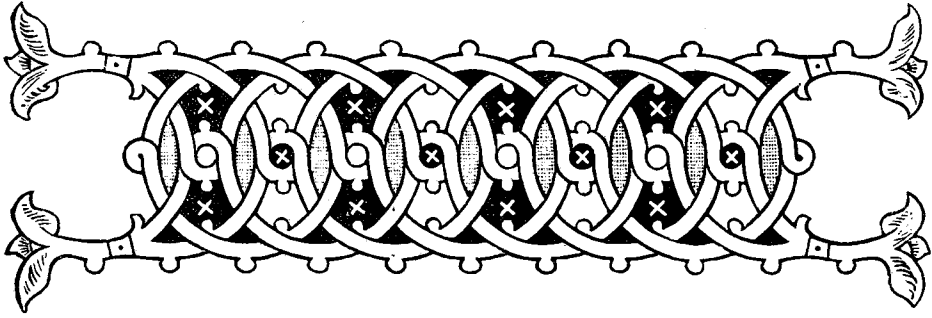
Такимъ образомъ, галицко-волынскимъ князьямъ не удалось образовать свою особую Галицкую митрополию; но за то имъ удалось обособиться отъ остальной Руси въ государственномъ отношеніи и ослабить свою землю раздѣленіемъ ея на части и взаимными несогласіями. Еще самъ Даниилъ Романовичъ началъ раздробленіе своего государства, считая его достояніемъ и какъ-бы собственностію своего рода. Отдавъ Волынь брату своему Васильку, Даниилъ еще при жизни своей дѣлитъ Червонную или Галицкую Русь между своими сыновьями Львомъ, Шварномъ и Мстиславомъ. По смерти Даниила, старшимъ въ родѣ оставался братъ его Василько Романовичъ, князь владиміро-волинскій. Благодаря уваженію, какимъ пользовался Василько у своихъ племянниковъ, при немъ продолжалось еще единеніе Волинской и Галицкой Руси и совокупное дѣйствіе противъ вѣдшихъ враговъ. Онь скончался въ 1271 году, оставивъ Волинскую землю сыну своему Владиміру и удѣливъ изъ нея Луцкую область племяннику своему Мстиславу Даниловичу. Главою рода остался Левъ Даниловичъ. Это былъ князь завистливый и безпокойный, запятнавшій себя убійствомъ родственника своего Воишелка и призваніемъ на помощь къ себѣ татаръ, причинившихъ неисчислимыя бѣдствія для южной Руси. Но общеніе между Волынью и Галицкою Русью еще не прерывалось, благодаря Владиміру Васильковичу, который отличался благодушнымъ и правдивымъ характеромъ и пользовался уваженіемъ сосѣдей и привязанностію подданныхъ. Умирая бездѣтнымъ, Владиміръ назначилъ наследникомъ своимъ двоюроднаго брата своего, луцкаго князя Мстислава Даниловича, отличавшагося добрымъ, привѣтливымъ характеромъ. Но лишь только скончался Владиміръ Васильковичъ, какъ сынъ Льва Даниловича Юрій отнимаетъ у дяди своего Мстислава его города Брестъ, Бѣльскъ и Каменецъ, которые впрочемъ долженъ былъ возвратить Мстиславу по настоянію своего отца. По смерти Мстислава Даниловича и своего отца, Юрій I Львовичъ въ 1301 году объединилъ въ своихъ рукахъ Галицкую землю и Волынь, принялъ королевскій титулъ и сталъ именоваться «Царемъ Руссіи и княземъ Лодомиріи». Въ 1316 году онъ палъ въ битвѣ съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ, оставивъ двухъ сыновей Андрея и Льва, между которыми раздѣлилось

его государство. Галиція и Владиміро-Волынское княжество достались старшему сыну Андрею, а Луцкій удѣлъ — младшему, Льву. Послѣ смерти обоихъ братьевъ, послѣдовавшей около 1324 года, западная Волынь съ Владиміромъ и Галиціей осталась за сыномъ Андрея Юріемъ II, а восточная съ Луцкомъ принадлежала зятю князя Льва, литовскому князю Любарту Гедиминовичу, мужу единственной его дочери Буши. Юрій II Андреевичъ называлъ себя «Божією милостію», «прирожденнымъ» княземъ или просто Россіи, или «всѣя малыя Россіи». Онъ, кажется, не успѣлъ достигнуть зрѣлаго возраста и умеръ около 1336 года, не оставивъ потомства ¹⁰⁸).

Со смертію Юрія Андреевича угасло старшее поколѣніе Данила Романовича, и бояре галицкіе призвали на свой столъ мазовецкаго князя Болеслава Тройденевича, сына Маріи Юрьевны, дочери Юрія I Львовича. Съ этихъ поръ прекращается въ юго-западной Руси владычество русскихъ князей Рюрикава дома, и она по частямъ дѣлается добычею сосѣднихъ народовъ — литовцевъ и поляковъ, долго спорившихъ между собою изъ-за русскаго наслѣдства. Наконецъ, Волынь, то-есть Владимірскій и Луцкій удѣлы, а также Берестейская область и Подляшье, отошли къ Литвѣ, а Галиція, съ присоединеніемъ удѣловъ Холмскаго и Белзскаго, осталась за Польшею ¹⁰⁹).

Государственная самостоятельность южной Руси, такимъ образомъ, пала, и пала надолго, на цѣлыя столѣтія; но и подъ игомъ иноплемениковъ и иновѣрцевъ здѣшній русскій народъ хранилъ и поддерживалъ въ себѣ тѣ зачатки добра, какіе посѣяны были въ немъ просвѣтителемъ всея Руси св. Владиміромъ, то-есть православную вѣру и сознаніе своей русской народности, и ревниво оберегалъ ихъ отъ всякихъ враждебныхъ покушеній, какъ залогъ будущаго возрожденія и воссоединенія своего съ однимъ общимъ для всѣхъ насъ русскихъ отечествомъ. Сохраненіе и борьба этихъ зачатковъ съ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ владычествомъ и наконецъ возрожденіе ихъ со времени воссоединенія съ Россіей и наполняютъ собою всю дальнѣйшую исторію Волыни.

Глава третья.

Волинь подъ литовскимъ владычествомъ.

Литовскія племена, ихъ расселеніе, начатки обрусенія и государственное объединеніе.—Миндовгъ, Воишелкъ и Гедиминъ и отношенія ихъ къ галицко-волинскимъ князьямъ.—Любаръ Гедиминовичъ луцкій, какъ первый литовскій князь на Волини.—Общій характеръ литовскаго господства и отраженіе его на Волини; первоначальное господство и памятники православія и русской народности на Волини; позднѣйшія слабыя попытки ополяченія и окатоличенія Волини.—Ворьба литовско-русскихъ князей съ Польшею за галицко-волинское наслѣдство и объединеніе Любартомъ Волини.—Ольгердъ Гедиминовичъ и присоединеніе къ Литвѣ Кіева, съ Житомиромъ и Овручемъ, и Подоліи; удѣльные князья кіевскій и волинскій; попытка учредить особую Литовскую митрополію.—Ягайло и унія Литвы съ Польшею 1386 г.; возстанія противъ него и назначеніе Ягайломъ на литовскій престолъ сначала Скиргайла, а потомъ Витовта.—Предпріятія Витовта и общее направленіе его дѣятельности; возстаніе Свидригайла и поддержка ему на Волини; городельская унія 1413 года и опасность для православія; попытка учрежденія особой Литовской митрополіи и введенія унии; съѣздъ государей въ Луцкѣ.—Свидригайло, его особыя отношенія къ Волини и Кіеву и соперникъ его Сигизмундъ Кейстутьевичъ.—Избраніе Казимира Ягайловича на литовскій престолъ.

В ТО ВРЕМЯ, какъ угасалъ родъ галицко-волинскихъ князей и клонилось къ упадку Галицко-Волинское княжество, на сѣверо-востокъ отъ него складывалось и крѣпло новое государство Литовское, которое потомъ получило часть русскаго наслѣдства и долгое время было какъ-бы опекуномъ и душеприкащикомъ западно-русскаго православнаго народа, пока наконецъ и само не подчинилось сосѣдному съ нимъ государству Польскому.

Первоначальное литовское племя занимало страну, лежащую вдоль

восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, отъ устьевъ Вислы до нижняго теченія Западной Двины, и состояло изъ многихъ разноименныхъ народцевъ. Главнымъ средоточіемъ ихъ была область нижняго и средняго теченія Нѣмана съ его правыми притоками Дубиссой, Невяжей и Виліей. Здѣсь собственно жили жмудь и литва, состав-

Развалины Крестовоздвиженской церкви въ г. Луцкѣ.
(Съ сѣверной стороны).

лявшія одну и ту же вѣтвь литовской семьи. Къ сѣверу отъ нихъ жила другая вѣтвь этого племени латышская или летская; на западъ отъ принѣманской Литвы жила третья вѣтвь литовскаго племени прусская; съ юга къ нѣманской Литвѣ примыкали ятвяги, которыхъ, по всѣмъ признакамъ, можно считать четвертою вѣтвью литовскаго семейства. Но изъ этихъ вѣтвей ятвяги совершенно истреблены

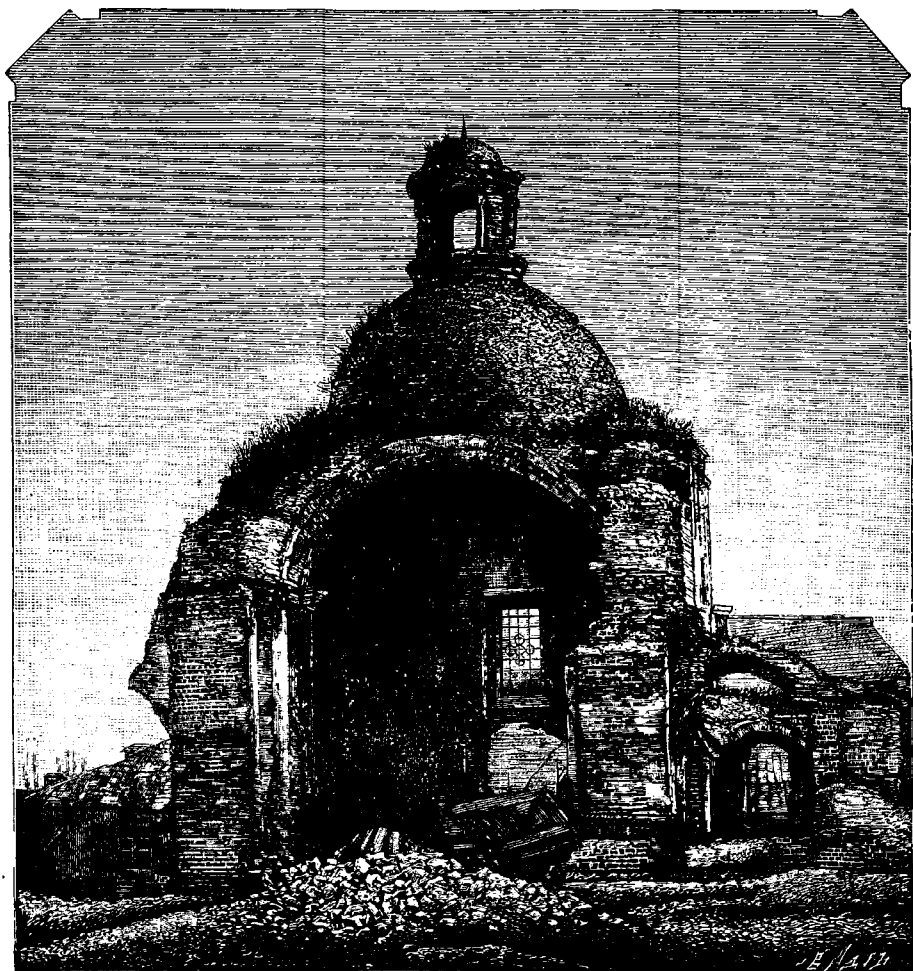
были русскимъ народомъ, а латыши и пруссы рано потеряли свою самостоятельность и покорены были нѣмецко-католическими военно-монашескими общинами или орденами ливонскимъ меченосцевъ и тевтонскимъ или прусскимъ, утвердившимся здѣсь въ началѣ XIII вѣка. Оставалась независимой только нѣманская Литва¹¹⁰). Она собственно и была, въ теченіи продолжительнаго времени, въ тѣсныхъ связяхъ съ юго-западною Русью и въ частности съ Вольною.

Принѣманская Литва, къ которой принадлежали литва и жмудь, первоначально не составляла одного государства. Раздѣляемые взаимною враждою, князья литовскіе дѣлали отдѣльныя вторженія въ русскіе предѣлы и нерѣдко терпѣли пораженія отъ русскихъ князей. Сохранилось даже преданіе, что литовцы платили дань Руси (полоцкому князю) лыками и вѣниками¹¹¹). Романъ Мстиславичъ галицкій не разъ побѣждалъ литовцевъ и приучалъ ихъ заниматься земледѣліемъ. Русская гражданственность проникала къ литовцамъ и другими, мирными путями. Русскія племена кривичей и древлянъ, то есть нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, съ незапамятныхъ временъ жили въ сосѣдствѣ съ литовцами и ятвягами, проникали въ ихъ земли и объединялись съ ними въ обычаяхъ, языкѣ и вѣрѣ, причемъ перевѣсъ оставался на сторонѣ русскаго народа, какъ болѣе способнаго и развитаго. Быть Литвы болѣе и болѣе складывался по русскимъ началамъ и порядкамъ жизни, не смотря на то, что литвины вовсе не принадлежали къ славянскому племени, хотя и вышли изъ одного съ нимъ корня. Въ послѣдствіи времени татарское нашествіе, поразившее южную Русь, придвинуло новыя массы русскихъ къ литовскимъ предѣламъ. Съ другой стороны, давленіе ливонскаго и прусскаго орденовъ на сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ литовцевъ заставляло ихъ придвигаться къ западно-русскимъ поселеніямъ. Все это содѣйствовало дальнѣйшему сближенію и объединенію литовцевъ и русскихъ. Сближеніе и объединеніе это происходило не только въ простомъ народѣ, но и въ семействахъ князей литовскихъ и русскихъ, входившихъ въ брачныя союзы между собою. Особенно часто женились литовскіе князья на русскихъ княжнахъ, которыя воспитывали свои семьи въ русскихъ обычаяхъ и преданіяхъ. Даже начало и ростъ государственнаго могущества Литвы въ значительной мѣрѣ обязаны были входившимъ въ предѣлы Литвы русскимъ людямъ, которые придавали силы литовскимъ князь-

ямъ не только своимъ числомъ и своею доблестію, но и тѣмъ, что передавали литвинамъ свое военное искусство, научили ихъ строить и защищать крѣпости ¹¹²).

Нападенія на Литву сильныхъ сосѣдей, нѣмцевъ, русскихъ и поляковъ, вызвали въ ней потребность государственнаго объединенія, которое началось еще до нашествія татаръ на Россію. Однимъ изъ первыхъ основателей могущества Литовскаго государства былъ литовскій князь Миндовгъ. Онъ началъ избивать своихъ братьевъ и племянниковъ, а другихъ выгналъ изъ Литвы, и сталъ княжить одинъ въ Литовской землѣ. Преслѣдуемые имъ родственники обратились въ 1252 году съ просьбою о помощи къ Даниилу Романовичу галицкому и въ Ригу къ нѣмцамъ. Даниилъ Романовичъ, женатый во второй разъ на литовской княжнѣ, попытался составить противъ Миндовга большой союзъ, въ который должны были войти ливонскій орденъ меченосцевъ, польскіе князья и даже часть самой Литвы. Угрожаемый со всѣхъ сторонъ непріятелями, Миндовгъ, прежде всего, постарался задобрить ливонскихъ нѣмцевъ и принялъ католичество, отъ котораго впоследствии торжественно отрекся. Затѣмъ, при посредствѣ сына своего Воишелка, принявшаго православіе, Миндовгъ заключилъ миръ и съ Данииломъ Романовичемъ. По условіямъ этого мира, младшій сынъ Даниила Шварнъ женился на дочери Миндовга, а другой сынъ Романъ Даниловичъ получилъ въ удѣлъ отъ Миндовга Новгородокъ. Съ своей стороны Воишелкъ уступилъ Роману Даниловичу свои города Слонимъ и Волковыйскъ, а самъ удалился въ монастырь и принялъ монашество. Но этотъ миръ продолжался недолго. Татарскій военачальникъ Бурундай, какъ извѣстно, счумѣлъ поссорить Даниила Романовича съ Миндовгомъ, который послѣ того вновь началъ свои набѣги на русскія земли и продолжалъ ихъ до своей смерти. Въ 1263 году онъ былъ убитъ, съ двумя младшими сыновьями, нальщанскимъ княземъ Довмонтомъ, у котораго Миндовгъ отнял жену. Тогда старшій сынъ Миндовга, Воишелкъ, снявъ съ себя монашеское одѣяніе, сѣлъ на великокняжескомъ литовскомъ столѣ и жестоко отомстилъ всѣмъ, замѣшаннымъ въ убійствѣ его отца: частію они были истреблены, частію бѣжали изъ Литовской земли. Въ борьбѣ со своими врагами Воишелкъ преимущественно опирался на русскую помощь и на русское населеніе своихъ областей. Достигнувъ великокняжескаго стола, онъ старался дать перевѣсъ всему русскому и самое

новоградско-литовское княженіе ввести въ составъ сосѣдней Руси. Не имѣя собственнаго потомства, онъ усыновилъ себѣ Шварна Даниловича и объявилъ его своимъ наследникомъ. Спустя немного лѣтъ, Воишелкъ опять покинулъ княжескій престолъ и удалился въ монастырь. Черезъ

Развалины Крестовоздвиженской церкви въ г. Луцкѣ.
(Съ западной стороны).

нѣсколько времени онъ былъ убитъ Львомъ Даниловичемъ на пиру за то, что всѣ свои земли отдалъ Шварну, а ему, Льву, не далъ ничего. Въ 1267 году умеръ и Шварнъ—и въ Литвѣ возникли споры за литовскій престолъ. Наконецъ, избранъ былъ въ великіе князья Тройденъ

(1270—1283 г.), а послѣ него—Витенъ (1283—1315 г.). Оба они воевали съ Львомъ Даниловичемъ изъ-за обладанія Литвою. Наконецъ, въ 1315 году великокняжескій литовскій престолъ занялъ Гедиминъ, истинный основатель могущества Литвы (1315—1370 г.). Онъ со всею ясностію понялъ значеніе русскихъ силъ въ его государствѣ и умно пользовался ими для борьбы со внѣшними врагами и для внутренняго благоустройства ¹¹³). Въ его княженіе границы Литовскаго государства значительно были раздвинуты на сѣверъ за Двину и на юго-западъ за Припеть ¹¹⁴), въ предѣлы нынѣшней Волынской губернии, и захватили значительную часть Волыни.

О присоединеніи Гедиминомъ Волыни къ Литовскому государству обыкновенно рассказывали и рассказываютъ слѣдующее. Отъ своего предшественника Гедиминъ наслѣдовалъ войну съ орденомъ и велъ ее въ теченіи всего своего княженія. Союзниками ордена явились галицко-волынскіе князья, начавшіе наступательное движеніе противъ Гедимина. Послѣдній, съ войскомъ литовскимъ, жмудскимъ и новогрудскимъ, двинулся будто-бы въ 1310 году противъ волынскихъ князей и взялъ города Владиміръ и Луцкъ. При этомъ палъ на полѣ битвы владимірскій князь Владиміръ, а луцкій Левъ бѣжалъ въ Брянскъ-Сѣверскій, къ зятю своему, князю Роману. Оставивъ во Владиміръ и Луцкъ своихъ старостъ и войско, и отдохнувъ зимою въ Брестѣ, весною 1321 г., Гедиминъ собралъ большое ополченіе и двинулся изъ Бреста противъ кіевскаго князя Станислава. Пройдя спокойно земли Луцкую и Владимірскую, Гедиминъ подступилъ прежде всего подъ Овручъ, замокъ князя Станислава. Взявъ его силой, онъ водворилъ въ немъ литовцевъ. Послѣ этого онъ обложилъ Житомиръ, въ которомъ находилось много шляхты кіевской. Русскіе защищались, но наконецъ вынуждены были сдаться литовцамъ. Гедиминъ вывелъ изъ Житомира старосту и русское войско и оставилъ въ замкѣ и городѣ, для защиты ихъ, свое литовское войско. Отсюда Гедиминъ пошелъ къ Кіеву. Разбивъ князей русскихъ на рѣкѣ Ирпени, онъ овладѣлъ потомъ Кіевомъ и княжествомъ Кіевскимъ. Намѣстникомъ своимъ въ Кіевѣ онъ назначилъ Миндовга, князя гольшанскаго ¹¹⁵).

Нѣкоторые признаютъ этотъ рассказъ въ общемъ вѣроятнымъ, а другіе находятъ, что онъ смѣшиваетъ событія и лица разныхъ временъ. По мнѣнію послѣднихъ, изъ этого разсказа можно принять только то, что

Гедиминъ имѣлъ около 1316 года военное столкновение съ волынскими князьями, во время котораго могъ быть убитъ на полѣ брани галицко-волинскій князь Юрій I Львовичъ, и что вскорѣ затѣмъ часть Волыни, именно Луцкій удѣлъ, дѣйствительно достался сыну Гедимина, Любарту. Но удѣлъ этотъ достался ему не путемъ завоеванія, а при посредствѣ брачнаго союза. Вообще Гедиминъ старался заключать съ сосѣдними государями родственныя связи, посредствомъ которыхъ или подготовлялъ присоединеніе къ Литвѣ новыхъ русскихъ областей, или пріобрѣталъ важныхъ союзниковъ. Оставаясь язычникомъ, Гедиминъ какъ самъ имѣлъ русскихъ православныхъ женъ, Ольгу и Еву, такъ и дѣтямъ своимъ не только устраивалъ христіанскіе браки, но и не препятствовалъ принимать крещеніе. Одного изъ своихъ сыновей Ольгерда Гедиминъ женилъ на Марьѣ Ярославнѣ, дочери витебскаго князя, не имѣвшаго мужскаго потомства; а потому, по смерти своего тестя, Ольгердъ наследовалъ въ 1320 году Витебскій удѣлъ. Далѣе, одну дочь свою, Айгусту, въ крещеніи Анастасію, Гедиминъ выдалъ за сына московскаго князя Ивана Калиты, Семеона Ивановича, другую Марію — за его соперника, тверскаго князя Дмитрія Михайловича; третью, Альдону, за Казимира, сына польскаго короля Владислава Локетка, а четвертую — за мазовецкаго князя Болеслава Тройденевича. Путемъ такихъ же родственныхъ связей присоединенъ былъ къ Литвѣ и Луцкій удѣлъ. Наслѣдниками галицко-волинскаго князя Юрія I Львовича въ 1316 году являются сыновья его Андрей, получившій Владимірскую землю, и Левъ, княжившій въ Луцкѣ. Любартъ женился на единственной дочери Льва Юрьевича, Бушѣ, и когда послѣдній умеръ около 1324 года, то Луцкій удѣлъ достался, на правахъ наследства, Любарту Гедиминовичу, который впоследствии расширилъ свои владѣнія на Волыни и княжилъ здѣсь до 1386 года ¹¹⁶).

Вокняженіе Любарта Гедиминовича на Волыни можно считать началомъ литовскаго владычества въ этой странѣ, которое продолжалось, со значительными измѣненіями въ своемъ характерѣ, до 1569 года или до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей.

Общій характеръ Литовскаго государства былъ военный, объясняемый его завоевательными и объединительными стремленіями и требованіями самозащиты отъ разныхъ сосѣдей, особенно отъ кресто-

носцевъ и татаръ. Послѣдніе, со времени образованія могущества Литовско-Русскаго государства, потеряли свою власть надъ южною Русью и дѣлали постоянные хищническіе набѣги на нее. Съ цѣлю увеличенія своихъ ратныхъ силъ, Литовское государство привлекало къ военной службѣ прежніе роды удѣльныхъ русскихъ князей, сошедшихъ теперь на степенъ князей служилыхъ, и умножало русское служилое сословіе новыми родами литовско-русскихъ князей и бояръ, раздавая имъ участки земли и обязывая защищать ихъ отъ вѣшнихъ враговъ ¹¹⁷). Вслѣдствіе этого, въ литовско-русскихъ областяхъ значительно размножилось высшее военное сословіе, укрѣплены были прежніе болѣе значительные города и построены новыя укрѣпленія и замки. Въ предѣлахъ нынѣшней Волыни, въ литовскій періодъ ея исторіи, кромѣ удѣльныхъ князей, мы встрѣчаемъ роды литовско-русскихъ служилыхъ князей и вельможъ Острожскихъ, Заславскихъ, Корецкихъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Збаражскихъ, Сангушковъ, Четвертинскихъ, Друцкихъ, Коширскихъ, Пронскихъ, Воронцовыхъ, Горскихъ, Рожинскихъ, Массальскихъ, Сапѣгъ, Соломерецкихъ, Пузынь, Огинскихъ, Ходкевичей, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Корсаковъ ¹¹⁸), и другихъ. Укрѣплены были прежніе города—Луцкъ, Острогъ ¹¹⁹), Дубно, Заславъ, Кременецъ, Корець, Звягель (нынѣ Новград-волыньскій), Житомиръ ¹²⁰), и др., и вновь построены укрѣпленные города и мѣстечки Любаръ ¹²¹), Вишневецъ ¹²²), Ровно ¹²³), Ковель ¹²⁴), Староконстантиновъ ¹²⁵), и др. Но въ отношеніи гражданственности и умственного развитія литовцы не сдѣлали и не привнесли въ русскую жизнь ничего новаго, самобытнаго. Они занимали менѣе десятой доли всего пространства Литовско-Русскаго государства, не обладали ни просвѣщеніемъ, ни письменностію, ни устройствомъ общественнаго быта, ни историческими государственными преданіями, и потому въ этомъ отношеніи легко подчинялись вліянію болѣе развитыхъ и окрѣпшихъ народовъ, съ которыми входили въ соприкосновеніе, то есть съ русскими и затѣмъ поляками. Особенно сильно было въ Литовско-Русскомъ государствѣ значеніе русской народности, проходящее чрезъ всю его исторію. Многочисленные сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ рускими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ, понятія, преданія и письменность рус-

Почаевская икона Божией Матери.

скаго населенія и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками св. Владиміра. Русскій языкъ становится государственнымъ и разговорнымъ языкомъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ ¹²⁶). Православіе является на первыхъ порахъ господствующею вѣрою въ государствѣ и мирнымъ путемъ распространяется даже среди самаго литовскаго народа, погрязавшаго дотолѣ въ язычествѣ.

Волинь, какъ составная часть Литовско-Русскаго государства, продолжала развивать свои народныя духовно-нравственныя силы, умножать наслѣдіе, полученное отъ св. равноапостольнаго князя Владиміра. Въ теченіи всего литовскаго періода, на Волини непрерывно продолжалась преемственность православныхъ епископовъ владиміро-волинскихъ и луцкихъ ¹²⁷) и умножались православныя храмы, монастыри и святыни. Вѣроятно, еще сыновьями галицко-волинскаго князя Юрія I Львовича сооружена на мѣстѣ кончины его во Владимірѣ-Волинскомъ церковь св. Георгія ¹²⁸). Первый литовскій князь на Волини, Любарть, во св. крещеніи Димитрій Гедиминовичъ, выстроилъ множество церквей по всей Волини и между прочимъ храмы св. Димитрія въ Любарѣ и можетъ быть въ Луцкѣ, украсилъ въ Луцкѣ соборный храмъ во имя Іоанна Богослова и надѣлилъ его селеніями, повторивъ въ своей грамотѣ сему храму содержаніе церковнаго устава св. Владиміра ¹²⁹). Отъ XIV вѣка извѣстенъ Спасскій Красносельскій монастырь близъ Луцка ¹³⁰). Въ XIV и XV вѣкахъ князьями Острожскими сооружены храмы Никольскій, Пречистенскій ¹³¹), Богоявленскій и Василіевскій въ г. Острогѣ ¹³²), Межиричскій Троицкій въ предмѣстьи г. Острога Межиричи ¹³³), и монастыри Дерманскій ¹³⁴), нынѣ Дубенскаго уѣзда, и Дубенскій Преображенскій ¹³⁵). Къ этому же времени можно отнести и построеніе часовни въ м. Гульчѣ, Острожскаго уѣзда, съ мѣстно чтимою иконою св. Николая, гдѣ во второй половинѣ XVIII вѣка построены былъ каменный гротъ (пещера) ¹³⁶). Въ 1490 году княземъ Федоромъ Михайловичемъ Чарторыйскимъ основанъ Клеванскій монастырь въ м. Клевани, Ровенскаго уѣзда ¹³⁷). Въ 1494 году владимірскій епископъ Васіанъ возобновилъ Владимірскій Успенскій Мстиславовъ соборъ и снабдилъ его иконою Богоматери греческаго письма, которая прекрасно сохранилась и до настоящаго времени ¹³⁸). Въ XVI вѣкѣ основаны или

упоминаются слѣдующіе православные монастыри: Городищенскій, нынѣ Заславскаго уѣзда; Корецкій, Новградволынскаго, и Маренинскій Ровенскаго уѣзда, основанные княземъ Богусемъ Корецкимъ, Мелецкій Николаевскій, Ковельскаго уѣзда, основанный княземъ В. М. Сангушко, Вербскій Ковельскаго уѣзда, основанный московскимъ бѣглецомъ, княземъ Андреемъ Гурбскимъ, Загоровскій, Владимірскаго уѣзда, основанный П. Б. Загоровскимъ, Заславскій женскій, Кременецкій Спасскій, Ильинскій Владимірскій, Гоцанскій Острожскаго уѣзда, Яеногородскій Житомирскаго уѣзда, Клинецкій Овручскаго уѣзда, Четвертенскій Луцкаго уѣзда, Тригорскій Житомирскаго уѣзда¹³⁹⁾ и др. Въ обширныхъ владѣніяхъ князей Острожскихъ было болѣе 600 православныхъ церквей¹⁴⁰⁾ и до 10 монастырей, а именно: Степанскій, Дорогобужскій, Дубенскій Преображенскій, Крестовоздвиженскій, Чернчицкій подъ Луцкомъ, Подборецкій Дубенскаго уѣзда, Татаринецкій Кременецкаго, Дубицскій Староконстантиновскаго, Троицкій Острожскій¹⁴¹⁾, и др. Въ мѣстечкѣ Вишневецъ, Кременецкаго уѣзда, до сихъ поръ сохраняется древняя замковая православная церковь, въ которой, по преданію, совершено было обрученіе Марины Мнишекъ съ Лжедимитріемъ¹⁴²⁾. Основатели и благотворители храмовъ и монастырей жертвовали имъ иконы и книги. Отъ XIII вѣка сохранилось евангеліе съ записью 1376 года, которою князь Юрій холмскій записывалъ Холмскому православному собору нѣсколько сель¹⁴³⁾. Отъ XIV вѣка извѣстно рукописное евангеліе Спасскаго Красносельскаго монастыря близъ Луцка¹⁴⁴⁾. Недавно стали извѣстны рукописное евангеліе, написанное въ 1411 году въ Каменцѣ-Стромиловѣ, нынѣ Каменъ Стромиловой въ Галиціи, въ Золочевскомъ округѣ, при рѣкѣ Западномъ Бугѣ, и такой же апостоль XV в. изъ села Антоновецъ, Кременецкаго уѣзда¹⁴⁵⁾. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій записалъ въ 1499 году своему Дерманскому монастырю поученія Каллиста, патріарха константинопольскаго, а въ 1507 году — рукописное евангеліе¹⁴⁶⁾. Въ Мѣлецкомъ монастырѣ хранилось толковое евангеліе, переписанное по повелѣнію князя Юрія Семеновича Слуцкаго¹⁴⁷⁾. Въ Дубенскомъ Николаевскомъ соборѣ находятся весьма древнія иконы Богоматери и Св. Николая, перенесенныя княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ въ Дубенскій соборъ изъ его замковой церкви, два огромные чугунные пятисвѣщника и помяникъ князя Констан-

тина Ивановича Острожскаго ¹⁴⁸). Основатели православныхъ монастырей Мѣлецкаго, Загоровскаго и Вербскаго передали этимъ монастырямъ и свои иконы ¹⁴⁹). Отъ XVI вѣка дошли до насъ слѣдующія евангелія, писанныя на Волини: евангеліе Дубенскаго Спасскаго монастыря 1539—1568 гг. ¹⁵⁰), Пересопницкое 1556—1561 г., переведенное на южнорусскую рѣчь ¹⁵¹), Дорогобужское 1580 года, находящееся нынѣ въ синодальной библіотекѣ ¹⁵²), и евангеліе, писанное на кожѣ, въ одной изъ Староконстантиновскихъ церквей ¹⁵³). Въ одномъ изъ этихъ евангелій, именно Дубенскомъ 1539—1568 гг., сохранился списокъ монастырскихъ книгъ того времени, составъ которыхъ совершенно сходенъ съ составомъ другихъ книгохранилищъ, извѣстныхъ на сѣверѣ Россіи ¹⁵⁴). Объ этомъ-же свидѣлствуютъ и сохранившіеся доселѣ отъ XVI вѣка остатки книгохранилищъ волинскихъ монастырей Дерманскаго, Мѣлецкаго, Почаевскаго, Загоровскаго, Тригурскаго ¹⁵⁵).

О высотѣ духовно-нравственной жизни на Волини въ литовскій періодъ ея исторіи свидѣлствуютъ прославленные св. церковью угодники Божіи — преподобный Ѳеодоръ, князь Острожскій († 1430 г.), и блаженная Іуліанія, княжна Ольшанская на Дубровицѣ ¹⁵⁶).

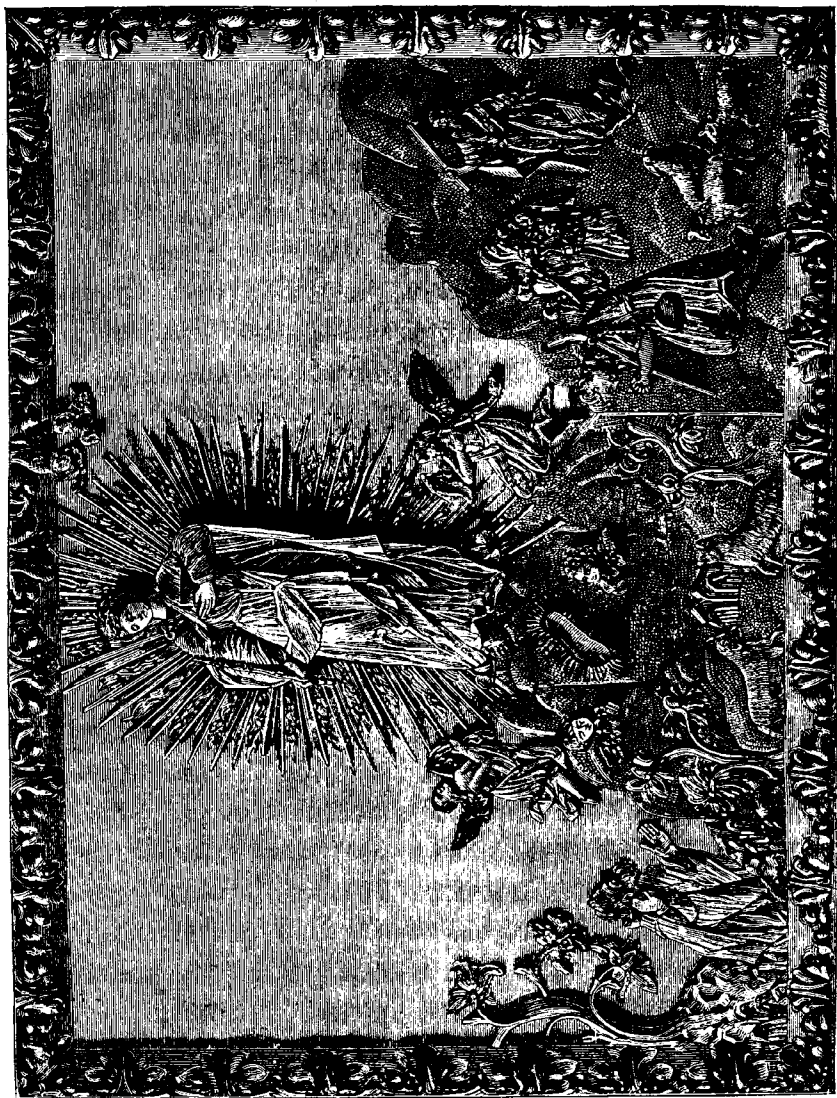
Къ сожалѣнію, естественный ходъ развитія слагавшагося Литовско-Русскаго или западно-Русскаго государства встрѣтилъ неожиданную преграду вслѣдствіе вышней государственной сдѣлки между Литвой и Польшей въ 1386 году, возобновлявшейся нѣсколько разъ и послѣ того. Послѣдствіемъ этой сдѣлки или союза было стремленіе государей литовско-польскихъ передѣлать государственный строй и убѣждения жителей великаго княжества Литовскаго на подобіе того строя, который выработала польская историческая жизнь, ослабить православіе и водворить въ Литовско Русскомъ государствѣ католичество, польскій общественный порядокъ, польскія судебныя установленія. Эти стремленія имѣли нѣкоторый успѣхъ въ полуязыческой Литвѣ, которая крещена была по обряду римскому, и дворянамъ литовскимъ пожалованы были различныя права и преимущества предъ православными. Но совершенно измѣнить народныя черты многочисленнаго русскаго народа, входившаго въ составъ Литовскаго государства, оказалось невозможнымъ. Попытки литовско-польскихъ государей въ этомъ отношеніи сначала встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны русскаго населенія и обрусѣвшихъ князей удѣльныхъ Гедиминова рода, которые, опираясь

на сочувствіе своихъ областей, отстаиваютъ самостоятельность если не всего Литовско-Русскаго государства, то отдѣльныхъ областей его и отклоняютъ или надолго задерживаютъ введеніе въ своихъ областяхъ польскаго общественнаго строя и католичества. Наконецъ, эти князья мало помалу устраняются изъ русскихъ областей или переходятъ въ разрядъ служилыхъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ усиливаться въ русскихъ областяхъ польскіе порядки и латинство, хотя и встрѣчаютъ не менѣе сильное сопротивленіе со стороны русско-литовскихъ вельможъ, представителей церкви и простаго народа. На Волыни уже въ литовскій періодъ ея исторіи начинаются возвышеніе шляхетства, раздача русскихъ земель полякамъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, устройство городовъ по польскому образцу и водвореніе латинства¹⁵⁷). Значительные города волынскіе, служившіе средоточіями правительственной власти, получаютъ такъ называемое магдебургское право еще въ XV столѣтіи, а второстепенные — въ XVI вѣкѣ. Такъ, городу Луцку оно пожаловано въ 1432 году, Кременцу въ 1431 году, Житомиру около половины XV вѣка и Владиміру-Волынскому въ концѣ этого столѣтія. Въ XVI столѣтіи получаютъ это право города: Ковель 1518 г., Торчинъ 1540 г., Олыка 1564 г., Ляховцы 1583 г. и т. д. Но это чуждое законодательство не прививалось къ быту и правовымъ понятіямъ южно-русскихъ мѣщанъ. По всѣмъ встрѣчавшимся имъ вопросамъ они находили отвѣтъ въ обычномъ мѣстномъ правѣ и предпочитали его магдебургскому праву¹⁵⁸).

Еще менѣе могло привиться католичество въ южно-русскихъ областяхъ и въ частности на Волыни. Польско-латинскіе писатели утверждаютъ, что латинская Владиміро-Волынская епархія утверждена была еще польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ, который въ 1364 году основалъ будто-бы Владимірскій кафедральный костелъ¹⁵⁹). Но если и дѣйствительно былъ основанъ этотъ костелъ, то существовалъ не долго и упраздненъ былъ по возвращеніи города Владиміра подъ власть литовско-русскихъ князей. Въ 1375 году папа Григорій XI, по представленію Владислава Опольскаго и польскаго короля Людовика, вновь учреждаетъ кафедру во Владимірѣ-Волынскомъ, хотя этотъ городъ и не былъ тогда подъ властію Польши и принадлежалъ русско-литовскому православному князю Любарту Гедиминовичу; слѣдовательно, Владимірская римско-католическая кафедра и въ это время существовала

только по имени. Въ 1427 году она перенесена была въ г. Луцкъ¹⁶⁰), гдѣ еще въ 1393 году основанъ былъ доминиканскій монастырь¹⁶¹). Въ этой Владиміро-Луцкой католической епархіи, во все время литовскаго владычества на Волыни, было весьма мало католическихъ костеловъ и монастырей. По извѣстіямъ польско-католическихъ писателей, въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи въ это время существовали слѣдующіе костелы, кромѣ указанныхъ уже двухъ: въ Прицкѣ, нынѣ Владимірскаго уѣзда, съ 1405 года; въ Любомлѣ, того-же уѣзда, основанный королемъ Ягелломъ въ 1412 году; въ г. Острогѣ Успенскій 1448 г.; въ Превалахъ, Владимірскаго уѣзда, основанный помѣщикомъ Гурскою въ 1464 г.; въ Чудновѣ, Житомирскаго уѣзда, приходъ съ XV вѣка; въ м. Ратномъ, Ковельскаго уѣзда, 1504 г.; въ Злочевѣ, Дубенскаго у., помѣщикомъ Адамомъ Прусиновскимъ въ 1509 г.; въ Кременцѣ францисканскій, основанный польской королевой Боною въ 1538 г.¹⁶²); въ г. Ровно, основанный княгинею Беатою изъ Косцелецкихъ Острожскою въ 1548 г.; въ Староконстантиновѣ—княземъ Янушемъ Сангушко въ 1551 г. и во Владиміръ-Волынскомъ Іоакимо-Аннинскій—княгинею А. Збаражскою въ 1554 году. Однако, и изъ этихъ немногочисленныхъ костеловъ существованіе нѣкоторыхъ въ указанное время весьма сомнительно. Такъ напримѣръ, представляется невѣроятнымъ, чтобы въ 1448 году основанъ былъ въ г. Острогѣ православными князьями Острожскими Успенскій костелъ, и притомъ безъ всякой нужды въ немъ¹⁶³), а Староконстантиновскій костелъ положительно не могъ существовать въ 1551 году, такъ какъ въ это время не было еще и самаго города Староконстантинова¹⁶⁴). Остальные же изъ перечисленныхъ костеловъ или находились внѣ тогдашней Волыни и принадлежали къ Холмской католической епархіи, напримѣръ Любомльскій, Перевальскій и Ратненскій костелы¹⁶⁵), или же построены были отдѣльными владѣтельными лицами, а не мѣстнымъ населеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, эти и подобныя попытки ополяченія и окатоличенія русскаго православнаго населенія въ Литовско-Русскомъ государствѣ сами по себѣ не могли бы произвести никакого существеннаго измѣненія въ сложившемся вѣками характерѣ южно-русскаго народа; но онѣ были пагубны въ томъ отношеніи, что нарушали доброе согласіе между различными частями Литовско-Русскаго государства и приготовили его паденіе. Пользуясь несогласіями между различными частями

Снимок съ изображенія Почаевской стопы.

Литовско-Русскаго государства, поляки на люблинскомъ сеймѣ 1569 года по частямъ присоединили его къ королевству Польскому и подчинили своей власти.

Соответственно двумъ указаннымъ теченіямъ жизни Литовско-Русскаго государства, въ исторіи Волыни, во время литовскаго владѣчества, можно различать слѣдующія особенности. Съ первыхъ временъ литовскаго владѣчества на Волыни, или съ вокняженія въ Луцкѣ Любарта Гедиминовича, русская народность и православіе развиваются болѣе или менѣе безпрепятственно, не смотря на посягательства Казимира Великаго и на появлявшіяся съ 1386 года правительственныя ограниченія, и находятъ поддержку въ особыхъ удѣльныхъ князьяхъ волынскихъ; но, съ прекращеніемъ и уничтоженіемъ особыхъ удѣловъ при Казимірѣ Ягайловичѣ, именно Луцко-Волынскаго въ 1452 году, и Кіевскаго въ 1417 году, на общемъ теченіи южно-русской жизни становятся замѣтными тѣни польско-католическаго вліянія.

Первый волынско-литовскій князь Любартъ Гедиминовичъ всю жизнь свою провелъ въ борьбѣ съ поляками за русское наслѣдство на Волыни и успѣлъ расширить свои владѣнія и утвердить ихъ за Литовскимъ государствомъ.

Около 1336 года умеръ послѣдній галицко-русскій князь Юрій II Андреевичъ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ. Бояре галицкіе призвали на свой престолъ мазовецкаго князя Болеслава Тройденевича, происходившаго, по женской линіи, изъ потомства Данила Романовича галицкаго и приходившагося своякомъ польскому королю Казимиру Великому. Луцкъ же, съ присоединеніемъ г. Владиміра, оставался за Любартомъ Гедиминовичемъ. Но Болеславъ Тройденевичъ не долго княжилъ въ Львовѣ. Такъ какъ онъ перешелъ изъ православія въ католичество и сталъ оказывать пренебреженіе къ русской церкви и народнымъ обычаямъ и обижать своихъ подданныхъ; то былъ отравленъ галицкими боярами въ 1340 году. Смерть его послужила поводомъ къ продолжительной борьбѣ между Литвой и Польшей за галицко-русское наслѣдство. Въ томъ же 1340 году Казиміръ Великій въ два похода захватилъ всю Галицію и часть Волыни до города Кременца включительно. Со стороны литовско-русскихъ князей въ началѣ не видно мужественнаго сопротивленія польскому захвату: вѣроятно, тому помѣшала послѣдовавшая въ 1341 году смерть Гедимины и происшедшее въ Литвѣ разье-

диненіе между его сыновьями. Но мѣстные бояре и служилые князья, именно князь Данило Острожскій, и староста перемышльскій, Дмитрій Дѣдко, призвавъ на помощь татаръ, вытѣснили поляковъ изъ нѣкоторыхъ галицкихъ городовъ и заключили съ Казиміромъ договоръ. По этому договору, за Казиміромъ оставалась только Львовская земля; тогда какъ земля Владимірская, удѣлы Луцкій, Белзскій, Холмскій, Берестейскій и даже Кременецъ остались въ рукахъ литовскихъ князей. Когда же междуособія въ Литвѣ прекратились и на старшій престолъ сѣлъ, при помощи брата своего Кейстута, Ольгердъ Гедиминовичъ; то съ этого времени начинается упорная борьба между Литвой и Польшей за галицко-волынскія земли, продолжавшаяся все время княженія Ольгерда (1345—1377 гг.) и царствованія польскихъ королей Казиміра Великаго и преемника его Людовика Венгерскаго. Войну возобновилъ Казиміръ Великій. Воспользовавшись пораженіемъ, которое въ 1348 году потерпѣли литовскіе князья отъ крестоносцевъ, онъ въ слѣдующемъ году захватилъ Владиміръ, Луцкъ, Брестъ, Холмъ и нѣкоторые другіе города Волыни и предложилъ Любарту довольствоваться Луцкимъ удѣломъ, подъ верховною зависимостію отъ польскаго короля. Но литовскіе князья, соединившись, не только изгнали поляковъ, но и произвели опустошенія въ коренныхъ польскихъ областяхъ. Война, съ перемѣннымъ успѣхомъ, тянулась до 1356 года, и обѣ стороны, повидимому, остались при прежнихъ владѣніяхъ. Въ 1366 году война за галицко-волынское наслѣдство возобновилась опять и кончилась миромъ въ томъ же 1366 году. По этому миру, Казиміръ получилъ всю Холмско-Белзскую землю, городъ Владиміръ-Волынскій съ округами Городельскимъ, Любомльскимъ, Турійскимъ, Ратненскимъ, Кошерскимъ и Влучимскимъ, а также города Кременецъ, Перемышль и Олеско; Любарту достались Луцкъ съ пригородами Стожкомъ, Даниловомъ, Закаменемъ (нынѣ Подкамень въ Галиціи), Шумскомъ, Острогомъ, Полоннымъ и Межибожьемъ, а также часть Владимірской земли, именно города Ветлы (нынѣ деревня Ковельскаго уѣзда), Лѣбязь, Черный Городокъ, Камень и Мельница съ ихъ округами, но съ тѣмъ, чтобы владѣть этими послѣдними городами въ зависимости отъ Казиміра. Только по смерти Казиміра († 1370 г.), во время междуцарствія въ Польшѣ, Кейстутъ и Любартъ Гедиминовичи отвоевали у поляковъ Владиміръ. При преемникѣ Казиміра Великаго Людовикѣ венгерскомъ еще разъ возобновлялась война за галицко-волынское наслѣдство, которая прекращена была миромъ 1377 года. По этому

миру, Владимірскій и Луцкій удѣлы, а также Берестейская область, отошли къ Литвѣ, а Галиція, съ присоединеніемъ удѣловъ Холмскаго и Белзскаго, окончательно присоединены были къ Польшѣ. За Польшею оставались также города Кременецъ, Олеско, Лопатинъ и др.; но, по смерти Людовика венгерскаго († 1382 г.), оставленные имъ въ этихъ городахъ воеводы продали ихъ Любарту, который присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ и тѣмъ довершилъ объединеніе Волыни. Онъ умеръ въ 1386 году, оставивъ свое княжество сыну своему Теодору Любартовичу¹⁶⁶).

Въ то время, какъ Волынь объединяется подъ властію Любарта Гедиминовича, братъ его, великій князь литовскій Ольгердъ Гедимновичъ, старается собрать подъ свою властію другія русскія земли и прочно утвердить на Руси значеніе великихъ князей литовскихъ. Онъ стремится оказывать вліяніе на Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ, вступаетъ въ продолжительную борьбу съ великими князьями московскими, поддерживаетъ въ борьбѣ съ ними князей тверскихъ и расширяетъ литовско-русскія владѣнія приобрѣтеніемъ Брянска, Новгорода-Сѣверскаго, Кіева и Подолія. Кіевъ послѣ Батыева нашествія оставался подъ управленіемъ русскихъ князей черниговскихъ и затѣмъ суздальскихъ, получавшихъ ярлыки изъ Орды на это княженіе. Въ 1331 году Кіевомъ управлялъ какой-то князь Теодоръ, находившійся въ зависимости отъ татарскаго баскака. Что же касается Подолія, то она непосредственно управлялась татарскими князьями, которые образовали здѣсь обширный улусъ, получившій въ XIV вѣкѣ названіе Подолія. Пользуясь внутреннимъ ослабленіемъ и разложеніемъ Золотой Орды на мелкія татарскія ханства, Ольгердъ въ 1362 году одержалъ рѣшительную побѣду надъ тремя подольскими ханами Кутлубугою, Хаджибеємъ и Дмитреемъ на берегахъ рѣки Синія Воды. Остатки разбитой имъ орды удалились частію въ Крымъ, частію въ Добруджу, и Подолія перешла подъ власть литовцевъ. Обширную Подольскую область Ольгердъ предоставилъ въ удѣлъ четыремъ племянникамъ своимъ, сыновьямъ Коріята Гедиминовича. А вслѣдъ за покореніемъ Подолія, и Кіевское княжество должно было, въ свою очередь, признать надъ собою власть великаго княжества Литовскаго, котораго владѣнія окружали теперь Кіевскую землю со всѣхъ сторонъ.

Занятіе Кіева произошло, повидимому, безъ борьбы. Ольгердъ смѣстилъ княжившаго здѣсь сподручника Орды князя Теодора и отдалъ

Кіевскій удѣль, съ городами Житомиромъ и Овручемъ, въ управленіе сыну своему, православному князю Владиміру Ольгердовичу ¹⁶⁷).

Такимъ образомъ, съ 1362 года объ половины нынѣшней Волынской губерніи—Кіевская съ Житомиромъ и Овручемъ и собственно Волынская—одинаково входили въ составъ великаго княжества Литовскаго и стали раздѣлять общія его историческія судьбы, хотя и долго еще потомъ управлялись особыми удѣльными литовско-русскими князьями. Такими князьями при Ольгердѣ оставались Владиміръ Ольгердовичъ въ Кіевской области и Любарть Гедиминовичъ на Волыни.

Какъ самъ Ольгердъ, такъ и подручные ему князья Владиміръ Ольгердовичъ и Любарть Гедиминовичъ болѣе или менѣе заботились объ укрѣпленіи своихъ владѣній, развитіи русской народности и православія и поддержаніи православной церкви ¹⁶⁸). Но государственные виды и расчеты Ольгерда, желавшаго во всѣхъ отношеніяхъ обособить свои владѣнія отъ Московскаго государства, были причиною нѣсколькихъ попытокъ къ учрежденію особой Литовской православной митрополіи. Этимъ попыткамъ благопріятствовало и возрожденіе Кіева подъ литовскимъ владычествомъ и оживленіе преданій о прежнемъ значеніи Кіева и существовавшей здѣсь Кіевской митрополіи. Еще въ 1352 году, при жизни кіево-московскаго митрополита Теогноста, какой-то монахъ Теодоритъ незаконно получилъ отъ болгарскаго терновскаго патріарха посвященіе въ митрополиты для южной Руси, и хотя низложенъ былъ цареградскимъ патріархомъ, но держался въ Кіевѣ до самой смерти Теогноста, послѣдовавшей въ 1353 году. По смерти Теогноста, Ольгердъ пожелалъ имѣть особаго митрополита для Литвы. Поэтому въ Цареградѣ поставлены были два митрополита: св. Алексѣй для Кіева и всей Россіи и Романъ для Литовской митрополіи. По смерти Романа, послѣдовавшей въ 1362 году, святитель Алексѣй сталъ первосвященникомъ всей Россіи. Преданіе говорить, что митрополитъ Алексѣй на возвратномъ пути изъ Москвы во время своихъ объѣздовъ по русскимъ областямъ посѣтилъ Вильну и здѣсь лично освятилъ вновь построенный храмъ пресв. Богородицы. Но Ольгердъ настоятельно просилъ патріарха о назначеніи въ Литву особаго митрополита. Онъ жаловался патріарху Филоею на св. Алексѣя за то, что послѣдній благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови, снимаетъ съ перебѣжчиковъ въ Москву крестное цѣлованіе, не приходитъ въ Литву, и въ Кіевъ не отправляется. Вслѣдствіе настояній Ольгерда,

патріархъ Филовей, еще при жизни митрополита Алексѣя, посвятилъ въ 1376 году въ митрополиты для Литвы Кипріана, который поселился въ Кіевѣ у Владиміра Ольгердовича и тутъ выжидалъ кончины московскаго святителя. Въ 1389 году Кипріанъ переселился въ Москву и съ того времени сдѣлался всероссійскимъ митрополитомъ ¹⁶⁹). Такимъ образомъ попытка Ольгерда имѣть особаго литовскаго митрополита не имѣла успѣха.

Ольгердъ умеръ въ 1377 году. Отъ двухъ женъ своихъ онъ оставилъ 12 сыновей, изъ коихъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: Андрей полоцкій, извѣстный уже намъ Владиміръ кіевскій, Константинъ, Скиргайло Иванъ, Свидригайло Болеславъ и Ягайло Яковъ, которому Ольгердъ оставилъ виленскій престолъ. Кромѣ того, оставались въ живыхъ дяди ихъ Кейстутъ трокскій съ сыномъ Витовтомъ и Любарть волынскій съ сыномъ Теодоромъ.

Начало княженія Ягайла на великокняжескомъ престолѣ ознаменовано было возмущеніемъ противъ него нѣкоторыхъ братьевъ, которые наконецъ принуждены были бѣжать въ Москву, и столкновеніемъ съ дядею Кейстутомъ. Послѣдній коварно захваченъ былъ Ягайломъ и удавленъ въ подземной темницѣ ¹⁷⁰). Но не успѣлъ еще Ягайло окончательно утвердиться на литовскомъ престолѣ, какъ открылись для него виды на польскій престолъ и на соединеніе Литвы съ Польшею.

Въ 1382 году умеръ польскій король Людовикъ венгерскій, не оставивъ послѣ себя мужскаго потомства. Въ 1383 году поляки признали своей королевой младшую дочь Людовика, Ядвигу, а въ женихи ей выбрали Ягайла, несмотря на то, что Ядвига обручена была за австрійскаго принца Вильгельма и считалась уже законною его супругою. Съ помощію брака Ядвиги съ Ягайломъ, поляки не только избавлялись отъ опасности со стороны Литвы, но и дѣлали ее своимъ неразрывнымъ союзникомъ. Открывалась полная надежда на соединеніе обѣихъ странъ въ одно могущественное Польско-Литовское государство, страшное для всѣхъ своихъ сосѣдей. Бракъ съ Ядвигой былъ предложенъ Ягайлу только подъ условіемъ его перехода въ католичество и крещенія всего литовскаго народа въ ту же вѣру. Ягайло съ своей стороны видѣлъ въ соединеніи съ Польшею опору для своей власти въ самомъ Литовскомъ государствѣ, и согласился на всѣ условія, которыхъ отъ него потребовали

поляки. Въ февралѣ 1386 года онъ прибылъ въ Краковъ, торжественно перешелъ изъ православія въ католичество и, вмѣсто Якова, назвался Владиславомъ. Вмѣстѣ съ нимъ перешли изъ православія въ католичество нѣкоторые сопровождавшіе его братья и родственники, въ томъ

Строители Почаевской церкви Теодоръ и Ева Домашевскіе.

числѣ Витовтъ Кейстутевичъ и многіе литовскіе бояре изъ свиты великаго князя. 18 февраля совершился торжественный бракъ Ягайла съ Ядвигой¹⁷¹). На слѣдующій годъ Ягайло съ Ядвигою прибылъ въ Вильну, разрушилъ языческія капища, погасилъ священные огни и крестилъ литовцевъ

язычниковъ, при чемъ новообращенные получали суковныя свиты. На създѣ князей въ Вильнѣ постановлено было принуждать къ принятію католичества силою, къ какому бы другому исповѣданію ни принадлежалъ принуждаемый. Смѣшанные браки запрещены; но если бы такой бракъ случился, сторону не католическую можно даже тѣлеснымъ наказаніемъ принудить принять католичество. Привиллегією, данною Ягайломъ крестившимся литовскимъ боярамъ, сдѣлана попытка сблизить положеніе литовскихъ бояръ съ польскою шляхтою: боярамъ дано право безъ ограниченія со стороны князей распоряжаться своими имѣніями; имѣнія ихъ освобождены отъ повинностей, исключая того случая, когда строится городъ всею землею; введены польскіе кастелянскіе суды. Но все это не распространяется на тѣхъ, кто или не принялъ католичества, или отрекся отъ него. Вообще латинство получало въ Литвѣ сразу большую силу, а вмѣстѣ съ нимъ и поляки; потому что латинское духовенство въ Литвѣ сначала по необходимости состояло большею частію изъ поляковъ. Полякамъ чрезъ это открылся большой доступъ къ вліянію на дѣла литовскія ¹⁷²).

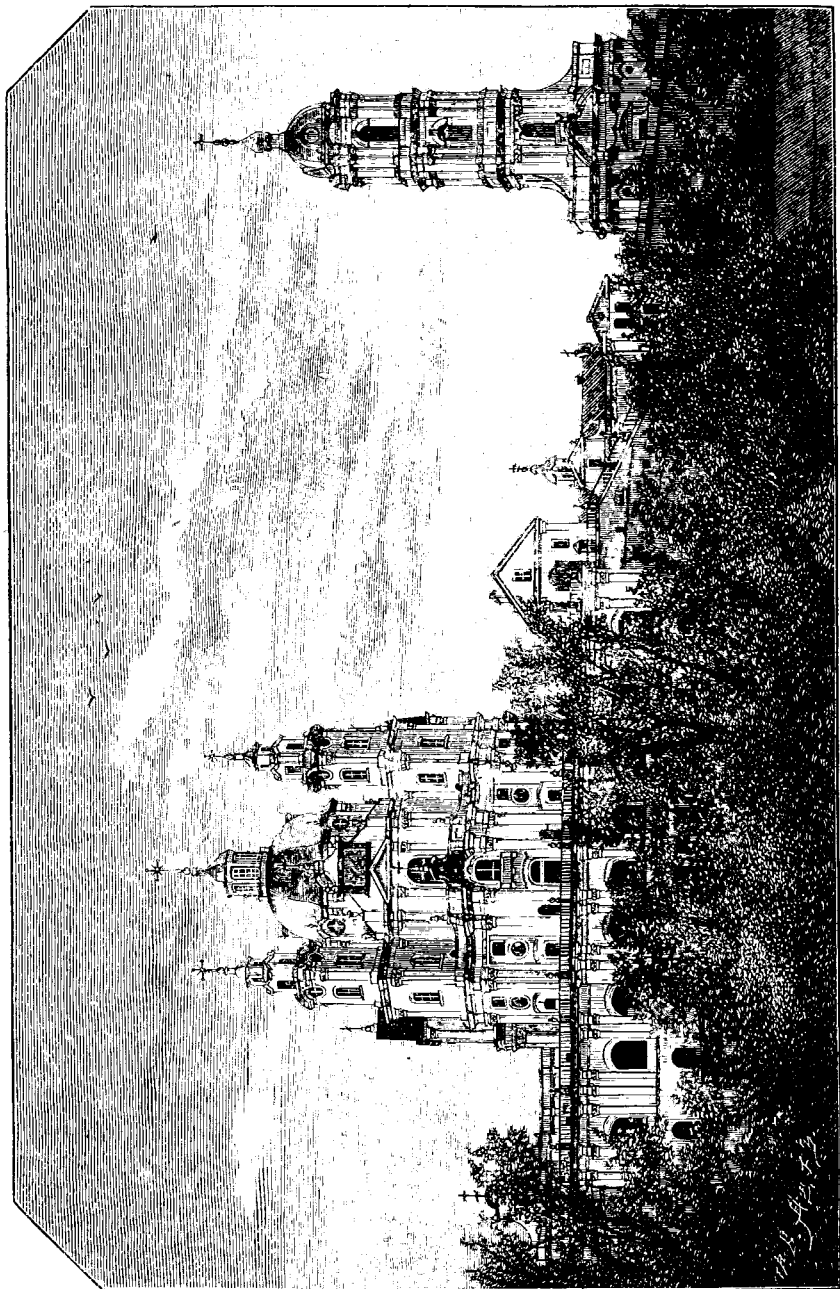
Что же касается русскихъ областей великаго княжества Литовскаго, то въ отношеніи ихъ Ягайло ограничился только требованіемъ отъ удѣльных князей покорности себѣ и коронѣ польской и отдачею удѣловъ въ болѣе надежныя и вѣрныя ему руки. Въ теченіи трехъ лѣтъ (1387—1389 гг.) Ягайло три раза присылалъ кіевскому князю Владиміру Ольгердовичу для подписи грамоты, заключавшія въ себѣ обязательство вѣрности королю, королевѣ и королевству Польскому ¹⁷³). Въ 1386 году Ягайло подтверждаетъ за княземъ Θεодоромъ Даниловичемъ Острожскимъ города Острогъ, Корець, Заславъ, Хлалотынъ (нынѣ деревня Красный Ставъ, Новградволинскаго уѣзда), Иванинъ (можетъ быть, Ивановка къ западу отъ Заславля), Хрестовичъ (село Христовка, Заславскаго уѣзда), Красно и Круну (с. Крупецъ, около г. Острога), съ обязательствомъ подчиненія непосредственно Польшѣ, и въ ущербъ власти удѣльнаго волинскаго князя Θεодора Любартовича. Послѣдній наконецъ совершенно вытѣсняется изъ Волыни, и удѣлъ его переданъ былъ католику Витовту Кейстутьевичу ¹⁷⁴), а Чарторыйскъ отданъ брату Ягайла Константину Ольгердовичу ¹⁷⁵). Но дальнѣйшія попытки Ягайла къ поглощенію литовско-русскихъ областей встрѣтили сильный отпоръ въ населеніи этихъ

областей и въ нѣкоторыхъ литовско-русскихъ князьяхъ, остававшихся вѣрными русскимъ началамъ и преданіямъ.

Еще въ 1386 году родной братъ Ягайла, православный литовскій князь Андрей полоцкій, соединившись со смоленскимъ княземъ Святославомъ, возмущился противъ Ягайла и сталъ покорять своей власти Бѣлоруссію. Но это возстаніе ведено было крайне неосмотрительно. Андрей, еще ничего не сдѣлавъ, объявилъ себя великимъ княземъ литовскимъ, чѣмъ вооружилъ противъ себя не одного Ягайла, но и другихъ литовскихъ князей. Ополченіе князей, подъ предводительствомъ Скиргайла, разбило Святослава у Мстиславля; Андрей же, осажденный Скиргайломъ въ Полоцкѣ, взятъ былъ въ плѣнъ¹⁷⁶). Опасаясь дальнѣйшихъ возстаній и сопротивленія себѣ въ русскихъ областяхъ и полагаясь на личную преданность себѣ Скиргайла, Ягайло назначилъ его въ 1388 году намѣстникомъ короля въ Литву и дозволилъ ему съ обычною торжественностію вѣнчаться на великокняжескій престолъ въ Вильнѣ. Скиргайло былъ человекъ православный и уважаемый на Руси¹⁷⁷), и назначеніе его великимъ княземъ литовскимъ несомнѣнно было уступкою со стороны Ягайла православному населенію литовско-русскихъ областей. Но и Скиргайло не могъ спасти Ягайла отъ новыхъ возмущеній противъ него. Двоюродный братъ ихъ, даровитый Витовтъ Кейстутевичъ, заявилъ свои притязанія на великое княженіе литовское и, не смотря на то, что самъ былъ католикомъ, старался опираться въ своихъ притязаніяхъ на русскія силы и нерасположеніе ихъ къ Ягайлу. Витовтъ добился того, что въ 1392 году Ягайло призналъ его великимъ княземъ литовскимъ на мѣсто Скиргайла, который получилъ Кіевское княжество съ титуломъ «великаго князя русскаго»¹⁷⁸). Но въ Кіевѣ сидѣлъ еще Владиміръ Ольгердовичъ, который не хотѣлъ добровольно оставить свое княжество. Тогда Витовтъ занялъ кіевскіе пригороды Овручъ и Житомиръ, отклонилъ предложеніе мира, сдѣланное ему Владиміромъ, и перевелъ его въ ничтожный и отдаленный Копыльскій удѣлъ, передавъ кіевское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу. Когда же черезъ три года умеръ Скиргайло, то Кіевская область присоединена была къ владѣніямъ Витовта¹⁷⁹).

Витовтъ былъ на литовскомъ великокняжескомъ престолѣ съ 1392 по 1430 годъ. Его продолжительное княженіе на Литвѣ обильно было разными важными предпріятіями и событіями, ко-

торыя всё почти были направлены имъ къ возвышенію могущественнаго и независимаго Литовскаго государства. Къ такимъ предпріятіямъ и событіямъ относятся: попытка Витовта возстановить и посадить татарскаго хана Тохтамыша въ Сараѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній посадилъ его въ Москву (1399 г.); трехлѣтняя война (1406—1409 гг.) Витовта съ зятемъ своимъ, великимъ княземъ московскимъ Василюемъ Димитріевичемъ, имѣвшая цѣлю захваты русскихъ владѣній на сѣверѣ и востокѣ Руси и окончившаяся миромъ 1409 г.; поражение Витовтомъ тевтонскихъ рыцарей при деревняхъ Грюнвальдѣ и Танненбергѣ въ 1410 году, давшее рѣшительный перевѣсъ Польско-Литовскому государству надъ орденомъ: образованіе въ 1416 году особой православной Литовской митрополіи, независимой отъ московскаго митрополита; созваніе съѣзда государей въ Луцкѣ въ 1429 году для разсужденія о мѣрахъ противъ новаго общаго врага—турокъ и о принятіи Витовтомъ королевскаго достоинства. Но главная ошибка Витовта заключалась въ общемъ направленіи его государственной дѣятельности. Сознавая необходимость и желая создать изъ Литвы великое государство, Витовтъ, къ сожалѣнію, опустилъ изъ виду ту русскую основу, на которой могло бы быть воздвигнуто его государственное зданіе. Правда, при дворѣ Витовта, жившаго попеременно въ Вильнѣ и Луцкѣ, употреблялись еще, по старымъ преданіямъ, русскій языкъ и русская письменность и образованность, прилившая сюда изъ за Днѣпра во время татарскаго ига но по вѣрѣ Витовтъ совершенно отрознился отъ большинства своихъ подданныхъ. Мѣняя не разъ вѣру, бывши то язычникомъ, то православнымъ, то католикомъ, — онъ не могъ опереться на русское православное населеніе съ той увѣренностію и прочностію, которая была бы доступна чисто православному князю¹⁸⁰). Поэтому всё его даже блестящія предпріятія или не удавались, или имѣли оборотную, худую сторону и все болѣе и болѣе втягивали его и Литву въ тѣ сѣти, какими опутывала ихъ Польша, постепенно подготовлявшая совершенное подчиненіе себѣ Литовскаго государства. Восточныя области западной Россіи рано стали отшатываться отъ Витовта и заявляли это возстаніями во всѣхъ русскихъ областяхъ. Съ 1392 года въ этихъ областяхъ возникаетъ возстаніе за возстаніемъ. Таковы были возстанія Владимира Ольгердовича, Глѣба смоленскаго, Корибута сѣверскаго, Феодора подольскаго и др.¹⁸¹). Нѣтъ сомнѣнія, что всё эти возстанія были значительнымъ тормозомъ

Почайская лавра (съ южной стороны).

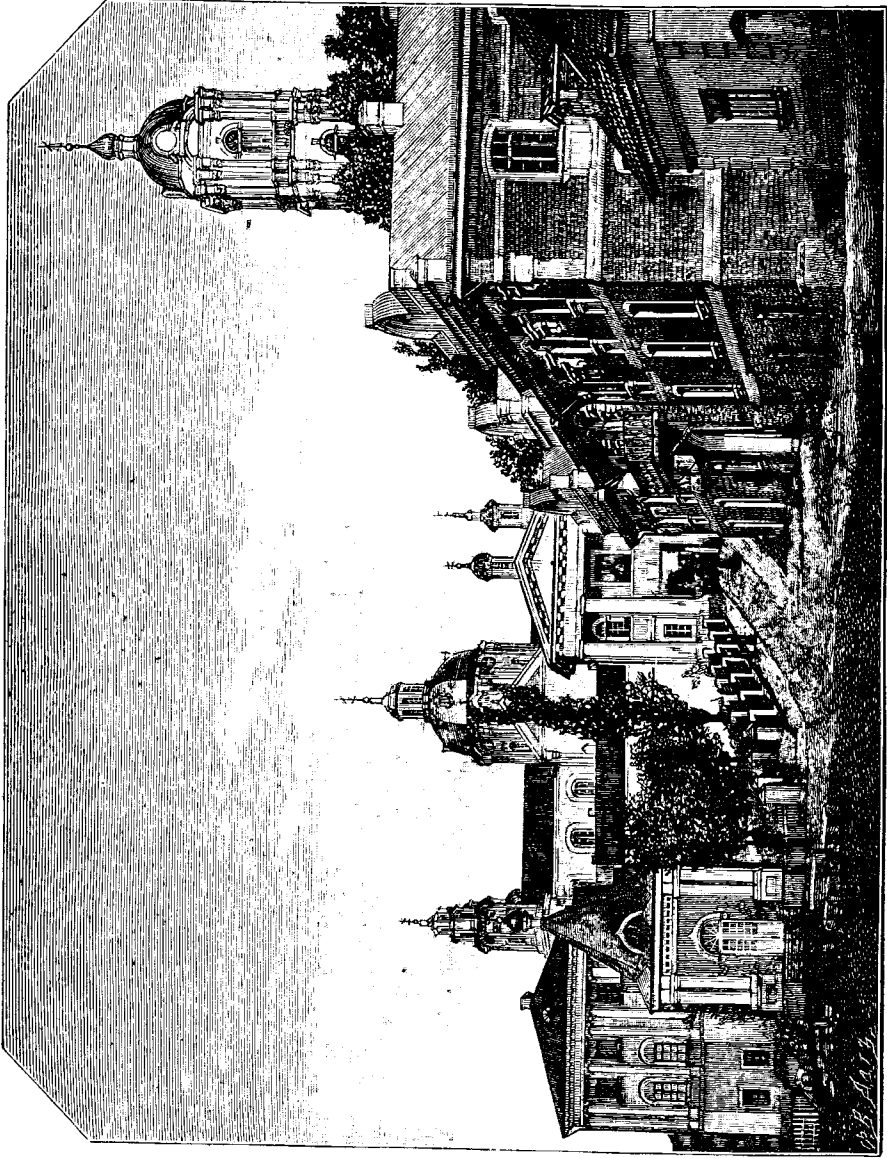
для Витовта во всѣхъ его важнѣйшихъ предпріятіяхъ и заставляли его искать опоры въ единовѣрной ему Польшѣ, вопреки собственному желанію. Съ Польшей Витовтъ хотѣлъ разорвать союзъ еще въ 1398 году, отказавшись платить королевѣ Ядвигѣ дань съ Литвы¹⁸²); но послѣдующія обстоятельства вынудили его искать для себя опоры въ Польшѣ. Въ 1399 году татарскій военачальникъ Тамерлана, Эдигей, разбивъ Витовта на берегахъ рѣки Ворсклы, прошелъ съ мечемъ и огнемъ княжества Кіевское и Волынское до Луцка, причемъ разорилъ и опустошилъ города Житомиръ и Овруч¹⁸³). Послѣ этого пораженія и опустошенія южной Россіи, Витовтъ нашелъ необходимымъ снова сблизиться съ Ягайломъ и въ 1401 году заключилъ съ нимъ договоръ, которымъ подтверждалось соединеніе Польши съ Литвою и охранялись права и преимущества католическихъ церквей, устроенныхъ и устраиваемыхъ въ Литвѣ; Витовтъ признавался пожизненнымъ владѣтелемъ, съ тѣмъ, что послѣ него власть возвращается къ Ягайлу; если же Ягайло умретъ ранѣе, то поляки обязывались не избирать короля безъ согласія Витовта. Но этимъ договоромъ вздумалъ воспользоваться представитель русскаго начала въ Литвѣ, Свидригайло Ольгедровичъ, и, опираясь на сочувствіе русскаго населенія, долго беспокоилъ Витовта своими притязаніями на литовскій великокняжескій престолъ. Сдѣлавъ въ 1402 году неудачную попытку овладѣть Вильною, Свидригайло воспользовался потемою войною между Витовтомъ и великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Дмитріевичемъ, въ 1408 году пріѣхалъ въ Москву и получилъ въ кормленіе Владиміръ на Клязьмѣ; но въ томъ же году, во время нашествія Эдигея на Москву, постыдно бѣжалъ назадъ въ Литву. Здѣсь онъ схваченъ въ 1409 году Витовтомъ и до 1418 года томился въ заключеніи сначала въ Вильнѣ, а потомъ въ Кременецкомъ замкѣ, пока наконецъ не освобожденъ былъ отсюда вооруженною силою князьями Даниломъ Теодоровичемъ Острожскимъ и Александромъ Носомъ и не получилъ въ 1420 году отъ Витовта въ удѣлъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ¹⁸⁴). Самое знаменитое дѣло Витовта, пораженіе ордена при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ, не было доведено имъ до конца, по недостатку единодушія, и, истощивъ Литву, нарушило существовавшее до толѣ равновѣсіе между Литвою и Польшей въ пользу послѣдней. Вскорѣ послѣ грюнвальдской побѣды, поляки постарались сильнѣе привлечь къ себѣ высній классъ Литовскаго княжества. Для этихъ цѣлей въ

1413 году созванъ былъ общій сеймъ для литовцевъ и поляковъ въ Гроднѣ. На этомъ сеймѣ составленъ былъ прославленный поляками городельскій актъ соединенія Литвы съ Польшей, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ. Литва и Польша соединяются въ одно государство, одинъ народъ, одно тѣло. Послѣ смерти Витовта, Литва признаетъ государемъ Ягайла и его дѣтей; послѣ смерти Ягайла поляки избираютъ Витовта. Литва получаетъ сеймы и должности, подобныя польскимъ. Желая способствовать распространенію и утверженію католичества въ Литвѣ, Ягайло постановилъ уравнивать нѣкоторыхъ ея жителей въ правахъ и вольностяхъ съ польскимъ дворянствомъ. Преимущества эти должны распространяться только на лицъ, принятыхъ польскими дворянами къ своимъ гербамъ, подъ неперемѣннымъ условіемъ, что лица эти будутъ исповѣдывать католичество. Пользоваться ими не могутъ «схизматики (т. е. православные) и другіе невѣрные». Въ пользу этихъ лицъ Ягайло отказывается отъ своего права на земельную собственность и признаетъ ихъ имѣнія потомственными ихъ владѣніями. Онъ разрѣшаетъ имъ выдавать замужъ дочерей и сестеръ по своему усмотрѣнію, но только за католиковъ. Церкви католическія, соборныя и приходскія, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ получаютъ права и преимущества церковей католическихъ въ Польшѣ. Должности воеводъ, кастеляновъ и т. д. будутъ раздаваться въ великомъ княжествѣ Литовскомъ исключительно католикамъ. Этими условіями Витовтъ и латинская Литва крѣпко привязаны къ Польшѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко оторваны отъ русскаго православнаго населенія юго-западной Россіи. Литвины латиняне поставлены въ положеніе господъ, а русскіе православные—въ положеніе рабовъ ¹⁸⁵). Витовтъ, повидимому, самъ сознавалъ несправедливость постановленій городельскаго сейма къ своимъ русскимъ православнымъ подданнымъ, а потому впослѣдствіи старался сколько-нибудь оградить ихъ права учрежденіемъ особой православной Литовской митрополии, введеніемъ въ Литвѣ вѣроисповѣдной уніи и особыми привилегіями отдѣльнымъ областямъ.

При Витовтѣ литовско-русскія православныя епархіи сначала управлялись всероссійскимъ митрополитомъ Кипріаномъ, который, проживая въ Москвѣ, нѣсколько разъ посѣщалъ Кіевъ и Волынь и вообще юго-западную Русь. По смерти митрополита Кипріана († 1406 г.), Витовтъ и южно-русскіе епископы, въ томъ числѣ владимірскій и луцкій, избрали

себѣ въ митрополиты полоцкаго епископа Θεодосія; но въ Цареградѣ Θεодосія не посвятили, а посвятили въ 1408 году въ митрополиты всей Руси грека Фотія. Витовтъ, находившійся тогда въ войнѣ съ московскимъ великимъ княземъ, не принялъ Фотія; но въ 1415 году, вскорѣ послѣ городельскаго сейма, Витовтъ велѣлъ собрать въ Новгородкѣ литовскомъ соборъ православнаго литовско-русскаго духовенства, на которомъ избранъ былъ въ литовскіе митрополиты болгаринъ Григорій Цамвлакъ и точно обезпечена была независимость православной литовско-русской церкви и самоуправленіе ея подъ властію митрополита и подъ верховнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха. Свобода, неприкосновенность и независимость церкви обезпечены были грамотою Витовта, подтверждавшею всѣ постановленія этого собора. Но учрежденіе Литовской митрополіи должно было, по мысли Витовта, повести къ другой еще болѣе широкой цѣли—единенію церковей восточной и западной. Мостомъ къ этому единенію ему представлялось гусситство. Поэтому Витовтъ въ 1413 году принималъ Іеронима Пражскаго и бесѣдовалъ съ нимъ. Вообще сочувствіе къ Іерониму, смотрѣвшему благосклонно на православную церковь, было сильно. Разсказываютъ, что, по сожженіи Гуса, при дворѣ Витовта считали его смерть несправедливостью. Съ цѣлю соединенія церковей, Витовтъ послалъ литовскаго митрополита съ нѣсколькими епископами въ Констанць на соборъ; но, пріѣхавъ туда, они нашли Гуса осужденнымъ, вопросъ о причащеніи подъ обоими видами отвергнутымъ, и объявили, что они остаются при своемъ вѣроисповѣданіи. Отчасти эта неудача, отчасти нежеланіе многихъ православныхъ въ Литвѣ отдѣлиться отъ митрополита Фотія и особенно примиреніе съ великимъ княземъ московскимъ, были причинами того, что, по смерти Григорія Цамвлака († 1420 г.), Витовтъ принялъ Фотія и дозволилъ ему управленіе литовско-русскими епархіями¹⁸⁶). По желанію Витовта, Ягайло далъ въ 1427 году Луцкой землѣ грамоту, которою подтверждались права жителей всѣхъ вѣроисповѣданій и обѣщано не трогать православныхъ въ землѣ Луцкой¹⁸⁷).

Въ послѣдніе годы своего княженія Витовтъ еще разъ ярко блеснулъ своимъ могуществомъ и значеніемъ, но какъ будто для того только, чтобы окончателно померкнуть предъ усиливавшеюся насчетъ Литвы Польшею. Держа крымскихъ татаръ въ нѣкоторомъ страхѣ предъ собою и распоряжаясь иногда ханскимъ престоломъ, Витовтъ приобрѣлъ большое

Почаевская лавра (съ восточной стороны).

значеніе не только на востокѣ, но и на западѣ Европы, которому въ XV столѣтіи турки чаще и чаще стали угрожать опасностію. Для совѣщаній объ отраженіи этого общаго врага, въ 1429 году составилъ въ Луцкѣ, у Витовта, съѣздъ государей, на который прибыли: Ягайло, нѣмецкій императоръ Сигизмундъ со множествомъ нѣмецкихъ князей, московскій князь Василій Васильевичъ тоже со многими удѣльными князьями, боярами и съ митрополитомъ Фотіемъ, король датскій, папскій посолъ, гроссмейстеръ прусскій, воевода валахскій, ханъ Перекопской Орды и византійскій посолъ. Императоръ Сигизмундъ приглашалъ съѣхавшихся государей и вельможъ содѣйствовать взаимному примиренію и единенію церквей восточной и западной, общая для этой цѣли собственную властію настоять на созваніи новаго вселенскаго собора. При этомъ онъ высказалъ, что греческая церковь святостію вѣроченія не уступаетъ латинской, а православные священники отличаются отъ католическихъ только бороною и брачными узами; но первые довольствуются одною женою, тогда какъ вторые имѣютъ ихъ десятокъ и болѣе. Далѣе, Сигизмундъ приглашалъ съѣхавшихся государей предпринять общую борьбу противъ турокъ и оказать дѣятельную помощь утѣсненной отъ нихъ Византійской имперіи. Но оба эти предложенія были отклонены поляками. Наконецъ, Сигизмундъ, тайно желавшій самостоятельности Литвы и разрыва ея съ Польшей, подалъ мысль о принятіи Витовтомъ королевскаго достоинства. Престарѣлый, 80-лѣтній Витовтъ, съ жаромъ ухватился за эту мысль и даже пригласилъ нѣкоторыхъ гостей къ себѣ въ Вильну на коронацію въ слѣдующемъ 1430 году. Императоръ дѣйствительно послалъ ему королевскую корону, но ее перехватили поляки, и Витовтъ, готовившійся къ торжеству, не вынесъ неудачи и умеръ въ томъ же 1430 году ¹⁸⁸).

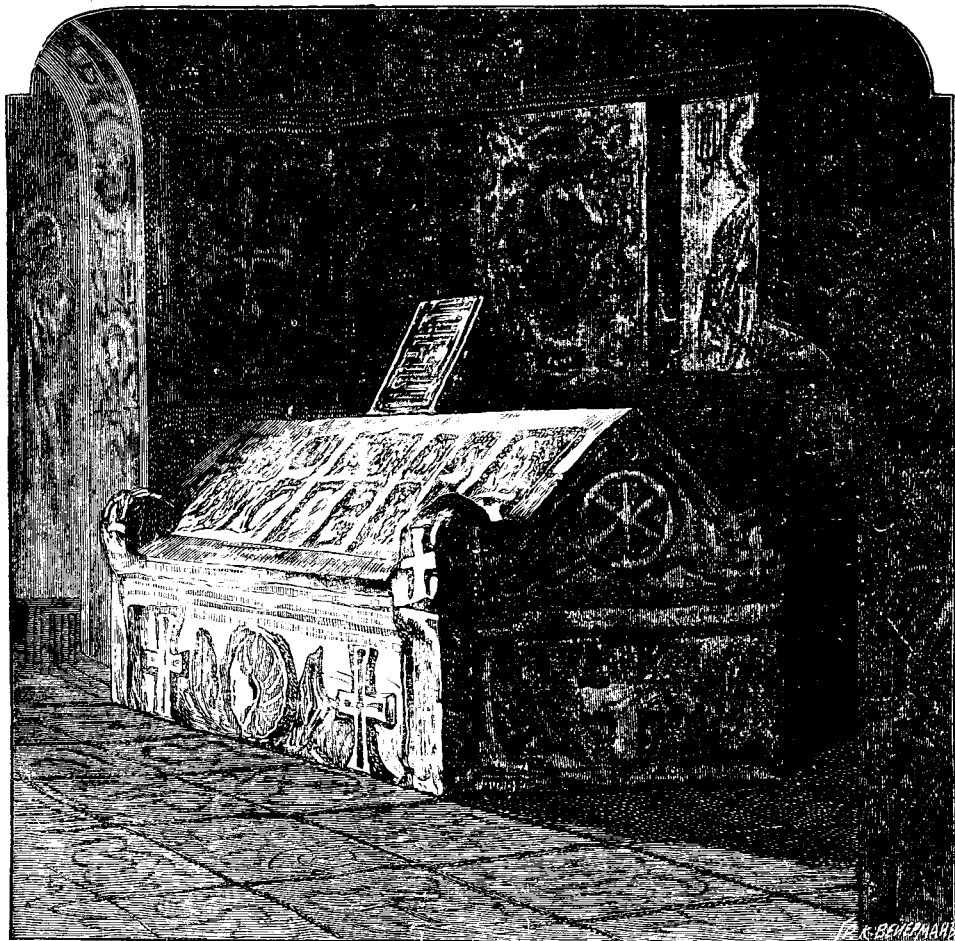
По смерти Витовта, созванъ былъ въ Вильнѣ сеймъ, для избранія великаго князя литовскаго. Предложены были братъ Ягайла Свидригайло, братъ Витовта Сигизмундъ, Александръ или Омелько Владиміровичъ, —сынъ Владиміра Ольгердовича, и Сигизмундъ Корибутовичъ. Избранъ и утвержденъ былъ Ягайломъ Свидригайло. Хотя онъ, по примѣру Ягайла, перешелъ когда-то (1386 г.) изъ православія въ католичество, но не былъ ревностнымъ католикомъ и обнаруживалъ явное сочувствіе русскимъ православнымъ, на которыхъ опирался въ своихъ прежнихъ притязаніяхъ на великокняжескій престолъ. Поэтому русское

населеніе съ радостью привѣтствовало возвышеніе Свидригайла на великокняжескій престолъ и готово было усердно поддерживать его въ борьбѣ за государственную самобытность, за сохраненіе своей вѣры и народности и за свои имущественныя права. Дѣйствительно, Свидригайло, вступивъ на великокняжескій престолъ, смѣло и ясно заявлялъ, что союзъ Литвы съ Польшей вреденъ, что онъ, Свидригайло, не подчиненъ ни Польшѣ, ни Ягайлу, хотѣлъ даже хлопотать о королевской коронѣ и вскорѣ вступилъ въ открытую борьбу съ Польшей. Поводомъ къ этой борьбѣ послужила Подолія, которую поляки старались захватить тотчасъ по смерти Витовта. Свидригайло настойчиво потребовалъ возвращенія Подоліи и, не получивъ удовлетворенія, сдѣлалъ открытый вызовъ Польшѣ. Вслѣдствіе этого, въ іюль 1431 года началась междоусобная война, во время которой поляки отличались большою жестокостію. Владиміръ-Волынской и нѣкоторые другіе города были сожжены и разграблены¹⁸⁹). Съ своей стороны русскіе всюду истребляли латинское духовенство, предали позорной смерти пятерыхъ доминиканцевъ, сожгли всѣ латинскія церкви въ Луцкѣ и на Волыни и совершенно очистили ее отъ католичества¹⁹⁰). Городъ Луцкъ выжженъ былъ самимъ Свидригайломъ; но луцкій замокъ, подъ начальствомъ русскаго воеводы Юрши, защищался мужественно и упорно. Въ этой войнѣ принималъ большое и грозное для поляковъ участіе князь Феодоръ Острожскій. Но война была нерѣшительная; потому что оба брата, Свидригайло и Ягайло, часто входили между собою въ мирныя сдѣлки. По заключенному затѣмъ мирному договору, Свидригайло удержалъ за собою восточную часть Подоліи и всю Волынскую землю. Тогда поляки, не одолѣвъ Свидригайла открытою войною, выставили ему соперникомъ младшаго брата Витовта Сигизмунда Кейстутевича и побудили его объявить свои притязанія на великокняжескій престолъ. Опираясь на литовскихъ вельможъ, расположенныхъ къ Польшѣ и католичеству, Сигизмундъ Кейстутевичъ въ 1432 г. внезапно напалъ на Свидригайла и овладѣлъ Литвою, хотя Свидригайло успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Полоцкъ и призвалъ на помощь русскихъ князей¹⁹¹). Съ этого времени великое княжество Литовское распадается на двѣ части, согласно племенному составу своихъ жителей: коренныя литовскія земли признаютъ власть Сигизмунда, всѣ же русскіе князья и области стоятъ подъ знаменемъ Свидригайла¹⁹²). На югѣ Россіи русскій воевода Михаилъ оборонялъ

отъ поляковъ землю Кіевскую, Александръ Носъ—Волинскую и князь Ѳеодоръ Острожскій—Подольскую. Особенно отличался своими подвигами Ѳеодоръ Острожскій, получавшій помощь отъ сосѣднихъ волоховъ и татаръ. Но Свидригайло не сумѣлъ воспользоваться довѣріемъ и расположеніемъ къ нему Руси. Онъ сталъ обнаруживать свою неспособность къ управленію государствомъ, возобновилъ попытку учредить особую Литовскую митрополію и чрезъ поставленнаго имъ митрополита Герасима входилъ въ сношенія съ папою о соединеніи церквей. Это охладило къ Свидригайлу приверженность православнаго населенія, тѣмъ болѣе, что по своему буйному, необузданному нраву, Свидригайло тогда казнилъ жестокою смертію тѣхъ знатныхъ сторонниковъ Сигизмунда, которые попадали въ его руки. Такъ напримѣръ, одного изъ князей Ольшанскихъ онъ велѣлъ въ Витебскѣ зашить въ мѣшокъ и утопить въ Двинѣ; велѣлъ схватить поставленнаго имъ же самимъ митрополита Герасима и сечь живымъ, какъ полагаютъ, за тайныя сношенія съ Сигизмундомъ. Отъ Свидригайла отсталъ даже князь Ѳеодоръ Острожскій, самый храбрый и даровитый изъ его сторонниковъ, будучи оскорбленъ великимъ княземъ, хотя черезъ три года, въ рѣшительную минуту, опять является его сторонникомъ. Въ виду недостатковъ Свидригайла, перевѣсъ въ борьбѣ его съ Сигизмундомъ все болѣе и болѣе склонялся на сторону послѣдняго ¹⁹³). Въ 1435 году, въ рѣшительной битвѣ у Вилкомира, Свидригайло разбитъ былъ наголову. Болѣе десяти удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ. Самъ Свидригайло со своими приверженцами нашелъ убѣжище въ Кіевѣ, который вмѣстѣ съ Волинію остался вѣрнымъ до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладѣть Кіевомъ была успешно отражена кіевлянами и ихъ воеводою Юршею, и обѣ земли въ теченіи пяти лѣтъ не признавали надъ собою власти этого великаго князя литовскаго ¹⁹⁴), не смотря на то, что Свидригайло долженъ былъ бѣжать и съ юга Россіи и спастись въ чужихъ краяхъ. Наконецъ, противъ Сигизмунда составился заговоръ, во главѣ котораго сталъ «русскій по вѣрѣ и происхожденію»—волынянинъ князь Чарторыйскій. Въ 1440 году онъ отправился въ мѣстопробываніе Сигизмунда, городъ Троки, съ отрядомъ войска, скрытаго въ повозкахъ, проникъ во дво-

рець, напавъ на Сигизмунда и поразилъ его при содѣйствіи своего со-общника Скобейки, родомъ кievлянина ¹⁹⁵).

Въ то время на польскомъ престолѣ сидѣлъ уже сынъ Ягайла Владиславъ Ягайловичъ.

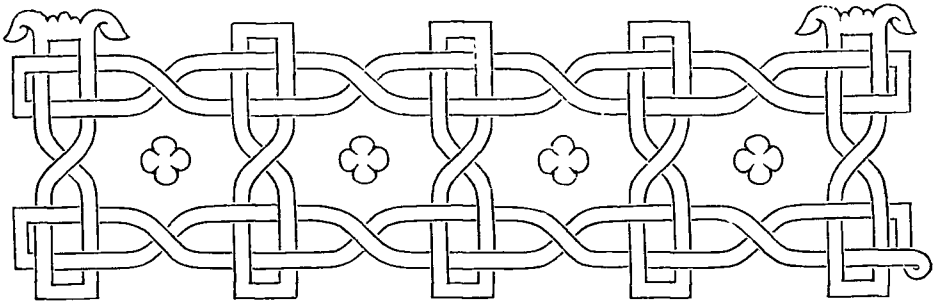

Гробница Ярослава I (Юрія) Владиміровича.

Смерть Сигизмунда Кейстутевича вызвала волненіе въ Литвѣ. Одни хотѣли княземъ сына его Михаила, другіе—Свидригайла, иные польскаго короля Владислава. Выбранный въ то же время на венгерскій престолъ, король Владиславъ долженъ былъ слѣзнуть въ Венгрію и по-тому, чтобы не потерять окончательно Литвы, послалъ туда намѣст-

никомъ своимъ юнаго брата своего Казимира Ягайловича. Литвины же выбрали его своимъ княземъ. Этотъ выборъ упрочивалъ тѣсный союзъ съ Польшею и въ то же время давалъ Литвѣ особаго отъ Польши самостоятельнаго государя, котораго притомъ можно было воспитать въ обычаяхъ страны ¹⁹⁶), что отчасти и оправдалось впоследствии. Казимиръ Ягайловичъ былъ на литовскомъ престолѣ съ 1440 до 1492 года, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1447 года, и польскій престолъ.

Глава четвертая.

Дальнѣйшія политическія судьбы Волыни до перехода
ея подъ владычество Польши.

Характеръ правленія Казимира Ягайловича; возстановленіе удѣловъ Луцкаго и Кіевскаго; внутреннее управленіе; восшествіе на польскій престолъ; споры между Литвой и Польшей изъ-за областей и границъ; уничтоженіе Луцкаго и Кіевскаго удѣловъ; татарскіе набѣги на Волынь; флорентійская унія, состояніе православія на Волыни и учрежденіе особой Литовской митрополии.— Александръ Казиміровичъ; отношеніе его къ Москвѣ; возобновленіе уніи Литвы съ Польшей; внутреннее управленіе и отношеніе къ православію.— Сигизмундъ I; попытка Глинскаго присоединить Кіевскую землю къ Москвѣ; состояніе православія; возобновленіе войны съ Москвой.— Назначеніе Сигизмунда Августа великимъ княземъ литовскимъ; внутреннее развитіе Литвы; захватъ поляками литовско-русскихъ должностей и земель на Волыни; Сигизмундъ II Августъ въ Литвѣ; протестантство въ Литвѣ и на Волыни; восшествіе Сигизмунда II на польскій престолъ; война съ Іоанномъ Грознымъ; люблинская унія Литвы съ Польшей въ 1569 году; переходъ Волынской и Кіевской земель подъ власть Польши.

АМБТНЫЙ переломъ въ жизни русскихъ областей Литвы, и притомъ къ худшему, происходитъ въ правленіе Казимира Ягайловича. При этомъ государѣ въ послѣдній разъ появляются въ юго-западной Россіи особыя удѣльные князья и княжескіе удѣлы и при немъ же исчезаютъ совершенно и навсегда. На стражѣ русской народности и православія въ этихъ областяхъ остаются только служилые князья и вельможи, которые уже не имѣютъ того значенія и силы, какими пользовались князья удѣльные. А между тѣмъ давленіе со стороны Польши

и католичества на русскую жизнь становится все сильнѣе и сильнѣе. Со времени Казимира Ягайловича великіе князья литовскіе обыкновенно становятся, рано или поздно, и польскими королями, подолгу проживаютъ въ Польшѣ, подчиняются вліянію польской гражданственности, польскихъ порядковъ и стремленій и стараются водворить и провести ихъ и въ литовско-русскихъ областяхъ. Все это можно отнести и къ самому Казимиру Ягайловичу.

Впрочемъ, начало княженія Казимира, пока онъ не сдѣлался еще польскимъ королемъ, ознаменовано было добрыми начинаніями. На первыхъ же порахъ его окружилъ совѣтъ изъ людей Литовскаго княжества, во главѣ котораго стоялъ умнѣйшій человекъ своего времени Гаштольдъ. Молодой князь съ любовію сталъ изучать свою родину, русскій и литовскій языки. О союзѣ съ Польшей, а тѣмъ болѣе о подчиненіи ей, не было и помину. Напротивъ, Казимиръ, при самомъ вступленіи на литовскій престолъ, клялся не унижать, не уменьшать ни въ чемъ Литовскаго княжества, ни въ должностяхъ, ни въ людяхъ, ни въ земляхъ, а поддерживать ихъ достоинство и возратить Литвѣ все, когда либо отнятое у нея ¹⁹⁷). Поляки встревожены были намѣреніями новаго литовскаго князя и высказали готовность поддерживать соперниковъ Казимира, чтобы раздробить Литву и тѣмъ легче потомъ привести ее въ полную зависимость отъ Польши. Но умный Гаштольдъ сумѣлъ водворить покой внутри государства; устроено дѣло Жмуди, стоявшей за Михаила Сигизмундовича; усмирено возстаніе Смоленска. Свидригайло, сначала получившій Волынь и часть Подоли въ удѣлъ отъ польскаго короля Владислава III, вскорѣ отрекся отъ своихъ подчиненныхъ отношеній къ нему и принесъ присягу на зависимость отъ Казимира, какъ великаго князя литовскаго. Казимиръ доставилъ престарѣлому и бездѣтному дядѣ спокойное пожизненное владѣніе Волынскою землею. Въ то же время древній столичный Кіевъ съ Житомиромъ и Овручемъ Казимиръ отдалъ въ удѣлъ двоюродному брату своему Александру или Омельку Владиміровичу, отецъ котораго Владиміръ Ольгердовичъ долгое время былъ княземъ кіевскимъ ¹⁹⁸). Омелько женатъ былъ на дочери великаго князя московскаго, Василя Дмитріевича, Анастасіи, отличался выдающимся умомъ, стойкостью и храбростію и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Послѣ смерти Витовта, многіе русскіе князья пред-

Изображеніе св. Петра, митрополита всероссійскаго.

лагали избрать его великимъ княземъ литовскимъ. Уступкою этому князю Кіева Казиміръ угождалъ русской партіи въ великомъ княжествѣ и успокаивалъ ее¹⁹⁹). Во внутреннемъ управленіи государствомъ русскіе порядки, русскій языкъ и русскіе люди опять получили прежнее значеніе въ Литвѣ. При Казиміръ составленъ былъ такъ называемый «Судебникъ короля Казиміра Ягайловича». Судебникъ этотъ утвержденъ былъ на общемъ сеймѣ литовскомъ и получилъ общее земское значеніе. По нѣкоторымъ встрѣчающимся въ немъ выраженіямъ и по многимъ статьямъ онъ совершенно соотвѣтствуетъ Русской правдѣ²⁰⁰). Но со времени восшествія Казиміра на польскій престолъ, а особенно послѣ смерти Гаштольда († 1468 г.), отношенія Казиміра къ Литвѣ, не смотря на его доброе расположеніе къ ней, начинаютъ постепенно ухудшаться.

Въ 1445 году польскій король Владиславъ III погибъ въ битвѣ подъ Варною, — и поляки, имѣя въ виду укрѣпленіе связи между Литвой и Польшей, предложили польскій престолъ Казиміру Ягайловичу. По внушенію литовско-русскихъ бояръ, Казиміръ долго уклонялся отъ принятія этого предложенія, — и только угроза поляковъ избрать польскимъ королемъ мазовецкаго князя Болеслава, тестя Михаила Сигизмундовича, и опасеніе лишиться даже литовскаго престола, заставили Казиміра согласиться на предложеніе. Но, вступая на польскій престолъ, онъ подтвердилъ въ 1447 году неприкосновенность литовскихъ границъ, нарушаемыхъ вторженіями поляковъ въ Волинь и Подолію, и уничтожилъ ограниченія правъ православныхъ жителей великаго княжества Литовскаго, вытекавшія изъ городельскаго постановленія Ягайла²⁰¹).

Со времени восшествія Казиміра на польскій престолъ, вниманіе его главнымъ образомъ поглощено было вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Литвой и Польшей, — вопросомъ, который поднимался почти каждый годъ на многочисленныхъ сеймахъ того времени. Поляки явно стремились къ захвату литовско-русскихъ областей, предъявляли свои притязанія на всю Подолію, Волинь и Подляшье и даже предлагали литовцамъ отмѣнить самое названіе особаго великаго княжества и замѣнить его общимъ именемъ Польши. Литовцы съ своей стороны мужественно отстаивали цѣлость и независимость великаго княжества²⁰²). Положеніе Казиміра было крайне затруднительное. Но онъ не стоялъ на

ЛИТ ШТАДЛЕРЪ И ПАТРИНОТЬ С П Б

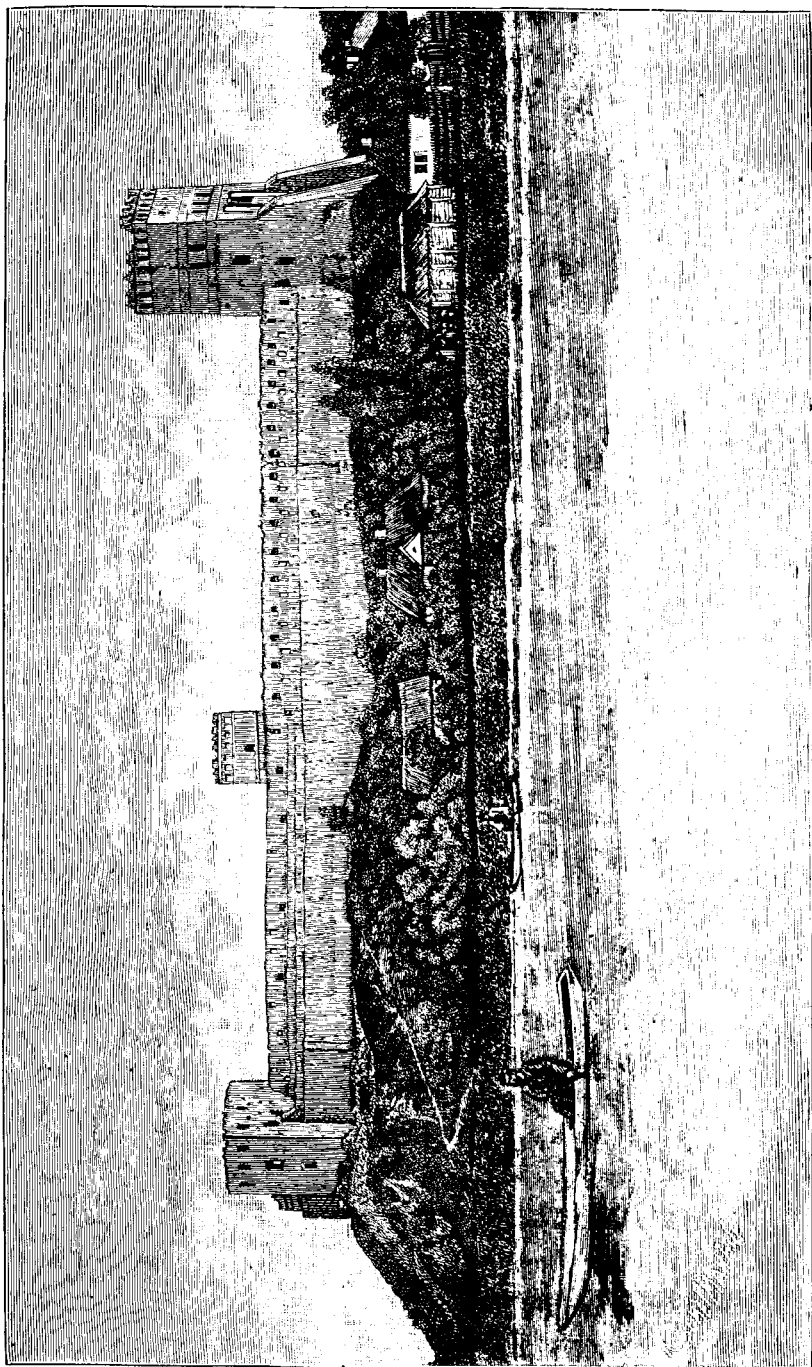
СВ. РАВНОАПОСТОЛЪНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ

Съ рисунка кн. Г. Г. Гагарина, изъ соч. гр. И. И. Толстаго „Древн. рус. монеты в. кн. Кіевскаго“

высотѣ своего призванія, отличался совершенною безхарактерностію и, по теченію обстоятельствъ, склонялся то на ту, то на другую сторону. Въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранить неприкосновенно земли великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ униі съ Польшею; но вслѣдъ за тѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противоположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами. Литовцамъ онъ обѣщалъ возвратить Подолію, захваченную поляками; полякамъ клялся присоединить къ Польшѣ Волинь и Подляшье. Конечно, ни того, ни другаго обѣщанія онъ не исполнилъ и, легкомысленно поддерживая взаимныя притязанія, пререканія и раздраженіе обѣихъ сторонъ, усиливалъ напряженное состояніе въ обоихъ государствахъ, которыя готовы были ежеминутно прибѣгнуть къ оружію для возстановленія своихъ правъ. Такъ какъ Казиміръ большую часть времени проживалъ въ Польшѣ, то положеніе Литвы было обыкновенно болѣе тревожное. Русскіе князья и вельможи постоянно опасались, чтобы ихъ великій князь не сдѣлалъ подъ вліяніемъ поляковъ такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностію цѣлости и самобытности русскихъ областей, и опасались не напрасно. Не смотря на бдительность Литвы, Казиміръ все-таки успѣлъ отторгнуть отъ Волини Ратно и Любомль съ округами и присоединить ихъ къ Польшѣ. Желая выйти изъ неопредѣленнаго положенія, литовцы рѣшились настоять на томъ, чтобы Казиміръ или безотлучно жилъ въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Два раза отправляются къ Казиміру посольства изъ Литвы (1456—1461 гг.) и оба раза, предъявляя указанное требованіе, предлагаютъ едѣлать намѣстникомъ Литвы удѣльнаго кіевскаго князя Симеона Омельковича²⁰³). Но эти посольства не только не содѣйствовали рѣшенію вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между Литвой и Польшею, остававшагося открытымъ во все время правленія Казиміра, но и послужили для него побудительною причиною къ совершенному уничтоженію удѣльныхъ княжествъ въ Литовской Руси. На югѣ Россіи, при Казимірѣ, были только два удѣльныя княжества, имъ же самимъ и возстановленныя: Луцкое, гдѣ княжилъ Свидригайло Ольгердовичъ, и Кіевское съ пригородами Витомиромъ и Овручемъ, отданное Казиміромъ Александру - Омельку Владиміровичу. Въ 1452 году скончался въ Луцкѣ Свидри-

гайло. Согласно его предсмертной волѣ, Луцкая земля была немедленно занята литовскими войсками и такимъ образомъ сохранена для великаго княжества Литовскаго; но своего удѣльнаго князя она уже не имѣла болѣе²⁰⁴). Въ 1455 году умеръ и кievскій князь Александръ-Олелько Владиміровичъ. Когда же два сына его Симеонъ и Михаилъ обратились къ Казиміру Ягайловичу съ требованіемъ раздѣла между ними Кіевской земли на правахъ вотчины; то Казиміръ отказалъ имъ въ этомъ и заявилъ, что Олельковичи потеряли вотчинное право на Кіевъ, ибо «дѣдъ вашъ, князь Володимеръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою Кіевъ». Однако Казиміръ отдалъ Кіевъ въ пожизненное владѣніе старшему сыну Александра Симеону, а младшему Михаилу предоставилъ на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ. Симеонъ Олельковичъ, до самой смерти своей († 1471 г.), оставался кievскимъ княземъ. Смертію его Казиміръ и воспользовался для того, чтобы вовсе устранить Олельковичей изъ Кіева. Онъ не передалъ княженія ни брату его Михаилу, ни сыну Василию, и назначилъ въ Кіевъ своимъ воеводою католика Мартина Гаштольда, тестя умершаго князя Симеона. Напрасно кievляне просили короля назначить имъ въ правители Михаила Олельковича, или другаго князя православной вѣры, заявляя, что они готовы скорѣе всё умереть или искать другаго государя, чѣмъ повиноваться литвину римской вѣры. Король остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Гаштольдъ отправленъ былъ на Кіевское воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. Тогда братъ Симеона Михаилъ Олельковичъ, двоюродный братъ его Теодоръ Ивановичъ Бѣльскій и одинъ изъ князей Гольшанскихъ, родственникъ Казиміра по матери послѣдняго, составили какой-то заговоръ, съ цѣлю или низложить и даже убить Казиміра и возвести на литовскій престолъ Михаила Олельковича, или овладѣть нѣкоторыми восточными областями и вмѣстѣ съ ними перейти подъ державу великаго князя московскаго. Заговоръ этотъ случайно былъ открытъ. Бѣльскій успѣлъ убѣжать въ Москву и поступилъ на службу къ великому князю Іоанну III-му Васильевичу, а товарищи его Михаилъ Олельковичъ и князь Гольшанскій были схвачены и казнены въ августѣ 1482 года, въ Кіевѣ, передъ воротами Литовскаго замка²⁰⁵).

Частію споры между Польшей и Литвой изъ-за областей и преобла

Большой замокъ князя Любарга Гедиминовича въ Луцкѣ.

данія, частію ослабленіе и уничтоженіе княжескихъ удѣловъ и отсутствіе сильныхъ удѣльныхъ князей были причинами того, что въ правленіе Казимира юго-западная Русь стала часто подвергаться набѣгамъ татаръ, которые, въ царствованіе Казимира, образовали въ Крыму особое татарское царство и сдѣлались ближайшими, безпокойными сосѣдями юго-западной Руси. Князь Иванъ Острожскій извѣстенъ своими битвами съ татарами и особенно пораженіемъ ихъ въ 1454 году²⁰⁶). Въ 1469 году заволжскіе татары, подъ предводительствомъ царя своего Мамака, вторгнулись въ землю Кіевскую и на Воынь и опустошили беззащитные города и села въ окрестностяхъ Житомира, Кузьмина (м. Староконстантиновскаго у.), Владиміра-Воынскаго и Кременца и увели съ собою десять тысячъ плѣнныхъ. Въ 1482 году союзникъ великаго князя московскаго Іоанна III, крымскій ханъ Менгли-Гирей, съ многочисленными конными полчищами явился на берегахъ Днѣпра, овладѣлъ Кіевомъ и опустошилъ городъ и окрестныя волости. Вѣроятно, въ это же время былъ разоренъ Житомиръ съ его окрестностями. Въ лѣтописяхъ упоминается о татарскихъ нашествіяхъ на Воынскую землю подъ 1484 и 1489 годами. Въ 1491 году заволжскіе татары, въ числѣ десяти тысячъ, приходили на землю Воынскую: во Владимірѣ пожгли всѣ церкви и въ числѣ ихъ каменную церковь Богоматери, а людей безчисленно посябли и полонили. Татаръ преслѣдовалъ луцкій староста, князь Симеонъ Юрьевичъ Гольшанскій, и разбилъ ихъ подъ Заславлемъ. Вообще съ конца XV столѣтія начинаются постоянные набѣги крымскихъ татаръ на Воынь, Подолію и землю Кіевскую. Гдѣ только проходили татары, тамъ села и города дымились огнемъ и кровію. Опустошивъ ихъ, они уводили на арканахъ, какъ лошадей, цѣлыя тысячи, а иногда и десятки тысячъ плѣнниковъ въ Крымъ. Тамъ ихъ держали въ цѣпяхъ, употребляя на тяжелыя работы, или продавали въ Константинополь²⁰⁷).

По мѣрѣ внутренняго ослабленія юго-западной Руси при Казимірѣ Ягайловичѣ, увеличивалась опасность и для православной вѣры и церкви отъ притязаній на нихъ со стороны католическихъ государей.

По смерти всероссійскаго митрополита Фотія (+ 1431 г.), въ Царьградѣ назначенъ былъ въ русскіе митрополиты грекъ Исидоръ, который вскорѣ потомъ отправился на флорентійскій соборъ и самовольно подписалъ флорентійское соединеніе восточной церкви съ западною. Возвра-

щаясь изъ Рима, Исидоръ посѣтилъ и южную Русь, былъ въ Холмѣ и заѣзжалъ въ Кіевъ, чтобы провозгласить здѣсь унію. Но кіевляне, увидѣвъ его «въ кардинальской одеждѣ, оттуда изгнаша его». Та же участь постигла его и въ Москвѣ, гдѣ на мѣсто Исидора вскорѣ поставленъ былъ въ митрополиты св. Іона. Но польскій король Владиславъ III Ягайловичъ, считая унію совершившимся событіемъ, призналъ Исидора и въ 1443 году издалъ привиллегію, которою русское духовенство уравнивалось въ правахъ съ латинскимъ, на томъ основаніи, будто оно признало флорентійскую унію. Конечно, эта привиллегія не могла имѣть значенія въ Литовскомъ государствѣ. Исидоръ не рѣшился оставаться въ негостепримной для него западной Россіи, — и великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ, уступая представленіямъ кіевского князя Александра-Оделька Владиміровича, призналъ власть новопоставленнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими епархіями, находившимися въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго ²⁰⁸). Западно-русскіе епископы и въ ихъ числѣ Даніаль, епископъ владимірскій и берестейскій, признали Исидора еретикомъ латинскимъ, а митрополита Іону единственнымъ законнымъ первосвятителемъ церкви русской.

О состояніи въ это время православія на Волыни самъ митрополитъ Іона писалъ литовскимъ и волынскимъ боярамъ и дворянамъ слѣдующее: «Слышаніе наше, сынове, что, по великой вашей вѣрѣ къ Богу и церкви Божіей, и къ нашему смиренію имѣете великую вѣру; такожъ и о всемъ нашемъ великомъ православіи колікое поеченіе имѣете и стоите за христіанство, слышимъ». Но въ послѣдстіи времени Казиміръ Ягайловичъ измѣнилъ свои прежнія отношенія къ православной церкви въ своемъ государствѣ. Въ 1457 году онъ далъ грамоту духовенству, дворянству, рыцарямъ и боярамъ русскимъ объ уравниеніи ихъ въ правахъ съ поляками, не объясняя, какому духовенству и какимъ мірянамъ даются эти права, православнымъ ли, или обратившимся и желающимъ обратиться въ унію. Судя по ходу дѣлъ, Казиміръ имѣлъ въ виду этою грамотою привлечь русскихъ къ уніи. Въ слѣдующемъ году онъ принялъ на Литовскую митрополию ученика Исидорова Григорія Болгарина, посвященнаго въ этотъ санъ бывшимъ патріархомъ цареградскимъ Григоріемъ, по настоянію папы и Исидора. Московская митрополія отвергла Григорія Болгарина. Митрополитъ Іона отправилъ въ юго-запад-

ную Русь къ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ посланія и двухъ игуменовъ для наблюденія и укрѣпленія православныхъ въ вѣрѣ. Православные князья отвѣчали св. Іонѣ: «о своемъ православіи мы смотримъ на Господа Бога и Его пречистую Богоматерь и на своего господина, въ благочестіи цвѣтущаго, православнаго великаго князя Василя Васильевича, и отцемъ себѣ и учителемъ держимъ господина отца нашего Іону, митрополита кievскаго и всея Руси». Отвѣчали св. Іонѣ въ сыновнемъ духѣ и западно-русскіе епископы; но затѣмъ они, уступая настоянію короля, одинъ за другимъ признали власть Григорія Болгарина. Впослѣдствіи этотъ Григорій просилъ «благословенія и подтвержденія въ митрополичьемъ санѣ» у цареградскаго патріарха и былъ принятъ въ общеніе съ православною церковію. Преемниками Григорію на Литовской митрополіи были: Мисаилъ князь Пеструцкій, (1475—1480 гг.), и Симеонъ изъ полоцкихъ архіепископовъ († 1488), утвержденные въ санѣ константинопольскимъ патріархомъ²⁰⁹). Когда умеръ митрополитъ Симеонъ, то служилые православные князья просили патріарха поставить въ митрополиты избраннаго ими Іону Глезну и писали слѣдующее: «да учинитъ святыня твоя къ нашему утверженію, ради тѣснѣщихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечъ духовный отцу нашему, имъ же обороняти насъ добро творящихъ».

Такимъ образомъ, при Казимірѣ Ягайловичѣ, хотя и совершилось отдѣленіе западно-русской митрополіи отъ сѣверо-восточной, но не удались попытки ввести вѣроисповѣдную унію. Въ письмѣ къ папѣ въ 1468 году самъ Казиміръ признавался, что въ Литвѣ много «схизматиковъ» (т. е. православныхъ), и что число ихъ возрастаетъ. Вслѣдствіе этого, для поддержанія католичества и искорененія православія, Казиміръ вызвалъ въ Вильну бернардиновъ изъ Кракова и основалъ бернардинскій монастырь, а около 1480 года даже запретилъ строить въ Вильнѣ и Витебскѣ новыя православныя церкви²¹⁰). Но эти послѣдствія мѣры пока еще не касались Волыни, гдѣ православіе было еще въ полной силѣ и неприкосновенности.

Въ предсмертномъ завѣщаніи своемъ Казиміръ Ягайловичъ назначилъ своимъ преемникомъ на польскомъ престолѣ втораго сына своего Яна Альбрехта, а литовцы выбрали великимъ княземъ своимъ третьяго сына его Александра.

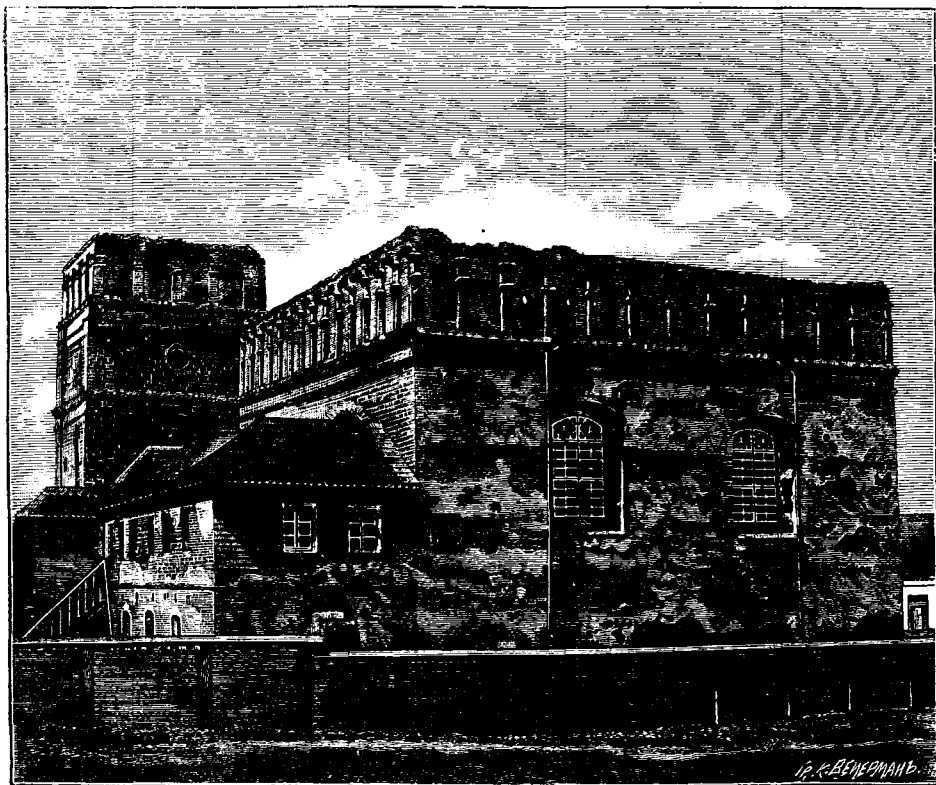
Сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ, Александръ началъ свое правленіе войною съ московскимъ государемъ Іоанномъ III, изъ-за пограничныхъ областей, переданныхъ Москвѣ ихъ князьями Новосильскими, Одоевскими, Воротынскими и Бѣлевскими. Въ видахъ примиренія съ Московскимъ государствомъ, Александръ женился на дочери Іоанна III, Еленѣ; но этотъ брачный союзъ скоро послужилъ источникомъ новыхъ неудовольствій, какъ изъ-за границъ, такъ и изъ-за притѣсненій въ вѣрѣ, дѣлаемыхъ католиками православнымъ литовцамъ. Даже княгиня Елена не была свободна отъ этихъ притѣсненій. Въ 1499 году одинъ изъ князей Бѣльскихъ, остававшихся въ литовскомъ подданствѣ, Семень Ивановичъ, перешелъ въ московскую службу, ссылаясь прямо на притѣсненія православію и принужденія къ перемѣнѣ вѣры, и увлекъ за собою другихъ князей. По этому поводу война запылала съ новою силою. 14 іюля, 1499 года, произошла знаменитая битва на берегахъ Ведроши, около смоленскаго Дорогобужа, окончившаяся полнымъ пораженіемъ литовцевъ. Предводитель литовско-русскаго войска, литовскій гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, и другіе знатные литовцы попали въ плѣнъ. Это пораженіе заставило литовцевъ вспомнить о союзѣ съ Польшей. А между тѣмъ въ 1501 году умеръ польскій король Янъ Альбрехтъ, и Александръ былъ избранъ на польскій престолъ. Онъ немедленно поднялъ вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшей. Поляки предложили слѣдующія условія этого соединенія. Литва и Польша соединяются въ одно государство. Отнынѣ всегда долженъ быть у нихъ одинъ государь. У обоихъ должны быть общіе сеймы по общимъ дѣламъ, т. е. одинъ сеймъ изъ поляковъ и литвиновъ. Такіе сеймы должны бывать поочередно, разъ въ Польшѣ, другой разъ въ Литвѣ. Литвѣ оставляются только титулы, государственные чины, частные сеймы и другія особенности внутренняго управленія. Литовскіе представители отказывались подписать такія условія. Александръ заставилъ ихъ подписаться и, мало того, — заставилъ дать ручательство, что такой договоръ будетъ принятъ и подписанъ всѣми литовскими чинами. Литовскіе чины однако не подписали этого договора во все царствованіе Александра, тѣмъ болѣе, что договоръ этотъ не принесъ Литвѣ никакой пользы. Обезсиленная продолжительною войною, Литва заключила въ 1503 году шестилѣтнее перемиріе съ Москвою. За послѣднюю осталась большая часть завое-

ванныхъ ею областей и до 20-ти городовъ и въ числѣ ихъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Гомель и др. ²¹¹).

Во внутреннемъ управленіи государствомъ Александръ сначала оказывалъ нѣкоторое покровительство русской народности и православію въ своей странѣ. Въ 1499 году онъ, по челобитью митрополита Іосифа на обиды церкви отъ мірянъ, подтвердилъ «Свитокъ Ярослава» и постановилъ, что «христіанство греческаго закона» судятъ на вѣчныя времена митрополиты и епископы, ему подчиненные. Митрополиты и епископы судятъ въ духовныхъ дѣлахъ и завѣдываютъ церковными людьми «по городамъ и по мѣстамъ», въ чемъ не мѣшаютъ имъ ни духовные римскаго закона, ни свѣтскіе паны, ни урядники королевскіе, ни войты и мѣщане городовъ съ магдебургскимъ правомъ. Митрополичьи и владычніе люди, живущіе въ «мѣстахъ» и занимающіеся торговлею, платятъ «поплатки» съ мѣщанами. Тѣ церкви православныя, которыя, находясь въ имѣніяхъ князей и пановъ римской вѣры, издавна были въ «поданьи» митрополита или владыки, остаются по старому; а тѣ, которыя состоятъ въ поданьи «державца», остаются въ его зависимости; но владѣлецъ не можетъ удалить священника безъ воли митрополита. Если кто нанесетъ обиду священнику, то виновнаго безъ различія судятъ митрополиты или епископы ²¹²). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Александръ, какъ католикъ, строилъ по городамъ костелы, далъ виленскому латинскому епископу полную волю обращать православныхъ въ латинство и грозилъ имъ при этомъ насиліемъ, повелѣвая употреблять мечъ противъ русскихъ, перекрещивать ихъ въ латинство, отнимая при этомъ женъ отъ мужей, дѣтей отъ родителей ²¹³). Въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи Александру приписываютъ построеніе доминиканскаго монастыря въ Владимірѣ-Волынскомъ ²¹⁴).

Въ 1506 году умеръ Александръ, и литвины избрали литовскимъ княземъ брата Александра Сигизмунда, не сносясь при этомъ вовсе съ поляками. Последніе, не желая разстаться съ Литвой, выбрали себѣ королемъ того же Сигизмунда ²¹⁵). На первыхъ же порахъ своего правленія Сигизмундъ I долженъ былъ вступить въ борьбу съ великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Ивановичемъ, преемникомъ Іоанна Ш, которая съ перерывами продолжалась и при преемникахъ ихъ, въ теченіи всего почти XVI столѣтія. Война началась изъ-за погранич-

ныхъ князей, перебѣжавшихъ въ Москву, и пограничныхъ владѣній; но въ сущности она была проявленіемъ соперничества двухъ сосѣднихъ славяно-русскихъ средоточій государственной власти, Литвы и Москвы, изъ-за преобладанія и даже собственнаго существованія каждаго изъ нихъ. Перевѣсъ все болѣе и болѣе склонялся на сторону Москвы съ ея цѣльнымъ православнымъ русскимъ населеніемъ,

Малый замокъ князя Любарта Гедеминовича въ Луцкѣ.

тогда какъ Литва, связавшись съ католическою Польшею, обезсиливается племенною и вѣроисповѣдною рознью внутри государства и православно-русскимъ населеніемъ своимъ сама тяготѣла къ Московскому государству. Первый поводъ къ войнѣ на этотъ разъ подалъ Михаилъ Глинскій, стоявшій во главѣ многочисленной русской партіи въ средѣ литовскихъ вельможъ и пользовавшійся особымъ расположеніемъ покойнаго короля Александра. Сигизмундъ I, вступивъ на престолъ, ока-

залъ Глинскому оскорбительную холодность и не обратилъ никакого вниманія на поданную имъ жалобу на маршалка великаго княжества Литовскаго Яна Забржезинскаго. Тогда Глинскій рѣшился раздѣлаться своимъ судомъ: сдѣлалъ наѣздъ на имѣніе Забржезинскаго, убилъ его, удалился въ восточныя области Литовскаго княжества и сталъ покорять ихъ своей власти; затѣмъ онъ предался во власть московскаго князя Василія Ивановича и увлекъ за собою князей Мстиславскихъ, Друцкихъ и многихъ другихъ, недовольныхъ литовскимъ правительствомъ за притѣсненія въ вѣрѣ. По объясненію великаго князя Василія Ивановича, къ нему перешли, кромѣ Глинскаго, «многіе князья русскіе и многіе люди, которые держатъ греческій законъ; а сказываютъ, что вышѣ на нихъ нужда пришла велика о греческомъ законѣ, нудятъ ихъ приступить къ римскому закону; но они, не хотя отъ греческаго отступить къ римскому закону, да намъ били челомъ, чтобы намъ пожаловати ихъ, за нихъ стати и боронити». Московское правительство поручило Глинскому съ служилыми князьями опустошать Литву. Михаилъ Глинскій овладѣлъ городами Туровомъ, Мозыремъ и замками, находившимися въ завѣдываніи его брата Василія, а самаго Василія послалъ въ землю Кіевскую. По дорогѣ къ Кіеву Василій Глинскій осаждалъ Овручъ и Житомиръ: но ему не удалось ни подговорами, ни силою овладѣть этими городами. Кіевляне встрѣтили его радушно. Знаменитый староста черкасскій и каневскій Остафій Дашкевичъ соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Кіевляне полагали, что пришло время, когда городъ ихъ опять станетъ главою обширнаго русскаго княжества. Къ ихъ прискорбію, Михаилъ Глинскій, не поддержанный общимъ сочувствіемъ литовско-русскаго населенія и своевременною помощію со стороны Московскаго государства, долженъ былъ отступить въ московскіе предѣлы²¹⁶). Наэтотъ разъ война прервана была договоромъ 1508 года, по которому всѣ прежнія приобрѣтенія Іоанна III остались за Россіей, а все занятое Глинскимъ было возвращено Литвѣ.

Тотчасъ по прекращеніи войны, западно-русскіе іерархи составили въ 1509 году въ Вильнѣ соборъ, подъ предсѣдательствомъ литовскаго митрополита Іосифа Солтана, съ цѣлію укрѣпить расшатывавшіеся порядки въ мѣстной православной церкви и выработать основныя правила для управленія православіемъ среди католичества. Составленными на этомъ соборѣ правилами, между прочимъ, постановлялось слѣдующее.

Князьямъ и панамъ, имѣющимъ право подаванія, запрещается отнимать церковь у священника безъ вины и не объявивъ митрополиту; въ случаѣ нарушенія этого постановленія, запрещается ставить въ такую церковь священника. Если князь или панъ три мѣсяца не назначаетъ священника къ церкви, то назначить его митрополитъ; если князь или панъ отниметъ что нибудь у церкви, то митрополитъ пишетъ къ нему; непослушнаго подвергаетъ отлученію. Правила эти должны соблюдаться неуклонно. Если же кто либо, хотя бы самъ государь, захочетъ ихъ нарушить, то воли его исполнять не слѣдуетъ, а, подавъ челобитную государю, непоколебимо стоятъ, чтобы не была нарушена православная вѣра²¹⁷). Эти постановленія были подробнымъ развитіемъ прежнихъ великокняжескихъ и королевскихъ привилегій и грамотъ, данныхъ православною церкви, и въ основной своей мысли получили подтвержденіе въ грамотѣ Сигизмунда I, данной въ 1511 году на общемъ брестскомъ сеймѣ «митрополиту, епископамъ и всѣмъ людямъ восточной греческой вѣры на духовныя права по привилегіямъ великаго князя Витовта, королей Казимира и Александра»²¹⁸).

Между тѣмъ война съ Москвою возобновилась въ 1512 году. Въ эту войну взять былъ русскими Смоленскъ. Хотя великій гетманъ литовскій, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, недавно возвратившійся изъ московскаго плѣна, и нанесъ московскимъ войскамъ страшное пораженіе у города Орши, но это пораженіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на послѣдствія войны: по перемирію 1520 года, Смоленскъ остался за Россіей²¹⁹). Какъ бы обвиняя въ этомъ неблагопріятномъ исходѣ войны православное населеніе Литвы, латиняне воспылали непріязнью къ православнымъ и даже вздумали-было показать ее на самомъ видномъ представителѣ православія Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ, недавно поразившемъ московскія войска подъ Оршею. Дядя Михаила Глинскаго, литовскій гетманъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, прославилъ себя многими знаменитыми подвигами на пользу православною церкви. Владѣя обширными имѣніями и занимая самую высокія должности въ Литовскомъ государствѣ, онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ короля въ такой степени, что былъ почти государемъ Литвы. Онъ былъ могущественнымъ покровителемъ западно-русской церкви, которая обязана ему многими благодѣяніями. И вотъ, когда въ 1522 году король сдѣлалъ князя К. И. Острожскаго воеводою трок-

скимъ, католики-литвины вздумали устранить его отъ присутствованія въ сенатѣ. Самъ Сигизмундъ I вступился за князя и едва убѣдилъ латинянъ принять его въ сенатъ, въ видѣ исключенія²²⁰).

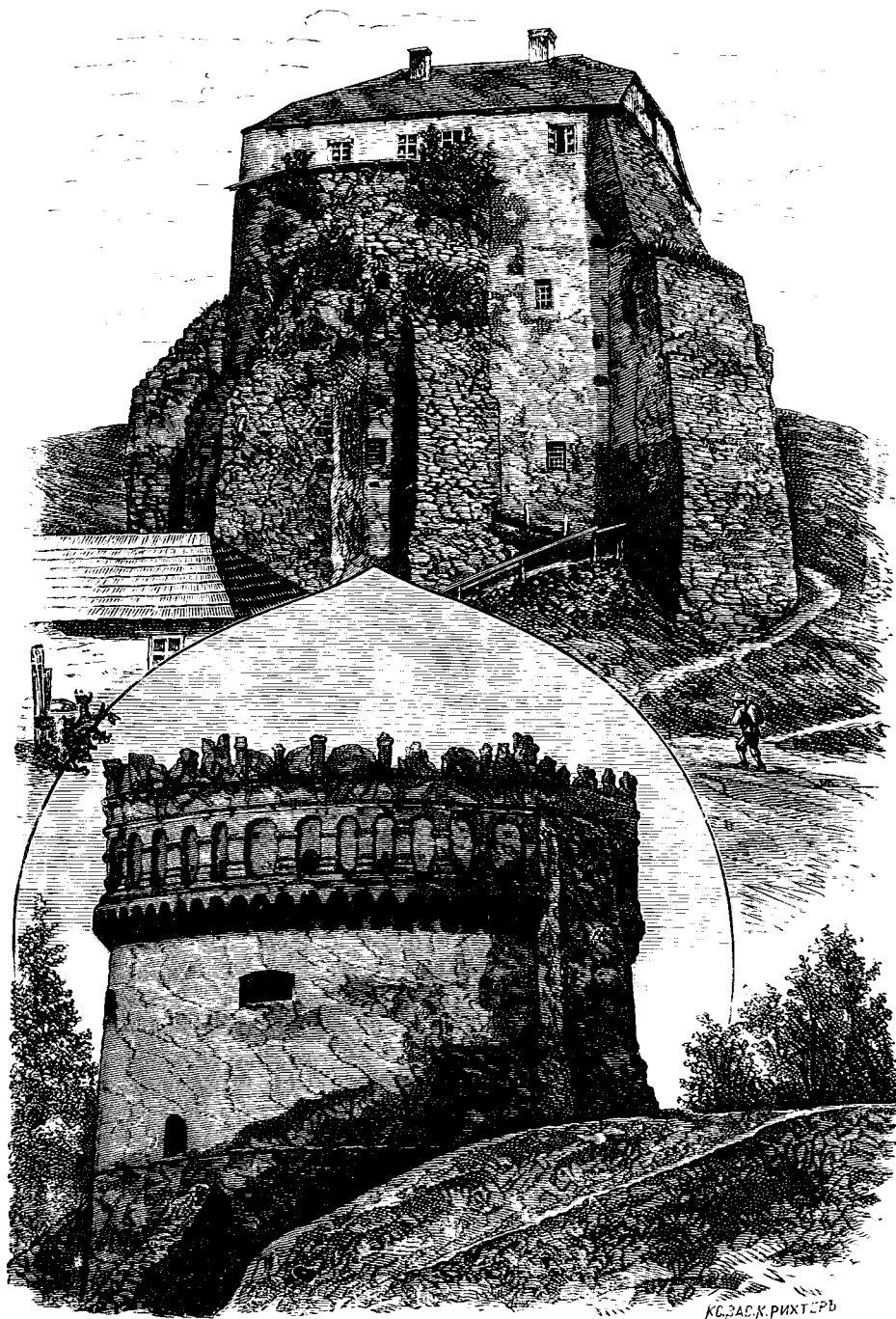
Пользуясь благосклонностію короля, литовцы въ 1526 году просили Сигизмунда I дать имъ въ великіе князья своего сына, а полякамъ приказать, «абы они тую корону, которая послана къ великому князеству Литовскому (при Витовтѣ) вернули къ князю великому его милости, сыну вашей милости». При этомъ литовцы выставляли на видъ, что поляки давно замышляютъ присоединить княжество къ коронѣ польской, но они не желаютъ быть подданными короны, и что потомкамъ его «лѣтшій и пожиточнѣй будетъ подъ особнымъ титуломъ и правомъ». Сигизмундъ I исполнилъ просьбу литовцевъ и въ 1529 году назначилъ въ Литву великимъ княземъ сына своего Сигизмунда-Августа, дозволивъ возвести его на литовскій престолъ со всеми обрядами. Но вслѣдъ за этимъ польскій сеймъ въ Петроковѣ объявилъ Сигизмунда-Августа наслѣдникомъ и польскаго престола и такимъ образомъ разрушилъ замыслы Литвы объ обособленіи ея отъ Польши²²¹).

Сигизмундъ II Августъ былъ государемъ литовскимъ съ 1529 до 1572 года, но до 1544 года онъ и не жилъ въ Литвѣ, а до смерти Сигизмунда I, послѣдовавшей въ 1548 году, управлялъ Литвою въ вѣкоторой зависимости отъ своего отца; съ этого-же времени сталъ полноправнымъ государемъ Литвы и Польши. Долговременное правленіе его обильно было важными для Литвы событіями, внѣшними и внутренними, которыя были какъ бы общимъ итогомъ и завершеніемъ всего литовско-русскаго періода жизни юго-западной Россіи и въ частности Волыни. Это было время броженія и борьбы разнородныхъ началъ и составныхъ частей Литовскаго княжества, не сумѣвшихъ ужиться между собою и тянувшихъ въ разныя стороны, и насильственного подавленія однихъ другими.

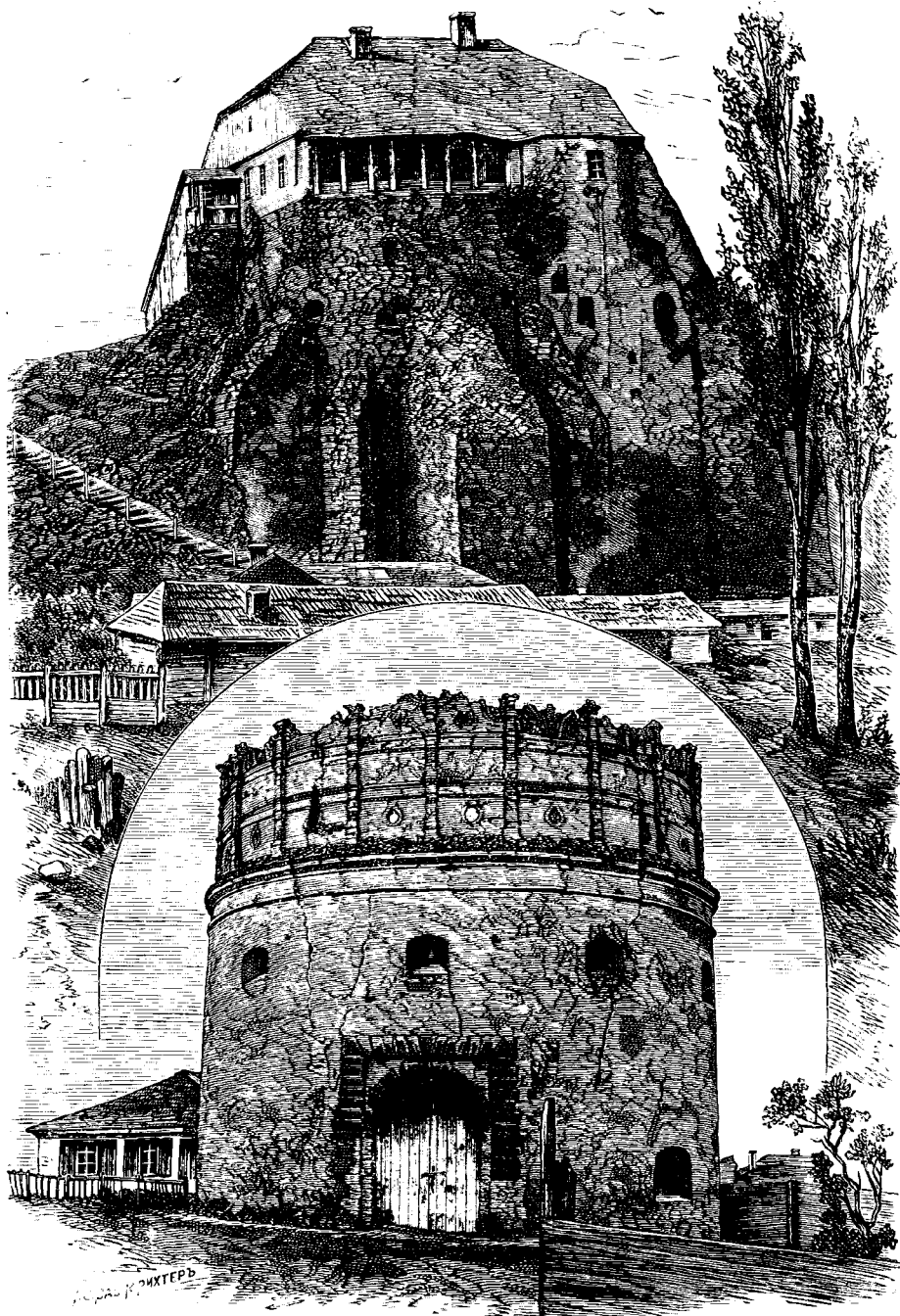
На первыхъ порахъ княженія Сигизмунда-Августа въ Литвѣ, Литовское государство пользовалось значительнѣю долею самостоятельности во внутреннемъ своемъ развитіи и управленіи. Въ самый годъ вступленія Сигизмунда - Августа на литовскій престолъ (1529 г.) утвержденъ былъ Литовскій Статутъ, какъ сводъ узаконеній литовскаго государства, который потомъ исправленъ и дополненъ въ 1566 году, съ распространеніемъ его на Волынь и Подолію. Онъ основанъ

быль частію на старыхъ русскихъ обычаяхъ и законахъ, а частію на привиллегіяхъ, данныхъ королями шляхтѣ разныхъ областей, и во многихъ случаяхъ напоминалъ нашу древнюю «Русскую правду». Статутъ этотъ даетъ право не только отчичу, но даже невольнику спастись отъ неволи или закрѣпощенія и находить свободу въ городахъ; ограничиваетъ право отыскивать бѣглаго отчича только десятию годами: ограждаетъ, подобно «Русской правдѣ», отъ обращенія наймита въ раба и узаконяетъ копный судъ, составлявшій точное воспроизведеніе такъ называемаго извода (разслѣдованія преступленія по живымъ слѣдамъ) «Русской правды». Какъ общій сводъ законовъ для всѣхъ земель государства, онъ ограждалъ его единство и самостоятельность, а своимъ русскимъ языкомъ свидѣтельствовалъ о продолжающемся господствѣ русской народности въ Литвѣ и узаконялъ его употребленіе въ литовскихъ судахъ. Польшу Статутъ представлялъ страню чужою, поляковъ — иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя приобрѣтенія въ княжествѣ, даже чрезъ браки, такъ что дѣвицы и вдовы, выходя замужъ за чужеземцевъ-поляковъ, могли приносить имъ въ приданое деньги и движимость, но не родовыя имѣнія²²³).

Но тотчасъ же послѣ составленія и утвержденія перваго Литовскаго Статута и какъ-бы наперекоръ ему, начинается въ широкихъ размѣрахъ захватъ русскихъ земель и должностей въ русско-литовскихъ областяхъ поляками. Самъ Сигизмундъ I въ 1533 году отдалъ городъ Кременецъ съ крѣпостію во владѣніе виленскому католическому епископу Янушу, сыну наложницы своей Екатерины Косцелецкой, а потомъ, женившись во второй разъ на итальянкѣ Бонѣ, отдалъ ей, на правахъ старостинскихъ, королевскія имѣнія въ Кременцѣ и Луцкѣ. Въ Кременцѣ она построила францисканскій костелъ въ 1538 году²²³). По вліянію Сигизмунда I, старшій сынъ князя Константина Ивановича Острожскаго, Илья, женился въ 1539 году на дочери бывшей королевской наложницы Екатерины, Беатѣ Косцелецкой, рьяной католичкѣ, которая, по смерти мужа, утвердилась на Волыни, построила въ Ровно костелъ, не хотѣла выдавать замужъ своей единственной дочери Гальшки, чтобы самой воспользоваться огромнымъ ея наслѣдствомъ, и приготовила ей печальную участь²²⁴). А вслѣдъ за королевскими любимцами и родственниками хлынули въ Литву и на Волынь цѣлыя толпы поляковъ и стали навод-

Замокъ князей Острожскихъ и башня на Судовой горѣ, въ городѣ Острогѣ.

Замок князей Острожскихъ и башня на Красной горѣ, въ городѣ Острогѣ.

нять ее. На брестскомъ сеймѣ 1542 года литовцы жаловались королю, говоря, что «въ Литвѣ и Руси уряды и тунства розданы ляхамъ». Наконецъ на брестскомъ сеймѣ 1544 года Сигизмундъ I, вслѣдствіе новыхъ жалобъ литовско-русскихъ представителей на запущеніе имъ княжества Литовскаго, сдалъ управление имъ сыну Сигизмунду Августу и многихъ изъ нихъ назначилъ на придворныя, почетныя и служебныя должности. Сигизмундъ-Августъ прямо съ сейма переѣхалъ въ Вильну. Здѣсь первенствующее положеніе при немъ заняли Николай Радзивиль Черный, а потомъ двоюродный братъ его Николай Рыжій, на сестрѣ котораго, Варварѣ, Сигизмундъ-Августъ женился вторымъ бракомъ, и оказывали на великаго князя громадное вліяніе ²²⁵).

Радзивилы были главными поборниками и защитниками самостоятельнаго развитія Литовскаго государства. Повидимому, они задумали отрозниться какъ отъ Польши, такъ и отъ Московскаго государства, въ самой вѣрѣ и съ этою цѣлю и сами они приняли протестантство, и содѣйствовали распространенію его въ Литовскомъ государствѣ. Самъ Сигизмундъ II Августъ, оставаясь католикомъ, зараженъ былъ протестантскимъ вольнодумствомъ, покровительствовалъ реформатскимъ проповѣдникамъ ²²⁶) и намѣренно или ненамѣренно подрывалъ какъ католичество, такъ и православіе.

Что касается католическаго населенія Литвы, то оно, какъ обращенное въ латинство путемъ насилій, не питало большой привязанности къ этой вѣрѣ, видѣло въ ней лишь средство къ поработенію своей народности подъ иго Польши и при первомъ случаѣ старалось освободиться отъ нея. Поэтому, какъ только появилось въ Литвѣ протестантство съ его развѣтвленіями, — почти вся латинская часть Литовскаго княжества перешла на его сторону, особенно жмудь. Здѣсь изъ нѣсколькихъ сотъ латинскихъ приходоу уцѣлѣло отъ протестантства только шесть. Подобное происходило и въ другихъ областяхъ, гдѣ было латинство. Монастыри быстро пустѣли, ксендзы спѣшили жениться. Соблазнъ новаго ученія былъ такъ великъ, что приняли протестантство католическіе епископы, жмудскій Янъ Пяткевичъ и нареченный кievскій Николай Паць, — и послѣдній, не смотря на свое отступничество и женитьбу, хотѣлъ еще занимать въ сенатѣ епископское мѣсто между латинскими епископами. Въ литовскомъ сенатѣ въ это время почти всѣ сенаторы были нелатиняне ²²⁷).

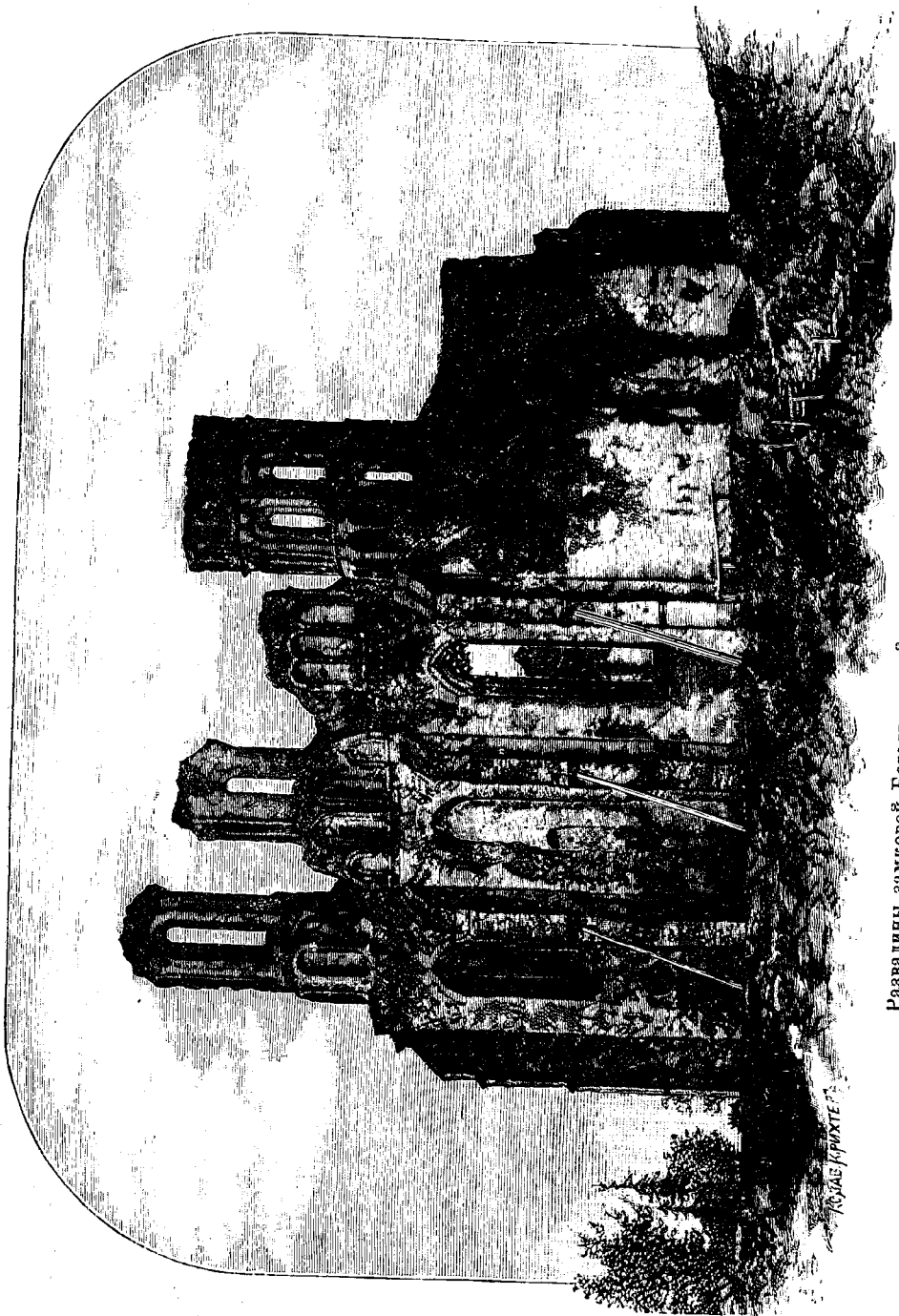
Протестантство мевѣе опасно было для православія, такъ какъ по-видимому мечтало и стремилось возстановить тотъ образецъ древней все-ленской церкви, какой хранился въ православіи. Кромѣ того, православныхъ и протестантовъ соединяла между собою общая вражда къ латинству. Поэтому протестанты и православные нерѣдко заключали между собою союзы и дѣйствовали сообща противъ католиковъ²²⁸). Сами даже польско-католики нерѣдко высказывались, что въ православной церкви вѣрнѣе сохранилась истина Христова. Въ такомъ смыслѣ отзывались о православной церкви латинскій каноникъ Орѣховскій и хелминскій латинскій епископъ Дорогоевскій. Извѣстный тогдашній польскій мыслитель Моджевскій настойчиво предлагалъ устроить въ Польшѣ народную церковь съ богослуженіемъ на польскомъ языкѣ и при этомъ въ примѣръ указывалъ на православную церковь²²⁹). Но Сигизмундъ II Августъ покушался ослабить силу и значеніе западно-русской православной церкви посредствомъ назначенія на святительскія мѣста лицъ недостойныхъ. Имѣя право на участіе въ поставленіи епископовъ и настоятелей монастырей, Сигизмундъ II при избраніи ихъ обращалъ вниманіе не столько на нравственные и умственные достоинства человѣка, сколько на его услуги государству или собственно королю, а по большей части на дары и деньги²³⁰). Поэтому при Сигизмундѣ-Августѣ были православными епископами на Волыни такія недостойныя лица, какъ на-примѣръ Іона Борзобогатый-Красенскій и Θεодосій Лазовскій, прославившіеся корыстолюбіемъ, наѣздами и грабежами²³¹). Въ виду же подобныхъ нестроений и безпорядковъ въ южно-русской православной церкви, протестантство распространялось не только между католиками, но и между православными, хотя и въ меньшей мѣрѣ. Въ XVI вѣкѣ на Волыни протестантство едва было замѣтно; но оно усиливается здѣсь въ XVII вѣкѣ и какъ будто идетъ въ уровень съ усиленіемъ католичества на Волыни. Болѣе важными средоточіями протестантскихъ ересей въ предѣлахъ нынѣшней Волынской губерніи въ концѣ XVI и особенно въ первой половинѣ XVII вѣка были: Киселинъ Владимірскаго уѣзда; Олыга и Берестечко — Дубенскаго у.; Ямполь Кременецкаго у.; г. Острогъ, Ляховцы, Гоца, Тихомль и Хорошевъ — Острожскаго у.; Грицевъ Заславскаго у.; г. Староконстантиновъ; м. Черняховъ Житомирскаго у., и др. Въ 1581 году сочиніанинъ Валентинъ Негалевскій сдѣлалъ или окончилъ въ селѣ Хорошевѣ, Острожскаго уѣзда, малорусскій переводъ Нс-

ваго Завѣта, въ духѣ соцініанскаго вѣроученія, остающійся въ рукописи. На Волыни же нашли себѣ убѣжище и пріютъ и доморожденные московскіе еретики XVI вѣка *Феодосій Косой* и *Игнатій*, приставшіе къ протестантскимъ еретикамъ ²³²).

Но вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ другія вѣроисповѣданія, само протестантство раздраемо было внутренними несогласіями и выдѣлило изъ себя такія крайнія развѣтвленія, какъ напимѣръ соцініанство, не признававшее ни крещенія младенцевъ, ни догматовъ о св. Троицѣ и божествѣ Сына Божія, словомъ — ниспровергавшее все богооткровенное ученіе ²³³); а потому, вмѣсто примиренія и успокоенія, оно внесло въ литовско-русское общество новыя смуты и волненія и оттолкнуло отъ себя всѣхъ, и прежде всего польско-католиковъ.

Въ 1548 году, по смерти отца, *Сигизмундъ II Августъ* вступилъ и на польскій престолъ и, сдѣлавшись главою обоихъ государствъ, естественно долженъ былъ отложить всякую мысль объ отрозненіи Литвы отъ Польши въ какомъ бы то ни было отношеніи. Притомъ же въ 1551 году умерла любимая его жена литвинка *Варвара*, а съ нею порвалась и связь, сильнѣе всего соединявшая *Сигизмунда II* съ Лигвою. Онъ женился въ третій разъ на нѣмецкой принцессѣ *Екатеринѣ* и мало помалу сталъ отдаваться въ руки латвіянъ ²³⁴). Въ 1563 году *Сигизмундъ II*, впрочемъ, еще торжественно заявилъ о своей вѣротерпимости въ государствѣ. Въ этомъ году онъ далъ грамоту литовскому и русскому дворянству и рыцарству православной вѣры и всѣхъ христіанскихъ исповѣданій о сравненіи сего сословія въ правахъ съ дворянами Польскаго королевства, исповѣдующими римско-католическую вѣру, и потомъ подтвердилъ эту грамоту въ 1565 и 1568 годахъ ²³⁵). Но эта грамота дана была съ лукавою цѣлюю погложенія Литвы съ Польшею. Подъ впечатлѣніемъ войны съ московскимъ государемъ *Іоанномъ IV Грознымъ*, *Сигизмундъ II* постепенно утверждался въ своемъ намѣреніи объединить и усилить свои государства какъ въ государственномъ, такъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ.

Еще въ малолѣтство *Іоанна Грознаго* возобновилась война между Литвою и Московскимъ государствомъ изъ-за пограничныхъ владѣній, приостановленная въ 1535 году перемиріемъ, по которому каждая сторона оставалась при томъ, чѣмъ владѣла. Возмужавъ, *Іоаннъ IV* началъ войну съ Ливоніей; а такъ какъ часть Ливоніи отдалась Литвѣ,

Развалины замковой Богоявленской церкви въ городѣ Острогѣ.

КУЗНЕЦЪ ИРИХТЕ

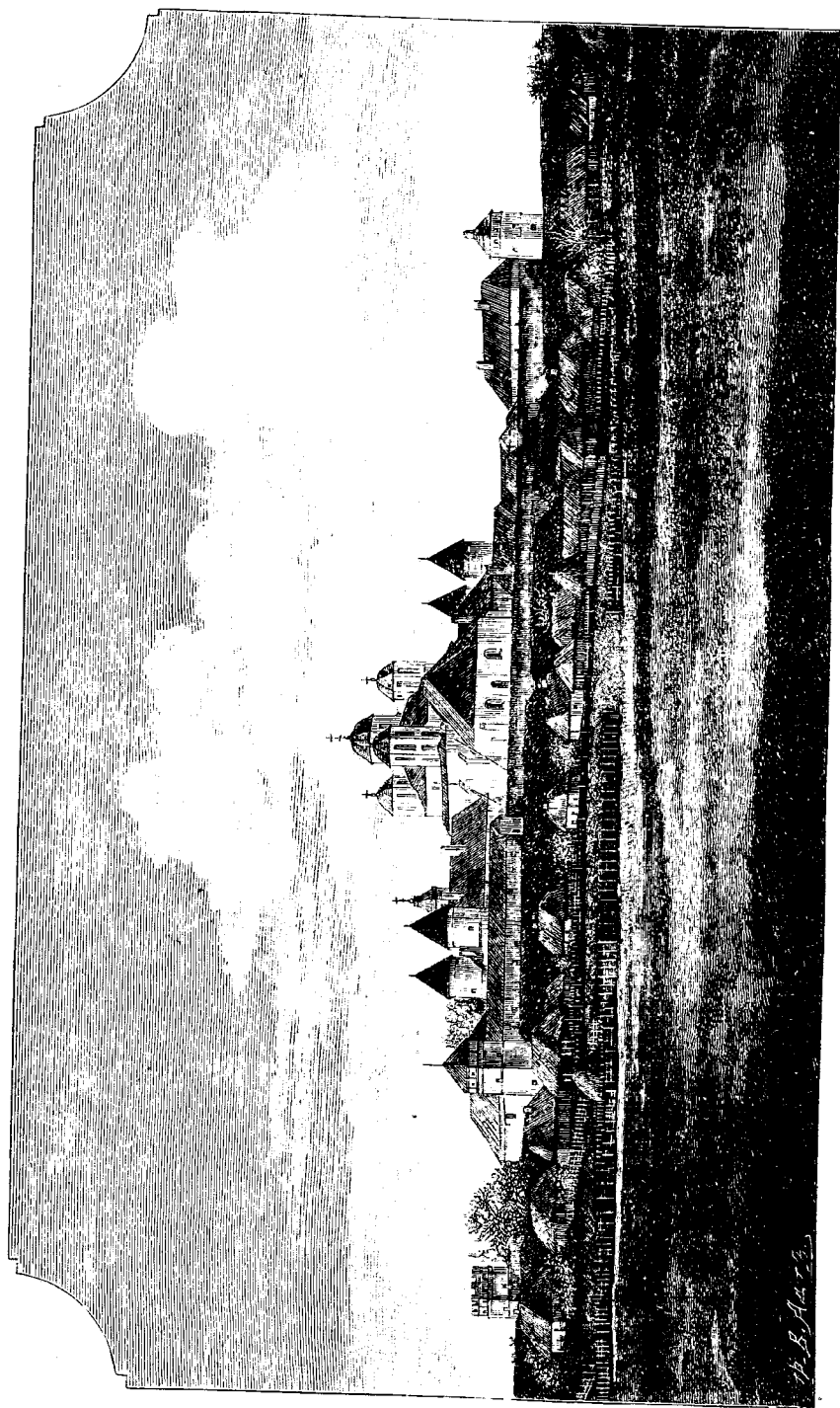
то онъ началъ войну и съ Литвой и въ 1563 году овладѣлъ Полоцкомъ. Простой народъ въ Бѣлоруссіи сочувствовалъ завоеваніямъ православнаго русскаго царя. Были и въ средѣ образованныхъ бѣлорусовъ замыслы соединить Литовское княжество съ Московскимъ царствомъ и даже происходили тайныя сношенія объ этомъ. Но несчастная перемѣна въ характерѣ Іоанна Грознаго и бѣгство отъ него въ Литву многихъ русскихъ и между прочимъ послѣдняго поборника правъ удѣльныхъ князей, князя Андрея Курбскаго, а также князя Димитрія Козики и другихъ, разрушали въ русской средѣ Литовскаго княжества всякія надежды на восточную Россію ²³⁶). Князь Курбскій, этотъ даровитый и образованный человекъ своего времени, получивъ въ удѣлъ Ковель на Волыни, оказалъ вмѣстѣ съ другимъ московскимъ бѣглецомъ, бывшимъ игуменомъ Троицко-Сергіевой Лавры Артеміемъ, незабвенныя услуги православію въ юго-западной Руси, защищая св. вѣру своими писаніями отъ протестантскихъ еретиковъ и католиковъ и обогащая церковную письменность новыми переводами святоотеческихъ твореній ²³⁷). Но эти заслуги его въ значительной мѣрѣ блѣднѣютъ отъ того, что Курбскій, ратуя за отжившія свой вѣкъ удѣльныя права, руководился отчасти своекорыстными побужденіями, самъ лично участвовалъ въ походахъ противъ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ ²³⁸) и содѣйствовалъ отчужденію Литвы отъ Московскаго государства. Тѣмъ съ большимъ оживленіемъ поднялся теперь, въ виду опасности, угрожающей отъ Москвы, вопросъ о полномъ сліянніи Литвы съ Польшею и въ государственномъ, и въ вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ.

При Сигизмундѣ II Августѣ послѣдовало государственное только соединеніе Литвы съ Польшею. Но этимъ соединеніемъ онъ подготовилъ и вѣроисповѣдную унію, которая была лишь прямымъ послѣдствіемъ государственной уніи и естественнымъ выводомъ изъ нея. Съ другой стороны, Сигизмундъ II ускорилъ введеніе вѣроисповѣдной уніи тѣмъ, что въ 1564 году принялъ въ руководство постановленія католическаго тридентскаго собора, а въ 1565 году ввелъ въ Польшу, а затѣмъ и въ Литву, іезуитовъ, которые быстро подавили протестантство, совратили въ католичество высшіе классы русскаго православнаго общества и были главными дѣятелями въ устраненіи и упроченіи вѣроисповѣдной уніи.

Вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшею поднять былъ поляками въ самый годъ восшествія Сигизмунда II Августа на польскій престолъ и съ тѣхъ поръ поднимался ими почти на каждомъ сеймѣ. Литовцы же не только не соглашались на унію, но и постоянно жаловались на занятіе поляками должностей и приобрѣтеніе земель въ Литвѣ и Руси и на захваты и разбои поляковъ въ пограничныхъ русскихъ земляхъ и требовали возстановленія нарушенныхъ границъ княжества со стороны Польши. Первый шагъ къ сліянію Литвы съ Польшей сдѣлалъ Сигизмундъ II Августъ въ 1563 году. Не имѣя дѣтей и будучи послѣднимъ и единственнымъ потомкомъ Ягайла, онъ началъ, подѣ влияніемъ поляковъ, серьезно думать о будущности своихъ государствъ и заботиться о скрѣпленіи тѣснѣйшаго союза между ними, особенно въ виду надвигавшагося на Литву Московскаго государства. Съ этою цѣлію онъ хотѣлъ расположить въ Польшѣ низшее литовское дворянство и въ 1563 году далъ ему извѣстную уже намъ грамоту о равноправности литовскаго дворянства, по примѣру польской шляхты, съ высшими литовскими классами въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Затѣмъ, въ томъ же 1563 году, на общемъ варшавскомъ сеймѣ Сигизмундъ II отрекся отъ своего наследственнаго права на Литовско-Русское государство и передалъ его Польскому королевству, съ которымъ первое имѣетъ соединиться въ одно государство, въ одинъ народъ, съ однимъ государемъ, общими сеймами и т. п. Литовцы противились и работали надъ исправленіемъ своего Статута, въ которомъ съ большею противъ прежняго силою старались провести мысль объ отдѣльности и независимости Литовско-Русскаго государства отъ Польши; но они сами находились въ то время въ безвыходномъ положеніи и не могли съ успѣхомъ противоудѣствовать полякамъ и королю. Литовцы только-что вынесли на своихъ плечахъ тяжелую войну и готовились къ новой войнѣ съ Московскимъ государствомъ и его грознымъ царемъ и потому не могли оказать дѣятельнаго сопротивленія Польшѣ или подѣйствовать на нее угрозою. Притомъ же, они не успѣли создать для себя отдѣльной государственной власти, въ лицѣ отдѣльнаго государя, который бы служилъ средоточіемъ и объединеніемъ всѣхъ жизненныхъ силъ княжества. Напротивъ, литовскіе вельможи, стоявшіе во главѣ управленія государствомъ, отталкивали отъ себя своими гордыми замашками и спѣсью литовско-русское дво-

рянство, а своею отроженностію въ вѣрѣ отъ большинства русско-литовскаго населенія поселяли въ немъ недоувѣріе къ себѣ, особенно же въ чисто русскихъ и православныхъ областяхъ княжества. Всѣми этими обстоятельствами и воспользовались поляки на люблинскомъ сеймѣ 1569 года и рѣшились завлечь литовцевъ въ унію, если не добровольно, то хитростію, угрозами и насиліемъ. Литовско-русскіе вельможи и дворяне съѣзжались весьма неохотно и медленно на этотъ сеймъ, не предвидя для себя ничего добраго отъ поляковъ, и прежде всякихъ переговоровъ объ уніи, настоятельно потребовали утвержденія королемъ вновь исправленнаго Литовскаго Статута и обеспечения цѣлости и самостоятельности Литовскаго государства. Поляки не уступали. Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ, литовскіе и русскіе сенаторы стали самовольно разѣѣзжаться по домамъ, чтобы прервать сеймъ и замаять или оттянуть дѣло о государственной уніи. Но этимъ-то удаленіемъ литовцевъ съ сейма и воспользовались поляки для своихъ цѣлей и повели дѣло уніи по частямъ, давленіемъ на отдѣльныхъ оставшихся лицъ, на отдѣльные кружки и области, и разными насильственными способами, какъ на примѣръ угрозами и лишеніемъ должностей, заставили нѣкоторыхъ представителей Подляшья согласиться на унію съ Польшей. За Подляшьемъ послѣдовало присоединеніе къ Польшѣ, такими же способами, Волыни, Подолии и Брацлавскаго воеводства, Кіева съ Кіевскою землею, а затѣмъ уже самой Литвы и Инфлянтовъ или Ливоніи.

Волынь предположено было присоединить къ Польшѣ одновременно съ Подляшьемъ. Но волынскіе сенаторы и послы съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ во главѣ успѣли всѣ выѣхать изъ Люблина и тѣмъ помѣшали намѣренію поляковъ, но только на самое непродолжительное время. 12 марта 1569 года король издалъ универсалъ, которымъ призывалъ волынцевъ возвратиться на сеймъ къ вербному воскресенію 3 апрѣля и угрожалъ за неприѣздъ лишеніемъ должностей и имѣній. Несмотря однако же на эти угрозы, волынцы неохотно собирались на сеймъ и съѣхались къ назначенному сроку далеко не всѣ. Не приѣхавшіе отговаривались или болѣзнію, или тѣмъ, что къ пригласительнымъ грамотамъ приложена не литовская, а польская печать. Неявившихся по болѣзни положено было привлечь къ присягѣ на мѣстѣ ихъ жительства, а ссылавшихся на не-

Межиріччя і Свято-Троїцький монастир близь города Острого.

обычную печать лишить почетныхъ и служебныхъ должностей. Къ числу таковыхъ лицъ принадлежалъ и луцкій римско-католическій епископъ Викторинъ Вербицкій. Будучи русскимъ, онъ даже письма къ королю писалъ по-русски, а не по-польски и не по-латыни. Послѣ этого стали понемногу съѣзжаться на сеймъ и остальные сенаторы и послы волынскіе и съ разными проволочками и отговорками принимать присягу на унію съ Польшей. 23 мая принесли эту присягу римско-католическій луцкій епископъ Вербицкій, волынской маршаль Загоровскій и другія должностныя или чиновныя лица Луцкаго и Владимірскаго повѣтовъ, а на слѣдующій день — самые высшіе и знатные паны и сановники волынскіе: князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода кievскій, князь Богущъ Корецкій, староста луцкій, брацлавскій и винницкій, князь Константинъ Вишневецкій, князь Чарторыйскій, воевода волынской, Василій Древинскій, писарь великаго княжества Литовскаго, и другіе. При этомъ князь Вишневецкій, отъ имени волынцевъ, просилъ короля не принуждать ихъ къ другой вѣрѣ: «мы — люди греческой вѣры, — говорилъ онъ, — просимъ, чтобы насъ не унижали (за вѣру), и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ». Послѣ присяги важнѣйшихъ сановниковъ и дворянъ волынскихъ, немедленно посланы были на Волюнь королевскіе чиновники для приведенія къ присягѣ на унію съ Польшею остальныхъ дворянъ и обывателей волынскихъ на мѣстѣ ихъ жительства. Въ одномъ Луцкомъ повѣтѣ присягавшихъ пановъ и дворянъ насчитывалось приблизительно до 226 лицъ, да во Владимірскомъ до 109, а въ обоихъ около 335 лицъ, — и всѣ они, за немногими исключеніями, были дворяне русскіе и православные.

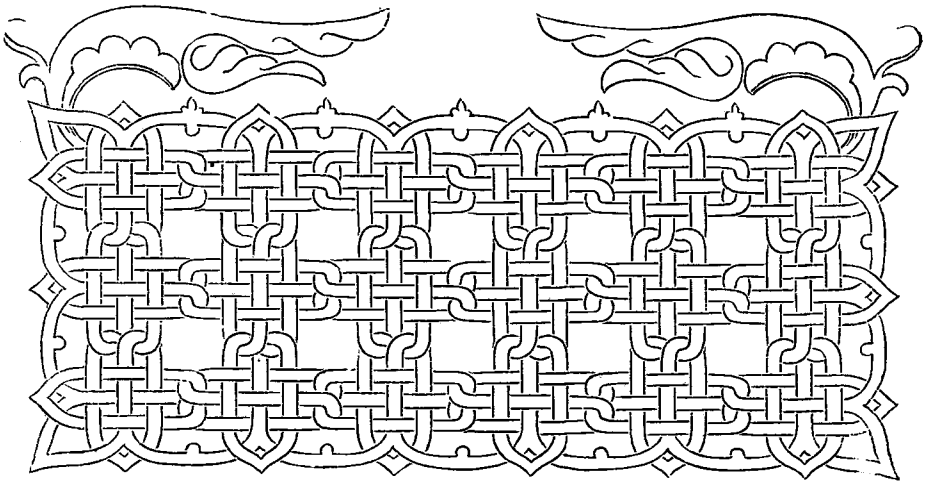
Не такъ охотно и единодушно желали поляки присоединенія къ Польшѣ Кіева, въ виду его отдаленности и трудности защищать его отъ татарскихъ набѣговъ и притязаній Московскаго государства, и хотѣли-было оставить его за Литвою. Но тутъ уже и сами волыняне стали настаивать на присоединеніи Кіева отъ Литвы къ Польшѣ, чтобы находиться въ тѣснѣйшей связи съ нимъ и оказывать другъ другу взаимную поддержку ²³⁹).

По присоединеніи къ Польшѣ Кіевской земли и Волынской, первая образовала изъ себя воеводство Кіевское съ повѣтами Кіевскимъ, Житомирскимъ и Овручскимъ, а вторая — воеводство Волынское съ повѣтами Луцкимъ, Владимірскимъ и Кременецкимъ ²⁴⁰). Обѣимъ этимъ землямъ

даны были одинаковыя привиллеги на присоединеніе, которыми ограждались права русской вѣры и русскаго языка, имѣвшаго попрежнему остаться языкомъ королевскихъ грамотъ въ этихъ земляхъ, правительственнаго и судебнаго дѣлопроизводства и т. д. ²⁴¹). Но эти привиллеги оставались только на бумагѣ и не имѣли почти никакого значенія въ дѣйствительной жизни.

Почти непосредственно за люблинскимъ сеймомъ 1569 года, уничтожившимъ государственную самостоятельность Литвы и входившихъ въ ея составъ русскихъ областей, начинаются посягательства поляковъ на уничтоженіе самой русской народности и православія въ новоприсоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областяхъ. Эти посягательства поляковъ и борьба съ ними православнаго русскаго населенія наполняютъ собою весь слѣдующій періодъ исторіи Волыни, который можно назвать періодомъ русско-польскимъ.

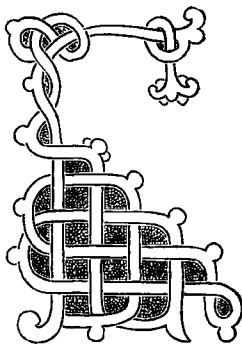

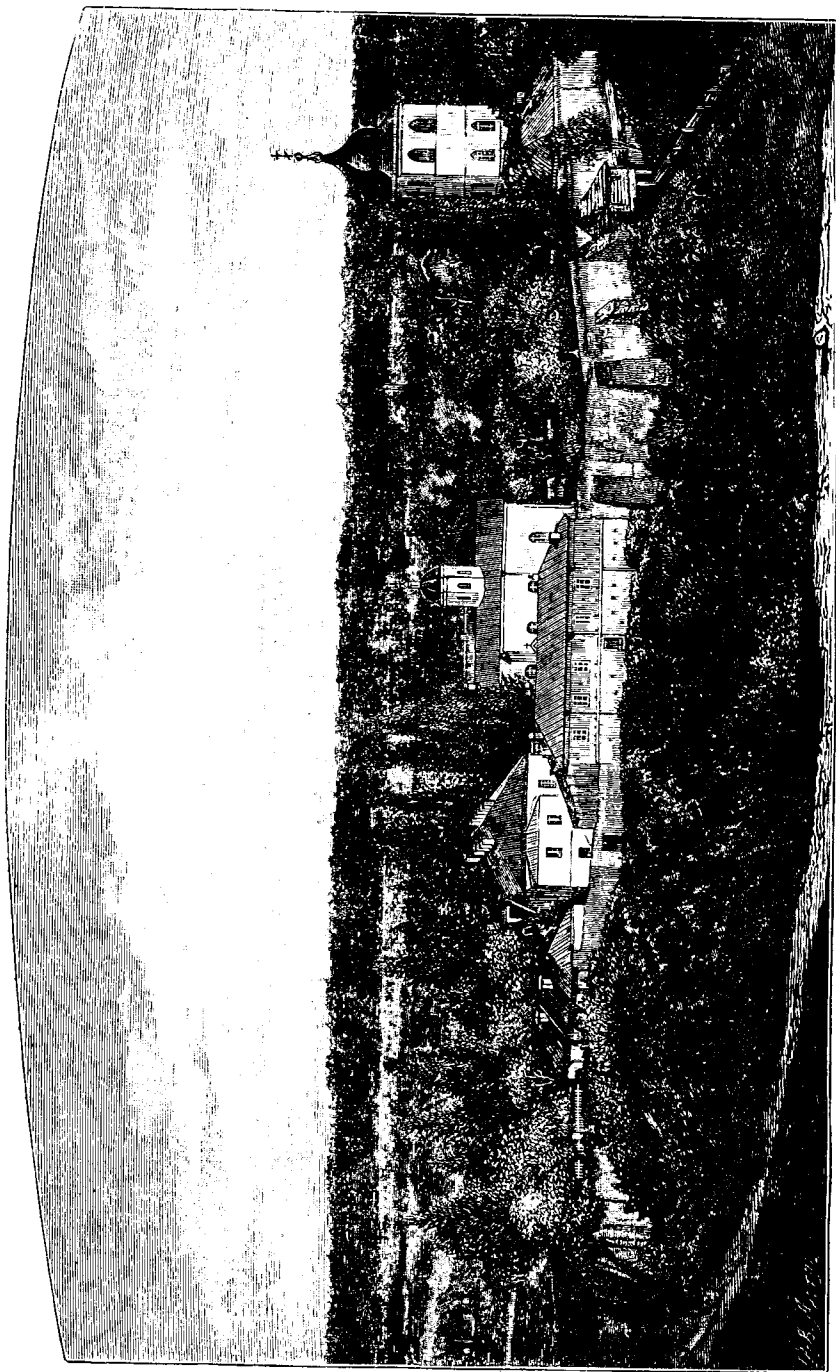
Глава пятая.

Волынь подъ владычествомъ Польши и борьба православія съ католичествомъ и унией.

Послѣдствія государственной люблинской уніи 1569 года.—Усиленіе вліянія Польши и разнь между полноправными и безправными сословіями и классами южно-русскаго народа.—Введеніе іезуитовъ, совращеніе высшихъ классовъ русскаго общества въ католичество и распространеніе католичества на Воыни.—Церковная унія, брестскій соборъ 1596 года и раздѣленіе между православными и униатами; гоненіе на православныхъ; Кирилль Терлецкій, Ипатій Поцѣй и ихъ дѣйствія на Воыни.—Слабые успѣхи уніи.—Преданность православной вѣрѣ многихъ русскихъ вельможъ и дворянъ, духовенства, мѣщанъ и казаковъ.—Защита православія представителями высшихъ классовъ южно-русскаго общества и особенно княземъ К. К. Острожскимъ.—Церковныя братства и учрежденіе ихъ на Воыни.—Появленіе и развитіе казачества и дѣйствія его на Воыни.

ЛИЖАЙШИМЪ послѣдствіемъ люблинской уніи или сліянія Литвы съ Польшею въ 1569 году было усиленіе на Воыни польскаго вліянія, польскихъ людей, польскихъ порядковъ и польско-католической вѣры. Поляки безпрепятственнѣе могли теперь заключать браки съ русско-литовскими вельможами и дворянами и пріобрѣтать имѣнія, осѣдность и движимости на Воыни. Съ другой стороны, литовско-русскіе вельможи и дворяне стали

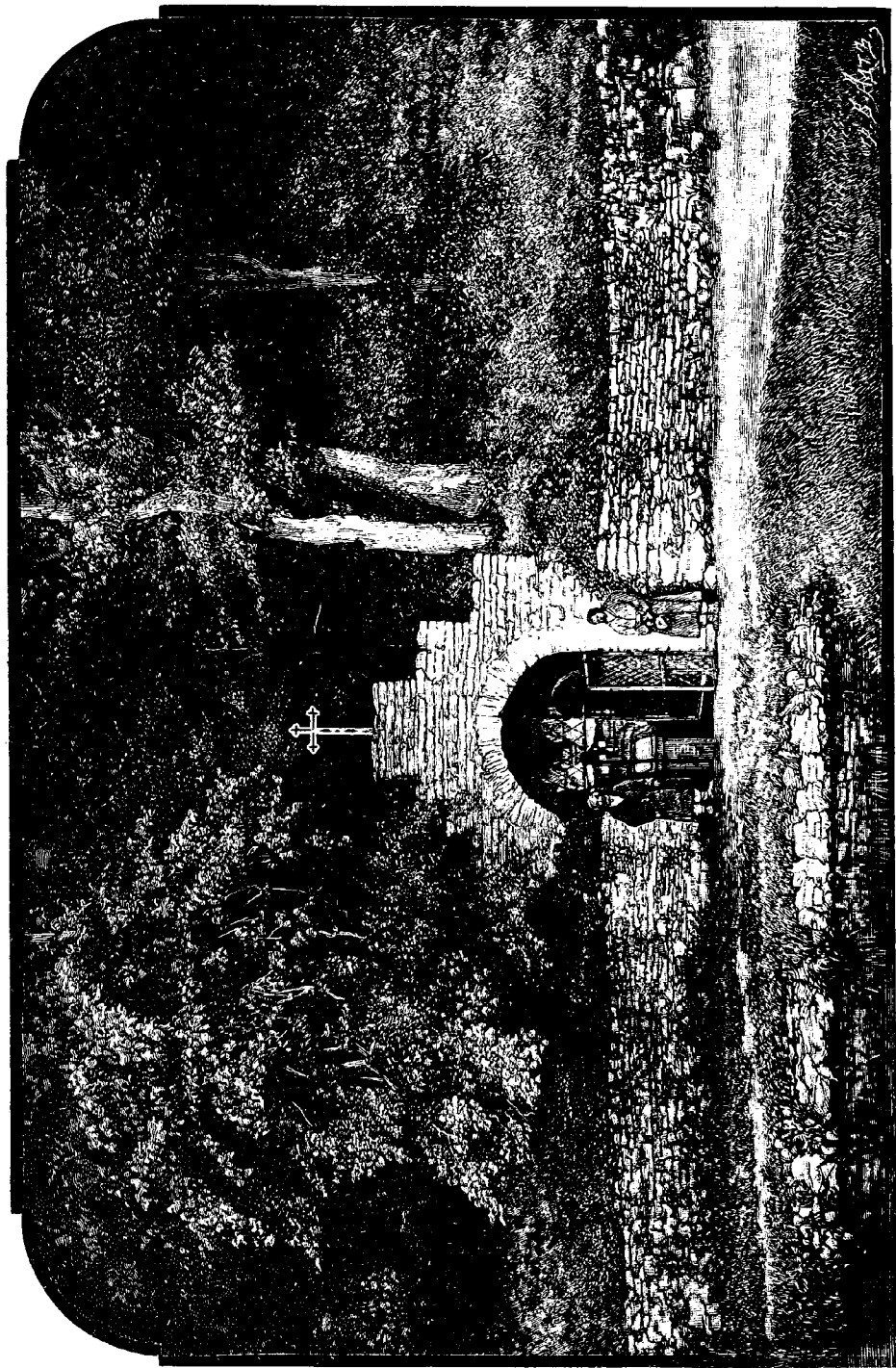
Дерманскій Свято-Троицкій монастирь, Дубенскаго уѣзда.

входить въ болѣе тѣсное общеніе съ поляками на сеймахъ, государственной службѣ и въ общежитіи, получали польскія права и преимущества и перенимали польскіе порядки и обычаи, польскую образованность и даже польскую вѣру. Но это польское вліяніе, увлекающая приманкою льготъ и преимуществъ высшіе классы русскаго общества, отталкивало отъ себя низшія сословія — мѣщанское и крестьянское, такъ какъ не только не сулило имъ никакихъ правъ и преимуществъ, но еще ухудшало ихъ положеніе въ сравненіи съ прежнимъ и отдавало ихъ въ руки и полное распоряженіе высшихъ сословій и дворянства. Мѣщанство хотя и получало нерѣдко нѣкоторую степень самоуправленія въ магдебургскомъ правѣ; но это чуждое русскому народу право болшею частію давалось съ различными урѣзками и ограниченіями и весьма часто нарушалось воеводами, старостами и другими королевскими чиновниками или самими собственниками городовъ и мѣстечекъ въ пользу жидовъ, католическихъ монастырей, костеловъ и духовныхъ лицъ. Въ первый разъ евреи получили въ Литвѣ привилегію отъ Витовта ²⁴²), но особенно размножились на Волыни послѣ люблинской уніи 1569 года. Не имѣя никакихъ правъ на осѣдлость въ городахъ и мѣстечкахъ, евреи однакоже селились тамъ по милости владѣльцевъ и старостъ, старавшихся извлекать изъ нихъ свои выгоды, захватили въ свои руки промыслы и торговлю и вскорѣ оттѣснили христіанъ на задній планъ и заставили ихъ по большей части обратиться къ земледѣлію. Кромѣ торговли и промысловъ, евреи держали въ арендѣ помѣщичьи населенныя имѣнія, не только со всеми повинностями крестьянъ, но даже съ правомъ казнить ихъ смертію за преступленія ²⁴³). Евреямъ помогало въ приниженіи и уничтоженіи русскаго мѣщанства римско-католическое духовенство. Водворяясь въ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ, оно получало здѣсь земельные участки и разныя права и преимущества и, не платя ни податей, ни акциза, захватывало въ свои руки не только продажу горячихъ напитковъ, но и все ремесла и торговлю, какъ-то продажу мяса, свѣчь, хлѣба, дегтю, смолы и т. п. ²⁴⁴). Въ послѣдніе годы существованія Польши городское сословіе, за исключеніемъ немногихъ городовъ, или исчезло совершенно, перемѣстившись въ другія сословія, или обратилось исключительно къ земледѣльческимъ занятіямъ ²⁴⁵). А съ ослабленіемъ туземнаго мѣщанства неизбѣжно ухудшалось положе-

ніе крестьянъ въ русскихъ областяхъ Польши. Имъ запырался единственный выходъ изъ земледѣльческаго сословія въ другія. вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ налегало историческое, строго выработанное польское холопство. Никакія права крестьянства, никакіе обычаи не могли имѣть значенія по польскимъ понятіямъ. Хлопъ — безусловный рабъ пана. Чѣмъ больше набиралось въ Русско-Литовскомъ княжествѣ поляковъ, чѣмъ больше полячилось русско-литовское дворянство, тѣмъ больше эти понятія вкоренялись и тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе русскаго крестьянина. Тяжесть эта особенно увеличивалась отъ того, что господами становились иноплеменники, или свои, отрекавшіеся отъ своего роднаго. Паны были поляки, а хлопъ — русскій. Мало того, паны по отношенію къ русскимъ хлопамъ были другой вѣры. Латинство становилось въ югозападной Россіи и на Волыни панской вѣрою, православіе и унія — хлопскою ²⁴⁶). Крестьяне старались спастись отъ невыгоднаго для нихъ новаго положенія побѣгами. Побѣги достигали громаднхъ размѣровъ. Крестьяне изъ Полѣсья, Волыни и Подоли, воеводства Русскаго и Белзскаго (Галиціи), бѣжали то въ одиночку, то цѣлыми толпами въ Украину. Въ началѣ XVII вѣка болѣе всего было побѣговъ крестьянъ; только къ концу XVIII вѣка, когда Украина совсѣмъ заселилась, количество дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ значительно уменьшается въ Полѣсьи и на Волыни ²⁴⁷). Такимъ образомъ въ русскихъ областяхъ, со времени присоединенія ихъ къ Польшѣ и по ея примѣру, стало рѣзко обозначаться пагубное для государства раздѣленіе между полноправными и безправными классами и сословіями, послужившее главнымъ источникомъ внутреннихъ смуть и междуособій, которыя наполняютъ собою все время польскаго владычества въ русскихъ областяхъ. Всѣ эти смуты и междуособія имѣютъ исходною точкою своєю или болѣе порабощеніе безправныхъ сословій и классовъ полноправными, или стремленіе безправныхъ классовъ если не добиться участія въ нѣкоторыхъ правахъ и преимуществахъ, то, по крайней мѣрѣ, отстоять свое прежнее положеніе. До половины XVII вѣка перевѣсъ въ борьбѣ за права и преимущества и свободу вѣроисповѣданія явно остается на сторонѣ русскаго православнаго населенія въ русскихъ областяхъ Польши; но со второй половины XVII вѣка, по возсоединеніи части Малороссіи съ Россіей, другая часть южной Россіи съ Волынью, оставаясь подъ владычествомъ Польши, все болѣе и болѣе подчиняется ея вліянію и, послѣ

продолжительной борьбы, наружно совращается въ унию и отчасти даже въ католичество.

Прежде всего польское вліяніе должно было коснуться высшихъ слоевъ русскаго общества, стоявшихъ доселѣ на стражѣ православія и русской народности въ краѣ, хотя на первыхъ порахъ и встрѣтило въ этой средѣ сильное противодѣйствіе себѣ. Чтобы сломить это противодѣйствіе, для этого введены были въ Польшу и въ литовско-русскія области іезуиты. Эти новые и дѣятельнѣйшіе борцы за неприкосновенность и распростраеніе папской власти введены были въ Польшу въ 1566 году собственно для борьбы съ протестантскими толками и ересями; но, подавляя ихъ, іезуиты вмѣстѣ съ тѣмъ направили свои усилія и на подавленіе православія или на соединеніе его съ католичествомъ, подъ главенствомъ папы. Еще въ 1569 году іезуиты введены были въ Вильну и тотчасъ же занялись обращеніемъ иновѣрцевъ въ католичество и воспитаніемъ юношества. На другой же годъ открыта была ими въ зданіи, принадлежавшемъ костелу св. Іоанна, Виленская коллегія, возведенная въ 1579 году папою Григоріемъ XIII на степень академіи и сравненная въ правахъ и преимуществахъ съ академіею Краковскою ²⁴⁸). Въ короткое время іезуиты наводнили своими монастырями области великаго княжества Литовскаго и въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ утвердили пребываніе и основали училища въ двадцати главнѣйшихъ городахъ; кромѣ того, имѣли при кафедральныхъ соборахъ такъ называемыя миссіи, а при церквахъ заводили братства. Сыновья князя Николая Радзивила Чернаго, могущественнаго покровителя кальвинистовъ, совращенные іезуитами въ латинство, выгнали изъ обширныхъ своихъ имѣній Несвижа, Олыки (Дубенскаго уѣзда), Клецка и другихъ кальвинистовъ и передали кальвинскія церкви съ ихъ имуществами, а также книгопечатни и книжный лавки, латинскому духовенству и именно іезуитамъ ²⁴⁹). Одними изъ первыхъ жертвъ іезуитскаго вліянія между православными вольными вельможами были сыновья князя Крошинскаго, князя Чарторыйскіе и другіе. Княгиня Чарторыйская въ письмѣ своемъ къ князю Андрею Курбскому писала, что она намѣрена послать своего сына въ Вильну для обученія у іезуитовъ. Князь Курбскій, не отклоняя ее совершенно отъ намѣренія, предостерегалъ однако же, что многіе родители отдали іезуитамъ своихъ дѣтей для обученія свободнымъ нау-

Гротъ съ часовнею св. Николая въ селѣ Гульчѣ, Острожскаго уѣзда.

камъ, но іезуиты, не научивъ, прежде всего постарались чуть не всѣхъ, еще въ юномъ возрастѣ, убѣдить хитролестно, отлучить отъ православія и покрестить въ свое полувѣріе, какъ напримѣръ сыновей князя Крошинскаго и другихъ²⁵⁰). Опасенія князя Курбскаго оправдались. Въ 1598 году Юрій Чарторыйскій открыто заявилъ о подчиненіи своему римскому престолу и принятіи католичества. Вмѣстѣ съ нимъ подписалось на соединеніе съ римскою церковію до 57 литовско-русскихъ вельможъ и дворянъ и между ними представители родовъ Тышкевичевъ, Козикъ, Четвертинскихъ, Гулевичей, Овлочимскихъ, Журавницкихъ, Малинскихъ, Колпытовскихъ, Терлецкихъ, Русиновичей, Збаражскихъ, Кошекъ, Мышекъ, Яловицкихъ, Гораиновъ, Одынцовъ и др.²⁵¹). Сократившись въ католичество, Юрій Чарторыйскій построилъ въ 1610 году католическій костелъ въ м. Клевани, Ровенскаго уѣзда, а въ 1630 году Николай Чарторыйскій ввелъ сюда іезуитовъ и отдалъ имъ православный Клеванскій монастырь²⁵²). Очень рано сокращены были въ католичество нѣкоторые члены фамилій князей Корецкихъ и Заславскихъ. Первымъ отступникомъ отъ православія изъ князей Корецкихъ былъ Самуилъ Корецкій, который будто бы еще въ 1583 году положилъ основаніе Корецкому костелу, достроенному его братомъ²⁵³). Князь Янушъ Заславскій построилъ въ 1599 году въ Заславѣ приходскій костелъ, а въ 1602 или 1603 году бернардинскій монастырь²⁵⁴). Не преминули іезуиты оказать свое тлетворное вліяніе и на семью самаго могущественнаго и ревностнаго покровителя православія на Волыни, князя Константина-Василія Константиновича Острожскаго, во владѣніяхъ котораго находилось тогда 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 670 селеній, кромѣ приписанныхъ къ разнымъ монастырямъ и церквамъ²⁵⁵). Второй сынъ этого князя Янушъ отправленъ былъ отцомъ ко двору нѣмецкаго императора Максимилиана II для изученія ратнаго искусства. Тамъ іезуиты опутали его своею сѣтью и расположили къ римской вѣрѣ²⁵⁶). Янушъ пережилъ своихъ братьевъ Константина и Александра и, сдѣлавшись главнымъ наследникомъ огромныхъ имѣній своего отца, оказалъ величайшій вредъ православной церкви на Волыни какъ своею личною дѣятельностію на пользу католичества, такъ и своимъ завѣщаніемъ или распоряженіемъ относительно его имѣній, которыя должны были переходить только въ руки католиковъ. Самъ Янушъ еще при жизни своего отца передалъ въ 1606 году Троицкій Межиричскій православный храмъ франциска-

намъ и пристроилъ къ нему жилой корпусъ для монаховъ²⁵⁷). Вновь построилъ онъ католическіе монастыри и костелы: въ Дубнѣ Яновскій 1612 г., въ Староконстантиновѣ приходскій того же года и францисканскій 1613 г., въ Степани, Ровенскаго у., 1614 г., въ Литовижѣ, Владимірскаго у., 1615 г.,²⁵⁸) и др. Не имѣя мужскаго потомства, онъ установилъ въ 1609 году, съ соизволенія сейма, ординацію, въ силу которой его имѣнія должны перейти къ сыновьямъ князя Заславскаго, рожденнаго отъ его дочери, а по прекращеніи ихъ рода—къ князьямъ Радзивиламъ, рожденнымъ отъ сестры Януша; въ случаѣ же прекращенія этой линіи Радзивиловъ, имѣнія должны быть обращены въ командорства и переданы малтійскому кавалеру, родомъ поляку, выбранному на сеймѣ большинствомъ голосовъ, который долженъ принять гербъ Острожскихъ и доставлять на защиту отечества по 300 конныхъ и столько же пѣшихъ людей²⁵⁹). Ближайшимъ наслѣдникомъ имѣній Януша Острожскаго былъ зять его, князь Александръ Ивановичъ Заславскій († 1629 г.), тогда какъ наслѣдницею другой половины Острожскаго владѣнія, принадлежавшей Александру Константиновичу, была дочь его Анна Аловза, по мужу Ходкевича, рано совращенная своею матерью и іезуитами въ католичество²⁶⁰). Приняли латинство представители и другихъ знатныхъ русскихъ фамилій. Мелетій Смотрицкій, оплакивая отъ лица православной церкви измѣну ей со стороны русскихъ вельможъ, писалъ о нихъ въ 1610 г. въ своемъ сочиненіи «Өриность» (плачъ) слѣдующее: «Гдѣ теперь неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ, въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,— гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Коширскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны, и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды, древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челненскіе, Калиновскіе,

Бирдѣи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи и другіе?.. Вы, злые люди, (своею измѣною) обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго однако вы всѣ вышли. Но помните: проклять всякъ, открывающій наготу своей матери! Прокляты будете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій» ²⁶¹).

Новообращенные въ католичество русскіе вельможи старались распространять католическую вѣру въ своихъ владѣніяхъ и строили римскіе костелы, монастыри и школы. Кромѣ перечисленныхъ уже, въ первой половинѣ XVII вѣка появились на Волини еще слѣдующіе католическіе костелы и монастыри, основанные большею частію возвращенными въ латинство вельможами, а отчасти мѣстнымъ католическимъ духовенствомъ: въ Корытницѣ, Владимірскаго уѣзда, 1605 г. ²⁶²); въ г. Ровно, 1606 г., вдовой Александра Константиновича Острожскаго Анной ²⁶³), въ г. Кременцѣ, францисканскій, 1607 г., основанный впрочемъ вмѣсто прежняго приходскаго костела ²⁶⁴); въ м. Полонномъ, Новгородволинскаго у., 1607 г., княземъ Любомирскимъ ²⁶⁵); въ г. Луцкѣ іезуитскій монастырь 1610 г., бискупомъ Павломъ Волицкимъ ²⁶⁶); въ Ляховцахъ, Острожскаго уѣзда, доминиканскій 1612 г. Павломъ Криштофомъ Сениутой, при участіи князя Александра Ивановича Заславскаго ²⁶⁷); въ Деражнѣ, Ровенскаго у., 1614 г. ²⁶⁸); въ Корцѣ, Новгородволинскаго у., францисканскій 1621 г. княземъ Яномъ-Карломъ Корецкимъ ²⁶⁹); въ Сокулѣ, Луцкаго у., 1623 г. ²⁷⁰); въ г. Острогѣ іезуитскій со школами 1624 г. Анной-Алоизой Ходкевичъ ²⁷¹); въ г. Овручѣ доминиканскій 1628 г. ²⁷²); въ м. Олыкѣ, Дубенскаго уѣзда, коллегіатскій 1630—1635 г., съ семинаріей для духовенства 1638—1641 г., Альбрехтомъ Станиславомъ Радзивиломъ ²⁷³); въ Птичѣ, Дубенскаго уѣзда, 1632 г., княземъ Станиславомъ Любомирскимъ ²⁷⁴); въ Ксаверовѣ, Овручскаго уѣзда, 1634 г., коллегіумъ іезуитскій съ общежитіемъ, основанный Игнатіемъ Ельцемъ ²⁷⁵); въ Любарѣ, Новгородволинскаго у., доминиканскій 1634 г. Станиславомъ Любомирскимъ ²⁷⁶); въ Камнѣ Коширскомъ, Ковельскаго у., 1637 г. ²⁷⁷); въ Чарторыйскѣ, Луцкаго у., доминиканскій, основанный около 1639 г. диссидентомъ Андреемъ Лещинскимъ для погребенія въ немъ жены своей католички ²⁷⁸); въ Затур-

Икона Божіей Матери изъ Успенскаго Мстиславова собора въ г. Владимірѣ-
Вольнскомъ.

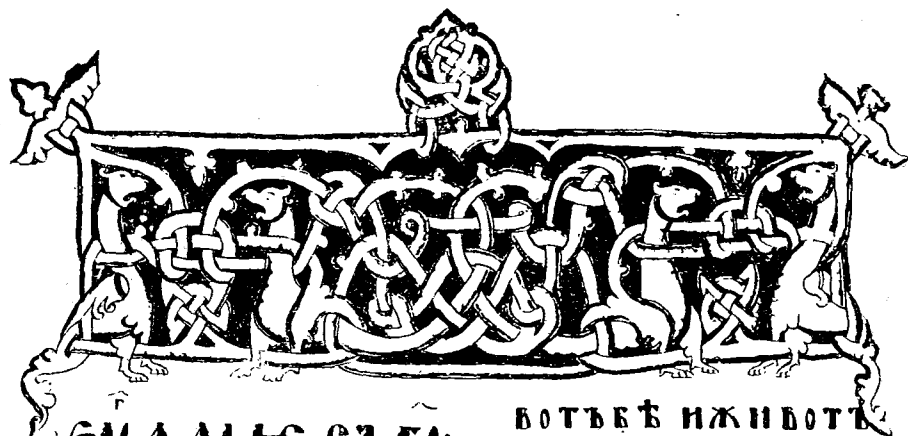
цахъ, Владимірскаго у., 1641 г., Валеріаномъ Подгородинскимъ; въ Свайчовѣ, того же у., 1647 г., Іоанномъ Лагодовскимъ;²⁷⁹) въ городѣ Новградволинскѣ, 1651 г., Анной-Алоизой Ходкевичъ, княжной Острожской²⁸⁰); въ Веледникахъ, Овручскаго у., 1652 г., помѣщикомъ Потоцкимъ²⁸¹), и др. Для привлеченія православныхъ, католическіе костелы нерѣдко устроились изъ православныхъ церквей, или же ставились на ихъ мѣстѣ. Такимъ образомъ передѣланы были въ костелы православныя церкви Троицкая Межиричская Янушемъ Острожскимъ и Острожская Успенская—Анной-Алоизой Ходкевичъ²⁸²). Ксаверовскій іезуитскій монастырь со школами построенъ былъ на урочищахъ Борисовскаго церковнища. т. е. на мѣстѣ бывшей когда-то здѣсь Борисовской церкви, и при монастырѣ учреждена была ярмарка на день учредителя іезуитскаго ордена Игнатія Лойолы 20 августа, совпадающій съ русскимъ праздникомъ въ честь св. пророка Іліи²⁸³).

Не ограничиваясь совращеніемъ представителей высшихъ классовъ русскаго общества изъ православія въ католичество, іезуиты составили и начали приводить въ исполненіе общій планъ подчиненія всей русской православной церкви римскому престолу, не исключая и сѣверной Россіи. Въ 1581 году папа посылалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина для примиренія царя Іоанна Грознаго съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ и для переговоровъ о соединеніи русской церкви съ католическою; но Іоаннъ Грозный въ своей бесѣдѣ съ Поссевиномъ покушался даже самого папскаго посла склонить къ своей вѣрѣ и сдѣлалъ только ту уступку папѣ, что дозволилъ латинскимъ священникамъ находиться въ Россіи. Въ другой разъ, въ началѣ XVII вѣка, іезуиты, по видимому, близки были къ своей цѣли порабощенія русской церкви папѣ, когда польскій король и римскій дворъ признали Лжедимитрія истиннымъ царемъ русскимъ, подъ условіемъ, чтобы онъ принялъ римско-католическую вѣру и обязался привести къ ней Россію. Но и самъ самозванецъ не былъ искренно преданъ римской церкви; а съ его паденіемъ совершенно исчезла всякая надежда на подчиненіе сѣверно-русской церкви папѣ²⁸⁴). Но что не удалось іезуитамъ въ сѣверной Россіи, то удалось имъ въ нѣкоторой мѣрѣ въ русскихъ областяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши. Въ этихъ областяхъ унія или соединеніе православной церкви съ римскою имѣла

нѣкоторый наружный и временный успѣхъ и кое-какъ просуществовала цѣлыхъ два столѣтія.

Еще на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, по заключеніи государственной уніи Литвы съ Польшей, король Сигизмундъ II Августъ высказывался, что онъ думаетъ еще объ одномъ великомъ дѣлѣ, о восстановленіи единства вѣры, котораго хочетъ достигнуть однако же безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Вскорѣ послѣ люблинской уніи 1569 года, іезуитъ Скарга издалъ въ 1577 году книгу «о единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ сего единства отступленіи» и посвятилъ ее князю К. К. Острожскому. Въ этой книгѣ проводилась, главнымъ образомъ, та мысль, что для православной западно-русской церкви будто бы нѣтъ и не можетъ быть другаго выхода изъ того жалкаго разстроеннаго положенія, въ коемъ она тогда находилась, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на флорентійскомъ соборѣ соединеніе съ католическою церковію подъ главенствомъ римскаго первосвященника, но съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ. Другой іезуитъ, извѣстный уже намъ Антоній Посевинъ, возвратившись изъ московскаго посольства въ Римъ, обратилъ вниманіе папы на южно-русскую церковь въ польскихъ владѣніяхъ и предложилъ начать съ нею окатоличеніе Руси. Раскрывая подробно свою мысль, онъ указалъ на вѣроисповѣдную унію, какъ на удобнѣйшій способъ приведенія русскихъ къ латинству, съ тѣмъ, чтобы позволить имъ до времени удержать свои обряды и богослуженіе и разрѣшить священникамъ вступать въ бракъ по греческому обряду²⁶⁵). Въ этомъ смыслѣ и затѣяна была вѣроисповѣдная унія южно-русской православной церкви съ католическою. Польскій король Сигизмундъ III и іезуиты въ особенности стали осуществлять планъ вѣроисповѣдной уніи въ чисто польско-католическомъ духѣ. Они старались подѣйствовать на западно-русскихъ православныхъ іерарховъ приманками особыхъ почестей и преимуществъ, увлекли большинство ихъ на свою сторону, разрушили существовавшее дотошъ единство клира и мірянъ и сдѣлали невозможнымъ ихъ совмѣстное служеніе православной церкви. Слѣдуя примѣру и внушеніямъ католическаго духовенства, западно-русскіе іерархи, и во главѣ ихъ луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій и владиміро-волинскій Ипатій Поцѣй, пожелали освободиться отъ надзора и опеки мірянъ и братствъ и

увеличить свою власть надъ духовенствомъ и мірянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть уравниія въ правахъ и вольностяхъ съ польско-католическимъ духовенствомъ, и потому согласились принять унію съ католическою церковію, въ которой міряне всегда находились въ почтительномъ отдаленіи отъ іерархіи. Можно сказать даже, что стремленіе западно-русскихъ іерарховъ достигнуть черезъ унію полновластія въ церковныхъ дѣлахъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на какую-либо самостоятельность въ дѣлахъ церкви, было лишь примѣненіемъ къ церковному управленію польско-шляхетскихъ понятій о государственномъ управленіи, исключавшихъ всякое участіе въ немъ низшихъ, поработенныхъ сословій, и прямымъ послѣдствіемъ государственной люблинской уніи 1569 года, узаконившей эти понятія для юго-западной Руси. Конечно, такія чисто шляхетскія стремленія западно-русскихъ владыкъ не могли увлечь на ихъ сторону мірянъ и низшее духовенство. Лишь только переговоры владыкъ съ польскимъ правительствомъ насчетъ уніи сдѣлались окончательно извѣстными, князь К. К. Острожскій издалъ окружное воззваніе ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши, духовнымъ и свѣтскимъ, и убѣждалъ всѣхъ и каждого твердо стоять за отеческую вѣру противъ отступниковъ и предателей и общими силами противиться ихъ злымъ замысламъ. Вслѣдъ за тѣмъ, заволновались православные мѣщане, братства, земскіе послы отъ русскихъ воеводствъ и тѣ изъ духовныхъ, которые не пошли вслѣдъ за отступниками владыками, и вообще представители разныхъ слоевъ православнаго русскаго общества, и не хотѣли признавать отступниковъ епископами. Согласно съ православными понятіями о церковномъ управленіи, православные утверждали, что безъ вѣдома и дозволенія восточныхъ патріарховъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли и согласія свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ вѣрѣ. Это была борьба двухъ противоположныхъ направленій церковной жизни, неограниченнаго шляхетско-іерархическаго съ одной стороны и народно-соборнаго съ другой. Для примиренія несогласій, созванъ былъ въ октябрѣ 1596 года извѣстный брестскій соборъ, на которомъ однако окончательно выяснилась несомѣстимость этихъ двухъ противоположныхъ направленій и закрѣпленъ былъ великій расколъ въ западно-русской церкви, извѣстный

ЕЦА ЛЬТЕ СЪБО:

Ѡмь поуина ка мь гь бл
 Ѡ словн вако. Ѡ цальн га
 Ѡ лашего іс хса. пастц
 Ѡ то пасхоц. Ѡ ца. Ѡ но л

сь он нъ сло
 во. н слово бѣ
 отъ бга: н
 бѣ бѣ слово

н съ бѣ н сконнотъ
 бга н всатѣ мь бы
 ша н безъ него же
 н ну то же не бы ⁊ н
 же бы оц то мь ж н

во тѣ бѣ н животъ
 бѣ н свѣтъ у лѣв ко мѣ
 свѣтъ во тѣ мѣ свѣ
 титъ са. н тѣ ма н
 го не по ети же ⁊ не бы
 у лѣв къ по сла нъ Ѡ
 б га н ма н моцн
 ба нъ ⁊ н съ при иде
 оцъ свѣ дителство
 да свѣ дителство оц
 н тѣ о свѣтѣ да вси
 бѣ роцн н оц тѣ мь
 н не бѣ то свѣтъ но
 да свѣ дителство оц
 н тѣ о свѣтѣ н бѣ свѣ

Вънзъ отати наситѣ

До митѣ тѣ

подъ именемъ уніи. На этомъ соборѣ открытыми приверженцами уніи оказались только митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы владиміро-во-лынскій Ипатій Поцѣй, луцкій Кириллъ Терлецкій, холмскій Діонисій Збируйскій, полоцкій Германъ и пинскій Іона Гоголь, и при нихъ всего три архимандрита. На сторонѣ православной находились два представителя восточныхъ патріарховъ, епископы львовскій Гедеонъ Балабанъ и Перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, 9 архимандритовъ, 2 игумена и при нихъ болѣе 100 священниковъ и монаховъ. Кромѣ того, на соборъ прибыли князья, съ К. К. Острожскимъ во главѣ, и простые дворяне и даже мѣщане, государственные сановники и частныя лица, и многочисленныя послы отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также представители церковныхъ братствъ и нѣкоторыхъ городскихъ общинъ. Обѣ стороны, и православная и уніатская, взаимно отлучили одна другую отъ церкви и проклинали, а духовныхъ лицъ противной стороны объявили низложенными съ ихъ должностей, и за утвержденіемъ и исполненіемъ своихъ рѣшеній обратились къ королю. Понятно, Сигизмундъ III, какъ польскій король и ревностный приверженецъ католичества, принялъ сторону уніатовъ, какъ союзниковъ польскаго католичества, надѣясь черезъ нихъ въ послѣдствіи времени совершенно подавить православіе въ русскихъ областяхъ своихъ и привести ихъ къ вѣроисповѣдному, а чрезъ то и къ народному объединенію съ господствующею польскою народностью³⁸⁶). Съ этихъ поръ начинается въ юго-западной Россіи, и въ частности на Волыни, гоненіе на православную церковь, которое, вмѣсто примиренія и объединенія русскихъ съ поляками, усилило рознь и вражду между ними и тѣмъ содѣйствовало паденію самой Польши.

Гоненіе на православныхъ начато на Волыни еще первыми отступниками отъ православія, луцкимъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ и владиміро-во-лынскимъ епископомъ, а въ послѣдствіи митрополитомъ Ипатіемъ Поцѣемъ. Сдѣлавшись уніатомъ, Кириллъ Терлецкій принялся обращать въ Луцкѣ православныя церкви въ уніатскія. Когда же луцкіе граждане, лишеныя своихъ православныхъ церквей, все обратились къ православному священнику Стефану Добринскому, который жилъ въ Чернчицкомъ монастырѣ подъ защитой князя К. К. Острожскаго, — то этотъ священникъ внезапно исчезъ, и тѣло его найдено было потомъ въ рѣкѣ Стыри. Молва приписывала убійство Стефана

Добринскаго Кириллу Терлецкому, а братъ убитаго шляхтичъ Николай Добринскій занесъ въ судъ жалобу на Кирилла Терлецкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата ²⁸⁷). Но самымъ опаснымъ врагомъ и гонителемъ православія былъ Ипатій Поцѣй,—единственный человѣкъ, принявшій унію по внутреннему убѣжденію. Прежде всего, онъ пожелалъ имѣть опору для своей епископской власти въ обширныхъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ владимірской епископской каѳедрѣ. Съ этою цѣлю Поцѣй, «по примѣру духовенства римскаго», учредилъ въ 1598 году при своей каѳедрѣ «капитулу» изъ протопопа, соборнаго священника и архидіакона, которые должны были оказывать всякое послушаніе своему епископу и заботиться о церковномъ порядкѣ и цѣлости церковнаго имущества, особенно по смерти епископа. Чтобы капитула тщательнѣе исполняла возложенныя на нее обязанности, Поцѣй отдалъ ей въ 1598 году Спасскій Владимірскій монастырь съ селомъ Яновымъ и грунтами Подгайцами и Радочижемъ. Капитула эта дѣятельно принялась за хозяйственныя дѣла и достигла того, что, когда въ 1613 году умеръ Поцѣй, на имѣнія владимірской каѳедры и капитулы не было заявлено никакихъ притязаній, и эти имѣнія въ цѣломъ видѣ и безъ всякаго препятствія переданы были въ томъ же 1613 году преемнику Поцѣя на владимірской каѳедрѣ Мороховскому. Въ это время въ составъ ихъ входили: Купечовъ со всѣми «приналежностями его», т. е. мѣстечкомъ Озерянами и селами Бѣлашовомъ, Солотвиномъ, Рокитницею, Вороною, Сушибабою, Грушевою, Волькою. Сушичномъ, также село Бискупичи съ приселкомъ Петикоровъ, село Шистово съ селами Боженкой, Мигуличами, Шетыднемъ, Хрипаличами и мельницами Ольшаницкой и Бѣлобережской, владычній замокъ въ самомъ г. Владимірѣ, села Городокъ, Квасово, Грушевичи, Яневичи, Полуанщина, Тимковичи, Дорошничи, и Бискупичи (вторые). Прежде всего, конечно, эти епископскія и капитульныя населенныя имѣнія и должны были сдѣлаться жертвою уніи. Поцѣй и капитула раздавали эти имѣнія въ управленіе или въ аренду родственникамъ своимъ и ии людямъ, расположеннымъ къ уніи, и такимъ образомъ имѣли въ нихъ сильную опору для себя въ своихъ дальнѣйшихъ гоненіяхъ на православіе. Ипатій Поцѣй понималъ свою епископскую и митрополитанскую власть чисто по-католически, не обращая вниманія на права основателей и покровителей извѣстныхъ мона-

стырей и церквей, на томъ основаніи, что «не только въ имѣніяхъ собственныхъ церковныхъ владычныхъ онъ есть господинъ и надзиратель, но и во всей епархіи его предотвращать и не допускать уничтоженія ихъ, принадлежить не кому иному, какъ только верховному пастырю, къ чему призываютъ его право божеское и гражданское и право наданія и вѣсокій долгъ духовный и пастырскій»²⁸⁸). А такъ какъ основатели, благотворители храмовъ и само духовенство и народъ не признавали этихъ правъ за Поцѣмъ, то онъ дѣйствовалъ противъ нихъ насиліями, коварствомъ, ложными обвиненіями и доносами. Поцѣй схватывалъ непокорящихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ головы и бороды, третьихъ выгонялъ изъ приходоу и подвергалъ разнымъ истязаніямъ, наиболѣе же упрямыхъ выставлялъ въ глазахъ правительства какъ бунтовщиковъ, заслуживающихъ суровыя наказанія. Нерѣдко онъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, вторгался въ православныя храмы, схватывалъ священниковъ, собственноручно обдиравъ престолы, грабилъ церковную утварь и уничтожалъ или уносилъ съ собою антиминсы. Такъ онъ поступилъ, на примѣръ, въ 1596 году въ церкви св. Іліи въ г. Владимірѣ-Волинскомъ. Когда же покровительница этой церкви жена каштеляна Брацлавскаго Марія Загоровская подала въ судъ жалобу на епископа, неслыханнымъ образомъ оскорбившаго христіанскую святыню, — то послѣдній, съ нахальною увѣренностію въ своей безнаказанности, отвѣтилъ жалобщицѣ, что она напрасно начинаетъ дѣло, такъ какъ въ Польшѣ никакой судъ не станетъ судить его за это, а если она пожелаетъ позвать его въ Римъ на судъ папы, то ей предстоитъ не легкій проѣздъ, и онъ будетъ имѣть передъ нею то преимущество, что дороги туда ему не нужно спрашивать, потому что уже извѣдалъ ее, и онъ увѣренъ, что тамъ не скажутъ въ пользу жалобщицы²⁸⁹). Около 1598 г. Ипатій Поцѣй выгналъ православныхъ монаховъ изъ Владимірскаго Спасскаго монастыря и отдалъ его своей капитулѣ. Въ 1601 году онъ напалъ въ ночное время съ вооруженными людьми на Васильевскую церковь въ г. Владимірѣ во время заутрени, взялъ священныя вещи, антиминсъ и агнецъ, вытацилъ изъ алтаря священника и повелъ его въ соборную церковь, гдѣ, сидя на аувонѣ, билъ его до-крови, а потомъ остригъ его по уніатски и запретилъ ему священнодѣйствіе. Въ 1607 году Поцѣй и его

капитула назначили къ Михайловской церкви въ селѣ Хмелевѣ, принадлежавшемъ владимірскому судѣ Андрею Заленскому, униатскаго священника Яцка, безъ согласія и вѣдома владѣльца. Но менѣе всего Ипатій Поцѣй имѣлъ успѣхъ въ Кіевѣ. Въ 1610 году, передъ пасхой, онъ послалъ въ Кіевъ намѣстника своего Антонія Грековича, для управленія богослуженія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и управленія кіевскимъ духовенствомъ и имѣніями. Но войтъ, бурмистры и священники кіевскіе не хотѣли принять Грековича и повиноваться ему и даже похвалялись на его здоровье, а запорожскіе казаки погушались на его жизнь и наконецъ утопили его въ Днѣпрѣ ²⁹⁰).

Помимо преслѣдованій, Поцѣй употреблялъ и другія средства для водворенія уніи въ своей епархіи. Въ 1597 году онъ отнялъ заведенную незадолго передъ тѣмъ въ Брестѣ православную братскую школу и преобразовалъ ее въ униатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ вывезеннаго имъ изъ Рима ученаго униата, грека Петра Аркудія, получившаго образованіе въ Римѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, отнявъ у Виленскаго братства православный Троицкій монастырь, Поцѣй основалъ при немъ въ 1607 году униатскую коллегію или семинарію. Въ 1609 году онъ основалъ во Владимірѣ-Волинскомъ, при соборной Успенской церкви, небольшую униатскую школу, записавъ на ея содержаніе изъ доходовъ своей каведры по 250 золотыхъ ежегодно. Поцѣй оставилъ и издалъ также нѣсколько сочиненій въ защиту уніи и противъ православія, отличающихся рѣзкимъ, раздражительнымъ тономъ, и извѣстенъ былъ какъ талантливый проповѣдникъ. Но онъ содѣйствовалъ водворенію и укрѣпленію уніи не только лично своею дѣятельностію, а и тѣмъ, что приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ, въ родѣ Рутскаго, Мороховскаго, Кунцевича и другихъ, которые продолжали то, чему онъ положилъ начало. Особенную услугу оказали уніи Рутскій и Кунцевичъ преобразованиемъ униатскаго монашества по образцу и при содѣйствіи римско-католическихъ монашескихъ обществъ, называемыхъ орденами, или, точнѣе, основаніемъ униатскаго базилианскаго (василянскаго) ордена ²⁹¹). Хотя этотъ союзъ униатскихъ монастырей или орденъ въ XVII вѣкѣ почти не имѣлъ распространенія на Волини, но изъ него большею частію выходили униатскіе епископы владимірскіе и луцкіе, ревностно привер-

женные къ папскому престолу, которые не мало содѣйствовали распространенію и укрѣпленію уніи.

Не смотря однако же на всѣ усилія польскаго правительства, первыхъ виновниковъ уніи и ихъ ближайшихъ преемниковъ,—унія медленно распространялась на Волыни. Даже сами католики вопіяли иногда противъ уніи, какъ виновницы внутреннихъ смуть и междоусобій. При преемникахъ Терлецкаго и Поцѣя намъ извѣстно одно только крупное совращеніе въ унію жидичинскаго архимандрита Григорія-Гедеона Балабана, который вынужденъ былъ къ тому притѣсненіями лудскихъ уніатскихъ епископовъ и угрозами короля ²⁹²). Папскій нунцій въ Польшѣ Торресъ писалъ въ 1621 году о состояніи уніатскихъ епархій на Волыни, что владимірское епископство приноситъ 4,000 злотыхъ доходу и имѣеть одинъ только монастырь базилианскій въ Кременцѣ (Спасскій), лудское же имѣеть до 8,000 злотыхъ доходу и одинъ только монастырь въ Жидичинѣ ²⁹³).

Главная причина малоуспѣшности уніи заключалась во внутренней силѣ, согласіи и дружномъ дѣйствованіи различныхъ слоевъ и сословій православнаго русскаго народа, который умѣлъ еще и въ состояніи быть оказывать сильное противодѣйствіе не только мертворожденной уніи, но и болѣе благоустроенному и сильному польскому католичеству и самому польскому правительству. Послѣ государственной люблинской уніи 1569 года и особенно послѣ церковной брестской уніи 1596 года, различные классы и сословія южнорусскаго православнаго народа или порознь или всѣ вмѣстѣ выступали на защиту своей народности и вѣры. Прежде всего выступили за свою вѣру и народность вельможи и дворяне волынскіе, а затѣмъ мѣщане; когда же ряды ихъ значительно порѣдѣли и стали сходить съ боеваго поприща, его заняли и долго удерживали за собой малороссійскіе казаки, которые съ 1620 года и до кончины Богдана Хмельницкаго оказывали рѣшительное и преобладающее вліяніе на положеніе православія и русской народности въ русскихъ областяхъ Польши и въ частности на Волыни.

Не смотря на многочисленныя совращенія русскихъ вельможь и дворянъ въ католичество въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка,—все таки значительное число ихъ оставалось въ это время и на сторонѣ православія. Они ходатайствовали за русскую народность и православіе передъ польскимъ правительствомъ и защищали ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ концѣ

XVI и въ началѣ XVII в. русскіе вельможи и дворяне нѣсколько разъ входили въ сношенія и союзы съ польско-русскими протестантами и вмѣстѣ съ ними отстаивали право свободнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ. Въ 1607 году волынское дворянство поручило своимъ посламъ, выбраннымъ на сеймъ, ходатайствовать предъ польскимъ правительствомъ объ уничтоженіи уніи и возстановленіи православія въ прежнемъ его видѣ, о дозволеніи дворянству избрать новыхъ іерарховъ, о возвращеніи православнымъ монастырей и имѣній, отнятыхъ уніатами, учрежденіи семинарій для образованія православнаго духовенства, и проч. Полномочіе подписано 17-ю лицами, между которыми встрѣчаются извѣстныя фамиліи князей Заславскихъ и Збаражскихъ и дворянъ Жабокрицкихъ, Боговитиновъ, Загоровскихъ, Горайновъ, Древинскихъ, Ело-Малинскихъ, Хриницкихъ и др. Ходатайство волынскихъ пословъ на этотъ разъ увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ, благодаря, можетъ быть, возмущенію Зебжидовскаго противъ короля. На сеймѣ 1607 года издано было отъ имени короля постановленіе, въ которомъ сказано было слѣдующее: «Въ обезпеченіе греческой вѣры, издавна пользующейся своими правами, мы постановляемъ, что никакихъ должностей и церковныхъ имуществъ не будемъ никому предоставлять на иномъ правѣ, какъ только согласно духу ихъ учрежденія и по обычаямъ и правамъ, подтвержденнымъ нашими предшественниками, т. е. исключительно дворянамъ русскаго происхожденія и чистой греческой вѣры, не нарушая ничѣмъ законной свободы ихъ совѣсти и не препятствуя ни въ чемъ свободѣ богослуженія по давнимъ ихъ обычаямъ... Братствамъ церковнымъ греческой вѣры мы подтверждаемъ всѣ ихъ права и привилегіи». На сеймѣ 1609 года это постановленіе было вновь подтверждено, съ запрещеніемъ уніатамъ насильно обращать въ унію духовныхъ и мірянъ православныхъ, подъ опасеніемъ штрафа²⁹⁴). Опираясь на эти постановленія, православные вельможи и дворяне волынскіе основывали въ своихъ имѣніяхъ православные монастыри и церкви и обезпечивали прежде существовавшіе, приглашали къ себѣ и содержали православныхъ учителей и проповѣдниковъ, заводили книгопечатни и учреждали братства. Такъ напр., въ 1597 году помѣщица Анна Гойская торжественно перенесла въ Почаевскій монастырь чудотворную Почаевскую икону Богоматери, которою благословилъ ее въ 1559 году греческій митрополитъ Неофитъ, и надѣлила монастырь угодыми²⁹⁵). Въ

1613 году Гнѣвошъ Гулевничъ Дрозденскій отдалъ иноку Герасиму Микуличу островъ и поле въ с. Дроздахъ, Ковельскаго уѣзда, для основанія православнаго скита; князь Григорій Четвертинскій основалъ въ имѣнїи своемъ м. Четвертнѣ, Луцкаго у., православный женскій монастырь и обезпечилъ имѣнїями мужской Четвертенскій монастырь. Въ

Кіевскій князь Александръ (Омелько) Владиміровичъ, родоначальникъ князей Слуцкихъ.

1612 году князь Іоакимъ Корецкій съ женою своею Анной Ходкевичевою, пригласивъ въ себѣ извѣстнаго въ исторїи южно-русской православной письменности отца Лаврентія Зизанія-Тустановскаго, отдали ему соборную Корецкую церковь со всеми приходами и имѣнїями, съ обязательствомъ оставаться въ православїи ²⁹⁶). Въ 1618 году приглашенъ былъ княгиней Вишневецкой въ м. Рахмановъ, Кременецкаго у.,

извѣстный южно-русскій проповѣдникъ Кирилль Транквилионъ-Ставровецкій, а въ слѣдующемъ году здѣсь напечатано было его «Учительное евангеліе»²⁹⁷). Кромѣ Рахмановской книгопечатни, на Волини извѣстны были еще славяно-русскія книгопечатни въ Острогѣ съ 1580 г., Дермани съ 1604 г., Почаевѣ съ 1618 г., передвижная книгопечатня іеромонаха Павла Домжива Лютковича и іеродіакона Сильвестра, работавшая сначала въ м. Четвертнѣ, потомъ въ Луцкѣ, въ Чорненскомъ монастырѣ и наконецъ опять въ Луцкѣ. Въ послѣдствіи времени, въ 1638 году, на Волини является на короткое время новая книгопечатня въ Кременцѣ²⁹⁸). Къ числу заслугъ волинскаго дворянства для православной церкви нужно отнести и то, что въ 1619 году оно исходатайствовало у короля Сигизмунда III грамоту на учрежденіе Луцкаго православнаго братства²⁹⁹), которое долго потомъ служило однимъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ православія на Волини. Тотчасъ же по утвержденіи этого братства, въ старшіе братчики его записалось до 46 волинскихъ православныхъ дворянъ. Между ними встрѣчаются фамиліи Балабановъ, Воронецкихъ, Зубчевскихъ, Ушакъ-Буликовскихъ, Хорошко, Еловицкихъ, Марковскихъ, Выговскихъ, Пузынъ, Древинскихъ, Грабовецкихъ, Гулевичей-Воютинскихъ, Кульчичкихъ, Любецкихъ, Гуляницкихъ, Немиричей, Баковецкихъ, Мышка-Холоневскихъ, Жабокрицкихъ, Свищовскихъ, Суриновъ, Кропивницкихъ, Братковскихъ и др.³⁰⁰).

Но изъ всѣхъ волинскихъ вельможъ и дворянъ, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ оказалъ услугъ русской народности и православію на Волини князь К. К. Острожскій. Онъ всѣми зависящими отъ него способами старался о благоустроеніи южно-русской православной церкви и предоставленіи ей тѣхъ самыхъ средствъ, какими владѣли враги православія, т. е. образованія, и притомъ же сосредоточеннаго въ рукахъ духовенства.

Еще въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія К. К. Острожскій учредилъ въ г. Острогѣ училище и типографію и для помѣщенія ихъ основалъ въ 1582 году Троицкій монастырь съ госпиталемъ, оконченный въ 1601 году³⁰¹). На содержаніе ихъ онъ отдалъ имѣніе Суражъ съ селомъ Андрушевкой³⁰²). Острожское училище было первою на Руси греко-славянскою школою для преподаванія свободныхъ наукъ. Изъ начальниковъ ея извѣстны Герасимъ Смотрицкій и Кирилль Лукарисъ,

бывшій въ послѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ, а изъ учениковъ—Мелетій Смотрицкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный³⁰³). Школа, безъ сомнѣнія, основана по примѣру аріанскихъ и католическо-іезуитскихъ школъ и въ противодѣйствіе имъ и называлась даже академіей, вѣроятно въ противовѣсъ виленской іезуитской академіи. При ней естественнымъ образомъ возникло ученое братство, которое, помимо школьнаго преподаванія, старалось удовлетворять и другимъ современнымъ нуждамъ мѣстной православной церкви. Къ нимъ прежде всего относится изданіе печатной библіи славянской. Задумавъ ея изданіе, князь К. К. Острожскій послалъ своихъ пословъ за поисками библейскихъ списковъ «во все страны роду языка словенскаго», въ Константинополь и на дальній востокъ, и въ Москву, и изъ полученныхъ списковъ положилъ въ основу своего изданія рукописный списокъ библіи, присланный ему царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Когда же открылись недостатки и погрѣшности и въ этомъ спискѣ, то князь, по общему совѣту своихъ сотрудниковъ, велѣлъ править его по греческому переводу семидесяти толковниковъ. Для напечатанія этого труда, князь К. К. Острожскій вызвалъ изъ Львова московскаго книгопечатника Ивана Θεодорова, который, совершивъ и закончивъ этотъ подвигъ въ 1581 году, вскорѣ затѣмъ снова удалился во Львовъ, гдѣ и скончался. Такимъ образомъ Острожская библія издана была взаимными усиліями князя К. К. Острожскаго съ его ученой общиной и московскаго первопечатника и, строго выдержавъ древній церковно-славянской характеръ свой, безъ всякихъ уступокъ мѣстному литовско-русскому нарѣчію, стала первообразомъ для послѣдующихъ славяно-русскихъ изданій библіи и въ свое время была принята и отпечатана на сѣверѣ, въ Москвѣ, какъ родная библія. Но, служа лучшимъ выраженіемъ единства въ языкѣ и вѣрѣ между сѣвальною и южною Русью, Острожская библія имѣла и свои особыя мѣстныя задачи и цѣли. Своимъ изданіемъ библіи К. К. Острожскій хотѣлъ восполнить скудость тѣхъ средствъ, которыми располагали православные въ борьбѣ съ проповѣдниками инославныхъ исповѣданій и преимущественно вольнодумцевъ и еретиковъ протестанскаго происхожденія. Посвящая свое изданіе нуждамъ и потребностямъ православной церкви и народа, онъ надѣялся тѣмъ представить самыя вѣрныя основы для уразумѣнія истинности ученія право-

славной церкви и для оцѣнки достоинства инославныхъ исповѣданій, распространявшихся тогда въ юго-западной Россіи ³⁰⁴). Въ послѣдствіи времени, когда католичество и унія, подавивъ протестантскія ереси, стали угрожать и православной церкви, — Острожское ученое братство или общество составило и издало цѣлый рядъ книгъ, направленныхъ къ защитѣ и укрѣпленію православной церкви или къ обличенію католиковъ и униатовъ, числомъ до 20-ти. Последнимъ изданіемъ острожской книгопечатни былъ Часословъ 1612 года, напечатанный уже при сынѣ Константина Константиновича, отступникѣ отъ православія Янушѣ Острожскомъ ³⁰⁵).

Кромѣ Троицкаго Острожскаго училищнаго монастыря, князь К. К. Острожскій хотѣлъ водворить науки и просвѣщеніе и въ монастырѣ своемъ Дерманскомъ и въ своей записи 1602 г. наказывалъ принимать туда только такихъ монаховъ, которые бы способны были и пожелали учиться письму славянскому, греческому и латинскому, подъ руководствомъ православныхъ наставниковъ. Въ этотъ монастырь князь назначилъ игуменомъ протосингела александрійскаго Исаакія, отдѣлилъ часть книгопечатни и послалъ туда острожскаго пресвитера Даміана (Наливайку), стараніемъ котораго и напечатаны были здѣсь Октоихъ въ 1604 году и Діалогъ о православной вѣрѣ и Листъ къ Ипатію Поцѣю, писанный патриархомъ Мелетіемъ, въ 1605 году ³⁰⁶).

Относительно благоустройства южно-русской православной церкви, князь К. К. Острожскій хотѣлъ предотвратить на будущее время поступленіе на іерархическія мѣста лицъ недостойныхъ и упорядочить монастырскую жизнь введеніемъ въ монастыри общежитія. Въ 1592 году онъ испросилъ у короля особую грамоту, въ которой Сигизмундъ III обѣщалъ впредь предоставлять высшія духовныя мѣста въ церкви православной только такимъ лицамъ, которыя будутъ указаны ему самимъ княземъ Острожскимъ. Но эта мѣра не избавила самого князя Острожскаго отъ ошибки возвестъ на владимірское епископство Ипатія Поцѣя, — одного изъ главнѣйшихъ виновниковъ и руководителей церковной уніи ³⁰⁷). Когда же провозглашена была унія, то князь К. К. Острожскій сблизился съ львовскимъ православнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, примирилъ его съ Львовскимъ братствомъ и вообще поддерживалъ его всѣми мѣрами. И князь и Гедeonъ Балабанъ назначены были отъ константинопольскаго патриарха его экзархами въ

Constantin Dexan Ostrog

Литвѣ. Опираясь на помощь и защиту православнаго населенія и князя Острожскаго, Гедеонъ Балабанъ, въ званіи экзарха и мѣстоблюстителя Кіевской митрополіи, не только безпрепятственно управлялъ своею епархіей, но и простиралъ свою власть на другія епархіи. По просьбѣ православныхъ, онъ освящалъ имъ церкви, выдавалъ антиминсы и ставилъ священниковъ во всѣ православные приходы, гдѣ бы они ни находились. Въ 1599 году владиміро-волынской униатскій епископъ Ипатій Поцѣй жаловался митрополиту Рагозѣ на Гедеона Балабана, что онъ не только отправляетъ духовныя sprawy въ своей епархіи, но и вступается еще и въ чужія епархіи и ставитъ поповъ, какъ недавно поставилъ и прислалъ попа въ имѣніе пана Александра Загоровскаго Хоровъ, лежащее въ повѣтѣ Владимірскомъ. Въ 1605 году тотъ же Поцѣй, будучи уже униатскимъ митрополитомъ, жаловался Сигизмунду III, что Гедеонъ Балабанъ присвоилъ себѣ необычное названіе экзарха и отправляетъ епископскія дѣйствія не только въ своей епархіи, но и въ другихъ—Владимірской, Луцкой, Холмской, Пинской, поставляетъ архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ, освящаетъ церкви и открыто проклинаетъ митрополита и другихъ владыкъ, принявшихъ унию, какъ недавно поступилъ въ Луцкой епархіи при освященіи церкви въ селѣ Пашевѣ, въ присутствіи множества народа ³⁰⁸). Съ своей стороны, князь К. К. Острожскій, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ своихъ подданныхъ, содержалъ у себя въ своемъ Степанскомъ монастырѣ заграничныхъ православныхъ епископовъ. Съ 1599 года былъ здѣсь бѣлградскій сербскій митрополитъ Лука, потомъ послѣ 1604 года пелагонійскій митрополитъ Іеремія, упоминаемый и подъ 1620 годомъ, а въ 1606—1610 годахъ—владыка мокачевскій. Вѣроятно, то былъ владыка мокачевскій Сергій, упоминаемый и въ 1624 году ³⁰⁹).

Поддерживая православную іерархію, К. К. Острожскій, совмѣстно съ нею, предпринялъ благоустроеніе православныхъ монастырей и введеніе въ нихъ общежитія. Благоустроенные и особенно богатые монастыри представляли изъ себя тѣсно сплоченныя и дружно дѣйствовавшія общины, съ которыми не такъ легко было справиться врагамъ православія, какъ съ единичными сельскими священниками. Вотъ почему, передъ церковной унией и тотчасъ по введеніи ея, князь К. К. Острожскій обращаетъ особое вниманіе на православные монас-

тыри въ своихъ владѣнiяхъ, строить новые и благоустраивать прежнiе, а вслѣдъ за нимъ и другiе вельможи и дворяне волынскiе основываютъ въ своихъ имѣнiяхъ православные монастыри, и притомъ почти исключительно общежительные. Въ 1594 году онъ издалъ въ Острогѣ книгу св. Василя Великаго о постничествѣ, съ предисловіемъ, въ которомъ говорилось о преимуществѣ монашескаго устава св. Василя Великаго передъ уставами иновѣрныхъ монашескихъ и церковныхъ общинъ, и затѣмъ старался постепенно вводить этотъ уставъ въ православные монастыри, находившіеся въ его владѣнiяхъ. Еще въ 70-хъ годахъ XVI вѣка князь Острожскій вызвалъ изъ Угорницкаго монастыря преподобнаго Іова Желѣзо, для устройства своей Дубенской Крестовоздвиженской обители, гдѣ преподобный Іовъ былъ долгое время игуменомъ и отсюда перешелъ потомъ въ Почаевскую обитель. Князь Острожскій пожертвовалъ Дубенскому Спасскому монастырю икону Божіей Матери, а въ 1592 году ввелъ въ этотъ монастырѣ общежитіе, «по законоположенію св. Василя Великаго», и предполагалъ устроить такимъ же образомъ и женскій Дубенскій монастырь. Въ 1602 году князь приказалъ ввести общежитіе и въ Дерманскомъ монастырѣ. Однимъ изъ видныхъ наставниковъ монашескаго общежитія для южно-русскихъ православныхъ монастырей былъ афонскій схимонахъ Іовъ Княгининскій. Въ юности онъ получилъ образованіе въ Острожскомъ училищѣ и пользовался здѣсь расположеніемъ князя Острожскаго. Послѣдній послалъ Іоанна Княгининскаго, какъ человѣка способнаго и благонадежнаго, на св. гору для раздачи милостыни по монастырямъ. Но Іоаннъ до того увлекся иноческою жизнію афонитовъ, что, исполнивъ порученіе князя, снова отправился на Афонъ и тамъ принялъ постриженіе съ именемъ Іезекіиля. Проживъ на Афонѣ тринадцать съ половиною лѣтъ, Іезекіиль, по порученію братіи, дважды отправлялся въ Великую Россію за милостынею, но во второй разъ не могъ туда проникнуть по случаю смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ, остановился на своей родинѣ, въ нынѣшней Галиціи, и, по просьбѣ львовскаго епископа Гедеопа Балабана и племянника его уневскаго архимандрита Исаи, устроилъ общежитіе въ Уневскомъ монастырѣ. По случаю тяжелой болѣзни, онъ принялъ схиму съ именемъ Іова, но, выздоровѣвъ, уже не возвратился на Афонъ, а основалъ въ Угорникахъ общежитель-

ный монастырь. Отсюда приглашалъ его въ свою обитель настоятель Дерманскаго монастыря Исаакій Борнсковичъ. Въ Угорницкомъ монастырѣ посѣтилъ Юва другъ его Іоаннъ Вишенскій и прожилъ съ нимъ нѣсколько времени. Потомъ, поручивъ свою обитель ученику своему Герасиму, Ювъ удалился въ дальнюю пустыню и устроилъ себѣ келлію, гдѣ принималъ приходившую къ нему иноческую братію и убѣждалъ ее держаться общежитія по чину св. Василія Великаго, а нѣкоторыхъ, по ихъ желанію, оставлялъ у себя на время, для упражненія въ монашескихъ подвигахъ. Такимъ образомъ жили у него нѣсколько времени уневскій архимандритъ Исаія Балабанъ, Захарія Копыстенскій, Петроній Гулевичъ-Воютинскій, «и Копоть и Рудницкій и прочіи, и много и мало поживше, утѣшившесе отхождаху». А всѣ эти лица или тогда уже были, или впоследствии сдѣлались настоятелями монастырей въ разныхъ концахъ юго-западной Россіи и приносили въ свои обители общежительные порядки. Такъ на примѣръ, Захарія Копыстенскій былъ въ 1624—1627 гг. кіево-печерскимъ архимандритомъ; Петроній Гулевичъ-Воютинскій въ 1617 году былъ архимандритомъ Почаевскаго монастыря и въ томъ же году получалъ отъ короля въ управленіе Овручскіе монастыри: Успенскій Заручайскій и Спасскій Васильевскій; Іосифъ Бобриковичъ-Копоть съ 1593 и до 1633 года былъ настоятелемъ Виленскаго братскаго монастыря, а съ 1633 года — епископомъ мстиславскимъ; Антоній Рудницкій въ 1624 году былъ настоятелемъ Дубенскаго Спасскаго монастыря, а въ 1637 году приглашенъ былъ въ настоятели общежительнаго Загаецкаго монастыря (Кременецкаго уѣзда), основаннаго Ириною Ярмолинскою. Кромѣ того, кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, около 1615—1617 г., приглашалъ Юва Княгининскаго въ Кіевъ и, при помощи его, устроилъ общежитіе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Ювъ Княгининскій скончался въ 1621 году. Внутренній порядокъ монастырскаго общежитія, возстановленнаго Ювомъ Княгининскимъ и его учениками, можно видѣть изъ устава, который въ 1624 году данъ былъ, по благословенію епископа мокачевскаго Сергія, однимъ изъ учениковъ Юва Антоніемъ Рудницкимъ Дубенскому Спасскому монастырю. Уставъ этотъ всецѣло основанъ былъ на монашескихъ правилахъ св. Василія Великаго. По этому уставу, игуменъ во всемъ имѣетъ власть въ монастырѣ, однако же спрашиваетъ совѣта избранной братіи. Кромѣ

игумена, въ монастырѣ должны быть экономъ, келарь, казначей, еклисиархъ и привратникъ. Братія всѣ должны единовременно приходить въ церковь и выходить изъ нея, имѣть общій столъ и одежду, не имѣть ничего своего особеннаго и, при поступленіи въ монастырь, все свое имущество отдавать на общую потребу; не имѣть, безъ вѣдома настоятеля, сношенія съ инокинями и мірянами и не принимать ихъ въ свои келліи, оказывать во всемъ повиновеніе настоятелю и духовнику. Если бы кто не захотѣлъ подчиняться этимъ порядкамъ, то, если не покается послѣ троекратнаго напоминанія и не исправится, долженъ быть удаленъ изъ монастыря. Если бы самъ настоятель отступилъ отъ своихъ обязанностей, то избранная братія должна напомнить ему о томъ разъ и другой и, въ случаѣ неисправленія, повѣдать церкви и ектору монастыря, дабы онъ былъ удаленъ изъ монастыря³¹⁰). Въ послѣдствіи времени всѣ православные монастыри въ воеводствахъ Киевскомъ, Волынскомъ и Брацлавскомъ, по примѣру аѳонскихъ монастырей, подчинены были «проту», какъ главному начальнику монастырей³¹¹). Такой общежительный характеръ преобразованныхъ православныхъ монастырей, соединенныхъ притомъ же въ одно цѣлое, былъ причиною того, что, со времени гоненій католиковъ и униатовъ на православіе, около монастырей стали сосредоточиваться церковныя братства, состоявшія изъ людей разныхъ званій и состояній православнаго исповѣданія.

Братства въ юго-западной Россіи возникли еще въ половинѣ XV вѣка и первоначально носили двойственный характеръ отчасти церковныхъ, отчасти цеховыхъ обществъ. Они заботились о нуждахъ своихъ приходскихъ церквей и богадѣленъ, погребали умершихъ и совершали другія дѣла благотворенія, устраивали въ извѣстные праздники общіе обѣды и пиры, доставляли своимъ членамъ возможность сходитья въ братскій домъ, совѣтоваться о своихъ частныхъ дѣлахъ, и наконецъ въ духѣ братской любви разрѣшали всѣ возникавшія между братчиками ссоры и несогласія. Но со второй половины XVI вѣка, когда православная церковь была доведена до крайняго упадка злоупотребленіями высшаго духовенства, равнодушіемъ къ православію и отступничествомъ отъ него нѣкоторыхъ дворянъ, православныя братства умножаются и поставляютъ своею цѣлю успешное попеченіе о благѣ приходскихъ церквей, изъ-за которыхъ мѣщанамъ часто приходилось вхо-

дить въ столкновеніе съ духовными пастырями по вопросу о правѣ покровительства. Затѣмъ, подъ вліяніемъ усиленія и распространенія католичества и толковъ и затѣй насчетъ церковной уніи, съ 80-хъ годовъ XVI столѣтія братства преобразовываются въ церковно-оборонительныя учрежденія и поставляютъ своей задачей служить не своимъ только приходскимъ церквамъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Такія братства прежде всего являются въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ православію угрожала наибольшая опасность, именно во Львовѣ и Вильнѣ. Уставъ Львовскаго братства утвержденъ былъ въ 1586 году пріѣзжавшимъ въ Львовъ антiохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который далъ братству широкія права и полномочія, даже право нѣкотораго надзора за мѣстными епископами. Права братства подтвердилъ и цареградскій патріархъ Іеремія, дважды проѣздомъ посѣтившій южную Русь въ 1588 и 1589 годахъ. Онъ даровалъ право ставропигіи братствамъ Львовскому и Виленскому, т. е. изъялъ ихъ совершенно изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ, и изрекъ свое неблагословеніе на всякаго, кто бы дерзнулъ разорять братство, или клеветать на него, или вносить въ него несогласіе и раздоръ, — будетъ ли то архіепископъ, или епископъ, или кто-либо иной изъ духовенства ³¹²).

Въ воеводствахъ Кіевскомъ и Волынскомъ церковныя братства появляются позже, чѣмъ въ Галиціи и Литвѣ, и уже на послѣдней ступени своего развитія, и сосредоточиваются около православныхъ монастырей. Таковы братства Кіевское Богоявленское, Луцкое Крестовоздвиженское, и впослѣдствіи Кременецкое Богоявленское и Владиміро-Волынское. Въ Кіевѣ церковное братство возникло въ 1615 году, по образцу братствъ Львовскаго, Виленскаго и другихъ, и сосредоточилось около Кіево-Богоявленскаго училищнаго монастыря, вновь основаннаго въ этомъ году Галишкой (Еленой) Гулевичевой Лозкиной ³¹³). Что же касается Луцкаго православнаго братства, то оно, въ первичномъ своемъ состояніи церковнаго попечительства, можетъ быть существовало уже въ 1600 году; но въ качествѣ церковнаго братства и борца за православіе оно является только съ 1617 года. Ктиторомъ его былъ игумень Черницкаго монастыря Герасимъ Мигуличъ, въ схимѣ Григорій. Первыми членами его были иноки Черницкаго монастыря, священники

ближайшихъ приходоѡ и нѣскольго дворянъ и обывателей Луцка. Вслѣдъ затѣмъ въ братство вписалось много дворянъ Волынскаго воеводства, а впослѣдствіи къ нему принадлежали многія лица изъ высшаго духовенства и изъ княжескихъ фамилій. Въ 1619 году, 26 февраля,

Князь Иванъ (Янушъ) Константиновичъ Острожскій.

король Сигизмундъ III далъ грамоту на построене братской церкви, школы и богадѣльни ³¹⁴).

Значеніе и сила братствъ заключались въ ихъ общинномъ характерѣ. И единичное покровительство вельможъ оказывало въ свое время большія услуги православной церкви. Но это былъ мечъ обоюдоострый. Извѣстный покровитель и защитникъ православія, совратившись въ

католичество или унію, нерѣдко становился злѣйшимъ врагомъ православной церкви. Въ случаѣ смерти покровителя, на примѣръ князя К. К. Острожскаго († 1608 г.), оставались безпомощными и покровительствуемые ими монастыри и церкви. Въ этомъ отношеніи братства, по своей численности и характеру, были несравненно устойчивѣе въ православіи. Отстаивая въ каждой мѣстности права своей церкви, братства, правда, должны были нерѣдко уступать силѣ: уніатскіе епископы отнимали у нихъ церкви и монастыри, изгоняли братчиковъ изъ ихъ общественныхъ домовъ, отнимали братскія имуществы и т. п.; но все эти насилія они могли производить только съ помощью правительственной власти и военной силы. Въ отношеніи же нравственнаго вліянія братства торжествовали, и чѣмъ болѣе уніатская іерархія преслѣдовала ихъ, тѣмъ болѣе большимъ сочувствіемъ пользовались они въ средѣ православныхъ.

Между тѣмъ какъ мѣщане и духовенство боролись съ католичествомъ и уніей, соединившись въ братства, въ борьбѣ принимаетъ участіе еще одно сословіе — казаки. Казачество представляетъ для защиты православія ту военную силу, которой лишены были другія сословія и безъ которой нравственная сила братствъ, среди преслѣдованія, могла ослабѣть и погибнуть въ неравной борьбѣ съ противниками³¹⁵). Усилившись, казачество стало обнаруживать рѣшительное и преобладающее вліяніе на положеніе русской народности и православія въ русскихъ областяхъ Польши, а слѣдовательно и на Волыни, и управляло ходомъ событій южно-русской исторіи до кончины Богдана Хмельницкаго, послѣдовавшей въ 1657 году.

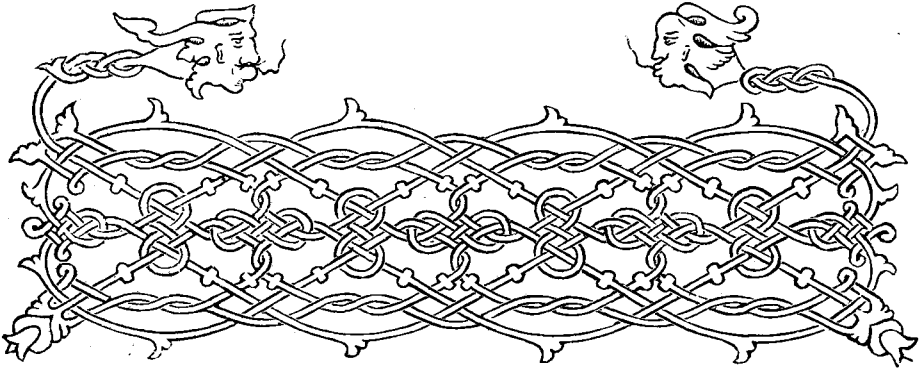
Первоначальное украинское казачество возникло подъ вліяніемъ борьбы съ татарами и развивалось и усиливалось съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ на южную Русь. 1516-й годъ обыкновенно обозначается, какъ періодъ значительной уже дѣятельности казаковъ, а въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія получаетъ начало и знаменитая Сѣчь Запорожская. Поставляя главною своею задачею борьбу съ невѣрными и защиту отъ ихъ набѣговъ южной Руси, украинское казачество, набиравшееся преимущественно изъ людей, чѣмъ либо обездоленныхъ, начинаетъ живо откликаться и на тѣ перемѣны къ худшему, какія стали совершаться въ русскихъ областяхъ Польши со времени государ-

ственного соединенія Литвы съ Польшею и особенно со времени церковной уніи 1596 года.

Со времени люблинской государственной уніи 1569 года, русское дворянство, уподобляясь польской шляхтѣ, болѣе и болѣе становилось чуждымъ для народа, представителями и заступниками котораго были казаки, — а потому столкновенія казаковъ съ дворянствомъ становились почти неизбежными. Польское правительство старалось опредѣлить и ограничить число казаковъ и подчинить ихъ своей власти, но этимъ еще болѣе раздражало ихъ и будило въ нихъ мысль объ освобожденіи южной Руси отъ соединенія съ Польшею. Въ 1593 году шляхтичъ русской вѣры изъ Полѣсья, Косинскій, поднялъ противъ Польши казацкое возстаніе, которое распространилось по воеводствамъ Кіевскому, Брацлавскому и Волинскому. Въ панскихъ имѣніяхъ и староствахъ крестьяне, почуявъ, что можно сбросить съ себя ярмо, приставали къ казакамъ и увеличивали ихъ число. Дворянство спѣшило защищать и свои имѣнія, и свои сословныя преимущества. Оно собралось подъ Староконстантиновомъ, подъ начальствомъ князя Януша Острожскаго, и разбило Косинскаго подъ мѣстечкомъ Пятками, Житомирскаго уѣзда. На этотъ разъ столкновеніе съ казаками закончилось миромъ. Когда же стала готовиться церковная унія, то казаки сдѣлались отъявленными ея врагами и защитниками православія, такъ какъ унія вела лишь къ большому утѣсненію православнаго народа и поруганію его католиками, уніатами и даже жидами. При самомъ введеніи этой уніи вспыхнуло казацкое возстаніе Наливайка и Лободы. Наливайко былъ уроженецъ города Острога, гдѣ жила его семья и гдѣ старшій братъ его Даміанъ былъ придворнымъ священникомъ у князя К. К. Острожскаго и пользовался уваженіемъ, какъ одинъ изъ ученыхъ защитниковъ православія. Самъ Северинъ Наливайко, братъ священника, состоялъ на службѣ у князя Острожскаго и воевалъ противъ Косинскаго и его казаковъ. Но когда владѣлецъ мѣстечка Гусятина Калиновскій отнялъ у Наливайкова отца земельный участокъ и нанесъ ему смертельные побои, Наливайко, ожесточенный противъ панскаго произвола, сдѣлался непримиримымъ врагомъ всего панства и шляхетства, сблизился и подружился съ преемникомъ Косинскаго казацкимъ гетманомъ Лободою и въ 1595 году поднялъ открытое возстаніе противъ Польши. Пользуясь раздраженіемъ православнаго народа противъ затѣвавшейся церковной уніи, онъ напалъ на

Луцкъ, епископскій городъ, гдѣ были сторонники и слуги одного изъ зачинщиковъ уніи Кирилла Терлецкаго, увеличилъ на Волини свое казачье ополченіе и двинулся на сѣверъ въ Бѣлоруссію, между тѣмъ какъ сообщникъ его Лобода собиралъ казачье ополченіе на Волини. Возстаніе это окончилось тѣмъ, что Лобода смѣненъ и казненъ былъ самими казаками, а Наливайко выданъ былъ польскому правительству, которое предало его мучительной казни. Но особенно казаки усилились въ Кіевскомъ воеводствѣ. «Казаки, — писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ коронный гетманъ Жолкевскій, — овладѣли всею Кіевскою Україною, господствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, что хотятъ, то и дѣлаютъ». Въ 1610 году, когда уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй послалъ въ Кіевъ намѣстникомъ своимъ Антонія Грековича, казачій гетманъ запорожскій, Григорій Тискиевичъ, жаловался на него кіевскому подвоеводѣ Холоневскому за отобраніе Кіево-Софійскаго собора и просилъ унять Грековича, заявляя отъ имени казаковъ и отъ себя, что они до конца будутъ защищать восточную церковь и готовы положить свои головы за греческую вѣру, и что, если Грековичъ не уймется, дозволятъ убить его, гдѣ попадется, какъ пса, а убившаго обѣщались рыцарскимъ словомъ защищать и оборонять. Извѣстно, что Грековичъ въ 1618 году былъ утопленъ въ Днѣпрѣ.

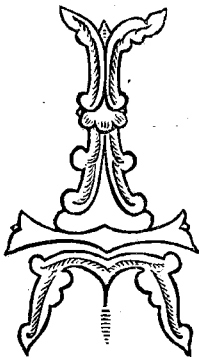

Глава шестая.

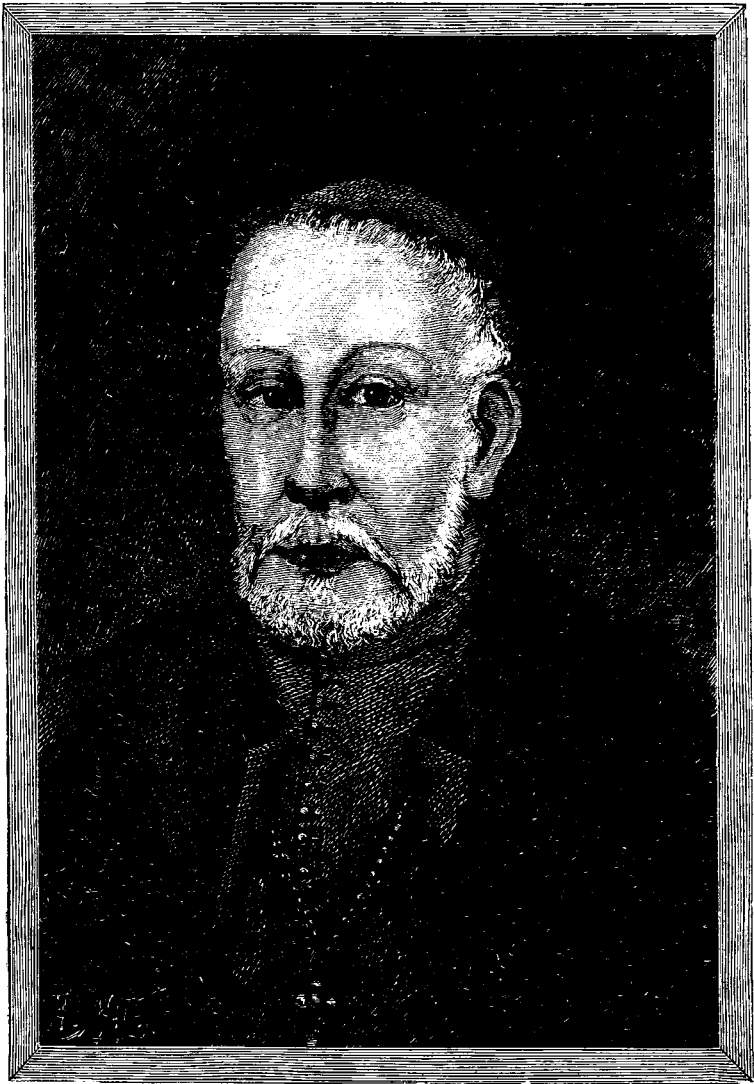
Возстановленіе православной іерархіи и положеніе Волыни передъ возсоединеніемъ ея съ Россіей.

Возстановленіе южно-русской православной іерархіи іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ 1620 году; православные епископы владиміро-волинскій Іезекииль Курцевичъ и луцкій Исаакій Борисковичъ и положеніе православія на Волыни.—Смерть Сигизмунда III; дѣйствія православныхъ и Петра Могилы; успокоеніе православія въ 1632 г. при избраніи Владислава IV на престолъ; избраніе новыхъ іерарховъ; луцкій православный епископъ Аеанасій Пузына и состояніе при немъ православія на Волыни.—Угнетеніе поляками казачества и православія.—Возстаніе Богдана Хмельницкаго и дѣйствія казаковъ на Волыни; смерть Владислава IV и избраніе Яна-Казимира на престолъ; зборовскій договоръ 1649 г. и ограниченіе его сеймомъ 1650 г.; возобновленіе войны, пораженіе казаковъ подъ Берестечкомъ и бѣлоцерковскій миръ 1651 г.—Разореніе Волыни и переселеніе жителей въ Слободскую Украину.—Возсоединеніе Малороссіи съ Россіей и кончина Богдана Хмельницкаго

ЛЯ КАЗАКОВЪ наступаютъ, съ 1617 года, болѣе благопріятныя времена и обстоятельства, которыми они и воспользовались для блага православной церкви. Съ одной стороны, возобновившаяся у Польши война съ Московскимъ государствомъ, а съ другой—война ея съ Турціей заставили поляковъ дорожить казаками. А между тѣмъ въ это время, именно въ мартъ 1620 года, прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, съ широкими полномочіями отъ другихъ восточныхъ патріарховъ ³¹⁶). Въ силу этихъ полномочій, патріархъ Теофанъ далъ права ставропитій братствамъ Кіевскому Богоявленскому и Луцкому Кре-

стовоздвиженскому ³¹⁷). Воспользовавшись пребываніемъ въ Кіевѣ патриарха Теофана, гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный упросилъ его возстановить южно-русскую православную іерархію, которая дѣйствительно и возстановлена была имъ осенью того же 1620 года и въ началѣ слѣдующаго 1621 года. Въ митрополиты былъ поставленъ Іовъ Борецкій; въ епископы рукоположены были — Исаія Копинскій въ Перемышль, Мелетій Смотрицкій въ Полоцкъ съ званіемъ архіепископа, Іезекииль Курцевичъ во Владиміръ-Волинскъ и Брестъ, Исаакій Борисковичъ въ Луцкъ и Острогъ, Паисій Ипполитовичъ въ Холмъ и Бельзъ, а на Туровскую и Пинскую кафедру назначенъ греческій стагонскій епископъ Авраамій ³¹⁸). Вслѣдъ за рукоположеніемъ первыхъ двухъ іерарховъ и почти одновременно съ нимъ, на сеймѣ, начавшемся 20 октября 1620 года, чашникъ Волынской земли Древинскій сказалъ рѣчь, въ которой яркими красками изобразилъ страданія православныхъ, и достигъ того, что король утвердилъ сеймовое постановленіе 1607 года, которымъ запрещалось преслѣдованіе православныхъ и предоставлялась имъ полная свобода въ отправленіи богослуженія ³¹⁹). Тѣмъ не менѣе, когда получено было извѣстіе о возстановленіи православной іерархіи, то оно встрѣчено было латино-уніатскими властями съ великимъ негодованіемъ. По просьбѣ уніатскаго митрополита Рутскаго, король издалъ въ мартѣ 1621 г. грамоты, въ которыхъ патриархъ Теофанъ объявленъ былъ шпиономъ турецкаго султана и обманщикомъ, не имѣвшимъ будто бы не только патриаршескаго сана, но даже и священническаго, а посвященные имъ епископы обвинялись въ ослушаніи королевской власти, въ измѣнѣ отечеству и возмущеніи народа, почему объявлялись внѣ покровительства законовъ; ихъ приказано было ловить, какъ преступниковъ, представлять подлежащимъ властямъ и заключать въ тюрьмы. Но недавнее пораженіе поляковъ въ битвѣ съ турками подъ Цецорою, новая предстоящая война съ Турціей и нужда въ помощи казаковъ заставили короля и поляковъ нѣсколько понизить тонъ и примириться съ совершившимся событіемъ возстановленія православной іерархіи. Король принялъ благосклонно посланнаго къ нему митрополитомъ Іовомъ владиміро-волинскаго епископа Іезекииля Курцевича и совѣтовалъ явиться къ нему и другимъ новопоставленнымъ епископамъ. Вслѣдствіе этихъ уступокъ, казаки стали рядомъ съ поляками противъ турокъ. При содѣйствіи казаковъ, Польша одержала въ октябрѣ

Уніатскій митрополитъ Ипатій Поц'ѣй.

1621 года знаменитую побѣду надъ турками подъ Хотиномъ. Непосредственно за этой побѣдой православные владыки составили въ Кіевѣ соборъ или «совѣтованіе о благочестіи», на которомъ приняли въ руководство себѣ слѣдующее постановленіе: не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степеню, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ позволить имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научиться; не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому, хотя бы папа тьму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: «стой, что ты дѣлаешь!» На сеймѣ 1623 года, по настоянію православныхъ, отмѣнены были грозныя королевскія грамоты противъ православной іерархіи, и ей, наравнѣ со всѣмъ православнымъ южно-русскимъ населеніемъ, обѣцано было, впредь до окончательнаго успокоенія греческаго вѣроисповѣданія, спокойное существованіе ³²⁰). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого же времени начинаются попытки привлечь новопоставленныхъ владыкъ, а за ними и всю западно-русскую церковь, къ соглашенію съ уніатами. Этимъ попыткамъ содѣйствовали и убіеніе православными полочанами полоцкаго уніатскаго архіепископа, изувѣра Іосафата Кунцевича, въ 1623 году, и грозныя посланія папы къ Сигизмунду III, подстрекавшія короля къ преслѣдованію православныхъ епископовъ и строгому наказанію виновныхъ въ убійствѣ Кунцевича. Въ виду надвигавшейся грозы, нѣкоторые малодушные православные пошли на мировую сдѣлку съ уніатами и стали толковать о новой церковной уніи, но уже не православныхъ съ католиками, а православныхъ съ уніатами, подъ главенствомъ одного общаго для тѣхъ и другихъ патріарха, съ удержаніемъ особенностей восточной церкви. Со стороны уніатовъ, главнымъ поборникомъ этой уніи былъ уніатскій митрополитъ Іосифъ-Вельяминъ Рутскій, а со стороны православныхъ—новопоставленный полоцкій православный архіепископъ Мелетій Смотрицкій. Къ счастью для православной церкви, эти широкія затѣи насчетъ новой уніи имѣли ничтожныя послѣдствія: къ уніи пристали только самъ Мелетій Смотрицкій и бывший ректоръ Кіевской коллегіи Кассіанъ Сакновичъ, нашедшіе себѣ пріютъ на Волини ³²¹).

При возстановленіи южно-русской православной іерархіи, на волынскія архіерейскія каѳедры поставлены были князь Іосифъ Іезе-

кіилъ Курцевичъ-Каріатовичъ епископомъ владиміро-волынскимъ и брестскимъ, а Исаакій Борисковичъ—епископомъ луцкимъ и острожскимъ. Но оба эти епископа не могли прочно утвердиться на своихъ епархіяхъ, занятыхъ уніатскими епископами. Іезекіилъ Курцевичъ получилъ въ 1623 году, по волѣ князя Заславскаго, въ свое управленіе Дерманскій монастырь и тамъ будто бы старался склонять монаховъ къ уніи, а въ 1625 году прибылъ въ Москву, получилъ въ управленіе архіепископію Суздальскую и скончался въ Казанскомъ Зилантовомъ монастырѣ послѣ 1640 года³²²). Послѣ него уже не было болѣе православныхъ епископовъ во Владимірѣ-Волынскомъ. Луцкій же православный епископъ Исаакій Борисковичъ, недопущенный къ управленію епархіей, числился строителемъ Степанскаго Михайловскаго монастыря (Ровенскаго уѣзда), но проживалъ большею частію въ Кіевѣ³²³). А между тѣмъ уніатскіе епископы и совращенные въ католичество вельможи всѣми мѣрами старались истребить на Волыни православие и водворить унію. Въ Кременцѣ, Брестѣ и другихъ городахъ Владимірской епархіи холмскій уніатскій епископъ Пакоста отнималъ у православныхъ церкви и мучилъ поповъ и людей. Въ Луцкѣ, Ровномъ и во всѣхъ городахъ Луцкой епархіи уніатскій епископъ Почаповскій отнялъ православныя церкви, и попа Іоанна Жемальскаго, ради уніи, отправилъ въ оковахъ въ Замостье³²⁴). Особенно тяжело было положеніе православныхъ во владѣніяхъ наслѣдниковъ князей Острожскихъ. Анна-Алоиза Ходкевичева, дочь князя Александра Константиновича Острожскаго, овдовѣвъ въ 1621 году, окружила себя іезуитами, совершенно отдалась въ ихъ волю и распоряженіе и ревностно заботилась о водвореніи католичества и истребленіи православія въ своихъ владѣніяхъ³²⁵). Она выкупила изъ аренды у князя Александра Пузыны мѣстечко Суражъ и село Андрушевку, данныя дѣдомъ ея, княземъ К. К. Острожскимъ, Острожскому Троицкому училищному монастырю, обѣщая ежегодно выдавать на Троицкій монастырь и гошпиталь по 200 золотыхъ и поддерживать эти учрежденія, но не выполняла своего обѣщанія и ничего не выдавала на церковь и гошпиталь. Около 1622 года перешелъ въ унію Іеремія Лисятицкій, архимандритъ Дорогобужскаго монастыря, находившагося во владѣніяхъ князей Острожскихъ³²⁶). Другой владѣлецъ острожскихъ имѣній князь Александръ Заславскій отдалъ Дубенскій Спасскій монастырь, бывший въ 1624 году въ упра-

вленіи православнаго настоятеля Антонія Рудницкаго, отступнику отъ православія архимандриту Кассіану Саковичу, который въ 1639 году оставилъ и унію и принялъ католичество ³²⁷). Въ 1627 году тотъ же князь Александръ Заславскій, съ согласія Анны-Алоизы Ходкевичевой, отдалъ Дерманскій монастырь тайному уніату, полоцкому архіепископу Мелетію Смотрицкому, и подчинилъ его власти всѣхъ православныхъ подданныхъ въ своихъ владѣніяхъ, запретивъ православнымъ обращаться съ своими духовными нуждами къ стороннимъ священникамъ. Въ обезпеченіе своего распоряженія, онъ бралъ у подданныхъ своихъ залого, которые не возвращались имъ въ случаѣ обращенія ихъ къ православнымъ священникамъ. Принявъ открыто унію, Мелетій Смотрицкій дѣйствительно сталъ удерживать эти залого. Когда же православные обратились съ жалобою на него къ сыну князя Александра Заславскаго Владиславу-Доминику, то послѣдній, приказавъ возвратитъ удержанные залого, въ 1630 году сдѣлалъ распоряженіе, которымъ отдавалъ всѣхъ православныхъ священниковъ подъ власть уніатскаго митрополита и епископовъ ³²⁸). Но и въ это тяжелое время православіе далеко еще не было подавлено на Волыни. Его поддерживали и отдѣльные вельможи, остававшіеся еще въ православіи, и особенно церковныя братства и казачество. Луцкое Крестовоздвиженское братство, получивъ отъ патріарха Теофана грамоту на ставропигію, въ 1623 году испросило подтвержденіе на нее отъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Въ 1624 году учреждено общезиительство для иноковъ братства при Луцкой Крестовоздвиженской церкви. При самомъ основаніи братства учреждена была при немъ школа для обученія славянскому и греческому языкамъ и заведена въ монастырѣ книгопечатня, которая временно переведена была въ Чорненскій монастырь, но затѣмъ снова возвращена въ Луцкое братство ³²⁹). Въ это время полагалось основаніе и Кременецкому православному братству, которое, по всей вѣроятности, существовало уже въ 1630 году, въ качествѣ церковно-благотворительнаго попечительства. По крайней мѣрѣ, въ этомъ году чашникъ волынскій Лаврентій Древинскій дѣлаетъ запись на гошпиталь въ Кременецѣ ³³⁰). Съ своей стороны, казацкое войско жаловалось въ 1625 году польскому правительству на тѣ утѣсненія, какія терпять православная вѣра въ русскихъ областяхъ Польши и между прочимъ на Волыни, и просила обезпечить древнюю православ-

ную вѣру, удалить уніатовъ отъ церквей и церковныхъ имѣній, признать законною возстановленную православную іерархію и расширить права и преимущества казаковъ. Но, не надѣясь на успѣхъ, казаки вмѣстѣ съ тѣмъ, въ совѣтѣ съ митрополитомъ Ювомъ Борецкимъ,

Псалтирь и Новый завѣтъ острожской печати 1580 года
Лицевая сторона заглавнаго листа.

отправили къ московскому государю посольство съ просьбою принять казаковъ и Малороссію въ свое покровительство. Посольство это взялъ на себя луцкій православный епископъ Исаакій Борисковичъ. Государь щедро одарилъ епископа; митрополиту послалъ отъ родителя своего

образъ пресв. Богородицы и велѣлъ удостовѣрить малороссіянъ въ своемъ покровительствѣ ³³¹), но дѣятельной помощи не оказалъ. Тогда братія Кіево-Печерской обители, духовенство и шляхта воеводства Кіевского и повѣта Житомирскаго въ сентябрѣ 1627 года избираютъ въ кіево-печерскіе архимандриты мужественнаго защитника православной церкви, молдавскаго воеводича Петра Могила ³³²). Занимая весьма важное и видное положеніе какъ по происхожденію своему, такъ и по званію кіево-печерскаго архимандрита, и опираясь на сочувствіе и помощь казаковъ, Петръ Могила оказывалъ свое могущественное покровительство православнымъ даже внѣ Кіева и Кіевской епархіи. Вѣроятно, по его вліянію, назначенъ былъ игуменомъ Овручскаго Заручайскаго монастыря Филоея Кизаревичъ. Въ 1631 году Петръ Могила принимаетъ подъ покровительство свое и Кіево-Печерскія лавры Чорнскій Спасскій монастырь, Луцкой епархіи, и игумена его Павла Домжива-Люткевича ³³³). Но особенную услугу южно-русской православной церкви оказалъ Петръ Могила, поддерживаемый казаками, въ 1632 году, на сеймахъ конвокаціонномъ и избирательномъ.

30 апрѣля, 1632 года, умеръ король Сигизмундъ III. Смерть его возбудила надежды православныхъ на лучшую участь. 13 іюня, 1632 года, на областной сеймъ въ Луцкѣ явилось болѣе 200 дворянъ волинскихъ. Совѣщанія собравшихся касались преимущественно православной церкви. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ нарушеніи правъ православной вѣры, утвержденныхъ грамотами литовско-польскихъ государей, а также конфедераціями, бывшими во время междуцарствій. Именно они обвиняли Сигизмунда III въ томъ, что Кіевская митрополія, епископства и архимандріи были раздаваемы людямъ стороннимъ, и притомъ уніатамъ, а не собственнымъ ихъ пастырямъ, находившимся въ послушаніи константинопольскаго патріарха; что мѣщане, не признававшіе надъ собою власти отступниковъ владыкъ, были устраняемы отъ магистрата и лишались права вступать въ ремесленные цехи; что православныя церкви насильно отдавались уніатамъ, затруднялась постройка новыхъ церквей, невинные люди (мѣщане) за свою вѣру томились въ темницѣ, достойные уваженія дворяне были отстраняемы отъ общественныхъ должностей. Избранные дворянствомъ послы должны были внести по означеннымъ предметамъ жалобу сейму и усердно стараться о томъ, чтобы права ихъ церкви были восстановлены,

свобода вѣры для всѣхъ и вездѣ была постоянно обезпечена ясными законами, которые вновь избранный король долженъ подтвердить своею присягою. При этомъ посламъ было строго наказано, чтобы они, не заручившись согласіемъ относительно исполненія означенныхъ требованій, не приступали ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, а тѣмъ болѣе къ королевскому избранію. Подобныя требованія предъявляли казаки, ставропигіальныя братства Львовское и Виленское, дворянство Кіевскаго повѣта и др. Объединяющимъ звеномъ для православныхъ былъ Петръ Могила, который велъ переговоры и переписку съ передовыми лицами и учреждениями православными и приглашалъ даже представителей протестантскаго исповѣданія общими силами домогаться возстановленія правъ православной церкви и протестантскаго исповѣданія. На сеймахъ конвокаціонномъ и избирательномъ православные послы, при дѣятельномъ участіи Петра Могилы, настоятельно требовали прекращенія гоненій на православіе, возстановленія его правъ и огражденія законами, а казаки къ своимъ просьбамъ въ томъ же родѣ присовокупляли, что, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ просьбъ, они «принуждены будутъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія». Въ то же время они послали къ королевичу Владиславу письмо и, заявляя надежду и увѣренность имѣть его своимъ государемъ, заранее просили его быть благосклоннымъ и милостивымъ къ казакамъ, которыхъ услуги онъ уже испыталъ. «Если же, сохрани Богъ,—писали казаки,—кто-нибудь будетъ препятствовать вашему величеству получить престолъ отца вашего, то обязываемся жертвовать своимъ достояніемъ и жизнью за ваше величество». Благодаря совокупнымъ усиліямъ православныхъ и настояніямъ Владислава, наконецъ выработаны были особой комиссіей «статьи для успокоенія народа русскаго». Этими статьями всѣмъ униатамъ и неуніатамъ предоставлялось имѣть свободное отправленіе своего богослуженія, совершеніе св. таинствъ, починка своихъ церквей и постройка новыхъ, съ дозволенія короля, также учрежденіе богадѣленъ, семинарій, школъ, книгопечатней, и неуніатамъ открывался свободный доступъ къ городскимъ должностямъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ государства. Всѣ церковныя братства, доселѣ бывшія и имѣющія учредиться, должны оставаться въ спокойномъ и безпрепятственномъ владѣніи православныхъ. Кромѣ митрополита, неуниты имѣютъ избирать себѣ четырехъ епископовъ: львовскаго, луцкаго, перемышльскаго и метиславскаго. Луцкое епископство,

съ каедрою и со всѣми имѣніями, должно быть передано теперешнимъ луцкимъ владыкою Почаповскимъ владыкѣ неуниту, избранному обывателями волынскими неунитами, и передано тотчасъ, какъ только послѣдній получитъ грамоту отъ короля на коронаціонномъ сеймѣ. Кромѣ того, Почаповскій, сохраняя титулъ епископа луцкаго, переселится въ Жидичинскій монастырь и будетъ владѣть имъ и его вотчинами до своего перемѣщенія или смерти; преемникъ же его, униатскій епископъ, уже не будетъ называться луцкимъ. На коронаціонномъ сеймѣ будетъ назначена королемъ комиссія изъ двухъ католиковъ и двухъ православныхъ, которые немедленно объѣдутъ всѣ города, мѣстечки и села и, примѣнительно къ числу унитовъ и неунитовъ въ каждомъ мѣстѣ, распредѣлятъ между ними церкви. Обѣ стороны должны жить въ мирѣ и покоѣ и прекратить взаимные споры. Не развѣзжаясь съ избирательнаго сейма, православные послы тутъ же въ Варшавѣ выбрали въ кievскіе митрополиты Петра Могилу, въ которомъ одномъ видѣли залогъ спасенія своей вѣры, съ оставленіемъ его и въ санѣ кievо-печерскаго архимандрита. Затѣмъ вскорѣ избраны были на епископство Луцкое князь Александръ, а въ монашествѣ Аванасій Пузына, съ подчиненіемъ ему Владиміро-Волынской епархіи, а на Мстиславское—игумень Вилевскаго Святодуховскаго монастыря и ректоръ школы при семъ монастырѣ Іосифъ Бобриковичъ-Копоть; львовскимъ епископомъ оставался прежній епископъ Іеремія Тиссаровскій, признанный польскимъ правительствомъ въ этомъ санѣ. Петръ Могила испросилъ у короля грамоту на преобразование кievской школы, находившейся при Кіево-Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, въ коллегію³³⁴).

Во исполненіе «статей для успокоенія народа русскаго», король Владиславъ IV выдалъ нѣсколько частныхъ грамотъ и предписаній въ пользу православныхъ. 10 ноября, 1632 года, онъ далъ предписаніе о передачѣ православнымъ Владиміро-Волынской епархіи по крайней мѣрѣ по одной церкви во Владимірѣ-Волынскомъ, Кременцѣ, Дубнѣ, Корытницѣ, Любомлѣ (Владимірскаго у.), Ратномъ (Ковельскаго у.) и др.³³⁵). 9 апрѣля, 1633 года, введенъ былъ во владѣніе Луцкимъ епископствомъ Александръ Пузына. По свидѣтельству вводной записи, Пузынѣ переданъ былъ Жидичинскій монастырь съ м. Жидичиномъ и со всѣми его имѣніями, находящимися въ воеводствахъ Волынскомъ и Брестскомъ, съ доходами и проч., дворецъ подъ городомъ Луцкомъ,

съ зданіемъ, бойницею, построеною у воротъ при рѣкѣ Стыри, фундушъ въ Луцкѣ, Пречистенскій монастырь и церковь въ предмѣстьи Луцкомъ, со всѣми принадлежностями сего монастыря, съ землями, сънокосами и фундушами, находящимися въ Луцкѣ³³⁶). Но владѣльцы

Псалтырь и Новый заветъ острожской печати 1580 года.

Оборотная сторона заглавнаго листа, изображающая гербъ князя Острожскаго.

острожскихъ имѣній Анна-Алоиза Ходкевичъ и Владиславъ-Доминикъ Заславскій не хотѣли признавать Пузыну епископомъ въ своихъ владѣніяхъ. Когда епископъ Пузына просилъ у Анны-Алоизы Ходкевичъ позволенія обозрѣвать православные приходы въ ея владѣніяхъ, то она

рѣшительно отказала ему въ томъ, велѣла запирать и запечатывать передъ нимъ церкви и запретила духовенству и мірянамъ оказывать послушаніе ему и считать его законнымъ епископомъ и пастыремъ своимъ. Когда затѣмъ епископъ Пузына прибылъ въ г. Острогъ и хотѣлъ обзрѣвать кафедральную свою церковь и другія градскія церкви, то Анна-Алоиза не допустила его къ тому, запечатала замковую церковь шестью печатами и приставила къ пей стражу. Въ 1634 году епископъ Пузына жаловался также на Анну-Алоизу, что она, вопреки обязательству и обѣщанію своему, ничего не даетъ на Острожскій Троицкій училищный монастырь и гошпиталь³³⁷). Вѣроятно, вслѣдствіе этой жалобы Анна-Алоиза рѣшилась уничтожить и самую Троицкую церковь и, съ согласія лужскаго уніатскаго епископа Іереміи Почаповскаго († 1636 г.), между 1634 — 1636 гг., передѣлала ее въ домовую каплицу для острожскихъ іезуитовъ. Когда недавно стали разбирать зданіе этой каплицы, то въ развалинахъ его найдена была каменная плита съ надписью 1601 года, свидѣтельствующая о томъ, что здѣсь построена была княземъ Константиномъ-Василіемъ Константиновичемъ Острожскимъ Троицкая церковь³³⁸). Объ Аннѣ-Алоизѣ рассказываютъ, что она имѣла обыкновеніе ѣздить на богослуженіе въ іезуитскій костелъ. И вотъ, когда въ 1636 году, въ первый день пасхи, возвращалась она изъ іезуитскаго костела домой и увидѣла, что мостъ, черезъ который ей нужно было ѣхать, уставленъ былъ пасхальными хлѣбками, которые принесены были православными прихожанами Богоявленской церкви для посвященія, то велѣла ѣхать по хлѣбкамъ. Озлобленные православные стали кидать въ проѣзжавшую крашавками (крашеными яицами) и такимъ образомъ не только испачкали на ней платье, но и подбили одинъ глазъ³³⁹). Въ тотъ же день, ночью съ воскресенья на понедѣльникъ, она отправилась въ замокъ, отырала гробъ своего отца, велѣла взять его кости, помыть и освятить ихъ іезуитамъ и отвезти въ Ярославъ къ своей матери, а православныхъ выгнала изъ Богоявленской церкви. Православные крайне возмущены были изувѣрствомъ своей госпожи и даже угрожали ей смертію. Анна-Алоиза пожаловалась на нихъ въ трибуналъ, который осудилъ многихъ острожскихъ мѣщанъ на мучительную казнь. Анна объявила виновнымъ пошаду и удовольствовалась тѣмъ, что, по тому же приговору трибунала, 40 православныхъ священниковъ были изгна-

ны изъ владѣній острожскихъ. Съ этого времени бѣдные жители, лишенные пастырей, должны были поневолѣ разставаться съ древнею вѣрою своихъ предковъ. Въ видахъ утверженія своихъ подданныхъ въ уни, Анна-Алоиза установила, чтобы въ день празднованія «Божьяго тѣла» всѣ русскіе священники изъ ея владѣній съѣзжались въ Острогъ на торжество и на разставленныхъ по улицамъ алтаряхъ читали евангеліе на славянскомъ языкѣ³⁴⁰).

Подобнымъ образомъ поступалъ съ православными и другой наследникъ острожскихъ имѣній, князь Владиславъ-Доминикъ Заславскій. Не смотря на королевскую грамоту, предоставляющую православнымъ нѣкоторыя права и льготы, князь В. Д. Заславскій попрежнему запрещалъ своимъ подданнымъ обращаться въ духовныхъ нуждахъ своихъ къ православнымъ священникамъ, подвергалъ ихъ за это денежному штрафу и этимъ самымъ вызывалъ непріязненные столкновения между православными и униатами, которыя влекли за собою еще большія притѣсненія для православныхъ. Въ 1633 году православные солдаты Дубенскаго гарнизона, десятникъ Тимофей и рядовые Чопекъ, Билецъ и Губка сдѣлали какое-то покушеніе на жизнь дубенскаго униатскаго архимандрита, извѣстнаго Кассіана Саковича. За это они наказаны были розгами на площади, въ базарный день. А такъ какъ это покушеніе произведено было православными, то, по поводу его, подтверждено было прежнее распоряженіе князя Владислава-Доминика о томъ, чтобы православные, обращающіеся за духовными требамъ къ православнымъ священникамъ, были подвергаемы денежному штрафу, и постановлено, чтобы на будущее время солдаты гарнизона выбирались преимущественно изъ католиковъ. Около 1643 года князь Владиславъ-Доминикъ передалъ Дерманскій и Дубенскій монастыри католическимъ монахамъ кармелитамъ босымъ: но римскій дворъ не утвердилъ этой передачи³⁴¹).

Католическимъ вельможамъ не уступало въ гоненіяхъ на православіе и католическое духовенство. Въ Луцкѣ, въ 1634 году, воспитанники тамошняго іезуитскаго коллегіума два раза напали на православный братскій монастырь и находившіеся при немъ гошпиталь и школу и производили здѣсь буйства, грабежи, разоренія и убійства³⁴²). Католики и униаты хотѣли даже вовсе уничтожить данныя православнымъ права и домогались этого какъ передъ папою, такъ и на сеймѣ 1635 года.

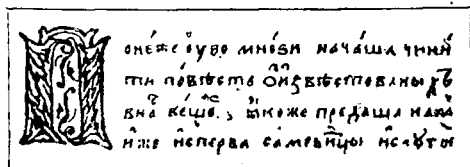
Владиславъ IV, правда, не хотѣлъ совершенно измѣнить данному имъ слову и настоялъ какъ на внесеніи данной имъ православнымъ грамоты въ сеймовыя постановленія, такъ и на назначеніи особой комиссіи для соразмѣрнаго распредѣленія церквей между униатами и православными; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допустилъ теперь нѣкоторыя измѣненія противъ прежней своей грамоты, направленные къ выгодѣ униатовъ. Въ 1635 году Владиславъ IV выдалъ униатамъ и православнымъ подтвердительныя грамоты, противорѣчація одна другой. Тогда какъ на коронаціонномъ сеймѣ Владиславъ IV обѣщалъ свести Почаповскаго съ Луцкой каедры и дать ему Жидичинскій монастырь, — теперь, наоборотъ, онъ дѣлаетъ Почаповскаго пожизненнымъ луцкимъ епископомъ и лишь по смерти или переводѣ его на другую епархію обѣщаетъ отдать Луцкое епископство неуниту ³⁴³). Вслѣдствіе такого противорѣчія въ королевскихъ распоряженіяхъ, между луцкими епископами православнымъ — Пузыной и униатскимъ — Почаповскимъ возникли недоразумѣнія и споры изъ-за Луцкаго каедральнаго собора и луцкихъ церквей Михайловской, Рождественской и Пятницкой ³⁴⁴). Но внѣ Луцка недоразумѣній и споровъ изъ-за церквей, повидимому, не было. Въ 1636 году комиссары, назначенные для распредѣленія церквей между православными и униатами, не нашли въ Кременцѣ ни одного почти униата, кромѣ протопопа Теодора Турскаго, тогда какъ неунитами наполненъ почти весь городъ, и отдали послѣднимъ Пятницкую на горѣ и Пречистенскую церкви, новопостроенный Богоявленскій монастырь съ церковію и Никольскую церковь, съ перенесеніемъ ея на другое мѣсто, а униатамъ предоставили церкви Воскресенскую, Троицкую подъ замкомъ, Спасскій монастырь за городомъ и новоначатую каменную церковь въ городѣ ³⁴⁵). По сознанию самихъ униатскихъ писателей, луцкій униатскій епископъ Почаповскій съ большимъ трудомъ удержалъ за собою въ своей епархіи семь монастырей и около ста приходскихъ церквей ³⁴⁶). По смерти же Почаповскаго, случившейся въ 1636 году, православный владыка Пузына сталъ полноправнымъ луцкимъ епископомъ. Онъ безпрепятственно каждый годъ созывалъ въ Луцкѣ свое епархіальное духовенство на соборы или синоды, которые происходили обыкновенно въ день св. Іоанна Богослова, 26 сентября, на храмовой праздникъ Луцкой каедральной церкви. Дѣяніе одного изъ такихъ соборовъ тогда же было напечатано въ Кременцѣ, въ 1638 году, подъ заглавіемъ: «Сиводъ ведле звычайу дорочного», и проч. Братскій Кресто-

воздвиженскій монастырь въ Луцкѣ не подвергался при немъ болѣе нападенію отъ враговъ, и король дозволилъ въ 1645 году своему дворянину Александру Мозелю построить новую богадѣльню въ Луцкѣ, съ тѣмъ, чтобы она была отдана въ вѣдомство Крестовоздвиженскаго братства. По множеству ли епархіальныхъ дѣлъ, или по слабости своего здоровья, Аѳанасій Пузына еще въ 1639 году испросилъ себѣ въ коадьюторы мѣлецкаго архимандрита Юсифа Чаплица, который, по смерти Аѳанасія, и сдѣлался луцкимъ епископомъ³⁴⁷).

Время епископства Аѳанасія Пузыны на Луцкой кафедрѣ и митрополитства Петра Могилы было временемъ процвѣтанія православныхъ мо-

Заставка на 226 листѣ Псалтири и Новаго завѣта острожской печати 1580 года.

Начало евангелія отъ Луки, листъ 176, изъ Псалтири и Новаго завѣта острожской печати.

настырей на Волыни. Въ это время здѣсь основано было до десяти новыхъ монастырей, преимущественно общежительныхъ, и принѣкоторыхъ изъ нихъ учреждены были братства и школы. Въ 1633 году православные волынскіе вельможи Даниилъ Малинскій хорунжій и Лаврентій Древинскій чашникъ волынскіе, съ разрѣшенія короля, основали въ Кременецѣ Богоявленскій братскій монастырь со школами, типографіей и гошпиталемъ, и въ 1636 году получили на это благословенную грамоту кіевского митрополита Петра Могилы, который далъ этому братству свою ставропигію, а школу подчинилъ Кіево-Братской коллегіи³⁴⁸). Въ 1635 году князьями Четвертинскими основанъ былъ Крестовоздвиженскій монастырь въ селѣ Туминѣ, Луцкаго уѣзда³⁴⁹). Въ 1636

году луцкій земскій писарь Семень Гулевичъ-Воютинскій основалъ общежительный монастырь въ селѣ Бѣломъ-Стокѣ, Луцкаго уѣзда, съ обязательствомъ содержать проповѣдника, учителя богословія для монаховъ и школу для дѣтей шляхетскихъ и разнаго состоянія людей³⁵⁰). Въ 1637 году Ирина Ярмолинская основала общежительный монастырь въ селѣ Загайцахъ, Кременецкаго уѣзда³⁵¹). Въ томъ же году основанъ былъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Кременецкаго уѣзда, Даниломъ Малинскимъ Троицкій монастырь³⁵²). Ирина Соломерецкая основала въ мѣстечкѣ Гощѣ, Острожскаго уѣзда, православный Михайловскій монастырь и при немъ школу собственно для истребленія новоаріанской ереси протестантскаго происхожденія, съ подчиненіемъ этой школы Кіево-Братскому училищному монастырю. Первыми игуменами и ректорами этого училищнаго монастыря были Игнатій Оксеновичъ въ 1639 году и Иннокентій Гизель въ 1640 году. Школа эта долго процвѣтала на Волыни и почти не уступала Кіевской коллегіи³⁵³). Каштелянъ, а потомъ воевода кіевскій Адамъ Кисель основалъ монастыри: въ 1643 году — мужской Низкиничскій, въ которомъ онъ и погребенъ былъ, и въ 1646 году — женскій Могилинскій, оба Владимірскаго уѣзда³⁵⁴). Въ 1649 году коморникъ границъ Кременецкаго повѣта Феодоръ Домашевскій со своею супругою Евой соорудилъ въ Почаевскомъ монастырѣ собственнымъ иждивеніемъ большую новую каменную церковь³⁵⁵). Въ это же время въ первый разъ упоминаются православные монастыри: женскіе, — Преображенскій и Благовѣщенскій въ селѣ Сельцѣ, Овручскаго уѣзда, переданные въ 1632 году Христиной Малинской, урожденной княжной Влшневцекой, начальницѣ Кіево-Печерскаго женскаго монастыря, Олимпіадѣ Рогозянкѣ-Силичевой³⁵⁶); Стожецкій Спасскій подъ 1633 г.³⁵⁷) и Валевскій подъ 1646 г.³⁵⁸), оба Кременецкаго уѣзда. Кромѣ того, были на Волыни еще слѣдующіе православные монастыри: Рахмановскій Кременецкаго у.³⁵⁹), Торопинскій³⁶⁰) и Яревскій Владимірскаго у., Турійскій, Михновскій и Верховскій³⁶¹) Ковельскаго у., Поддубецкій Луцкаго у.³⁶²), Дубровицкій Ровенскаго у.³⁶³) и Левковскій Овручскаго или Житомирскаго уѣзда³⁶⁴).

О внутреннемъ состояніи православныхъ монастырей и церквей, сравнительно съ уніатскими, митрополитъ Петръ Могила писалъ отступнику Кассіану Саковичу слѣдующее: «Посмотри на свою братію уніатовъ, что они дѣлаютъ съ монастырями и церквами, которые на-

дѣлены были имѣніями!.. Не говорю о другихъ меньшихъ монастыряхъ, которые вашею униєю до основанія ниспровергнуты. Пойди только на Волынь: посмотри, что дѣлается въ древнемъ монастырѣ Жидичинскомъ, и скажи намъ, сколько тамъ монаховъ и какой чинъ содержится. Посмотри на древній монастырь Дорогобужскій! Не найдешь ли тамъ только архимандрита съ послушникомъ? Посмотри и на мірскія церкви, — до чего доведены со времени управленія вашихъ униатов!.. Но, съ другой стороны, посмотри безпристрастно на наши православные убогіе монастыри, угнетаемые различными бѣдствіями: посмотри на монастырь Тригорскій (Житомирскаго у.) общежительный, и тамъ увидишь по крайней мѣрѣ 80 иноковъ, въ великомъ смиреніи проходящихъ тѣсный путь евангельскій. Посмотри на монастырь Креховскій (подъ Львовомъ): тамъ нѣсколько десятковъ иноковъ безъ всякаго имѣнія благочестиво проводятъ жизнь. Взгляни еще на братства Виленское, Кіевское, Луцкое и многія другія въ королевствѣ Польскомъ и княжествѣ Литовскомъ, — какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И согласишься, что, какъ было во времена апостоловъ среди бѣдствій, нуждъ и всякихъ утѣсеній, такъ и у насъ православныхъ русскихъ, по слову Божію, сила Божія въ немощахъ совершается»³⁶⁵).

Основаніе новыхъ монастырей на Волыни при Аванасіѣ Пузынѣ и Петрѣ Могилѣ было чуть ли не послѣднимъ выраженіемъ набожности волынскаго дворянства и преданности его православію, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ. Въ послѣдующее время является только одинъ новый православный монастырь въ селѣ Стракловѣ, Дубенскаго у., основанный въ 1665 году Анной Пузыной³⁶⁶). Напротивъ, съ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка волынское дворянство начинаетъ болѣе и болѣе уклоняться отъ православія и вмѣстѣ русской народности. Этому содѣйствовало и положеніе казаковъ, которые, защищая православную вѣру и русскую народность, вмѣстѣ съ тѣмъ стоятъ и за равноправность сословную и рѣшительно заявляютъ свое недовольство тѣмъ преобладающимъ положеніемъ, какое занимало въ Польшѣ и въ частности на Волыни дворянское сословіе. Поэтому ополчившіеся дворяне становятся естественными противниками казачества и защищаемого имъ дѣла. Около 1633 года совратился въ католичество князь Іеремія Вишневецкій и сдѣлался заклятымъ врагомъ православія и казачества.

Все рѣзче и рѣзче обозначались въ Польскомъ государствѣ двѣ враждебныя партіи, шляхетско - католическая и казацко-православная³⁶⁷). Смотри по тому, какая изъ этихъ партій брала верхъ надъ другою, — получали господствующее значеніе въ русскихъ областяхъ или православіе, или католичество съ уніей. До 1648 года получаетъ преобладающее значеніе шляхетско-католическая партія, а съ 1648 года или со времени возстанія Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ беретъ верхъ партія казацко-православная.

Въ 1635 году, для усмиренія казаковъ и прекращенія ихъ набѣговъ на Крымъ и Турцію, построена была польскимъ правительствомъ на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ. Предводитель нереестровыхъ казаковъ. Сулима, разрушилъ эту крѣпость и поднялъ возстаніе противъ поляковъ; но оно было усмирено, а казацкіе старшины казнены смертію. Усмирены были также казацкія возстанія Павлюка 1637 года, Острянина 1638 г., и Гуни, — и казаки или бѣжали въ Московское государство и водворились въ Слободской Украинѣ, или остались на мѣстѣ и должны были покориться своей участи. Они лишены были прежнихъ своихъ правъ и не могли выбирать себѣ начальниковъ. Въмѣсто гетмана, имъ назначили комиссара шляхтича; полковники на шесть полковъ назначены были также изъ лицъ шляхетскаго званія. А съ пораженіемъ казачества сталъ страдать и православный русскій народъ, находившій доселѣ въ немъ защиту и убѣжище для себя. Польско - католическая шляхта угнетала народъ всѣми способами. «Церкви и церковные обряды жидамъ запродали, — говоритъ украинская лѣтопись, — дѣтей казацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали». Старосты и дѣдичные владѣльцы, допустивъ къ себѣ жидовъ, отдавали имъ въ аренду, ради прибытка, все, и въ томъ числѣ церкви; жиды держали у себя ключи отъ церквей, и всякій, кто имѣлъ надобность совершать бракъ или крещеніе, долженъ былъ платить жиду арендатору³⁶⁸). Духъ вѣроисповѣдной нетерпимости и преслѣдованія, не сдерживаемый угрозою казацкой мести, широко распространился по всѣмъ русскимъ областямъ Польскаго государства. Въ 1645 году дворянство Волынскаго воеводства. отправляя своихъ пословъ на сеймъ, поручило имъ домогаться обезпеченія правъ и успокоенія православной вѣры. «Вѣра греческая, — сказано въ наказѣ волынскимъ посламъ, — обезпеченная правами и при-

Острожская библия 1581 года. Заглавный листъ.

виллегіями, терпѣть такое насиліе въ католическомъ христіанскомъ государствѣ, въ вольной и свободной Рѣчи Посполитой, какого не испытываютъ греки христіане въ неволѣ поганской; церкви, монастыри и каѳедры отняты у православныхъ, свободное отправленіе (богослуженія) запрещено имъ, и бѣдные христіане умираютъ безъ таинствъ; православныхъ запрещено хоронить публично». Народъ страдалъ и терпѣлъ. Наконецъ у него не стало силъ переносить свои тяжкія страданія: онъ поднялся за свою вѣру и народность. Началась продолжительная, страшная война казаковъ съ Польшею. Богданъ Хмельницкій, знаменитый гетманъ казацкій, потрясъ до основанія Польское государство и проложилъ путь къ воссоединенію южной Руси съ сѣверною ³⁶⁹).

28 апрѣля, 1648 года, Богданъ Хмельницкій двинулся изъ Сѣчи Запорожской противъ поляковъ, разбилъ ихъ подъ Жолтыми Водами и поразилъ подъ Корсунемъ, причемъ взялъ въ плѣнъ обоихъ гетмановъ польскихъ, Потоцкаго и Калиновскаго, и отослалъ ихъ въ неволю къ крымскому хану. Послѣ этого, воеводства Кіевское, Подольское и Волынское оставлены были поляками почти безъ защиты и наводнены отдѣльными казацкими и союзными татарскими загонами, которые всюду истребляли шляхту и жидовъ и разрушали католическіе костелы. Лѣтомъ 1648 года на Волыни дѣйствовали загоны Кривоноса и Колодки. Самый страшный загонъ, въ количествѣ до 10,000 человекъ, былъ загонъ Максима Кривоноса, человекъ жестокаго, мрачнаго. Онъ взялъ мѣстечко Полонное, перерѣзалъ шляхту и, по преувеличенному извѣстію современника, истребилъ въ немъ до 10,000 жидовъ, сбѣжавшихъ туда съ разныхъ концовъ Волыни. Оттуда казаки бросились на Звягель (Новградволыньскъ), а самъ Кривоносъ пошелъ на Староконстантиновъ, имѣлъ нѣсколько столкновеній съ отрядомъ князя Іереміи Вишневецкаго и заставилъ его удалиться въ Подолію. Между тѣмъ казаки взяли Корець и Межиричъ и истребили тамъ, по обыкновенію, все жидовское и шляхетское. Около Луцка ходилъ Колодка. Онъ разорилъ нѣсколько замковъ, перебилъ евреевъ и наконецъ взялъ Луцкъ, оставленный польскимъ гарнизономъ. Кременецъ тоже былъ взятъ казаками. Шесть недѣль осаждали они тамошній замокъ, лежащій на высокой, почти неприступной скалѣ, и, принудивъ его къ сдачѣ, разорили. Города и мѣстечки Житомиръ, Олыка, Ровно, Клевань, Тайкуры, Острогъ, Владиміръ, Кобринъ, Заславъ взяты разными казацкими отрядами; но замки

въ Бродахъ и Дубнѣ уцѣлѣли. Не спаслась и Гуща, — имѣніе Адама Киселя, не смотря на его увѣренія, что онъ — православный. Загоны казацкіе свирѣпствовали до самаго Бреста, умерщвляя вездѣ ксендзовъ, шляхту, жидовъ и уніатовъ. Воображеніе народное олицетворило это возстаніе въ дикомъ образѣ Шалудиваго Буняка, приурочивъ имя этого древняго половецкаго хана ко временамъ Богдана Хмельницкаго ³⁷⁰). Наконецъ, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ поляками, происходившихъ при посредствѣ Адама Киселя, Богданъ Хмельницкій самъ лично двинулся на Волинь, созывая къ себѣ отдѣльные казацкіе загоны и принимая въ свое ополченіе бѣглыхъ русскихъ крестьянъ и всякаго рода охотниковъ, такъ что у него образовалось до 150,000 войска ³⁷¹). Въ то же время онъ звалъ къ себѣ крымскихъ татаръ. Паны, ксендзы, жида цѣпенѣли отъ ужаса; многіе изъ нихъ уходили изъ Волини въ Польшу; немногіе запирались въ замкѣ какого либо вельможи и здѣсь отбивались отъ непріятели. Казакамъ помогали татары. Они жгли, грабили и убивали въ окрестностяхъ Радомышля, Брусилова, Коростышева, Паволочи, Котельни и Житомира. Богданъ Хмельницкій разбилъ поляковъ подъ Пилявцами и взялъ Збаражъ и Броды ³⁷²). Но къ этому времени умеръ польскій король Владиславъ IV, и Богданъ Хмельницкій приостановилъ военныя дѣйствія, разославъ своихъ полковниковъ отрядами на Волинь и Полѣсье. Толпы отправились къ Дубну, Кременцу, Острогу, Луцку разорять костелы и замки, кончатъ шляхту и евреевъ, а самъ Хмельницкій осадилъ Львовъ и Замостье, взялъ съ нихъ окупъ и показывалъ видъ, что хочетъ идти къ Варшавѣ, гдѣ между тѣмъ въ короли, согласно желанію Хмельницкаго, избранъ былъ братъ Владислава IV Янъ-Казиміръ. Новый король приказалъ Хмельницкому отступить въ Украину и тамъ дожидаться его уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ, съ обѣщаніями уступокъ казакамъ. Но начатыя въ Переяславѣ переговоры не привели ни къ чему и заключились лишь перемиріемъ, которое однако не помѣшало отдѣльнымъ стычкамъ. Въ мартѣ 1649 года предводитель загона Гарасько взялъ Острогъ, перерѣзалъ 400 человекъ мѣщанъ, вѣроятно уніатовъ и евреевъ, и прогналъ изъ имѣнія владѣтельницу Анну-Алоизу Ходкевичъ. Другой загонъ напалъ на Корець. Полѣсье взбунтовалъ сынъ Максима Кривоноса, не менѣе отца кровожадный. Загонъ Донца овладѣлъ въ концѣ мая Заславомъ, но былъ разсѣянъ Фирлеемъ. Самъ Богданъ Хмель-

ницікій дѣятельно приготавлился къ продолженію войны. Онъ раздѣлилъ всю Малороссію на осѣдлые полки, въ числѣ которыхъ были Полѣсянскій или Овручскій, Звягельскій (Новградволинскій) и позднѣе — Острожскій, и приглашалъ къ себѣ татаръ³⁷³). По истеченіи срока перемирія, Богданъ Хмельницкій двинулся противъ поляковъ къ Збаражу (въ нынѣшней Галиціи), гдѣ стояло польское войско, и обложилъ польскій станъ. Но, узнавъ, что король идетъ на него съ главными польскими силами, Хмельницкій, оставивъ часть казаковъ подъ Збаражемъ, съ главными силами пошелъ на встрѣчу королю, въ августѣ 1649 года одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду подъ Зборовомъ и заключилъ съ королемъ мирный договоръ³⁷⁴). Казакамъ возвращались всѣ старинныя права и льготы, и ихъ число могло простираться до 40,000 человекъ. Жиды не допускаются въ мѣста пребыванія казаковъ. Относительно уничтоженія уніи, возвращенія и неприкосновенности православныхъ церквей и церковныхъ вотчинъ будетъ сдѣлано постановленіе на сеймѣ, въ присутствіи и по желанію православнаго митрополита кievскаго, который получаетъ мѣсто въ сенатѣ. Іезуиты не имѣютъ права находиться въ Кіевѣ и другихъ городахъ, гдѣ есть привилегированныя русскія школы, но должны непременно перейти всѣ въ другія мѣста. Всѣ русскія школы, существующія издавна, должны оставаться въ цѣлости³⁷⁵).

Не смотря на зборовскій договоръ, миръ между воюющими сторонами наступилъ еще не скоро и притомъ не надолго. Во время збаражской осады и самаго договора, на Волыни и въ Литвѣ происходили отдѣльныя битвы между казаками и поляками. Нѣсколько загонцовъ, отдѣлившись отъ войска, отправилось на Волынь. Городъ Острогъ, перешедшій было къ полякамъ, снова взятъ былъ тремя казацкими отрядами подъ начальствомъ Небабы, Донца и Головацкаго и превращенъ въ пепель. Заславъ, находившійся также, по изгнаніи Донца, въ рукахъ поляковъ, сдался добровольно. По заключеніи же и обнародованіи зборовскаго договора, татары и казаки, возвращаясь домой, довершали опустошеніе края. Въ мѣстечкѣ Ляховцахъ татары захватили и погнали съ собой плѣнныхъ до 15,000. Мѣстечко Олыка попеременно подвергалось нападеніямъ татаръ и казаковъ. Разорены были: Болки, Полонное, Деражне, Тучинь, окрестности Луцка. Хмельницкій не могъ сдерживать раздраженный и взволнованный народъ³⁷⁶). Наконецъ, въ январѣ 1650 года, созванъ

Дубенская икона Божіей Матери.

былъ въ Варшавѣ сеймъ для утвержденія зборовскаго договора. Но сеймъ не утвердилъ этого договора во всей его силѣ. Кіевскому митрополиту не дано мѣста въ сенатѣ, и унія не была уничтожена, а только сдѣланы православію незначительныя уступки. Православнымъ вновь возвращались епископства Холмское и Перемышльское, кромѣ возвращенныхъ въ 1632 году, и отдавались на Волини монастырь Жидичинскій и церкви Никольская въ Кременцѣ, Никольская въ Ковлѣ, Троицкая въ Ратномѣ, Пятницкая во Владимірѣ-Волинскомъ и проч. Православные спѣшили воспользоваться тѣмъ, что было дано. Въ Перемышлѣ рубоположенъ былъ епископомъ Антоній Винницкій, въ Холмѣ — Діонисій Балабанъ, а въ Луцкѣ оставался Іосифъ Чаплиць ³⁷⁷).

Ни поляки, ни русскіе не были довольны зборовскимъ договоромъ и не думали выполнять его. Когда, къ концу 1650 года, король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ, то явившіеся туда послы Богдана Хмельницкаго потребовали уничтоженія уніи, утвержденія статей договора присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ, и чтобы въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ ни одинъ панъ землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ крестьянами. Для православной церкви послы потребовали возвращенія ей и обезпеченія за нею епископствъ: Владимірскаго, Брестскаго, Холмскаго, Белзскаго, Острожскаго, Пинскаго, Смоленскаго и Полоцкаго, и нѣкоторыхъ монастырей и церквей и въ числѣ ихъ — архимандритскихъ монастырей Жидичинскаго, Дерманскаго и Дубенскаго, и церквей св. Софій, Троицкой, Острожской, захваченной іезуитами, а также церквей въ Дорогобужѣ, Мельницѣ, Кременцѣ, Ковлѣ и Ратномѣ. Поляки отказались удовлетворить этимъ требованіямъ казаковъ и 24 декабря, 1650 года, порѣшили возобновить войну съ ними ³⁷⁸).

Непріязненныя дѣйствія открылись въ февралѣ 1651 года столкновеніями отдѣльныхъ отрядовъ. Казаки и союзники ихъ татары завладѣли городами Баромъ, Межибожемъ, Константиновомъ старымъ и новымъ и подъ Житопромъ разбили семнадцати-тысячное польское войско, бывшее подъ начальствомъ князя Четвертинскаго. Но рѣшающее значеніе имѣла битва главныхъ силъ воюющихъ сторонъ подъ м. Берестечкомъ, Дубенскаго уѣзда. Войска съ обѣихъ сторонъ было болѣе полумилліона. 20 июня, 1651 года, казаки, благодаря измѣнѣ союзника своего хана крымскаго, потерпѣли здѣсь страшное пораженіе и черезъ Волинь отступили къ мѣстечку Вѣлой церкви, въ вышней Кіевской

губерніи, преслѣдуемые польскими войсками. Въ то же время приближалось къ Кіеву свѣжее литовское войско, подъ предводительствомъ гетмана Радзивила, и въ концѣ іюля безъ сопротивленія заняло Кіевъ. При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, казаки вынуждены были въ сентябрѣ 1651 года заключить въ Бѣлой Церкви мирный договоръ съ поляками, по которому Украина приводилась къ тому же положенію, въ какомъ она находилась до 1648 года³⁷⁹). Войско казацкое ограничено 20,000; остальные возвращались въ крестьянское сословіе и подлежали власти старостъ и помѣщиковъ. Православная вѣра оставалась при прежнихъ своихъ правахъ³⁸⁰).

Такимъ образомъ, двухлѣтнія напряженныя усилія казаковъ добиться у польскаго правительства возстановленія своихъ правъ, окончились на этотъ разъ полною неудачею и лишь привели страну къ крайнему разоренію и истощенію. Въ особенности Волынь представляла ужасное зрѣлище. Еще во время прошлогодней войны четверикъ ржаной муки стоилъ 120 злотыхъ, и убогіе люди, не успѣвшіе убѣжать, помирали толпами отъ голода. Современникъ рассказываетъ, что близъ Луцка въ одномъ селѣ женщина зарѣзала двухъ человѣкъ и кормилась ихъ тѣлами, удѣляя и другимъ такой пищи; въ другомъ мѣстѣ голодная мать умертвила и сжарила своихъ собственныхъ дѣтей. Частію отъ голода, частію во избѣжаніе польскаго ига, крестьяне и даже казаки толпами переходили на лѣвый берегъ Днѣпра, въ московскія владѣнія.

Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія, 1.000 казаковъ возникшаго тогда Острожскаго полка подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили московскаго государя позволить имъ поселиться на московской землѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ построить для нихъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ (нынѣ Воронежской губерніи). Волынцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удерживать все прежнее казацкое устройство, но безъ подчиненія гетманамъ. А вслѣдъ за Острожскимъ полкомъ стали переселяться въ Московское государство и изъ другихъ мѣстъ южной Россіи. Менѣе, чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились

многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатые мѣстечки Сумы, Лебедянь, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и др. Иные подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Донцу, Удаю, Харькову, Коломаку, и образовали передовую сторожевую линію, защищавшую Московское государство отъ татарскихъ набѣговъ. Самъ Богданъ Хмельницкій, боясь, чтобы всѣ украинцы не перебрались на новоселье, и опасаясь потерять совершенно и любовь народную, и благосклонность царя, весною 1652 года послалъ въ Москву посольство съ предложениемъ, въ которомъ была своеобразная мысль переселить всѣхъ казаковъ на царскую землю. Царь Алексѣй Михайловичъ милостиво принялъ посольство, но пока не хотѣлъ нарушать мира съ Польшею изъ-за казаковъ ³⁸¹). Тогда Богданъ Хмельницкій попробовалъ еще разъ освободиться собственными силами отъ поляковъ и сперва чрезъ сына своего Тимофея нанесъ имъ пораженіе подъ Батогомъ, а потомъ въ 1653 году возобновилъ открытую войну съ поляками. Онъ выгналъ изъ Украины пановъ и пошелъ съ казаками и татарами въ Подолію. Король съ 15,000 войска остановился подъ мѣстечкомъ Жванець. Погибель поляковъ казалась неизбѣжною; но король склонилъ хана за 100,000 червонныхъ золотыхъ на свою сторону, и ханъ вторично предалъ своего союзника. Богданъ Хмельницкій вынужденъ былъ заключить миръ, по которому казаки совершенно покорялись Польшѣ ³⁸²).

Но въ то время, когда, по видимому, окончательно была сломлена сила казаковъ,—въ ихъ судьбѣ начинаетъ принимать дѣятельное участіе Московское государство. 20 іюля, 1653 года, явился къ королю во Львовъ посолъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Репнинъ Оболенскій съ товарищами, и предъявилъ требованіе русскаго царя, чтобы король и папы-рады успокоили междоусобіе съ черкасами (т. е. казаками), возвратили православнымъ церкви, которыя были оборочены подъ унію, не дѣлали впредь никакого притѣсненія православнымъ и помирились съ ними по зборовскому договору. Поляки не хотѣли удовлетворить этимъ требованіямъ. Поэтому, вслѣдствіе новыхъ просьбъ Богдана Хмельницкаго, на московской земской думѣ въ октябрѣ 1653 г. единогласно рѣшено было, что государь принимаетъ Богдана Хмельницкаго со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями подъ высокую государеву свою руку и долженъ объявить войну Польшѣ и Литвѣ за оскорбленіе вѣры и царской чести. Самъ царь выступилъ въ по-

ходъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ города сдавались одинъ за другимъ. Другой отрядъ московскихъ войскъ въ соединеніи съ казацкими дѣйствовалъ въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ и былъ даже подъ Львовомъ и Люблиномъ. Въ 1656 году царь Алексѣй Михайловичъ заключилъ съ Польшей перемиріе, удержавъ за собою часть Бѣлоруссіи и Украину. Границею послѣдней со стороны Польши была, повидимому, рѣка Случь. Но послѣ заключенія перемирія съ Польшей, Богданъ Хмельницкій воспользовался стѣснительнымъ положеніемъ Польши, раздираемой внутренними усобицами и вторженіями шведскаго короля Карла X и седмиградскаго князя Ракочи, и на свой страхъ добился исправленія и округленія границъ Малороссіи со стороны Польши. Этими границами назначены были въ 1657 году рѣка Днѣстръ въ Подоліи и рѣка Горынь въ нынѣшней Волинской губ. ³⁸³). Такимъ образомъ, вся восточная половина нынѣшней Волинской губерши причислена была къ Украинѣ и перешла подъ верховную власть московскаго государя.

Но въ томъ же 1657 году, 27 іюня, умеръ Богданъ Хмельницкій, а послѣ его смерти поколебалось и самое дѣло воссоединенія Украины съ Россіей. Духъ шляхетства и стремленіе къ особымъ правамъ и преимуществамъ проникли уже и въ среду казаковъ и произвели въ нихъ колебаніе между подчиненіемъ Россіи, Польшѣ и даже Турціи и раздѣленіе на части, которое окончательно обезсилило казаковъ и значительную часть ихъ, вмѣстѣ съ простымъ народомъ, подчинило тягостному игу иноплемениковъ и пновѣрцевъ.

Глава седьмая.

Переходное состояніе Волыни по смерти Богдана Хмельницкаго. Угнетеніе православія.

Значеніе воссоединенія Малороссіи съ Россіей при Богданѣ Хмельницкомъ для усиленія и объединенія Россіи.—Раздѣленіе Малороссіи, по смерти Богдана Хмельницкаго, на части и ослабленіе ея.— Судьба Волыни подъ владычествомъ Польши и управленіемъ западно-украинскихъ гетмановъ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Тетери, Дорошенка и Ханенка; фастовскій полковникъ Семень Палій и прекращеніе гетманства въ западной Украинѣ.— Упадокъ русской народности и православія на Волыни: ополченіе и окатоличеніе вольнской шляхты, ея воздѣйствіе на народъ; усилія къ возвращенію православныхъ въ унию въ XVII вѣкѣ и къ окатоличенію униатовъ въ XVIII вѣкѣ.—Послѣдніе особые православные митрополиты въ западной Украинѣ: Діонисій Балабанъ, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и Антоній Винницкій.— Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій; притѣсненія православію; тайное возвращеніе Шумлянскаго съ сообщниками въ унию и дѣйствія его; удаленіе луцкаго епископа Гедсона Святополка Четвертинскаго въ Кіевъ и поставленіе въ санъ кіевскаго митрополита; захватъ Луцкой епархіи Шумлянскими — Угнетеніе православія открытыми униатами, католическимъ духовенствомъ и дворянами и усиленно распространеніе униа; слабое противодѣйствіе ей со стороны православныхъ.—Избраніе православными Діонисія Жабокрицкаго въ луцкіе епископы, возвращеніе его въ унию и ссылка въ Сибирь; послѣдній луцкій православный епископъ Кириллъ Шумлянскій — Остатки православія на Волыни до половины XVIII вѣка.

ГЕТМАНСТВО Богдана Хмельницкаго произвело рѣшительный переломъ въ вѣковой борьбѣ Россіи съ Польшей въ пользу первой изъ нихъ. Возстаніе Хмельницкаго противъ поляковъ обезсилило Польшу, истощивъ ея силы и оторвавъ отъ нея значительную часть южной Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно усилило Россію, какъ присоединеніемъ къ ней Малороссіи, такъ и заселеніемъ Слободской Украини малороссами, и дало Россіи рѣшительный

перевѣсъ надъ Польшею, участь которой теперь уже была предрѣшена. Отъ окончательнаго распавенія своего Польша сохранилась тогда вопервыхъ потому, что еще не вполне окрѣпло государственное могущество Россіи, а вторыхъ потому, что въ самой Малороссіи долго еще проявлялись непостоянство и колебаніе въ разныя стороны и имѣли своимъ послѣдствіемъ внутреннія междуусобія въ Украинѣ и продолжительную борьбу изъ-за нея между сосѣдними государствами. Присоединеніе Украины къ Московскому государству было дѣломъ народнаго большинства, и большинство это не имѣло никакой причины раскаиваться въ своемъ дѣлѣ. Но другой взглядъ былъ у казацкаго меньшинства, находившагося у власти. Для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединеніе съ шляхетскимъ Польскимъ государствомъ представляло соблазнъ. Поэтому послѣ Богдана Хмельницкаго гетманы и казацкая старшина нерѣдко измѣняютъ Русскому государству и склоняются на сторону Польши и даже Турціи. Тяготѣніе къ Польшѣ преимущественно проявлялось на правой сторонѣ Днѣпра, наиболѣе привыкшей къ польскимъ порядкамъ, тогда какъ лѣво-бережная Украина тянула преимущественно на сторону Московскаго государства. Рознь между этими двумя частями Украины такъ была велика, что обѣ стороны имѣли особыхъ гетмановъ и даже особыхъ митрополитовъ. Такими гетманами на правой сторонѣ Днѣпра были Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Павелъ Тетеря, Петръ Дорошенко, Ханенко и Самусь, а на лѣвой—Сомко, Брюховецкій, Демьянъ Многогрѣшный, Иванъ Самойловичъ, Иванъ Мазена. Обѣ стороны часто ссорились между собою и обезсиляли одна другую. Вслѣдствіе этого казачество уже перестало быть грозою для татаръ, турокъ и польско-католиковъ и само сдѣлалось ихъ добычею. Тогда какъ лѣвая сторона Днѣпра находилась въ дѣйствительномъ владѣніи Россіи, правая оставалась за Польшею и въ свою очередь раздѣлена была впоследствии на части между Польшею и Турціей. Нынѣшняя Волынская губернія, какъ составная часть Малороссіи, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и до воссоединенія съ Россіей въ 1793 году, оставалась подъ властію Польши и до начала XVIII вѣка находила еще для себя нѣкоторую защиту отъ латинопольскихъ притѣсеній у заднѣпровскихъ своихъ гетмановъ и полковниковъ (Семена Палія), но съ начала XVIII вѣка сдѣлалась совершенно открытою для польскихъ вліяній и притѣсеній.

Богданъ Хмельницкій желалъ, чтобы послѣ его смерти гетманомъ былъ сынъ его Юрій, подъ опекою писаря Ивана Выговскаго; но послѣдній повелъ дѣло такъ, что, по избранію меньшинства, самъ сдѣлался гетма-

Іеремія II
патріархъ константинопольскій.

номъ. Это былъ шляхтичъ по происхожденію и душѣ. Вынужденный обстоятельствами пристать къ казакамъ, онъ успѣлъ вкратъся въ довѣренность Богдана Хмельницкаго. Выговскій давно уже обращалъ взоры на западъ, къ Польскому шляхетскому государству, гдѣ сулили ему

блестящее, независимое положеніе, сенаторство. Воспользовавшись тѣмъ, что московское правительство, по просьбѣ самихъ же казаковъ, прислало въ важнѣйшіе украинскіе города своихъ воеводъ, для защиты ихъ отъ татаръ и поляковъ, онъ истолковалъ эту присылку воеводъ въ смыслѣ угнетенія Украины Москвою и передался на сторону Польши.

6 сентября 1658 года Выговскій заключилъ съ Польшей тайный договоръ въ 22 пунктахъ, извѣстный подъ названіемъ гадячскаго. По этому договору: 1) православная вѣра уравнивается въ своихъ правахъ съ римскою какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, а унія уничтожается; 2) митрополитъ кievскій и епископы луцкій, львовскій, перемышльскій, холмскій и метиславскій будутъ засѣдать въ сенатѣ; 3) войска запорожскаго будутъ 60,000; 4) гетману великаго княженія Русскаго Украинскаго вѣчно быть первымъ кievскимъ воеводою и генераломъ; 5) сенаторовъ въ коронѣ польской выбирать не только изъ поляковъ, но и изъ русскихъ; 6) дозволяется устроить въ Кіевѣ академію, которая пользуется тѣми же правами, какъ и академія Краковская; 7) коллегіи, училища и книгопечатни, сколько ихъ понадобится, вольно будетъ устраивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякія; 8) король будетъ давать шляхетство казакамъ, по представленію гетмана; 9) гетманъ имѣеть право чеканить монету и платить ею жалованье войску; 10) во всякихъ нужныхъ дѣлахъ Польскаго государства призываются на совѣтъ казаки; 11) гетману не некатъ другаго иностраннаго покровительства, кромѣ польскаго: онъ можетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ крымскимъ, но не долженъ признавать надъ собою власти государя московскаго, и казаки все должны возвратиться въ свои жилища; 12) Чигиринскій повѣтъ остается при гетманской булавѣ попрежнему; 13) въ воеводствахъ Кіевскомъ все должности и чины сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ греческой вѣры, а въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ— попеременно съ католиками; 14) въ русскихъ воеводствахъ учреждаются должности печатарей, маршалковъ и подскарбіевъ и будутъ раздаваться только русскимъ; 15) титулъ гетмана будетъ: гетманъ русскій и первый воеводство Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сенаторъ.

Въ слѣдующемъ году этотъ договоръ утвержденъ былъ на польскомъ сеймѣ, съ небольшими ограниченіями³⁸⁴). Лично самому Выгов-

скому дано было, въ пожизненное владѣніе, мѣстечко Любомль, Владиміро-Волынскаго уѣзда ³⁸⁵). Казацкіе гарнизоны облегли Полонное, Староконстантиновъ, Заславъ, Острогъ, Межибожь, Гуцу, Степань, Межиричъ и Корець ³⁸⁶). Но восточная сторона Украины не пошла за Выговскимъ на сторону Польши. Полковники казацкіе переяславскій, нѣжинскій, черниговскій, кіевскій и лубенскій остались вѣрны русскому государству и увлекли за собою многихъ казаковъ и на западной сторонѣ Днѣпра.

17 октября, 1659 года, выбранъ былъ въ гетманы, вмѣсто Выговскаго, несовершеннолѣтній сынъ Богдана Хмельницкаго Юрій. Но этотъ недоросль не могъ жить собственнымъ умомъ и быть вѣрнымъ слугою и надежнымъ союзникомъ Россіи. Служа царю, онъ въ то же время слушался польскихъ внушеній и измѣнилъ Россіи при первомъ случаѣ. Русскія войска дѣятельно помогали ему утвердить свою власть въ Малороссіи. Зимой 1660 года русскій бояринъ и воевода Василий Борисовичъ Шереметевъ, вышедши изъ Кіева, разбилъ и взялъ въ плѣнъ польскаго военачальника Андрея Потоцкаго съ его отрядомъ. Въ этотъ походъ русскія войска доходили даже до Дубна. Въ августъ того же года Шереметевъ и Юрій Хмельницкій уговорились идти противъ поляковъ ко Львову и выступили въ походъ по двумъ разнымъ дорогамъ. Шереметевъ пошелъ на мѣстечко Котельную, Житомирскаго уѣзда, но у Любара неожиданно встрѣтилъ 30-тысячное польское войско подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго и маршалка Любомпрскаго, и 60,000 татаръ. Шереметевъ долго отбивался отъ неприятелей и съ великимъ трудомъ отступилъ къ Чуднову. Между тѣмъ въ это время Юрій Хмельницкій со своими казаками находился недалеко отъ Шереметева, подъ Слободищемъ (Житомирскаго у.), и не только не подалъ ему помощи, но и послалъ въ польскій станъ письмо съ просьбою о мирѣ и согласіемъ подчиниться польскому королю, отозвавъ къ себѣ изъ русскаго стана казацкаго полковника Цецюру. Эта измѣна Юрія Хмельницкаго погубила Шереметева и его отрядъ. Шереметевъ вынужденъ былъ сдать полякамъ, выговоривъ себѣ право свободнаго выхода изъ Чуднова. Но польскіе военачальники, не смотря на условія сдачи, задержали русскихъ воеводъ и ихъ войско, а самого Шереметева отдали крымскимъ татарамъ, которые отвели его въ Крымъ и продержали въ плѣну у себя 20 лѣтъ. Немного, впрочемъ, выигралъ

своею измѣною и Юрій Хмельницкій. Принимая его въ свое подданство, поляки уже не хотѣли подтвердить всѣхъ условій гадячскаго договора и признавать Украину русскимъ княжествомъ. Восточная сторона Украины не пристала къ Юрію Хмельницкому и даже подвластное ему казачество не терпѣло своего гетмана и требовало его смѣны. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Юрій Хмельницкій въ концѣ 1662 года самъ отказался отъ гетманства и постригся въ монахи.

На мѣсто Юрія Хмельницкаго, избранъ былъ въ гетманы, при помощи подкуповъ, приверженный къ Польшѣ генеральный писарь казацкаго войска Павелъ Тетеря³⁸⁷), получившій образованіе въ униатскихъ школахъ³⁸⁸): но онъ былъ оставленъ казаками и, взявъ гетманства, получилъ отъ польскаго правительства во владѣніе мѣстечко Колки (Луцкаго уѣзда). Тогда гетманомъ избранъ былъ, по вліянію крымскихъ татаръ, Петръ Дорошенко, который будто бы искренно желалъ добра Украинѣ, а на самомъ дѣлѣ принесъ ей величайшее зло³⁸⁹).

Дорошенко, говорятъ, во все свое гетманство стремился къ возстановленію цѣлости и объединенію Малороссіи подъ главенствомъ Русскаго государства. По избраніи въ гетманы, онъ желалъ утвердиться и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подвластной Россіи, и искалъ русскаго покровительства. Когда же лѣвая сторона Днѣпра выбрала себѣ въ гетманы Ивана Брюховецкаго и отпала отъ Дорошенка, то послѣдній передался на сторону хана крымскаго и въ союзѣ съ нимъ хотѣлъ или отвоевать у поляковъ западную Украину, или, по крайней мѣрѣ, добиться обеспеченія ея правъ со стороны польскаго правительства³⁹⁰). 20 февраля, 1666 года, вскорѣ по избраніи въ гетманы, на совѣтѣхъ подъ Лысянкою онъ предложилъ своей старшинѣ выслать всѣхъ ляховъ изъ Украины въ Польшу, а самимъ, со всѣми правобережными городами, преклониться къ хану крымскому и весной идти съ ордою на восточную сторону: потому что «поляки берутъ стацію многую и налоги чинятъ великіе, а отъ московскихъ ратныхъ людей и отъ восточныхъ казаковъ не защищаютъ». Старшина согласилась на это предложеніе. Тогда Дорошенко далъ знать въ Крымъ и Константинополь, что Украина — въ волѣ султана и хана, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждалъ крымскаго хана помириться съ государемъ московскимъ и не допускать его до міра съ польскимъ королемъ, чтобы воевать

Польшу вмѣстѣ съ Москвою. Въ виду угрожающей опасности, подготовляемой Дорошенкомъ, поляки поспѣшили заключить съ Россією въ Андрусовѣ договоръ или перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ, по которому Россія отказывалась отъ праваго берега Днѣпра и Бѣлорусіи, но получала отъ Польши Смоленскъ, Сѣверскую область и восточную Украину. Днѣпръ былъ принятъ общою границею между Россіей и Польшей. Кіевъ уступленъ былъ Московскому государству на два года. Россія и Польша обязывались взаимно помогать другъ другу въ защитѣ Украины отъ крымскихъ татаръ и турокъ и дѣйствовать противъ нихъ общими силами. Это перемиріе шло въ разрѣзъ намѣреніямъ Дорошенка, который однако же не отступился отъ нихъ и послѣ андрусовскаго перемирія. Онъ задумалъ оторвать западную Украину отъ Польши и сначала передать ее на время татарамъ и затѣмъ возвратить ее Россіи уже отъ татаръ, не нарушая андрусовскаго перемирія. Въ 1667 году, въ ноябрѣ, Дорошенко съ татарами разбилъ польское войско подъ предводительствомъ Маховскаго и самого Маховскаго взялъ въ плѣнъ, послѣ чего татары бросились разорять Волынь и дѣлали набѣги до Овруча, Дубна, Збаража и Бродъ³⁹¹). На предложеніе кіевскаго воеводы Шереметева отстать отъ татаръ и служить обоимъ государямъ, московскому и польскому, Дорошенко отвѣчалъ, что онъ радъ бы служить великому государю, но теперь не можетъ отстать отъ татаръ и быть подъ государевою рукою. «Служилъ я съ казаками королю польскому много лѣтъ, — писалъ Дорошенко, — и головы за него свои складывали, а выслужили то, что поляки церкви Божіи обратили въ унію. Король дастъ намъ на всякія вольности привиллегіи и универсалы, а потомъ пришлетъ поляковъ и нѣмцевъ, и тѣ всякія вольности у насъ отнимаютъ, и православныхъ христіанъ, не только простыхъ казаковъ, но и полковниковъ, старшинъ, бьютъ, мучать, берутъ съ насъ всякіе поборы, и во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а иные обратили на костелы, чего всякому православному христіанину терпѣть невозможно, и мы за православную вѣру и за правды свои стоять будемъ³⁹²). Въ 1668 году Дорошенко осадилъ подъ м. Подгайцами польскаго гетмана Собѣскаго и взялъ Поморяны и Зборовъ³⁹³). Въ 1669 году онъ отдался въ подданство Турціи, привелъ съ собою 6,000 крымскихъ татаръ, послалъ ихъ на Волынь и расположилъ въ окрестностяхъ Староконстантинова, Острополя, Любара, Корца, Звягля

Петръ Могила,
кіевскій митрополитъ.

(Новградволынска), до самаго Полѣсья. Эта татарская орда больше всего свирѣпствовала въ Корцѣ и Звягль³⁹⁴). По случаю восшествія въ этомъ году на польскій престолъ новаго польскаго короля Михаила Корибута-Вишневецкаго, Дорошенко и митрополитъ Тукальскій сдѣлали польскому правительству представленіе объ уничтоженіи уни въ Литвѣ и Польшѣ и возвращеніи православнымъ всѣхъ отнятыхъ у нихъ имѣній. Для соглашенія съ казаками, назначена была въ 1670 году комиссія въ г. Острогѣ, на которую король приглашалъ и Дорошенка; но Дорошенко не явился, и польское правительство объявило его бунтовщикомъ и назначило на его мѣсто гетманомъ западной стороны Днѣпра Михаилъ Ханенка³⁹⁵).

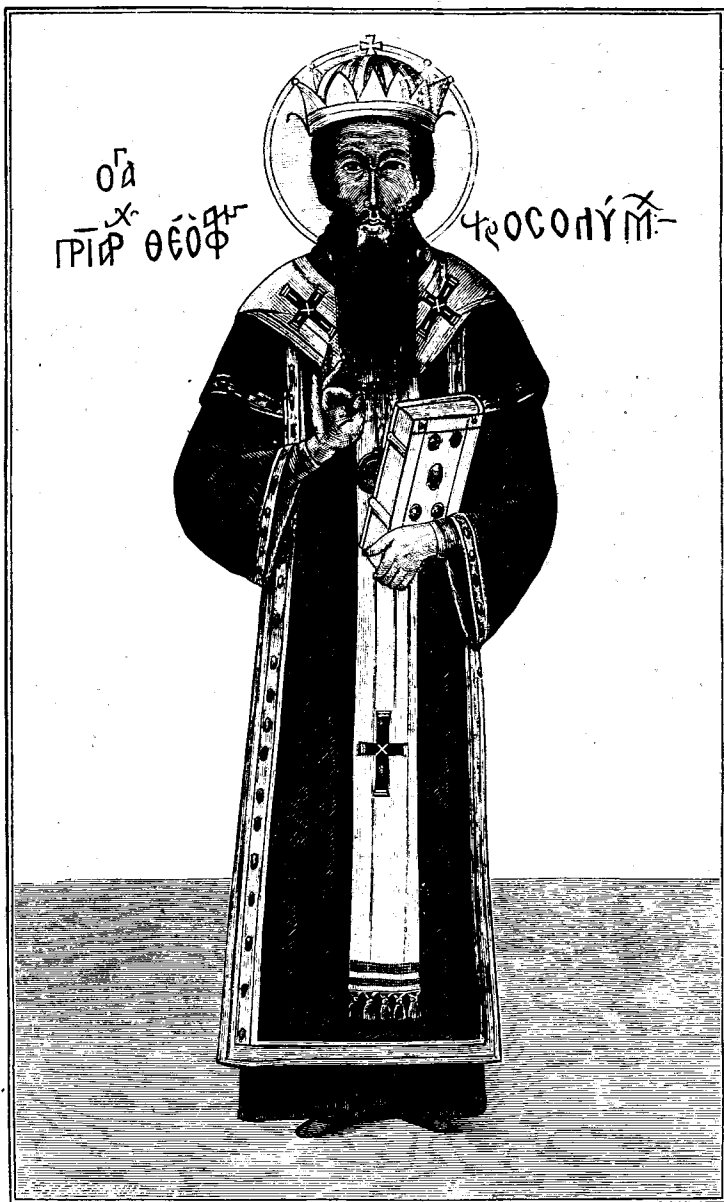
Между гетманами совмѣстниками началась борьба, въ которой приняла участіе и Польша. Въ 1671 году польскій гетманъ Янъ Собѣскій поразилъ Дорошенка и союзныхъ ему татаръ подъ Брацлавомъ и занялъ нѣсколько городовъ, признававшихъ власть Дорошенка. Но этотъ минутный успѣхъ польскаго оружія раздражилъ наконецъ турецкаго султана и побудилъ его предпринять походъ на Польшу, осмѣлившуюся воевать сподручника его Дорошенка. Весною 1672 года многочисленное турецкое войско (свыше 300,000 человекъ) перешло Дунай, вторгнулось въ Подолію и, подъ начальствомъ самого султана Магомета IV, овладѣло Каменцомъ-Подольскимъ³⁹⁶). Турецко-татарское нашествіе это коснулось и Волыни. Изъ Подоліи турки и татары проникли и въглубь края, взяли и разорили мѣстечко Вишневецъ и доходили до мѣстечка Корца³⁹⁷). Поляки успѣли заключить миръ съ турками, уступивъ имъ Подолію и Украину и обязавшись ежегодно платить султану по 22,000 червонцевъ. Съ этихъ поръ Подолія оставалась подъ властію турокъ въ теченіи 27 лѣтъ, до 1699 года.

Волынь оказалась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ турками и татарами, не разъ была свидѣтельницею военныхъ столкновеній между христіанами и мусульманами и испытывала непріятельскія нашествія и разоренія. Въ силу андрусовскаго договора съ Польшею въ 1667 году, царскія войска дѣйствовали противъ татаръ и турокъ на Днѣпрѣ и на Дону и даже проникали въ западную Украину и Волынь. На сеймѣ, въ апрѣлѣ 1674 года, послы волынскіе сообщали, что воеводы московскіе разослали предписанія по всей Волынской землѣ и Подоліи, запрещаютъ давать подати въ казну королевскую, а войска царскія приближаются уже къ

Полѣсью, Заславу, Острогу³⁹⁸). Сами поляки, избравъ въ этомъ году себѣ въ короли воинственнаго и храбраго Яна Собѣскаго, попытались прогнать турокъ изъ Украины, послѣдствіемъ чего была такъ называемая збаражская война, опустошившая часть Волыни. Въ 1675 году турки и татары, подъ предводительствомъ Ибрагима наши, взяли и разрушили замокъ Збаражскій, въ нынѣшней Галиціи, выжгли городъ, жителей перебили, а молодыхъ угнали въ плѣнъ³⁹⁹). Въ эту войну турки разорили также мѣстечко Вышгородокъ, Кременецкаго уѣзда⁴⁰⁰), подступали къ Почаевскому монастырю и трое сутокъ осаждали его безъ всякаго успѣха, не смотря на то, что въ то время большая часть монастырскихъ построекъ была деревянная и обитель была обнесена слабою деревянною оградой⁴⁰¹). Весною 1676 года татары опять начали опустошать Волынь, Подолію и Галицію. — и поляки, опасаясь новаго турецкаго нашествія, заключили съ турками, въ октябрѣ 1676 года, договоръ подъ Журавномъ. По этому договору, Подолія съ Каменцомъ была уступлена султану, но дань султану съ Польши была отмѣнена: Украина оставлена за казаками по старымъ рубежамъ, кромѣ Бѣлой Церкви и Паволочи, которыя отошли къ Польшѣ. Виновикуъ всего зла Петръ Дорошенко, оставленный казакою старшиною и жителями, имѣлъ подъ своею властію только городъ Чигиринъ съ девятью мѣстечками и селами въ нынѣшнихъ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи. Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился подчиниться московскому государю и въ 1676 году милостиво принять былъ въ русское подданство. Султанъ, намѣсто Дорошенка, провозгласилъ гетманомъ и княземъ малороссійскимъ плѣнника своего, бывшаго монаха Юрія Хмельницкаго, и хотѣлъ поддержать его силою: но Юрія Хмельницкаго казаки не хотѣли знать, а турки, послѣ двухъ неудачныхъ походовъ на Украину, въ январѣ 1681 г. заключили съ Россіей перемиріе на 20 лѣтъ. Границею между турецкими и русскими владѣніями былъ назначенъ Днѣпръ. «Въ перемирныя 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султанову и ханову величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ казацкихъ земляхъ не заводить, оставить ихъ впускать. Кіевъ съ монастырями и городами, мѣстечками, селами всего своего стараго уѣзда, т. е. ниже Кіева Васильковъ, Триполье, Стайки съ се-

лами, да выше Кіева два мѣстечка Дѣдовщина и Радомышь остаются въ сторонѣ царскаго величества». Но мирныя договоры Россіи и Польши съ Турціей, какъ общимъ врагомъ христіанства, не могли быть прочны. Въ 1683 году польскій король Янъ Собѣскій, заключивъ оборонительный союзъ съ Австріей, одержалъ надъ турками блистательную побѣду подъ Вѣною и вторично поразилъ ихъ подъ Парканами, но не въ состояніи былъ выгнать ихъ изъ Подолія⁴⁰²). Раздраженные турки и татары снова дѣлають нападенія на Волинь и проникають до Дубна, Заслава и Острога⁴⁰³). Нуждаясь въ помощи для борьбы съ турками и татарами, Собѣскій заключилъ съ Россіею, въ 1686 году, договоръ, которымъ утверждались за Россіею на вѣчныя времена всѣ земли, приобретенныя ею отъ Польши въ 1654—1655 годахъ, съ Кіевомъ, Черниговомъ, Смоленскомъ и другими 56-ю городами: но правая сторона Днѣпра, Кіевская область и Волинь оставались за Польшею и получили названіе польской Украины⁴⁰⁴). Наконецъ, въ 1699 году турки оставили Подолію. По карловицкому миру 26 января 1699 года, заключенному Россіей, Австріей, Польшею и Венеціей съ турками на 30 лѣтъ, турки уступили Россіи Азовъ и окрестные города: но Россія обѣщалась уничтожить всѣ отнятыя у турокъ днѣпровскіе города и не дозволять украинцамъ поселяться по Днѣпру ниже Сѣчи, но устроить одинъ только городокъ около Сѣчи для перевоза; степь отъ Перекопа до Міусскаго городка должна оставаться незаселенною⁴⁰⁵).

Не смотря однако на то, что правое побережье Днѣпра должно было оставаться незаселеннымъ и западная Украина оставалась за Польскимъ государствомъ, — къ концу XVII вѣка здѣсь возникло новое казацкое средоточіе, которое поддерживало русское дѣло въ восточной части нынѣшней Волини и тяготѣло своими сочувствіями къ Московскому государству. Въ 1684 году, во время борьбы съ турками, польскій король Янъ Собѣскій далъ право возстановлять казачество на запустѣвшей западной сторонѣ Днѣпра. Гетманомъ онъ назначилъ Самуся, который собралъ вольныхъ казаковъ изъ запорожцевъ и городовыхъ казаковъ и составилъ новыя полки для обороны порубежья отъ татаръ. Между полковниками Самуся особенно извѣстенъ фастовскій полковникъ Семень Палій, родомъ изъ Борзны. Оба они, и Самусь и Палій, защищая Русь отъ татаръ, не были однако друзьями поляковъ и скорѣе тянули на сторону Московскаго государства. Семень Палій со своимъ

Θεοφάνης πατριάρχης Ἱερουσαλὴμ - αὐχίς.

Θεοφάνης,
πατριάρχης ἱερουσαλιμσκήν.

охотнымъ войскомъ нападалъ на Бѣлогородскую (Аккерманскую) и Буджацкую Орду, схватилъ однажды самого татарскаго хана, который выкупился отъ него за большія деньги. Но, будучи грозою для татаръ, Палій въ то же время былъ неумолимымъ врагомъ и Польши и ревностнымъ поборникомъ воссоединенія польской Украины съ Россіей. Онъ расположилъ свое войско по Полтѣсью и бралъ на себя десятины съ пчелиныхъ заводовъ и съ пошлинъ на товары со всей Украины даже до Днѣстра и Случи. Въ 1702 году Самусь и Палій отняли у поляковъ Немировъ, Бѣлую Церковь, Бердичевъ и другіе города и увлекли за собой народъ. Во всей странѣ, отъ низовьевъ Буга и Днѣпра по рѣку Случь, по городамъ и селамъ, старосты и жида были побиты, другіе отъ страху побѣжали вглубь Польши, крича, что наступила на нихъ другая Хмельницина. Въ то же время Палій постоянно осаждалъ русское правительство настойчивыми своими просьбами взять подъ свою власть польскую Украину. Но Петръ I, не желая ссориться съ поляками, нѣсколько разъ дѣлалъ Палію вразумленія не раздражать Польши и оставаться подъ ея властію. Въ 1704 году, по навѣтамъ таившаго измѣну гетмана Мазепы, Палій былъ схваченъ и сосланъ въ Енисейскъ. Но правда Палія раскрылась передъ полтавской битвой. Онъ возвращенъ былъ изъ ссылки, обласканъ Петромъ I и снова поселился въ своей Бѣлоцерковщинѣ, гдѣ жилъ, съ прежнимъ значеніемъ, до своей смерти, послѣдовавшей въ 1710 году. А въ 1717 году Бѣлоцерковщина возвращена была Петромъ I Польшѣ ⁴⁰⁶).

Съ тѣхъ поръ православное русское населеніе нынѣшней Волини у себя дома не находило уже никакой защиты для себя и до втораго раздѣла Польши поддерживаемо было только совнѣ, заступничествомъ русскихъ государей за своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ передъ польскимъ правительствомъ.

По мѣрѣ ослабленія казачества раздѣленіемъ на части и междоусобіями, постепенно упали въ русскихъ областяхъ Польши русская народность и православіе и подвергались ополяченію и совращенію въ унию и католичество. Упадокъ русской народности и православія на Волини ярко обнаруживаются тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и отчасти подъ вліяніемъ его войнъ съ поляками. Казаки стояли за православную вѣру, но вмѣстѣ съ тѣмъ они стояли и за равноправность сословную и возставали противъ пре-

обладающаго положенія, занимаемаго въ Польшѣ дворянскимъ сословіемъ. Поэтому, когда казаки восторжествовали при Хмельницкомъ, то православные дворяне должны выбрать одно изъ двухъ: или, оставшись вѣрными завѣту предковъ, отречься отъ сословныхъ преимуществъ, или для сохраненія этихъ преимуществъ перейти въ католичество. За малыми исключеніями, южно-русскіе дворяне выбрали второй исходъ, тѣмъ болѣе, что католическое духовенство и особенно іезуиты всѣми способами и преимущественно воспитаніемъ юношества старались завлечь православныхъ въ католичество, а польское правительство содѣйствовало этому угнетеніемъ православія и дарованіемъ особыхъ льготъ и преимуществъ совращающимся⁴⁰⁷). Съ ослабленіемъ же казачества по смерти Богдана Хмельницкаго, польское правительство, ополченное высшее сословіе западно-русское и католическое духовенство всѣми мѣрами стараются отторгнуть отъ православія и простой западно-русскій народъ и совратить его въ унию и польское католичество. Приблизительно до второй четверти XVIII столѣтія идетъ лишь совращеніе православныхъ въ унию, а съ этого времени начинается уже окатоличеніе самой унии и постепенное превращеніе униатовъ въ католиковъ и поляковъ.

Когда преемникъ Богдана Хмельницкаго гетманъ Иванъ Выговскій, измѣнивъ Московскому государству, перешелъ на сторону Польши, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилъ также Россіи и кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ. Какъ ни прискорбно это событіе само по себѣ, но оно имѣло и ту хорошую сторону, что православные жители западной Украины и Волыни имѣли своего православнаго архипастыря и свою іерархію и могли имѣть непосредственное общеніе съ нею. А Выговскій, выговаривая въ гадячскомъ договорѣ съ поляками 1668 года разныя выгоды себѣ и казацкой старшинѣ, не забылъ при этомъ мѣстной православной церкви: потребовалъ уничтоженія унии и утвержденія за православными епархіи Луцкой, Холмской и другихъ. Этимъ договоромъ обеспечивалась православнымъ полная свобода богослуженія во всей Польшѣ, наравнѣ съ католиками; повсюду въ Польшѣ дозволялось православнымъ строить новые храмы, заводить духовныя школы, богадѣльни и проч.⁴⁰⁸). Пользуясь предоставленными ему правами, митрополитъ Балабанъ, вмѣстѣ съ овручскимъ архимандритомъ Теофаномъ Креховецкимъ, въ 1659 году торжественно открылъ нетлѣнныя мощи преподобнаго Іова Желѣза, ко-

торья съ тѣхъ поръ открыто почиваютъ въ Почаевской обители, въ пещерѣ преподобнаго ⁴⁰⁹). Въ томъ же году Діонисій Балабанъ посвятилъ въ санъ епископа лудскаго и острожскаго Гедеопа князя Святополка-Четвертинскаго, который, въ теченіи 25 лѣтъ, неуклонно стоялъ на стражѣ православія и русской народности на Волыни ⁴¹⁰). Но гадячскій договоръ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался непрочнымъ. Комиссіи, назначавшіяся, по опредѣленію сейма 1659 года, для возстановленія православія, не хотѣли признавать правъ нѣкоторыхъ православныхъ монастырей, на примѣръ братскаго Кременецкаго, и не освобождали ихъ отъ различныхъ податей и повинностей. Напрасно кременецкій игуменъ Онуфрій жаловался на явное и несправедливое нарушеніе правъ православія: въ отвѣтъ ему, его попрекали казаками, издѣвались надъ православною церковію и ея представителями и грозились нарушить и уничтожить дарованныя православнымъ права и преимущества. Тогда игуменъ Онуфрій занесъ жалобу отъ имени митрополита Балабана, всего православнаго духовенства и отъ себя: но, вѣроятно, эта жалоба не имѣла никакихъ послѣдствій. Самъ Выговскій скоро былъ свергнутъ съ гетманства, а преемникъ его Юрій Хмельницкій, хотя и передался Польшѣ подъ условіемъ соблюденія гадячскихъ условій, но, по своей слабости и безплію, не могъ настоять на ихъ выполненіи. Польскій сеймъ 1661 года объяснилъ и истолковалъ эти условія въ пользу уніатовъ и возвратилъ имъ всѣ епископства, церкви и имущества, предназначавшіяся для православныхъ ⁴¹¹). По требованію казаковъ и народа, настаивалъ на выполненіи гадячскихъ условій и преемникъ Юрія Хмельницкаго, гетманъ Петръ Тетеря, и домогался отобранія отъ уніатовъ церковныхъ имѣній и передачи ихъ православнымъ, какъ древнимъ ихъ владѣльцамъ; но этотъ уніатскій воспитанникъ, вѣроятно, предъявлялъ полякамъ свои требованія только для виду и впоследствии самъ измѣнилъ православію ⁴¹²). Правда, преемство православной іерархіи на Волыни еще продолжалось: но оно уже доживало, — такъ сказать, — послѣднія минуты. Преемникъ Діонисія Балабана, Тукальскій, передался, вмѣстѣ съ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, на сторону татаръ и турокъ, предпочитая ихъ иго польскому владычеству, а на мѣсто Тукальскаго возведенъ былъ въ митрополиты для польской Украины перемышльскій епископъ Антоній Винницкій ⁴¹³). Это былъ уже послѣдній православный митрополитъ, въ русскихъ областяхъ Польши. Преемникъ его, львовскій епи-

скопъ, а потомъ мѣстоблюститель митрополичьяго престола, Іосифъ Шумлянскій, и самъ совратился въ унію, и увлекъ за собою многихъ другихъ православныхъ.

Главною причиною совращенія Іосифа Шумлянскаго въ унію были полная почти безправность православной церкви и предоставленіе широкихъ правъ уніатамъ въ Польшѣ; но къ этой причинѣ присоединились также честолюбивыя и своекорыстныя побужденія со стороны Шумлянскаго и его сообщниковъ.

Польскій сеймъ 1667 года, одновременно съ заключеніемъ андрюсовскаго договора съ Россіей, издалъ постановленіе въ пользу уніи и къ униженію православія. Въ силу этого постановленія, духовенство греческой вѣры, пребывающее въ единеніи съ римскою церковію, было освобождено на вѣчныя времена отъ всѣхъ военныхъ повинностей, тогда какъ православное духовенство оставалось въ числѣ податныхъ сословій мѣщанъ и крестьянъ⁴¹⁴). Въ 1668 году король Янъ-Казиміръ, по просьбѣ уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ право завѣдывать и управлять всѣми праздными епископствами въ Польшѣ и Литвѣ, между прочимъ съ тою цѣлію, чтобы этими епископствами не могли завладѣть «схизматики», т. е. православные⁴¹⁵). Въ условія, въ соблюденіи которыхъ приносилъ присягу новоизбираемый король, съ 1669 года стала вноситься статья, по смыслу которой король давалъ обязательство, при первой возможности уладить безотлагательно несогласія, возникшія отъ раздѣленія людей греческой вѣры, и обѣщалъ «имѣній и духовныхъ должностей греческой церкви не предоставлять лицамъ недостойнымъ и не позволять такимъ лицамъ пользоваться ими по переуступкѣ». Здѣсь подъ успокоеніемъ несогласій разумѣлось водвореніе уніи насчетъ православія, а подъ лицами недостойными — православное духовенство. Переходъ гетмана Дорошенка на сторону турокъ и завоеваніе ими Подолии подали поводъ къ новымъ стѣсненіямъ православія въ областяхъ польскихъ и къ окончательному водворенію въ нихъ уніи. На сеймѣ 1676 года постановленъ былъ законъ, по которому ставропигіальнымъ православнымъ братствамъ воспрещалось сношаться съ константинопольскимъ патріархомъ и представлять на его рѣшеніе дѣла, касающіяся вѣры. Братства должны были подчиниться мѣстнымъ епископамъ, а въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе, должны были представлять споры въ дѣлахъ вѣры на рѣшеніе гражданскихъ судовъ.

Православнымъ всѣхъ сословій запрещалось, подъ опасеніемъ смертной казни и лишенія имущества, отлучаться за границу Польши или прѣзжать изъ-за границы. Въ оправданіе своего постановленія, сеймъ указывалъ на то, будто православные, «подъ предлогомъ дѣлъ, касающихся вѣроисповѣдныхъ нуждъ греко-русской церкви, выѣзжаютъ за границу къ константинопольскому патріарху, и тамъ они извѣщаютъ враговъ (турокъ) о состояніи дѣлъ въ Польшѣ; ибо патріархъ живетъ подъ властью врага креста Христова». Это запрещеніе выѣзда за границу не только лишало церковныя братства возможности общенія съ патріархомъ, но и направлено было къ разрушенію православной іерархіи, которой неоткуда было получать посвященія ⁴¹⁶).

Всѣ эти стѣсненія православныхъ въ вѣрѣ и предоставленіе правъ униатамъ представляли нетвердымъ въ православіи людямъ сильное искушеніе перейти въ унию. Такимъ лицомъ и былъ Іосифъ Шумлянскій.

Въ 1666 году, по смерти львовскаго православнаго епископа Аѳанасія Желиборскаго, значительная часть львовскаго дворянства и духовенства и Львовское братство, подъ предѣдательствомъ митрополита Антонія Винницкаго, выбрали въ львовскіе епископы Свистельницкаго, который получилъ на это званіе королевскую грамоту. Но меньшая часть дворянства, особенно же многочисленная родня Шумлянскихъ, съ незначительнымъ числомъ духовенства, выбрала себѣ въ епископы Яна Шумлянскаго. Онъ получилъ рукоположеніе, съ именемъ Іосифа, отъ перешедшаго на сторону турокъ митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго и, возвратившись во Львовъ, обратился къ покровительству львовскаго католическаго архіепископа Яна Тарновскаго, обѣщая ему, по утвержденіи на епископскомъ престолѣ, принять унию. Архіепископъ Тарновскій охотно согласился на просьбу Шумлянскаго и ходатайствовалъ за него предъ королемъ Яномъ-Казиміромъ, который 26 іюня, 1668 года, далъ Шумлянскому грамоту на епископство львовское, отмѣнивъ имъ же самимъ данную Свистельницкому грамоту. Послѣ этого Шумлянскій долго преслѣдовалъ своего соперника вооруженною силою и гонялся за нимъ по Львовской епархіи, пока наконецъ смерть Свистельницкаго въ 1676 году не прекратила этихъ безпорядковъ. Тогда Шумлянскій въ 1677 году изъявилъ передъ королемъ и папою готовность принять унию и, вмѣстѣ съ нареченнымъ епископомъ перемышльскимъ Иннокентіемъ Вни-

Адамъ Нисель,
кіевскій воевода.

ницкимъ и другими духовными, равно и свѣтскими лицами, потребовалъ нѣкоторыхъ уступокъ и вознагражденія себѣ за участіе въ дѣлѣ возстановленія уніи. Самъ Шумлянскій желалъ получить въ свое распоряженіе имѣнія Кіевской митрополии и Кіево-Печерской Лавры, находившіяся въ Польшѣ, Гоцанскій монастырь на Волыни, особое денежное жалованье и удержать за собою имѣнія львовскаго епископа; игуменъ Лиснянскаго монастыря Тваровскій желалъ получить богатую Овручскую архимандрію. Кромѣ того, соглашавшіеся на унію епископы просили не освобождать монаховъ изъ-подъ епископской власти и не подчинять ихъ базилианскому монашескому ордену, ходатайствовали о назначеніи съѣзда для неучаствовавшихъ въ соглашеніи представителей православія и желали, дабы совращеніе ихъ въ унію, во избѣжаніе народнаго волненія и для успѣха самой уніи, до времени хранилось въ тайнѣ⁴¹⁷). Предложенія Шумлянскаго и его сообщниковъ были приняты. Съѣздъ предположено было сдѣлать въ Люблинѣ, въ 1680 году; но этотъ съѣздъ состоялся почти безъ участія православныхъ и никого не привлекъ къ уніи. Луцкое православное братство чрезъ своихъ уполномоченныхъ, православныхъ вельможъ, князя Вацлава Четвертинскаго, Давида Братковскаго и Андрея Гулевича, объявило королю отъ имени братствъ и вообще православныхъ мірянъ, что безъ сношенія съ патріархами и безъ ихъ участія невысказано для православныхъ никакія сдѣлки въ дѣлахъ вѣры. Тѣмъ не менѣе измѣнники православію явились въ 1681 году въ Варшаву, приняли здѣсь, въ присутствіи папскаго нунція, унію, получили королевское утвержденіе предложенныхъ ими условій, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями, и предложили новый способъ введенія уніи между православными. Сущность его состояла въ томъ, чтобы принятіе уніи Шумлянскимъ и его сообщниками сохранялось въ тайнѣ, чтобы измѣнившіе православію епископы, оставаясь по имени и внѣшности православными, между тѣмъ исподоволь приготавливали свои паствы къ дѣйствительному принятію уніи, устраняли, подъ благовидными предлогами, ревностныхъ къ православію священниковъ отъ ихъ должностей и назначали другихъ, благонадежныхъ въ уніатскомъ смыслѣ, а священники располагали народъ къ уніи на исповѣди и проч. Этотъ способъ распространенія уніи одобренъ и принятъ былъ польскимъ правительствомъ, — и съ этого времени (1681 г.) начинается самое безсовѣстное, лицемѣрное обращеніе

тайныхъ униатовъ - епископовъ, польскаго правительства и дворянства съ православными. Принявшіе унию епископы и духовные, скрывая свое отступничество, требуютъ себѣ повиновенія отъ духовенства и паствы, какъ православные пастыри; неповинующихся имъ судятъ, удаляютъ отъ должностей не за разногласіе по дѣламъ вѣры, а за сопротивление якобы православнымъ законнымъ властямъ. Правительство и дворяне оказываютъ дѣятельную помощь этимъ лжепастырямъ и свои преслѣдованія православія прикрываютъ личною заботливостию о водвореніи порядка и упроченіи церковной власти въ православной церкви по просьбѣ православныхъ же пастырей ⁴¹⁸).

Совратившись въ унию, Іосифъ Шумлянскій постарался выжить изъ Волыни православнаго луцкаго епископа, князя Гедеона Святополка-Четвертинскаго, и безпокоилъ его разными затрудненіями: рукополагалъ священниковъ въ Луцкую епархію, не дѣйствительныхъ дѣлалъ дѣйствительными, подчинялъ своей власти монастыри Луцкой епархіи, покровительствовалъ преступнымъ священникамъ, налагалъ запрещенія на правильные браки въ Луцкой епархіи и вообще производилъ замѣшательство въ управленіи этою епархіей. По его же внушенію, король и королева прямо объявили, наконецъ, Четвертинскому, что если онъ не сдѣлается униатомъ, то сошлютъ его на вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Тогда епископъ Четвертинскій, устранившись этой угрозы и сознавая, что своимъ личнымъ страданіемъ не принесетъ никакой пользы своей паствѣ, въ 1684 году оставилъ свою Луцкую епархію и переселился на восточную сторону Днѣпра, въ русскія владѣнія, гдѣ вскорѣ возведенъ былъ въ санъ кievскаго митрополита ⁴¹⁹). Этотъ смиренный архипастырь оказалъ важную услугу русской православной церкви тѣмъ, что охотно согласился принять поставленіе въ санъ митрополита кievскаго въ Москвѣ и сталъ подчиняться московскому патріарху, вмѣсто константинопольскаго ⁴²⁰). Этимъ онъ положилъ начало и прочное основаніе воссоединенію южно-русской православной церкви съ сѣверно-русскою подъ властію московскаго патріарха и содѣйствовалъ внутреннему, духовному объединенію Россіи.

Между тѣмъ, по удаленіи Гедеона Четвертинскаго изъ Луцка, Луцкая православная епархія передана была королемъ въ управленіе Іосифу Шумлянскому, который въ 1685 году поставилъ въ луцкіе епископы брата своего Аѳанасія Шумлянскаго. Такимъ образомъ, въ южно-

русскихъ областяхъ Польши всѣ православныя епархіи оказались въ рукахъ тайныхъ уніатовъ. Оставалась одна отдаленная православная Бѣлорусская епархія, которой суждено было, съ значительными перерывами, просуществовать до самаго паденія Польши. Правда, по вѣчному миру Россіи съ Польшей въ 1686 года, польское правительство обязалось оставить неприкосновенными православныя епархіи Луцкую, Галицкую, Перемышльскую, Львовскую и Бѣлорусскую; но обязательство это было наглымъ обманомъ и лицемѣріемъ со стороны польскаго правительства, которое, соглашаясь на это условіе мирнаго договора, хорошо знало, что всѣ эти епархіи, за исключеніемъ послѣдней, заняты тайными уніатами ⁴²¹).

Упрочивъ свою власть надъ православнымъ духовенствомъ въ Польшѣ, Іосифъ Шумлянскій дѣятельно принялся за водвореніе уніи, по предначертанному имъ способу. Въ 1694 году, по смерти брата своего Аванасія, онъ вновь получилъ въ свое управленіе Луцкую епархію, напалъ съ войскомъ на Луцкую каедрю, опустошилъ ее и принадлежавшія ей имѣнія и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ въ Луцкой епархіи настоятеля Колодеженскаго монастыря Юлія Холодовскаго, съ предоставленіемъ ему права обозрѣнія церквей, поновленія и освященія ихъ. Въ званіи управляющаго Луцкой епархіей, Шумлянскій завѣдываетъ волынскими монастырями Туминскимъ, Дубицкимъ и другими ⁴²²), ставитъ настоятелей и іеромонаховъ въ монастыри Овручскій, Загоровскій, Луцкій, Бѣлостоцкій, Почаевскій и другіе ⁴²³), хотя, конечно, монашествующіе этихъ монастырей могли и не знать о тайномъ уніатствѣ Іосифа Шумлянскаго.

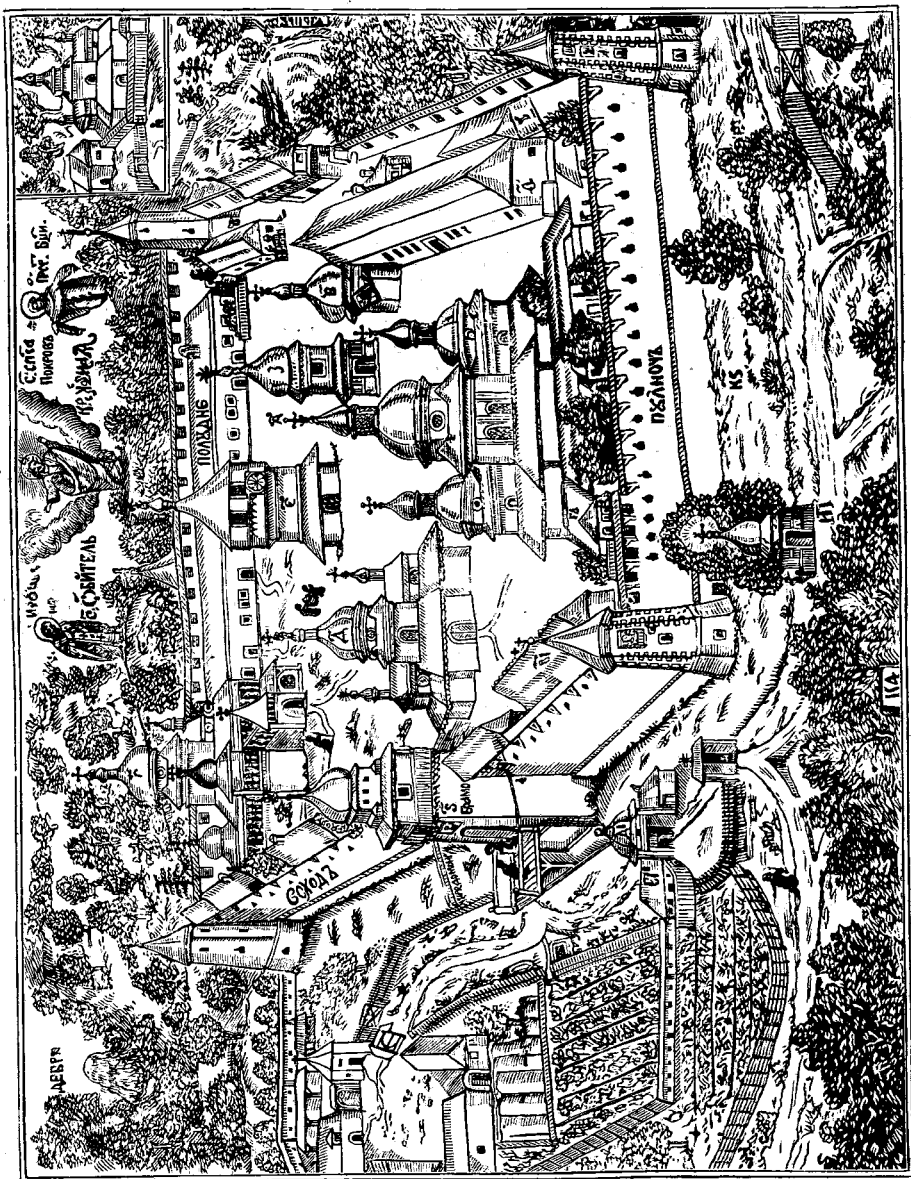
Совращенію православныхъ въ унію помогали также, въ своихъ видахъ, открытые уніатскіе епископы, католическое духовенство, помѣщики и дворяне. Въ 1682 году принятъ былъ въ унію холмскимъ уніатскимъ епископомъ Яковомъ Сушею архимандритъ Мѣлецкаго монастыря Стефанъ Горяинъ, вмѣстѣ со всею братією монастыря. Въ 1698 году уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Шлюбичъ-Заленскимъ насильно совращены были въ унію православныя монастыри Владиміро-Волынской епархіи Низкиничскій, Зимненскій, женскій Благовѣщенскій въ селѣ Поповкѣ близъ Владиміра и другіе ⁴²⁴).

Съ своей стороны, католическое духовенство и своевольное дворянство въ Польшѣ, частію по ревности къ католичеству и уніи и нена-

висти къ православію, частію по корыстолюбію, преслѣдовало православныхъ и тѣмъ принуждало ихъ къ уни. Такъ на примѣръ, шляхтичи Гуляницкіе и Минцовскіе захватили, безъ всякаго права, имущество, отказанное по завѣщанію въ пользу Кременецкаго братства, и обратили его въ свою личную пользу. Въ Овручѣ доминиканскіе монахи не только присвоили себѣ пахатныя земли, принадлежавшія православному монастырю, но и захватили мѣста, принадлежавшія монастырю въ самомъ городѣ, съ православною церковію ⁴²⁵). Въ 1671 году настоятель одного изъ Овручскихъ православныхъ монастырей прелодобный Макарій Токаревскій отъ насилій католиковъ принужденъ былъ оставить свой монастырь и назначенъ былъ настоятелемъ Каневскаго монастыря, гдѣ въ 1678 году потерпѣлъ отъ татаръ мученическую кончину ⁴²⁶). Въ Острогѣ градскій подстароста Ледуховскій отнялъ у православной Николаевской церкви земли, отказанныя въ ея пользу еще въ XIV вѣкѣ князьями Острожскими. Владѣлецъ села Загаецъ, Кременецкаго уѣзда, Блендовскій, отнялъ земли у Загаецкаго православнаго монастыря, записанныя ему основательницей его Ириною Ярмолинскою. Каждый православный, особенно духовное лицо, былъ ежеминутно въ опасности подвергнуться самымъ безчеловѣчнымъ оскорбленіямъ и обидамъ отъ изувѣрной польско-католической шляхты. Въ селѣ Вельбовномъ, близъ Острога, въ храмовой праздникъ, проѣзжавшій мимо со своею дворней дворянинъ Криштофъ Манецкій въѣхалъ верхомъ въ толпу, вышедшую изъ церкви, избилъ священника Стефана Петрыковскаго и, когда прихожане успѣли освободить изъ его рукъ священника и отвести домой. — Манецкій подѣхалъ къ дому священника и чрезъ окно ранилъ его стрѣлой въ глазъ. Пока несчастный мучился въ предсмертныхъ судорогахъ, Манецкій успѣлъ написать отъ его имени себѣ же самому росписку, въ которой священникъ будто-бы заявлялъ, что не имѣетъ къ нему никакихъ притязаній и считаетъ Манецкаго непричастнымъ въ своей кончинѣ. Затѣмъ Манецкій заявилъ эту росписку въ ближайшемъ городѣ и спокойно отправился въ дальнѣйшій путь. При такихъ отношеніяхъ дворянъ къ представителямъ православія, нельзя было ожидать отъ первыхъ никакого уваженія къ православной святынѣ. Въ Овручскомъ повѣтѣ вооруженная панская челядь, отправившись на заѣздъ противъ помѣщика-сосѣда, овладѣла церковію въ его имѣніи селѣ Квасовой, расположилась въ ней ночевать, раскладывала костры и разводила огонь въ самомъ зданіи и, удаляясь

на другой день, ограбила ее совершенно. Въ селѣ Ласкахъ, близъ Овруча, польскіе солдаты ворвались съ оружіемъ въ домъ священника и принялись истязать его. Спасаясь отъ нихъ, священникъ искалъ убѣжища въ церкви, но солдаты послѣдовали за нимъ и у алтаря разрубили ему голову. Владѣльцу одного села, находящагося вблизи Кременца, понадобился строевой матеріалъ. Онъ отправилъ работниковъ на кладбище Кременецкой Воскресенской церкви, приказавъ имъ разбить надгробныя плиты и кресты и перевезти ихъ въ свое имѣніе. Особенно часто случалось изгнаніе священниковъ помѣщиками изъ приходоу и требованіе отбыванія барщины въ пользу помѣщика. Въ то время, когда духовенство испытывало повсемѣстное тяжелое гоненіе отъ шляхтичей, православные дворяне постепенно переходили въ католичество и становились ревностными поборниками уніи и противниками православія. При этомъ случалось такъ, что одна часть извѣстнаго дворянскаго рода, совратившись въ унію или католичество, старалась совратить и основанный ихъ предками православный монастырь или храмъ и нападала на него, тогда какъ другая часть, оставаясь вѣрною православію, защищала и всѣми мѣрами отстаивала его. Такъ было съ православными монастырями женскимъ Селецкимъ, нынѣ Овручскаго уѣзда, и мужскимъ Бѣлостоцкимъ, Луцкаго уѣзда ⁴²⁷). Иные помѣщики прямо предписывали находившимся въ ихъ имѣніяхъ монастырямъ и церквамъ принять унію, или обращали въ нее насильно. Въ 1690 году князь Николай Святополкъ-Четвертинскій, записавъ Туминскому монастырю 30,000 злотыхъ польскихъ, завѣщаетъ ему быть въ послушаніи римскому папѣ ⁴²⁸).

Совокупными усиліями польскаго правительства, тайныхъ и явныхъ уніатовъ, польско-католическаго духовенства и шляхты, въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій XVII вѣка унія распространилась въ юго-западной Россіи болѣе, чѣмъ въ продолженіе почти цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Негласное принятіе уніи епископами, продолжавшими выдавать себя за православныхъ, разрывъ прямыхъ сношеній съ Кіевскою митрополіею, гоненіе, направленное шляхтичами на сельское духовенство, захватъ монастырей или отнятіе у нихъ средствъ къ существованію, раздоръ, поселенный въ дворянскихъ православныхъ семействахъ, отклоненіе отъ братствъ болѣе видныхъ членовъ общаніемъ дворянскихъ правъ и при всемъ этомъ неопредѣленность положенія,

Кременецкій Преображенскій монастирь, близь г. Львова.

среди котораго невозможно было точно указать лицъ, принадлежавшихъ къ униі или отвергавшихъ ее, — всѣ эти обстоятельства не давали православнымъ возможности образовать надежное противодѣйствіе латиноуніатскимъ притязаніямъ и вѣрную защиту отъ нихъ. Немедленно послѣ съѣзда 1680 года, православныя церковныя братства пытаются стать опять во главѣ противодѣйствія униі; но теперь они не находятъ опоры ни въ дворянствѣ, ни въ казачествѣ, какъ это было прежде, въ началѣ XVII вѣка. На съѣздѣ 1680 года представители православныхъ братствъ и духовенства не могли остановить вниманія ни на одной мѣрѣ для противодѣйствія униі, — мѣрѣ, сколько нибудь дѣйствительной. Они повторили обязательство стоять за православіе, но не находили средствъ для того, чтобы обобщить свою борьбу и указать успѣшныя для нея приемы. Поэтому борьба съ унией большею частію велась въ разбивку, въ отдѣльныхъ, единичныхъ случаяхъ, и опиралась почти исключительно на стойкости и непреклонности духовныхъ лицъ и отдѣльныхъ приходо-
довъ. Прихожане продолжаютъ вездѣ, гдѣ представлялась возможность, пользоваться стариннымъ правомъ выбора приходскаго священника и стараются направлять выборъ такъ, чтобы избѣгать лицъ, склонныхъ къ униі. Въ овручскомъ полѣсѣ околичныя шляхтичи ревностно стоявшіе за православіе, зорко слѣдили за поведеніемъ духовенства въ своей мѣстности и, при малѣйшей наклонности къ униі, старались выжить сомнительное лицо и замѣнить его болѣе благонадежнымъ ⁴²⁹). Въ 1690 году Владиміро-Волынское братство отстаивало двѣ православныя церкви отъ покушеній на нихъ со стороны униатскаго митрополита За-
ленскаго ⁴³⁰).

Наиболѣе дружное и успѣшное противодѣйствіе вводимой униі оказали луцкіе православныя дворяне и духовенство. Въ 1695 году, по смерти луцкаго епископа Аванасія Шумлянскаго, они единогласно выбрали въ луцкіе православныя епископы писаря городскаго луцкаго и подстаросту кременецкаго Димитрія, въ иночествѣ Діонисія Жабокрицкаго, который еще прежде извѣстенъ былъ своею ревностію къ православію, начитанностію и ученостію ⁴³¹). Еще до избранія своего въ епископы онъ содѣйствовалъ возстановленію и благоустроенію Кременецкаго Богоявленскаго братства ⁴³²). Немедленно послѣ избранія Жабокрицкаго, король Янъ III Собѣскій вошелъ съ нимъ въ сношеніе, надѣясь склонить его ласкою къ содѣйствію видамъ правительства и принятію униі, а пре-

емникъ Собѣскаго Августъ II, по просьбѣ Жабокрицкаго и въ надеждѣ на его совращеніе, отдалъ ему Овручскую архимандрію и монастыри Гоцанскій на Волыни и Подгорецкій въ нынѣшней Галиціи. Но Жабокрицкій не поддался соблазну и оставался твердымъ въ православіи. Къ сожалѣнію, Діонисій Жабокрицкій, какъ двоеженецъ или, точнѣе, женатый на вдовѣ, не могъ, по постановленіямъ православной церкви, быть посвященъ въ санъ епископа. Въ крайности, онъ обратился за рукоположеніемъ къ мармарошскому епископу Іосифу и отъ него получилъ посвященіе въ санъ епископа: но посвященія этого не признали дѣйствительнымъ ни уніаты, ни православные. Іосифъ Шумлянскій, открыто возобновившій присягу на унію въ 1700 году, упрекалъ Жабокрицкаго въ самозванствѣ, въ нарушеніи каноническихъ правилъ, и пожаловался королю, что Жабокрицкій обманулъ короля и злоупотребилъ его довѣріемъ, выпросивъ у него грамоты на такіе монастыри, которые раньше уже были пожалованы покойнымъ королемъ другимъ лицамъ. Не находя нигдѣ для себя поддержки, Діонисій Жабокрицкій принялъ въ 1702 году унію и признанъ былъ въ санъ уніатскаго луцкаго епископа. Король вознаградилъ Жабокрицкаго значительнымъ расширеніемъ его власти, предоставивъ въ его вѣдѣніе всѣ церкви и монастыри, находившіеся въ королевскихъ имѣніяхъ въ предѣлахъ Польши ⁴³³). По сдѣлкѣ, заключенной въ 1703 году между уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Заленскимъ и Діонисіемъ Жабокрицкимъ, послѣдній возвращаетъ Заленскому всѣ владимірскія церкви и другія во Владимірскомъ повѣтѣ, также монастыри Загоровскій, Торопинскій, Поповскій женскій, Зимненскій, Низкиничскій, протопоніи Локачскую и Турійскую; а Заленскій отдаетъ Жабокрицкому протопоніи Кременецкую и Збаражскую, всѣ церкви въ Луцкѣ и въ повѣтахъ Луцкомъ и Кременецкомъ ⁴³⁴).

Послѣ смерти Іосифа Шумлянскаго († 1708 г.), уніатская іерархія передала въ управленіе Жабокрицкому уніатскія церкви и имѣнія уніатскихъ митрополитовъ, находившіяся въ Кіевскомъ воеводствѣ, гдѣ уніаты не успѣли пока основать отдѣльной епархіи ⁴³⁵). Но собственная паства Жабокрицкаго плохо ему повиновалась. Настоятель Почаевскаго монастыря, Саевичъ, и самъ оставался непреклоннымъ въ православіи, и другихъ отклонялъ отъ повиновенія Жабокрицкому. Іеромонахъ Никодимъ Лозицкій, выбранный и назначенный Жабокрицкимъ въ настоятели Мѣлецкаго монастыря, не хотѣлъ ѣхать къ мѣсту своего назна-

ченія ⁴³⁶). Волынскіе православные дворяне, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1704 года, по случаю войны съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, многія области Польши заняты были союзными ей русскими войсками, — смѣлѣе стали противодѣйствовать уніатамъ и угрожали наказать отступниковъ отъ православія. Чувствуя неловкость своего положенія, Діонисій Жабокрицкій увезъ священныя вещи Луцкаго собора и свои собственныя, для сбереженія, въ село Жеревцы, Овручскаго уѣзда, а самъ удалился на время въ Венгрію. Въ его отсутствіе, отрядъ польскихъ солдатъ, по наущенію православныхъ дворянъ Немиричей, ворвался въ Жеревцы и ограбилъ оставленное Жабокрицкимъ имущество. Наконецъ, когда въ 1708 году Діонисій Жабокрицкій возвратился изъ Венгріи въ свою епархію, его собственные ближайшіе родственники успѣли захватить его въ 1709 году и передать въ распоряженіе русскимъ властямъ. Жабокрицкій былъ немедленно отправленъ въ ссылку, гдѣ вскорѣ и умеръ.

По удаленіи Жабокрицкаго, православные дворяне Волынскаго и Кіевскаго воеводства рѣшились еще разъ возобновить избраніе епископа и, по совѣту короля, избрали въ этотъ санъ Кирилла Шумлянскаго. Не смотря на то, что онъ былъ сынъ тайнаго уніата, бывшаго луцкаго епископа Аванасія, Кириллъ Шумлянскій однакоже отправился для рукоположенія не во Львовъ, а въ Кіевъ, къ православному митрополиту. Но этотъ православный епископъ уже не могъ удержаться на Волыни, среди всевозможныхъ гоненій отъ польскаго правительства, уніатскаго и католическаго духовенства и дворянства, бѣжалъ въ Кіевъ и, чрезъ посредство канцлера Головкина, обратился съ жалобою къ Петру I. Русскій государь сдѣлалъ представленіе польскому королю о Кириллѣ Шумлянскомъ, но это представленіе оставлено безъ отвѣта. Въ замѣнъ Луцкой епархіи, Кириллъ Шумлянскій получилъ отъ русскаго правительства Переяславскую епархію, на которой и скончался въ 1726 году, до самой смерти своей оказывая посильную помощь православію, гонимому въ предѣлахъ Польши.

Съ тѣхъ поръ на Волыни, до самаго возсоединенія ея съ Россіей, уже не было своего особаго православнаго архіерея. Духовнымъ нуждамъ православныхъ въ русекихъ областяхъ Польши удовлетворяли частію единственный остававшійся въ польскихъ областяхъ бѣлорусскій епископъ, частію епископъ переяславскій въ качествѣ коадьютора

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

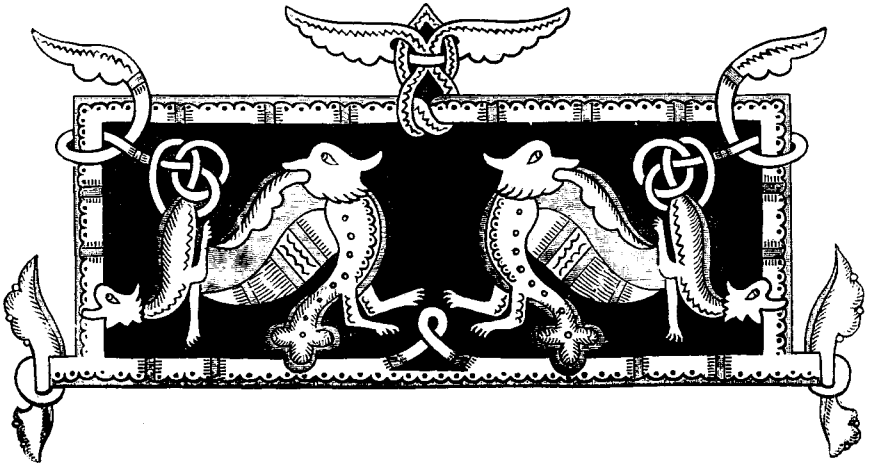
(викарія) кievскаго митрополита, которому, по договору Россіи съ Польшей въ 1686 году, сохранено право духовной власти надъ всѣми православными Польскаго государства ⁴³⁷). На основаніи этого же договора, русскіе государи, до самаго паденія Польши, постоянно ходатайствовали и заступались передъ польскимъ правительствомъ за православныхъ жителей Польши, хотя ихъ ходатайства весьма часто не уважались и не приносили существенной пользы православнымъ.

По удаленіи изъ Волыни послѣдняго православнаго епископа, православіе быстро стало упадать въ этой странѣ и къ половинѣ XVIII столѣтія было почти совершенно уничтожено здѣсь по наружности. Дольше другихъ держались въ православіи Почаевская обитель и Луцкое Крестовоздвиженское братство. Послѣднимъ православнымъ игуменомъ почаевскимъ былъ Лука Пелеховскій, который около 1720 года удалился изъ Почаева и основалъ Виноградскій монастырь въ нынѣшней Полтавской губерніи ⁴³⁸). Что же касается Луцкаго Крестовоздвиженскаго братскаго монастыря, то настоятель его только съ 1730 года сталъ именоваться «суперіоромъ» вмѣсто игумена ⁴³⁹). Истребленію православія на Волыни не мало содѣйствовалъ луцкій католическій епископъ Стефанъ Рупневскій или Рупіевскій. Въ 1722 году папскій нунцій въ Польшѣ архіепископъ Сантини писалъ ему слѣдующее: «жалобю своею весь городъ наполняютъ священники греческаго закона и плачутся какъ объ изгнаніи своемъ изъ епархій, такъ и о лишеніи имѣнія своего по твоему, пречестнѣйшій владыко, повелѣнію». Сантини убѣждалъ этого католическаго изувѣра быть справедливымъ къ православнымъ, такъ какъ они имѣютъ своимъ защитникомъ русскаго государя ⁴⁴⁰). Къ 1747 году вся западная Волынь совращена была въ унию; но въ восточной ея половинѣ окolicная шляхта овручская утратила православіе уже во второй половинѣ XVIII вѣка ⁴⁴¹). Отсюда же началось въ послѣдствіи времени, въ царствованіе Екатерины II, и движеніе въ пользу воссоединенія униатовъ съ православною церковію.

Съ постепеннымъ введеніемъ униі на Волыни, страна, повидимому, должна была бы успокоиваться, такъ какъ желательное для польскаго правительства и польско-католиковъ единеніе въ вѣрѣ съ русскимъ народонаселеніемъ, повидимому, достигалось. Но на самомъ дѣлѣ этого успокоенія далеко не было. Тѣ власти, сословія и лица,

которыя обнаруживали особенную ревность къ распространенію уніи и насаждали ее всѣми правдами и неправдами, сами не вѣрили въ ея пользу и душеспасительное значеніе и смотрѣли на нее только какъ на средство къ распространенію католичества и какъ на переходную ступень къ нему. По этому въ тѣхъ русскихъ областяхъ Польши, гдѣ уніа успѣла болѣе или менѣе прочно утвердиться, начинаютъ предприниматься мѣры къ тому, чтобы вызвать переходъ изъ уніи въ католичество.

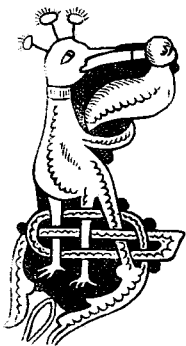

Глава восьмая.

Сближеніе уніи съ католичествомъ и паденіе Польши.

Замыслы объ окатоличеніи уніатовъ.—Замостьскій соборъ 1720 года и сближеніе уніи съ католичествомъ.—Партіи въ уніи: монашеская—базиліанская и свѣтская.—Сближеніе базиліанъ съ католиками и ихъ дѣйствія на Волыни.—Остатки православія у бѣлаго духовенства и мірянъ; преслѣдованіе и униженіе бѣлаго духовенства.—Проекты совращенія уніатовъ въ католичество, постройка новыхъ костеловъ и кляшторовъ, насильственные мѣры къ совращенію уніатовъ въ католичество.—Заступничество Екатерины II за православныхъ въ Польшѣ; стремленіе волынскихъ уніатовъ къ православію; смуты въ Украинѣ и на Волыни.—Второй и третій раздѣлы Польши и воссоединеніе Волыни съ Россіей

Ъ ДѢЛѢ окатоличенія русскихъ уніатовъ весьма важное значеніе имѣли постановленія уніатскаго замостьскаго собора 1720 года, созданнаго по желанію уніатскаго митрополита Льва Кишки и происходившаго подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція Иеронима Гримальди. Этотъ соборъ имѣлъ свою цѣлю ввести нѣкоторыя католическія особенности въ уніатскую церковь и такимъ образомъ сближить ее съ латинскою церковію. На немъ положено было преобразовать все уніатское монашество по образцу монашества римско-католическаго, приняты были уніатами утвержденное папою Урбаномъ

VIII исповѣданіе вѣры, съ прибавленіемъ словъ «и отъ Сына», и ученіе о непогрѣшимости папы, и признаны восьмой якобы вселенскій соборъ, бывшій противъ цареградскаго патріарха Фотія, и сдѣланныя на этомъ соборѣ католическія нововведенія. Рѣшено было также, чтобы имя папы римскаго внесено было въ помянники и возносимо было на литургіи во время перенесенія даровъ внятно, громко и ясно. Вводя такимъ образомъ католическое вѣроученіе въ русскую униатскую церковь, соборъ занялся исправленіемъ греческаго обряда и приближеніемъ его къ латинскому обряду. Сохранивъ нѣкоторые древніе обычаи восточной церкви, замостьскій соборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ приобщать младенцевъ, уничтожилъ употребленіе губокъ для вытиранія дискаса и собиранія положенныхъ на немъ частицъ, и велѣлъ вытирать дискосъ пальцемъ, какъ это дѣлается въ латинской церкви; отмѣнилъ обычай вливать теплоту въ чашу предъ причащеніемъ и совѣтовалъ ввести во всеобщее употребленіе читанныя или шептанныя литургіи, не поставляя однако же этого въ непремѣнную обязанность духовенству ⁴⁴²).

Тотчасъ же послѣ замостьскаго собора началось примѣненіе его постановленій къ церковной жизни униатовъ и окатоличеніе униатской церкви. Въ 1726 году униатскій митрополитъ Левъ Кишка собралъ въ Житомирѣ волынское духовенство и предъявилъ ему для руководства постановленія замостьскаго собора ⁴⁴³). По приказанію римской конгрегаціи о распространеніи вѣры отъ 20 ноября, 1728 года, папскій нунцій назначилъ въ 1729 году комиссію изъ двухъ латинскихъ канониковъ, двухъ доминиканъ и двухъ іезуитовъ для пересмотра русскихъ богослужебныхъ книгъ, съ приглашеніемъ въ нее двухъ русскихъ священниковъ Діонисія Макевича и Іосифа Нарольскаго. Эта комиссія пересмотрѣла въ 1730 и 1731 годахъ русскія церковныя книги и устранила изъ нихъ все, что не согласовалось съ римскимъ вѣроисповѣданіемъ. Сообразно съ работами и замѣчаніями этой комиссіи, униатскій митрополитъ Аѳанасій Шептицкій издалъ во Львовѣ окружное посланіе, въ которомъ, подъ угрозою низложенія, повелѣвалъ монашествующему и бѣлому духовенству въ теченіи восьми недѣль исправить всѣ церковныя книги. При этомъ онъ указывалъ, въ какихъ именно книгахъ, какія мѣста и какимъ образомъ исправить, повелѣвая въ однихъ «тое слово или мѣсто вымазати», другое «выняти и выки-

нуги», въ другихъ такіа или инья мѣста, вырванныя или вымазанныя, замѣнить другими ⁴⁴⁴).

Всѣ эти и другія католическія нововведенія въ уніатскую церковь на первыхъ порахъ не находили сочувствія въ большинствѣ уніатскаго духовенства и мірянъ въ южнорусскихъ областяхъ Польши и въ частности на Волыни. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ литовскихъ уніатскихъ монаховъ - базилианъ, мало по малу образуются здѣсь между уніатами двѣ противоположныя и даже враждебныя одна другой партіи: монашеская базилианская и свѣтская. Первая старается послѣдовательно провести въ свою жизнь католическія начала, тѣснѣе сблизиться съ польско-католиками и заслужить ихъ расположеніе и милость, — тогда какъ уніатское бѣлое духовенство и міряне дорожатъ еще православными преданіями, отстаиваютъ ихъ отъ польско-католическихъ покушеній и за это подвергаются отъ польско-католиковъ и даже базилианъ различнымъ униженіямъ, оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ. Такимъ образомъ унія раздѣлилась на себя и не могла устоять.

Одною изъ важныхъ мѣръ къ окатоличенію уніатскаго монашества было соединеніе всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базилианскій орденъ или чинъ св. Василія Великаго и устройство этого ордена по образцу католическихъ монашескихъ орденовъ. Начало базилианскому ордену въ юго-западной Россіи положено было еще въ первой четверти XVII вѣка, при уніатскомъ митрополитѣ Ипатіѣ Поцѣѣ, Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ, который, сдѣлавшись преемникомъ Поцѣя на уніатской митрополіи, ввелъ въ составъ этого ордена до 30 уніатскихъ монастырей. Но эти монастыри почти исключительно находились въ предѣлахъ Литвы, тогда какъ монастыри южнорусскихъ областей Польши или оставались православными, или подчинялись мѣстнымъ уніатскимъ епископамъ. Въ концѣ XVII вѣка въ базилианскомъ орденѣ было уже до 50-ти уніатскихъ монастырей и между ними только до восьми монастырей на Волыни, а именно: игуменскіе Владимірскій и Шумскій и архимандритскіе Жидичинскій, Дубенскій Спасскій съ Дубенскимъ же Крестовоздвиженскимъ, Дерманскій, Дорогобужскій и Мѣлецкій. Притомъ-же, архимандритскіе монастыри не имѣли тѣсной связи съ базилианскимъ орденомъ, такъ какъ настоятели ихъ — архимандриты причислялись къ высшей духовной іерархіи и подчинялись мѣстнымъ епископамъ и митрополиту, а не орденскому начальству ⁴⁴⁵).

Київський митрополитъ
Діонисій Балабанъ.

Въ 1709 году литовскіе базилиане хотѣли - было присоединить къ своему ордену галиційскіе уніатскіе монастыри, но послѣдніе предпочли оставаться подъ властію своихъ мѣстныхъ епископовъ ⁴⁴⁶). На замостьскомъ соборѣ 1720 года постановлено было соединить всѣ уніатскіе монастыри епархій Владимірской, Луцкой, Холмской, Львовской и Перемышльской въ особый монашескій союзъ, отдѣльный отъ литовскаго базилианскаго ордена, подъ управленіемъ своего генерала или протоархимандрита. Но литовскіе базилиане, гордые своею столѣтнею принадлежностію ордену, своею опытностію и заслугами уніи и католичеству, не желали раздѣльнаго существованія въ Польшѣ двухъ базилианскихъ орденовъ и старались о соединеніи ихъ въ одинъ орденъ, съ тѣмъ, чтобы удержать въ немъ за собою господствующее или, по крайней мѣрѣ, первенствующее положеніе. Они удержали за собою 12 монастырей, еще прежде присоединенныхъ къ ордену, но находившихся внѣ предѣловъ Литвы, и успѣли добиться того, что папа, освободивъ всѣхъ уніатскихъ монаховъ отъ подчиненія мѣстнымъ епископамъ и даже митрополиту и принявъ ихъ непосредственно подъ свою власть, образовалъ изъ всѣхъ уніатскихъ монаховъ въ Польшѣ одинъ базилианскій орденъ, но съ раздѣленіемъ его на двѣ провинціи, Литовскую и Польскую или Русскую, подъ управленіемъ одного генерала или протоархимандрита. Базилианскій генераль избирался поочередно изъ обѣихъ провинцій, сначала на восьмилѣтній, а потомъ на четырехлѣтній срокъ. Мѣстопробываніемъ для генерала изъ Польско-Русской провинціи былъ Почаевскій монастырь. Такъ какъ въ новоучрежденной Русско-Польской базилианской провинціи много было бѣдныхъ монастырей, то папа, примѣнительно къ постановленіямъ тридентскаго собора, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы оставлены были самостоятельными только такіе монастыри, которые могли содержать до 10-ти или, по крайней мѣрѣ, до 8-ми монаховъ, а остальные бѣднѣйшіе или приписаны къ другимъ самостоятельнымъ монастырямъ, или совершенно упразднены, а имущества ихъ переданы въ распоряженіе мѣстныхъ епископовъ. Вслѣдствіе этого на дубенскомъ базилианскомъ съѣздѣ 1745 года положено было оставить самостоятельными, въ предѣлахъ нынѣшней Волыни, слѣдующіе монастыри: Почаевскій, Загаецкій, Мильчанскій, Луцкій каедральный, Луцкій братскій Крестовоздвиженскій, Бѣлостокскій, Загоровскій, Низкиничскій, Мѣлецкій, Гоцанскій, Любарскій и Овручскій.

Кромѣ того, къ литовской базилианской провинціи отчислены волынскіе монастыри: Жидичинскій, Владимірскій, Дерманскій, два Дубенскихъ и Дорогобужскій. Приписаны къ другимъ монастырямъ: Кременецкій и Стоженскій—къ Загаецкому, Стракловскій и Перекальскій—къ Мильчавскому, Поддубецкій—къ Луцкому кафедральному, Туминскій и Четвертинскій—къ Луцкому братскому, Волевинскій и Городисскій—къ Загоровскому, Зимненскій и Торопинскій—къ Низкиничскому, Городищенскій—къ Гошанскому, Колодеженскій—къ Любарскому, Тригурскій и Красногурскій—къ Билиловскому. Предназначены къ уничтоженію монастыри: Львовскій, Звинячскій, Крупецкій и другіе. Въ послѣдствіи времени нѣкоторыя изъ приписныхъ монастырей сдѣлались самостоятельными, на примѣръ Кременецкій, и основанъ былъ въ 1763 году новый Погинскій или Пугинскій монастырь въ Ковельскомъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ Волынь покрыта была довольно густою сѣтью базилианскихъ монастырей, большая часть которыхъ имѣла при себѣ приходы и чрезъ это непосредственно вторгалась въ епархіальное управленіе, хотя сама и не зависѣла отъ него. На первыхъ порахъ базилиане русско-польской провинціи, не утратившіе еще преданій восточной церкви, опасались слишкомъ большаго усердія литовскихъ базилианъ и на дубенскомъ сѣздѣ 1743 года постановили условіе, чтобы въ монастыряхъ обѣихъ провинцій строго и ненарушимо соблюдались обряды и обычаи восточной церкви. Но послѣдующія монашескія поколѣнія, подъ вліяніемъ и руководствомъ литовскихъ базилианъ, все болѣе и болѣе перенимали порядки другихъ монашескихъ орденовъ латинской церкви и окатоличивались, принимали даже въ свой составъ чистыхъ латинянъ и въ то же время заявляли притязанія на избраніе изъ ихъ среды и при ихъ участіи уніатскихъ архимандритовъ, епископовъ и самого митрополита. По польскимъ законамъ и обычаямъ, церковныя высшія должности должны были раздаваться только людямъ шляхетскаго происхожденія. Вслѣдствіе этого, всѣ мѣста монастырскихъ настоятелей, игуменовъ и другихъ должностныхъ лицъ ордена замѣщались почти исключительно монашескою шляхтою, которая и подъ монашескою одеждою сохраняла свои шляхетскіе обычаи и замашки и стремилась создать изъ ордена свою монашескую республику, на подобіе Речи-Посполитой польской. Что для свѣтской шляхты были поль-

скіе сеймы, то для монашествующей шляхты общіе и частныя сѣзды или капитулы. Тамъ и здѣсь происходили шумныя сцены и безпорядки; тамъ и здѣсь члены сеймовъ и капитулъ раздѣлялись на партіи, подъ предводительствомъ какого либо свѣтскаго или монашествующаго вельможи, который на свой счетъ поилъ и кормилъ своихъ сторонниковъ и покупалъ ихъ голоса. Монашествующіе вельможи забывали о данномъ ими обѣтѣ недомогательства высшихъ должностей и, собираясь на общіе сѣзды, запасались превосходными винами, дабы пріобрѣсть сторонниковъ и быть выбранными на хорошую должность. Какъ въ Речи-Посполитой польской вельможи и шляхта постепенно ограничивали королевскую власть, расширяли свои права и вольности и въ то же время своевольничали въ своихъ имѣніяхъ и угнетали низшій классъ народа: такъ и въ базилианскомъ ордѣ монашествующая знать, имѣвшая право голоса на сѣздахъ или капитулахъ, расширяла свои собственныя права и преимущества и въ то же время съ низшими монахами обращалась какъ съ хлопами и рабами.

Къ числу преимуществъ базилианскаго ордена принадлежали разныя папскія индульгенціи или «одпусты», юбилеи, миссіи и т. п. чисто латинскаго происхожденія. Они служили звеномъ, соединявшимъ базилианъ съ католиками до совершеннаго безразличія между восточнымъ, греческимъ и западнымъ римскимъ обрядами. Католическіе миссіонеры во время своихъ миссій нерѣдко совершали литургіи на русскихъ униатскихъ антиминсахъ и употребляли униатскіе священныя сосуды, и наоборотъ — русскіе священники служили иногда на католическихъ каменныхъ доскахъ, замѣняющихъ православныя антиминсы.

Въ 1772 году, послѣ перваго раздѣла Польши между сосѣдними державами, распался и базилианскій орденъ на нѣсколько частей, изъ коихъ одна часть (Галиція) отошла къ Австріи, а другая (Бѣлоруссія) — къ Россіи. Вслѣдствіе этого, вмѣсто прежнихъ двухъ базилианскихъ провинцій Литовской и Русско-Польской, теперь явились четыре провинціи: Литовская, Бѣлорусская, Польская или Русская и Галиційская, при чемъ отошедшія къ сосѣднимъ державамъ провинціи Бѣлорусская и Галиційская должны были прервать живое общеніе съ провинціями, оставшимися въ Польшѣ. Но за то эти послѣднія воспользовались нѣкоторымъ наслѣдствомъ изгнанныхъ въ 1773 году изъ Польши иезуитовъ и постарались замѣнить ихъ собою для Польши. Чрезъ упол-

номоченныхъ своихъ Пасхазія Лещинскаго и Иларіона Комарницкаго, базилиане обратились къ польскому королю съ просьбою объ уступкѣ имъ нѣкоторыхъ поіезуитскихъ зданій, съ обязательствомъ принять на себя лежавшія на іезуитахъ обязанности по воспитанію свѣтскаго юношества. Просьба ихъ была отчасти удовлетворена. Всѣ поіезуитскія имѣнія въ 1775 году переданы были вновь учрежденной въ Польшѣ комиссіи народнаго просвѣщенія, которая въ разныя времена передала базилианамъ нѣсколько поіезуитскихъ зданій и имѣній. Такъ напри- мѣръ, въ 1783 году они получили овручскія поіезуитскія школы, около того же времени—поіезуитскій Острожскій монастырь, въ 1786 году владимірскія поіезуитскія зданія. Вслѣдъ за тѣмъ и прежнія обще- ственныя базилианскія школы Владиміро-Волынская, Любарская и Го- щанская, наравнѣ съ поіезуитскими, подчинены были вѣдѣнію комис- сіи народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи времени нѣкоторыя изъ базилианскихъ свѣтскихъ школъ возведены были въ шестиклас- сныя. Такихъ шестиклассныхъ базилианскихъ школъ въ концѣ XVIII вѣка было до 12-ти и въ числѣ ихъ школы Любарская, Острожская, Овручская и Владимірская. Вслѣдствие миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности своей, направленной къ окатоличенію мѣстнаго русскаго населенія, базилиане такъ понравились ополяченной шляхтѣ волын- ской, что въ 1789 и въ 1790 годахъ, когда польскимъ правитель- ствомъ поднятъ былъ вопросъ объ ограниченіи правъ и преимуществъ базилианъ, она на сеймикахъ своихъ луцкомъ и житомирскомъ по- ручила своимъ посламъ ходатайствовать за базилианъ, дабы орденъ базилианскій могъ стать духовнымъ руководителемъ русскаго народа и смирить его строптивость⁴⁴⁷). Вскорѣ эти «духовные руководители русскаго народа» вполнѣ оправдали надежды, возлагавшіяся на нихъ поляками, и участвовали въ польскихъ повстаніяхъ противъ русскаго правительства, которому они только-что присягали на вѣрность под- данства. Овручскій базилианскій архимандритъ Охонскій въ 1794 году содѣйствовалъ возстанію Косцюшки и за это подлежалъ смертной каз- ни, но, взамѣнъ ея, сосланъ былъ въ Пельмы и вскорѣ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Павломъ⁴⁴⁸).

Въ противоположность базилианамъ, бѣлое уніатское духовенство и простой русскій народъ свято хранили православныя преданія подъ внѣшней оболочкой уніи и въ сущности оставались православными.

По справедливому замѣчанію каменецъ-подольскаго латинскаго епископа, всѣ уніаты — «или открытые схизматики (православные), или подозрѣваются въ схизмѣ» ⁴⁴⁹). Русское духовенство смотрѣло на навязанную ему унію какъ на случайное, временное зло, и старалось избѣгать ея при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ 1700 году уніатскій визитаторъ, соотвѣтствующій благочинному, замѣтилъ на Воляни, что одинъ уніатскій священникъ держитъ викарнымъ православнаго священника; о другомъ визитаторъ замѣчаетъ въ 1712 году, что онъ только въ праздничные дни совершаетъ уніатское богослуженіе, т. е. поминаетъ папу, а въ остальные дни совершаетъ богослуженіе православное. Въ особенности могущественно и благотворно дѣйствовалъ и на народъ и на уніатское духовенство Кіевъ. На пространствѣ большей половины XVIII столѣтія раздавались многочисленные и нерѣдко отчаянные вопли, что Кіевъ губитъ унію, что ничего нельзя сдѣлать съ привязанностію малороссовъ къ Кіеву и съ тѣми впечатлѣніями, которыя они оттуда выносятъ. Запрещая путешествія въ Кіевъ, латинско-уніатскія власти вмѣстѣ съ тѣмъ старались глубже вкоренить унію въ духовенствѣ и народѣ и рѣше отозвонить ихъ отъ православія. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII вѣка уніатскія власти разѣзжали по Малороссіи, собирали священниковъ, учили ихъ новымъ обрядамъ и непокорныхъ подвергали наказаніямъ, даже тѣлеснымъ ⁴⁵⁰). Главными наставниками и руководителями бѣлаго уніатскаго духовенства были базилиане. Имѣя въ своихъ рукахъ епископовъ, обыкновенно выходившихъ изъ базилианскаго ордена, базилиане завладѣли всѣми важными духовными должностями, какъ въ консисторіяхъ, такъ и по приходамъ, и обращались съ бѣлымъ духовенствомъ, какъ бы со своими подданными: священниковъ вязали, били и унижали всѣми способами и старались насильно окатоличить ихъ даже по внѣшнему виду. Въ 1747 году викарный генераль базилианскій Іоаннъ Лисянскій издалъ распоряженіе, чтобы уніатское духовенство приняло одежду латинскаго духовенства. Пользуясь своею властію, базилиане захватили у бѣлаго духовенства лучшіе фундуши, какъ церковные, такъ и назначенные на содержаніе школъ и семинарій, и лишили его всѣхъ средствъ и всякаго воспитанія, такъ что бѣлое духовенство состояло изъ бѣдняковъ, вышедшихъ изъ простаго народа ⁴⁵¹). А польское правительство пошло еще дальше базилианъ въ приниженіи бѣлаго уніатскаго духовенства

Кіевскій митрополитъ
Гедеонъ, князь Святополкъ-Четвертинскій.

и на сеймѣ 1764 года сдѣлало слѣдующее оскорбительное для него постановленіе: «1) священническіе сыновья не шляхетскаго происхожденія, остающіеся безъ службы и ремесла; 2) тѣ, которые бы до 15-ти лѣтъ не упражнялись въ школахъ или въ ремеслѣ, должны быть обращены въ подданство (крестьянство); 3) даже и тѣ, которые, по окончаніи наукъ, не поступили въ духовное званіе или не приписались къ цехамъ, всѣ должны быть въ подданствѣ ⁴⁵²). Положеніе приходскаго духовенства дошло до того, что наконецъ самъ Римъ заступился за уніатскихъ священниковъ, чтобы уже вовсе не отвратить ихъ отъ католичества. Въ 1753 году папа Бенедиктъ XIV обратился съ посланіемъ къ митрополиту и епископамъ уніатскимъ и писалъ имъ, что великое зло происходитъ отъ невѣжества бѣлаго духовенства, отъ пренебреженія къ нему, отъ того, что оно не допускается до духовныхъ должностей, предоставленныхъ монахамъ, которые заградили священникамъ всѣ пути къ возвышенію. Поэтому папа предписывалъ устранить такое неустройство, давать мѣста бѣлымъ священникамъ и, доставивъ цѣль ихъ честолюбію, тѣмъ самымъ заставить ихъ быть ревностнѣе ⁴⁵³). Но это предписаніе папы встрѣтило противодѣйствіе себѣ со стороны базилианъ и высшаго католическаго духовенства. Около 1772 года представители базилианскаго ордена и львовскій католическій епископъ Сѣраковскій старались въ Римѣ воспрепятствовать учрежденію львовскаго уніатскаго епископскаго капитула изъ лицъ бѣлаго духовенства, представляя, что они «совершенно недостойны отличія по той причинѣ, что суть лица низкаго происхожденія и мужики, которые пахутъ только землю, и потому не слѣдуетъ ихъ украшать крестомъ и уравнивать съ латинянами» ⁴⁵⁴). Сѣраковскій пошелъ еще далѣе и предлагалъ совершенно уничтожить унію и превратить ее въ католичество. Въ своей запискѣ о способѣ дѣйствій для католическаго духовенства онъ утверждалъ, что унія, хотя и пользовалась терпимостію въ католической церкви, но она не представляетъ надлежащей полноты и чистоты вѣроученія; что уніаты слишкомъ еще тѣсно связаны съ восточною церковію преданіями, обрядами, святынею и народностью; что они, при каждомъ удобномъ случаѣ, могутъ перейти обратно въ православіе, и что, вслѣдствіе этихъ соображеній, должно поспѣшить перевести ихъ прямо въ латинство; для того слѣдуетъ пользоваться всевозможными обстоятельствами и не опускать ни одного случая, какъ частнаго, такъ и общаго, не воспользовавшись имъ для проведенія выше-

указанной цѣли ⁴⁵⁵). А голосъ Сѣраковскаго былъ далеко не одинокимъ въ Польшѣ. Извѣстенъ пресловутый проектъ уничтоженія Руси, составленный въ 1717 году какимъ-то изувѣромъ-полякомъ. Въ «Голосѣ обывателей воеводствъ и повѣтовъ русскихъ, занесенномъ на сеймики и до сейму 1786 года», тоже предлагалось превратить уніатовъ въ римлянъ, чтобы отнять у москвитянъ надежду на ихъ возвращеніе, а потомъ, тѣсно соединивъ ихъ съ собой, сдѣлать ихъ враждебными Москвѣ ⁴⁵⁶). И эти планы объ уничтоженіи уніи и превращеніи ея въ католичество нерѣдко приводились въ исполненіе въ теченіи всего XVIII столѣтія, до конца существованія Польши.

Какъ для удовлетворенія духовнымъ нуждамъ отступниковъ отъ православія вельможъ и дворянъ, такъ и для совращенія мѣстнаго русскаго населенія въ католичество, въ обозрѣваемое время отъ смерти Богдана Хмельницкаго и до втораго и третьяго раздѣловъ Польши въ 1793 и 1795 году, въ предѣлахъ нынѣшней Волыни появляется чрезвычайное множество католическихъ костеловъ и монастырей. Въ это же время переносится изъ уступленнаго Россіи Кіева на Волынь кіевская католическая епископская кафедра, временно помѣщается въ Чудновѣ, Бердичевѣ и другихъ мѣстахъ и утверждается въ Житомирѣ ⁴⁵⁷), который становится теперь средоточіемъ польско-католическаго церковнаго и гражданскаго управленія уменьшеннаго Кіевского воеводства и получаетъ сильный польско-католическій оттѣнокъ. Со времени смерти Богдана Хмельницкаго и до 1793 года на Волыни появились слѣдующіе католическіе костелы, монастыри, миссіи и школы: въ г. Дубнѣ жевскій кармелитскій кляшторъ 1660 года, основанный Анастасією Чарнецкою ⁴⁵⁸), костель въ Яловичахъ, Дубенскаго уѣзда, 1658—1669 года, Самуиломъ Исайковскимъ, судьей луцкимъ; въ Олевскѣ, Овручскаго у., кармелитскій 1669—1670 г. Иваномъ Карломъ Немиричемъ ⁴⁵⁹); въ Городищахъ, Заславскаго у., кармелитанскій 1670 года, Подгрошевскимъ ⁴⁶⁰); въ Болкахъ, Луцкаго у., 1674 г., Самуиломъ Лещинскимъ; въ Александріи Ровенскаго у., 1675 г.; въ Млыновѣ, Дубенскаго уѣзда, 1676 г.; въ Конохахъ, Владимірскаго у., 1677 г., Вацлавомъ Гулевичемъ ⁴⁶¹); въ г. Овручѣ іезуитскій, перенесенный сюда въ 1678 году изъ Ксаверова ⁴⁶²); въ Дорогостаяхъ, Дубенскаго уѣзда, кармелитскій 1679 г., княземъ Николаемъ Львомъ Сапѣгою ⁴⁶³); въ Сельцѣ, Владимірскаго у., 1688 г., княгинією Еленою Сапѣгой ⁴⁶⁴); въ Киселивѣ, Вла-

димірскаго уѣзда, кармелитскій 1691 г., Маріанною Голуховскою ⁴⁶⁵); въ Катеринбургѣ, Кременецкаго у., 1692 г., графомъ Плятеромъ ⁴⁶⁶); въ Дубровицѣ, Ровенскаго у., костель и піарскій коллегіумъ 1695 года княземъ Дольскимъ ⁴⁶⁷); въ Топорищахъ, Житомирскаго у., 1699 г. ⁴⁶⁸); въ Турійскѣ, Ковельскаго у., 1700 г., княгинею Теофілею Любомирскою ⁴⁶⁹); въ Радзѣховѣ, Владимірскаго у., 1701 г., Оранскимъ ⁴⁷⁰); въ Межиричѣ Корецкомъ, Ровенскаго у., піарскій коллегіатскій со школами, 1700—1702 г. ⁴⁷¹); въ Тайкурахъ, Острожскаго уѣзда, 1710 г., Лаврентіемъ Пепловскимъ; въ м. Берестечкѣ, Дубенскаго у., 1711 г., Карчевскимъ ⁴⁷²); въ Луцкѣ, латинская семинарія, основанная бискупомъ Александромъ Выговскимъ († 1714 г.) ⁴⁷³); въ м. Биселинѣ, Владимірскаго у., кармелитскій женскій 1720 года; въ Куневѣ, Острожскаго уѣзда, 1722 года: въ Волочискѣ, Староконстантиновскаго уѣзда, 1722 года, кіевскимъ воеводою Потоцкимъ ⁴⁷⁴); въ Вишневецѣ, Кременецкаго у., кармелитскій 1722 г. княземъ Михаиломъ Іеремією Вишневецкимъ ⁴⁷⁵); въ Луцкѣ тринитарскій между 1723—1729 гг. ⁴⁷⁶); въ Житомирѣ іезуитскій со школами 1724 г. ⁴⁷⁷); въ Крупцѣ, Дубенскаго у., 1724 г. ⁴⁷⁸); въ Лысинѣ, Дубенскаго у., 1724 г., Адамомъ Древновскимъ; въ Бережницѣ, Луцкаго у., 1726 г., Богуславомъ Сквирмунтомъ; въ Шпановѣ, Ровенскаго у., 1727 г., кіевскимъ подчашимъ Петромъ Пепловскимъ; въ Набрускѣ, Ковельскаго у., 1727 г., Доротою Ржещицкою; въ Голобахъ, Ковельскаго у., 1728 г., подляскимъ подстолиемъ Іосифомъ Ерузальскимъ: въ Казиміркѣ, Ровенскаго у., 1729 г., княземъ Радзвилемъ; въ Буценѣ, Ковельскаго у., 1730 г.; въ Лабуні, Заславскаго у., 1731 г., княземъ Іосифомъ Любомирскимъ ⁴⁷⁹); въ Кременцѣ іезуитскій 1731 г. князьями Янушемъ и Михаиломъ Вишневецкими ⁴⁸⁰), въ Теофіполѣ, Староконстантиновскаго у., 1736 г.; въ Кривинѣ, Острожскаго у., 1737 г., княземъ Яблоновскимъ; въ Островкѣ, Ковельскаго у., 1739 ⁴⁸¹); въ Луцкѣ кармелитскій 1740 г. стольникомъ венденскимъ Антоніемъ Базальскимъ ⁴⁸²); въ Лабуні, Заславскаго у., 1745 г. ⁴⁸³); въ г. Житомирѣ кафедральный 1746 г. бискупомъ Самуиломъ Ожгою ⁴⁸⁴); въ с. Городицѣ, Заславскаго у., кармелитскій 1746 г. князьями Любомирскими ⁴⁸⁵); въ Народицахъ Овручскаго у., августинскій 1748 г. ⁴⁸⁶); въ г. Заславѣ миссіонарскій 1750 г. княземъ Сангушкомъ ⁴⁸⁷); въ Стобыхвѣ, Ковельскаго у., кармелитскій 1750 г. стольникомъ волынскимъ Михаиломъ Чарнец-

кимъ ⁴⁸⁸); въ Краснополѣ, Житомирскаго у., 1751 г., каштеляномъ вышгородскимъ Вареломеемъ Гижицкимъ ⁴⁸⁹); въ Трояновѣ, Житомирскаго у., кievскимъ подкоморіемъ Вороничемъ ⁴⁹⁰); въ Любарѣ, Новградволинскаго у., 1752 г., княземъ Любомирскимъ ⁴⁹¹); во Владимірѣ-Волынскомъ капуцинскій 1752 г. Оранскимъ ⁴⁹²); въ Аннополѣ, Острожскаго у., 1752—1753 г., кармелитскій княземъ Станиславомъ Викентіемъ Яблоновскимъ ⁴⁹³); во Владимірѣ-Волынскомъ іезуитскій 1755 г. ратненскимъ старостой Игнатіемъ Садовскимъ ⁴⁹⁴); въ Кодвѣ, Житомирскаго у., августіанскій 1757 г. Глембоцкими ⁴⁹⁵); въ Вишневцѣ, Кременецкаго у., 1757 г., Иваномъ Мнишкомъ; въ Ямполѣ, Кременецкаго у., 1760 г.: въ г. Овручѣ доминиканскій 1760 г.; въ Базали, Староконстантиновскаго у., 1760 г., настоятелемъ Бронишевскимъ; въ Радзивилувѣ, Кременецкаго у., 1760 г. ⁴⁹⁶); въ Чудновѣ, Житомирскаго у., бернардинскій 1760 г. княземъ Сангушкомъ ⁴⁹⁷); въ Кременцѣ реформатскій 1760 г. Замоискими ⁴⁹⁸); въ Житомирѣ бернардинскій 1760—1761 г. старостою житомирскимъ Иваномъ Ильинскимъ ⁴⁹⁹); въ Житомирѣ католическая семинарія для елѣра, 1762 г.; въ Житомирѣ же община шаритокъ (сестеръ милосердія) 1766 г. бискупомъ Іосифомъ Залусскимъ; въ Олевсѣ, Овручскаго у., кармелитскій 1769 г. ⁵⁰⁰); въ Вишенкахъ, Луцкаго у., доминиканскій 1771 г. Доминикомъ Манецкимъ; въ Локачахъ, Владимірскаго у., 1771 г., помѣщикомъ Вильгою ⁵⁰¹); въ Ушомірѣ, Житомирскаго у., кармелитскій 1772 г. Дубравскою ⁵⁰²); въ Дедеркалахъ, Кременецкаго у., реформатскій 1772 г. Михаиломъ и Терезією Прейсами; въ Заботцахъ, Владимірскаго у., 1773 г., помѣщикомъ Гуровскимъ; въ Берездовѣ, Ровенскаго у., 1775 г., брацлавскимъ воеводою княземъ Иваномъ Яблоновскимъ; въ Житомирѣ русская миссія и семинарія въ 1776 году; въ Острополѣ, Заславскаго у., 1776 г., княземъ Любомирскимъ; въ Торчинѣ, Луцкаго у., 1778 г., бискупомъ Феликсомъ Турскимъ; въ Котельнѣ, Житомирскаго у., 1781 г., помѣщикомъ Анастасіемъ Прушинскимъ ⁵⁰³); въ Друшкополѣ, Владимірскаго у., францисканскій до 1782 г. ⁵⁰⁴); въ Івницѣ, Житомирскаго у., францисканскій 1783 г. Чарнецкимъ ⁵⁰⁵); въ Бѣлгородѣ, Заславскаго у., 1790 г., княземъ Іеронимомъ Сангушкомъ ⁵⁰⁶); въ Вышгородѣ, Кременецкаго у., 1793 г. Войцехомъ-Адамомъ Ржищевскимъ ⁵⁰⁷); въ Кульчинахъ, Староконстан.

тиновскаго у., 1795 года, генераломъ Понятовскимъ ⁵⁰⁸); въ Гульчѣ, Острожскаго у., около 1795 г., помѣщикомъ Подгородецкимъ ⁵⁰⁹), и др.

Съ увеличеніемъ числа костеловъ и кляшторовъ, размножилось и римско-католическое духовенство, которое содѣйствовало окончательному подавленію и вытѣсненію русскихъ мѣщанъ изъ городовъ и мѣстечекъ и, вмѣстѣ съ помѣщиками, принялось за совращеніе русскихъ и уніатовъ въ католичество. Уніатскіе митрополиты и епископы весьма часто жаловались папѣ, что латиняне переманиваютъ уніатовъ въ латинскій обрядъ и требуютъ отъ нихъ десятины ⁵¹⁰). Въ теченіи только семи лѣтъ (1758—1765 гг.) въ трехъ уніатскихъ епархіяхъ Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской обращено было въ католичество болѣе тысячи лицъ, которыхъ уніатское духовенство могло указать по имени и рассказать подробности ихъ совращенія. Переходъ совершался подъ вліяніемъ трехъ главныхъ побудительныхъ причинъ: внушеній ксендзовъ, вліяній, развивавшихся въ средѣ семейной жизни при смѣшанныхъ бракахъ, и вліянія господъ и помѣщиковъ на своихъ слугъ и крестьянъ. Дворяне католики, относясь, подобно католическому духовенству, съ полнымъ презрѣніемъ къ уніи, преслѣдовали какъ уніатское духовенство, такъ и простой народъ, и загоняли ихъ въ католичество. Буйные и ничѣмъ не сдерживаемые шляхтичи дѣлають заѣзды на уніатскіе монастыри и церкви, безо всякаго повода причиняють побой уніатскимъ священникамъ, захватываютъ и отчуждаютъ церковныя и монастырскія земли и т. д. Помѣщики вообще вмѣшивались въ церковное уніатское управленіе, разверстывали по своему желанію приходы, налагали на священниковъ запрещенія исполнять требы и входить въ церковь, не допускали строить уніатскія церкви и праздновать въ нихъ храмовые праздники и никогда не опускали возможности унизить уніатскихъ священниковъ и дать имъ почувствовать, что унія есть вѣроисповѣданіе низшаго разбора, что она не болѣе, какъ хлопская вѣра. Своихъ слугъ и крестьянъ дворяне католики принуждали внушеніями и побоями переходить въ католичество, а ослабшихъ или медлившихъ понуждали взысканіями, штрафами и тому подобными мѣрами. Такъ напримѣръ, почти повсемѣстнымъ было явленіемъ, что помѣщики заставляли крестьянъ уніатовъ отбывать барщину въ праздничные дни. Когда же послѣдніе ссылались на церковныя постановленія, то шляхтичи отвѣчали насмѣшкою: «ваши рус-

Епископъ Рязанскій Пётръ III

скіе праздники обязательны только до полудня; позже этого времени они таютъ, какъ иней на солнцѣ»⁵¹¹).

Но эти грубыя насильственные мѣры къ подавленію уніи и превращенію ея въ латинство скорѣе способны были оттолкнуть отъ него южнорусское населеніе, чѣмъ привлечь къ нему, и могли успѣшно дѣйствовать развѣ только на малодушныхъ и слабыхъ людей. Для утвержденія слабыхъ и дружнаго отпора католичеству, со второй половины XVIII вѣка учреждаются на Волыни церковно-приходскія уніатскія братства, по образцу древнихъ православныхъ братствъ. Такъ напр., въ 1760 году учреждено было братство при Вознесенской церкви въ г. Острогѣ⁵¹²). Когда же, съ воцаренія императрицы Екатерины II, начинается дѣятельное заступничество русскаго правительства за православныхъ въ Польшѣ и вмѣшательство его во внутреннія дѣла Польши, то съ этого времени пробуждается и не разъ открыто обнаруживается на Волыни стремленіе стряхнуть съ себя и самую унію и шляхетско-польское ярмо.

Возведя въ 1764 году на польскій престолъ Станислава-Августа Понятовскаго, императрица Екатерина II настоятельно потребовала отъ польскаго правительства улучшенія участи православныхъ въ предѣлахъ Польши и въ февралѣ 1768 года заключила съ Польшею договоръ, которымъ обеспечивалась свобода православнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ и учреждалось тамъ православное епископство⁵¹³). Вслѣдствіе этого, въ Украинѣ и въ Бѣлоруссін еще съ 1765 года началось сильное движеніе въ пользу православія, и во главѣ этого движенія и руководителями его были могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій, переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и мотронинскій настоятель Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Поляки успѣли захватить и заключить въ Дермани архимандрита Мелхиседека и силою и мученіями принуждали украинцевъ оставлять православіе и возвращаться къ уніи. Но движеніе въ пользу православія вновь усилилось на Украинѣ въ 1768 году, по заключеніи договора между Россіей и Польшей относительно обеспечения свободы православной вѣры въ Польшѣ. А такъ какъ противъ этого договора составлена была поляками въ томъ же году барская конфедерация (сообщество), имѣвшая въ виду низложить короля Станислава-Августа и устранить русское вліяніе на Польшу; то вмѣстѣ съ движеніемъ въ пользу православія на Украинѣ возникло движеніе

и противъ барской конфедераціи и противъ поляковъ вообще. Въ это время какіе-то злые люди пустили въ народъ подложную грамоту Екатерины II, приглашавшую истреблять пановъ, ксендзовъ и жидовъ. Народъ страшно заволновался. Явились вожди и между ними Гонта и Желѣзнякъ. Составившіеся отряды стали совершать страшныя дѣла: истребляли до тла все польское, ксендзовское, жидовское. Особенно жестоко истреблено польское и жидовское населеніе въ городѣ Уманѣ, отчего и самое возстаніе получило названіе уманской рѣзни. Возстаніе это разрослось съ необыкновенною быстротою и подходило къ Волынѣ и Бѣлоруссіи, трепетавшихъ за свою участь ³¹⁴). Само русское правительство приказало своимъ войскамъ, находившимся въ польскихъ владѣніяхъ, усмирить гайдамацкое украинское возстаніе, велѣло передать участвовавшихъ въ возмущеніи польскихъ подданныхъ польскимъ властямъ и удалило со своихъ мѣстъ главныхъ представителей православія на Украинѣ Гервасія и Мелхиседека, незадолго передъ тѣмъ выпущеннаго поляками изъ дерманскаго заключенія ³¹⁵). Надъ гайдамаками былъ учрежденъ польскимъ правительствомъ военный судъ. Исполнителемъ же приговоровъ былъ воевода Юсіфъ Стемпковскій, вотчинникъ мѣстечка Лабуня. Военно-судная комиссія была въ Житомирѣ, а главное мѣсто казни—въ мѣстечкѣ Коднѣ. Обвиняемыхъ привозили въ Кодню, клали на колодѣ надъ глубокой ямой, рубили головы и трупы бросали въ яму. Кромѣ того, на трехъ висѣлицахъ въ Коднѣ повѣшено было до 200 казаковъ. Въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, Кіевской губерніи, Стемпковскій повѣсилъ 600 человекъ. Нѣкоторымъ обвиненнымъ обвязывали руки соломой, облитой смолою, зажигали смолу и водили этихъ несчастныхъ по улицамъ селеній напоказъ. Казнивъ такимъ образомъ виновныхъ, Стемпковскій издалъ къ поселянамъ приказъ, въ которомъ, призывая ихъ къ установившемуся въ Польшѣ порядку, высказалъ свой чисто шляхетско-польскій взглядъ на крестьянина, какъ на рабочій скотъ. «Богъ, Создатель вселенной, — писалъ Стемпковскій въ своемъ воззваніи, — распредѣляя людей по состояніямъ, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ, — и васъ, подданные, создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души. Чего же вы заслуживаете за свои преступленія, — вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, — которые, кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго?» ³¹⁶)

Съ усмиреніемъ гайдамацкаго возстанія, не затихло однакоже стремленіе къ православію. Въ 1771 году, по жалобѣ православныхъ украинцевъ, многочисленныя изъ униатскихъ священниковъ и властей забраны были въ западной Украинѣ русскими отрядами, находившимися въ польскихъ областяхъ, и засажены въ Бердичевѣ въ крѣпость. Это событіе понято было въ Украинѣ и даже на Волыни такъ, что теперь конецъ и уни, и польской власти. Православные духовные взяли ревностно за возстановленіе православія и силами народа, и при содѣйствіи русскихъ отрядовъ. Въ Украинѣ и значительной части Волыни, казалось, вполне и окончательно возстановлялись русская православная жизнь и русское управленіе. Въ это время въ Украинѣ и на Волыни числилось до 1902 православныхъ церквей и въ числѣ ихъ 55 въ протопопіи житомирской, 52 въ чудновной, 50 въ любарской, 55 въ бердичевской и 42 въ овручской. Движеніе въ пользу православія шло еще далѣе на Волынь и по нынѣшнимъ южнымъ уѣздамъ ея достигало до теперешней австрійской границы. Но, сверхъ ожиданія, первый раздѣлъ Польши 1772 года между сосѣдними государствами Россіей, Пруссіей и Австріей, вызванный барскою конфедераціею, не коснулся Украины и Волыни. Обманутые въ своихъ надеждахъ, русскіе жители Украины и части Волыни задумали было поправить рѣшеніе союзныхъ державъ, произведшихъ первый раздѣлъ Польши, и въ 1773 году дали письменное полномочіе выборнымъ своимъ представителямъ отъ имени жителей воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго, Подольскаго и Волыни просить Екатерину II, чтобы она потребовала у Польши отмены стѣснительныхъ ограниченій въ договорѣ 1768 года правъ свободы совѣсти, то есть права переходить въ православіе: «буде же польскій главный судъ не позволитъ на желаніе ихъ учинить удовольствіе, то они (малороссы) своимъ вѣрющимъ листомъ даютъ своимъ уполномоченнымъ право поддаться ихъ самодержавію россійскому подъ вѣчное защищеніе и подданство». Но въ Кіевѣ, куда уполномоченные прежде всего отправились со своимъ полномочіемъ, русскія власти потребовали выбросить послѣднее условіе, — и уполномоченные отправились въ Петербургъ только съ просьбою о защитѣ ихъ правъ на спокойствіе совѣсти⁵¹⁷).

Еще разъ движеніе въ пользу православія обнаружилось на Волыни

послѣ того, какъ въ 1785 году учреждена была въ Польшѣ, на основаніи договора 1768 года, православная епископія, въ качествѣ викаріатства Кіевской митрополіи, съ наименованіемъ ея Переяславскою и Бориспольскою. Православнымъ епископомъ для этой епархіи назна-

Мелісе, Евъ Новоросій.

ченъ былъ слущкій архимандритъ Викторъ Садковскій. Но это назначеніе православнаго епископа для православныхъ подданныхъ въ Польшѣ произвело взрывъ негодованія между поляками, особенно когда въ 1788 году преосвященный Викторъ предпринялъ объѣздъ и

созрѣніе своей епархіи ⁵¹⁸). Начавшееся народное движеніе въ пользу православія поляки признали за народный бунтъ противъ польскаго правительства и шляхты. Одно убійство шляхетскаго семейства Вылежинскихъ, совершенное злодѣями изъ-за денегъ, принято было поляками за починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Увѣрившись, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, польскіе обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и приписали все это злокозности Россіи, будто бы она разсылаетъ по польскимъ областямъ такъ называемыхъ маркитантовъ и офеней или коробейниковъ, которые разносили по южной Россіи мелочные товары и во время странствованій своихъ нерѣдко останавливались у русскихъ священниковъ. Польское правительство постановило принять рѣшительныя мѣры противъ воображаемаго бунта и столь же воображаемыхъ руководителей его, предписало всѣмъ выходцамъ изъ Россіи, торговцамъ и монахамъ удалиться изъ предѣловъ Польши въ теченіи двухъ недѣль, приказало арестовать преосвященнаго Виктора, потребовало отъ народа всеобщей присяги на вѣрность Польшѣ и, возбудивъ этимъ требованіемъ недоразумѣнія и волненія въ народѣ, назначило особую комиссію для разслѣдованія мятежа и наказанія виновныхъ. Страхъ распространился по Украинѣ, Подолій, Волыни, въ Слущкѣ, Пивскѣ и другихъ мѣстахъ. Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Хмѣльницѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и униатскими духовными, надъ русскими хлопами и російскими подданными ⁵¹⁹).

Россія въ это время связана была войною съ Турціей. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, поляки вздумали освободиться отъ русскаго вліянія и измѣнить свой образъ правленія, обеспеченный русскимъ правительствомъ. На четырехлѣтнемъ сеймѣ 1788—1791 годовъ они выработали и утвердили цѣлый рядъ внутреннихъ преобразованій своего государства и, закончивъ этотъ сеймъ, стали приготовляться къ войнѣ съ Россіей, увеличивали свое войско и принимали мѣры къ его продовольствію. Поэтому Екатерина II, заключивъ въ январѣ 1792 года миръ съ Турціей, высказала намѣреніе твердо поддерживать прежній образъ правленія въ Польшѣ, установленный въ 1775 году, и ниспровергнуть постановленія четырехлѣтняго сейма.

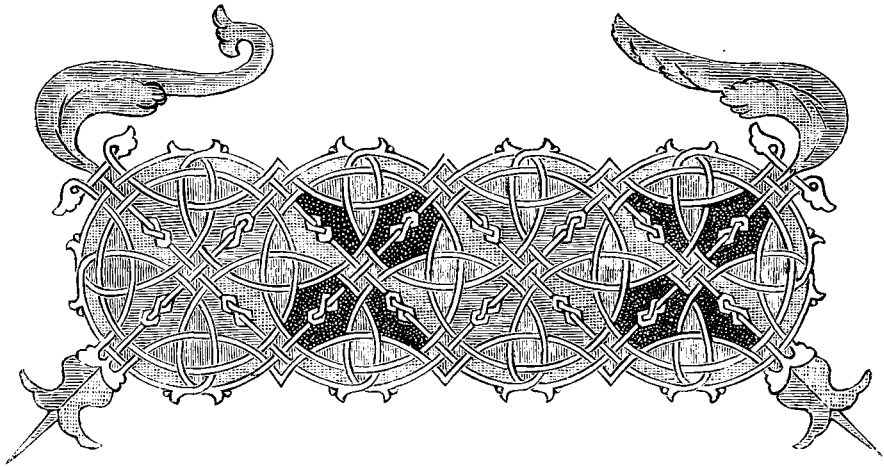
обнародованныя 3 мая 1791 года, тѣмъ болѣе, что въ самой Польшѣ составилаь тарговицкая конфедерація, которая жаловалась сосѣднимъ правительствамъ на незаконность преобразованій четырехлѣтняго сейма и призывала ихъ возстановить въ Польшѣ прежній порядокъ ⁵²⁰). Екатерина II быстро заняла русскія области Польши. для окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи. 18 іюня 1792 года, русскія войска разбили подъ Зелинцами, близъ Заслава, польскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ князя Іосифа Понятовскаго. Въ мартѣ 1793 года присоединена была къ Россіи восточная часть Волыни по мѣстечко Катербургъ, Кременецкаго уѣзда, и мѣстечко Варковичи, Дубенскаго уѣзда, то есть нынѣшніе уѣзды Житомирскій, Овручскій, Новградволинскій, Ровенскій, Острожскій, Староконстантиновскій, Заславскій и восточныя части уѣздовъ Дубенскаго, Луцкаго и Кременецкаго. 7 апрѣля, 1793 года, генераль-аншефомъ Михаиломъ Никитичемъ Кречетниковымъ обнародовано было въ мѣстечкѣ Полонномъ, Новградволинскаго уѣзда, объявленіе отъ имени всероссійской императрицы о подчиненіи ей нѣкоторыхъ областей Польши ⁵²¹). Въ память присоединенія этихъ областей къ Россіи Екатерина II велѣла выбить медаль, съ изображеніемъ карты присоединенныхъ областей и съ надписью кругомъ ея: «Отторженное возвратихъ» ⁵²²).

Въ 1794 году поляки еще разъ попытались возвратить Польшѣ самостоятельность и утраченныя области. Въ этомъ году они собрали оставшіяся у нихъ силы, увлекли и своего короля Станислава и встали противъ Россіи и Пруссіи. Главнымъ героемъ и руководителемъ этого возстанія былъ извѣстный польскій генераль Тадеушъ Косцюшко. Союзники опять подавили поляковъ, уничтожили королевское достоинство и окончательно раздѣлили между собою Польшу. 18 іюня, 1795 года, управляющій губерніями Минскою, Изяславскою и Брацлавскою, генераль Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ обнародовалъ высочайшее повелѣніе о присоединеніи къ Россіи остальныхъ частей нынѣшней Волыни, и именно уѣздовъ Владимірскаго, Ковельскаго и частей уѣздовъ Луцкаго, Дубенскаго и Кременецкаго ⁵²³).

Такимъ образомъ Волынь, болѣе четырехъ съ половиною столѣтій находившаяся подъ чужеземною властію, теперь снова возвратилась къ Россіи, но возвратилась далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ была

иногда отторгнута отъ нея. Многовѣковое иноземное ярмо истощило ея силы и оставило на ней глубокія язвы. Поэтому нужно было укрѣпить ея силы и уврачевать ея язвы, — и эта задача, доставшаяся на долю Россіи, выполнялась и выполняется ею въ четвертый и послѣдній періодъ жизни Волыни, съ 1793 года и до настоящаго времени.

Глава девятая. Воссоединеніе Волыни съ Россіей.

Образованіе Изяславской губерніи послѣ втораго раздѣла Польши и возстаніе Косцюшки; образованіе Волынской губерніи послѣ третьяго раздѣла Польши; введеніе русскаго управленія. — Епархіальное управленіе православной, католической и униатской церкви. — Минскій архіепископъ Викторъ и его посланіе съ призывомъ униатовъ къ православію; первые дѣятели по воссоединенію униатовъ на Волыни и препятствія этому дѣлу со стороны униатскихъ властей и польско-католиковъ; воссоединеніе волынскихъ униатовъ въ 1794 и 1795 годахъ; учрежденіе Житомирскаго викаріатства и Волынской семинаріи. — Павелъ I, его покровительство польско-католикамъ и отношеніе къ униатамъ; униатскіе беспорядки и взглядъ Павла I на униатовъ, подчиненіе ихъ католикамъ; обличеніе униатовъ съ католичествомъ и совращеніе въ него униатовъ и даже православныхъ; состояніе православія на Волыни при Павлѣ I и учрежденіе самостоятельной Волынской епархіи. — Александръ I и состояніе при немъ православной церкви на Волыни. Покровительство Александра I полякамъ и ихъ неблагодарность. — Адамъ Чарторыйскій и устройство польскихъ школъ; Чацкій, польскія школы на Волыни и Кременецкій лицей; привлеченіе католическаго духовенства къ дѣлу польскаго образованія; совращеніе униатовъ въ латинство; попытка преобразовать базилианскій орденъ въ воспитательный; противодѣйствіе униатскаго митрополита Лисовскаго окатоличенію униатовъ и преобразованію базилианскаго ордена въ воспитательный; преемники Лисовскаго, борьба бѣлаго униатскаго духовенства съ базилианами и перевѣсъ надъ ними.

КАТЕРИНА II, занявъ въ 1792 году русскими войсками воеводства Кіевское, Брацлавское, Подольское и Волынское, тотчасъ же приступила къ тѣснѣйшему сплоченію возвращенныхъ отъ Польши русскихъ областей съ Россією и изъ большей части ихъ учредила въ 1793 году намѣстничество или генераль-губернаторство, въ составъ котораго вошли губерніи Минская, Изяславская, такъ названная отъ города Заслава, и Брацлавская. Первымъ намѣстникомъ и генераль-губернаторомъ назначенъ былъ генераль-аншефъ, тульскій и калужскій генераль-губер-

паторъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, а первымъ губернаторомъ Изяславской губерніи генералъ-маіоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Главнымъ городомъ Изяславской губерніи предположено было сдѣлать городъ Заславъ, или же Константиновъ; на первый разъ губернаторъ и губерніскіе чины помѣщены были въ городѣ Житомирѣ, который имѣлъ быть главнымъ городомъ наемѣстничества, а самъ Кречетниковъ поселился въ мѣстечкѣ Лабуня, Заславскаго уѣзда. Губернія временно управлялась польскими законами, постепенно приготавлиаясь къ преобразованію по образцу высочайшихъ учрежденій о губерніяхъ; по открытіе губерніи послѣдовало уже не при Кречетниковѣ⁵²⁴). Онъ умеръ 9-го мая 1793 года, и на его мѣсто назначенъ былъ генералъ-поручикъ Тимоѣей Ивановичъ Тутолминъ⁵²⁵).

Первое время управленія Тутолмина намѣстничествомъ было спокойно. Затѣвалось возстаніе Косцюшки, къ которому пристала и часть волынскаго дворянства. Еще въ концѣ 1793 года поляки увѣряли крестьянъ, что «весь забратый край будетъ участвовать въ мятежѣ, и что крестьяне, по окончаніи мятежа, получаютъ отъ помѣщиковъ вольность на нѣсколько лѣтъ и ничего не будутъ платить папамъ своимъ»⁵²⁶). Въ началѣ 1794 года польскіе дворяне, съѣхавшись на контракты въ Дубиѣ, бывшемъ подъ властію Польши, условились между собою, кому, гдѣ и какъ дѣйствовать въ повстаніи и какимъ образомъ истребить въ одно время всѣхъ русскихъ, находившихся въ Польшѣ⁵²⁷). Въ мартѣ 1794 года уже извѣстно было о возстаніи Косцюшки и Мадалинскаго. На Волыни главнымъ дѣятелемъ возмущенія былъ владѣлецъ мѣстечка Шумска, Кременецкаго уѣзда, Дзялынскій. Кромѣ того, прямо или косвенно участвовали въ мятежѣ Адамъ Чарторыйскій, Чацкіе, Яблоновскій, Морскій, Коссовскій и другіе и даже базилианскій овручскій архимандритъ Юсафатъ Охоцкій⁵²⁸), а профессора Житомирской школы пили за здоровье Косцюшки. Доносились изъ Украины и грозные для поляковъ слухи, будто чернь намѣрена была рѣзать шляхту и жидовъ⁵²⁹). Къ счастью, слухи эти не оправдались, можетъ быть потому, что возстаніе быстро усмирено и не распространилось на Изяславскую губернію. Участвовавшіе въ мятежѣ волынскіе дворяне и духовные поплатились высылкой изъ края и отобраніемъ у нихъ имѣній, которыя розданы были русскимъ дворянамъ⁵³⁰). Всѣ эти смуты задержали внутреннее устройство Изяслав-

Графъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ.

ской губерніи. Только въ октябрѣ 1794 года Тутолминъ прислалъ губернатору списокъ предполагаемыхъ городовъ Изяславской губерніи, въ которомъ значились: Изяславъ, Житомиръ, Ямполь (нынѣ Подольской губ.), Базалія, Острогъ, Староконстантиновъ, Чудновъ, Радомысль (нынѣ Кіевской губ.), Корецъ, Лабунь, Дубровица, Овручъ и Ровно⁵³¹).

Между тѣмъ послѣдовалъ третій и послѣдній раздѣлъ Польши. Къ Россіи присоединена остальная, западная часть Воыни, а именно нынѣшніе уѣзды Владимірскій, Ковельскій и части уѣздовъ Луцкаго, Кременецкаго и Дубенскаго. Вслѣдствіе этого и Изяславская губернія измѣнила свои предѣлы и даже названіе. Губернскимъ городомъ въ 1795 году назначенъ былъ Звягель, который въ 1796 году купленъ у владѣльца казною и переименованъ въ Новоградволинскъ, а Изяславская губернія—въ Воынскую. Въ составъ ея вошли окружные или уѣздные города Лабунь, Заславъ, Острогъ, Ровно, Дубровица, Овручъ, Радомысль, Житомиръ, Чудновъ и вновь присоединенные уѣзды Владимірскій, Луцкій и Ковельскій, тогда какъ прежніе уѣзды Староконстантиновскій, Базалійскій и Ямпольскій и изъ вновь присоединенныхъ къ Россіи—Кременецкій и Дубенскій отчислялись къ Брацлавской губерніи и, кромѣ Ямпольскаго, присоединены были къ Воынской губерніи уже впоследствии. До постройки зданій въ Новоградволинскѣ, губернскія присутственныя мѣста должны были оставаться въ Житомирѣ, гдѣ, впрочемъ, они остались навсегда. 6 августа, 1796 года, совершено было генераль-губернаторомъ Тутолминымъ торжественное открытіе въ Житомирѣ воынскаго намѣстничества, «по образу въ высочайшихъ о управленіи губерній учрежденіяхъ начертанному», и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ⁵³²). Дѣйствіе Литовскаго статута уничтожалось и, вмѣсто него, вводилось русское право. Назначены были русскіе чиновники и розданы русскимъ людямъ королевскія отобранныя у мятежниковъ имѣнія. Такимъ образомъ, одновременно съ русскимъ управленіемъ, полагалось прочное начало образованію русской общественной силы⁵³³), и Воынь входила въ общую жизнь Русскаго государства.

Вмѣстѣ съ устройствомъ гражданскаго управленія и судопроизводства, учреждено было на Воыни и православное епархіальное управленіе и упорядочены церковныя дѣла католическаго и униатскаго вѣроисповѣданій. 13 апрѣля, 1793 года, Екатерина II издала указъ, по

которому новоприсоединяемая отъ Польши губерніи Минская, Ізяславская и Брацлавская должны были составлять одну епархію, подъ названіемъ Минской, и поручались только-что выпущенному изъ польскаго заключенія епископу Виктору Садковскому, который при этомъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа⁵³⁴). Для церковнаго управленія римско-католическаго населенія новоприсоединенныхъ областей императрица учредила въ 1795 году три епархіи: 1) Инфляндскую, взаи́мъ прежней Виленской, для Литовской губерніи, съ епископскою кафедрою въ Вильнѣ; 2) Пинскую, вмѣсто Луцкой и Кіевской, въ составъ которой вошли какъ Волынская губерніа, и прежде бывшая въ той же епархіи, такъ и Минская, составлявшая прежде часть Виленской епархіи, и 3) Летичевскую, вмѣсто Каменецкой, для губерній Подольской, Брацлавской и Вознесенской. Епископы этихъ епархій должны быть полными начальниками своихъ управленій, а не подчиненными исполнителями распоряженій архіепископа, и отъ нихъ единственно должны были зависѣть монашескіе ордена ихъ епархій. Духовенству вмѣнено въ обязанность не подчиняться никакой власти, внѣ имперіи находящейся: призывъ заграничныхъ духовныхъ лицъ и пребываніе ихъ въ этихъ губерніяхъ были запрещены, а неприсягнувшіе на подданство мѣстные духовные отрѣшались отъ должностей. Предположено было упразднить излишніе католическіе монастыри, не приносящіе пользы обществу⁵³⁵).

Подобныя распоряженія послѣдовали и относительно униатовъ въ новоприсоединенныхъ къ Россіи областяхъ. 12 декабря, 1793 г., послѣ втораго раздѣла Польши, послѣдовало императорское повелѣніе, чтобы и въ этихъ областяхъ управленіе униатскими базилианскими монастырями принадлежало мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ, подобно тому, какъ это было въ Бѣлоруссіи; но это повелѣніе не было обнародовано. Въ 1795 году, послѣ третьяго раздѣла Польши, упразднены были униатскія епархіи — митрополичья, Полоцкая архіепископская и епископскія Пинская, Луцкая и Владиміро-Брестская, какъ ненужныя, а немногія церкви ихъ, вмѣстѣ съ монастырями, поручены бѣлорусскому униатскому архіепископу Ираклію Лисовскому, съ полнымъ подчиненіемъ ему духовенства и уничтоженіемъ особаго базилианскаго орденскаго начальства. Митрополиту Θεодосію Ростоцкому и епископамъ луцкому Стефану Левинскому, пинскому Гербацкому, а также викарію митрополита Бутримовичу назначены пенсіи, съ тѣмъ, чтобы Ростоцкій выбралъ себѣ

мѣстопробываніемъ или Римъ, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, или Петербургъ, но только бы не жилъ въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ. Епископамъ же дозволено или выѣхать за границу, или продолжать жить въ Россіи, а епископскія имѣнія причислены къ казеннымъ. Тѣмъ-же указомъ повелѣно было, разсмотрѣвъ вѣдомости о базилианскихъ монастыряхъ, закрыть тѣ изъ нихъ, которые не занимаются ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ, и бесполезны

Медаль въ память присоединенія южнорусскихъ областей къ Россіи.

для общества, монаховъ размѣстить въ другіе базилианскіе монастыри, а въ оставшіеся затѣмъ монастыри постригать не иначе, какъ съ испрошеніемъ высочайшаго разрѣшенія ⁵³⁶).

Первоначально Екатерина II хотѣла оставить въ совершенной неприкосновенности всѣ находившіяся въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ христіанскія вѣроисповѣданія и, послѣ перваго раздѣла Польши, издала свой знаменитый указъ о вѣротерпимости, по которому всѣ спокойно должны были оставаться въ своей вѣрѣ. Въ Бѣлороссіи этотъ

указъ насильственно задержалъ въ униі десятки тысячъ народа, съ великимъ нетерпѣніемъ дожидавшагося раздѣла Польши, чтобы бросить унию; а теперь онъ долженъ былъ оставаться въ ней. Наконецъ, по неотступной просьбѣ преосвященнаго Георгія Конисскаго, указомъ 1780 года, разрѣшено было, въ случаѣ открытія при которомъ либо русскомъ приходѣ празднаго священническаго мѣста, освѣдомляться у прихожанъ, желаютъ ли они имѣть православнаго священника, или же

Медаль въ память присоединенія южворусскихъ областей къ Россіи.

уніатскаго, и удовлетворять ихъ желаніямъ. Но встрѣчались затрудненія въ тѣхъ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ указомъ 1780 года, когда уніаты или въ одиночку, или цѣлыми приходами и вмѣстѣ съ наличными священниками своими желали присоединиться къ православію. Въ виду этихъ затрудненій, и преосвященный Викторъ, сдѣлавшись въ 1793 году архіепископомъ новоприсоединенныхъ отъ Польши областей, не рѣшался присоединять къ православію уніатскихъ священниковъ съ приходами и даже отдѣльныхъ уніатскихъ духовныхъ лицъ и испраши-

валъ на то разрѣшеніе у святѣйшаго синода. Вслѣдствіе его представленія, въ апрѣлѣ 1794 года послѣдовало высочайшее повелѣніе, въ виду усерднаго желанія жителей новоприсоединенныхъ отъ Польши областей возвратиться къ православной церкви, предписать генераль-губернатору Тутолмину, чтобы онъ оказывалъ новоприсоединяемымъ защиту и пособіе, а святѣйшему синоду предоставить препоручить архіепископу Виктору, чтобы онъ обнародовалъ свою пастырскую грамоту съ призывомъ униатовъ къ возвращенію въ православіе. Въ особомъ указѣ, отъ 22 апрѣля того же года, на имя генераль-губернатора Тутолмина прямо говорилось объ искорененіи уни и объявлялось, что воссоединеніе есть надежнѣйшее средство къ утвержденію народа въ единомысліи и спокойствіи и что противодѣйствіе воссоединенію со стороны латинянъ и униатовъ будетъ принято за уголовное преступленіе, подлежащее суду и влекущее за собою запрещеніе на имѣніе. Новымъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 16 мая того же года поручалось святѣйшему синоду снабдить преосвященнаго Виктора способными къ апостольскому подвигу лицами и для сего избрать и послать къ нему одного архимандрита и потребное число благонадежныхъ священниковъ изъ другихъ епархій. Во исполненіе сего повелѣнія, святѣйшій синодъ постановилъ назначить въ помощь Виктору первенствующаго члена минской духовной консисторіи, архимандрита Варлаама Шишацкаго, и предписалъ сосѣднимъ епархіальнымъ преосвященнымъ избрать и послать къ преосвященному Виктору потребное число духовныхъ лицъ⁵³⁷).

Въ маѣ и ближайшихъ мѣсяцахъ 1794 года обнародована была отъ имени архіепископа Виктора грамота, приглашавшая униатовъ юго-западной Россіи принимать православіе. Изобразивъ прежнее бѣдственное положеніе православія подъ игомъ Польши и указавъ на волю православной императрицы, призвавшей его къ пастырскому служенію, — преосвященный Викторъ писалъ далѣе въ своей грамотѣ слѣдующее: «Исполняя долгъ пастыря, коему о спасеніи душъ человѣческихъ ввѣрено неутомимое попеченіе, и совершая волю помазанницы Господней, приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждаго пола и возраста въ ластвѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы и сами они лествію и страхомъ отъ благочестія совращены въ унию съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной восточной церкви. Никто да не усумнится въ сему спасительномъ обращеніи страха ради

угрозъ, или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія російскаго, пребывая въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняго не попуститъ и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными братією ихъ, вѣрноподданными ея императорскаго величества. Никто же да убоится властей духовныхъ или мірскихъ римскаго закона, вѣдая, что когда всемилостивѣйшая государыня наша дозволяетъ иновѣрнымъ свободно исповѣдывать законъ, отъ предковъ каждымъ наслѣдованный, то, съ другой стороны, отнюдь не попуститъ, чтобъ кто-либо обращающійся въ вѣру православную, въ имперіи ея господствующую, колыми же паче тѣ, которыхъ предки; или сами они изъ нѣдра благочестія коварно и насильственно исторгнуты, малѣйшія обиды или угнетенія претерпѣли, въ чемъ, по волѣ ея монаршей, установленныя начальства имѣть будутъ бдѣніе и озлобляемымъ подадутъ руку законныя помощи», и проч. ⁵³⁸).

Въ августъ 1794 года прибыли въ Изяславскую губернію изъ сосѣднихъ епархій назначенныя святѣйшимъ синодомъ лица, которымъ поручены были благочинническія должности по разнымъ округамъ губерніи. Важнѣйшими изъ нихъ дѣятелями были настоятели монастырей — игумены: Георгіевскаго - Лебединскаго — Даниилъ, Ржищевскаго - Преображенскаго — Гервасій, Николаевскаго Пустынно-Медвѣдовскаго — Виссаріонъ, Мошногорскаго-Вознесенскаго — Лазарь, Богуславскаго-Николаевскаго — Аркадій, Виноградскаго-Успенскаго — Давидъ, Жаботинскаго-Онуфріевскаго — Мелхиседекъ, и изъ блага духовенства: протоіерей Кіевской епархіи, Переяславскаго уѣзда, Артемій Стрѣхинъ, крестовый протоіерей Іоаннъ Бычковскій, звенигородскій протоіерей Іоаннъ Радзимовскій, кіевскій священникъ Іоаннъ Лѣневичъ и другіе. Каждый изъ благочинныхъ имѣлъ при себѣ двухъ помощниковъ изъ лицъ духовнаго сана, изъ коихъ одинъ занимался дѣлопроизводствомъ. Въ концѣ 1794 года прибылъ въ Житомиръ и поселился здѣсь архимандритъ Варлаамъ Шишацкій, съ правами управляющаго дѣлами духовнаго вѣдомства по Изяславской и Брацлавской губерніямъ. Въ январѣ слѣдующаго 1795 года присланы были къ нему изъ сосѣднихъ епархій, для занятія праздныхъ новоприсоединенныхъ приходоѡвъ, священники, которыхъ онъ отсылалъ къ благочиннымъ. Такъ, изъ Кіевской епархіи прибыло 42 священника, изъ Черниговской 19, изъ Брацлавской 56, и нѣсколько изъ Могилевской ⁵³⁹).

На первыхъ порахъ дѣятели по возстановленію православія на Во-
лыни встрѣчали сильныя препятствія своему дѣлу со всѣхъ сторонъ и
особенно противодѣйствіе со стороны польско - католиковъ и уніатскихъ
властей. Страна находилась въ возбужденномъ состояніи въ виду под-
готовлявшагося польскаго мятежа 1794 года. 31 іюля, 1794 года, на-
чальникъ Корецкаго округа, ротмистръ Китовскій, доносилъ изяславскому
губернатору Шереметеву: «почти публично (открыто) говорятъ, что
приобрѣтенный край принуждена Россія будетъ возвратить полякамъ
такъ, какъ Молдавію туркамъ..., и что яко-бы уже въ Вѣнѣ и Львовѣ
учинился бунтъ противъ россянъ, чрезъ что и его сіятельство графъ
Суворовъ со ввѣреннымъ ему корпусомъ приостановился идти далѣе,
какъ до Слонима, а притомъ-де уже и мятежническія толпы пробираются
будто бы одна къ Смоленску, а другая къ Кіеву, что и принуждаетъ
вводить благочестіе въ семь краѣ Россію, дабы привязать къ себѣ чернь,
и когда принуждены будутъ россяне оставить оный, то заберутъ съ
собою таковыхъ и поселятъ на бессарабской степи... Что же лежитъ
до черни, то по нѣскольку и тѣ уже колеблются мыслями, кои присое-
динились къ благочестію; ибо латинники насмѣхаются и грозятъ пере-
мѣною, какой они ожидаютъ, а желающіе присоединиться громогласно
говорятъ, что угрожаютъ помѣщики и комисары ихъ тягостію возложить
бремя на оныхъ работъ». Безумныя мечты польско - католиковъ раздѣ-
лялъ и уніатскій митрополитъ Ростоцкій, съ уніатскимъ же епископомъ
Булгакомъ, бывшій тогда еще у власти. Ростоцкій «посылалъ Булгака
въ Оранну и слободу Хочеву (Радомысльскаго уѣзда) уговаривать посе-
лянъ, чтобъ они на благочестіе не приставали, и когда сіи на то не со-
гласались, тогда они были Булгакомъ устрашаемы, что 7000 поляковъ
находятся въ Мозырѣ и оной городъ сожгли, что они сюда прійдутъ и
ихъ такъ же побьютъ, какъ въ Мозырѣ побили схизматиковъ, и что ихъ
поляковъ съ часу на часъ сюда ожидаютъ». При другомъ случаѣ Ростоц-
кій будто бы сказалъ одному новоприсоединенному къ православію:
«пропали вы всѣ съ душами и тѣлами; сами вы и дѣти ваши записа-
лись чорту». Вѣроятно, по внушенію уніатской іерархіи, заславскій оф-
фиціалъ Подлужанскій писалъ уніатскимъ протопопамъ и благочиннымъ
слѣдующее: «я имѣю свѣдѣніе, что во многихъ мѣстахъ господа город-
ничіе читаютъ грамоту архіепископа Виктора и склоняютъ унитовъ
свѣтскихъ и священниковъ къ благочестію. Знаю также и о томъ, что

они дѣлають это не по приказанію губернатора, а самовольно; потому, если вздумали дѣлать это въ вашемъ благочиніи, то благоволите предостеречь священниковъ, что они не должны слушаться и принимать никакихъ другихъ грамотъ, какъ только отъ пресвѣтлѣйшей императрицы, ихъ милостей Тутолмина и Шереметева и нашего епископа, какъ начальника, ими признаннаго и принятаго, которому весь здѣшній клиръ далъ при поставленіи присягу въ повиновеніи. Если же городничій уже сдѣлалъ что-либо въ вашемъ благочиніи, то прошу о томъ немедленно донести мнѣ, съ обозначеніемъ, какъ, гдѣ, въ какомъ приходѣ что сдѣлалъ, какія были происшествія и послѣдствія и какъ поступили уніаты». Туровскій и пинскій уніатскій епископъ Булгакъ и суррогатъ Каменецкой епархіи Рожаловскій, въ прошеніяхъ своихъ на имя губернатора Шереметева изъясняли, что «за обращеніемъ уніатскихъ церквей съ приходами къ благочестію, по нежеланію священниковъ, остались иные въ уніатскомъ исповѣданіи, а на мѣста ихъ къ приходамъ опредѣлены другіе изъ благочестивыхъ, почему, лишася приходоѡвъ и жительствуя на землѣ и въ домѣ, владѣльцу принадлежащихъ, испрашиваютъ остаться въ оныхъ при правѣ ихъ пользованія, безъ чего останутся безъ убѣжища и дневнаго пропитанія». Самъ Шереметевъ не могъ разрѣшить этой просьбы и представилъ ее на благоусмотрѣніе генераль-губернатора Тутолмина, который, къ его чести, здраво и справедливо взглянулъ на дѣло, и отъ 25 сентября 1794 года, отвѣчалъ Шереметеву, «что земли по фундушамъ наданы церквамъ, а не лицамъ, слѣдовательно и пользоваться ими по всей справедливости должны находящіеся при мѣстѣ священно и церковнослужители»⁵⁴⁰). Но польскіе помѣщики считали себя полновластными господами не только своихъ подданныхъ, но и пастырей ихъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ ни у кого не спрашивали совѣта и разрѣшенія. Волынскіе помѣщики подняли даже старую свою мысль, что православіе подрываетъ ихъ власть надъ крестьянами, и между ними ходили слухи, что у нихъ будутъ отняты крестьяне⁵⁴¹). Стараясь удержать свою власть надъ крестьянами и въ дѣлахъ вѣры, многіе изъ помѣщиковъ передъ пріѣздомъ благочиннаго созывали своихъ крестьянъ и угговаривали ихъ отказать отъ православія, угрожая въ противномъ случаѣ разными карами; ослушниковъ же въ послѣдствіи дѣйствительно подвергали тѣлесному наказанію и аресту. Подъ вліяніемъ помѣщичьихъ угрозъ и милостей, и изъ уніатскихъ священниковъ нѣкоторые прямо

отказывались отъ православія, иные къ прїѣзду благочиннаго скрывались, а другіе требовали отсрочки для размышленія. Если же священникъ былъ склоненъ къ прїятію православія, то помѣщичи, отнявъ у него церковныя ключи, не выдавали ихъ даже окружнымъ начальникамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что церковь построена на ихъ собственные средства, хотя крестьяне заявляли совѣмъ противное⁵⁴²). Иногда, во избѣжаніе воссоединенія уніатскихъ церквей съ православною церковію, польскіе помѣщичи и ксендзы выдавали эти церкви за римско-католическія и присвоили себѣ, какъ это было въ Боремлѣ, Дубенскаго уѣзда⁵⁴³). Иные помѣщичи забирали изъ церквей въ свои дома священные сосуды, богослужебныя книги, иконы, даже деньги и воскъ, такъ что многія церкви оставались совершенно пустыми. Въ случаѣ присоединенія церкви къ православію, помѣщичи устроили уніатскія каплицы при своихъ дворахъ, въ своихъ комнатахъ и другихъ мѣстахъ, и въ этихъ каплицахъ отправлялось богослуженіе. Одинъ помѣщикъ распорядился разоблачить новоприсоединеннаго священника во время совершенія имъ литургіи и вывести изъ церкви. Въ селѣ Губковѣ, Ровенскаго уѣзда, помѣщикъ, узнавъ, что священникъ изъявилъ согласіе присоединиться къ православію, отдалъ единственнаго его сына въ рекруты, взаимѣнъ своего подданнаго. Бывало и такъ, что во время самаго освященія церкви шляхтичъ, войдя въ церковь, вырываетъ изъ рукъ священника крестъ, опрокидываетъ сосудъ со святой водой и затворяетъ царскія врата⁵⁴⁴). Дерзость польскихъ пановъ и ксендзовъ доходила до того, что они совращали въ католичество не только уніатовъ, но и воссоединенныхъ съ православною церковію священниковъ. Въ 1794 году священникъ Василій Томашевскій, принявъ православіе, вскорѣ отрекся отъ него и принялъ латинство, объясняя, что «онъ теперь имѣетъ больше чести и прибыли отъ пановъ и ксендзовъ, нежели отъ своего прихода, и надѣется, что они его и впредь не оставятъ»; а совратившій и принявшій его къ себѣ доминиканскій настоятель въ Летичевѣ объяснялъ, что и онъ имѣетъ право обращать къ своей вѣрѣ, подобно тому, какъ обращаютъ къ благочестію. Такъ или иначе заявили себя противниками православія въ это время на Волыни и въ Подоліи помѣщичи Чарторыйскіе, Сапѣги, Сангушки, Любомирскіе, Нововейскіе, Перетятковичи, Скабицкіе, Ленъкевичи, Буржинскіе, Раковскіе, Кондрацкіе, Прушинскіе, Вильги и многіе другіе⁵⁴⁵).

Томосей Ивановичъ Тутомлинъ.

Гражданскія русскія власти первоначально слишкомъ снисходительно смотрѣли на противодѣйствіе православію и безобразія польскихъ помѣщиковъ. Самъ губернаторъ Шереметевъ предписывалъ окружнымъ начальникамъ, чтобы, «если и всѣ прихож не пожелаютъ присоединиться къ православію, а священники ихъ откажутся, — поудержаться отъ исполненія», и вообще совѣтовалъ не спѣшить съ присоединеніемъ и помѣщиковъ не раздражать ⁵⁴⁶). Такой порядокъ дѣлъ продолжался до конца 1794 года, пока не усмирно было возстаніе Косцюшки и пока не послѣдовало строгое напоминаніе Екатерины II объ исполненіи указа касательно воссоединенія и отобраній имѣній за противодѣйствіе этому дѣлу, съ приказаніемъ предать сулу виновныхъ въ этомъ помѣщиковъ Гжицкихъ ⁵⁴⁷). Послѣ этого дѣло воссоединенія униатовъ принимаетъ болѣе благопріятный поворотъ и начи наетъ быстро подвигаться впередъ. Къ архимандриту Варлааму стали добровольно являться въ Житомиръ униатскіе священники изъ разныхъ мѣстъ Изяславской и Брацлавской губерній съ прошеніями о присоединеніи ихъ къ православію, такъ что недоставало антиминовъ для воссоединяемыхъ церквей. Движеніе униатовъ къ православію особенно сильно было въ первой половинѣ 1795 года. Къ концу перваго полугодія въ нѣкоторыхъ благочинническихъ округахъ дѣло воссоединенія было окончено, и вызванныя изъ другихъ епархій духовныя лица возвратились назадъ. Къ 1796 году въ предѣлахъ Изяславо-Волынской губерніи, но безъ нынѣшнихъ ея уѣздовъ Дубенскаго и Кременецкаго, числилось воссоединенныхъ церквей 815, да приписныхъ съ одною клад ищенскою 32, и при нихъ: 9 протоіереевъ и 767 священниковъ ⁵⁴⁸). Движеніе въ пользу православія коснулось даже и базилианскихъ монастырей. На Волыни два изъ нихъ—Загаецкій и Четвертинскій обратились къ православію ⁵⁴⁹). Всѣхъ принявшихъ православіе было въ это время въ Изяславо-Волынской губерніи 145,726 ⁵⁵⁰). Для православныхъ церквей, возвращенныхъ отъ уни, присланы были антимины, святое миро и церковно-богослужебныя книги; на церковныя ризницы императрица и жаловала свои платья ⁵⁵¹).

Въ виду значительнаго увеличенія прав славныхъ въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ, 12 апрѣля 1795 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой Брацлавской православной епархіи для Подолія и Житомирскаго викаріатства для Волыни. Викаріемъ житомирскимъ, въ помощники архіепископу Виктору, назначенъ былъ

архимандритъ Варлаамъ Шишацкій, и пребываніе ему указано было въ г. Острогѣ, въ бывшихъ поіезуитскихъ зданіяхъ, переданныхъ польскимъ правительствомъ базилианамъ. Въ то же время взятъ былъ для православныхъ монахинь уніатскій женскій монастырь въ Карцѣ⁵⁵²). Указомъ святѣйшаго синода отъ 12 іюля 1795 года предписано было учредить для Волыни особую православную епаршескую семинарію, которая открыта была 14 мая слѣдующаго 1796 года и помѣщена въ томъ же Острожскомъ Преображенскомъ монастырѣ, въ которомъ жилъ преосвященный Варлаамъ со своей консисторіей⁵⁵³). Преосвященный Варлаамъ распорядился отобрать въ семинарію священно и церковнослужительскихъ дѣтей православнаго исповѣданія изъ базилианскихъ школъ овручскихъ, любарскихъ, межиричскихъ и упраздненныхъ острожскихъ. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ этихъ школъ въ скоромъ времени посланы были епархіальнымъ начальствомъ въ Кіевскую академію для приготовленія въ учителя семинаріи. Епархіальное начальство неоднократно дѣлало распоряженіе о неуклонной высылкѣ дѣтей священниковъ и причетниковъ въ семинарію, отъ 7 до 15 лѣтъ, а впослѣдствіи отъ 10 до 13-ти лѣтняго возраста. Въ случаѣ неявки назначеннаго ученика въ семинарію, консисторія иногда не допускала отца къ приходу и употребляла другія принудительныя мѣры⁵⁵⁴).

Но со смертію Екатерины II († 6 ноября 1796 года), къ началу настоящаго столѣтія, задержанъ былъ ростъ чистой русской православной силы на Волыни, остановлено было русское оживленіе въ уніатской средѣ и искусственно поддержаны и усилены католичество и унія. Главною причиною такого напавленія дѣлъ была рѣзкая перемѣна въ самой политикѣ правительства по отношенію къ западному краю, обнаружившаяся при преемникахъ Екатерины II, императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I.

Сынъ и преемникъ Екатерины II, Павелъ I, хотѣлъ исправить нмимыя неправды своей матери по отношенію къ западнымъ окраинамъ Россіи и дать имъ долю самостоятельнаго развитія. По вступленіи на престолъ, онъ сталъ освобождать изъ ссылки поляковъ, осужденныхъ за смуту 1794 года, и возвращалъ имъ отобранныя у нихъ имѣнія, изъ которыхъ выводилъ русскихъ людей, вознаграждая ихъ имѣніями внутри имперіи. Затѣмъ, онъ возстановилъ въ новоприисоединенныхъ отъ Польши областяхъ литовско-польское законодательство

(статутъ) и даже дозволилъ собирать сеймики для выбора, вмѣсто предводителей дворянства, маршаловъ и другихъ чиновныхъ людей. Подъ этотъ строй возрѣнія императора Павла естественно подходили католики и униаты, какъ мѣстная западно-русская сила. Имъ обѣщана свобода и покровительство, тѣмъ болѣе, что Павелъ I вообще старался поддерживать папство и католичество, какъ оплотъ противъ разливавшагося въ западной Европѣ свободомыслія и невѣрія⁵⁵⁵). Указомъ отъ 26 февраля 1797 года учрежденъ былъ особый департаментъ юстицъ-коллегіи, изъ свѣтскихъ лицъ, для римско-католическаго и униатскаго исповѣданій⁵⁵⁶). Бывшій униатскій митрополитъ Ростоцкій, жившій въ Петербургѣ, привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Павла Петровича восторженною рѣчью, въ которой называлъ себя возстановленнымъ въ своихъ правахъ униатскимъ митрополитомъ. Належды униатовъ подкрѣпилъ папскій нунцій Литта, который въ 1797 году по пути въ Петербургъ собиралъ жалобы униатовъ на насильственное будто бы обращеніе ихъ въ православіе и, по пріѣздѣ въ столицу, занялся упроченіемъ дѣлъ папы въ Россіи⁵⁵⁷).

Слухи объ ожидаемомъ расширеніи правъ католиковъ и униатовъ и рѣчь бывшаго униатскаго митрополита Ростоцкаго получили широкое распространеніе на Волыни и подали католикамъ и униатамъ поводъ къ беспорядкамъ. Польско-католическіе помѣщики стали притѣснять православныхъ и совращать ихъ въ унию; нѣкоторые униатскіе священники со своими прихожанами, при участіи помѣщиковъ, насильно вторгались въ нововозсоединенныя православныя церкви, присваивали ихъ себѣ и совершали въ нихъ униатское богослуженіе. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, императоръ Павелъ I отъ 18 марта 1797 года издалъ указъ, которымъ строго воспрещались подобныя беспорядки. «Нынѣ увѣдомляемъ,—сказано въ этомъ указѣ,—что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго вѣроисповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ... свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя грекороссійскія церкви и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ униатству. Болѣзнуя милосердо о таковыхъ неблагонамѣренныхъ нашихъ подданныхъ и полагая тутъ источникомъ единственно разность

исповѣданія, народъ тамошній раздѣляющую, восхотѣли мы предварительно употребить средства къ отвращенію междуусобныхъ распръ, почему монаршимъ и отеческимъ гласомъ нашимъ повелѣваемъ, дабы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ нашихъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско-католическое исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свободою исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно совѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно, всякаго рода вѣрноподанныхъ нашихъ, одну съ нами православную греко-россійскую вѣру исповѣдующихъ; но даже не стѣсняли бы свободы тѣмъ, кои по добровольному руководству совѣсти сами отъ другихъ исповѣданій къ православной церкви присоединяться возжелаютъ, не дѣлая отнюдь и самонадѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ сей церкви и не оскорбляя ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ за преслушаніе сей нашей воли наказанія по всей строгости законовъ ⁵⁵⁸).

Вѣроятно, эти беспорядки, происходившіе отъ уніатовъ или изъ-за уніатовъ, были причиною того, что императоръ Павелъ I неблагосклонно смотрѣлъ на унію и даже не терпѣлъ ея. Онъ часто говорилъ могилевскому католическому архіепископу Сестренцевичу въ разговорѣ объ уніатахъ: «я не люблю ихъ; они ни то, ни се, ни рыба, ни мясо». Однажды въ 1799 году онъ сказалъ ему еще яснѣе: «я не терплю уніатовъ; вы хорошо понимаете меня». Если онъ и давалъ какія либо права уніатской церкви, то только какъ составной части католичества, и ограничивалъ самостоятельное ея развитіе. Высочайшимъ указомъ отъ 30 декабря 1797 года, на имя каменецъ-подольскаго генералъ-губернатора Беклешева, повелѣно было приступить къ предположенному Екатериною II сокращенію базилианскихъ монастырей и размѣщенію уніатскихъ монаховъ, начиная съ Жидичинскаго монастыря. Указомъ 29 января 1798 г. Павелъ I назначилъ предсѣдателемъ департамента юстиць-коллегіи для римско-католическаго и уніатскаго исповѣданій могилевскаго католическаго архіепископа Сестренцевича, но не дозволилъ уніатскимъ епархіямъ имѣть своихъ представителей или членовъ въ этомъ департаментѣ. 28 апрѣля того же года учреждено было въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ шесть латинскихъ епископовъ и столько же епархій, а для уніатовъ три епископа и три

епархіи. Для католиковъ назначались: архіепископство Могилевское и епископства Виленское, Самогитское, Луцкое, Каменецкое и Минское. Луцкимъ епископомъ опредѣленъ былъ проживавшій въ Житомирѣ епископъ Гаспаръ Цецишевскій. Въ помощь каждому епископу положенъ викарій, а архіепископу даны три викарія. Отъ мѣстнаго епископа должны были зависѣть всѣ мѣста, чины и должности въ епархіи; ему подчинялись всѣ ордена монашескіе, семинаріи, школы и всякія церковныя или духовныя установленія; запрещалось принимать или держать у себя иностранныхъ духовныхъ, а также имѣть какія либо сношенія внѣ предѣловъ имперіи. Для униатовъ же вновь утверждалась власть полоцкаго униатскаго архіепископа Ираклія Лисовскаго надъ бѣлорусскими униатами и восстанавливались епархіи Брестская для Минской и Литовской областей и Луцкая для Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Луцкимъ епископомъ назначенъ былъ прежній луцкій епископъ Стефанъ Левинскій. Бывшему униатскому митрополиту Ростовскому и пинскому епископу Юсафату Булгаку оставлена прежняя пенсія и предоставлено право жить, гдѣ захотятъ. Во всемъ же остальномъ, касающемся церковнаго управленія, монаховъ, школъ, разныхъ учреждений и проч., повелѣно сообразоваться съ указомъ объ учрежденіи шести католическихъ епархій. 3 ноября 1798 года обнародованъ былъ регламентъ или уставъ для католическаго духовенства обоюга обряда, т. е. для католиковъ и униатовъ, и униатскіе монахи базилиане какъ-бы признаны были латинскимъ монашескимъ сословіемъ. Въ послѣдствіи времени, когда бывший униатскій митрополитъ Ростовскій сдѣлалъ представленіе императору о назначеніи униатскихъ представителей въ римско-католическую коллегію, Павелъ I отвѣчалъ: «униаты, такъ какъ они присоединены или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ (въ римско-католической коллегіи) не могутъ имѣть»⁵⁵⁹).

Такимъ образомъ униаты не имѣли ни митрополита, ни самостоятельнаго управленія, а подчинялись управленію римско-католической коллегіи и отдавались во власть латинянъ. Такое подчиненіе грекоуниатской церкви латинянамъ имѣло горестныя для уни и отчасти для православія послѣдствія. Она, въ полномъ смыслѣ слова, порабощена была католичествомъ. Униатскіе духовные, лишенные всякой самостоятельности и голоса передъ правительствомъ, считались подвластными римско-католическому духовенству до такой степени, что во всѣхъ

В. Кавалер

распоряженіяхъ базилиане смѣшивались съ римско-католическими монашескими орденами, и митрополитъ Сестренцевичъ представлялъ непосредственно отъ себя папѣ о возведеніи въ уніатскіе епископы, на что не имѣлъ никакого права даже по латинскому духовному вѣдомству. Католики понимали, что унія, искусственно поддерживавшаяся польскимъ правительствомъ, сдѣлалась невозможною въ Россіи и скоро должна была уничтожиться. Поэтому, захвативъ въ свои руки уніатское управленіе, латинское духовенство не безъ основанія рассчитывало, что единственное средство сохранить римской церкви хотя часть паствы состояло въ томъ, чтобы обратить уніатовъ прямо въ католичество ⁵⁶⁰). Иногда римско-католическая коллегія сама распоряжалась уніатскими монастырями, какъ своими собственными, и отдавала ихъ католическимъ монахамъ. Когда въ 1798 году императоръ Павелъ принялъ въ Россію французскихъ монаховъ трапистовъ, то онъ повелѣлъ католическому архіепископу Сестренцевичу раздѣлитель ихъ по монастырямъ, находящимся подъ его властію, а Сестренцевичъ возложилъ эту тяжесть на уніатскіе базилианскіе монастыри предназначенные къ уничтоженію. Между прочимъ, траписты введены были въ волинскіе уніатскіе монастыри Жидичинскій и Дерманскій ⁵⁶¹). Впрочемъ, орденъ этотъ существовалъ въ Россіи недолго. «Всѣ ихъ мудрости и добродѣтели, — говоритъ одинъ русскій современникъ, — состояли въ ученіи молчать. Государь Павелъ I, находя излишнимъ для столь легкой и бесполезной науки содержать особыхъ монаховъ, вскорости послѣ учрежденія его уничтожилъ и воспитанниковъ возвратилъ къ родителямъ учиться говорить, но съ разсудкомъ» ⁵⁶²). Употреблявшіеся на содержаніе трапистовъ монастырскіе доходы обращены были на воспитаніе шляхетскихъ дѣтей, въ такомъ количествѣ, сколько гдѣ было трапистовъ ⁵⁶³). Въ 1798 году св. синодъ сообщалъ сенату, что «римско-католическая консисторія дозволила уніатскимъ попамъ исправлять священнослуженіе въ римскихъ костелахъ съ тѣмъ единственно, какъ то изъ послѣдствія открывается, дабы, приласкавъ къ себѣ уніатскихъ поповъ, привлечь чрезъ то въ римскую религію и прихожанъ ихъ уніатовъ» ⁵⁶⁴). Преосвященный волинско-житомирскій Варлаамъ доносилъ св. синоду, что уніатскіе епископы, священники и помѣщики убѣжденіемъ и разнаго рода насиліями не только препятствуютъ народу обращаться къ православію, но и обращенныхъ со-

блазняють и соврацають. Особенно священники, оставшіеся въ прежнихъ своихъ приходахъ среди православнаго народа, совершаютъ свое богослуженіе въ костелахъ, въ часовняхъ и въ помѣщичьихъ домахъ съ подвижными антимирами, продолжаютъ исправлять и приходскія требы, строятъ новыя церкви, изгоняють православныхъ священниковъ, отнимають у нихъ церковныя земли и угодья, ругаются надъ православною церковію и ея таинствами; а помѣщики обращаютъ нѣкоторыя приходы прямо въ латинство, не смотря на буллу папы Бенедикта XIV, запрещающую обращать уніатовъ въ римскую вѣру⁵⁶⁵). Въ Дубенскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ тогда къ Брацлавской епархіи, многія церкви насильно отобраны были на унію. Въ день свѣтлаго праздника Воскресенія Христова жигели села Озденежа, Луцкой епархіи; отняли православную церковь, повидимому, съ тѣмъ, чтобы возстановить унію, но въ дѣйствительности оказалось, что бывшій у нихъ прежде уніатскій священникъ Нарушевичъ, перешедшій затѣмъ къ латинявамъ, увлекалъ ихъ въ латинство, и они принимали не унію, а латинство. Базиліане Бѣлостокскаго на Волыни монастыря, по обращеніи монастырской церкви въ православную, устроили въ своемъ монастырѣ каплицу, совратили бывшихъ прихожанъ своихъ изъ православія въ унію и вмѣстѣ съ ними отобрали въ 1798 году самоправно отъ приходской церкви ключи. Хотя эта церковь снова возвращена была мѣстному православному священнику, но прихожане не ходили въ нее, а ходили въ базиліанскую каплицу, и не бывали на исповѣди у своего приходскаго священника. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, генералъ-губернаторъ Гудовичъ приказалъ забрать всѣхъ зачинщиковъ этихъ волнений и предать суду. Эти дѣйствія были одобрены государемъ, и онъ указомъ отъ 17 марта 1799 года повелѣвалъ Гудовичу и впредь «узнавать о подобныхъ соблазнителяхъ, дабы поступать съ ними по законамъ. Касательно жъ тѣхъ, которые приняли унію и не выходятъ изъ заблужденія,—говорилось далѣе въ указѣ,—повелѣваю вамъ, не дѣлавъ никакого притѣсненія, поступать съ ними въ силу изданнаго мною манифеста въ 18 день марта 1797 года»⁵⁶⁶). Католики и базиліане получили даже расширеніе своихъ правъ. По кознямъ іезуитовъ, католическій архіепископъ Сестренцевичъ въ ноябрѣ 1800 года удаленъ былъ отъ предсѣдательства въ римско-католической коллегіи, и на его мѣсто назначенъ викарій его Бениславскій. При немъ составлено

и обнародовано было 11 декабря 1800 года новое положеніе объ управленіи дѣлами латинской церкви, на основаніи котораго базилиане не только отказали во всякой подчиненности епархіальнымъ епископамъ, но даже получили отъ епископа Беніславскаго, хотя и на самое непродолжительное время, дозволеніе созвать генеральный съѣздъ и избрать генерала ордена ⁵⁶⁷).

При такой широкой вѣротерпимости и покровительствѣ католицизму, успѣхи православной церкви на Волыни значительно замедлились противъ прежняго. Представители православной церкви лишены были прежней дѣятельной поддержки въ обращеніи униатовъ къ православію и предоставлены въ этомъ дѣлѣ только собственнымъ духовно-нравственнымъ силамъ и средствамъ. Когда въ 1797 году доведено было до свѣдѣнія правительства, что многихъ униатовъ удерживаетъ въ уни особенная привязанность и довѣріе къ прежнимъ своимъ священникамъ, скорая перемѣна нѣкоторыхъ униатскихъ обрядовъ, крестныхъ ходовъ и т. п., то св. синодъ, чтобы отвратить эти препятствія и затрудненія, указомъ отъ 24 сентября 1797 года преосвященному житомирскому Варлааму предписалъ: «дозволить нѣкоторые обряды и крестные ходы, гдѣ они бывали, и даже допускать въ оныя мѣстныхъ священниковъ вмѣстѣ съ православными, удаляться распрей о вѣрѣ и соблюдать христіанскую любовь» ⁵⁶⁸). Велѣдствіе жалобъ папскаго нунція Литты на насильственное будто-бы обращеніе униатовъ въ православіе, св. синодъ въ 1798 году, по повелѣнію государя, предписалъ южно-русскимъ православнымъ архіереямъ и въ ихъ числѣ волынско-житомирскому Варлааму «подтвердить своимъ духовнымъ съ подписками, чтобы они, препровождая добродѣтельное и непостыдное для православной церкви житіе, отнюдь не дерзали дѣлать въ обращеніи къ благочестію состоящимъ въ уни жителямъ никакого насилія, подъ опасеніемъ осужденія по строгости законовъ, поступаая въ семъ благочестивомъ подвигѣ со всякою христіанскою кротостію по апостольскому ученію» ⁵⁶⁹). Тѣмъ не менѣе и въ это время православная церковь на Волыни понемногу возрастала и увеличивалась. Изъ вѣдомости объ униатскихъ и возвращенныхъ православію монастыряхъ Волынской епархіи за 1799 годъ видно, что, кромѣ прежнихъ православныхъ монастырей Острожскаго, Загаецкаго, Четвертинскаго и женскаго Корецкаго, обращены были въ православіе монастырскія церкви съ ихъ прихожанами въ базилианскихъ мо-

Гарсия Асенсио

настыряхъ Ясногородскомъ женскомъ, Любарскомъ, Луцкомъ, Бѣлостокскомъ, Поддубецкомъ, Дубенскомъ, Мильчанскомъ, Стракловскомъ, Дерманскомъ и Кременецкомъ, хотя базилиане и продолжали еще жить въ этихъ монастыряхъ ⁵⁷⁰). Но особенно важнымъ событіемъ этого времени для Волыни было то, что указомъ св. синода отъ 16 октября 1799 года учреждена была самостоятельная православная Волынская епархія, съ наименованіемъ епископа ея волынскимъ и житомирскимъ ⁵⁷¹).

Съ восшествіемъ въ 1801 году на російскій престолъ императора Александра I, положеніе дѣлъ на Волыни въ существѣ своемъ не только не измѣнилось, но и получило дальнѣйшее развитіе въ неблагопріятномъ для русской народности и православія направленіи, особенно въ первую половину царствованія Александра I. Правда, и въ это время православная церковь на Волыни не терпѣла никакихъ притѣсненій и насилій совиѣ и даже имѣла численное превосходство предъ униатскою и католическою церквями: но она почти перестала увеличиваться насчетъ униі и по наружной обстановкѣ своей далеко уступала римско-католической церкви. Въ царствованіе Александра I въ Волынской губерніи православныхъ приходскихъ церквей было 1580, тогда какъ униатскихъ только 154. Но духовенство православное не пользовалось тѣми льготами, какія даны были духовенству латинскому, и не владѣло уже обширными населенными имѣніями, а православные храмы, ветхіе, деревянные, часто не имѣвшіе даже и вида церквей, поставленные подлѣ великолѣпныхъ костеловъ, какъ-бы свидѣтельствовали, что панская и хлопская вѣра остались въ этой странѣ тѣ же, что и при польскомъ владычествѣ ⁵⁷²). Самъ православный архіерей и епархіальное управленіе не имѣли приличнаго собора и помѣщенія. Назначенныя для помѣщенія ихъ зданія бывшаго поіезунтскаго острожскаго монастыря и коллегиума подвергались неоднократнымъ пожарамъ въ 1799, 1809, 1812, и особенно въ 1821 году и сдѣлались совершенно негодными для жительства ⁵⁷³), а кафедральнымъ соборомъ служила бѣдная приходская Пятницкая церковь въ городѣ Острогѣ. Послѣ послѣдняго пожара, преосвященный волынскій Стефанъ въ 1823 году представлялъ св. синоду мнѣніе объ обращеніи Почаевскаго монастыря въ православіе, для помѣщенія здѣсь архіерея. Но императору Александру I не угодно было изъявить на это соизволеніе, по тому уваженію, что въ Почаевскомъ монастырѣ находится значительное общество монаховъ базилианскаго

ордена и содержатся учебныя заведенія. Въ октябрѣ того же года государь самъ лично былъ въ городѣ Острогѣ, видѣлъ всю бѣдность обстановки архіерейскаго служенія въ приходской Пятницкой церкви и въ своемъ разговорѣ съ преосвященнымъ Стефаномъ замѣтилъ: «архіерейская кафедра не можетъ быть безъ помѣщенія и безъ приличнаго соборнаго храма; я подумаю объ этомъ». Но этотъ разговоръ не имѣлъ существенныхъ послѣдствій⁵⁷⁴). Въ 1825 году епархіальное управленіе съ архіереемъ перемѣстилось изъ г. Острога въ мѣстечко Аннополь, Острожскаго уѣзда, и заняло зданія князя Яблоновскаго, гдѣ и оставалось до 1831 года. вмѣстѣ съ архіереемъ странствовала по разнымъ мѣстамъ и Волынская духовная семинарія и до того стѣснялась иногда въ помѣщеніи, что въ Острогѣ, напримѣръ, классы ея помѣщались въ обгорѣлыхъ поіезуитскихъ зданіяхъ и въ дождливое время наполнялись водою, а въ Аннополь они должны были помѣщаться въ княжескихъ конюшняхъ, безъ печей и отопленія, съ отверстіями, чрезъ которыя пролѣзали въ классы собаки, а зимою проникалъ снѣгъ⁵⁷⁵). Къ довершенію бѣдствія, послѣ преобразованія Волынской семинаріи въ 1817 году и подчиненія ея духовно-училищному начальству, начинаются внутреннія смуты въ семинаріи и столкновенія между епархіальнымъ и семинарскимъ начальствами, дѣлавшія невыносимую жизнь въ этой семинаріи для ея начальниковъ и наставниковъ⁵⁷⁶).

Въ иномъ положеніи находились польско-католики на Волыни при Александрѣ I, благодаря его возвышеннымъ и человѣколюбивымъ взглядамъ на польскую народность и такой же широкой вѣротерпимости, какою отличались Екатерина II въ первую половину своего царствованія и Павелъ I.

Императоръ Александръ I, воспитанный швейцарцемъ Лагарпомъ, для котораго не могли не быть чужды особенности русскаго народа, исторія Россіи и ея нужды, сблизился, будучи еще великимъ княземъ, съ молодымъ полякомъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, не разъ выслушивалъ его изліянія скорби по поводу мнимыхъ бѣдствій поляковъ и Польши и высказывалъ желаніе облегчить ихъ. Сдѣлавшись государемъ, Александръ I возстановилъ польское управленіе въ западной Россіи во всей почти старой полнотѣ. Дозволено было полное возстановленіе Статута Литовскаго съ сеймпками для выбора судей и разныхъ чиновниковъ. Русское управленіе въ странѣ подкапывалось этимъ путемъ

въ самомъ корнѣ. Всѣ важнѣйшія отрасли управленія перешли въ руки поляковъ⁵⁷⁷), которые, вмѣсто благодарности, при каждомъ удобномъ для нихъ случаѣ, вели подпольную войну противъ русскаго правительства и государства. Когда, послѣ тильзитскаго мира, Наполеонъ I учредилъ въ 1807 году Варшавское герцогство, поляки сотнями, явно и тайно, устремились въ Варшаву и вѣрили, что Наполеонъ I воскреситъ Польшу и присоединитъ къ ней западно-русскія области и въ числѣ ихъ Волинь. Поэтому, когда Наполеонъ I въ 1812 году наступалъ на Россію со своими полчищами, многіе изъ волинскихъ поляковъ перебѣжали къ нему, а другіе, оставаясь на мѣстѣ, старались всеми мѣрами вредить русскому правительству и русскимъ войскамъ. Когда въ 1814 году пронесся слухъ о намѣреніи Александра I возстановить царство Польское, то волинскіе поляки почти увѣрены были, что и они присоединены будутъ къ этому царству. Императоръ Александръ I дѣйствительно имѣлъ намѣреніе возстановить Польшу въ ея цѣлости, въ предѣлахъ до перваго ея раздѣла, но былъ отклоненъ отъ этого намѣренія русскими людьми, къ числу которыхъ принадлежитъ и нашъ знаменитый стечественный историкъ Н. М. Карамзинъ. Въ своей запискѣ, подъ названіемъ «Мнѣніе русскаго гражданина», Карамзинъ прямо и мужественно объяснялъ государю, что всецѣлое возстановленіе древняго королевства Польскаго не согласно ни съ законами государственнаго быта, ни съ священными обязанностями царя, ни съ его любовію къ Россіи и къ самой справедливости. «Старыхъ крѣпостей (т. е. крѣпостныхъ документовъ) нѣтъ въ политикѣ,—писалъ Карамзинъ; иначе мы должныствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волинія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего... Однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обagrятъ своею кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу». Благодаря мужественному голосу сыновъ отечества, Александръ I оставилъ свои намѣренія, и Россія удержала свои русскія области,

бывшія нѣкогда подъ властію Польши ⁵⁷⁸). Обманувшись въ своихъ надеждахъ, волынскіе поляки постарались, по крайней мѣрѣ, выжить отъ себя русскихъ начальниковъ и чиновниковъ въ краѣ, чтобы или самимъ занять ихъ мѣста, или добиться назначенія на эти мѣста угодныхъ имъ лицъ ⁵⁷⁹). Вскорѣ явятся въ должности губернатора волынской помѣщикъ Бартоломей Гижицкій, а вице-губернаторомъ графъ Филиппъ Плятеръ. При нихъ на Волыни получили особенное развитіе масонскія ложи, которыя появились здѣсь еще въ концѣ XVIII столѣтія. Теперь онѣ стали принимать другую окраску и превращаться въ общества «карбонаріевъ», «патріотовъ» и др., имѣвшія цѣлю приготовить поляковъ къ возстанію противъ Россіи. Кромѣ того, на Волыни возникло еще общество «тамплиеровъ». Участвовавшіе въ этихъ обществахъ поляки вошли въ сношенія съ русскими заговорщиками, извѣстными впоследствии подъ названіемъ декабристовъ, отчасти такими лицами, которыя получили иностранное образованіе, не были знакомы съ нуждами, обычаями и исторіею роднаго края. Для свиданій избраны были кievскіе контракты въ 1824 и 1825 годахъ, перенесенные сюда изъ Дубна еще Екатериною II. Вскорѣ послѣ того открытъ былъ извѣстный заговоръ 14 декабря, а съ тѣмъ вмѣстѣ открылись и сношенія поляковъ съ декабристами и сдѣлалось извѣстнымъ существованіе многихъ польскихъ тайныхъ обществъ. Въ это время было арестовано до 20 человекъ пановъ Волынской губерніи, принадлежавшихъ большею частію къ ложѣ Житомирской. Въ числѣ ихъ были губернский предводитель дворянства Петръ Мошинскій, Станиславъ Карвицкій и другіе ⁵⁸⁰).

Несравненно опаснѣе для Россіи была польская затѣя Адама Чарторыйскаго и сподвижника его Фаддея Чацкаго приготовить въ будущемъ возстановленіе Польши посредствомъ образованія польскаго юношества и ополяченія русскаго населенія въ юго-западной Россіи. Когда въ 1803 году учреждено было въ Россіи особое министерство народнаго просвѣщенія и затѣмъ образовано шесть учебныхъ округовъ; то Чарторыйскій назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и въ этомъ званіи учредилъ Виленскій польскій университетъ, съ главной семинаріей при немъ для образованія латинскаго и униатскаго духовенства. Образованіе для Чарторыйскаго было

не цѣлю для просвѣщенія и благосостояннiя народа, а средствомъ для ополяченiя русскаго населенiя края, утвержденiя польской народности и распространенiя впоследствии предѣловъ Польши, которая, по его понятiямъ, должна заключать въ себѣ не только собственно польскiя области, но и Литву, Бѣлоруссiю и даже значительную часть Малороссiи съ Кiевомъ. Напрасно императоръ Александръ I старался убѣдить его въ несбыточности такой мечты, увѣряя, что ничто въ мирѣ не заставитъ русскихъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, Волинь и Подолiю. Чарторыйскiй, по его собственному сознанию, вступилъ въ русскую службу единственно для возстановленiя самобытной Польши и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому считалъ образованiе въ польскомъ духѣ. Чарторыйскiй еще въ концѣ царствованiя Екатерины II вступилъ въ русскую службу и вторгся въ довѣрiе Александра Павловича. Онъ прiѣхалъ въ Петербургъ просить о снятiи секвестра съ имѣнiй отца, въ чемъ отчасти и имѣлъ успѣхъ. Та же задача ополяченiя русскаго населенiя и утвержденiя польской народности проводилась и въ народныхъ школахъ, въ которыхъ польскiй языкъ имѣлъ неизмѣримое преимущество передъ русскимъ. Въ уставахъ Виленскаго округа подъ названiемъ словесность разумѣлась не русская, а польская словесность; да и всѣ науки излагались тамъ на польскомъ языкѣ. Въ гимназiяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподаватель польской грамматики состоялъ въ спискѣ старшихъ учителей, а преподаватель русскаго языка считался младшимъ, наравнѣ съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованiя. Къ ополяченiю страны привлекалось и католическое и униатское духовенство, которое должно было заводить школы при всякой приходской церкви и при всякомъ монастырѣ ⁵⁸¹).

Однимъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ Чарторыйскаго въ ополяченiи края былъ волинскiй помѣщикъ Оадей Чацкiй, назначенный «главнымъ визитаторомъ училищъ Кiевской, Волинской и Подольской губернiй». На собранныя пожертвованiя онъ основалъ или преобразовалъ прежнiя школы въ губернiяхъ Кiевской, Волинской и Подольской, именно: во Владимiрѣ, Межиричѣ, Любарѣ, Бердичевѣ, Клевани, Луцкѣ, Житомирѣ, Овручѣ, Дубровицѣ, Барѣ и Винницѣ, и учредилъ 126 приходскихъ училищъ. Главнымъ же предметомъ его попеченiй и заботъ было основанiе Кременецкой гимназiи, обращенной потомъ

Императоръ Николай I Павловичъ.

въ лицей, предпринятое имъ «для сохраненія дорогаго наслѣдства языка своихъ единоплеменниковъ», для приданія имъ жизненной силы и въ доказательство того, «что паденіе ойчизны (т. е. Польши) не повлекло за собою упадка доблести и наукъ», словомъ для ополяченія края. Открытая въ пользу гимназіи подписка принесла Чацкому 415,720 злотыхъ польскихъ по нынѣшнему счету 62,358 рублей). Кременецкая гимназія открыта была 10 октября 1805 года и немедленно стала подготовляться къ преобразованію въ лицей. Для управленія дѣлами поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ учреждены были въ юго-западной Россіи двѣ училищныя комисіи: одна для губерній Кіевской, Волынской и Подольской, а другая для пяти губерній бѣлорусскихъ. Первая изъ нихъ открыта была въ 1807 г. въ Кременцѣ, распутала дѣла самыя многосложныя и изыскала въ пользу училищъ изъ доходовъ и процентовъ съ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ фундушъ въ 2.350,000 злотыхъ польскихъ (352,500 рублей). Эти средства дали Чацкому возможность расширить кругъ предметовъ преподаванія въ Кременецкой гимназіи. При ней учреждены были въ 1807 году школы землѣровъ, механики, астрономическая обсерваторія, манежъ для обученія верховой ѣздѣ, обширный ботаническій садъ и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ Чацкій пригласилъ польскихъ помѣщиковъ поселиться въ Кременцѣ со своими семействами, гдѣ молодые люди могли бы проводить свободное отъ занятій время съ пріятностію и пользою для себя,—и на его приглашеніе откликнулись многіе. Гимназія преобразована была въ лицей въ 1809 году и въ этомъ видѣ существовала до 1832 года⁵⁸²). При самомъ Чацкомъ († 1813 г.) и при его преемникахъ по визитаторству, Филиппъ Плятеръ, Янъ Вылежинскомъ и Казиміръ Монюшкѣ, Кременецкій лицей сдѣлался одною изъ важнѣйшихъ опоръ польской народности въ краѣ. Польскій языкъ, дотолѣ смѣшанный съ латынью, теперь одержалъ верхъ надъ нею и очистился. Вообще все образованіе въ лицей отрѣшилось отъ прежняго іезуитскаго, сухаго и школьнаго преподаванія и приняло живой характеръ. Извѣстно, что лучшіе новѣйшіе писатели польскіе явились именно въ эту пору упадка государственной самостоятельности Польши и подчиненія здѣшняго края Россіи, и притомъ не изъ самой Польши, а изъ принадлежавшихъ ей нѣкогда русскихъ областей. Много содѣйствовалъ оживленію польской науки и литера-

туры и Кременецкій лицей. Изъ профессоровъ его извѣстны въ исторію польской науки и просвѣщенія: Алоизій Осинскій, составившій «словарь польскихъ писателей» и «словарь языка польскаго»; Алоизій Фелинскій, написавшій драму «Варвара Радзивиловна»; Юсифъ Корженевскій, одинъ изъ лучшихъ польскихъ сочинителей романовъ и повѣстей; математикъ Чехъ, ботаники Бессеръ и Анджеевскій и др. Изъ воспитанниковъ лицея упражнялись на учено-литературномъ поприщѣ: Александръ Пжездецкій, Словацкій, Сѣроцинскій, Хлѣбовскій, Стефанъ Витвицкій, Сенькевичъ, Олизаровскій, Закжевскій и другіе ⁵⁸³).

При общемъ стремленіи къ ополяченію края, не оставлены были Чацкимъ безъ вниманія католическое и уніатское духовенство и русскіе уніаты вообще.

Въ 1803 году Чацкій устроилъ въ Луцкѣ съѣздъ бѣлаго и монашествующаго католическаго духовенства Луцкой епархіи и получилъ отъ него письменное обязательство, что при каждомъ костелѣ будетъ содержаться приходская школа. Вслѣдствіе этого, кромѣ прежнихъ 43 монастырскихъ школъ, по настоянію Чацкого, предположено было открыть еще 48 училищъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, завести по нѣкоторымъ монастырямъ астрономическія наблюденія и посылать молодыхъ монаховъ въ главную семинарію при Виленскомъ университетѣ, для приготовленія къ учительскому званію. Но всѣ эти предположенія не были въ точности выполнены: приходскихъ школъ не много было учреждено католическимъ духовенствомъ. Притомъ же, главнѣйшее назначеніе этихъ школъ состояло не въ томъ, чтобы ученики ихъ учились, а въ томъ, чтобы каждый праздникъ и торжество прислуживали ксендзу при священнодѣйствіи ⁵⁸⁴). Были даже одиночныя попытки возвратиться къ прежнему іезуитскому образованію и противопоставить его новому образованію. Волынскій помѣщикъ, графъ Ильинскій, въ убѣжденіи, что ничего не можетъ быть полезнѣе для государя и государства, какъ орденъ іезуитскій, просилъ въ 1811 году дозволенія открыть въ имѣніи своемъ, мѣстечкѣ Романовѣ, Новоградволынскаго уѣзда, іезуитское училище, предлагая устроить тамъ на свой счетъ церковь, школу, пансіонъ, книгохранилище и содержать 14 преподавателей, а для начала просилъ прислать четырехъ іезуитовъ. Государь согласился, и іезуитское училище открылось въ Романовѣ, но не успѣло развиваться въ предположенныхъ

учредителемъ размѣрахъ: въ немъ никогда не было болѣе семи іезуитовъ. А въ 1820 году всѣ іезуиты высланы были изъ Россіи⁵⁸⁵).

По отношенію къ уніатской церкви ополяченіе совершалось различными способами. Бѣлое уніатское духовенство и міряне прямо возвращаемы были въ польское католичество, а уніатскіе монахи базилиане настолько уже приблизились къ католичеству и освоились съ нимъ, что привлекались къ участию въ дѣлѣ распространенія польскаго образованія въ южно-русскихъ областяхъ.

Совращеніе уніатовъ въ католичество особенно усилилось въ первые годы царствованія Александра I, благодаря той зависимости, въ какую поставлена была уніатская церковь по отношенію къ латинянамъ еще при Павлѣ I. Католическое духовенство разглашало, что русское правительство уничтожило унію, что всѣхъ людей этого обряда силою будутъ обращать въ православіе, и что потому уніаты, лишившись своего обряда, должны сдѣлаться католиками. Съ своей стороны, польскіе помѣщики угрожали уніатскимъ священникамъ, что, если они не сдѣлаются католиками, то лишатся не только своихъ приходоу, но и собственности; ежели же согласятся перемѣнить свой обрядъ, то будутъ пользоваться всегдѣшнимъ ихъ вспоможеніемъ во всѣхъ хозяйственныхъ нуждахъ. Для облегченія же перехода изъ уніи въ католичество, католическіе ксендзы печатали латинскую литургію польскими буквами и съ польскимъ переводомъ, или же, оставивъ въ общемъ неприкосновенною уніатскую церковно-славянскую литургію, вводили въ нее лишь нѣкоторыя латинскія особенности и въ числѣ ихъ опрѣсноки (оплатки). Такими путями около 1803 года совращено было въ Бѣлоруссіи въ латинскій или полулатинскій обрядъ 22 прихода съ ихъ священниками и отъ 80 до 100 тысячъ уніатовъ⁵⁸⁶). Въ Луцкой уніатской епархіи такихъ крупныхъ совращеній уніатовъ въ католичество не было въ это время. По донесенію уніатскаго епископа Левинскаго, здѣсь совратилось въ католичество одно только село Орденичи со своимъ приходскимъ священникомъ⁵⁸⁷), но единичныхъ совращеній, по всей вѣроятности, было не мало. Объ усиленіи на Волыни католичества при Павлѣ и Александрѣ I свидѣтельствуютъ и новопостроенные здѣсь костелы, какъ-то: въ Пулинѣ, Житомирскаго уѣзда; въ 1797 году въ Тучинѣ, Ровенскаго уѣзда, помѣщикомъ Валевскимъ; въ 1801 году въ Колодномъ, Кременецкаго у.,

помѣщикомъ Свейковскимъ; въ 1803 году въ Скурчѣ, Луцкаго у., помѣщикомъ Загурскимъ; въ 1805 году въ Лещинѣ; Житомирскаго у., перемышльскимъ стольникомъ Юсифомъ Поляновскимъ ⁵⁸⁸); въ 1807 году въ Невирковѣ, Ровенскаго у., доминиканскій, хорунжимъ Стецкимъ ⁵⁸⁹), въ 1808 году въ Гороховѣ, Владимірскаго у., графомъ Стройновскимъ; въ томъ же году въ Бутовцахъ, Заславскаго у., помѣщикомъ Пжилускимъ; въ 1813 году въ Березинѣ, того же уѣзда, помѣщикомъ Корженевскимъ, и въ 1820 году, въ Мирополѣ, Новградволинскаго у., помѣщиками Ростворовскими ⁵⁹⁰).

Базиліане, по восшествіи Александра I на престолъ, были нѣсколько ограничены въ своихъ правахъ противъ прежняго. Возвративъ католическаго архіепископа Сестренцевича на прежнюю его должность, Александръ I сдѣлалъ его предсѣдателемъ преобразованной римско-католической коллегіи для управленія католиками и уніатами и поручилъ ему составить новое положеніе объ управленіи католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ, обнародованное потомъ 16 іюля 1801 года. Этимъ положеніемъ упразднилось званіе базиліанскаго орденскаго генерала и оставлялись только провинціалы или областные монашескіе начальники, которые, не будучи подвластны архіереямъ, должны были однакоже имѣть сношенія съ ними и въ извѣстныхъ случаяхъ повиноваться имъ. Кромѣ того, оставался еще въ силѣ указъ Екатерины II объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей, не занимающихся ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ. Во одной Волынской губерніи находилось еще 26 уніатскихъ, мужскихъ и женскихъ монастырей, съ 243 монашествующими лицами, и 11 изъ этихъ монастырей не занимались ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ. Вслѣдствіе представленія о семъ подольскаго генералъ-губернатора Розенберга, сенатъ предписалъ римско-католической коллегіи войти въ разсужденіе, какіе изъ уніатскихъ монастырей упразднить и какіе оставить неприкосновенными, причемъ войти въ сношеніе и соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія относительно тѣхъ уніатскихъ монастырей, при которыхъ находятся училища, подвѣдомственные министерству народнаго просвѣщенія ⁵⁹¹). Здѣсь имѣлись въ виду тѣ училища, содержаніе которыхъ приняли на себя базиліане по изгнаніи іезуитовъ изъ Польши въ 1772 г., каковы были на Волыни училища во Владимірѣ, Любарѣ и Овручѣ. Но базиліане желали

удержать за собою и всё излишніе свои монастыри, а Чацкій воспользовался этимъ обстоятельствомъ и предложилъ базилианамъ принять болѣе живое и дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія и преобразовать свой орденъ изъ чисто монашескаго въ воспитательный, обѣщая ему за то исходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ не только обеспеченіе цѣлости и неприкосновенности всѣхъ базилианскихъ монастырей, но и возстановленіе полного орденскаго самоуправленія ихъ, съ генераломъ или протоархимандритомъ во главѣ. Базилиане соглашались на это. Тогда князь Чарторыйскій вошелъ въ 1806 году съ ходатайствомъ, чтобы базилианскій орденъ признанъ былъ правительствомъ за воспитательный орденъ, а фондуши его считались общою учебною орденскою собственностію, которая навсегда должна оставаться во владѣніи монаховъ. Кромѣ того, князь Чарторыйскій представилъ, чтобы базилиане имѣли своего генерала ордена и чтобы созываемъ былъ генеральный базилианскій съѣздъ, который бы и разсудилъ, какіе монастыри полезнѣе упразднить и какіе оставить, но ни подъ какимъ видомъ не отбирая изъ владѣнія ордена имѣній упраздняемыхъ монастырей. Эти предположенія князя Чарторыйскаго получили въ 1807 году высочайшее утвержденіе⁵⁹²). Но противъ нихъ выступили уже сама уніатская іерархія и бѣлое уніатское духовенство.

Въ то время, когда польско-католики и базилиане старались окатоличить унію и сдѣлать ее орудіемъ латино-польскихъ вождедѣній и стремленій, — въ самой средѣ уніатства пробуждается противодѣйствіе католикамъ и базилианамъ и стремленіе удержать въ уніи остатки православія и даже сблизить ее съ православною церковію. Этому содѣйствовало и нѣкоторое расширеніе правъ уніатской церкви при Александрѣ I. Во главѣ этого новаго движенія, въ средѣ уніатства, стоялъ полоцкій уніатскій архіепископъ Ираклій Лисовскій, — человекъ, не способный поддаваться внушеніямъ латинянъ. Когда около 1803 года совращено было въ Бѣлоруссіи отъ 80 до 100 тысячъ уніатовъ въ католичество, Ираклій Лисовскій, собравшись въ путешествіе въ Іерусалимъ, послалъ въ Петербургъ изъ своего клира уніатскаго священника Красовскаго съ жалобою на совращенія уніатовъ въ латинство и на римско-католическую коллегію, которая не принимала отъ уніатовъ никакихъ жалобъ по этому случаю и не возбраняла совращеній.

Вслѣдствіе этого императоръ Александръ I именнымъ указомъ отъ 4 іюля 1803 года принялъ уніатовъ подъ свое покровительство и велѣлъ произвести строжайшее слѣдствіе о совращеніи бѣлорусскихъ уніатовъ въ католичество. Въ началѣ 1804 года вызванъ былъ въ

Іосифъ Сѣмашко,
литовскій греко-уніатскій епископъ,
впослѣдствіи литовскій православный митрополитъ.

Петербургъ, по уніатскимъ дѣламъ, луцкій уніатскій епископъ Стефанъ Левинскій. Вѣроятно, по его представленіямъ, римско-католическая коллегія предписала дѣлать обзоръніе базилианскихъ монастырей черезъ духовныхъ лицъ бѣлаго уніатскаго духовенства и воспретила

базиліанамъ занимать должности по епархіальному управленію⁵⁹³). Въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы въ римско-католической коллегіи, въ которой доселѣ не было ни одного уніата, присутствовали одинъ епископъ и три засѣдателя отъ уніатовъ по выбору трехъ епархіальныхъ начальниковъ, и каждому изъ этихъ членовъ присвоено по два голоса, чтобы уравнивать ихъ съ членами латинскихъ епархій, коихъ было восемь⁵⁹⁴). Для присутствованія въ коллегіи назначенъ былъ брестскій уніатскій епископъ Юсафать Булгакъ, изъ базиліанъ, который прежде всего постарался пріостановить дѣло объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей⁵⁹⁵). Но уніаты все-таки не могли мирно ужиться съ католиками въ римско-католической коллегіи: уніатскіе члены встрѣчены были здѣсь съ надменнымъ пренебреженіемъ и всякое мнѣніе въ пользу своей церкви должны были отстаивать съ неимовѣрными усиліями. Настаивая на совершенномъ раздѣленіи этихъ двухъ духовныхъ вѣдомствъ, архіепископъ Лисовскій представилъ въ высшей степени замѣчательную жалобу на всѣ угнетенія, какія претерпѣвала несчастная уніатская церковь отъ латинской, почитавшейся съ нею соединенною. Тогда правительство вынуждено было отдѣлить главное духовное управленіе уніатовъ отъ римско-католическаго и тѣмъ самымъ признать ихъ отдѣльность отъ латинской церкви. Указомъ 16 іюля 1805 года коллегія раздѣлена была на два департамента или отдѣленія: одинъ долженъ былъ завѣдывать дѣлами римско-католической церкви, а другой — уніатскими; для сужденія же по дѣламъ, касающимся обоихъ исповѣданій, повелѣно было составлять изъ сихъ двухъ департаментовъ общее собраніе. Для предсѣдательства во второмъ (уніатскомъ) департаментѣ коллегіи вызванъ былъ изъ своей епархіи архіепископъ Лисовскій, который въ слѣдующемъ 1806 году, по смерти бывшаго уніатскаго митрополита Ростоцкаго, возведенъ былъ въ санъ митрополита. Всю дѣятельность свою на митрополичьей кафедрѣ Лисовскій посвятилъ на то, чтобы очистить уніатскую церковь отъ намѣренныхъ искаженій, произведенныхъ въ ней латинствомъ, и сохранить ея восточные обряды и внутреннее устройство. Въ 1806 году онъ предписалъ всему уніатскому духовенству возносить въ церковныхъ службахъ прежде имя государя, а потомъ уже папы; ходатайствовалъ о подчиненіи базиліанъ епархіальнымъ епископамъ, о возвращеніи насильно отнятыхъ базиліанами имѣ-

ній бѣлому духовенству, объ уничтоженіи права ктиторства, — однимъ словомъ, старался возвратить уніатскую церковь къ ея первоначальному устройству и обрядамъ, которые папы обязались сохранять при введеніи уніи⁵⁹⁶).

При этомъ-то митрополитъ Чарторыйскій и Чацкій и вздумали было преобразовать базилианскій орденъ изъ чисто монашескаго въ воспитательный и привлечь его къ дѣлу польскаго образованія въ соединенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Лисовскій на время выѣхалъ изъ Петербурга въ свою епархію, оставивъ для предсѣдательства въ уніатскомъ департаментѣ коллегіи базилианина архимандрита Головню, Чацкій легко склонилъ этого послѣдняго на свою сторону и выхлопоталъ высочайшее соизволеніе на преобразование базилианскаго ордена въ воспитательный. Разгнѣвавшись за это на архимандрита Головню, Лисовскій велѣлъ ему выѣхать изъ Петербурга, а предсѣдателемъ вмѣсто себя прислалъ протоіерея Красовскаго⁵⁹⁷). Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ Лисовскій настоялъ на томъ, чтобы такое вредное для уніатской церкви постановленіе было отмѣнено. Вслѣдствіе его настояній, для разсмотрѣнія нововведеній князя Чарторыйскаго и Чацкаго, устроенъ былъ комитетъ, который весьма справедливо заключилъ, что Чарторыйскій не имѣлъ ни малѣйшаго права устраивать базилианскій орденъ по своему произволу, что признать это монашествующее сословіе за воспитательное общество нѣтъ никакого основанія, такъ какъ не всѣ члены его занимаются воспитаніемъ, а многіе и неспособны къ тому, и что, если желанія Чарторыйскаго исполнятся, базилианскіе фундуши обратятся вовсе не на пользу уніатовъ, а на обогащеніе римско-католиковъ, изъ коихъ состоитъ орденъ. Такимъ образомъ рушился хитрый планъ Чарторыйскаго и Чацкаго. Докладъ 27 іюля 1807 года о преобразованіи базилианскаго ордена остался безъ исполненія⁵⁹⁸). Остались въ силѣ только тѣ постановленія и распоряженія по базилианскому ордену, которыя состоялись еще до этого доклада. Такъ напр., остались за базилианами прежнія общественныя школы, переданныя имъ по изгнаніи іезуитовъ изъ Польши, и подлежали надзору учебной власти и ревизіи гимназическихъ начальниковъ; учреждено нѣсколько приходскихъ училищъ при базилианскихъ монастыряхъ; отданы Кременецкому лицу зданія Кременецкаго базилианскаго монастыря, а базилиа-

намъ отданъ былъ Кременецкій реформатскій монастырь, и нѣсколько униатскихъ юношей воспитывалось въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ и въ Кременецкомъ лицей⁵⁹⁹).

Въ послѣдніе годы жизни митрополита Лисовскаго рѣшено было и дѣло о совращеніи бѣлорусскихъ униатовъ въ католичество около 1803 года. Послѣ дознанныхъ неправильныхъ совращеній бѣлорусскихъ униатовъ въ латинство, латинскій митрополитъ Сестрэнцевичъ долженъ былъ предписать своему духовенству возвратить такихъ людей въ ихъ прежній обрядъ, а въ 1807 году запрещено было латинскимъ духовнымъ присоединять къ своей вѣрѣ униатовъ, — и это постановление, вслѣдствіе новыхъ жалобъ униатовъ, подтверждено было 21 іюля 1810 года сенатомъ, который далъ предписание коллегіи, чтобы она не позволяла переходъ изъ одного обряда въ другой. Основываясь на этомъ указѣ сената, униатскій департаментъ коллегіи запретилъ базилианамъ принимать въ свой орденъ людей, исповѣдующихъ латинскую вѣру, хотя это запрещеніе часто и не исполнялось⁶⁰⁰).

Митрополитъ Лисовскій умеръ въ 1809 году; но съ его смертію данное имъ униіи направленіе въ православную сторону не только не прекратилось, а все болѣе и болѣе развивалось и укрѣплялось, не смотря на противодѣйствіе со стороны католиковъ и базилианъ.

Умирая, Лисовскій просилъ государя наименовать униатскимъ митрополитомъ луцкаго епископа Григорія Кохановича, происходившаго изъ бѣлаго духовенства и потому ревностнаго къ отдѣльности униіи отъ латинства. Государь уважилъ просьбу умирающаго пастыря, и въ 1810 году Кохановичъ былъ возведенъ въ санъ митрополита, оставаясь на Луцкой своей кафедрѣ. При немъ къ Луцкой епархіи причисленъ былъ временно принадлежавшій Россіи Тарнопольскій округъ, пока онъ не былъ уступленъ Австріи, съ 328 греко-униатскими церквями и однимъ монастыремъ. Управление Кохановича униатскою церковію было продолженіемъ способа дѣйствій Лисовскаго: онъ боролся со всѣми нововводителями римскихъ обыкновеній въ униатскій обрядъ и преимущественно съ базилианами. 14 марта, 1814 года, скончался митрополитъ Кохановичъ. До избранія новаго митрополита и по предсмертному желанію усопшаго, митрополичья епархія поручена была во временное управленіе полоцкому архіепископу Красовскому, происходившему изъ бѣлаго духовенства, тому самому, который, бывши еще протоіереемъ, посылаемъ

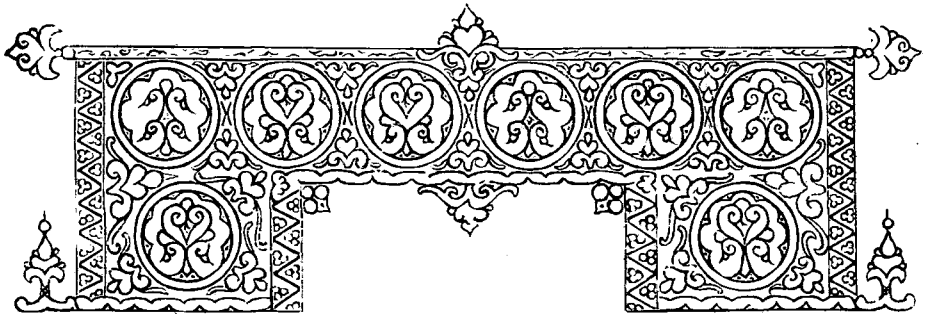
Преображенскій кафедральный соборъ въ Житомирѣ.
(1, помѣщеніе собора до 1858 года; 2, соборъ, сооруженный въ 1866—1874 годахъ).

былъ униатами въ Петербургъ и представлялъ правительству ихъ жалобы на угнетенія и соращенія римскихъ духовныхъ, а затѣмъ предсѣдательствовалъ, вмѣсто Лисовскаго, въ униатскомъ департаментѣ римско-католической коллегіи. Но базилиане представили своего кандидата на это важное мѣсто, брестскаго епископа Булгака, вышедшаго изъ ихъ ордена. Бѣлое духовенство, узнавъ о проискахъ базилианъ, всѣми силами воспротивилось такому выбору. Правительство, не зная, на которомъ изъ двухъ епископовъ остановиться, въ продолженіи трехъ лѣтъ не замѣщало митрополичьей катедры; но когда въ 1817 году понадобилось посвятить одного епископа, то оно назначило митрополитомъ Булгака. Красовскій же, по настоянію новаго митрополита Булгака, въ концѣ 1821 года удаленъ былъ отъ управленія епархіею, преданъ духовному суду, и хотя не уличенъ былъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, но уже не возвращенъ на свое мѣсто. Только по восшествіи на престолъ императора Николая I, Красовскій, былъ оправданъ и назначенъ архіепископомъ лужскимъ; но въ слѣдующемъ же 1827 году онъ скончался, и есть много причинъ полагать, что онъ былъ отравленъ. Базилианская партія въ униі восторжествовала на время надъ бѣлымъ духовенствомъ. Митрополитъ Булгакъ оказывалъ явное предпочтеніе базилианскому ордену. Прежде всего онъ ввелъ представителя базилианъ въ униатскій департаментъ коллегіи и тотчасъ по возведеніи въ санъ митрополита представилъ о неправильности будто бы сдѣланнаго въ 1810 году униатскимъ департаментомъ постановленія, сознавая, что, если базилианскій орденъ не будетъ наполняться римско-католиками, то онъ существовать не можетъ. Послѣ этого и князь Чарторыйскій возобновилъ свои ходатайства о привлеченіи базилианъ къ дѣлу польскаго образованія. Но въ это время главное русское управленіе, благодаря представленіямъ и жалобамъ бѣлаго униатскаго духовенства на притѣсненія отъ базилианъ, сознавало уже настоящее значеніе базилианскаго ордена и его приверженность къ латинству. Потому въ 1822 году сенатъ опять подтвердилъ, чтобы римско-католиковъ не принимать въ базилианскій орденъ ⁶⁰¹).

Такимъ образомъ, уже къ концу царствованія Александра I обнаружился замѣтный поворотъ во взглядахъ русскаго правительства на униатовъ и на отношеніе ихъ къ польскому католичеству. Русское правительство, наконецъ, стало сознавать, кто его друзья и кто недруги,

и соотвѣтственно этому, не смотря на общее направленіе дѣятельности уніатскаго митрополита базилианина Булгака, старалось по возможности оградить бѣлое уніатское духовенство и мірянъ отъ обидъ со стороны польско-католиковъ и окатоличенныхъ базилианъ. Но это новое направленіе во взглядахъ русскаго правительства на уніатское дѣло рѣшительно обнаруживается въ царствованіе императора Николая I. Оно находитъ дѣятельнаго сторонника въ лицѣ члена уніатскаго департамента коллегіи Іосифа Сѣмашки и въ заключеніе приводитъ къ рѣшительному отдѣленію польско-католическихъ стремленій отъ уніатскихъ. Тогда какъ первыя выражаются въ польскомъ мятежѣ 1830 и 1831 гг., вторыя разрѣшаются всеобщимъ воссоединеніемъ западно-русскихъ уніатовъ, кромѣ холмскихъ, съ православною церковію въ 1839 году.

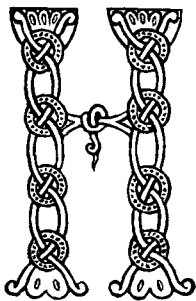

Глава десятая.

Возсоединеніе униатовъ и возстановленіе православія и русской народности на Волыни.

Отношеніе императора Николая I къ униіи и поддержка бѣлому униатскому духовенству противъ католиковъ и базилианъ. — Униатскій протоіерей Іосифъ Сѣмашко, его планы объ очищеніи униіи отъ католичества и сближеніи съ православіемъ и осуществленіе ихъ правительствомъ; назначеніе Іосифа Сѣмашка епископомъ; возни польско-католиковъ и базилианъ; польскій мятежъ 1830 и 1831 гг. на Волыни; усмиреніе мятежа, закрытіе польскихъ школъ и нѣкоторыхъ католическихъ монастырей и передача Почаевского монастыря православному; мѣры противъ ополяченія и окатоличенія края, ускореніе униатскаго дѣла и возсоединеніе униатовъ съ православною церковію въ 1839 году; состояніе православной церкви на Волыни при Николаѣ I. — Александръ II, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году и польскій мятежъ 1863 года; пробужденіе русскаго самосознанія и духа на Волыни; правительственныя и общественныя мѣры къ обрусенію края и поднятію русской народности и православія. — Нынѣшній составъ населенія Волынской губерніи. — Заключение.

НИКОЛАЙ I, вскорѣ по восшествіи на престолъ, издалъ 9 октября 1827 года указъ, которымъ подтверждалось воспрещеніе обращать униатовъ въ католичество и принимать католиковъ въ униатское монашество и повелѣвалось учредить училища для униатскаго духовнаго юношества. Этотъ высочайшій указъ послужилъ для Іосифа Сѣмашки однимъ изъ поводовъ къ составленію имъ записки «о положеніи униатской въ Россіи церкви и средствахъ возвратить оную на лоно православной церкви». Глав-

ная мысль этой записки состояла въ томъ, чтобы нѣсколько удалить уніатовъ отъ католиковъ и базилианъ и дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства, которое поведетъ за собою и уніатскій народъ⁶⁰²). Съ этого времени Іосифъ Сѣмашко становится главнымъ орудіемъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ уніи, имъ же самимъ и предначертанныхъ въ его запискѣ. Въ томъ же году онъ вновь возбудилъ и подвинулъ дѣло объ упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей и обращеніи ихъ достоянія на многоразличныя потребности уніатской церкви, преимущественно же на учрежденіе семинарій и духовныхъ училищъ, и провелъ это дѣло чрезъ уніатскій департаментъ римско-католической духовной коллегіи. Въ Луцкой епархіи на Волыни предположено было оставить самостоятельными уніатскіе монастыри Почаевскій, Кременецкій, Мѣлецкій. Монастыри Поддубецкій, Тригорскій и Верховскій предназначалось обратить въ свѣтскія приходскія церкви. Предназначены къ упраздненію монастыри Бѣлостокскій, Дорогобужскій, Дубенскій, Гоцанскій, Луцкій, Мильчанскій, Пугинскій, Туминскій и Загоровскій. Монастыри Любарскій и Владимірскій, содержавшіе значительныя общественныя училища, сохранялись до времени, пока правительство не найдетъ другихъ средствъ къ просвѣщенію юношества. Всѣ фундуши монастырей, упраздняемыхъ или обращаемыхъ въ свѣтскія приходскія церкви, а именно 1959 крестьянъ и 247,417 рублей, должны были войти въ общій составъ церковныхъ имѣній и капиталовъ греко-уніатскаго духовенства. Предполагалось сократить число греко-уніатскихъ епархій и устроить семинаріи и училища для уніатскаго духовенства. Для Луцкой епархіи семинарія предназначалась въ Овручскомъ монастырѣ, а училища — въ монастыряхъ Почаевскомъ и Мѣлецкомъ⁶⁰³). Всѣ эти предположенія одобрены и утверждены были высочайшимъ указомъ 22 апрѣля, 1828 года⁶⁰⁴). Сенатскимъ указомъ 8 мая 1828 года учреждена была для уніатскихъ дѣлъ въ Россіи независимая отъ римско-католической греко-уніатская духовная коллегія; уніатскія церкви, вмѣсто четырехъ епархій, распределены на двѣ — Бѣлорусскую и Литовскую, съ отчисленіемъ къ первой Житомирскаго и Овручскаго повѣтовъ, а ко второй — уніатскихъ церквей сѣверныхъ повѣтовъ Волынской губерніи (Владимірскаго, Ковельскаго, Ровенскаго, Луцкаго, Дубенскаго и Кременецкаго), и для каждой епархіи указано быть консисторіи, семинаріи, низшимъ духов-

нымъ училищамъ, а въ Полоцкѣ — духовной академіи; при обоихъ кафедральныхъ соборахъ назначено по 6 старшихъ и 12 младшихъ соборныхъ протоіереевъ, украшенныхъ наперстными крестами и обеспеченныхъ пенсією; базилианскіе монастыри и монашество подчинены епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ; указаны фондуши, отъ которыхъ слѣдуетъ получать содержаніе всѣмъ этимъ учрежденіямъ. Этотъ указъ заключалъ въ себѣ всѣ главныя основанія для дѣйствія на уніатовъ въ предположенной цѣли ⁶⁰⁵). Для лучшаго успѣха дѣла, протоіерей Сѣмашко высочайшимъ указомъ 21 апрѣля, 1829 года, назначенъ былъ викарнымъ епископомъ и предсѣдателемъ консисторіи бѣлорусской уніатской епархіи, съ наименованіемъ его епископомъ мстиславскимъ и съ предоставленіемъ ему права присутствовать и въ уніатской коллегіи, когда будетъ находиться въ Петербургѣ ⁶⁰⁶).

Всѣ эти законодательства и мѣропріятія полагали только основаніе и начало кореннымъ преобразованіямъ уніатской церкви, которыя должны были совершаться исподоволь и закончиться въ недалекомъ будущемъ. Но ускорены они были самими польско-католиками и базилианами, противъ которыхъ собственно и были направлены. Всѣ эти мѣры къ очищенію уніи отъ латинства и сближенію ея съ православіемъ вызвали со стороны польско-католиковъ и базилианъ самыя усиленные происки. Черезъ Варшаву пущено было въ высшіе правительственные круги безимянное письмо, въ которомъ стремленіе уніатовъ къ православію представлялось, какъ недостойныя происки бѣлаго духовенства противъ монаховъ базилианъ, а базилиане выставлены, какъ неутомимые двигатели истины и просвѣщенія, и сравнены съ іезуитами латинской церкви. Но одного уже такого сравненія достаточно было для русскаго правительства, чтобы оно ясно поняло, чтò такое базилиане. Въ отчаяніи базилиане рѣшились на невѣроятную мѣру: они предложили св. синоду взять ихъ орденъ въ свое управленіе, только бы его не подчиняли бѣлому уніатскому духовенству, т. е. епархіальному управленію. Поляки между тѣмъ подстерегали ревнителей православныхъ обрядовъ между уніатскими священниками и нерѣдко расправлялись съ ними самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Сохранилось нѣсколько дѣлъ объ истязаніи священниковъ и крестьянъ за приверженность къ православнымъ обрядамъ ⁶⁰⁷). Наконецъ, польское повстаніе 1830 и 1831 гг., независимо отъ безумной мечты мятежниковъ о восстановленіи государственной са-

мостоятельности Польши, несомнѣнно имѣло и вѣроисповѣдную подкладку, такъ какъ вызывало сочувствіе и содѣйствіе себѣ со стороны не только католическаго духовенства, но и базилианъ. Но всѣ происки и мятежныя дѣйствія польско-католиковъ и базилианъ содѣйствовали лишь скорѣйшей развязкѣ уніатскаго дѣла въ предначертанномъ направленіи.

Польское повстаніе началось въ концѣ 1830 года и не замедлило отразиться и на Волыни. 29 марта, 1831 года, предводитель польскихъ мятежниковъ Дверницкій со своимъ отрядомъ перешелъ на Волынь черезъ рѣку Бугъ подлѣ Порицка, надѣясь составить изъ мѣстныхъ поляковъ мятежническое сообщество, и прибылъ въ мѣстечко Дружкополь. Сюда явились къ нему графы Чапскій и Стецкій и нѣсколько другихъ волынскихъ повстанцевъ изъ помѣщиковъ и мелкой шляхты. Чапскій и Стецкій дали Дверницкому обѣщаніе собрать на Волыни два полка и тѣмъ усилить численность его отряда. Кромѣ того, Дверницкій рассчитывалъ на помощь воспитанниковъ Кременецкаго лицея, которые дѣятельно готовились къ возстанію и при первомъ удобномъ случаѣ готовы были примкнуть къ Дверницкому. Но большинство волынскихъ помѣщиковъ уклонилось отъ участія въ мятежѣ и обнаружило совершенное равнодушіе къ дѣйствіямъ мятежниковъ. Появились только небольшія мятежническія шайки въ разныхъ мѣстахъ Волыни. Такъ на примѣръ, помянутому Стецкому удалось составить небольшую шайку и съ ней напасть на беззащитный Владиміръ-Волынскій и занять его; но посланный для преслѣдованія Стецкаго полковникъ Давыдовъ вытѣснилъ мятежниковъ изъ Владиміра. Подобная шайка составлена была въ Овручскомъ уѣздѣ тамошнимъ предводителемъ дворянства Головинскимъ, другая—въ окрестностяхъ мѣстечка Чуднова, Житомирскаго уѣзда, помѣщикомъ Карломъ Рожицкимъ. Первая изъ нихъ, атакованная въ Овручѣ полковникомъ Севастьяновымъ, окончательно разбита подлѣ деревни Васьковичъ, и самъ предводитель взятъ въ плѣнъ; а шайка Рожицкаго, хотя и потерпѣла пораженіе близъ села Молочекъ, Житомирскаго уѣзда, но потомъ, направившись въ лѣсную мѣстность, по теченію рѣки Случи, успѣла укрыться отъ преслѣдованій и пробраться въ предѣлы бывшаго царства Польскаго. Самъ Дверницкій, удерживаемый русскимъ генераломъ Ридигеромъ, не могъ ни пробраться

вглубь Волыни, ни перейти через нее въ Подолію, и принужденъ былъ держаться пограничной линіи, чтобы, въ случаѣ натиска, уйти въ Австрію. Достигнувъ мѣстечка Боремля, Луцкаго уѣзда, онъ рѣшился-было укрѣпиться здѣсь, чтобы потомъ, прорвавшись черезъ отрядъ Ридигера, достигнуть Кременца и усилить себя кременецкими лицеистами; но Ридигеръ угадалъ намѣренія Дверницкаго, атаковалъ его при Боремлѣ и заставилъ отступить въ Австрію ⁶⁰⁸). Когда онъ съ остаткомъ своей шайки уходилъ въ Австрію и проходилъ черезъ Почаевъ, почаевскіе базилиане встрѣтили его съ радостію, какъ своего благодѣтеля, ничего не щадили для угощенія его и, жертвуя ему извѣстныя суммы, еще думали въ немъ и послѣ пораженія найти для себя защитника и покровителя, а многіе изъ нихъ, оставивъ иночество, пошли къ нему въ мятежъ ⁶⁰⁹). Послѣ того Дверницкій еще разъ пытался пробраться черезъ Волынь въ Подольскую губернію, чтобы соединиться съ тамошними мятежниками, но вновь былъ вытѣсненъ Ридигеромъ въ предѣлы Австріи ⁶¹⁰)

Вслѣдствіе польскаго мятежа 1830 и 1831 гг., Кременецкій лицей и польскія школы въ краѣ были закрыты и, вмѣсто нихъ, открыты въ Волынской губерніи двѣ русскія гимназіи, одна въ Житомирѣ, а другая въ Луцкѣ, нынѣ Ровенская, и основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Наставники лицей назначены преподавателями частію въ эти гимназіи, частію въ университетъ св. Владиміра, куда переведены также всѣ учебныя пособія и вспомогательныя учрежденія бывшаго лицейя. Самыя же лицейскія зданія въ 1832 году проданы были министерствомъ народнаго просвѣщенія православному духовно-учебному вѣдомству за 200,000 рублей ассигнаціями, и съ 1835 года въ этихъ зданіяхъ помѣщаются православная духовная семинарія и Кременецкое духовное училище ⁶¹¹). Вслѣдъ за мятежемъ и за участіе въ немъ, упразднены были на Волыни католическіе монастыри Шумскій францисканскій въ 1831 году, Староконстантиновскій доминиканскій въ 1832 году, Городищенскій и Вишневецкій кармелитанскіе въ 1832 и 1833 годахъ, а костелы ихъ обращены въ православныя церкви ⁶¹²). Въ 1831 году взятъ былъ у базилианъ и переданъ православнымъ Почаевскій монастырь, съ переименованіемъ его въ лавру, и сдѣлался мѣстопробываніемъ волынскаго православнаго архіерея съ его штатомъ и консисторією ⁶¹³).

Важнѣйшимъ же послѣдствіемъ польскаго мятежа 1830 и 1831 гг.

было произведенное имъ впечатлѣніе и на мѣстныхъ жителей, и на русское правительство. Отдѣльныя лица не только изъ униатовъ, но и базилианъ и даже польско-католиковъ, увидѣвъ во всей наготѣ безуміе польско-католическихъ затѣй, стали понемногу принимать православіе и становиться на русскую сторону ⁶¹⁴), упорные же изъ нихъ должны

Графъ В. Бодуэнъ Антонина Бодуэнъ

были притихнуть на время, а русское правительство убѣдилось въ необходимости подавить польскія стремленія въ юго-западныхъ губерніяхъ, ускорить развязку униатскаго дѣла во всемъ его объемѣ и поднять и ободрить мѣстное православное населеніе. Поэтому тотчасъ послѣ польскаго мятежа предпринимаются новыя мѣры противъ ополченія и окатоличенія мѣстнаго русскаго населенія, продолжается и усиливается

предначертанный способ дѣйствованія въ отношеніи къ уніатамъ и пробуждается заботливость о поддержаніи и поднятіи православія въ краѣ.

Сдѣлавъ въ 1832 году распоряженіе о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство юго-западнаго края ⁶¹⁵), русское правительство, кромѣ того, упразднило до двухсотъ католическихъ монастырей, съ обращеніемъ ихъ большею частію въ приходскіе костелы, а въ остальныхъ монастыряхъ воспретило имѣть служителей православнаго и уніатскаго исповѣданія, предписало назначать въ члены консисторіи и въ священники къ приходамъ, по иновѣрнымъ исповѣданіямъ, не иначе, какъ по сношенію съ начальникомъ губерніи, и приняло особыя мѣры къ предотвращенію самовольныхъ отлучекъ бѣлаго и монашествующаго иновѣрнаго духовенства ⁶¹⁶).

Осуществленію и дальнѣйшему развитію прежнихъ постановленій и мѣропріятій по уніатскому вѣдомству много способствовало то обстоятельство, что 2 апрѣля, 1833 года, преосвященный Іосифъ Сѣмашко назначенъ былъ самостоятельнымъ литовскимъ епархіальнымъ епископомъ и получилъ возможность осуществлять на дѣлѣ и развивать далѣе свои предначертанія относительно уніатовъ ⁶¹⁷). Онъ снова поднялъ дѣло объ упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей и въ 1833 году упразднилъ на Волыни монастыри Поддубецкій, Верховскій, Бѣлостокскій, Луцкій, Дубенскій, Мильчанскій, Пугинскій, Гошанскій и Туминскій, въ 1834 году Дорогобужскій и въ 1836 году Владимірскій женскій ⁶¹⁸). Въ подтвержденіе и исполненіе прежнихъ постановленій, дозволено было базилианамъ изъ латинянъ возвратиться въ латинство въ теченіи шести-мѣсячнаго срока и учреждены уѣздныя и приходскія уніатскія духовныя училища, по образцу училищъ православнаго вѣдомства. Одно изъ такихъ училищъ помѣщалось въ Мѣлецкомъ монастырѣ, на Волыни ⁶¹⁹). Къ новымъ мѣропріятіямъ по уніатскому вѣдомству относятся: отмѣна въ отношеніи къ уніатамъ латинскаго права патроната или ктиторства, по которому предоставлялось помѣщикамъ представлять въ своихъ имѣніяхъ кандидата на открывающіяся мѣста приходскихъ священниковъ, воспрещеніе уніатскому духовенству служить въ римскихъ церквахъ и имѣть женъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, и упраздненіе мало-приходныхъ уніатскихъ церквей, примѣнительно къ положенію 6 декабря, 1829 года, о способахъ къ улучшенію состоянія православнаго духовенства, съ цѣлію облегчить возможность замѣстить остальные

униатскіе приходы благонадежными священниками ⁶²⁰). Около 1828 года въ бывшей Луцкой униатской епархіи, обнимавшей губерніи Кіевскую, Волынскую и Подольскую, числилось 192 униатскихъ прихода, въ которыхъ въ 1832 году было около 120,000 униатовъ ⁶²¹); слѣдовательно, на каждую униатскую церковь приходилось прихожанъ только по 671 человѣку. Для увеличенія приходоу и сокращенія общаго числа ихъ, въ уѣздахъ Волынской губерніи, принадлежавшихъ къ Литовской униатской епархіи, упразднено было 6 униатскихъ приходоу въ 1834 и 1835 годахъ и 35 приходоу въ 1836 году ⁶²²). Въ виду глубокой старости униатскаго митрополита Булгака и предстоявшаго оскуденія униатской іерархіи, въ концѣ 1833 года назначены были, изъ благонадежныхъ лицъ, три униатскихъ викарныхъ епископа, протоіереи Василій Лужинскій и Антоній Зубко и базилианскій провинціалъ архимандритъ Юсафатъ Жарскій, съ возведеніемъ котораго въ епископскій санъ должность базилианскаго провинціала осталась незамѣленною и упразднилась сама собою. Обновленная такимъ образомъ униатская іерархія составила въ 1834 году въ Петербургѣ соборъ, на которомъ рѣшено было немедленно ввести въ униатскую церковь православное устройство, — иконостасы, утварь, священныя облаченія и употребленіе православныхъ книгъ московской печати ⁶²³). Но когда это рѣшеніе стало приводиться въ исполненіе, польско-латинская партія встревожилась и начала сѣять смуту между униатскими священниками и ихъ прихожанами. Народъ былъ тогда въ грѣпостномъ состояніи у польскихъ пановъ. Паны сѣяли народъ за всякое сочувствіе православію и силою посылали его препятствовать переустройству униатскихъ церквей по-православному ⁶²⁴). Волненія изъ-за введенія православнаго устройства въ униатскія церкви въ Волынской губерніи происходили преимущественно въ уѣздахъ Овручскомъ и Житомирскомъ, принадлежавшихъ Бѣлорусской епархіи, такъ что въ 1839 году найдено было нужнымъ присоединить униатовъ этихъ уѣздоу къ Литовской епархіи, т. е. подчинить власти преосвященнаго Юсифа Сѣмашки. Въ другихъ уѣздахъ Волынской губерніи, принадлежавшихъ Литовской епархіи, нѣкоторое сопротивленіе обнаружено въ мѣстечкѣ Ратнѣ, Ковельскаго уѣзда, по внушенію маршала Янишевскаго, въ селѣ Романовѣ, Луцкаго уѣзда, въ м. Боремлѣ, Дубенскаго уѣзда, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ ⁶²⁵). Въ началѣ 1838 года униатскія дѣла переданы были изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство оберъ-проку-

рора св. синода. Наконецъ, когда въ 1838 году умеръ униатскій митрополитъ Булгакъ, въ слѣдующемъ 1839 году послѣдовало всеобщее возсоединеніе униатской церкви съ православною. Для помѣщенія болѣе упорныхъ изъ базилианъ назначены были монастыри Тригурскій, Любарскій и временно учрежденный въ Курскѣ. Всѣхъ униатовъ возсоединилось съ православною церковію до полутора милліона и въ числѣ ихъ болѣе ста тысячъ на Волыни, при чемъ совратилось изъ униі въ католичество не болѣе двухъ тысячъ человекъ. Въ память возсоединенія униатовъ выбита была особая медаль. А въ 1841 году возсоединенные въ Волынской губерніи отчислены были къ Волынской православной епархіи. Въ томъ же году 18 воспитанниковъ Литовской семинаріи изъ волынскихъ уроженцевъ переведены были въ Волынскую православную семинарію ⁶²⁶).

Такимъ образомъ, съ 1839 года исчезло на Волыни и самое имя униі, и здѣшнее русское населеніе все стало принадлежать къ единой православной церкви и управляться православными волынскими пастырями. Теперь открылась возможность и даже необходимость отмѣнить дѣйствіе польско-литовскаго Статута и магдебургскаго права, 4 декабря, 1840 года, послѣдовало распоряженіе о введеніи въ дѣйствіе свода русскихъ законовъ въ юго-западныхъ губерніяхъ ⁶²⁷). Русская народность и православіе получали все большую и большую силу въ краѣ и постепенно, съ большими затрудненіями и усиліями, выбивались изъ прежняго приниженаго положенія въ сравненіи съ латинствомъ. Еще непосредственно послѣ польскаго мятежа 1830 и 1831 гг., переданы были православнымъ нѣкоторые католическіе костелы и монастыри, хотя они и не соотвѣтствовали своимъ видомъ и устройствомъ характеру православія, а въ 1833 году волынскимъ преосвященнымъ усвоено званіе архіепископа ⁶²⁸). Въ томъ же году императоръ Николай I, объѣзжая юго-западный край, лично убѣдился, въ какомъ безотрадномъ положеніи находилось большинство православныхъ храмовъ на Волыни, особенно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ польскіе паны, продолжая оставаться ктиторами церквей, не только не заботились объ ихъ устройствѣ, но и принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы приести церкви въ окончательный упадокъ, и воздвигали, въ виду православныхъ развалинъ, великолѣпные костелы для привлеченія православныхъ въ латинство и ополяченія ихъ. Государь выразилъ свою волю и надежду, что помѣщики этого

края добровольно позаботятся о постройкѣ для своихъ крестьянъ новыхъ церквей, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, и о починкѣ старыхъ и обветшавшихъ. Но эта великодушная воля государя не была исполнена, а православные сельскіе храмы пришли еще въ большее обветшаніе, а по мѣстамъ и вовсе разрушились ⁶²⁹). Новое оживленіе православной церкви на Волыни началось по воссоединеніи униатовъ въ 1839 году. Въ 1841 году, въ помощь волынскому преосвященному назначенъ былъ викарій, и епархіальное управленіе перемѣщено изъ Почаева въ Житомиръ, гдѣ приобрѣтенъ былъ Почаевскою лаврою домъ для архіерея, называвшійся лаврскимъ подворьемъ ⁶³⁰); но православный кафедральный соборъ до 1858 года помѣщался въ деревянномъ, покосившемся отъ ветхости зданіи почтовой станціи или въ заѣзжемъ дворѣ ⁶³¹). Почаевъ же назначенъ былъ мѣстопробываніемъ викарія волынскаго. Когда же съ 1843 года волынской архіепископъ назначенъ былъ вмѣстѣ и варшавскимъ и новогоріевскимъ, то съ этого времени волынскіе архіепископы жили большею частію въ Варшавѣ и только лѣтомъ пріѣзжали въ Житомиръ и Почаевъ на три мѣсяца, а викарій волынской проживалъ въ Житомирѣ. Изъ событій этого времени, благоприятныхъ для православія, весьма важное значеніе имѣлъ высочайшій указъ 1851 года, которымъ на министерство внутреннихъ дѣлъ возложено: во первыхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было православное населеніе и не было вовсе православной церкви, но былъ хорошій костелъ, костелъ обращать въ церковь, если помѣщикъ откажется построить каменную православную церковь; во вторыхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ костелъ и церковь, но костелъ находится въ хорошемъ, а церковь въ обветшаломъ видѣ, при отказѣ помѣщика починить или перестроить церковь, либо построить взамѣнъ старой новую, костелъ также обращать въ церковь. Но и это высочайшее повелѣніе, не встрѣтивъ прямого противодѣйствія, было однако на самомъ дѣлѣ обойдено. Мѣстная полиція потребовала отъ владѣльцевъ имѣній, населенныхъ православнымъ крѣпостнымъ людомъ, подписокъ, что церкви будутъ построены и починены, но безъ обозначенія срока, или же съ обозначеніемъ 10 ти-лѣтняго и 25-ти-лѣтняго срока. И эти подписки, получаемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, только пришивались къ дѣлу о постройкахъ церквей, а самыя церкви ухудшались и весьма многія изъ нихъ пришли въ совершенный упадокъ. Наконецъ, въ 1858 году, обращено было серьезное вниманіе на

церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ и вскорѣ затѣмъ послѣдовало дѣйствительное исполненіе высочайшей воли. Въ этомъ году правительство само рѣшилось приступить къ обновленію обветшалыхъ и разрушающихся православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ краѣ, и министерство внутреннихъ дѣлъ, съ согласія военнаго министра, командировало въ западныя губерніи штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, которымъ поручено было, при осмотрѣ церквей и мѣстностей, гдѣ онѣ построены, собирать всѣ необходимыя свѣдѣнія о численномъ вѣроисповѣдномъ составѣ населенія. На основаніи матеріала, собраннаго командированными лицами, издано было въ 1862 и 1863 годахъ, съ высочайшаго соизволенія, собраніе картъ населенія юго-западнаго края по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ. Выводы, опубликованные въ этомъ атласѣ наканунѣ польскаго возстанія, оказали церковно-строительному дѣлу немало-важную услугу и имѣли нѣкоторое значеніе и внѣ области церковно-строительства.

Въ 1860 году Варшавская епархія отдѣлена была отъ Волынской, и съ той поры для Волыни назначаются особые архіереи ⁶³²).

Вскорѣ послѣ этого, русское дѣло на Волыни получаетъ особенное оживленіе, благодаря двумъ обстоятельствамъ: освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году и тѣсно связанному съ нимъ послѣднему польскому мятежу 1863 года.

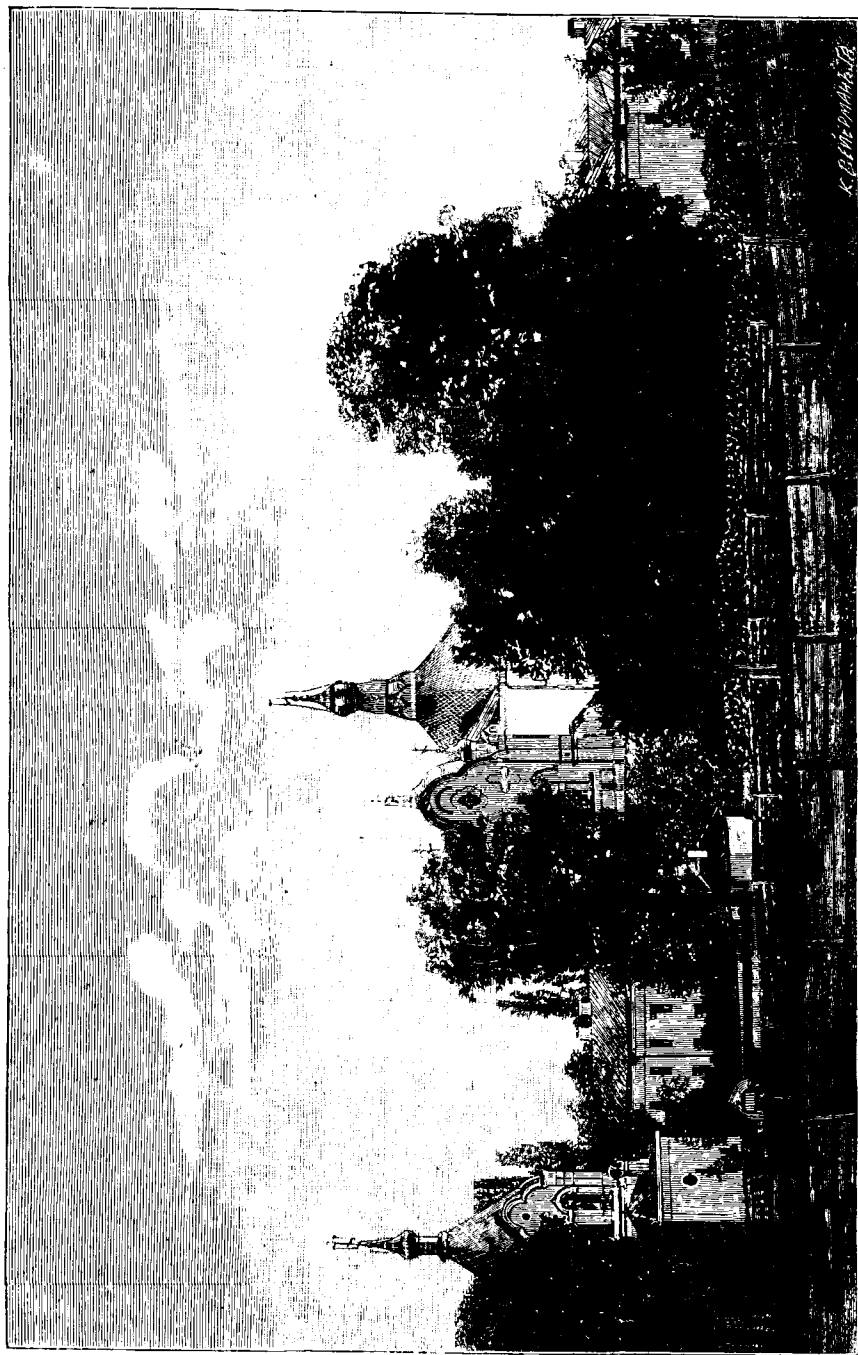
Упорные изъ поляковъ и ополяченныхъ русскихъ не покинули еще безумной мечты о восстановленіи государственной самостоятельности Польши и возвращеніи принадлежавшихъ ей нѣкогда русскихъ областей; но, послѣ прежнихъ неудачъ, избрали новый способъ къ тому, состоявшій въ сближеніи разныхъ классовъ польскаго общества между собою и съ простонародьемъ, чтобы въ немъ найти опору и помощь для своихъ притязаній. Въ польской литературѣ и въ польскомъ обществѣ появляется цѣлое направленіе польско-украинское, имѣвшее въ виду сплоченіе образованныхъ классовъ польскаго общества между собою и съ украинскимъ простонародьемъ и поднятіе общаго благосостоянія страны. Средоточіемъ этого движенія на Волыни былъ Житомиръ. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка здѣсь являются различныя общества и человеколюбивыя учрежденія съ польскими стремленіями, какъ напр. общество благотворительности, учредившее ремес-

ленную школу и нѣсколько пріютовъ для сиротъ-дѣвочекъ; общество распространенія польскихъ книгъ (Качковскаго), имѣвшее свою книгопечатню и выпускавшее дешевыя польскія изданія для распространенія въ обществѣ и народѣ, общество врачей, общество земледѣльческое, нѣсколько общественныхъ читаленъ, мѣстный польскій клубъ, польскій театръ и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые польскіе помѣщики старались улучшить свои отношенія къ крестьянамъ и оказывать имъ нѣкоторую справедливость⁶³³). Явились даже народные учителя изъ поляковъ. Все это направлено было къ возрожденію государственной самостоятельности Польши въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ⁶³⁴). Но предпринятое въ Бозѣ почившимъ государемъ Александромъ II великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ускорило взрывъ послѣдняго польскаго повстанія. Поляки увидѣли, что съ этимъ освобожденіемъ у нихъ исчезаетъ почва подъ ногами, что освобождаемый русскій народъ окончательно и безповоротно сольется съ остальной Россіей, и потому сдѣлали послѣднюю попытку возстановить Польшу и для этого привлечь къ себѣ мѣстное русское населеніе обѣщаніемъ ему полной свободы отъ крѣпостничества. Но золотыя грамоты польскія не затемнили здраваго смысла русскаго народа, который заодно съ войсками подавлялъ польское повстаніе и въ простонародныхъ пѣсняхъ благодарилъ царя за освобожденіе отъ панщины и добродушно подсмѣивался надъ своими бывшими притѣснителями⁶³⁵).

Мы не будемъ здѣсь описывать послѣдняго польскаго повстанія, насколько оно отразилось на Волыни, и бередить недавнія раны, тѣмъ болѣе, что у многихъ современниковъ и очевидцевъ оно живо еще сохранилось въ памяти⁶³⁶). Замѣтимъ только, что послѣдній польскій мятежъ пробудилъ русское народное сознание даже въ мѣстномъ католическомъ населеніи и далъ русскому правительству поводъ предпринять нѣкоторыя особенныя мѣры къ оздоровленію этого искони русскаго края. Тотчасъ послѣ мятежа, многие изъ совращенныхъ въ прежнее время и ополяченныхъ мѣстныхъ русскихъ, смущенные позорнымъ участіемъ въ мятежѣ многихъ изъ мѣстной латинской іерархіи, почувствовали потребность быть единой вѣры съ Царемъ-Освободителемъ. Съ своей стороны, русское правительство, устроивъ крестьянское поземельное дѣло, возстановило господство русскаго языка, воздвигнуло изъ разваливъ и вновь построило многочисленныя православныя храмы

и въ ихъ числѣ великолѣпный Житомирскій соборъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ, хорошо обеспечило православное духовенство, по всей странѣ устроило многочисленныя народныя училища, употребило большія денежные средства для развитія въ юго-западной Россіи книжнаго дѣла и ученыхъ работъ, положило начало водворенію здѣсь русскаго землевладѣльческаго образованнаго класса указомъ 10 декабря 1865 года, которымъ даны особенныя льготы русскимъ людямъ по приобрѣтенію земли въ юго-западной Россіи, и положило предѣлъ дальнѣйшему увеличенію въ этой странѣ польскаго землевладѣнія ⁶³⁷). На помощь государству явилась и общественная и частная дѣятельность на пользу края. Въ началѣ 1860-хъ годовъ на одну Волынь послано было изъ Москвы церковной утвари, ризъ и т. п., для безостановочнаго богослуженія, болѣе чѣмъ на тысячу храмовъ, и тогда же приступлено было къ устроенію первыхъ православныхъ братствъ на Волыни—Острожскаго Кирилло-Меодіевскаго и Яполотскаго. Первое основано было въ 1865 году графиней А. Д. Блудовой, въ память отца ея, графа Д. Н. Блудова, заботившагося объ устройствѣ низшихъ училищъ по всей Россіи и женскихъ воспитательныхъ заведеній въ западно-русскомъ краѣ, и учредило у себя училище для образованія дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, лечебницу, страннопріимный домъ и построило великолѣпный храмъ во имя свв. Кирилла и Меодія. Въ послѣдствіи времени въ г. Острогѣ открыты правительствомъ прогимназія, учительская семинарія и училище для крестьянскихъ мальчиковъ, приготовляющихся въ волостные писаря ⁶³⁸). Душею Яполотскаго братства, Ровенскаго уѣзда, была русская писательница Н. С. Соханская, извѣстная въ печати подъ псевдонимомъ Кохановской. На пожертвованія изъ Россіи, полученныя главнымъ образомъ изъ Москвы, она учредила при Яполотскомъ братствѣ школу и сельскій банкъ и оказывала помощь и другимъ церквямъ и церковно-приходскимъ братствамъ Ровенскаго уѣзда ⁶³⁹). Извѣстны также братства: Александро-Невское въ м. Радзивиловѣ, Кременецкаго уѣзда; Крестовоздвиженское въ г. Староконстантиновѣ; Преображенское въ г. Дубнѣ и Крестовоздвиженское въ г. Луцкѣ.

Такое направленіе государственной и общественной дѣятельности на пользу края продолжается и до настоящаго времени и въ послѣдніе годы выразилось въ учрежденіи Почаевскаго просвѣтительнаго братства въ 1884 г., Владиміро-Волынскаго братства съ древлехрамилещемъ и

Кирилло-Меодієвская церковь Острожскаго братства.

библіотекой въ 1887 году, и въ заботахъ о сохраненіи, поддержаніи и возстановленіи древнихъ памятниковъ православія на Волыни, какъ то: во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкѣ, Острогѣ и проч.

Въ настоящее время все народонаселеніе Волыни, кромѣ войскъ, простирается до 2,221,644 душъ обоого пола. Въ томъ числѣ въ 1886 г. было: православныхъ 1,622,244, старобрядцевъ 5,753, римско-католиковъ 179,446, евреевъ и караимовъ 300,862, и магометанъ 448. Къ коренной русской основѣ и историческимъ наслоеніямъ на нее польскаго католичества, еврейства и магометанства въ послѣднія десятилѣтія прибавилось еще лютеранъ и баптистовъ (нѣмцевъ) 98,201 и чеховъ разнаго исповѣданія 14,680. На полтора слишкомъ милліона православныхъ въ губервіи находится 11 монастырей (Почаевская лавра, мужскіе монастыри Тригорскій, Мѣлецкій, Загаецкій, Владимірскій, Загоровскій, Дерманскій и приписной къ нему Кременецкій, женскіе—Корецкій, Любарскій и Городищенскій), 1821 церквей и 183 часовни, изъ коихъ 277 каменныхъ и 1,747 деревянныхъ; а на 179,446 душъ католическаго населенія—3 монастыря, 109 костеловъ и 130 каплицъ, изъ коихъ 157 каменныхъ и 85 деревянныхъ⁶⁴⁰). Слѣдовательно, приходится около 890 православныхъ душъ на одну церковь или часовню и около 735 католиковъ на одинъ костель или каплицу, и церковныя постройки у православныхъ по большей части деревянные, а у католиковъ преимущественно каменные. Такимъ образомъ и въ настоящее время на Волыни католики имѣютъ болѣе многочисленные и лучшіе способы къ удовлетворенію духовныхъ своихъ нуждъ, чѣмъ православные. А отсюда слѣдуетъ тотъ естественный выводъ, что и для мѣстнаго русскаго православнаго населенія желательно увеличеніе и улучшеніе способовъ удовлетворенія духовныхъ ихъ нуждъ, такъ чтобы и по числу церквей и по самому даже внѣшнему виду ихъ можно было видѣть, что православная вѣра есть дѣйствительно господствующая въ Русскомъ государствѣ. Въ этомъ отношеніи многого еще остается желать для Волыни.

Нынѣ, когда празднуется девятисотлѣтіе со времени крещенія Руси при св. Владимірѣ, естественно обратиться мыслию къ первымъ временамъ насажденія православія и укрѣпленія русской государственной власти на Волыни. И тогда, какъ и теперь, эта страна была коренною русскою, входила въ общій составъ Русскаго государства и находи-

лась подъ верховною властію единого для всей Руси великаго князя кievскаго св. Владиміра. Но тогда государственное единство Россіи только-что устанавливалось и вскорѣ опять нарушено было удѣльно-вѣчевымъ строемъ государственной жизни и потрясено до основанія враждебными для Россіи народами и государствами, отторгавшими отъ нея одну часть за другою. Теперь это государственное единство восстановлено и настолько упрочено, что, по выраженію преосвященнаго Виктора Садковскаго, «власть Всевышняго не попуститъ и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять» жителей Волыни «отъ соединенія съ прочими единовѣрными братією ихъ вѣрноподяными» російскихъ государей. Нѣтъ теперь мѣста украинскимъ стремленіямъ къ обособленію въ какомъ либо отношеніи этого края, извѣдавшаго на себѣ, путемъ многовѣковаго опыта, всѣ тяжкія послѣдствія обособленной областной жизни въ былое и невозвратное прошлое. Но, при прочности государственнаго объединенія и слиянія этого края съ остальною Россіей и ея средоточіями, не достаетъ въ немъ той цѣльности русскаго населенія, какая была здѣсь при св. Владимірѣ и во весь древній великокняжескій періодъ жизни Волыни. Эта цѣльность нарушена вторженіемъ на Волынь иноплеменниковъ, преимущественно же поляковъ и евреевъ, а впоследствии нѣмцевъ и чеховъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заняли господствующее или преобладающее положеніе надъ туземнымъ русскимъ населеніемъ или по общественному своему значенію, какъ поляки, или по промышленности и торговлѣ, какъ евреи, или по благоустроенности сельскаго хозяйства, какъ нѣмцы и чехи, а всѣ они вообще по превосходству своего образованія и умственнаго развитія, по тѣсной сплоченности между собою и общественности. Русское правительство, съ своей стороны, предпринимало и предпринимаетъ мѣры къ тому, чтобы оградить, по возможности, мѣстное русское населеніе отъ подавленія его въ какомъ-либо отношеніи иноплеменниками и ино-вѣрцами, поднять его народное самосознаніе и самодѣятельность и улучшить его благосостояніе. Но необходимо также, чтобы и само мѣстное русское населеніе помогало въ этомъ отношеніи правительству, заботилось о своемъ собственномъ образованіи и о развитіи духа общественности учрежденіемъ различныхъ церковныхъ и просвѣтительныхъ братствъ, благотворительныхъ обществъ и учреждений, торгово-промышленныхъ товариществъ и объединеніемъ каждаго прихода въ тѣсно

сплоченную общину, которая бы противостояла всякимъ покушеніямъ иноплемениковъ поживиться на ея счетъ и сдѣлать ее только слѣпымъ орудіемъ для достиженія своекорыстныхъ своихъ видовъ.

Такое поднятiе духа общественности и благосостоянiя въ краѣ должно соединяться съ общимъ подъемомъ нравственнаго духа въ населеніи края, во всѣхъ коренныхъ слояхъ его, подъемомъ нравственнаго воспитанiя подрастающихъ поколѣній его, опирающагося на незабываемыя начала исторической жизни нашей, каковы святая православная христіанская вѣра, любовь къ отечеству и царю Боговѣнчанному, преемнику власти державнаго Владиміра святаго. Эти пожеланiя и чаянiя, одушевленные готовностію на труды и подвиги къ осуществленію ихъ, къ проявленію ихъ въ живой дѣйствительности, достойны памяти просвѣтителя земли Русской, св. равноапостольнаго князя Владиміра, а самое осуществленіе ихъ было бы наилучшимъ кладомъ праздненственныхъ воспоминанiй о девятистолѣтiи крещенiя Руси въ св. вѣру православнохристіанскую.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова*, 2 изд., С.-Петербургъ, 1885 г., стр. 100, 101.—Начальная лѣтопись въ обоихъ древнѣйшихъ спискахъ Ипатьевскомъ (изд. 1871 г., стр. 6 и 7) и Лаврентьевскомъ (изд. 1872 г., стр. 10 и 12), говоря о дубѣбахъ, называемыхъ и бужанами отъ р. Буга, на которой они сидѣли, выражается: «послѣ же волыняне», или—«гдѣ нынѣ волыняне» (въ Лаврентьевскомъ списокѣ—вельняне) Это значить, что названіе волыняне явилось послѣ названій дубѣбы и бужане, явилось уже при князьяхъ и произошло отъ главнаго города, построеннаго при какомъ либо изъ первыхъ князей нашихъ, начальная дѣятельность которыхъ состояла, между прочимъ, въ построеніи городовъ. Городъ Волянь въ начальной лѣтописи упоминается впервые, впрочемъ случайно, только подъ 1118 годомъ и затѣмъ вторично подъ 1077 годомъ и какъ городъ, и какъ область (Ипат., стр. 100 и 140; Лаврен., стр. 139 и 193).

2) «Очеркъ исторіи Волянской земли до конца XIV столѣтія», *Андріяшева*, Кіевъ, 1887 г., стр. 28 и слѣд.

3) Тамъ же, стр. 9.

4) «Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym», *M. Balińskiego* і *T. Lipińskiego*, Варшава, 1845 г., т. II, ч. 2, стр. 816 и др.

5) «Wolyn pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym», *T. Steckiego*, Lwow, 1864 г., т. I, ч. 1, стр. 9 и 199.

6) «Учебный атласъ по русской исторіи», *Е. Замисловскаго*, изд. 2-е, С.-Петербургъ, 1869 г., стр. 8.

7) По крайней мѣрѣ, мы не встрѣчаемъ историческихъ указаній на существенныя отличія, между этими сосѣдними племенами, съ одной стороны — полянами и волянянами, съ другой — древлянами и дреговичами; въ настоящее же время каждая пара этихъ племенъ совершенно родственна между собою.

8) «Русская Исторія», *К. Бестужева-Рюмина*, С.-Петербургъ, 1872 г., т. I, стр. 146, 148, 151.

9) О послѣдней см. «Волоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи», *Н. И. Дашкевича*, въ «Трудахъ III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ», Кіевъ, 1878 г., т. II; «Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года», *Н. Молчановскаго*, Кіевъ, 1885 г.; стр. 104 и слѣд.

10) «Очерки русск. историч. географіи», *Барсова*, 1885 г., стр. 127 и 129; «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго*, Москва, 1876 г., т. I, ч. 1, стр. 38, 39.

11) «О древне-русскихъ историч. повѣстьяхъ и сказаніяхъ», *И. И. Хрущова*, Кіевъ, 1878 г., стр. 111 и слѣд.

- 12) «Исторія Россіи». *Иловайскаго*, 1876 г., т. I, ч. 1, стр. 38 и 39.
- 13) «Памятники старины въ зап. губерніяхъ Имперіи», изд. по высочайшему повелѣнію *П. Н. Батюшковымъ*, С.-Петербургъ, 1868 г., вып. IV; «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни», *А. Θ. Хойникаго*, Житомиръ, 1878 г., стр. 33, 34.
- 14) «Очерки русск. историч. географіи», *Барсова*, 1885 г., стр. 129, 130; «Очеркъ ист. Волинск. земли», *Андріяшева*, 1887 г., стр. 29.
- 15) «Очеркъ ист. Волинск. земли», *Андріяшева*, стр. 25 и 27.
- 16) «Холмская Русь», изд. съ высочайшаго соизволенія *П. Н. Батюшковымъ*, С.-Петербургъ, 1887 г., стр. 9.
- 17) «Памятники стар. въ зап. губерніяхъ Имперіи», 1868 г., вып. IV: «Историческій очеркъ г. Овруча».
- 18) «Очерки русск. историч. географіи», *Барсова*, 1885 г., стр. 101.
- 19) «Памятники стар. въ зап. губерніяхъ Имперіи», 1868 г., вып. I и II.
- 20) «Учебный атласъ по рус. исторіи», *Замысловскаго*, 1869 г.; «Матеріалы для Историко-географическаго словаря Россіи», *Барсова*, Вильна, 1865 г.; «Очерки русск. Историч. географіи», *его же*, 1885 года, по алфавиту; «Историческое значеніе городищъ и свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ, существующихъ въ Волинской губерніи», *Л. Баторевича*, въ «Волинскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1880 г. (№№ 89 и 93) и 1881 г. (№№ 27, 28 и 29). Кромѣ того, въ волинскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ мы перематривали дѣло 1886 года «О доставленіи въ Императорскую академію художествъ свѣдѣній о курганахъ, городищахъ и о прочихъ русскихъ древнихъ памятникахъ» и нашли здѣсь слѣдующія новыя указанія на городища въ Волинской губерніи: *Житомирскаго у.* при колоніи Торчинъ — земляной городокъ; *Новградволинскаго у.* около села Губина — большое земляное укрѣпленіе «Згуба» и преданіе о какой-то княгинѣ и татарахъ, и между селами Деревичи и Купчинцы — большое замчище и преданіе о шолудивомъ Бунякѣ; *Дубенскаго у.* близъ м. Олмыи — городище; *Владимірскаго у.* при селѣ Забужьи — земляная насыпь «Лесыца». Изъ нихъ городища при селлахъ Губинѣ и Деревичахъ, Новградволинскаго у., служатъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что здѣсь именно были болоховскіе города Губинъ и Девево. О Житомирѣ см. «Краткое описаніе г. Житомира» *Т. I. Вержбицкаго*, Житомиръ, 1887 г.
- 21) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, 1876 г., стр. 60, 61.
- 22) «Исторія древняго Галичско-Русскаго княжества», *Д. Зубрицкаго*, ч. 1, Львовъ, 1852 г., стр. 165—167; «Исторія русской церкви», *Е. Голубинскаго*, т. I, стр. 134; «Владиміръ св., какъ просвѣтитель Россіи», *В. Н. Малинина*, въ «Трудахъ Кіевской дух. академіи», декабрь, 1886 г., стр. 664 и 665.
- 23) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 123 и слѣд. и 99. Съ именами Аскольда и Дира мѣстное преданіе соединяетъ основаніе г. Житомира. По этому преданію, Житомиръ основанъ Житомиромъ, любимцемъ и слугою Аскольда и Дира, послѣ ихъ убіенія. Ему понравилось красивое мѣстоположеніе при впаденіи рѣчки Каменки въ Тетеревъ, — и онъ основалъ здѣсь городъ и назвалъ его своимъ именемъ. См. «Матеріалы для исторіи Волыни», *В. Петроговскаго*, Житомиръ, 1879 г., стр. 1. Оттискъ изъ «Волин. губ. вѣдом.» за 1878 и 1879 гг.
- 24) Тамъ же, стр. 126.
- 25) «Исторія древн. Галич. Русск. княжества», *Д. Зубрицкаго*, т. I, стр. 167.
- 26) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *П. Карашевича*, въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1855 г., ч. 1, стр. 13 и 14.
- 27) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 123—126.
- 28) «Исторія русской церкви», *Е. Голубинскаго*, т. I, стр. 131.

- 29) «Владиміръ св., какъ просвѣтитель Россіи», *В. Н. Малинина*, стр. 668.
- 30) Выраженіе *Н. М. Карамзина*.
- 31) «Исторія русской церкви», преосвящ. *Макарія (Булмакова)*, т. I, стр. 262. Споры о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра см. въ «Кіевлянинѣ», 1888 г., №№ 27, 28, 32, 35, 43 и 60.
- 32) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 72—74.
- 33) «Мѣстечко Полонное, Новградволынскаго уѣзда», свящ. *Ан. Сендульскаго*, въ «Волинскихъ епарх. вѣдомостяхъ» за 1882 г., № 7.
- 34) Похвала Владиміру въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ» за 1844 г., стр. 277.
- 35) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 78.
- 36) См. подробнѣе статью *И. И. Малышевскаго*: «Владиміръ св., какъ первый учредитель школъ въ Россіи», въ 1-мъ № «Церковно-приходской школы» за 1887 годъ.
- 37) «Очеркъ ист. правосл. церкви на Волыни», *П. Карашевича*, въ «Христіанск. Чтеніи» за 1885 г., ч. I, стр. 15.
- 38) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 75.
- 39) Тамъ же, стр. 75 и 76.
- 40) «Очерки изъ ист. правосл. церкви и древн. благоч. на Волыни». *А. Θ. Хойнацкаго*, Житомиръ, 1878 г., стр. 35—37.
- 41) «Памятники стар. въ западн. губерніяхъ имперіи», С.-Петербургъ, 1868 г., вып. 1. Въ стѣнѣ Васильевской церкви сохранилась шиферная плита съ загадочною надписью. Въ первой сторонѣ ея читается—«помози Боже», во второй «князь», а въ третьей строка будто бы обозначенъ 6702 (1194) годъ. Слѣдовательно, храмъ не сохранился въ первоначальномъ своемъ видѣ, что подтверждается и кладкою его стѣнъ.
- 42) «Археологическія розысканія профессора *Прахова* во Владиміръ-Волинскомъ и его окрестностяхъ», въ кіевской газетѣ «Заря» за 1886 г. и въ 31 № «Волинскихъ епарх. вѣдомостей» за тотъ же годъ; № 30-й тѣхъ же вѣдомостей и стат. *Е. Н. Дверникаго* въ «Кіевской Старинѣ» за тотъ же годъ.
- 43) «Памятники стар. въ западн. губерніяхъ имперіи», 1868 г., вып. 1; «Волинскія епарх. вѣдомости» за 1867 г., № 3, стр. 49—51. Этого Святогорскаго монастыря не слѣдуетъ смѣшивать съ Загоровскимъ монастыремъ, основаннымъ въ XVI вѣкѣ. Зимненскіе храмы тоже не сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ.
- 44) «Памятники стар. въ западн. губерніяхъ имперіи», С.-Петербургъ, 1868 г., вып. IV.
- 45) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 19.
- 46) «Памятники русск. стар. въ западн. губерніяхъ», вып. VII, С.-Петербургъ, 1885 г., стр. 3 и 4.
- 47) «Житомирскій православный соборъ и часовня», *Б.*, въ 49 № «Волинскихъ губернскихъ вѣдомостей» за 1887 годъ; «Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни», Житомиръ, 1868 г., вып. I, на послѣдней страницѣ обложки. По преданію, св. Владиміръ построилъ также замокъ въ Луцкѣ. См. *Szkice obyczajowe i historyczne*, *Jos. Dunin Karwickiego*, Варшава, 1882 г., стр. 145.
- 48) «Памятники русск. стар. въ западн. губерніяхъ», вып. VII, стр. 63 и слѣд.
- 49) «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь въ городѣ Ченстоховѣ», свящ. *Ник. А. Соколова*, Вильна, 1881 г., стр. 8, 13 и др. Въ дополненіе къ преданіямъ о св. Владиміръ на Волыни, прибавимъ еще слѣдующія извѣстія, о достовѣрности которыхъ предоставляемъ судить самому читателю. По сообщенію *Л. Рафальскаго*, во дворцѣ землевладѣльца села Новомалина, Острожскаго уѣзда, г. Сосновскаго, есть будто-бы чаша, изъ которой приобщался св. Владиміръ. Уполномоченный владѣльца передавалъ г. Рафальскому, что чаша эта прежде находилась

въ рукахъ князей Четвертинскихъ, родоначальникомъ коихъ считаютъ великаго князя кievскаго Святополка-Михаила (1093—1113 г.). Съ фамиліей Четвертинскихъ породнились владѣвшіе Новомалиномъ Сосновскіе, съ которыми Четвертинскіе и подѣлились драгоценнымъ памятникомъ: на долю Сосновскихъ выпалъ колпакъ или внѣшняя оболочка чаши (calix); а подножіе, привычавшееся къ нему, какъ можно судить по отверстию въ днѣ колпака, вѣроятно осталось у Четвертинскихъ вмѣстѣ съ внутреннею стороною чаши, состоявшею изъ чистаго золота. По словамъ упомянутаго владѣльца, въ архивѣ, хранящемся во дворцѣ, богатомъ разными письменными памятниками, есть описаніе этой чаши; но къмъ оно составлено и когда, — неизвѣстно. Г. Рафальскому показывали этотъ колпакъ; онъ — серебряный, внутри почернѣвшій, вслѣдствіе окиси металла; снаружи усаженъ гранатами, величиною въ гороховое зерно, между которыми изрѣдка проглядываютъ сѣроблѣнкія похожія видомя на жемчугъ горошины, состоящія изъ неизвѣстной массы. Гранаты расположены въ 14-ти правильныхъ рядахъ, начиная отъ основанія до вѣчика колпака; но вѣкоторые камешки затерялись. Въ окружности мѣста, гдѣ привычилось подножіе колпака, насажено 16-ть гранатъ, а у края чаши, гдѣ касаются устами, — 27-мь. Края эти обвиваютъ въ діаметрѣ ровно два вершка, а глубина имѣетъ около двухъ. См. «Путешествіе по Острожскому уѣзду», *Г. Рафальскаго*, въ «Волин. губерн. вѣдомостяхъ» за 1866 годъ (№ 48) и особой грощурой, и «Историческія изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волинской губерніи», свящ. *Н. Тримолюскаго*, Житомиръ, 1879 г., стр. 283 и сл.

50) «Исторія русской церкви». преосвящ. *Макарія (Булакова)*, т. I, стр. 136, «Очерки изъ исторіи православ. церкви и древн. благоч. на Волини», *Хойнацкаго*, Житомиръ, 1878 г. О «св. Амфилохіѣ печерскомъ епископѣ владиміро-волинскомъ» см. *его же* статью въ 22 № «Волинскихъ епарх. вѣдомостей» за 1884 годъ. Но мы опускаемъ преп. Нифонта Новгородскаго, такъ какъ онъ былъ инокомъ Печерскаго Кіевскаго, а не Волинскаго монастыря.

51) «Памятники стар. въ западн. губерніяхъ имперіи», 1868 г., вып. II. Ивыми построеніе храма св. Димитрія приписывается князю Любаргу Гедеминовичу. XIV в.

52) «Очерки изъ исторіи православ. церкви и древн. благоч. на Волини», *Хойнацкаго*, 1878 г., стр. 33

53) «Памятники стар. въ западн. губ. имперіи», 1868 г., вып. I. см. «Кіев. Старицу», янв., 1887 г., 37 и слѣд.

54) «Мѣстечко Полонное Новградволинскаго у.», свящ. *А. Сеидульскаго*, въ 7 № «Волинскихъ епарх. вѣдомостей» за 1882 г.

55) «Княженіе Данила галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ», *Н. П. Дашкевича*, Кіевъ, 1873 г., стр. 93.

56) «Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи», *Барсова*, 1865 года, стр. 74 и 200.

57) Сказаніе о Почаевской Успенской лаврѣ», архим. *Амеросія (Лотоцкаго)*, Почаевъ, 1878 г., стр. 12 и слѣд.; «Очерки изъ исторіи православной церкви и древн. благоч. на Волини», *Хойнацкаго*, стр. 164 и 165.

58) «Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ Волинской епархіи», *Н. Петрова*, въ 4 № «Волинскихъ епарх. вѣдомостей» за 1867 г. Впрочемъ, мѣстоположеніе этого монастыря еще не опредѣлено съ точностію. «Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи». *Барсова*, 1865 г., стр. 164.

59) Тамъ же, № 4.

60) «Очеркъ исторіи православ. церкви на Волини», *Карашевича*, стр. 37; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 500 и 501; «Волин. губ. вѣдом.» 1854 года, № 5, предположеніе о мѣстѣ монастыря св. апостоловъ.

- 61) «Очеркъ исторіи Волын. земли», *А. М. Андрияшева*, 1887 г., стр. 56.
- 62) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 504 и 505. Мстиславъ же, вѣроятно, основаль монастырь Іоакима и Анны во Владимірѣ. См. Ипат. лѣтоп., 1871 г., стр. 616.
- 63) «Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ Луцкѣ. нынѣ не существующихъ», свящ. *Сендульскаго*, въ «Волынскихъ епарх. вѣдомостяхъ», 1872 г., № 11. Изъ нихъ Василевскій основанъ или Василькомъ Романовичемъ, или Владиміромъ Васильковичемъ; а Іоанно-Богословскій украшенъ и надѣленъ землями отъ перваго литовскаго князя на Волыни Любарта.
- 64) «Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ Золынской епархіи, въ настоящее время не существующихъ», *Петрова*, въ «Волынскихъ епарх. вѣдом.», 1867 г., №№ 2—8.
- 65) «Очеркъ исторіи православ. церкви на Волыни», *Карашевича*, въ «Христ. Чтеніи», 1855 г., ч. 1, стр. 16.
- 66) «Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго, съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и туровской іерархіи до XIII вѣва», Кіевъ, 1880 г., стр. XLIII. Здѣсь «Неблесепень» мы читаемъ Небле (Нобель) и Степень (Степань).
- 67) Западныя границы Кіевской епархіи опредѣляются такими же границами Кіевскаго княжества, въ составъ котораю входили эти города.
- 68) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *И. Чистовича*, ч. 1, С.-Петербургъ, 1882 г., стр. 6.
- 69) Тамъ же, и «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андрияшева*, стр. 63 и 64.
- 70) Объ этихъ приходоухъ см. «Холмская Русь», С.-Петербургъ, 1887 года, стр. 28 и 155.
- 71) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 105, 119 и 120. Святославовъ Изборникъ 1073 г. изданъ фототипически въ С.-Петербургѣ, въ 1880 г.
- 72) «Очеркъ исторіи православ. церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 38—40.
- 73) «Русская Исторія», *Беспужева-Рюмина*, т. I, стр. 242, 248 и 249.
- 74) «Холмская Русь», 1887 г., стр. 42.
- 75) «Княженіе Данила галицкаго», *Дашкевича*, стр. 103 и др.
- 76) «Русская Исторія», *Беспужева-Рюмина*, т. I, ч. 1, стр. 217—219 и 243.
- 77) «О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ», *Хрушова*, Кіевъ, 1878 г., стр. 30 и слѣд.
- 78) Полное изданіе ихъ, съ предисловіемъ и переводомъ, см. въ книгѣ «Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго», Кіевъ, 1880 г.
- 79) «Очерки изъ ист. прав. церкви и древн. благочестія на Волыни», *Хойнацкаго*, 1878 г., стр. 87—89.
- 80) «Очеркъ ист. прав. церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 40 и 41.
- 81) «Княженіе Данила галицкаго», *Дашкевича*, стр. 104 и 105.
- 82) «Игорія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 89—97; «Очерки русской исторической географіи», *Барсова*, стр. 105 и 123.
- 83) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 108.
- 84) «Русская Исторія», *Беспужева-Рюмина*, т. I, стр. 155 и 156.
- 85) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 127.
- 86) «Мѣстечко Полонное Новградволынскаго у.», свящ. *Сендульскаго*, въ «Волынскихъ епарх. вѣдом.», 1882 г. № 7.
- 87) «Городъ Овручъ», *его же*, тамъ же, 1876 г., № 1.
- 88) «Мѣстечко Полонное», *его же*, тамъ же, 1882 г., № 7.
- 89) «Русская Исторія», *Беспужева-Рюмина*, т. I, стр. 163—174.
- 90) «Очеркъ ист. Волын. земли» *Андрияшев*, стр. 103 и слѣд. Удѣльный періодъ въ исторіи Волынской земли изложенъ также въ сочиненіи *Крушинскаго*—«Истори-

ческий очеркъ Воыни», изд. въ «Трудахъ Воынскаго губернскаго статистическаго комитета на 1867 годъ», Житомиръ.—О посланіи м. Никифора къ Ярославу Святополковичу см. «Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемич. сочиненій противъ латинянъ», *А. Попова*, Москва, 1875 г., стр. 108 и слѣд.

91) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 229, 230; «Очерки изъ ист. прав. церкви и древн. благочестія на Воыни», *Хойнацкаго*, стр. 74.

92) Тамъ же, стр. 242, 243, 249, 252, 254 и 255; «Описание коллекціи древнихъ русскихъ иконъ» церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи, іеромонаха *Христофора*, Кіевъ, 1883 г., № 38.

93) «Очеркъ ист. Воынской земли», *Андріашева*, стр. 139 и слѣд.

94) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 183 и 184. См. сказанное выше о Ростиславичахъ.

95) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, 1880 г., стр. 30—39.

96) «Очеркъ исторіи Воынской земли», *Андріашева*, стр. 148 и слѣд.

97) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, С-Петербургъ, 1882 г., стр. 21.

98) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 185, 295 и 296; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 42; «Очеркъ ист. Воын. земли», *Андріашева*, стр. 153 и слѣд.

99) «Княженіе Данила галицкаго», *Дашкевича*, стр. 76.

100) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 361, 362 и 450; «Княженіе Данила галицкаго», *Дашкевича*, стр. 83 и 84; «Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.», *Молчановскаго*, Кіевъ, 1885 г., стр. 145 и 146; «Очеркъ ист. Воынской земли», *Андріашева*, стр. 175 и 176. О разореніи Овруча и Полоннаго см. «Воынскія епарх. вѣдомости», 1876 г., № 1, и 1882 г., № 7.

101) «Очеркъ исторіи Воынской земли», *Андріашева*, стр. 184—187; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 467—469; «Холмская Русь», 1887 г., стр. 18.

102) На пространствѣ одной нынѣшней губерніи, во время раздѣленія Руси на удѣлы, появлялись слѣдующія удѣльныя княжества: Овручское съ Полонскимъ, Владиміро-Воынское, Луцкое, Дорогобужское, Пересопницкое, Шумское, Степанское, часть Болоховскаго, Каменно-Коширское, Тихомльское, Дубровицкое и др; изъ нихъ объ Овручскомъ съ Полонскимъ и Болоховскомъ см. выше, въ изложеніи, а объ остальныхъ—въ сочиненіи *Андріашева* «Очеркъ ист. Воынской земли», стр. 54 и слѣд.

103) «Холмская Русь», 1887 г., стр. 42.

104) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 443 и 444.

105) Тамъ же, т. II, 1884 г., стр. 10, 11, 76—78; «Очеркъ исторіи православной церкви на Воыни», *Карашевича*, въ «Христіан. Читеніи», стр. 29 и 30.

106) «Очеркъ исторіи православной церкви на Воыни», *Карашевича*, стр. 30.

107) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, стр. 108.

108) Есть мнѣніе о тождествѣ этого Юрія съ Болеславомъ Тройденевичемъ, приравнившимъ будто бы имя Юрія въ православіи, отъ котораго онъ потомъ отрекся. Но это мнѣніе—не болѣе, какъ предположеніе, недостаточно подкрѣпленное.

109) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 493, 494, 499, 501, 502, 511 и 512, и т. II, стр. 77—82; «Очеркъ исторіи Воынской земли», *Андріашева*, стр. 192 и слѣд.

110) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 229—304; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 109—110.

111) Тамъ же, стр. 304.

112) «Чтенія по исторіи Западной Россіи», *М. О. Кояловича*, 1884 г., стр. 69 и 92.

113) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 305 и 306; «Исторія Рос-

сін», *Иловайского*, т. I, ч. 2, стр. 487, 488, 491, 492 и 494; «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андрияшева*, стр. 182 и 183.

114) «Чтенія по исторіи Западной Россіи», *Колловича*, стр. 81.

115) «Матеріалы для исторіи Волыни», *В. Пероговскаго*; Житомиръ, 1879 г., стр. 3—5.

116) Арх. юго-запад. Россіи, ч. VII, Киевъ, 1886 г., введ., стр. 38 и 39; «Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи», *Антоновича*, т. I, Киевъ, 1885 г., стр. 47 и слѣд.; «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андрияшева*, стр. 201, 202 и 203.

117) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, С.-Петербургъ, 1885 г., стр. 53 и слѣд.

118) «Мѣстечко Корець и князья Корецкіе», *В. Пероговскаго*, въ «Волынскихъ губ. вѣдомостяхъ», 1876 г., № 79.

119) «Памятники старины въ зап. губерніяхъ имперіи», 1868 г. вып. II и III.

120) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, Варшава, 1845 г., стр. 839, 926, 892, 854, 855, и т. II, ч. 1, 1844 г., стр. 529.

121) Тамъ же, т. II, ч. 2, стр. 921.

122) О Вишневецѣ, см. «Волын. епарх. вѣдом.», 1872 г., № 22.

123) Тамъ же, 1880 г., № 25; «Miasto Równe», *T. Steckiego*, Варшава, 1880 года.

124) Образованъ изъ села въ 1515 году. См. «Волынск. епарх. вѣдом.», 1873 г., №№ 21 и 22.

125) Образованъ изъ села Колящинецъ въ 1561 году. См. тамъ же 1881 г., № 3.

126) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 229 и 230.

127) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, стр. 165, 166, 173 и 174; см. «Волынск. епарх. вѣдом.» 1867 г., № 1, и 1868 г., № 20.

128) «Дѣло Волынскаго губернскаго статистич. комитета о доставленіи въ Императорскую академію художествъ свѣдѣній о курганахъ, городищахъ, городкахъ и о прочихъ русскихъ древнихъ памятникахъ», 1886 г., № 23.

129) «Памятники старины въ западн. губерніяхъ имперіи», вып. II; «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андрияшева*, 1887 г., стр. 227.

130) «Волынск. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 4.

131) «Письма о князьяхъ Острожскихъ», *М. А. Максимовича*, въ «Собраніи сочиненій» его, т. I, Киевъ, 1876 г., стр. 168 и 170.

132) «Памятники старины въ западн. губерн.», вып. III.

133) Тамъ же. «Мѣстечко Межиричъ», въ «Волынскихъ губерн. вѣдомостяхъ», 1866 г., № 48; *Archivium ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie*, т. I, Львовъ, 1887 г., № 64.

134) «Историч. записка о Дерманскомъ монастырѣ», пресвящ. *Геродея*, въ «Волынск. епарх. вѣдом.», 1873 г., №№ 8 и 9. Село Дерманъ подарено королемъ Ив. Острожскому въ 1497 году. См. *Archivium Сангушковъ*, т. I, № 114.

135) «Бывшіе православные монастыри въ г. Дубнѣ», тамъ же, 1880 г., № 28, 29.

136) «Волынск. губерн. вѣдом.», 1868 г., № 64; «Историческія изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волынской губерніи. Острожскій уѣздъ», сваящ. *Н. Трипольскаго*, Житомиръ. 1879 г., стр. 255—282. Село Гольче, нынѣ мѣстечко Гульча, упоминается уже подъ 1466 годомъ. См. *Archivium Сангушковъ*, т. I, № 64.

137) «Краткія свѣдѣнія о православныхъ монастыряхъ Волынской епархіи», въ «Волын. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 4.

138) Альбомъ фотографич. снимковъ профессора *А. В. Прахова*; «дѣло Волынскаго губерн. статистич. комитета», 1886 г., № 23; «Кіевская Старина», январь, 1887 г., стр. 38.

139) «Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ Волынской епархіи», въ «Волын. епарх.

вѣдом.», 1867 г., №№ 5 и 6. О Мѣлецкомъ и отчасти Загоровскомъ монастыряхъ, см. «Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи», *Н. Петрова*, Кіевъ, 1875—1879 г., стр. 240; о Тригурскомъ монастырѣ см. «Волинскія губерн. вѣдом.», 1870 г., № 112.

140) «Волинскія епарх. вѣдомости», 1880 г., № 28—29.

141) «Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ Волинской епархіи» въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., №№ 5 и 6. О Татаринецкомъ см. тамъ же 1873 г., № 14; о Троицкомъ Острожскомъ—тамъ же, 1882 г., стр. 117, и 1883 г., №№ 23 и 24. О Черницкомъ—«Ровенскій уѣздъ», *Л. Рафальскаго*, Житомиръ, 1885 г., стр. 67, 68.

142) «Мѣстечко Вишневецъ, Кременецкаго у.», свящ. *Сендульскаго*, въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1872 г., № 22.

143) «Описаніе рукописей Румянцевскаго музеума», *Востокова*, стр. 174.

144) Тамъ же, стр. 176; «Очерки изъ исторіи русскаго языка», *А. Соболевскаго*, въ «Кіевскихъ университет. извѣстіяхъ» за 1883 и 1884 годы.

145) «Каменецъ-Стромиловское тетрo-евангеліе 1411 года и волинское нарѣчіе въ XIV—XV вв.», *Гр. Крыжановскаго*, въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1886 г., №№ 17 и 18, и особымъ оттискомъ. Объ апостолѣ см. «Труды Кіев. дух. акад.», январь 1883 г., стр. 162.

146) «Историч. записка о Дерманскомъ монастырѣ, преосвящ. *Героева*, въ Волин. епарх. вѣдом., 1873 г., №№ 8 и 9.

147) Вмѣстѣ съ другими древними рукописями и книгами сего монастыря, передано въ бібліотеку Кіевской дух. академіи, гдѣ хранится подъ № Аа, 1290.

148) «Городъ Дубно», *В. Пероговскаго*, въ «Волин. губ. вѣдом.», 1878 г., № 76.

149) См. выше объ этихъ монастыряхъ.

150) «Описаніе рукописей Румянцевскаго музеума», *Востокова*, № 131, стр. 189.

151) См. о немъ «Труды III археологич. съѣзда въ Кіевѣ», 1878 г., т. II, стр. 221—230, и въ приложеніи стр. 43—111.

152) «Село Дорогобужъ», *Л. Рафальскаго*, «Волин. губ. вѣдом.», 1867 г., № 27.

153) «Замѣтка о Староконстантиновѣ», *Н. Вейса*, тамъ же, 1866 г., № 51.

154) «Пчела Почаевская», Почаевъ, 1884 г., предисловіе, стр. 20—22.

155) Рукописи и старопечатныя книги Почаевской лавры и Мѣлецкаго монастыря уже поступили, а рукописи и книги Дерманскаго, Загоровскаго и Тригурскаго монастырей имѣютъ поступить въ бібліотеку Кіевской дух. академіи; «Описаніе рукописей Почаевской лавры», *В. Березина*, Кіевъ, 1881 года.

156) «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волини», *Хойнацкаго*, стр. 113, 138 и слѣд.

157) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 230 и 231; «Русская Исторія», *Бестужева-Гюмина*, т. II, стр. 53 и слѣд.

158) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 164 и 172.

159) «Wolyn pod względem statystycznym», и проч., *Т. Стецкаго*, Львовъ, 1864 г., стр. 136.

160) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 268; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 42 и 46.

161) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 832, Rys dziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce, ułożył Sadok Barań, Львовъ, 1861 г., т. II, стр. 315.

162) «Directorium horarum canonicarum et missarum pro diocesis Luceoriensi et Żytomiriensi, et caet. in annum Domini 1883», Житомиръ, 1882 г., стр. 47, 48, 52, 42, 49, 46, 50 и 54; о Кременецкомъ костелѣ см. «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 901. Уже по напечатаніи текста, мы видѣли рубрицеллу на

1876 годъ, гдѣ основаніе Злочевскаго костела отнесено не къ 1509, а къ 1609 году.

163) См. «Волинск. епарх. вѣдом.», 1882 г., стр. 117. Впрочемъ и по польскимъ источникамъ, доминикане не долго были въ Острогѣ и вышли изъ него въ 1452 году. «Archivium» Сангушковъ, I, № 40.

164) См. выше примѣч. 125.

165) По миру 1366 года, Казиміръ Великій присоединилъ къ Польшѣ округи Городельскій, Любомльскій, Турійскій, Ратненскій, Кошерскій и Влучимскій, въ нынѣшнихъ Владимірскомъ и Ковельскомъ уѣздахъ. Хотя впоследствии эти округи отвоеваны были у Польши, но въ XV вѣкѣ король Казиміръ Ягайловичъ снова отдалъ Польшѣ волинскіе города Ратно и Любомль съ округами. («Очеркъ исторіи Волинской земли», *Андріяшева*, стр. 218 и др.; «Холмская Русь», 1887 г., стр. 28). Въ церковномъ отношеніи эти округи вошли въ составъ Холмской епархіи («Волин. Епарх. вѣдом.», 1875 г., № 6).

166) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 123—132; «Очеркъ исторіи Волинской земли», *Андріяшева*, стр. 205—226.

167) Тамъ же, т. I, стр. 86, 121, 126—128.

168) Тамъ же, т. I, стр. 232; «Очеркъ исторіи Волинской земли», *Андріяшева*, стр. 227.

169) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 108—110 и 114; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, 1884 г., стр. 84, 99 и 100.

170) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 157; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. I, 1885 г., стр. 7 и 8.

171) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 164, 166—168 и 171.

172) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. I, стр. 34, 35 и 62; «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, 1884 г., стр. 122.

173) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 232.

174) «Очеркъ исторіи Волинской земли», *Андріяшева*, стр. 77, 78, 229 и 230. «Archivium» князей Сангушковъ, I, №№ 5, 6, и др.

175) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 48.

176) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 34.

177) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 233; «Истор. Россіи», *Д. Иловайскаго*, т. II, стр. 173.

178) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 178, 181 и 182; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. I, стр. 36 и 37; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 269.

179) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 56, 232—235.

180) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, вып. I, стр. 37; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 187.

181) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, 1884 г., стр. 127.

182) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 48

183) «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, Житомиръ, 1879 г., стр. 11 и 12.

184) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. I, стр. 39—41; «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго*, т. II, стр. 204, 218 и 219.

185) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 132—134; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 269.

186) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 114—118; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 269 и 270; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. I, стр. 44 и 45. Впрочемъ, посольство на констанскій соборъ естественно же объясняетъ желаніемъ показать, что Литва—христіанская страна—и опровергнуть рыцарей, считавшихъ ее еще языческою.

- 187) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 73 и 120.
- 188) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 135 и 136; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 221—224.
- 189) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 137 и 138; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 264, 267 и 268.
- 190) «Критико-историч. повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси», *Зубрицкаго*, Москва, 1845 г., стр. 285.
- 191) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 267 и 269.
- 192) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 236.
- 193) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 270—272; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 118 и 119.
- 194) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 236.
- 195) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 273 и 274; «Чтенія», *Кояловича* стр. 142.
- 196) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 49; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 275.
- 197) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 144.
- 198) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 276—278; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 50.
- 199) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 237.
- 200) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 52 и 113.
- 201) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 55; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 270.
- 202) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 280 и 281; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 50.
- 203) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 238 и 239; «Холмск. Русь», 1887 г., стр. 28.
- 204) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 282 и 283.
- 205) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 233, 238—241; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 287—289.
- 206) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, т. I, 1876 г., стр. 172; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 169.
- 207) «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, стр. 13, 15—17; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 161.
- 208) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 122; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 237.
- 209) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волини», *Карашевича*, въ «Христіан. Чтенія», 1855 г., ч. 1, стр. 135, 150—154; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 119, 120 и 137.
- 210) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 123 и 124.
- 211) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 487, 490 и 493; «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 148 и 149.
- 212) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 132 и 133.
- 213) «Очеркъ Исторіи православной церкви на Волини», *Карашевича*, въ «Христіан. Чтенія», 1855 г., ч. 1, стр. 133 и 134.
- 214) «Rys dziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce, ułożył Sadok Ważs, Львовъ, 1861 г., т. II, стр. 333.
- 215) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 152.
- 216) Тамъ же, стр. 152 и 153; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 61; «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, 1879 г., стр. 48 и 49; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 241—244.

- 217) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 179, 172 и 128
- 218) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 136.
- 219) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 184—186.
- 220) «Чтенія по исторіи Западной Россіи», *Ксяловича*, стр. 154 и 155; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, стр. 61 и 62; «Собраніе сочиненій» *М. А. Максимовича*, т. I, стр. 198.
- 221) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, стр. 62 и 63.
- 222) «Памятники русской старины въ западныхъ губ.», вып. VIII, 1885 г., стр. 111; «Чтенія по исторіи западной Россіи», *Ксяловича*, стр. 178 и 179; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, введение, стр. 98.
- 223) «Starożytna Polska», *Балинского и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 894 и 901; «Историч. очеркъ Волыни», *Крушинскаго*, стр. 88.
- 224) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, 1876 г., т. I, стр. 175; «Starożytna Polska», *Балинского и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 864.
- 225) «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», вып. VIII, стр. 111 и 112.
- 226) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 138 и 139.
- 227) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 158 и 159; «Соціанство въ Польшѣ и юго-зап. Руси», *О. Левицкаго*, въ «Кіевской Старинѣ», апрѣль, 1882 г., стр. 29.
- 228) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 140.
- 229) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 159.
- 230) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 161.
- 231) См. извлеченіе изъ документовъ объ этихъ епископахъ въ «Волинск. епарх. вѣдом.», 1872 г., №№ 6 и 7.
- 232) «Соціанство въ Польшѣ и юго-зап. Руси», *Левицкаго*, въ «Кіевской Старинѣ», май и июнь 1882 г.; «Starożytna Polska», *Балинского и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 835, 836, 880, 881, 920 и 928; «Wolyn pod względem statystycznym» и проч. *Т. Стецкаго*, т. I, стр. 151 и 380; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, стр. 77 и 79.
- 233) «Очеркъ исторіи православ. церкви на Волыни», *Карашевича*, стр. 141 и 140.
- 234) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 160 и 161.
- 235) «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», вып. VIII, стр. 117 и 118; «Очеркъ Исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. 1, стр. 87.
- 236) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. 1, стр. 201—204; «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 163, и нижеслѣдующее примѣчаніе.
- 237) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, ч. I, стр. 213, 214 и 216; «Жизнь князя Курбскаго въ Ляत्वѣ и на Волыни», *Иванничева*, Кіевъ, 1849 г.
- 238) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, вып. I, стр. 259 и слѣд.
- 239) «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», вып. VIII, стр. 112 и слѣд.
- 240) «Starożytna Polska», *Балинского и Липинскаго*, т. II, ч. 1, стр. 489 и 490, и ч. 2, стр. 817 и 818.
- 241) «Памятники русской старины въ зап. губ.», вып. VIII, стр. 171 и 172.
- 242) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 108
- 243) «Городъ Дубно», *Пероговскаго*, въ «Волин. губерн. вѣдом.», 1877 г., № 53; «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 188—192.
- 244) «Starożytna Polska», *Балинского и Липинскаго*, т. II, ч. 1, стр. 532, и т. II, ч. 2, стр. 830, 831, 870, 872, 900 и 901.
- 245) «Монографія». *Антоновича*, I, 192.
- 246) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Ксяловича*, 1884 г., стр. 181 и 182.

- 247) «Городъ Дубно», *Пероговскаго*, въ «Волин. губерн. вѣдом.», 1877 г., № 49.
- 248) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *графа Д. А. Толстаго*, С.-Петербургъ, 1876 г., т. I, стр. 194 и 195.
- 249) Тамъ же, стр. 198 и 200.
- 250) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *Карашевича*, въ «Христіан. чтенія», 1855 г., ч. II, стр. 142 и 143.
- 251) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *А. С. Петрушевича*, Львовъ, 1874 г., стр. 16, 17, 19 и 20.
- 252) «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., №№ 13 и 14.
- 253) «Directorium horarum Canonicarum... pro dioecesisbus Luceoriensi et Zytomiensi» на 1883 годъ, *Житомиръ*, 1882 г., стр. 50, «Волин. губ. вѣд.», 1876 г., № 79; «Волин. епарх. вѣдом.», 1875 г., №№ 19 и 20.
- 254) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 298; «Wolyn», *Стецкаго*, т. I, стр. 311 и 325; «Волин. губ. вѣдом.», 1868 г., № 84; «Волин. Епарх. вѣдом.», 1875 г., №№ 20 и 21.
- 255) «Собрание сочиненій» *Максимовича*, т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 191.
- 256) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни», *Карашевича*, въ «Христіан. чтенія», 1855 г., ч. II, стр. 15 и 16.
- 257) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, II, 2, стр. 844; «Волин. губ. вѣдом.», 1866 г., № 48.
- 258) «Directorium», *Житомиръ*, 1882 года, стр. 45, 47 и 52; «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 921; «Волин. губ. вѣдом.», 1868 г., № 2, «Волин. епарх. вѣдом.», 1881 г., № 7.
- 259) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 846 и 847.
- 260) «Собрание сочиненій», *Максимовича*, т. I, стр. 192; «Анна-Алонза, княжна Острожская», *О. Левицкаго*, въ «Кіев. Старинѣ», ноябрь, 1883 г.
- 261) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича*, стр. 216.
- 262) «Directorium horarum canonicarum», *Житомиръ*, 1882 г., стр. 47.
- 263) «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., № 25.
- 264) «Волин. епарх. вѣдом.», 1874 г., № 11 и 12.
- 265) «Directorium», стр. 53.
- 266) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 827; «Wolyn», *Стецкаго*, стр. 142; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, I, 209. «Волин. епарх. вѣдом.», 1873 г., № 23 и 24.
- 267) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 928; «Волин. епарх. вѣдом.», 1875 г., № 21; «Историческія изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волын. губерніи», *Трипольскаго*, *Житомиръ*, 1879 г., стр. 193 и 208.
- 268) «Directorium», стр. 51.
- 269) «Волин. губ. вѣдом.», 1876 г., № 79.
- 270) «Directorium», стр. 44.
- 271) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 849; «Wolyn», *Стецкаго*, I, 143; «Собрание сочиненій», *Максимовича*, т. I, стр. 192; «Историческія изслѣдованія о городахъ», *Трипольскаго*, стр. 128.
- 272) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, т. I, стр. 534, и т. II, прилож. стр. 90, «Sadok Bara», II, 465.
- 273) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 861; «Wolyn», *Стецкаго*, I, 148; «Волин. епарх. вѣдом.», 1878 г., № 14; «Directorium», 1882 г., стр. 45.
- 274) «Directorium», стр. 46.
- 275) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Липинскаго*, т. II, ч. 1, стр. 543 и 544; «Wolyn», *Стецкаго*, I, 146.

- 276) Тамъ же, т. II, ч. 2, стр. 922; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, т. I, стр. 533.
- 277) «Directorium», стр. 49.
- 278) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Литинскаго*, т. II, ч. 2 стр. 858.
- 279) «Directorium», стр. 47 и 48.
- 280) «Волин. губ. вѣдом.», 1868 г., № 2.
- 281) «Directorium», стр. 57.
- 282) О послѣдней см. тамъ же, стр. 52
- 283) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Литинскаго*, т. II, ч. 1, стр. 544.
- 284) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, т. I, стр. 36 и слѣд.
79. и др.
- 285) «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», т. VIII, стр. 196, 352 и 383; «Холмская Русь», 1837 г., стр. 62 и 63.
- 286) «Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ Польско-Литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI вѣка и уніа», *Левинскаго*, Кіевъ, 1884 г., стр. 58, 91, 92—98.
- 287) «Памятники русской старины въ зап. губерн.», т. VIII, стр. 334 и др.
- 288) «Объ учрежденіи Ипатіемъ Поцѣмъ униатской кашиты во Владиміръ-Волинскомъ и первоначальныхъ ея дѣйствіяхъ», *Н. Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи» за июнь, 1869 года.
- 289) «Памятники русской старины», т. VIII, стр. 370.
- 290) «Труды Кіевской дух. академіи», июнь, 1869 г., стр. 504 505, 507 и 510; «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», *С. Голубева*, Кіевъ, 1883 года, т. I, стр. 85.
- 291) «Памятники русской старины», т. VIII, стр. 371, 372 и 374; «Холмская Русь», 1887 г., стр. 75.
- 292) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, Кіевъ, 1883 г., № 177. Объ этомъ можно гадать только по прекращенію въ 1617 году гоненій на Балабана.
- 293) «Исторія русской церкви» *Макарія*, т. X, примѣч. 211.
- 294) «Монографія», *Антоновича*, т. I, стр. 283; «Памятники русской старины», т. VIII, стр. 307; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 411 и 412.
- 295) «Сказаніе о Почаевской Успенской лаврѣ», архим. *Лавросія*, Почаевъ 1878 года, стр. 16—19.
- 296) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, №№ 170, 184, 186 и 159.
- 297) «Волин. епарх. вѣдом.», 1871 г., № 5.
- 298) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, т. III, Кіевъ, 1880 г., стр. 606 и слѣд.; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 344 и 345.
- 299) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 185
- 300) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петрушевича*, стр. 52—54.
- 301) «Волин. епарх. вѣдом.», 1882 г., стр. 117, и 1883 г. № 23 и 24, стр. 673. Недавно при разборкѣ поіезуитской каллиды въ г. Острогѣ, въ мусорѣ ея найдена плита со слѣдующею надписью: «Волею и помощію мил.. аго Бра славимаго въ Троицѣ блго..ный Гдръ Василемъ кнжа Острозское вье..да Кіевскій създа стый сіи храмъ нарече.. мя стья.. лныя Троица амин.. ку от рож Га наш Іс Хааха». Плита эта вдѣлана въ стѣну въ ризницѣ Житомирскаго собора.
- 302) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 273
- 303) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, т. I, стр. 179 и 181; «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», *Голубева*, I, 93. О преподаваніи въ Острожскомъ училищѣ см. «Труды Кіев. дух. акад.», февраль, 1867 г., стр. 182—185.

- 304) «Острожская библия», *С. М. Сольскаго*, въ «Трудахъ Киев. дух. академіи», іюль. 1884 года.
- 305) «Описаніе славяно-русскихъ книгъ», *И. Кротаевъ*, т. I, С.-Петербургъ, 1833 года; «Острожская типографія и ея изданія», *А. Селецкого*, въ «Волин. епарх. вѣдом.» за 1884 и 1885 г. и «особой книгой».
- 306) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, т. I, стр. 182
- 307) «Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI в. и уніа», *Левичкаго*, Киевъ, 1884 г., стр. 64 и 65.
- 308) «Памятники русской старины», т. VIII, стр. 292 и 293.
- 309) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, I, 338; «Волин. губ. вѣдом.» 1877 г., № 57; «Волин. епарх. вѣдом.», 1882 г., № 35.
- 310) «Памятники русской старины», т. VIII, стр. 301 и 306; «Пчела Почаевская», Почаевъ, 1884 г., стр. 71; «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, I, 182; «Архивъ юго-зап. Россіи», VI, № 175; о Загаецкомъ монастырѣ—«Волин. губ. вѣдом.», 1870 г., № 82
- 311) На кievскомъ соборѣ 1628 г. былъ протъ монастырей воеводствъ Киевскаго, Волинскаго и Брацлавскаго. См. «Исторію русской церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 371.
- 312) «Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI в. и уніа», *Левичкаго*, стр. 68—75; «Монографіи», *Антоновича*, I, 284—5; «Исторія Киевской дух. академіи», *Голубева*, вып. 1, Киевъ. 1886 г., стр. 88—91.
- 313) «Исторія Киевской дух. академіи», *Голубева*, I, 151 и 152.
- 314) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, №№ 130 и 185; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петрушевича*, стр. 52 и 53; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 274 и 275.
- 315) «Монографіи», *Антоновича*, I, 285 и 286.
- 316) «Богданъ Хмельницкій», *Н. И. Костомарова*, изд. 1884 г., т. I, введеііе, стр. 8—68; о гетманѣ Тискиневичѣ см. «Труды Киевской дух. академіи», іюнь, 1869 года, стр. 511, 535—537.
- 317) «Исторія русской церкви» *Макарія*, т. XI, стр. 245, 247.
- 318) «Кievскій митрополитъ Петръ Могила», *Голубевъ*, I, 300—303.
- 319) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 26.
- 320) «Кievскій митрополитъ Петръ Могила», *Голубева*, I, 304—310; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 265 и сл.
- 321) Тамъ же, стр. 83—225; «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ», *Н. Петрова* въ «Трудахъ Киев. дух. академіи», августъ, 1870 г., стр. 374 и 375.
- 322) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 283. Въ Киевскомъ церковно-археологич. музеѣ есть антиминсъ, подписанный Курцевичемъ.
- 323) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, I, 388 и 389; «Истор. русск. церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 316. «Волин. епарх. вѣдом.», 1882 г., № 35.
- 324) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 76; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петрушевича*, стр. 59.
- 325) «Собраніе сочиненій» *Максимовича*, I, 192.
- 326) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, №№ 273, 208 и 209.
- 327) «Бывшіе православные монастыри въ г. Дубно», *Пероговскаго*, въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., №№ 28 и 29.
- 328) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ», *Петрова*, въ «Трудахъ Киев. дух. академіи», августъ, 1870 г., стр. 330—383; «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 246.

- 329) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 275.
- 330) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 245.
- 331) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 74—76; «Очеркъ исторіи западно русской церкви», *Чистовича*, II, 285.
- 332) «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», *Голубева*, т. I, приложение № 51: «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 237.
- 333) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, №№ 251 и 259.
- 334) «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», *Голубева*, т. I, стр. 451. 452. 465 470—532 и 537; «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 94—110 и 115.
- 335) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI № 266
- 336) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., августъ, стр. 387 и 388.
- 337) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, №№ 272 и 273.
- 338) «Волин. епарх. вѣдом.», 1882 г., стр. 117, и 1883 г., стр. 673; см. выше при- мѣчаніе 301. Но мѣсто, на которомъ была Острожская академія, передано было іезуитамъ лишь въ 1649 году. См. «Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волини», *Н. Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», февраль, 1867 г., стр. 191.
- 339) «Историч. изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волынской гу- берніи», *Трипольскаго*, стр. 136.
- 340) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петрушевича*, стр 483 и 484; «Анна-Алоиза, княжна Острожская», *О. Левицкаго*, въ «Кіев. Ста- ринѣ», ноябрь, 1883 г.
- 341) «Труды Кіевской дух. академіи», августъ, 1870 г., стр. 389 и 390. О передачѣ Дерманскаго и Дубенскаго монастырей кармелитамъ см. рукописи митрополита Ма- карія (Булгакова) въ библиотекѣ Кіевск. дух. академіи, № Аа, 209, стр. 64.
- 342) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 278; «Исторія русской церкви», *Ма- карія*, т. XI, стр. 472, 473.
- 343) Тамъ же, №№ 279 и 280; «Исторія русск. церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 477.
- 344) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, №№ 280 и 293.
- 345) Тамъ же, № 289. Но въ 1659 году въ Спасскомъ монастырѣ былъ право- славный настоятель Паисій Татомиръ. См. «Волинск. епарх. вѣдом.», 1872 г., № 15.
- 346) «Труды Кіев. дух. академіи», августъ, 1870 г., стр. 289.
- 347) «Истор. русск. церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 543 и сл.
- 348) «Труды Кіевской дух. академіи», сентябрь, 1887 г., стр. 122 и слѣд.
- 349) «Краткія свѣдѣнія о православныхъ монастыряхъ Волынской епархіи», *Петрова*, въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 8.
- 350) «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 287.
- 351) «Памятн. времен. комисс.», т. IV, отд. 1, стр. 130; «Волинск. губ. вѣдом.» 1870 г., № 82.
- 352) «Труды Кіевской дух. академіи», августъ, 1870 г., стр. 414; «Волин. епарх. вѣдом.», 1871 г., № 4. Впрочемъ, въ записи говорится, что этотъ монастырь осно- вавъ Малинскимъ, однимъ изъ учредителей православнаго Кременецкаго братства, для уніатскихъ монаховъ и съ благословенія уніатскаго митрополита Рутскаго.
- 353) «Волин. губерн. вѣдом.», 1868 г., №№ 8 и 9; «Архивъ юго-зап. Россіи», т. VI, № 303; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петру- шевича*, стр. 359.
- 354) «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 8.
- 355) «Сказаніе о Почаевской Успенской лаврѣ», *Амвросія*, Почаевъ, 1878 г., стр. 20.
- 356) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 413; «Монографія», Антоно- вича, I, 309

- 357) «Волин. епарх. вѣдом.», 1873 г., № 20.
- 358) Тамъ же, 1872 г., №№ 3 и 4.
- 359) Тамъ же, 1873 г., № 14.
- 360) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 года», *Петрушевича*, ч. I, Львовъ, 1887 г., стр. 20
- 361) «Волик. епарх. вѣдом.», 1873 г., №№ 21 и 22.
- 362) «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 8.
- 363) Тамъ же, 1882 г., № 9.
- 364) Тамъ же, 1880 г., № 32; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 116.
- 365) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волини», *Карашевича*, въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1855 г., ч. II, стр. 51 и 52.
- 366) «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 8.
- 367) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 113 и 114.
- 368) Тамъ же, стр. 121—123, 127—155, 159—180.
- 369) «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, Житомиръ, 1879 г., стр. 171 и 197.
- 370) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 336—342.
- 371) Тамъ же, стр. 364, 365.
- 372) «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, стр. 199.
- 373) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 15, 16, 87, 88, 93 и 94.
- 374) «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, стр. 203; «Холмская Русь», 1887 г., стр. 97.
- 375) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 170—172.
- 376) Тамъ же, стр. 181—184.
- 377) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. XII, стр. 32, 33 и 34; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петрушевича*, стр. 303.
- 378) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. XII, стр. 36; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ», *Петрушевича*, стр. 304.
- 379) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 387 и 388; «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, стр. 203.
- 380) Тамъ же, стр. 435—438.
- 381) Тамъ же, т. III, стр. 3—7. О переселеніяхъ въ Слободскую Украину см. также «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», *Багалтя*, Москва, 1887 г., т. I, стр. 391 и слѣд.
- 382) «Матеріалы для исторіи Волини», *Пероговскаго*, стр. 213 и 214.
- 383) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. III, стр. 80, 123—125, 270 и 281 и 282.
- 384) «Исторія Россіи», *С. Соловьева*, т. XI, стр. 38 и 39; «Гетманство Выговскаго», *Костомарова*, С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 69 и сл.; «Литовская церковная унія», *Кояловича*, т. II, С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 400, 407.
- 385) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 771. Въ Любомльскомъ храмѣ есть икона, пожертвованная Выговскимъ.
- 386) «Мѣстечко Корець и князья Корецкіе», *Пероговскаго*, въ «Волин. губерп. вѣдом.», 1876 г., № 79.
- 387) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XI, стр. 69, 74, 116—121 и 149; «Историч. изслѣдованія и Монографіи», *Н. И. Костомарова*, Спб., 1872 г., т. XII, стр. 182 и др.
- 388) «Холмская Русь», 1887 г., стр. 103.
- 389) «Историч. дѣятели юго-зап. Россіи», *В. Б. Антоновича* и *В. А. Беца*, вып. I, Кіевъ, 1883 г., стр. 55 и 74.

- 390) Тамъ же.
- 391) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XI, стр. 247,—250; «Историч. дѣатели юго зап. Россіи», *Антоновича* и *Бѣца*, вып. 1, стр. 74 и 75; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 587.
- 392) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XII, стр. 15 и 16.
- 393) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 152.
- 394) «Мѣстечко Корець и князья Корецкіе», *Пероговскаго*, въ «Волин. губерн. вѣдом.», 1876 г., № 79; «Волин. епарх. вѣд.», 1875 г., № 14.
- 395) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 602—604.
- 396) «Исторія Россіи», *Соловьева*; т. XII, стр. 131 и 132.
- 397) «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., №№ 19 и 20; «Starożytna Polska», т. II, ч. 2, стр. 911.
- 398) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XII, стр. 134 и 212.
- 399) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 917.
- 400) «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., № 22.
- 401) «Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ», *Амвросія*, Почаевъ, 1878 года, стран. 27.
- 402) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XII, стр. 191, и сл.; т. XIII, стр. 281, 285, 290, 291; т. XIV, стр. 13.
- 403) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 927; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 219.
- 404) «Холмская Русь», 1887 г., стр. 113 и 114.
- 405) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, 1887 года, стран. 1 и 2.
- 406) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XIV, стр. 212 и 213; т. XV, стр. 16; «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Колловича*, стр. 266—268. Въ церкви села Колодежна, Новгородволинскаго у., найдена была грамота Семена Палія Колодеженскому монастырю. См. «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 7, стр. 104.
- 407) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 284 и др.
- 408) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 137.
- 409) «Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ», *Амвросія*, стр. 26 и 27.
- 410) «Исслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи московскому патриарху», *Терновскаго*, Кіевъ, 1872 г., стр. 96 и 97.
- 411) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ». *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. духовн. академіи», 1870 г., августъ, стр. 406—410.
- 412) «Историч. изслѣдованія и монографіи». *Н. Костомарова*, т. XII.
- 413) «Исслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи московскому патриарху», *Терновскаго*, стр. 45.
- 414) «Монографіи», *Антоновича*, I, 287. 288.
- 415) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., августъ, стр. 416.
- 416) «Монографіи», *Антоновича*, I, 288—290.
- 417) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., августъ, стр. 420—423.
- 418) «Монографіи», *Антоновича*, I, 291—295.
- 419) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 149 и 287.
- 420) «Исслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи московскому патриарху», *Терновскаго*, стр. 121 и 122.
- 421) «Монографіи», *Антоновича*, I, 296; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 214.

- 422) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., августъ, стр. 427.
- 423) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 243—248.
- 424) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., августъ, стр. 425 и 428: «Исторія объ уніи», *Н. Бантышъ-Каменскаго*, Москва, 1805 г., стр. 147.
- 425) «Монографіи», *Антоновича*, I, 301.
- 426) «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волини», *Хойнацкаго*, Житомиръ, 1878 г., стр. 232 и слѣд.
- 427) «Монографіи», *Антоновича*, I, стр. 301—310.
- 428) «Волин. епарх. вѣдом.», 1867 г., № 8, стр. 136.
- 429) «Монографіи», *Антоновича*, I, 311.
- 430) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XIV, стр. 198.
- 431) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 675.
- 432) «Труды Кіевской дух. академіи», 1887 г., сентябрь, стр. 133 и сл.
- 433) «Монографіи», *Антоновича*, I, 316—319; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.», *Петрушевича*, стр. 675, 253, 254, 267 и сл.
- 434) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 40 и 41.
- 435) «Монографіи», *Антоновича*, I, 319.
- 436) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., августъ, стр. 431 и 432.
- 437) «Монографіи», *Антоновича*, I, 321 и 322; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 225, 288—293.
- 438) «Волин. епарх. вѣдом.», 1875 г., стр. 37—39. Впрочемъ, въ сказаніи о Почаевской Успенской лаврѣ архим. *Амеросія* (стр. 46) послѣднимъ православнымъ настоятелемъ почаевскимъ признается Гедеонъ Левицкій, около 1720 г.
- 439) «Волин. епарх. вѣдом.», 1872 г., № 15.
- 440) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 1805 г., стр. 198; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, I, 527.
- 441) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 116 и др.
- 442) «Холмская Русь», 1887 г., стр. 127 и 128.
- 443) «Исторія воссоединенія западно-русскаго униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, Спб. 1873 г., стр. 8. Тотчасъ же напечатано было Кляшмой на польскомъ языкѣ окружное посланіе, съ изложеніемъ руководственныхъ правилъ замостьскаго собора. Экземпляръ посланія есть въ Холмскомъ музеѣ.
- 444) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, 1887 года, стр. 111; «Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ», *Хойнацкаго*, Кіевъ, 1871 г., стр. 14.
- 445) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», 1870 г., ноябрь, стр. 355, 406, 407 и др.
- 446) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 61—63.
- 447) «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», за февраль, май и іюль 1871 г. и за февраль 1872 г.; о свѣтскихъ базилианскихъ школахъ см. «Матеріалы для исторіи народнаго образованія», *Крыжановскаго*, въ «Кіевской Старинѣ» за май и іюнь 1882 года; «Woluy», Стецкаго I, 155, 156.
- 448) «Волин. губерн. вѣдом.», 1881 г., № 27.
- 449) «Сводная галицко-русская лѣтопись, съ 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 199.
- 450) «Исторія воссоединенія западно-русскаго униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 8 и 9.
- 451) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, II, 80; «Исторія объ

уинъ», *Бятыль-Каменскаго*, стр. 316; «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 175.

452) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 248 и 249.

453) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, II, 81.

454) «Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, предисловіе, стр. XIII—XIV.

455) «Монографіи», *Антоновича*, I, 336.

456) «Сводная галицко-русская лѣтопись 1700 г.», *Петрушевича*, предисловіе, стр. IX—X.

457) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, I, 319.

458) «Directorium hogaum sanoniscam», Житомиръ, 1883 г., стр. 45; по другимъ свѣдѣніямъ, онъ основанъ въ 1702 г.; см. «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 102.

459) «Directorium», стр. 45 и 58; «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 89 и 101.

460) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 100.

461) «Directorium», стр. 44, 51, 46 и 47.

462) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Литинскаго*, т. II, ч. I, стр. 541 и 542.

463) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 100.

464) «Directorium», стр. 47.

465) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 100.

466) «Directorium», стр. 57.

467) «Directorium», стр. 45; «Wolny», *Стецкаго*, стр. 147; «Волын. епарх. вѣдом.», 1882 г., № 9.

468) «Directorium», стр. 58. По другимъ свѣдѣніямъ, основанъ 1788 г.; см. «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, I, 534, и II, прилож. стр. 102.

469) «Directorium», стр. 48.

470) «Волын. епарх. вѣдом.», 1874 г., № 4

471) «Directorium», стр. 50; «Starożytna Polska», *Балинскаго и Литинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 854; «Wolny», *Стецкаго*, стр. 147.

472) «Directorium», стр. 53, 45.

473) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, I, 311 и 527.

474) «Directorium», стр. 48, 52 и 55.

475) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 103.

476) «Волын. епарх. вѣдом.», 1872 г., № 11.

477) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Литинскаго*, т. II, ч. 1, стр. 530; «Wolny», *Стецкаго*, I, 144.

478) «Волын. епарх. вѣдом.», 1872 г., № 15.

479) «Directorium», стр. 44, 51, 49, 54; «Wolny», *Стецкаго*, I, 374; «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 100; «Волын. губ. вѣдом.», 1868 г., № 91.

480) «Starożytna Polska», *Балинскаго и Литинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 901; «Волын. губерн. вѣдом.», 1868 г., № 99; «Волын. епарх. вѣдом.», 1874 г., №№ 11 и 12.

481) «Directorium», стр. 55, 52, 49.

482) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож. стр. 101.

483) «Волын. епарх. вѣдом.», 1882 г., № 36.

484) «Directorium», стр. 41.

485) «Wolny», *Стецкаго*, I, 363; «Волын. губерн. вѣдом.», 1868, № 90; «Волын. епарх. вѣдом.», 1885 г., № 1.

486) «Directorium», стр. 58.

- 487) Тамъ же, стр. 53; «Wolyn», *Стецькаго*, I, 317; «Волин. губерн. вѣдом.», 1868 г., № 84; «Волин. епарх. вѣдом.», 1875 г., № 21.
- 488) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, II, прилож. стр. 101.
- 489) Тамъ же, I, 531; «Directorium», стр. 42.
- 490) «Directorium», 43.
- 491) Тамъ же, стр. 41; «Wolyn», *Стецькаго*, I, 317; «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, I, 530.
- 492) «Краткіе очерки древностей г. Владиміра-Волинскаго,—рукописная записка 1878 г. въ канцеляріи волинскаго губернатора.
- 493) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, II, прилож. стр. 99; «Directorium», стр. 53.
- 494) «Краткіе очерки древностей г. Владиміра-Волинскаго», записка 1878 г. въ канцеляріи Волинскаго губернатора.
- 495) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, I, 533.
- 496) «Directorium», стр. 56, 58, 55.
- 497) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, I, 533.
- 498) «Starożytna Polska», *Балчинскаго* и *Липинскаго*, т. II, ч. 2, стр. 901; «Волинск. губерн. вѣдом.», 1868 г., № 99.
- 499) Тамъ же, т. II, ч. 1, стр. 531; «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, I, 533, и II, прилож. стр. 95.
- 500) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, I, 322 и 534; «Wolyn», *Стецькаго*, I, 148
- 501) «Directorium», стр. 44, 47.
- 502) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, II, прилож. стр. 102; «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., № 22.
- 503) «Directorium», стр. 57, 47, 51, 54, 44, 43; «Starożytna Polska», т. II, ч. 2, стр. 531.
- 504) «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., № 22.
- 505) «Римскій католицизмъ», *вр. Толстаго*, I, 533.
- 506) «Wolyn», *Стецькаго*, I, 381 и 382; «Волин. губерн. вѣдом.», 1868 г., № 90.
- 507) «Directorium», стр. 56; «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., № 22.
- 508) «Directorium», стр. 55.
- 509) «Историческія изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волинской губерніи», *Н. Трипольскаго*, Житомиръ, 1879 г., стр. 266 и слѣд.
- 510) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, II, 383, 384; «Вводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.», *Петрушевича*, стр. 170, 188, 194, 199.
- 511) «Монографіи», *Антоновича*, I, стр. 336, 337, 339, 341.
- 512) «Руководство для сельскихъ пастырей», 1882 года, № 52; «Кіев. епарх. вѣдом.», 1884 г., № 8.
- 513) «Холмская Русь», 1887 г., стр. 156.
- 514) «Чтенія по исторіи запад. Россіи», *Кояловича*, 1884 г., стр. 282—291; «Письмо неизвѣстныхъ поляковъ съ Волини 1768 г.» въ журналѣ «Основа», мартъ, 1862 года.
- 515) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 291—293.
- 516) «Историч. воспоминанія о Волини», *Пероговскаго*, въ «Волин. губерн. вѣд.», 1867 г., № 12.
- 517) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 294, 295; «Исторія возсоедин. западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *его же*, стр. 146, 162; «Исторія обь униі», *Вантмиль-Каменискаго*, 1805 г., стр. 395.
- 518) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 298.
- 519) Тамъ же, стр. 298—302; «Послѣдніе годы Речи Посполитой», *Н. Костома-*

- рова, въ «Вѣстникѣ Европы», апрѣль 1869 г., стр. 670—694; «Очеркъ исторіи базилианскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», февраль, 1872 года, стр. 240.
- 520) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 302—305.
- 521) «Wołyń», *Стецькаго*, I, 384; «Матеріалы для исторіи Волини», *Петровскаго*, стр. 226, 227.
- [522) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 306.
- 523) «Очеркъ исторіи базилиан. ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», февраль, 1872 г., стр. 253—255.
- 524) «Матеріалы для исторіи Волини», *В. Петровскаго*, 1879 г., стр. 306 — 309, 316, 317, 324, 415; «Wołyń», *Стецькаго*, 322.
- 525) «Дѣла по части уніатской», 1794 г., связка 11, въ архивѣ волинскаго губернскаго правленія.
- 526) «Волин. губ. вѣдом.», 1880 г., № 19.
- 527) «Волинская революція въ первой четверти XIX столѣтія», въ «Кіевской Старинѣ», январь, 1883 г., стр. 122 и 123.
- 528) «Волин. губ. вѣдом.», 1879 г., № 19 и слѣд.; 1870 г., № 63.
- 529) «Дѣла по части уніатской», 1794 г., связ. 11, въ архивѣ волинскаго губернскаго правленія.
- 530) «Волин. губ. вѣдом.», 1879 г., № 20. «Чтенія», *Кояловича*, стр. 317.
- 531) «Матеріалы для исторіи Волини», *Петровскаго*, стр. 350 и 351.
- 532) «Тамъ же, стр. 352, 361, 362, 365, 366, 367, 414, 422, 423.
- 533) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 316
- 534) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 353.
- 535) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, стр. 44 и 45.
- 536) Тамъ же, стр. 91 и 92; «Краткія извѣстія о положеніи базилианскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи отъ 1772 до 1811 г.», на основаніи записокъ современника базилианина *Луки Суляжинскаго*, въ «Трудахъ Кіевской дух. академіи», іюль, 1868 г., стр. 155, и октябрь, того же года, стр. 101 и 102. Для краткости, мы будемъ просто называть ихъ «Записками *Суляжинскаго*».
- 537) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 204, 208 и слѣд., 253, 356—359; «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., № 26.
- 538) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, 87 и слѣд.
- 539) «Возсоединеніе уніатовъ на Волини въ 1794—1795 гг.», свящ. *Ип. Л.*, въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1880 г., №№ 26 и 27, и особой брошюрой, стр. 2—4, 7 и 8.
- 540) «Дѣла по части уніатской», 1794 г., связка 11, въ архивѣ волинскаго губернскаго правленія.
- 541) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 372.
- 542) «Возсоединеніе уніатовъ на Волини въ 1794—95 гг.», свящ. *Ип. Л.*, стр. 10—12.
- 543) «Записки *Иосифа*, митрополита литовскаго», С-Петербургъ, 1883 г., т. III, стр. 170.
- 544) «Возсоединеніе уніатовъ на Волини въ 1794—95 гг.», свящ. *Ип. Л.*, стр. 10—12; «Къ исторіи возсоединенія уніатовъ съ православною церковію въ концѣ XVIII вѣка», свящ. *М. Варваринскаго*, въ «Волин. епарх. вѣдом.», 1871 г., № 6 и 7
- 545) «Дѣла по части уніатской», 1794 г., связка 11, въ архивѣ волинскаго губернскаго правленія.
- 546) «Возсоединеніе уніатовъ на Волини въ 1794—95 гг.», свящ. *Ип. Л.*, стр. 12.

- 547) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 373.
- 548) «Возсоединеніе униатовъ на Волини въ 1794 — 95 гг.», свящ. *Ии Л.*, стр. 9, 13, 19, 21, 23 и 24. О возсоединеніи униатовъ Ковельскаго уѣзда см. «Равсказъ изъ исторіи возсоединенія униатовъ на Волини въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго столѣтія», свящ. *П. Гапановича*, въ «Холмско-Варшавскомъ епарх. вѣстникѣ» за 1886 годъ и особой брошюрой.
- 549) Тамъ же, стр. 22 и 23; «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. духов. академіи», іюль, 1868 г., стр. 164.
- 550) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, 90; «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 273.
- 551) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волини», *П. Карашевича*, въ «Христіан. Чтеніи», 1855 г., ч. II, стр. 55.
- 552) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 369 и 370; «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», іюль, 1868 г., стр. 165.
- 553) «День открытія Волинской дух. семинаріи», свящ. *Ии Л.*, въ «Волинскихъ епарх. вѣдом.», 1880 г., № 36.
- 554) «Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волини», *Н. Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», февраль, 1867 г., стр. 193 и слѣд.
- 555) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 393.
- 556) «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», октябрь, 1868 года, стр. 105.
- 557) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 393.
- 558) «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 106 и 107.
- 559) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, 146, 148 и 149; «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 107, 108, 110 и 111; «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 398.
- 560) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, 354, 355.
- 561) «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 114.
- 562) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, 119.
- 563) Тамъ же; «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 115.
- 564) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 396—7.
- 565) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волини», *Карашевича*, въ «Христіан. Чтеніи», 1855 г., ч. II, стр. 58.
- 566) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 394, 395 и 396.
- 567) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, II, 370.
- 568) «Очеркъ исторіи православной церкви на Волини», *Карашевича*, въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1855 г., ч. II, стр. 57.
- 569) «Матеріалы для исторіи Волини», *В. Щероковскаго*, стр. 278 и 279.
- 570) «Записки *Сулжинскаго*», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», 1868 г., октябрь. стр. 114 и 137; «Римскій католицизмъ», *Толстаго*, II, прилож. 32, стр. 130

571) «Очеркъ исторіи правосл. церкви на Волыни», *Карашевича*, въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1855 г., ч. II, стр. 59.

572) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 374 и 429.

573) «Очеркъ исторіи правосл. дух. школы на Волыни», *Н. Петрова*, въ «Труд. Кіев. дух. акад.», 1867 г., февраль, стр. 203, 214 и 215.

574) «Сказаніе о Почаевской Успенской лаврѣ», архим. *Амеросія*, Почаевъ, 1878 года, стр. 138—140.

575) «Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волыни», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», февраль, 1867 г., стр. 215.

276) «Очерки изъ исторіи духовнаго образованія и церковной іерархіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія», *И. Чистовича*, въ «Странникѣ», январь, 1887 года, стр. 52 и слѣд. О Волынской семинаріи есть еще статьи: *Ө. Четыркіна* въ «Волын. епарх. вѣдом.», 1878 г., №№ 21 и 22; 1879 г., № 22 и 1881 г., №№ 34 и 35; *В. Пероговскаго*, тамъ же, 1879 г., № 18, и *Д. Полянскаго*, тамъ же, 1882 г., № 10—11.

577) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 319 и 320.

578) «Исторія русской словесности», *А. Галахова*, т. II, Спб., 1868 г., стр. 88, 110—112.

579) «Волынская революція», въ «Кіевской Старинѣ», январь, 1883 года.

580) «Матеріалы для исторіи Волыни», *Пероговскаго*, стр. 294—306.

581) «Первая эпоха преобразованія Александра I», въ «Вѣстн. Европы», 1866 г., т. II, стр. 139 и 140; «Чтенія», *Кояловича*, стр. 321.

582) «Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волыни», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», февраль, 1867 г., стр. 232—236; «Волын. епарх. вѣдом.», 1874 г., №№ 11 и 12.

583) Тамъ же, стр. 237; «Woluy», *Стецкаго*, I, 166 и сл. «Szkice obuczajowe i historyczne, przez Iosepha Dunin-Karwiewskiego», Варшава, 1882 г., отд. IV, «О школахъ кременецкихъ», стр. 49 и слѣд.

584) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 268, 269, 286—289 и прилож., стр. 104 и 105; «Записки Сульжинскаго», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 248—253.

585) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 187 и 188.

586) Тамъ же, стр. 355—358 и 360; «Записки Сульжинскаго», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 132 и 133.

587) «Записки Сульжинскаго», въ «Труд. Кіев. дух. акад.», окт., 1868 г., 163.

588) «Ordo divini officii ad usum diaecesis Luceoriensis et Żytomériensis», на 1876 г., Варшава, стр. 16, 26, 32, 18 и 17.

589) Тамъ же; «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, прилож., стр. 90.

590) «Ordo divini officii» на 1876 годъ, стр. 21, 29 и 25.

591) «Записки Сульжинскаго», въ «Труд. Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 121, 122, 114, 136—138.

592) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 288, 258—260, 384, 385.

593) Тамъ же, стр. 358 и 359; «Записки Сульжинскаго», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», октябрь, 1868 г., стр. 133, 134 и 144.

594) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 361 и 362.

595) «Записки Сульжинскаго», въ «Труд. Кіев. дух. акад.», ноябрь, 1868 г., стр. 245 и 246.

596) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 362—365.

597) «Записки Сульжинскаго», въ «Труд. Кіев. дух. акад.», ноябрь, 1868 г., стр. 266—268 и 275.

598) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 375.

- 599) «Записки Сульжминскаго», въ «Труд. Кіев. дух. акад.», 1868 г., ноябрь, стр. 264, 297 и др.
- 600) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, II, 375.
- 601) Тамъ же, стр. 369, 370, 377, 380—384, 386 и 387.
- 602) «Записки *Иосифа* митрополита литовскаго», т. I, стр. 31, 52 и 39.
- 603) Тамъ же, I, 461—466.
- 604) Тамъ же, I, 57.
- 605) Тамъ же, I, 59, 60, 489, 491—494; II, 130.
- 606) Тамъ же, I, 66.
- 607) «Чтенія», *Колловича*, стр. 330 и 331.
- 608) «Историческій очеркъ Волыни», *Л. Крушинскаго*, въ «Трудахъ волынскаго губернскаго статистич. комитета на 1867 г.», Житомиръ, стр. 146—148; «Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волыни», *Петрова*, въ «Труд. Кіев. дух. акад.», февраль, 1867 г., стр. 238.
- 609) «Сказаніе о Почаевской Успенской лавръ», архим. *Амаросія*, стр. 141, 143 и 144.
- 610) «Очеркъ исторіи Волыни», *Крушинскаго*, стр. 147. О польскомъ повстаніи 1830 и 1831 гг. см также, кромѣ «Исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ», *Ф. Смита*, «Волын. губ. вѣдом.» 1869 г., № 79; 1870 г., № 69; «Волын. епарх вѣдом.» 1874 г., № 12; 1876 г., № 1; 1878 г., № 13, и 1874 г., № 8.
- 611) «Очеркъ исторіи православной дух. школы на Волыни», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев дух. акад.», февраль, 1867 г., стр. 238 и 241.
- 612) «Волын. губ. вѣдом.», 1868 г., № 90; «Волын. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 35; 1871 г., № 4; 1872 г., № 22; 1875 г., № 1 и 1881 г., № 7.
- 613) «Сказаніе о Почаевской Успенской лавръ», архим. *Амаросія*, стр. 146 и слѣд., «Кіевская Старина», сентябрь, 1882 г., стр. 486 и слѣд.
- 614) Объ отдѣльныхъ случаяхъ принятія униатами и католиками православія см. въ «Запискахъ митрополита *Иосифа*», т. III, стр. 259, 363, 366, 373 и др.
- 615) «Историческій очеркъ Волыни», *Крушинскаго*, стр. 148.
- 616) «Записки *Иосифа*, митрополита литовскаго», т. I, стр. 70.
- 617) Тамъ же, т. I, стр. 70, 74, 77.
- 618) Тамъ же, т. I, стр. 76 и 607; т. III, стр. 7, 8, 58, 274 и 275.
- 619) Тамъ же, т. I, стр. 76; т. III, стр. 12 и 75.
- 620) Тамъ же, т. I, стр. 76, 608—610, 677; т. III, 324, 325, 235.
- 621) Тамъ же, т. I, стр. 481 и 597.
- 622) Тамъ же, т. III, стр. 215—218, 289—302.
- 623) Тамъ же, т. I, стр. 79.
- 624) «Чтенія», *Колловича*, стр. 334.
- 625) «Записки *Иосифа*, митрополита литовскаго», т. I, стр. 130 и 131; т. III, стр. 84, 94, 95, 129, 130, 140, 204 и 205.
- 626) Тамъ же, т. I, стр. 84, 113, 119, 126, 127, 134 и 694; т. II, стр. 89, 115, 128, 176; т. III, 568 и 581.
- 627) «Историческій очеркъ Волыни», *Крушинскаго*, стр. 148.
- 628) «Матеріалы для исторіи Волыни», *Пероговскаго*, стр. 289.
- 629) «Кіевская Старина», 1882 г., июль, стр. 74; «Памятн. рус. стар.», вып. I, предисловіе; вып. VII, предисловіе, стр. I—III.
- 630) «Матеріалы для исторіи Волыни», *Пероговскаго*, стр. 289 и 290.
- 631) «Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни», вып. I, Житомиръ, 1868 года.
- 632) «Матеріалы для исторіи Волыни», *Пероговскаго*, стр. 291 и 293; «Кіевская Старина», июль, 1882 г., стр. 74 и 75.

633) «*Wolyn*». *Стещкаго*, т. I, стр. 36—42.

634) «Недавно минувшее Волини,—эпизодъ изъ приготовленій къ возстанію», въ «*Волин. губ. вѣдом.*», 1868 г., №№ 71, 72 и слѣд.

635) Одна изъ такихъ пѣсенъ доставлена намъ съ Волини въ 1866 г. Она начинается словами: «Ой, летила зозуленька».

636) Объ этомъ возстаніи см.: «*Волин. губ. вѣдом.*», 1868 г., №№ 93 и 99; 1870 г., №№ 70, 109 и 111; «*Волин. епарх. вѣдом.*», 1875 г., стр. 174—181; «1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу», *М. Н. Ваткова*, Москва, 1887 г.; «Седьмицы польскаго мятежа 1861—1864 гг.», т. I—V, *Н. И. Пааличева*, С.-Петербургъ, 1887 г.

637) «*Чтенія*», *Кояловича*, стр. 336, 337, 340. О Житомирскомъ соборѣ см. «*Волин. губ. вѣд*» 1887 г., №№ 48 и 49.

638) «Историческія изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волинской губерніи. Острожскій уѣздъ», свящ. *Трипольскаго*, Житомиръ, 1879 г., стр. 141—176.

639) Мы имѣемъ подъ руками связку писемъ г-жи Соханской, касающихся Яполотскаго братства. Въ одномъ изъ такихъ писемъ П. Н. Б. писалъ Надеждѣ Степановнѣ слѣдующее: «Получивъ письмо ваше отъ 5 числа, я тотчасъ же сообщилъ содержаніе онаго одному лицу, извѣстному мнѣ своею благотворительностію въ западномъ краѣ, Ивану Ивановичу Четверикову, и просилъ его помочь нуждамъ Яполотской церкви. Сейчасъ получилъ я отвѣтъ отъ г. Четверикова, которымъ онъ увѣдомляетъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ доставить вамъ не только одинъ кругъ богослужбныхъ книгъ, но и всю недостающую въ церковь утварь, и пополнить, кромѣ того, недостатки въ ризницѣ. Сверхъ того, г. Четвериковъ надѣется имѣть, въ скоромъ времени, возможность исполнить ваше желаніе—учредить сельскій банкъ и на этотъ предметъ прислать въ распоряженіе ваше до 5 тысячъ рублей. Поздравляя васъ съ этимъ блестящимъ результатомъ, покорнѣйше прошу и впредь о нуждахъ вашего братства, (о которомъ я много слышалъ отъ гр. Б. А. Перовскаго), увѣдомлять меня и быть увѣренной въ полномъ участіи къ доброму дѣлу, вами предпріятому. Если вы затрудняетесь въ присканіи средствъ построить домъ для школы вашего братства или снабдить эту школу учебниками и книгами для бібліотеки, то прошу васъ мнѣ объ этомъ написать, и я постараюсь прискаты на это средства».

640) «Памятная книжка Волинской губ. на 1888 годъ». Житомиръ, 1887 г., отд. III, стр. 13 и 23; «Чехи на Волини», *Е. М. Кр.*, С.-Петербургъ, 1887 г.; Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1885 г., С.-Петербургъ, 1887 г. Въ настоящее время всѣхъ чеховъ на Волини, принявшихъ русское подданство, считается до 15,524 душъ. По вѣроисповѣданію, они раздѣляются на *православныхъ, чешско-братовъ, евангеликовъ (гелъветовъ и аусбурговъ), старокатоликовъ и католиковъ*. Хотя православные чехи составляютъ самое малое число между остальными своими братьями по національности, но есть надежда, что число это будетъ постепенно возрастать присоединеніями изъ другихъ исповѣданій. Самая пестрота этихъ исповѣданій, сопровождающаяся обшимъ неустройствомъ религіознаго быта волинскихъ чеховъ, расположитъ болѣе благоразумныхъ и лучше размышляющихъ чеховъ къ тому, что подъ знаменемъ православія, какъ единаго истиннаго христіанства, завѣщаннаго всѣмъ славянамъ св. первоучителями ихъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, объединятся и между собою и со всѣмъ преобладающимъ населеніемъ новаго отечества ихъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

А. Священныя изображенія.

1. Почаевская икона Божіей Матери.

(Стр. 61.)

Послѣ захвата Византійской имперіи турками, греческое духовенство, лишенное доходовъ отъ забранныхъ имуществъ церковныхъ, начало обращаться за помощью къ единовѣрной Русн. Съ этою цѣлью изъ Греціи пріѣзжали въ русскія земли священники, епископы и митрополиты, которые, въ видѣ выраженія братской любви и благодарности за щедрыя пожертвованія, оставляли здѣсь священные предметы: частицы мощей, камни отъ живоноснаго гроба Господня, иконы и проч.

Въ 1559 году съ тою же цѣлью посѣтилъ западную Русь прибывшій изъ Царьграда митрополитъ Неофитъ. Проѣзжая чрезъ Волинь, онъ остановился въ селѣ Орлѣ (нынѣ Урля), расположенномъ въ 9 верстахъ отъ мѣстечка Почаева, Кременецкаго уѣзда. Владѣлица этого имѣнія, русская помѣщица православнаго исповѣданія, Анна Гойская, рожденная Козинская, пригласила къ себѣ митрополита, который, прогостивъ здѣсь нѣсколько дней, предъ отъѣздомъ своимъ, благословилъ гостепримную хозяйку иконою Божіей Матери. Гойская помѣстила икону въ своей домашней часовнѣ, гдѣ она находилась въ продолженіи 37-ми лѣтъ, источая благодатныя чудотворенія.

Первыя явленія чудодѣйственной силы иконы были обнаружены домашними Гойской, замѣчавшими неоднократно необыкновенное сіяніе вокругъ иконы. Сначала госпожа усомнилась, слушая рассказы объ этомъ чудѣ, но вскорѣ сама она сдѣлалась свидѣтельницею того же явленія и другихъ чудесъ, источаемыхъ иконою надъ молящимися предъ ней. Въ числѣ послѣднихъ былъ и братъ помѣщицы, Филиппъ Козинскій, который, будучи слѣпымъ отъ рожденія, послѣ молитвы предъ иконою Богородицы, совершенно прозрѣлъ. Тогда помѣщица Гойская, считая себя недостойною обладать чудотворною иконою, пригласила епископа, священниковъ и монаховъ и торжественно перенесла ее, въ 1597 году, въ церковь Почаевской обители.

Послѣ смерти Анны Гойской, скончавшейся въ 1617 году, все ея помѣстье перешло къ племяннику ея Фирлею, владѣльцу мѣстечка Козина. Фирлей былъ лютеранскаго исповѣданія и отличался грубымъ правомъ и буйнымъ характеромъ. Въ силу этого онъ не только не оказывалъ покровительства Почаевской обители, но даже причинялъ ей разныя обиды и козни, а въ 1623 году сдѣлалъ открытое нападеніе на монастырь и похитилъ всѣ монастырскія сокровища, а въ томъ числѣ и чудотворную икону Богородицы. Съ того времени въ теченіи около 20 лѣтъ святыня находилась въ домѣ Фирлея, въ м. Козинѣ, но не въ славѣ съ подобающимъ чествованіемъ, а въ полномъ небреженіи, подвергаясь даже кощунству со стороны Фирлеевъ. Такъ, однажды хозяйка дома, одѣвшись въ церковныя, въ 1623 году забратыя въ монастырѣ, облаченія и взявъ чашу, предстала предъ пиршествующими, извергая хулу на святую икону и православную вѣру. Кощунство жены Фирлея не осталось безнаказаннымъ: она подверглась частымъ припадкамъ, которые мучили ее до тѣхъ поръ, пока икона, по усиленному требованію настоятеля Іова (въ схимѣ, какъ и въ мірѣ, Іоаннъ Желѣзо, † 1651 г.), не была возвращена въ Почаевскую церковь Успенія пресв. Богородицы. Это было въ 1644 году. Съ тѣхъ поръ икона оставалась въ этой церкви до 1649 года, когда была перенесена въ новый храмъ, построенный Ѳеодоромъ и Евою, супругами Домашевскими, во имя пресв. Троицы, и установлена здѣсь въ иконостасѣ.

Около 1721 года Почаевскіе монахи перешли въ унию, и Почаевская лавра вмѣстѣ съ ея святынею сдѣлалась достояніемъ униатскаго базилианскаго ордена. Въ 1771 году древній Троицкій храмъ былъ разобранъ и, взявъ его, на томъ же мѣстѣ, сооруженъ новый болѣе обширный храмъ, въ честь Успенія пресв. Богородицы. Строителемъ его былъ польскій графъ Николай Потоцкій, староста каневскій, сдѣлавшійся благотворителемъ русской обители вслѣдствіе совершившагося предъ нимъ чрезвычайнаго чуда. На время постройки этого храма, продолжавшейся съ отдѣлкою въ теченіи 20 лѣтъ, икона Богоматери была перенесена во временную церковь, устроенную въ братской трапезѣ, а по окончаніи такой отдѣлки ея, въ 1791 году, икона торжественно перенесена въ новый храмъ и установлена въ немъ въ алтарной части, на горнемъ мѣстѣ, въ изящномъ кіотѣ. Для большаго прославленія иконы, базилиане испросили разрѣшеніе папы Климента XIV короновать икону по латинскому образцу. Папа согласился, и 8 сентября 1773 года икона была коронована присланными изъ Рима двумя коронами, сдѣланными изъ чистаго золота, что и служило нагляднымъ доказательствомъ и санкціею главы римской церкви, что икона дѣйствительно чудотворная и пользуется особеннымъ чествованіемъ.

Вслѣдствіе неблаговидныхъ, противугосударственныхъ поступковъ монаховъ-базилианъ и участія ихъ въ польскомъ мятежѣ, Почаевская обитель, по волѣ государя императора Николая Павловича, передана, 10 октября 1831 г., въ вѣдѣніе православнаго духовенства и затѣмъ въ 1833 году переименована въ лавру. Въ 1859 году императоръ Александръ Николаевичъ, въ память своего посѣщенія, пожертвовалъ лаврѣ величественный иконостасъ; въ этомъ иконостасѣ и помѣщена, въ третьемъ ярусѣ, чудотворная икона въ звѣздообразномъ серебрянномъ кіотѣ. Въ 1866 году

икона уаращена золотою ризою, усыпанною драгоцѣнными камнями, а въ 1883 году, въ память 50-ти лѣтняго юбилея со дня включенія Почаевской обители въ число лавръ, нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ Александромъ Александровичемъ и государынею императрицею Марією Теодоровною пожертвована къ иконѣ драгоцѣнная лампада. Сіяя блескомъ и красотою, икона спускается на лентахъ для поклоненія.

Икона имѣеть $6\frac{1}{4}$ вершковъ длины и $5\frac{1}{3}$ вершк. ширины. Писана она византійскимъ стилемъ на липовой доскѣ. Голова Божіей Матери наклонена къ головкѣ Богомладенца Иисуса, который покоится на правой рукѣ Богоматери, держащей въ лѣвой рукѣ плащъ, обвивающій ноги и спину младенца. Лѣвая рука Спасителя лежитъ на плечѣ Божіей Матери, а правая рука благословляетъ. Надъ ликомъ Богородицы греческая надпись *Μρ Θῷ*, т. е. Матерь Божія, а при ликѣ Спасителя—*ΙΣ ΧΣ*, т. е. Иисусъ Христосъ. Икона окружена ликами святыхъ, въ нѣмбѣ которыхъ выставлены ихъ имена: Іліи и Мины—съ лѣвой, а Стефана и Авраамія съ правой стороны, Параскевы, Екатерины и Ирины внизу иконы. Эти имена написаны по славянски.

(Упоминается на стр. 136.)

2. Икона Божіей Матери изъ Успенскаго Мстиславова собора въ г. Владимірѣ-Волинскомъ.

(Стр. 125.)

На страницѣ 41-й настоящаго изданія изображено два рисунка Владиміро-Волинскаго Успенскаго собора, сооруженнаго въ 1160 году удѣльнымъ княземъ Мстиславомъ II Изяславичемъ. Этому храму принадлежала и икона Божіей Матери, копія съ которой помѣщена на стр. 125. Историческія свѣдѣнія объ этой святыни крайне скудны. Предполагають, что икона Богоматери была пожертвована Успенскому Мстиславоу собору епископомъ Вассіаномъ, при возстановленіи имъ въ 1494 году храма, послѣ разрушенія его татарскими полчищами. Въ XVII вѣкѣ икона была покрыта серебряной ризою, а въ XVIII в. къ ризѣ были сдѣланы нѣкоторыя добавленія; но ни то, ни другое не представляетъ собою никакихъ особенностей, а потому въ нашемъ рисункѣ икона изображена безъ ризы. Икона эта находится теперь въ Владиміро-Волинской соборной церкви и считается братскою иконою учрежденною въ 1887 году въ г. Владимірѣ-Волинскомъ Свято-Владимірскаго православнаго братства.

3. Дубенская икона Божіей Матери.

(Стр. 173.)

Древняя икона Богоматери была пожертвована княземъ К. К. Острожскимъ Дубенскому Спасскому монастырю. Городъ Дубно, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1099 годомъ, былъ нѣкогда удѣломъ южно-русскихъ князей, а въ 1386 году король

Ягаило по привиллегиі укрѣпилъ Дубно за Ѳеодоромъ Даниловичемъ «княземъ на Острогѣ»; съ тѣхъ поръ городъ находился во владѣніи князей Острожскихъ до смерти измѣнника прарославію, князя Ивана (Януша), когда изъ Дубна была учреждена ординація (маіоратъ).

Дубенская икона по живописи представляетъ собою образецъ иконописной красоты и изящества и въ этомъ отношеніи сдѣлала бы честь и современному намъ искусству иконописанія; драгоценная же риза ея, покрытая множествомъ жемчужныхъ украшеній, служитъ доказательствомъ усердія со стороны почитателей и поклонниковъ древней святыни.

(Упоминается на стр. 143.)

4. Святой Равноапостольный князь Владиміръ.

(Стр. 14.)

Изображеній св. князя Владиміра, имѣющихъ значеніе портрета, не существуетъ. Въ изданномъ въ 1887 году историческомъ сочиненіи «Холмская Русь» воспроизведена хромолитографически фреска Успенскаго собора въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ, основаннаго великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 году. Насколько вѣрно, эта иконопись XII вѣка передаетъ виѣшній видъ изображаемаго лица, опредѣлить трудно; одно несомнѣнно, что изысканія болѣе древняго изображенія св. Владиміра были бы напрасны. Тѣмъ понятнѣе попытки любителей старины, стремящихся представить сколько нибудь вѣрное изображеніе, напоминающее хотя бы только нѣкоторыми чертами портретъ великаго князя кіевскаго. Къ числу такихъ попытокъ относится рисунокъ, приложенный къ настоящей книгѣ. Князь Г. Г. Гагаринъ сдѣлалъ опытъ воспроизведенія облика св. Владиміра по монетамъ его времени. Искусство первоначальныхъ медальеровъ затрудняло попытки реставратора, который, для законченности своего рисунка, долженъ былъ, конечно, идеализировать монетное изображеніе и восполнять неясныя и недостающія черты изъ другихъ источниковъ; но общій характеръ лица и главнѣйшія его особенности князь Гагаринъ сохранилъ въ томъ видѣ, какъ представлено на монетахъ. Такъ напр., на рисункѣ выдержанъ характеръ усевъ, при отсутствіи бороды, что такъ не подходитъ къ понятію о св. Владимірѣ, сложившемуся подъ вліяніемъ живописно-церковныхъ традицій. Что касается одѣянія, креста и престола, на которомъ возсѣдаетъ Владиміръ, то кн. Гагаринъ придерживался образцовъ Византіи, которой великій князь кіевскій подражалъ въ этихъ случаяхъ.

Рисунокъ, съ котораго воспроизведено приложенное къ настоящей книгѣ изображеніе, находится въ монументальномъ сочиненіи гр. И. И. Толстаго «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго» (СПб., 1882 г.).

Великій князь Владиміръ Святославичъ, владѣя Новгородомъ, занялъ кіевскій престолъ послѣ старшаго брата своего Ярополка. Ведя войны съ поляками, вятичами, ятвягами и приволжскими болгарами, Владиміръ расширялъ и укрѣплялъ свое государство. Послѣ каждаго похода на враговъ, онъ возвращался съ обильною добычей и торжественно праздновалъ побѣду въ кругу своей удалой и сильной дружины.

Одного ему не доставало: познанія истиннаго Бога. Владиміру не чуждо было религіозное настроеніе; но, выражая его посвоему, онъ, какъ язычникъ, поклонялся идоламъ, изображенія которыхъ ставилъ въ своемъ стольномъ городѣ на видныхъ мѣстахъ. Главнымъ идоломъ былъ Перунъ, сдѣланный изъ дерева, съ серебряной головой и золотыми усами; за нимъ слѣдовали Дажбогъ, Стрибогъ, Хорсъ, Мохошъ и Симаргла. Заблуждаясь въ богопочитаніи, кіевскіе язычники доводили свой ложный религіозный культъ до приношенія въ жертву идоламъ живыхъ людей. Такъ, въ лѣтописи сохранилась повѣсть о томъ, что кіевскіе язычники хотѣли принести въ жертву идоламъ сына варяга-христіанина Феодора, блиставшаго юною красотой Іоанна, но, встрѣтивъ въ его отцѣ отпоръ и открытое исповѣданіе Христа, замучили ихъ обонхъ. Это было въ 985 году, а съ слѣдующаго года началось уже обращеніе Владиміра на путь къ истинному богопознанію.

Своимъ здравымъ умомъ, при озареніи свыше отъ благодати Божіей, Владиміръ понялъ, что язычество есть темное и жестокое суевѣріе и возжелалъ познать истинную вѣру, чтобы принять ее для себя и для всего народа. Выслушавъ разныхъ проповѣдниковъ, какъ-то магометанъ, нѣмцевъ-папистовъ и евреевъ, Владиміръ не согласился принять ни одной изъ тѣхъ вѣръ, какія они ему предлагали. Прибылъ затѣмъ греческій мудрый проповѣдникъ и въ длинной бесѣдѣ объяснилъ Владиміру ученіе православно-христіанской вѣры. Сердце Владиміра уже склонялось къ принятію сей вѣры, но, какъ мудрый государь, онъ желалъ совѣтоваться о столь великомъ дѣлѣ съ своими боярами и градскими старцами, чтобы дать и имъ возможность мыслію и сердцемъ участвовать въ этомъ великомъ дѣлѣ. По общему совѣту ихъ, Владиміръ отправилъ къ болгарамъ-магометанамъ, къ нѣмцамъ и грекамъ десять смысленныхъ мужей, чтобы увидѣть, гдѣ лучше славятъ Бога. Послы возвратились и въ присутствіи Владиміра, бояръ и старцевъ градскихъ съ неодобреніемъ говорили о томъ, что видѣли у болгаръ-мусульманъ, не похвалили и того, что видѣли у нѣмцевъ, но съ полною похвалою и восторгомъ рассказывали о величій и благолѣпій службы Божіей, виданной и слышанной ими въ Царьградѣ, въ храмѣ св. Софіи. Тогда бояре и старцы сказали Владиміру: «если бы греческая христіанская вѣра не была лучше всѣхъ, то твоя мудрая бабка Ольга не приняла бы ее. «И такъ мы крестимся, но гдѣ?» спросилъ Владиміръ, — «Гдѣ тебѣ любо князь», отвѣтили бояре и старцы.

Но сильному обладателю обширнаго русскаго края не хотѣлось просить у грековъ крещенія, какъ милости; онъ задумалъ и въ этомъ дѣлѣ примѣнить испытанное средство—силу оружія. Окруживъ греческій городъ Корсунъ или Херсонесъ отстоящій въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя, и встрѣтивъ дружный отпоръ со стороны грековъ, Владиміръ долго не могъ овладѣть городомъ; но одинъ изъ корсунянь, Анастасъ, навелъ его на мысль перекопать водопроводныя трубы. Исполнивъ этотъ совѣтъ, Владиміръ тутъ же далъ обѣщаніе принять крещеніе, если Богъ поможетъ взять городъ. Отсутствіе воды заставило грековъ сдаться. Вступивъ въ городъ, Владиміръ послалъ греческимъ царямъ Василію и Константину предложеніе отдать ему въ замужество сестру ихъ Анну, угрожая въ противномъ случаѣ ихъ

столицѣ тою же участію, какая постигла Корсунь. Но христіанскіе цари отвѣтили, что они не могутъ выдать свою сестру замужъ за язычника; тогда Владиміръ заявилъ, что ему нравится греческая вѣра, и онъ готовъ ее принять. Неохотно царевна Анна оставила родину и съ грустію прибыла въ Корсунь. Въ то время Владиміра постигла глазная болѣзнь, и онъ ничего не могъ видѣть. Узнавъ объ этомъ, царевна сказала князю, что онъ исцѣлится, если поспѣшитъ принять крещеніе. Владиміръ внялъ этому совѣту, и когда корсунскій епископъ, совершая таинство крещенія, возложилъ на него руки, то онъ тотчасъ же прозрѣлъ. Пораженный силою дѣйствія святаго таинства, Владиміръ воскликнулъ: «Теперь только я узналъ истиннаго Бога!».

Это было въ 988 году.

Принявъ крещеніе и получивъ при этомъ имя Василія, великій князь кіевскій отдалъ Корсунь обратно грекамъ и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою священниковъ, мощи св. Климента и Фива, иконы, церковные сосуды и проч. Съ нимъ же прибылъ въ Кіевъ и греческій епископъ Михаилъ, назначенный первымъ митрополитомъ русскимъ. Прежде всего Владиміръ обратилъ своихъ сыновей и дружину въ христіанство, а потомъ принялся за истребленіе идоловъ. Каменныхъ истукановъ разбили въ куски, деревянныхъ сожгли, а главнаго идола Перуна, привязавъ къ лошадиному хвосту, стащили съ горы въ Днѣпръ. Затѣмъ митрополитъ и священники начали ходить по городу и проповѣдовать евангеліе. Многіе охотно крестились, но не мало было такихъ, которые не соглашались оставить идолопоклонство. Тогда Владиміръ приказалъ, чтобы всѣ язычники на другой день собрались къ рѣкѣ. Величественную картину представляло собою наступившее утро: св. Владиміръ явился на Днѣпръ съ своимъ княжескимъ семействомъ, съ митрополитомъ, священниками и боярами, окруженный множествомъ народа, послушнаго своему князю и готоваго воспринять благодать Христовой вѣры! Новопросвѣщаемые, по благословенію митрополита, вошли въ рѣку, — одни по шею, другіе по грудь; дѣти остались у берега, а младенцевъ держали на рукахъ взрослые.

Такъ совершился великій актъ крещенія русскаго народа. Восторженный величественнымъ и многознаменательнымъ событіемъ, великій князь всенародно обратился къ Богу съ молитвою:

«Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжду козни его».

Услышана Богомъ молитва крестителя земли Русской: вѣра права и несовратна утвердилась и окрѣпла на Руси, и никакія козни враговъ ея не расторгли послѣдовательной, преемственной связи русскаго народа съ тою просвѣтительною благодатію, которою одухотворена была Русь девять вѣковъ тому назадъ!

Послѣ крещенія кіевлявъ, Владиміръ началъ сооружать въ Кіевѣ церкви, по преимуществу на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы. На мѣстѣ идола Перуна была воздвигнута, въ 988 году, церковь во имя св. Василія (гдѣ нынѣ Трехсвятительская церковь). А на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдовала мученическая кончина варяговъ-хри-

стіанъ Феодора и Іоанна, Владиміръ въ 991 г. началъ, а въ 996 г. окончилъ постройку великолѣпнаго храма Рождества пресвятыя Богородицы, названнаго Десятиннымъ (см. особый рисунокъ и объясненіе къ нему): Сооружая христіанскіе храмы и въ другихъ мѣстахъ своего княжества, Владиміръ распространялъ христіанство по всѣмъ городамъ и селамъ. Такъ, митрополитъ Михаилъ вмѣстѣ съ дядею Владиміра Добрынею ходили въ отдаленныя русскія области, ниспровергли идоловъ и крестили народъ въ Новгородской землѣ. Самъ Владиміръ вмѣстѣ съ другими епископами проповѣдовалъ евангеліе на западъ и юго-западъ отъ Днѣпра и при этомъ построилъ городъ Владиміръ (Волынскій), воздвигнувъ въ немъ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Ему же приписывается сооруженіе церквей: св. Василія въ томъ же городѣ, названнаго Обыденною, въ г. Овручѣ и селѣ Зимномъ во имя того же святаго, а также въ честь Успенія Богородицы въ этомъ селѣ (всѣ эти церкви изображены въ рисункахъ съ объясненіями). Просвятивъ Русскую землю св. вѣрою, разумный князь хотѣлъ насадить въ ней и книжное ученіе, велѣлъ учредить училища и брать сюда на обученіе дѣтей «нарочитой чади», то есть изъ болѣе знатнаго класса. Дѣйствіе св. вѣры на сердце Владиміра сказалось особенно въ его неистощимой благотворительности и милосердіи къ страждущимъ. Онъ предоставлялъ также митрополиту и епископамъ учреждать при церквахъ больницы и богадѣльни.

Распространеніе христіанства и внутреннее управление государствомъ не отвлекали однако князя Владиміра отъ боеваго дѣла, которое онъ вынужденъ былъ вести, защищая свои границы отъ набѣговъ степныхъ народовъ. Въ 992 году князь воевалъ съ хорватами, а послѣ того, вслѣдствіе набѣга печенѣговъ, выступилъ противъ нихъ и разбилъ ихъ на р. Трубежѣ, гдѣ потомъ былъ заложенъ г. Переяславъ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губ.). Въ 996 году, въ день Преображенія Господня, печенѣги опять сдѣлали нападеніе и, окруживъ небольшую русскую дружину, угрожали ей истребленіемъ; но Владиміръ далъ обѣтъ построить церковь во имя Преображенія, и хищники удалились. Въ 1014 году печенѣги еще разъ вторглись въ великокняжескіе предѣлы; но Владиміръ, лишенный прежней бодрости и здоровья, не могъ уже начальствовать надъ войскомъ и ввѣрилъ его сыну своему Борису. Въ слѣдующемъ году, 15 іюля, Владиміръ скончался въ загородномъ дворцѣ своемъ, въ селѣ Берестовѣ, близъ Кіева. Тѣло почившаго князя было привезено въ городъ и погребено въ сооруженномъ имъ Десятинномъ храмѣ, въ мраморномъ гробу, рядомъ съ супругою его Анною. При раскопкѣ развалинъ этого древняго храма, митрополитъ Петръ Могила обрѣлъ останки князя Владиміра; причеиъ черепъ его передалъ сперва въ церковь Спаса Преображенія на Берестовѣ, а потомъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ онъ находится понынѣ; кость правой руки отдалъ въ Кіево-Софійскій соборъ, а нижнюю челюсть переслалъ въ Москву. Впослѣдствіи надъ гробомъ князя Владиміра, въ Десятинной церкви, устроенъ саркофагъ, о которомъ см. въ описаніи этого храма

Память просвѣтителя Руси, причисленнаго къ лику святыхъ и наименованнаго равноапостольнымъ, празднуется 15 іюля.

5. Св. Петръ, митрополитъ всея Руси.

(Стр. 89.)

Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ почитаютъ мощи всероссійскаго митрополита Петра, находится пелена съ изображеніемъ святителя.

Въ описи соборной относительно этой пелены сказано:

«Покровъ съ св. мощей Петра митрополита: на немъ вышитъ образъ святителя Петра съ евангеліемъ золотомъ и серебромъ; надъ главою въ облакахъ св. Троица, шита также золотомъ и серебромъ; на евангеліи у распятія и у св. Петра вѣнцы, ризы, круги, кресты; по ризамъ пробѣлы низаны крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ; въ вѣнцѣ пять золотыхъ запонъ; въ оныхъ запонахъ двадцать девять искръ яхонтовыхъ. Оный покровъ опушенъ червчатымъ бархатомъ; на немъ слова — капительныя серебряныя: мѣрю оный покровъ въ длину три аршина съ верхкомъ, въ ширину аршинъ пять верхковъ».

Въ «Памятникахъ московской древности» значится, что покровъ св. Петра изготовленъ въ XVII вѣкѣ.

Съ этого покрова, съ благословенія высокопреосвященнаго Іоаннікія, митрополита московскаго, по просьбѣ издателя, была снята фотографія, съ которой воспроизведенъ на страницахъ настоящаго изданія рисунокъ.

Вокругъ пелены славянскою вязью вышита слѣдующая надпись: «Повелѣніемъ бл҃гочѣтиваго і хр҃толюбиваго гд҃ря цр҃я и великаго кнзѣя Алексѣя Михайловича всеа Русіи и его бл҃говѣрные и хр҃сголюбивые гд҃рні цр҃цы і великіе кнѣгини Марьи здѣлан снѣ покровъ в сборную цр҃кв оупенія прѣтѣе Вѣы великог҃ чудотворца Петра митрополита на покровеніе чудотворныхъ моще҃. Наста днес всечестныи праздниѣ пренесенія чѣтныи моще҃и твоѣхъ, ст҃лю Петре, веселя (и)зряд(и)о твое стадо, вѣрнаго цр҃я и люди, о нихъ же не оскудѣвая моляся Ху҃ Вг҃у, імъ же отъ него дарованеи ти пактве сохранитися отъ врагъ ненавѣстованныхъ і спастися дп҃амъ нш҃имъ. По сторонамъ лика надпись: «ω αηη (или αηηω), т. е. ὁ ἅγιος, Петръ митрополитъ, московскій чудотворецъ».

Святитель Петръ родился въ предѣлахъ древней Волыни. Когда онъ достигъ семилѣтняго возраста, отецъ его, по имени Ѳеодоръ, отдалъ своего сына въ школу. По достиженіи 13-ти лѣтняго возраста, благочестивый юноша постригся въ одномъ изъ ближайшихъ монастырей и выказалъ здѣсь примѣры иноческаго послушанія, смпренія и благочестія. Этими высокими качествами онъ обратилъ на себя вниманіе настоятеля и былъ удостоенъ посвященія въ іерейскій санъ. Занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ иконописаніемъ, Петръ сдѣлался извѣстнымъ галицкому князю, митрополиту Максиму и многимъ русскимъ вельможамъ. Но не славы мирской искалъ для себя святитель. Стремясь къ подвижничеству и предаваясь богомыслию, Петръ обрѣлъ для себя уединенное мѣсто на рѣкѣ Ратѣ, въ нижней Галиціи, и скорѣе основалъ здѣсь монастырь, въ который начали стекаться во множествѣ окрестные жители для полученія духовнаго назиданія и вещественной помощи отъ благотворительности Петра. Послѣ смерти кievскаго митрополита Максима, великій князь Юрій Львовичъ избралъ Петра въ преемники Максиму и отправилъ его въ Царьградъ на посвя-

щеніе. Патріаршую кафедру въ то время занималъ добродѣтельный Аѳанасій. Сохранилось преданіе, что, когда Петръ явился въ Софійскій Цареградскій соборъ, патріархъ пророчески воскликнулъ: «Повелѣніемъ Божиимъ пришелъ къ намъ дивный мужъ, который благодатію Божіею упасетъ вѣренное ему стадо»; во время же посвященія Петра въ митрополиты, лицо его просіяло.

Получивъ посвященіе, митрополитъ Петръ поселился въ Кіевѣ и ревностно отдался исполненію святительскихъ обязанностей; но въ 1309 году, по случаю угрожавшаго Кіеву татарскаго нашествія, онъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ. Вскорѣ онъ перенесъ митрополичью кафедру въ Москву и здѣсь снискалъ себѣ расположеніе и любовь великаго князя, Ивана Даниловича Калиты. Въ 1326 году, съ разрѣшенія великаго князя, онъ заложилъ въ Москвѣ храмъ Успенія пресв. Богородицы, гдѣ заранѣе приготовилъ себѣ могилу. Спустя четыре мѣсяца послѣ основанія храма, святитель почилъ. Говорятъ, что во время погребальнаго шествія святитель благословлялъ изъ гроба сопровождавшихъ его тѣло. Какъ извѣстно, Успенскій соборъ, черезъ 146 лѣтъ послѣ смерти св. Петра, по случаю ветхости и тѣсноты, былъ разобранъ; вмѣсто него въ 1472 году былъ заложенъ новый храмъ; но, будучи доведенъ до сводовъ, онъ обрушился. Постройка новаго, до нынѣ существующаго храма Успенія была произведена въ 1474—1479 годахъ выписаннымъ изъ Венеціи зодчимъ Фіоравенти. Во время этихъ перестроекъ мощи св. Петра находились въ церкви Іоанна Лѣствичника. Нынѣ онѣ покоятся въ храмѣ Успенія, въ сѣверномъ придѣлѣ апостоловъ Петра и Павла. Въ томъ же соборѣ находится икона Успенія пресв. Богородицы, писанная св. Петромъ, и образъ Божіей Матери, написанный святителемъ въ бытность его игуменомъ на Волыни.

Святитель Петръ составилъ два посланія, изъ которыхъ одно поучаетъ христіанъ проводить время поста въ строгомъ воздержаніи и молитвѣ и приобщаться св. таинъ, а другое убѣждаетъ духовенство быть истинными пастырями, а не наемниками. Ему же приписывается поученіе «о вдовствующихъ попѣхъ», которое въ продолженіи нѣкотораго времени составляло руководственное правило въ русской церкви.

Б. Портреты и изображенія историческихъ лицъ.

6. Семейство великаго князя Святослава Ярославича.

(Стр. 18.)

Хромофотографированное изображеніе семейства Святослава Ярославича составляетъ точную копію, въ уменьшенномъ лишь размѣрѣ, съ рисунка, приложеннаго къ «Изборнику Святослава».

Рукописный «Изборникъ Святослава» составляетъ переводъ съ греческаго языка исполненный для болгарскаго царя Симеона и переписанный дьякомъ Іоанномъ съ нѣкоторыми измѣненіями для Святослава Ярославича въ 1073 году. Содержаніе его состоитъ изъ собранія разныхъ святоотеческихъ твореній. Изборникъ Святослава былъ открытъ археографомъ П. М. Строевымъ въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря подъ Москвою, извѣстнаго подъ названіемъ Новый Іерусалимъ. По представленію московскаго митрополита Филарета, основанному на заявленіи дѣйств. тайн. сов. А. Н. Оленина, Московская синодальная контора, въ 1834 году, распорядилась, дабы Изборникъ былъ переданъ въ Московскую синодальную библіотеку, гдѣ онъ находится и въ настоящее время. Къ рукописному Изборнику былъ приложенъ исполненный профессоромъ археологической живописи Ѳ. Г. Соляцевымъ снимокъ съ главной картины, изображающей семейство великаго князя Святослава, оригиналъ же рисунка считали тогда утраченнымъ. Между тѣмъ, въ томъ же 1834 году, министръ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ, представилъ государю картину семьи Святослава въ подлинникѣ. Кто доставилъ Уварову эту рѣдкую картину, не извѣстно. Государь приказалъ хранить картину въ Московской оружейной палатѣ. Съ образованіемъ затѣмъ въ Москвѣ Государственнаго Древнехранилища, картина, въ числѣ другихъ рѣдкостей, была передана въ это учрежденіе. Въ 1845 году, по предложенію секретаря Императорскаго Общества исторіи и древностей русскіихъ О. М. Бодянскаго, Изборникъ былъ вытребованъ въ это Общество съ цѣлю изданія его издивеніемъ просвѣщеннаго болгарина И. Н. Денкоглу; но это предположеніе не осуществилось. Въ 1865 году Бодянскій снова задумалъ издать Изборникъ и въ 1877 году успѣлъ напечатать 23 листа, въ числѣ 800 экземпляровъ, съ славянскимъ и греческимъ текстомъ и съ латинскими примѣчаніями. (Изъ 266 листовъ Изборника Святослава 1073 года отпечатано Бодянскимъ 74 листа). Но въ 1877 году смерть Бодянскаго прервала кропотливый его трудъ по этому изданію. Въ томъ же году въ Петербургѣ учреждено Общество любителей древней письменности, и тогда же членъ-учредитель Общества, Геннадій Карповъ, предложилъ издать Изборникъ въ точной копіи, ни въ чемъ не отступаая отъ подлинника; другой членъ-учредитель Общества Тим. Сав. Морозовъ предложилъ для этого свои средства Весною 1878 года св. синодъ, по предложенію бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ, графа

Д. А. Толстаго (нынѣ президентъ Академіи наукъ и министръ внутреннихъ дѣлъ) вытребовалъ Изборникъ въ Петербургъ, и такимъ образомъ полное изданіе его осуществилось. Текстъ Изборника, отпечатаннаго въ числѣ 360 экземпляровъ, воспроизведенъ посредствомъ фотолитографіи, а картины, въ томъ числѣ и семья Святослава, фотохромолитографіей.

Какъ видно изъ приложеннаго къ настоящему изданію снимка, оригинальный рисунокъ сильно пострадалъ отъ времени: краски выцвѣли, а мѣстами стерлись. Тѣмъ не менѣе этотъ рисунокъ XI вѣка имѣетъ не маловажное значеніе, представляя собою достовѣрные образцы древнерусскихъ княжескихъ одѣяній.

Святославъ II, сынъ Ярослава I (Юрія) Мудраго и внукъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, получилъ отъ своего отца княжество Черниговское, землю вятичей, Муромъ, Рязань и Тмутаракань, и былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ князей русскихъ. Въ 1067 году, въ качествѣ союзника брата своего, кіевскаго князя Изяслава I, онъ разбилъ на Нѣманѣ Всеслава, князя полоцкаго; но въ слѣдующемъ году самъ былъ побѣжденъ половцами при р. Альмѣ и бѣжалъ въ Черниговъ; собравъ затѣмъ 3,000 ратниковъ, Святославъ разбилъ половцевъ при м. Седневѣ, Черниговскаго уѣзда; Предшествовавшую свою неудачу онъ отнесъ къ измѣнѣ своего брата Изяслава I; поэтому, покончивъ съ половцами, онъ двинулся на послѣдняго. Тогда Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, и Святославъ, отвергнувъ заступничество за брата со стороны императора германскаго Генриха IV, вступилъ, въ 1073 году, на кіевскій великокняжескій престолъ. Святославъ Ярославичъ скончался въ 1076 году.

Отъ отца своего Ярослава Мудраго Святославъ наследовалъ горячее стремленіе къ чтенію и собиранію книгъ. Книгами онъ «наполнилъ клѣти свои», и въ числѣ этихъ книгъ былъ и «Изборникъ».

Святославъ былъ женатъ на Одѣ и имѣлъ дѣтей Глѣба († 1078 г.), Давида († 1123 г.), Романа († 1709 г.), Олега († 1115 г.) и Ярослава († 1129 г.). Изъ нихъ Олегъ Святославичъ былъ нѣкоторое время княземъ владиміро-волинскимъ.

(Упомянется на стр. 26.)

7. Строители древняго Почаевскаго храма Ѳеодоръ и Ева Домашевскіе.

(Стр. 73.)

Въ покояхъ священно-архимандрита Почаевской лавры, въ числѣ историческихъ портретовъ, находится изображеніе строителей Почаевской церкви во имя пресв. Троицы, Ѳеодора и Евы Домашевскихъ, воспроизведенное въ настоящемъ изданіи съ фотографической копіи.

Супруги Домашевскіе представлены держащими модель отстроенной ими въ 1649 году церкви, которая въ 1771 году замѣнена болѣе обширнымъ храмомъ, сооруженнымъ графомъ Николаемъ Потоцкимъ во имя Успенія пресв. Богородицы и существующимъ въ настоящее время. На картинѣ церковь осѣняется Духомъ святымъ, а подъ нею изображенъ столъ, на которомъ лежатъ двѣ книги, четки и шапка; у стола на колѣняхъ стоятъ двое дѣтей. Храмостроители нарисованы въ на-

ціональных костюмахъ того времени. Въ верхней части картины по угламъ изображены гербы. Подъ картиной сдѣлана слѣдующая надпись на польскомъ языкѣ: «Fundatorowie starey cerkwi w Poczaiowie W. W. Teodor i Ewa Domaszewscy Komorniukostwo granic Krzem. Ro. 1649». Надпись эта въ русскомъ переводѣ значитъ: «Строители старой церкви въ Почаевѣ, вельможные Феодоръ и Ева Домашевскіе, коморники границъ Кременецкихъ, 1649 года». Должность коморника состояла въ наблюденіи за цѣлостію и неприкосновенностію принадлежащихъ каждому владѣльцу земель, находившихся въ предѣлахъ Кременецкаго повѣта. Домашевскіе были владѣльцами значительнаго имѣнія вблизи Почаева. Въ 1665 году Ева Домашевская завѣщала похоронить ея тѣло въ новосозданномъ храмѣ, по чину восточной церкви.

8. Кіевскій удѣльный князь Александръ (Олелько) Владиміровичъ.

(Стр. 137.)

Портретъ воспроизведенъ съ фотографіи, находящейся въ музеѣ при Кіевской духовной академіи. Оригиналъ, писанный масляными красками, хранится въ г. Слуцкѣ. Это едва-ли не единственный, дошедшій до нашего времени, портретъ удѣльнаго южно-русскаго князя московскаго періода.

Во время княженія въ Литвѣ Казимира Ягайловича, вполсѣдствіи короля польскаго, въ южно-русскихъ областяхъ начали снова возникать удѣльныя княжества, окончательно исчезнушія при томъ же князѣ. Кіевскій удѣлъ, въ теченіи продолжительнаго времени принадлежавшій князю Владиміру Ольгердовичу, былъ отнятъ отъ него великимъ княземъ Витовтомъ (во св. крещеніи Александръ). Внуку великаго Ольгерда пожелалъ возстановить свои права на отцовское наслѣдіе. Съ этою цѣлью Александръ (Олелько) Владиміровичъ прибылъ въ 1442 году въ Вильну и обратился съ просьбою къ великому литовскому князю Казимиру Ягайловичу. Тотъ исполнилъ просьбу своего двоюроднаго брата и выдѣлилъ ему Кіевъ съ Житомиромъ и Овручемъ. Олелько былъ женатъ на дочери великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича, Анастасіи. Онъ пользовался уваженіемъ и отличался умомъ и храбростію, такъ что, когда умеръ великій князь Витовтъ, его предлагали избрать на литовскій велико-княжескій престолъ. По его ходатайству, Казиміръ Ягайловичъ утвердилъ власть посвященнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими епархіями великаго княжества Литовскаго. Олелько владѣлъ своимъ удѣломъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1455 году. Послѣ того Кіевъ достался старшему сыну Олелька Симеону Александровичу, который оставилъ по себѣ память въ Кіевѣ возобновленіемъ великой Кіево-Печерской церкви.

Александръ Владиміровичъ былъ родоначальникомъ князей Слуцкихъ Олельковичей.

9. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

(Стр. 141.)

Портретъ воспроизведенъ по фотографіи съ живописнаго портрета, находящагося въ селѣ Новомалинѣ, Острожскаго уѣзда, у помѣщика Сосновскаго.

Знаменитый родъ князей Острожскихъ ведетъ свое начало отъ равноапостольнаго князя Владиміра. Власть этого рода имѣла на Литвѣ характеръ власти феодала или удѣльнаго князя. Предъ многими изъ его представителей преклонялась вся Литва. Къ князьямъ Острожскимъ являлись посольства отъ господара молдавскаго и хана крымскаго. Острожскіе владѣли 24 городами и 10 мѣстечками съ 600 церквей. Доходъ съ ихъ имѣній на нынѣшнія деньги составлялъ около 2-хъ милліоновъ рублей; 1,500 дворянъ служили при ихъ дворѣ или въ ихъ гвардіи; у нихъ были свои бояры, а мѣсто маршала двора занималъ польскій сенаторъ, обязанный хоть два раза въ годъ стоять во время обѣда за столомъ князя и служить ему.

Родъ князей Острожскихъ выдвинулъ послѣдовательный рядъ выдающихся дѣятелей на поприщѣ защиты русскаго народа и православной вѣры. Такъ извѣстенъ князь Данилъ Дмитриевичъ († 1346 г.), занимавшій нѣкоторое время галицкій престолъ; онъ оставилъ добрую о себѣ память изгнаніемъ поляковъ изъ Галиціи; Ѳеодоръ Даниловичъ, князь владимірскій и сѣверскій, выступающій въ исторіи сначала какъ энергичный защитникъ Волыни отъ польскаго вторженія и ревностный заступникъ за православную церковь, а потомъ—какъ доблестный подвижникъ, промѣнявшій (въ 1438 году) княжескую корону на схиму съ именемъ Ѳеодосія и послѣ кончины своей въ Києво-Печерской лаврѣ, въ глубокой старости, проявлявшій чудотворенія (мощи его покоятся въ дальнихъ пещерахъ); князь Василій Ѳеодоровичъ Красный († 1453 г.), укрѣпившій городъ Острогъ и построившій въ немъ нѣсколько православныхъ церквей, а также основавшій извѣстный Дерманскій монастырь (см. особый рисунокъ и описаніе); князь Константинъ Ивановичъ, великій гетманъ литовскій, давшій 33 битвы, изъ коихъ понесъ только два пораженія, и сохранившій о себѣ память, кромѣ того, какъ строитель замка и церкви въ г. Острогѣ.

Но изъ цѣлаго ряда сыновъ досточтимаго княжескаго рода наиболѣе выдѣляется просвѣщеннѣйшій вельможа южной Руси, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

Князь К. К. Острожскій родился въ Туровѣ въ началѣ 1527 года. Занимая постъ воеводы кievскаго и маршала волынскаго, онъ пользовался своими знатностію происхождения, умомъ, богатствомъ и общественнымъ положеніемъ для того, чтобы служить своей родинѣ и охранять ея права. Защищая Русь отъ непріятельскихъ вторженій, онъ разбилъ татарскія полчища подъ Сняввой въ 1575 году, подъ г. Дубно въ 1577 году и подъ г. Острогомъ въ 1578 году. Правда, онъ согласился на соединеніе Литвы съ Польшей и подписалъ актъ политической уніи 1569 года, но извѣстно, сколько усилій положили западно-русскіе вельможи и бояре въ неравной борьбѣ по поводу этого соединенія. За то князь Острожскій является ревностнымъ поборникомъ и охранителемъ православной церкви и русской народности.

Имя сношенія съ просвѣщенными людьми Востока, онъ содѣйствовалъ на родинѣ просвѣщенію всѣми мѣрами: заводилъ типографіи (Острожскую и Дерманскую, изъ которыхъ въ первой извѣстный московскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ напечаталъ знаменитую Острожскую біблію и Новый заветъ; см. особые рисунки и объясненіе); издавалъ церковныя книги; открывалъ школы; разсылалъ по Руси и Литвѣ учителей и проповѣдниковъ; учредилъ въ Острогѣ академію подѣ наблюдениемъ ученаго грека Кирилла Лукариса (впослѣдствіи, въ 1621—1638 г. г., патріархъ константинопольскій, утопленный въ морѣ въ 1638 году по наущенію іезуитовъ, ненавидѣвшихъ его за глубокую преданность православію) и т. п. Дѣятельность князя Острожскаго была обширная и многополезная, обратившая на себя вниманіе самого польскаго короля Стефана Баторія, который, за попеченіе князя о пользахъ народа и церкви, назвалъ его «верховнымъ хранителемъ и защитникомъ западно-русской церкви», каковымъ и безъ королевскаго отличія признавалъ князя весь православный народъ южной Руси, считая его столпомъ православія. По званію главнаго патрона западно-русской церкви, князь Острожскій принималъ мѣры къ церковному благоустройству, въ которомъ такъ нуждалась церковь, смущаемая іезуитскими происками. Для искорененія зла и установленія должнаго благочинія, князь хотѣлъ воспользоваться прибытіемъ константинопольскаго патріарха Іереміи II (см. его портретъ и объясненіе къ нему), которому была подчинена западно-русская церковь. Патріархъ, на пути изъ Москвы, посѣтилъ въ 1589 году Литовскій край. Не его и не князя Острожскаго вина, если принятія патріархомъ мѣры не послужили охраной отъ послѣдовавшаго въ 1596 году установленія церковной уніи. Но и послѣ того, съ развитіемъ этого іезуитскаго измышленія, князь Острожскій выказалъ себя истиннымъ и непреложно вѣрнымъ сыномъ православной церкви. Противясь всѣми мѣрами распространенію уніи и не допустивъ во всю свою жизнь вторженія ея въ свои владѣнія, князь не оставался молчаливымъ зрителемъ уніатскаго прозелитизма. Онъ открылъ въ своемъ замкѣ пріютъ всѣмъ, кто искалъ защиты отъ насильно вводимой уніи, защищалъ ревнителей православія въ польскихъ трибуналахъ, оказывалъ имъ всякое покровительство и помощь, охранялъ такихъ героевъ, какъ извѣстные народные борцы отецъ и три брата Налвайки (изъ которыхъ братъ Даміанъ былъ протоіеремъ Острожской замковой церкви).

И въ эту бѣдственную для русскаго народа эпоху резиденція князя Константина Константиновича—городъ Острогъ не переставалъ быть средоточіемъ умственной патріотической жизни. Люди, твердо стоявшія за истину православнаго вѣроученія, и въ эту пору гоненій выказывали свою дѣятельность: здѣсь писались и составлялись такія сочиненія, какъ исторія флорентійскаго собора въ истинномъ ея свѣтѣ и опроверженіе на книгу фанатика-іезуита Скарги «О единой вѣрѣ».

Князь К. К. Острожскій скончался въ 1608 году и погребенъ въ фамильной усыпальницѣ, въ Острожской замковой церкви. Говорятъ, впрочемъ, что останки знаменитаго князя были перенесены внучкою его Анною Александровною, совратившеюся въ латинство подѣ именемъ Алоизы и вышедшей замужъ за гетмана Ходкевича, въ іезуитскій костель.

10. Князь Иванъ Константиновичъ (Янушъ) Острожскій.

(Стр. 147.)

Насколько воевода кievскій и маршалъ волинскій, князь К. К. Острожскій заслуживаетъ досточтимой памяти по многополезной своей дѣятельности въ защитѣ православной вѣры и русской народности въ южной Руси, настолько же сынъ его Иванъ Константиновичъ является дѣятелемъ противоположнаго направленія.

Князь Константинъ Константиновичъ имѣлъ трехъ сыновей: Константина, Александра и Ивана. Первые двое умерли еще при жизни отца, князь же Иванъ еще при жизни послѣдняго совратился въ римско-католическую вѣру. Измѣнивъ православію, онъ не имѣлъ нужды поддерживать тѣ учрежденія, которыя были созданы патріотическою ревностію его отца, вслѣдствіе чего училища и типографіи, лишеныя матеріальной помощи, пришли въ упадокъ. Взамѣнъ того, послѣдній потомокъ князей Острожскихъ началъ оказывать покровительство латинству. Передавъ Острожскую церковь св. Василія кармелитамъ, а Межиричскую во имя св. Троицы—францисканамъ, князь Янушъ воздвигнулъ на свой счетъ новые костелы въ Константиновѣ и Острогѣ.

Вообще съ именемъ кн. Януша Острожскаго въ исторіи связано дѣло появленія и развитія латинства тамъ, гдѣ оно доселѣ встрѣчало твердый отпоръ и преграду.

Какъ послѣдній потомокъ знаменитаго рода князей Острожскихъ въ мужскомъ колѣнѣ, князь Янушъ не могъ быть обойденъ въ настоящемъ изданіи, на страницахъ котораго помѣщенъ его портретъ, снятый по фотографіи съ живописнаго портрета, находящагося нынѣ въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи.

11. Уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй.

(Стр. 153.)

Въ весьма интересной исторической галлерей портретовъ холмскихъ епископовъ, находящейся въ г. Холмѣ, Люблинской губерніи, при архіерейскомъ домѣ, есть два живописныхъ портрета Поцѣя, снятые очевидно разновременно. Первый изъ нихъ былъ изданъ въ VIII выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ» и повторенъ въ «Холмской Руси»; второй портретъ, снятый подъ старость, нигдѣ не изданный, воспроизведенъ въ настоящей книгѣ.

Фамилія Поцѣевъ или Потѣевъ принадлежала къ числу исконно русскихъ, православнаго исповѣданія. Отецъ митрополита, Левъ Поцѣй, былъ литовскимъ подскарбіемъ и писаремъ великаго князя литовскаго Сигизмунда I. Сынъ его Адамъ, въ иночествѣ Ипатій, родился въ 1541 году въ селѣ Рожанкѣ, въ нынѣшнемъ Влодавскомъ уѣздѣ, Сѣдлецкой губерніи. Образование онъ получилъ сначала въ кальвинской школѣ князя Радзивила, а потомъ—въ Краковской академіи. Онъ былъ женатъ на дочери православнаго волинскаго князя Оедора Головини-Острожецкаго, Аннѣ, и имѣлъ трехъ сыновей и трехъ дочерей. Начавъ службу у князя Радзивила и про-

должая ее въ должностяхъ земскаго судьи въ г. Брестѣ, а потомъ каштеляна и сенатора, Поцѣй сдѣлался протестантомъ, кальвинистомъ или евангеликомъ. Это было время, когда протестанство заняло господствующее положеніе во всей Европѣ, а въ томъ числѣ и въ Польшѣ и на Литвѣ и въ соединенныхъ съ нею русскихъ земляхъ. Оставаясь протестантомъ до 33 лѣтняго возраста, Поцѣй однако не удовлетворялся этимъ свободнымъ вѣроученіемъ, распадавшимся на нѣсколько сектъ и толковъ и немѣвнымъ твердыхъ, руководящихъ основъ, и возвратился, около 1574 года, къ предковой православной вѣрѣ. Но здѣсь его встрѣтили новыя сомнѣнія. Западно-русская церковь находилась въ то время въ крайне разстроенномъ положеніи. Вся іерархія, отъ священника до митрополита включительно, была въ рукахъ людей, не сознававшихъ высоты своего призванія, людей иногда безъ вѣры и должныхъ убѣжденій, жаждавшихъ лишь обогащенія и на каждомъ шагу нарушавшихъ церковные законы. Велико было тогда нестроеніе среди православнаго западнаго духовенства, запятаннаго разными пороками и даже преступленіями. Съ другой стороны, предъ глазами Поцѣя представлялась стройная іерархія католической церкви, успѣхи іезуитовъ въ искорененіи протестантскаго движенія, обиліе ученыхъ богослововъ и проповѣдниковъ. Къ тому же латинская пропаганда была перенесена іезуитами на православныхъ, которые даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ примирялись, въ видахъ устройства дѣлъ своей церкви, съ мыслию іерархическаго подчиненія послѣдней римскому первосвященнику. Подъ вліяніемъ этого стремленія, начитавшись полемическаго сочиненія іезуита Петра Скарги «О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ», находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ католическими патерами,—Поцѣй воспользовался двумя случайными обстоятельствами: смертію своей жены и кончиною Владиміро-волинскаго епископа Мелетія Хребтовича-Богужинскаго, чтобы посвятить себя дѣлу соединенія церквей. Съ этою цѣлью онъ принялъ въ 1593 году монашество съ именемъ Ипатія и въ томъ же году, по желанію князя Острожскаго, былъ посвященъ въ епископы, съ назначеніемъ на Владиміро-Волинскую кафедру. Въ то время начало уніи съ Римомъ было уже положено состоявшимся въ юнѣ 1591 г. соглашеніемъ четырехъ западно-русскихъ епископовъ, а польское правительство старалось всѣми силами объ укорененіи и распространеніи этого зачатка. Въ этомъ стремленіи своемъ оно предложило Ипатію Поцѣю и его единомышленнику, епископу луцкому Кириллу Терлецкому отправиться въ Римъ и заключить тамъ унію. Въ мартѣ 1595 года Поцѣй писалъ князю Острожскому: «считая унію полезною для умноженія славы Божіей, я разумѣю однакожъ не такую унію, чтобы намъ совѣмъ претвориться въ иной образъ, а такую, чтобы мы, оставаясь въ цѣлости, исправили только нѣкоторыя вещи, которыхъ держимся больше по упрямству, нежели по истинѣ». Побывавъ въ Римѣ, въ сентябрѣ того же года, вмѣстѣ съ Терлецкимъ, Поцѣй привезъ съ собою унію, которая была ничѣмъ инымъ, какъ полнымъ «претвореніемъ» русской вѣры въ латинство. Формально принявъ затѣмъ унію на брестскомъ соборѣ, 8 октября 1596 года, вмѣстѣ съ другими отступниками отъ православія, Поцѣй сдѣлался ревностнымъ ея распространителемъ, «апостоломъ уніи», по выраженію уніатскихъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратился въ жестокаго гонителя

православной вѣры, для искорененія которой прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ: насилію, интригамъ, ложнымъ доносамъ, разореніямъ церквей и поруганію ихъ священной утвари. Такъ онъ поступилъ, на примѣръ, въ 1596 году, съ церковью св. Іліи въ г. Владиміръ-Волинскомъ, возбудивъ негодованіе и жалобу со стороны патронши, жены брацлавскаго каштеляна Маріи Загоровской. Необычайное неистовство Поцѣй проявилъ въ Вильнѣ въ 1608—1609 гг. и тѣмъ вызвалъ столь сильное раздраженіе въ народѣ, что на него было сдѣлано покушеніе; пзувѣръ отдѣлался лишь потерей двухъ пальцевъ лѣвой руки, отсѣченныхъ сабельнымъ ударомъ. Отрубленные пальцы признаны были реликвіями и были возложены на алтарь Троицкаго монастыря. Независимо отъ преслѣдованія православія, Поцѣй распространялъ излюбленную имъ унию еще другими средствами. Такъ, онъ обратилъ братскую православную школу въ Брестѣ въ униатское училище, устроилъ при Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ униатскій коллегіумъ, основалъ въ г. Владиміръ-Волинскомъ при Успенскомъ храмѣ школу, составлялъ и распространялъ сочиненія въ защиту униі. Ему же принадлежитъ мысль учрежденія базилианскаго ордена. Наконецъ онъ сумѣлъ приготовить себѣ сотрудниковъ въ лицѣ Рутскаго, Мороховскаго и Кунцевича.

Въ митрополиты Поцѣй былъ посвященъ въ 1599 году. Умеръ онъ 18 іюля 1613 года, 72-хъ лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ города Владиміра-Волинскаго.

12. Константинопольскій патріархъ Іеремія II.

(Стр. 180.)

Портретъ патріарха Іереміи снятъ съ фотографіи, хранящейся въ музеѣ Кіевской духовной академіи. Подлинникъ находится въ Львовѣ, въ тамошней, такъ называемой, ставропитинѣ.

Іеремія II, по фамиліи Транось (свѣтлый), до 1572 года былъ митрополитомъ ларисскимъ, а 5 мая 1572 г. возведенъ на патріаршій престолъ. Современная ему греческая хроника (Малакса) такъ выражается о немъ: «Это былъ пастырь благоуукрашенный духовными дарами, жизни безупречной, благочестный, справедливый, милосердный, незлобивый. Исполнилось надъ нимъ апостольское слово: *таковъ подобаше намъ архіерей*. Всѣ христіане, старые и малые, славяли Бога за него». Представительный по самой наружности, онъ отличался также пріятною обходительностію и благодушнымъ настроеніемъ. Самые султаны (Селимъ II и Муратъ III) благоволили къ Іеремію и подтверждали права патріархіи и церкви православной. Іеремія любилъ просвѣщеніе и старался окружать себя людьми просвѣщенными. Онъ былъ извѣстенъ и уважаемъ и въ средѣ нѣмецкихъ протестантскихъ ученыхъ и богослововъ, которые изъ Тюбингена присылали на его судъ изложеніе своего ученія, и къ которымъ писалъ и самъ Іеремія, изобличая, хотя и кротко, ихъ заблужденія и защищая ученіе православія. Къ несчастію, въ Константинопольской патріархіи съ 1583 года опять возсталъ застарѣлое зло интригъ, искательствъ и смуть, которыми не замедлила воспользоваться турецкая власть. Іеремія не разъ свергаемъ

былъ съ престола, много страдалъ, наконецъ, когда въ 1587 году снова былъ возвращенъ на престолъ, то засталъ патриархію совершенно ограбленною, разоренною и обремененною тяжкими долгами, а церковь патриаршую обращенною въ мечеть. При видѣ этого Іеремія рыдалъ, какъ рыдалъ ветхозавѣтный пророкъ Іеремія надъ развалинами Іерусалима. Тогда-то, по совѣщанію съ членами патриаршаго синода и съ дозволенія султана, рѣшился онъ отправиться въ Россію, главнымъ образомъ въ Москву, для сбора пожертвованій на покрытіе долговъ патриархіи, на построеніе ея дома и обновленіе церкви въ новомъ, отведенномъ для сего султаномъ мѣстѣ—въ нынѣшнемъ фанарѣ. Но это путешествіе патриарха имѣло важныя послѣдствія для обѣихъ половинъ Россіи. На пути въ Москву патриархъ посѣтилъ западную Русь, но проѣхалъ по ней скоро; слѣдѣ въ Москву, куда прибылъ въ іюль 1588 года, и гдѣ оставался до мая 1589 г., совершивъ 26 января поставленіе митрополита Іова на патриаршество. На обратномъ пути изъ Москвы онъ посѣтилъ Оршу, Вильну, Брестъ, Супрасль, Замостье (гдѣ болѣе всего и прожилъ), Красноставъ, Тарнополь и др. и въ октябрѣ выѣхалъ въ предѣлы Молдо-Влахіи.

Къ этому-то времени втораго пребыванія Іеремія въ юго западной Россіи относятся всѣ главныя дѣйствія его для возстановленія благоустройства въ западно-русской церкви, на чтѣ дано ему особыми грамотами и дозволеніе короля Сигизмунда III, по настоятельной просьбѣ болѣе ревностныхъ защитниковъ православной церкви изъ русской знати. Онъ низлагалъ нѣкоторыхъ недостойныхъ лицъ въ іерархіи и духовенствѣ; поставилъ въ Вильнѣ въ митрополиты мяскаго архимандрита Михайла Рагозу, разбираалъ судныя дѣла между епископами, облекъ званіемъ своего экзарха Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго, съ правомъ надзора за другими епископами и самимъ митрополитомъ, издалъ нѣсколько грамотъ въ устраненіе замѣченныхъ злоупотребленій, особенно благоволилъ къ братствамъ, утвердилъ уставы братствъ Львовскаго, Виленскаго и др., и первому изъ нихъ далъ право ставропигіи. Латинско-польскіе епископы и іезуиты затѣвали начать съ патриархомъ переговоры объ униі, но патриархъ уклонился отъ сего, являя себя ревнителемъ православія.

По отъѣздѣ патриарха, въ средѣ нѣкоторыхъ западно-русскихъ іерарховъ обнаружилось недовольство дѣйствіями его. Впрочемъ въ первое время они хотѣли по видимому приняться за благоустроеніе церкви въ духѣ сдѣланныхъ патриархомъ распоряженій и его грамотъ и заявили это на брестскомъ соборѣ 1590 года. Но латинско-польскіе фанатики успѣли подавить эти добрыя намѣренія, усиливъ гоненія на православныхъ, искушая общаніями іерарховъ ихъ, если послѣдніе отрекутся отъ патриарха и греческой церкви и подчинятся папѣ. Іерархи стали колебаться, чтѣ постоянно обнаруживалось на послѣдующихъ брестскихъ соборахъ 1591—1595 гг., рядомъ съ которыми между епископами происходили, особенно на Волини, частныя и тайныя съѣзды и соглашенія на унию.

Въ эту-то тяжелую пору Іеремія, еще остававшійся въ живыхъ до половины 1594 года, оказывалъ помощь западно-русской церкви, о дѣлахъ которой сообщало ему особенно Львовское братство, получавшее отвѣтныя грамоты его. Эти грамоты ободряли православныхъ. Но и среди ихъ самихъ возникло общее и сильное дви-

женіе на защиту православія, особенно послѣ того, какъ въ концѣ сентября 1595 г. Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій отправились въ Римъ, тамъ приняли унію и, возвратясь въ свои епархіи, готовились съ митрополитомъ и нѣсколькими епископами провозгласить ее на соборѣ. Ревностнѣе всѣхъ возстали противъ этой затѣи волынскіе дворяне съ княземъ Константиномъ Острожскимъ во главѣ, также братства и духовныя лица и во главѣ ихъ епископы Гедeonъ львовскій и Михаилъ перемышльскій. Патріархъ Іеремія оказалъ всѣмъ имъ, такъ сказать, посмертную услугу въ лицѣ прежняго помощника своего протосинкелла Никифора, который, еще по завѣту отъ почившаго патріарха, прибылъ въ Россію, принять подъ покровительство Константиномъ Острожскимъ и председательствовалъ на православномъ брестскомъ соборѣ 6—9 октября 1596 г. Этотъ соборъ осудилъ митрополита и владыкъ отступниковъ, которые въ свою очередь на своемъ соборѣ, провозгласивъ унію, осудили православныхъ. Такъ началось печальное раздѣленіе въ западно-русской церкви принесшее ей великія страданія.

13. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

(Стр. 185.)

Въ сочиненіи «Холмская Русь» былъ воспроизведенъ портретъ Петра Могилы. Въ виду того значенія, какое имѣлъ этотъ святитель въ отношеніи южно-русской области, на страницахъ настоящаго изданія помѣщается другой портретъ митрополита Петра, составляющій копію съ живописнаго портрета, находящагося въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи.

Митрополитъ Петръ Могила, по рожденію и образованію, принадлежитъ къ высшему сословію. Сынъ волошскаго господара Симеона, онъ родился въ 1590 году въ Молдавіи и воспитаніе получилъ въ Львовской братской школѣ и въ заграничныхъ университетахъ. Сначала онъ поступилъ на службу въ ряды польскихъ войскъ, но потомъ въ 1628 г. избранъ и возведенъ былъ въ санъ архимандрита Кіево-Печерской лавры. Въ 1632 году онъ былъ посломъ на варшавскомъ сеймѣ, а въ слѣдующемъ году посвященъ въ митрополиты кіевскіе. Петръ Могила содѣйствовалъ просвѣщенію южно-русскаго народа посредствомъ улучшенія преподаванія и благоустройства школъ; онъ открылъ многія училища и преобразовалъ Кіевскую духовную академію, основанную въ 1615 году Галшкою (Елизаветою) Гулевичевой. Дѣятельности его въ этомъ направленіи отдавалъ должную справедливость даже врагъ православія Саковичъ, который говорилъ уніатамъ: «меркнутъ ваши школы не только предъ латинскими, но и предъ учрежденными въ Кіевѣ и Гущѣ отцомъ Могилою: эти, еслибъ въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства (т. е. православнаго вѣрученія), конечно, современемъ имѣли бы чѣмъ утѣшить Русь». Какъ проповѣдникъ, Петръ Могила отличался глубокою преданностію православію, простотою слова и искренностію. Имъ изданы Служебникъ въ 1629 и 1639 годахъ и Евхологіонъ или Требникъ въ 1646 году. Самымъ же выдающимся сочиненіемъ его признается сочиненіе противъ уніи: «Камень на сокрушеніе оболганія Кассіана

Саковича». Во время борьбы православія съ унией Петръ Могила энергично защищалъ южно-русскую церковь возстановленіемъ законно принадлежащихъ ей правъ.

Какъ первосвятитель южно-русской православной церкви, Петръ Могила оказалъ незабвенныя услуги и Волини. Онъ благоустроилъ Гошанскія школы, основанныя княгинею Соломерецкою, и далъ благословеніе на учрежденіе Кременецкаго Богоявленскаго братства.

Скончался Петръ Могила 22 декабря 1646 года. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исправить ошибку, вкравшуюся въ наше объясненіе къ портрету Могилы, помѣщенное въ «Холмской Руси», гдѣ Петръ Могила, вмѣсто «святителя» неправильно названъ «святимъ», а мощи его почивающими въ Кіево-Печерской лаврѣ. Этотъ святитель не признанъ церковью святимъ; останки же его покоятся въ Успенскомъ храмѣ Кіево-Печерской лавры, въ склепѣхъ подъ поломъ.

14. Іерусалимскій патріархъ Теофанъ.

(Стр. 189.)

Изображеніе патріарха Теофана воспроизведено съ находящейся въ музеѣ Кіевской духовной академіи акварельной копіи съ фрески лавры Палестинской св. Саввы священнаго. Подпись Теофана снята съ грамоты его 1615 года.

Введеніе въ русскихъ областяхъ Польскаго королевства униі привело оставшихся вѣрными православію въ бѣдственное положеніе. Въ началѣ XVII вѣка тамъ уже не существовало православной іерархіи; церкви по большей части были запечатаны и отданы евреямъ въ аренду; церковное имущество подверглось расхищенію; совершеніе таинствъ обставлено было крайними затрудненіями, и дѣти оставались безъ крещенія, а умершіе безъ погребенія. Въ это-то время прибылъ, въ 1620 году, въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ на возвратномъ пути изъ Москвы, гдѣ онъ посвятилъ новаго патріарха Филарета. Польша находилась тогда въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ ей грозила война со стороны Швеціи, Россіи и Турціи. При этихъ условіяхъ, возлагалась нѣкоторая надежда на казаковъ. Послѣдніе воспользовались этимъ благопріятнымъ для нихъ временемъ для того, чтобы возстановить іерархію, и успѣли избрать кандидатовъ въ митрополита и епископы. Въ Кіевѣ, въ день Успенія, патріархъ Теофанъ посвящалъ въ митрополиты Іова Борецкаго, а въ слѣдующіе дни получили посвященіе: Мелетій Смотрицкій—полоцкимъ архіепископомъ, Іосифъ Курцевичъ—владимірскимъ епископомъ, Исаакій Черницкій—луцкимъ епископомъ, Исаія Копянский—перемышльскимъ, Паисій Черновскій или Черкавскій—холмскимъ и на пинскую кафедру назначенъ греческій (бывшій) стагонскій епископъ Авраамій. Сначала польское правительство смотрѣло сквозь пальцы на возстановленіе православной іерархіи. Но какъ только патріархъ оставилъ польскіе предѣлы и какъ только миновала опасность отъ турокъ, пущена была въ ходъ іезуитская интрига. Явились увѣренія, что Теофанъ—самозванецъ, а слѣдовательно и посвященные имъ іерархи—самозванцы. Кромѣ того, распространился слухъ, что Теофанъ подосланъ султаномъ для возмущенія казаковъ и склоненія ихъ къ переходу подъ

скипетръ московскаго царя, агентами котораго теперь и будутъ новопосвященные іерархи, занявшіе безъ королевскаго дозволенія кафедры, принадлежащія уніатскимъ іерархамъ. Сигизмундъ принялъ все это на-вѣру и приказалъ арестовать посвященныхъ Теофаномъ епископовъ, которые по этому должны были скрываться.

Ознаменовавъ свой прїѣздъ въ Кіевъ посвященіемъ православныхъ іерарховъ, патріархъ Теофанъ оставилъ въ Кіевѣ часть мощей одного изъ младенцевъ, убіенныхъ въ Вѣдлемеѣ по повелѣнію Ирода. Мощи эти находятся въ маломъ серебряномъ ковчегѣ въ дальнихъ пещерахъ. Кромѣ того, Теофанъ благословилъ животворящимъ крестомъ Кіево-Богоявленское братство со школою, сдѣлавъ его патріаршею ставропігією. Крестъ этотъ, находящійся нынѣ въ Кіево-Братскомъ монастырскомъ храмѣ, сдѣланъ изъ кипариса, съ тридцатью двумя рѣзными изображеніями греческой работы, съ шестигранной серебряной ручкой, на которой вырѣзана славянская надпись, поясняящая, что крестъ подаренъ Теофану волошскою царицею Нѣгою въ 1600 году.

15. Кіевскій воевода Адамъ Кисель.

(Стр. 195.)

Портретъ Адама Киселя воспроизведенъ съ литографированнаго портрета, изданнаго редакціею журнала «Кіевская Старина» въ 1835 году по живописной копіи съ оригинала, принадлежавшаго нѣкогда основанному Киселемъ Максаковскому монастырю. Въ верхней части портрета, въ углу, изображена трехъ-купольная церковь съ колокольнею и другая церковь, меньшаго размѣра; въ другомъ углу — гербъ Киселя, по краямъ котораго помѣщены буквы А, К, В, К, С, Н, означающія: Адамъ Кисель, воевода кіевскій, староста Носовскій. Внизу портрета, по угламъ, въ медальонахъ сдѣланы слѣдующія надписи:

1) «Адамъ зъ Брусѣлова Кисѣль Святолдъ, на ксѣль градѣ гнѣйнѣ, гѣще и кобисцѣ, воевода кіевскій, староста иносковскій, преставися \times лхг годѣ; мужъ благочестивый и вѣры грекорусскія великій бѣ побѣрникъ, во словесѣхъ бѣ слѣдокъ, оукраиннѣ прїятель, Ѡ древяго и слѣвнаго рода идій, Святолда, бывшаго иногдѣ русскаго гетьмана; оуфондовалъ монастырь максаковскій, зъ наданьемъ маестностей рокѣ \times лхмк».

2) «Сей максаковскій монастырь по волѣ Божіей упраздненъ былъ за императрицы Екатерины Алексѣевны. Впустѣ былъ 23 года. Съ сожалѣнія его опустѣнія, Никодимова монастыря игуменъ Евдокимъ збратією выпросили для возобновленія онаго монастыря на старихъ обрядахъ оу императора Александра Павловича, которій благоволилъ иманнымъ повелѣніемъ перевести съ Никодимова, за архіепископа Виктора, 1803 года августа 25 день. Совершенно же водворенъ синодальнымъ членомъ и камиссіи духовныхъ училищъ архіепископомъ Михаиломъ и разныхъ орденовъ и кавалеромъ, черниговскимъ и нежинскимъ, ево попеченіемъ и трудами».

Первая изъ этихъ надписей современна оригиналу, а вторая сдѣлана уже тогда, когда Максаковскій монастырь былъ переданъ единовѣрцамъ.

Адамъ-Меодій Григорьевичъ изъ Брусилова Кисель Низкиницкій родился въ

1600 году. Онъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Волынскаго края, хотя родъ свой возводилъ до Владимірова Святолда. Въ молодыхъ годахъ онъ вступилъ въ военную службу, сопутствовалъ Жолкевскому подъ Орынинъ, участвовалъ въ хотинскомъ походѣ, находился подъ начальствомъ гетмановъ Ходкевича и Концепольскаго и былъ начальникомъ хоругви, но затѣмъ сдѣлался частнымъ человѣкомъ и проживалъ въ своемъ имѣніи Низкиничкахъ до смерти польскаго короля Сигизмунда III, когда Кисель былъ избранъ въ число «каптуровыхъ» судей, т. е. на время безкоролья. Когда на польскій престолъ былъ избранъ Владиславъ IV, Кисель попалъ въ число довѣренныхъ его людей, въ качествѣ «королевскаго дворянина»; но это положеніе южно-русскаго шляхтича не измѣнило его народныхъ и религіозныхъ убѣжденій, и глубоко преданный православію, онъ защищалъ свою вѣру на сеймахъ. Соотвѣтственно положенію Киселя, на него возлагались важныя порученія. Такъ, ему поручилась передача отъ униатовъ православному духовенству богатой Жидичинской архимандріи; его послали въ Запорожье для сбора войска въ защиту польскихъ границъ, а потомъ въ Москву съ предложеніемъ союза противъ крымскихъ татаръ. Его услуги къ поддержанію цѣлости королевства были оценены и новымъ королемъ Яномъ-Казиміромъ, который назначилъ Киселя председателемъ комиссіи по рассмотрѣнію вѣроисповѣдныхъ требованій запорожцевъ. Не смотря на искреннее желаніе примирить требованія своихъ единовѣрцевъ съ правительственнымъ направленіемъ, Кисель не имѣлъ однако въ томъ успѣха вслѣдствіе невозможности сліянія двухъ противоположныхъ стремленій. Роль такого посредничества крайне затруднилась личными убѣжденіями Киселя: съ одной стороны, онъ — беззаветный и искренній защитникъ русской народности и православія, а съ другой — сторонникъ польско шляхетскаго общественнаго строя. Отсюда возникаетъ обоюдное недовѣріе къ человѣку, не лишенному дипломатическихъ способностей и обладавшему краснорѣчіемъ. Недовѣріе доходило до крайностей: въ польскомъ сенатѣ его называли здрайцею, хлопомъ и русиномъ, а Хмельницкій, въ отвѣтъ на увѣренія Киселя, что онъ кости и плоти русской, выразился: «кость-то у тебя русская, да польскимъ мясомъ обросла!» Современники той и другой стороны не могли понять, ни затруднительности положенія Киселя, ни его примирительныхъ стремленій, между тѣмъ, среди разгоравшейся братоубійственной борьбы и обоюднаго ожесточенія двухъ народностей, Кисель является въ весьма симпатичной роли посредника, съ вѣткой мира и братской любви. Не его вина, если эти благородныя стремленія не могли быть осуществлены. Во всякомъ случаѣ нельзя не отнестись съ чувствомъ уваженія къ памяти Киселя, который, не смотря на переходъ въ католицизмъ всѣхъ южно-русскихъ дворянскихъ фамилій, нерушимо сохранилъ вѣру предковъ и всѣми мѣрами защищалъ православіе.

Адамъ Кисель владѣлъ во Владимірскомъ повѣтѣ имѣніемъ Низкиничъ съ селеніями Ковевичами и Подгайцами, а кромѣ того многими хуторами, мельницами и другими угодьями. Своими трудами, посредствомъ покупокъ и пожалованій, онъ составилъ большое состояніе. Онъ занималъ мѣста подкоморія, старосты, каштеляна, воеводы и наконецъ достигъ званія сенатора, званія, котораго не могъ получить

ни одинъ владыка русскій. Къ нему былъ очень расположенъ митрополитъ Петръ Могила, сдѣлавшій его своимъ душеприкащикомъ. Свою религіозность и преданность православію Кисель догадывалъ на дѣлѣ: въ Максаковѣ, Низкичахъ и Могилянѣ (послѣдніе два Владиміро-Волинскаго уѣзда) имъ основаны монастыри, получавшіе большія отъ него пожертвованія и записи; Кіево-Братскому монастырю и его коллегіи онъ записалъ свои имѣнія Позняки и Новоселки, съ деревнями Богушовкой, Звонками и Зобковщиной.

Скончался Адамъ Кисель въ 1653 году, удаленный отъ дѣлъ и въ болѣзненномъ состояніи, не доживъ только одного года до воссоединенія Малороссіи съ Россіей. Онъ былъ погребенъ въ Низкиничской церкви. Церковь эта построена Киселемъ во имя Покрова пресв. Богородицы, сохраняется донныѣ, хотя, по малочисленности прихожанъ, находится въ бѣдномъ видѣ. Въ церкви еще теперь удерживаются остатки уніи: боковые алтари, стѣнопись и т. п. Гробница Киселя находится въ склепѣ, подъ поломъ, а внутри церкви, въ нишѣ, помѣщается полая мраморная фигура строителя храма, изображеннаго съ бородой, въ латахъ и съ перначемъ въ рукахъ.

Кисель былъ женатъ на Анастасіи изъ Новоселокъ Богушевичъ.

Въ Кіевѣ, гдѣ Адамъ Кисель подолгу проживалъ какъ воевода, память объ немъ увѣковѣчена наименованіемъ «Киселевкою» бывшей замковой горы, между Подоломъ, Андреевскимъ спускомъ, Воздвиженской улицей и урочищемъ Гончарами; на этой горѣ въ настоящее время находится кладбище Фроловскаго дѣвичьяго монастыря.

16. Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ.

(Стр. 211.)

Оригиналъ портрета находится въ портретной галлерей Кіевской духовной академіи.

Выраженное Богданомъ Хмельницкимъ намѣреніе воссоединиться съ Россіей сопровождалось, между прочимъ, стремленіемъ Московскаго государства подчинить власти своего патріарха все малороссійское духовенство. Въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ даже въ 1654 году царскій указъ; но этотъ указъ долгое время оставался безъ исполненія. Вспомнили объ немъ уже тогда, когда, за смертью кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова († 13 апрѣля 1657 г.), необходимо было подумать о замѣщеніи его каѳедры, блюстителемъ которой временно былъ назначенъ черниговскій владыка Лазарь Барановичъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ посвященный въ Иссахъ въ санъ епископа. Для выбора митрополита были приглашены южно-русскіе епископы, но выборы не состоялись за смертью Богдана Хмельницкаго. Его преемникъ, оставивъ Барановича блюстителемъ митрополичей каѳедры, распорядился новымъ приглашеніемъ епископовъ; но и въ этотъ разъ выборы не могли быть произведены, такъ какъ къ назначенному на 1 октября сроку никто изъ епископовъ не прибылъ. Съѣхались іерархи къ 18 октября и, по общему съ гетманомъ совѣту,

отложили выборы до 6 ноября. Наконецъ, въ этотъ день избраніе состоялось, и избранникомъ оказался луцкій епископъ Діонисій Балабанъ.

Новоставленный кievскій митрополитъ вполнѣ былъ преданъ православію и ни малѣйше не сочувствовалъ уніатскому направленію. Когда Сильвестръ Коссовъ, возвративъ въ января 1650 г. православнымъ захваченные уніатами холмскіе храмы, назначилъ на Холмскую кафедру Діонисія Балабана, послѣдній не могъ помириться съ уніатами и вскорѣ удалился отъ ихъ насилій въ Луцкъ. Въ другомъ отношеніи Балабанъ являлся не надежнымъ человекомъ. Онъ не только не хотѣлъ обращаться за благословеніемъ къ московскому патриарху, не только не извѣстилъ московскихъ властей о своемъ избраніи, но даже отправилъ польскому посланнику при гетманѣ Выговскомъ Беневскому извѣщеніе, удостоверяющее преданность его Польшѣ. Но вотъ до Москвы начали доходить слухи объ измѣнѣ гетмана Выговскаго, и для устройства малороссійскихъ дѣлъ правительство рѣшилось отправить на мѣсто полномочнаго посла Богдана Матв. Хитрово. Въ февралѣ 1658 г. въ Переяславѣ собралась генеральная рада, и Выговскій отъ имени государя утверждень гетманомъ и былъ приведенъ къ присягѣ Діонисіемъ Балабаномъ, который въ свою очередь далъ обѣтъ «быть подъ великою государевою рукою и всякаго добра ему хотѣть». Ни тотъ, ни другой вовсе не думали однако исполнять свои обѣты по отношенію къ Московскому государству. Въ борьбѣ Выговскаго съ полтавскимъ полковникомъ Мартыномъ Пушкаремъ ясно выразилась измѣна Выговскаго, который, погубивъ Пушкаря, предался Польшѣ. Въ августѣ 1658 года совершилась неудачная осада казаками Кіева. Митрополитъ Балабанъ вынужденъ былъ выѣхать въ Чигиринъ, откуда съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался въ Кіевъ. Сдѣлавшись, вмѣстѣ съ гетманомъ, сторонникомъ Польши, Балабанъ не могъ однако увлечь за собой всего малороссійскаго духовенства, которое въ огромномъ большинствѣ осталось вѣрнымъ Русскому государству, а въ томъ числѣ и бывший блюститель митрополичьей кафедры Лазарь Барановичъ. Когда гетманомъ былъ избранъ Юрій Хмельницкій, главнокомандующій великороссійскими войсками, бояринъ князь А. Н. Трубецкой послалъ изъ Переяслава Лазарю Барановичу приказъ: «быть ему блюстителемъ Кіевской митрополіи до указа его царскаго величества». Но вскорѣ и вновь избранный гетманъ измѣнилъ русскому царю и перешелъ на сторону поляковъ. Лазарь Барановичъ, хотя не участвовалъ въ этой смутѣ, тѣмъ не менѣе былъ признанъ неудовлетворяющимъ видамъ русскаго царя. Тогда русское правительство распорядилось рукоположить, 5 мая 1661 г., нѣжинскаго протопопа Максима Флимонова въ санъ епископа мстиславскаго и оршанскаго, подъ именемъ Меодія, и назначило его блюстителемъ митрополичьей кафедры въ Кіевѣ.

Санъ митрополита Діонисій Балабанъ удерживалъ за собой до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1663 году.

17. Кіевскій митрополитъ Гедеонъ, князь Святополкъ-Четвертинскій.

(Стр. 217.)

Портретъ митрополита Гедеона снятъ съ живописнаго портрета, находящагося въ портретной залѣ Кіевской духовной академіи.

Князья Четвертинскіе ведутъ свой родъ отъ равноапостольнаго князя Владиміра, чрезъ праправнука его Святополка Изяславича. Настоящая фамилія ихъ — князья Святополки на Четверти Четвертинскіе. Происходитъ она отъ стародавнаго родоваго имѣнія ихъ, нынѣ мѣстечка Четвертин, существующаго въ Волынской губерніи, въ Луцкомъ уѣздѣ. Фамилія эта долѣе большинства другихъ знатныхъ фамилій южной и западной Россіи сохраняла вѣрность и преданность православію и дала изъ себя православной церкви двухъ достойнѣйшихъ іерарховъ, каковы: Гедеонъ, митрополитъ кіевскій, и Сильвестръ, епископъ могилевскій (1707—1728 г.). Примѣры перехода въ латинство отдѣльныхъ представителей фамиліи начинаются только съ послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ постепенно уходятъ въ латинство и всѣ члены этой фамиліи. Въ царствованіе государя императора Николая Павловича одна изъ вѣтвей фамиліи возвратилась къ родной вѣрѣ и народности, и представители этой благороднѣйшей вѣтви Святополковъ-Четвертинскихъ теперь имѣютъ помѣстья на Волыни, гдѣ есть также и Четвертинскіе латинскаго исповѣданія. Православные Четвертинскіе считаютъ въ числѣ знаменитыхъ предковъ своихъ митрополита Гедеона, имѣютъ и портретъ его.

Митрополитъ Гедеонъ въ мірѣ носилъ имя Григорій Захаревичъ и назывался старшимъ, такъ какъ имѣлъ брата съ тѣмъ же именемъ, называвшагося младшимъ. Принявъ иночество, Гедеонъ былъ избранъ въ 1659 году въ луцкіе епископы. Когда управлявшій кіевскою православною митрополіею Іосифъ Шумлянскій, послѣ неудавшейся попытки склонить православныхъ епископовъ къ соединенію съ Римомъ, принявъ въ 1681 году тайно унію вмѣстѣ съ Иннокентіемъ Винницкимъ, то Шумлянскій выжилъ отказавшагося принять унію Гедеона съ Луцкой каѳедры и посадилъ на нее брата своего, Аѳанасія Шумлянскаго. Гедеонъ удалился въ Батуриискій Крупецкій монастырь. Наканунѣ окончательнаго присоединенія Кіева къ Московскому государству Гедеонъ сблизился съ преданнымъ Россіи гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ. Послѣдствіемъ сего было созваніе, въ іюнѣ 1665 г., въ Кіевѣ, въ Софійскомъ храмѣ, собора, на которомъ Гедеонъ былъ избранъ въ санъ кіевского митрополита. Но при этомъ обнаружилась нѣкоторая несообразность. Доселѣ западно-русская іерархія зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, который и посвящалъ православныхъ іерарховъ. Съ присоединеніемъ же Кіева къ Россіи, кіевскій митрополитъ не могъ оставаться въ прежней зависимости отъ Царьграда. Чтобы сдѣлать изъ этого рѣшительный выходъ, Гедеонъ отправился въ Москву, призналъ надъ собою власть московскаго патріарха и получилъ отъ него посвященіе.

Митрополитъ Гедеонъ отличался полною преданностью православной церкви и обладалъ обширнымъ умомъ, твердостью духа и христіанскими добродѣтелями. Онъ отказалъ все свое состояніе Кіево-Софійскому собору, который, кромѣ того, обя-

занъ Гедеону возвращеніемъ иѣвній, неправильно отобранныхъ отъ него кіевскими монастырями.

Гедеонъ скончался 6 апрѣля 1690 г. и погребенъ въ Софійскомъ храмѣ, въ томъ придѣлѣ, гдѣ находится гробница великаго князя Ярослава І.

18. Могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій.

(Стр. 223.)

Гравюра исполнена съ принадлежащаго П. Н. Батюшкову фотографическаго снимка съ оригинальнаго портрета, находящагося въ лютеранской церкви г. Могилева. Автографъ взятъ изъ собственноручнаго письма Георгія отъ 5 декабря 1769 г. къ митрополиту Арсенію Могиланскому, хранящагося въ музеѣ при Кіевской духовной академіи.

Послѣ смерти могилевскаго епископа Іеронима Волчанскаго († 1754 г.), униаты имѣли сильное желаніе обратить Вѣлорусскую православную епархію въ унию; но эти стремленія не осуществились, и на мѣсто Волчанскаго, съ одобренія св. синода, по единодушному желанію духовенства и народа, былъ избранъ кіевобратскій архимандритъ Георгій Конисскій. Происходя изъ нѣжинскихъ дворянъ, Конисскій, въ мѣрѣ Григорій, родился 20 ноября 1717 г. Дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ родителей, а на одиннадцатомъ году былъ отданъ въ Кіевскую академію, въ которой окончилъ курсъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ 1744 году, принявъ иночество, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ той же академіи; въ 1747 году избранъ префектомъ, а въ 1751 г.—ректоромъ. Посвященный въ санъ епископа 20 августа 1755 г. въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и утвержденный въ этомъ санѣ королемъ польскимъ, Георгій вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ отъ русскаго правительства средства на благоустройство епархіи. Съ помощью этихъ средствъ, обладая обширнымъ умомъ, энергіею, преданностію православію, Георгій создалъ духовное и матеріальное состояніе своей епархіи и оживилъ духъ народа, находившагося подъ воздѣйствіемъ польской шляхты и латинскаго прозелитизма. Враги православія скоро убѣдились, съ какою мощною силой имъ приходится бороться. И вотъ на жизнь Конисскаго начинаются покушенія, къ счастью неудавшіяся: первый разъ онъ былъ увезенъ отъ ярости латвіянъ и униатовъ въ навозъ, а другой разъ онъ скрылся въ семинарскомъ подвалѣ. Но ревностный святитель не падалъ духомъ и настолько успѣвалъ въ своихъ трудахъ, что возстановлялъ свѣтечь правословной вѣры тамъ, гдѣ онъ уже былъ погашенъ унией. Въ своей дѣятельности Георгій имѣлъ столь-же ревностнаго сотрудника въ лицѣ Гервасія Линцевскаго, пекинскаго архимандрита-миссіонера, посвященнаго въ 1757 году въ санъ епископа переяславскаго, коадьютора Кіевской митрополіи. Въ то время уже начиналось движеніе къ православію со стороны украинскаго народа, насильно совращеннаго въ унию; тѣмъ не менѣе неистовства и безчеловѣчная жестокость ревнителей униі и латинства мѣстами еще продолжали царить во всей полнотѣ. Но вотъ является многознаменательный манифестъ Екатерины II о вступленіи ея на престолъ,—манифестъ, провозгласившій намѣре-

ніе правительства вступиться за православіе и русскую народность. Въ 1764 году Георгій Конисскій отпраляется въ Петербургъ и ходатайствуетъ объ избавленіи бѣлорусскаго народа отъ бѣдствій. Екатерина, еще раньше того защищавшая православныхъ чрезъ посланника своего графа Кейзерлинга, сочувственно отнеслась къ заявленію Георгія и снабдила его грамотой къ польскому королю. Подъ охраной русской стражи Георгій отправился въ Варшаву и, представившись королю 27 іюня 1765 г., въ замѣчательной рѣчи, удивившей даже поляковъ, изобразилъ всѣ гоненія и бѣдствія, которыя претерпѣваютъ православные подданные польскаго короля, а затѣмъ подалъ письменный меморіаль. Разсмотрѣніе этого документа и нежеланіе польскаго правительства сдѣлать уступки православнымъ затормозило дѣло. Между тѣмъ, по ходатайству другаго ревнителя православія, мотронискаго игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго, пребывавшаго въ то время въ русской столицѣ, Екатерина II, 30 октября 1765 г., вновь обратилась въ Варшаву съ требованіемъ о защитѣ православія въ Малороссіи. Требованіе это, доставленное въ Варшаву самимъ Мелхиседекомъ, наконецъ было исполнено выдачею польскимъ королемъ привиллегій православному народу. Въ дѣйствительности однако православные не получили облегченія. По мѣрѣ сознательнаго проявленія движенія со стороны русскихъ униатовъ къ православію, усиливались, съ другой стороны, неистовства поляковъ, такъ что вскорѣ Георгію представилась необходимость снова отправиться въ Варшаву въ роли защитника и ходатая, «апостольскаго трудника», какъ его величали въ Малороссіи. Между тѣмъ въ защиту диссидентовъ Екатерина II повелѣла войскамъ вступить въ предѣлы Польши, послѣдствіемъ чего явился договоръ 13 февраля 1768 г., по которому учреждался судъ для рѣшенія вопроса о диссидентахъ. Вслѣдъ за тѣмъ явились конфедераты, сдѣлавшіе въ Польшѣ раздвоеніе: король и шляхта были на ихъ сторонѣ, а варшавскій сенатъ, считая ихъ нарушителями существующаго строя, выразилъ желаніе видѣть край умпротвореннымъ Россіей. Произошелъ первый раздѣлъ Польши (18 сентября 1772 г.), по которому Россія приобрѣла семь бѣлорусскихъ провинцій съ населеніемъ въ 1.800.000. Изъ этихъ провинцій Могилевская, Оршанская, Рогачевская и Мстиславская составили изъ себя Бѣлорусскую епархію, которая указомъ 14 декабря 1772 г. ввѣрена управленію Георгія Конисскаго. Покончивъ борьбу съ польскимъ правительствомъ, доблестный ревнитель православія занялся устройствомъ дѣлъ своей епархіи и успѣлъ многіе изъ отторгнутыхъ въ унию приходовъ возвратитъ православію, а въ томъ числѣ и Малозаловскій женскій монастырь, отличавшійся въ теченіи 40-лѣтняго пребыванія во владѣніи униатовъ особеннымъ фанатизмомъ. За такіе труды по церковному благоустройству Георгій былъ пожалованъ, 23 сентября 1783 г., саномъ архіепископа и членомъ святѣйшаго синода.

Независимо отъ дѣятельности въ защитѣ православной церкви, Георгій Конисскій оставилъ по себѣ доблестную память и какъ историкъ, богословъ и проповѣдникъ. Написанная имъ по желанію императрицы Екатерины исторія Малой Россіи отличается живостію изложенія и правильнымъ разборомъ событій; почетное мѣсто въ церковной литературѣ занимаетъ и его догматическое богословіе, а чтеніемъ про-

повѣдей его увлекался Пушкинъ! Не чуждъ былъ Георгій Конисскій и поэтическому творчеству. Онъ писалъ стихотворенія на латинскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ.

Георгій скончался 13 февраля 1795 г. и погребенъ въ Могилевскомъ соборѣ св. Спаса.

Приводимъ надгробную надпись Георгію Конискому, имъ самимъ сочиненную.

Колыбель-Нѣжинъ, Кіевъ—мой учитель;

Я въ тридцать восемь лѣтъ сдѣлался святитель.

Семнадцать лѣтъ борелся я съ волками,

А двадцать два, какъ пастырь, отдохнулъ съ овцами.

За претерпѣнные труды и непогоду,

Архіепископомъ и членомъ сталъ синоду.

Георгій именовъ, я изъ Конискихъ дому;

Коню подобенъ бывалъ почтовому.

Сего тутъ падла зарылъ грѣшны кости.

Годъ семисотный пятый девяностый.

19. Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій.

(Стр. 227.)

Портретъ игумена Мелхиседека сдѣланъ съ фотографической копіи изъ собранія музея при Кіевской духовной академіи, а подлинникъ находится въ Лубенскомъ монастырѣ, Полтавской епархіи.

Мелхиседекъ Значко-Яворскій получилъ воспитаніе въ Кіевской духовной академіи; въ 1753 году онъ назначенъ игуменомъ Мотронинскаго монастыря. Обитель эта имѣла нѣкогда особенное значеніе. Она расположена между мѣстечками Жаботиномъ и Медвѣдовкою (Кіевской губ.) и во времена преслѣдованія православія и распространенія уніи служила убѣжищемъ и утѣшеніемъ для русскаго народа. Не стѣны монастыря, не уединенность мѣстности, а личность игумена привлекала сюда угнетаемое населеніе. Вмѣстѣ съ высшимъ образованіемъ и знаніемъ медицины, игуменъ Мелхиседекъ обладалъ всѣми личными качествами для привлеченія къ себѣ народныхъ симпатій; его уважали и пань-поляки, не принадлежавшіе къ числу рьяныхъ фанатиковъ. Твердый въ православіи и здраво смотрѣвшій на печальную картину страстной религіозно-національной борьбы двухъ родственныхъ народностей, раздѣляемыхъ разностию вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, Мелхиседекъ приобрѣлъ довѣріе переяславскаго епископа Гервасія (Линцевскаго), который ввѣрилъ ему, 26 августа 1761 года, управленіе духовными дѣлами Украины. Съ тѣхъ поръ значеніе Мотронинскаго монастыря еще болѣе усилилось и вліяніе его начало распространяться на всю Украину, въ населеніи которой появилось сознательное отношеніе къ дѣламъ вѣры. Уніатское духовенство, опасаясь за свою паству, начало гнѣснить Мелхиседека и предъявило свои мнимыя права на монастырь. Чтобы дать имъ рѣшительный отпоръ, Мелхиседекъ отправился въ 1765 году въ Петербургъ просить защиты; здѣсь онъ выхлопоталъ увазу русскому послу въ Польшѣ и съ этимъ до-

кументомъ пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ въ то время находился, съ тѣми же намѣреніями, бѣлорусскій православный епископъ Георгій Конисскій. вмѣстѣ съ нимъ Мелхиседекъ добился отъ польскаго правительства возстановленія правъ православнаго народа Украины. Обнародованіе этихъ привиллегій Мелхиседекомъ произвело такое впечатлѣніе, что приневоленное къ униі русское населеніе массами начало принимать православіе. Уніаты и поляки всполошились и рѣшили погубить игумена. Долго они подкарауливали его и, воспользовавшись поѣздкою его въ Переяславль, арестовали его въ д. Секрпной и затѣмъ отправили его къ уніатскому оффиціалу, фанатику Григорію Мокрицкому. Сквернословныя ругательства и другія оскорбленія посыпались на ревнителя православія; его переодѣли въ уніатскій костюмъ и грозили ему даже тѣлесными истязаніями и лишеніемъ жизни. Наконецъ, опивъ какимъ-то напитокомъ, подвергли заточенію въ митрополичьемъ замкѣ Гродкѣ. Послѣ двухнедѣльнаго заключенія, его перевели въ Дерманскій уніатскій монастырь, гдѣ онъ пробылъ еще двѣ недѣли, страдая отъ нравственныхъ и физическихъ мученій. Пока производились жестокія истязанія надъ игуменомъ, русскимъ подданнымъ, въ Мотропинскомъ монастырѣ произошли разстройства, вызванныя неизвѣстностью о судьбѣ игумена. Незвѣстность эта безпокоила и престарѣлаго отца послѣдняго эсаула Карпа Значко-Яворскаго. Но никто не могъ ничего сдѣлать къ освобожденію мученика изъ вражескихъ рукъ. Уже сами уніаты спохватились, задумались надъ послѣдствіями своего самоуправства и, опасаясь нападенія казаковъ, освободили Мелхиседека, который, въ сопровожденіи русскихъ купцовъ, прибылъ въ Переяславль въ октябрѣ 1766 г. Въ то время по Украинѣ было распространено приглашеніе Георгія Конисскаго—высказаться, кто желаетъ присоединиться къ православію, но встрѣчаетъ въ томъ затрудненіе. Могучее дѣйствіе произвелъ этотъ призывъ. Посыпались просьбы о воссоединеніи съ православною церквою и ходатайства о защитѣ вѣры и народности. Со всѣми этими заявленіями былъ отправленъ въ Варшаву виновникъ оживленія народнаго духа—Мелхиседекъ, который и занесъ соотвѣтственныя жалобы и заявленія въ городскія варшавскія книги. Когда Мелхиседекъ возвратился за тѣмъ на родину, то по интригамъ поляковъ былъ заподозрѣнъ въ участіи въ гайдамакской смутѣ, и 14 октября 1768 г. послѣдовало распоряженіе объ отстраненіи его отъ дѣлъ Украины. Онъ былъ переведенъ въ Переяславскій монастырь, а въ 1771 году назначенъ игуменомъ Кіевского Выдубицкаго монастыря и намѣстникомъ Кіево-Софійскаго собора. Въ 1781 году онъ посвященъ въ архимандриты съ назначеніемъ въ Лубенскій монастырь.

Мелхиседекъ скончался въ Глуховской обители.

20. Графъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ.

(Стр. 233.)

Портретъ воспроизведенъ съ современнаго портрета, принадлежащаго, по свидѣтельству директора Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, барона Ѳ. А. Бюлера, къ числу 200 портретовъ, писанныхъ маслянными красками и по-

жертвованныхъ архиву въ 1874 году вдовою бывшаго директора его, князя М. А. Оболенскаго. Портреты поступили въ архивъ безъ подписей и безъ описи и нѣкоторые изъ изображенныхъ на нихъ лицъ, не смотря на изысканія, до сихъ поръ остаются неразгаданными. Къ числу послѣднихъ нѣкоторое время относился и портретъ Кречетникова; но одинъ изъ его потомковъ, К. Н. Жуковъ, узналъ въ немъ своего предка по хранящемуся у него дубликату.

Кречетниковъ изображенъ на портретѣ въ земскомъ военномъ мундирѣ съ красными обшлагами. На немъ Александровская лента, на шеѣ орденъ Бѣлаго орла, на груди крестъ св. Анны и звѣзды Александровская и Владимирская.

Фамилія дворянъ Кречетниковыхъ получаетъ извѣстность съ XVI столѣтія. Михаилъ Никитичъ, по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1742 году поступилъ въ военную службу и въ 1769 году былъ назначенъ командиромъ полка. Въ сраженіи подъ Хотиномъ 29 августа 1769 года онъ выказалъ примѣрную храбрость, получивъ за это чинъ генераль-маіора. Въ знаменитомъ Кагульскомъ сраженіи 1770 года, равно въ битвѣ подъ Крайновомъ Кречетниковъ также отличился. Въ 1772 году онъ оставилъ военную службу, занявъ постъ губернатора въ Псковѣ. Въ 1775 году Россія заключила миръ съ Турціей, и въ числѣ награжденныхъ участниковъ войны былъ и Кречетниковъ, произведенный по этому случаю въ генераль-поручики. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ правителемъ Тверскаго намѣстничества; съ 1766 по 1790 г. состоялъ въ должности генераль-губернатора Тульскаго, Калужскаго и Рязанскаго намѣстничества, будучи пожалованъ въ 1785 г. званіемъ сенатора. Въ 1790 году онъ былъ награжденъ чиномъ генераль-аншефа и тогда же перемѣщенъ на должность генераль-губернатора Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, притѣмъ ему было ввѣрено командованіе войсками, расположенными въ Малороссіи. Когда возникла война съ Польшей, Кречетниковъ получилъ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ, съ которымъ онъ покорилъ, въ 1793 году, Литву и былъ за это награжденъ орденомъ св. Андрея первозваннаго съ назначеніемъ генераль-губернаторомъ Минскимъ, Изяславскимъ и Брацлавскимъ. Укрѣпляя за Россіей покоренныя области, Кречетниковъ обнародовалъ, 7 апрѣля 1793 года, въ мѣстечкѣ Полонномъ, Новградволынскаго уѣзда, манифестъ императрицы о подчиненіи ей русскихъ областей Польши. Этимъ и закончилось доблестное служеніе его отечеству и престолу. Послѣ непродолжительной болѣзни, среди заботъ объ устройствѣ покореннаго края, Михаилъ Никитичъ скончался 9 мая 1793 года, въ м. Межиричи, оставивъ по себѣ добрую память храбраго воина и разумнаго администратора. Наиболѣе же всего имя М. Н. Кречетникова сохранится въ исторіи, какъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ по воссоединенію южно-русскихъ областей съ Россійскимъ государствомъ. За нѣсколько дней предъ смертію, именно 6 мая 1793 г., онъ былъ пожалованъ въ графское достоинство.

Въ числѣ учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ Кречетникову, можно указать на инвалидныи домъ въ Кіевѣ, устроенный имъ изъ упраздненнаго Кирилловскаго монастыря.

21. Тимошей Ивановичъ Тутолминъ.

(стр. 243.)

Портретъ воспроизведенъ съ гравюры Осипова 1808 года, находящейся въ известномъ собраніи гравюръ сенатора Д. А. Ровинскаго.

Въ числѣ сподвижниковъ Екатерины II по установленію и укрѣпленію русскихъ государственныхъ началъ въ южной Руси долженъ быть упомянуть Тимошей Ивановичъ Тутолминъ.

Т. И. Тутолминъ родился 3 января 1740 года. Лишившись отца на 6-ти лѣтнемъ возрастѣ, онъ воспитывался сначала у роднаго дяди, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ. На первыхъ же порахъ военной службы Тутолмину пришлось участвовать въ 7-лѣтней кампаніи, а вскорѣ послѣ того—въ войнѣ съ Турціей. Здѣсь, командуя въ чинѣ подполковника легкими отрядами, онъ отличился подъ Бендерами (1769 г.). Продолжая затѣмъ службу въ арміи подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, Тутолминъ былъ награжденъ чиномъ полковника и орденомъ Георгія 4 степ. Отправленный въ 1775 году, въ числѣ другихъ штабъ-офицеровъ, въ Москву на торжественное празднованіе мира, Тутолминъ удостоился вниманія императрицы и былъ назначенъ тверскимъ вице-губернаторомъ, съ производствомъ въ бригадиры, а въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ правителемъ Тверскаго намѣстничества. Въ 1779 году онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Анны. Вскорѣ послѣ того ему было ввѣрено управленіе Новороссійскимъ краемъ и Крымомъ, гдѣ онъ ввелъ порядокъ и благоустройство, получивъ въ награду своихъ трудовъ орденъ Владиміра 2 степени и повышеніе въ чинѣ. Но дальнѣйшая его дѣятельность на югѣ была прервана переводомъ его въ 1784 году на постъ генералъ-губернатора Архангельскаго намѣстничества. Здѣсь онъ усовершенствовалъ производство Петрозаводскихъ мастерскихъ, а когда началась, въ 1788 году, шведская война, организовалъ изъ казенныхъ крестьянъ ополченіе и усилилъ гребной флотъ. Наградой за эти труды было пожалованіе орденовъ св. Александра Невскаго въ 1789 году и св. Владиміра 1 ст. въ 1790 году. По присоединеніи Малороссіи къ Россіи, Тутолмину было ввѣрено, въ 1795 году, управленіе губерніями Минскою, Изяславскою и Брацлавскою. Въ это время, именно 18 іюня, имъ былъ обнародованъ манифестъ о присоединеніи къ Россіи уѣздовъ Владиміро-Волинскаго, Ковельскаго и нѣкоторыхъ мѣстностей Луцкаго, Дубенскаго и Кременецкаго уѣздовъ. Открывъ затѣмъ, въ 1796 году, Подольское и Волинское намѣстничество, онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ этой области, состоя тогда въ чинѣ генералъ-аншефа. По вступленіи на престолъ императора Павла I, Тутолминъ подвергся несправедливому доносу, былъ арестованъ и содержимъ въ Петербургѣ подъ стражей въ теченіи 1½ года. Безпристрастное изслѣдованіе раскрыло однако полную невинность Тимошея Ивановича. Тѣмъ не менѣе, онъ отказался отъ предложенной службы и удалился въ Москву. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1806 году, первопрестольная столица была ввѣрена его управленію, за время котораго онъ сформировалъ земское войско. Быстрота и успѣшность въ этомъ дѣлѣ были оцѣнены государемъ Александромъ I пожалованіемъ ему ордена Андрея первозваннаго. Оставивъ

въ 1809 году по болѣзни управленіе Москвою, Тутолминъ переселился въ Петербургъ и здѣсь участвовалъ въ работахъ по образованіи государственнаго совѣта. По открытіи этого высшаго въ имперіи учрежденія, Тутолминъ былъ назначенъ предсѣдателемъ онаго, но въ томъ же году, 1 ноября, скончался.

Волинскій край, предъ воссоединеніемъ его съ Россіей, находился въ весьма разстроенномъ положеніи: грабежи, разбои, убійства, угнетеніе крестьянъ со стороны помѣщиковъ-поляковъ, взяточничество чиновниковъ, — все это царило безъ страха и отвѣта. Тутолминъ принималъ энергичныя мѣры къ искорененію зла, заботясь объ умиротвореніи края на началахъ и правилахъ, преподанныхъ мудрою императрицею. Ему же принадлежитъ открытіе, въ 1794 году, едвали не первой въ краѣ научной комиссіи для разбора архивныхъ дѣлъ и книгъ въ судахъ и магистратахъ Волыни.

22. Николай Михайловичъ Карамзинъ.

(Стр. 249.)

Имя знаменитаго русскаго исторіографа тѣсно связано съ исторической судьбой нашихъ западныхъ окраинъ. Былъ моментъ, когда эти окраины, воссоединенныя съ Россійскимъ государствомъ въ царствованіе великой Екатерины, подъ влияніемъ новыхъ лже-либеральныхъ вѣяній, готовы были снова подпасть подъ польскій гнетъ, отъ вѣковаго давленія котораго онѣ только-что освободились.

Моментъ — слишкомъ важный для исторіи края, которому посвящено настоящее изданіе, чтобы умалчивать о событіи и главнымъ виновникѣ его.

Еще въ молодости своей великій князь Александръ Павловичъ, воспитанный швейцарцемъ Лагарпомъ, которому чужды были и русская исторія, и русскіе интересы, высказывалъ предъ другомъ своимъ, молодымъ польскимъ паномъ Адамомъ Чарторыйскимъ, сожалѣніе о судьбѣ Польши, выражая симпатіи ея борьбѣ за независимость и порицая дѣйствія своей державной бабки по отношенію къ Польшѣ. Вступивъ на престолъ, Александръ I ввѣрилъ министерство иностранныхъ дѣлъ князю Чарторыйскому, который воспользовался расположеніемъ къ нему государя и, вмѣстѣ съ другими польскими патріотами, началъ припоминать императору его прежнія симпатіи къ польскому народу и убѣждать его возстановить Польшу. Государь не скрывалъ предъ Чарторыйскимъ политическихъ своихъ соображеній, въ родѣ соединенія славянскихъ и греческихъ народовъ, будущей судьбы Молдавіи и Валахіи, но на предложенія Чарторыйскаго объ автономіи его родины уклонялся отъ прямого отвѣта и наконецъ однажды прямо заявилъ, что онъ отказывается отъ прежнихъ своихъ взглядовъ и намѣреній относительно Польши. Это было въ 1809 году, въ то время, когда Наполеонъ, обнадѣживавшій поляковъ въ ихъ политическихъ надеждахъ и создавшій полуавтономное герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ готовность содѣйствовать Александру во всемъ, что могло бы изгладить память о польскомъ народѣ, истребить имя Польши въ государственныхъ бумагахъ и на страницахъ исторіи и отдать русскому императору Галицію. Но совершается великая въ исторіи Россіи война 1812 года, а вслѣдъ за нею и паденіе Наполеона,

грозившаго всей Европѣ и игравшаго судьбою западныхъ народовъ. На вѣнскомъ конгрессѣ 1814 г. искусственно созданное герцогство Варшавское присоединено къ Россіи подъ наименованіемъ царства Польскаго, которому Александръ I даровалъ конституцію. Но этому свободному образу правленія не отвѣчали ни характеръ польскаго народа, ни соціальное его положеніе; по этому подобное устройство Польши не могло не вызвать возраженій и неодобреній, и первый голосъ противъ сего слышался изъ устъ Карамзина. «Всѣ усилія наши, — говорилъ знаменитый исторіографъ императору, — не могутъ быть сильны сблизить съ нами народъ польскій, и ни въ какомъ случаѣ разчитывать на поляковъ не можно, — и поляки никогда не будутъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками нашими». Являлось опасеніе въ осуществленіи прежняго намѣренія возстановить Польшу въ старыхъ ея границахъ, т. е. присоединить къ ней древнее русское достояніе — Вѣлоруссію съ Литвой и Волынь съ Подольемъ. И вотъ появляется знаменитая записка Карамзина, читанная вмѣ императору Александру I въ 1819 году.

«Я слышу русскихъ и знаю ихъ, — писалъ исторіографъ государю. — Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою и къ отечеству, види оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабили бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы передъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ, — и Господь сердецъвѣдѣцъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ неистину, — однимъ словомъ возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогатятъ своею кровію польскую землю и снова возьмутъ штурмомъ Прагу». Записка кончается словами: «Пусть существуетъ и благоденствуетъ царство Польское подъ скипетромъ Александра, какъ оно есть; но да сундствуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ она оставлена вамъ Екатериною».

Взялъ Александръ I мощному, правдивому голосу русскаго патріота и историка, и страницы исторіи царствованія этого государя, гнушавшагося рабствомъ, не запятнаны извѣстіемъ о новомъ порабощеніи Польшѣ русскихъ областей. Смѣлой и высоко патріотической рѣчи русскаго исторіографа Россія обязана тѣмъ, что древнѣйшее ея достояніе — юго и сѣверо-западные области не подверглись, изъ-за ложно понимавшихся тогда началъ свободы, возстановленію надъ ними вѣковаго гнета Польши и ея дикаго и безпримѣрнаго прозелитизма.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, происходящій изъ дворянъ Симбирской губерніи, родился 1 декабря 1766 г. Имя свое онъ прославилъ капитальнымъ трудомъ — «Исторією Россійскаго государства», доставившею автору званіе государственнаго исторіографа. Карамзинъ скончался 22 мая 1826 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Родина его почтила память исторіографа постановкою ему памятника въ Симбирскѣ.

23. Уніатскій митрополитъ Ираклій Лисовскій.

(Стр. 253.)

Портретъ воспроизведенъ по фотографіи, доставленной предсѣдателемъ Виленской археографической комиссіи Я. Э. Головацкимъ.

Личность Ираклія Лисовскаго имѣетъ отношеніе къ Волынскому краю, какъ общаго руководителя уніатскимъ дѣломъ, и притомъ въ направленіи, согласномъ съ видами правительства, а также какъ виновника разрушенія латинско-польскихъ стремленій къ оскоточенію Волыни посредствомъ преобразования уніатскихъ учреждений. Еще въ бытность свою оршанскимъ суперіоромъ (игуменомъ), Ираклій Лисовскій отличался предпримчивостію и живымъ отношеніемъ къ церковнымъ вопросамъ. Управляя Онуфриевскимъ монастыремъ, архимандритъ Ираклій, въ качествѣ первенствующаго члена Полоцкой уніатской консисторіи, пользовался расположеніемъ русскихъ властей, какъ напр. фельдмаршала графа Зах. Григ. Чернышева и князя Потемкина-Таврическаго. Когда возникъ въ 1783 году вопросъ о назначеніи архіепископа латинской церкви въ Россіи, а въ связи съ нимъ и вопросъ о назначеніи епископа для бѣлорусскихъ уніатовъ, то русское правительство остановило свой выборъ на Лисовскомъ, о которомъ Потемкинъ совѣщался съ знаменитымъ бѣлорусскимъ православнымъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ. Вступивъ въ 1784 году на архіерейскую кафедру, Лисовскій началъ дѣйствовать вполне согласно съ правительственнымъ направленіемъ, стараясь не только удержать оставшіеся въ уніатствѣ обычаи Восточной церкви, но даже по возможности развивать и восстанавливать ихъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Бѣлоруссіи къ 1803 году оказался существенный недочетъ въ уніатской паствѣ, изъ которой около 100 тысячъ было совращено въ латинство. Архіепископъ Ираклій принялъ близко къ своему сердцу судьбу уніатской церкви и отправилъ одного изъ своихъ священниковъ Красовскаго въ Петербургъ. По этому случаю императоръ Александръ Павловичъ высочайше повелѣлъ, 4 іюля 1803 г., произвести строгое разслѣдованіе. Послѣдствіемъ такого изслѣдованія были распоряженія о возвращеніи совращенныхъ къ уніатской церкви и о воспрещеніи латинскому духовенству переманивать къ себѣ уніатовъ. Независимо отъ этого, по ходатайству Лисовскаго, правительство выдѣлило управление уніатскою церковью изъ общаго завѣдыванія римско-католической коллегіи, которая, не имѣя въ своемъ составѣ ни одного уніата, дѣйствовала во вредъ уніат. 16 іюня 1805 г. послѣдовалъ указъ объ образованіи въ составѣ коллегіи двухъ департаментовъ, каждый для особаго завѣдыванія католическими и уніатскими дѣлами, причемъ предсѣдательствованіе въ уніатскомъ департаментѣ было возложено на Ираклія Лисовскаго. Въ 1806 году, за смертію уніатскаго митрополита Ростоцкаго, Ираклій былъ возведенъ въ санъ митрополита.

Въ этомъ санѣ Ираклій Лисовскій ознаменовалъ свое служеніе церкви и паствѣ уничтоженіемъ латинскихъ обрядовъ, введенныхъ въ уніатскую церковь для сближенія съ католическою, восстановленіемъ правильнаго восточнаго богослуженія, внутреннимъ устройствомъ церкви, какъ то: уничтоженіемъ правъ ктиторства, воз-

вращеніемъ бѣлому духовенству имуществъ, отнятаго монахами базилианами, и т. п., при чемъ тотчасъ же по вступленіи на митрополичью кафедру приказалъ своему духовенству проносить во время богослуженія имя государя прежде имени римскаго папы. Ему же отчасти обязано и разрушеніе замысловъ Адама Чарторыйскаго и Ѳаддея Чацкого, обладавшихъ большими имѣніями на Волыни, объ обращеніи базилианскаго униатскаго ордена въ учрежденіе воспитательное съ цѣлью передѣлки русскаго молодого поколѣнія въ преданнѣйшихъ слугъ римской церкви и истинныхъ чиновъ «ойчизны». Столь полезная дѣятельность митрополита Ираклія часто парализировалась противодѣйствіемъ латипо-польской партіи: но онъ, несмотря на это, продолжалъ и развивалъ избранное имъ направленіе дѣлъ, а предъ смертію своею († 1809 г.) просилъ государя назначить митрополитомъ своего единомышленника, лудскаго униатскаго епископа, Григорія Кохановича, что и было уважено императоромъ.

Несомнѣнно, русское и православное направленіе митрополита Лисовскаго, недожившаго до общаго воссоединенія русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1839 году, въ значительной степени содѣйствовало, какъ дѣятельность подготовительная, этому знаменательному событію, которое коснулось и униатскихъ приходовъ Волыни.

24. Императоръ Николай I Павловичъ.

(Стр. 259.)

Портретъ воспроизведенъ, по фотографіи, съ живописнаго портрета, написаннаго художникомъ Крюгеромъ въ 1830 году.

Императоръ Николай Павловичъ во все свое царствованіе оказывалъ ревностное покровительство русскимъ началамъ. Ко времени вступленія его на всероссійскій престолъ въ униатствѣ состояло $1\frac{1}{2}$ милліона русскаго народа, а въ томъ числѣ 120,000 въ Киевской, Волынской и Подольской губерніяхъ (192 прихода бывшей Лудской епархіи, находившихся въ вѣдѣніи Литовской епархіи). Хотя къ концу царствованія императора Александра I правительство и принимало нѣкоторыя мѣры къ огражденію униатовъ отъ притѣсненій со стороны латинявъ, но послѣдовательное и твердое проведеніе этихъ мѣръ получило свое развитіе и осуществленіе уже при Николаѣ Павловичѣ. 9 октября 1827 г. послѣдовалъ указъ, воспреещающій обращеніе униатовъ въ латинство и вступленіе римско-католиковъ въ базилианскій орденъ и повелѣвающій устроить училища для дѣтей униатскаго духовенства, дабы освободить ихъ отъ пагубнаго вліянія католическихъ школъ. Дѣятельнымъ исполнителемъ этихъ мѣропріятій является членъ Петербургской римско-католической коллегіи по униатскому департаменту Юсіфъ Сѣмашко. По его представленію, съ высочайшаго утвержденія, предпринято сокращеніе униатскихъ базилианскихъ монастырей и подчиненіе остающихся изъ нихъ епархіальному вѣдомству, уменьшеніе числа униатскихъ епархій, устройство семинарій, открытіе Полоцкой духовной академіи и т. п. По мысли же Сѣмашки, послѣдовало 8 мая 1828 г. распоряженіе о выдѣленіи изъ состава римско-католической коллегіи униатскаго отдѣленія, съ

образованіемъ изъ него независимой греко-уніатской коллегіи. Послѣдовавшія распорядженія по улучшенію дѣлъ уніатскаго управленія и предпринятое очищеніе обрядности въ уніатскомъ богослуженіи вызвали противодѣйствіе со стороны польской партіи и базилианскаго духовенства, которое приняло самое дѣятельное участіе въ мятежѣ 1830 и 1831 годовъ. Это возстаніе отразилось и на Волынскомъ краѣ, гдѣ образовалось нѣсколько мятежническихъ шаекъ, естрѣтившихъ содѣйствіе въ нѣсколькихъ помѣщикахъ и въ латинскомъ духовенствѣ. Послѣдствіемъ сего было закрытіе Кременецкаго лицея и другихъ польскихъ училищъ съ учрежденіемъ взамѣнъ того русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и университета св. Владимира въ Кіевѣ, упраздненіе нѣкоторыхъ католическихъ монастырей и передача Почаевского монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства, съ возведеніемъ его на степенъ лавры. Дѣятельными исполнителями этихъ мѣропріятій были архимандритъ Антоній (Рафальскій), вислѣдствіи архіепископъ (варшавскій, а затѣмъ митрополитъ петербургскій († 1848 г.), и директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, В. В. Скрыпичинъ, оставившій по себѣ память строго патриотическимъ направленіемъ и глубокою преданностію православію. Упомянутыя мѣры въ свою очередь послужили дальнѣйшему развитію дѣлъ уніатскаго исповѣданія и осуществленію тѣхъ предначертаній, которыя выработывались при близкомъ участіи Іосифа Сѣмашки, — тогда уже самостоятельнаго литовскаго епископа, — и которыя наконецъ привели къ воссоединенію уніатовъ съ православною церковью.

Такимъ образомъ, въ царствованіе императора Николая I воссоединены были съ православною церковью всѣ уніаты сѣверо и юго-западныхъ губерній Россіи.

25. Литэвскій греко-уніатскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, впоследствии литовскій православный митрополитъ.

(Стр. 265.)

Портретъ воспроизведенъ по фотографическому изображенію, приложенному къ собранію сочиненій митрополита Іосифа, изданному въ Петербургѣ въ 1834 году.

Іосифъ Сѣмашко — уроженецъ южной Россіи. Онъ родился 25 декабря 1798 г. въ селѣ Павловкѣ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, отъ уніатскаго священника Іосифа Сѣмашко и жены его Марыи. Воспитывался онъ сначала въ Немировской гимназій (нынѣ Подольской губ.) а потомъ въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1820 году со степенью магистра. Воспитаніе въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ не угасило въ немъ симпатій, которыя онъ питалъ къ русскому народу и православной церкви, и если онъ, по предложенію луцкаго греко-уніатскаго епископа Якова Мартусевича, принялъ священство безъ предварительнаго вступленія въ супружество, то лишь по равнодушію своему вообще къ женитбѣ. Въ санѣ діакона онъ былъ назначенъ засѣдателемъ (членомъ) Луцкой уніатской консисторіи, а 28 декабря 1821 г. возведенъ былъ въ іерек. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ членомъ Петербургской римско-католической коллегіи. Завѣдуя здѣсь уніатскими дѣлами, онъ велъ ихъ въ чисто русскомъ на-

правленія и тѣмъ вызвалъ нерасположеніе польско-латинскихъ сочленовъ своихъ. Въ 1827 году Сѣмашко представилъ правительству записку «о положеніи униатской въ Россіи церкви и средствахъ возвращать оную на лоно православной церкви». Записка эта весьма сочувственно была принята Николаемъ I и послужила основаніемъ къ проведенію коренныхъ преобразованій въ униатской церкви, изъ числа которыхъ, по отношенію къ Волынскому краю, были слѣдующія: базилианскіе монастыри Поддубецкій, Тригорскій и Верховскій закрыты и обращены въ приходскія церкви: монастыри Вѣлостокскій, Дорогобужскій, Дубенскій, Гошанскій, Луцкій, Мильчанскій, Пугинскій, Туминскій и Загоровскій совершенно упразднены; оставлены лишь Почаевскій, Кременецкій и Мѣлецкій монастыри, а Владимірскій и Любарскій были оставлены лишь временно. Взамѣнъ четырехъ епархій, устроены лишь двѣ — Вѣлорусская и Литовская; въ первой были отнесены приходы Житомирскаго и Овручскаго повѣтовъ, а къ послѣдней — Владимірскаго, Ковельскаго, Ровенскаго, Луцкаго, Дубенскаго и Кременецкаго. Въ 1828 году завѣдываніе униатскими дѣлами было выдѣлено изъ состава римско-католической коллегіи и сосредоточено во вновь учрежденной греко-униатской коллегіи; присутствованіе въ этой коллегіи было возложено на протоіерея Сѣмашко, который въ 1829 году былъ возведенъ въ санъ епископа мстиславскаго съ назначеніемъ въ викарные Вѣлорусской епархіи. Оставаясь членомъ униатской коллегіи, преосвященный Іосифъ посѣщалъ приходы и духовно учебныя заведенія, наставлялъ духовенство къ совершенію правильнаго богослуженія и склонилъ священниковъ на путь сближенія униі съ православіемъ. 2-го апрѣля 1833 г. Іосифъ получилъ самостоятельную Литовскую кафедру и съ тѣхъ поръ съ большею твердостью началъ проводить свои предначертанія въ пользу православія. По его представленію, упразднено на Волыни нѣсколько базилианскихъ монастырей и устроены духовныя училища и приходскія школы по образцу православныхъ, а въ томъ числѣ Мѣлецкое на Волыни училище. Въ 1833 году было избрано три благонадежныхъ лица въ помощь преосвященному Іосифу: протоіерей Василій Лужинскій и Антовій Зубко и архимандритъ Іосафатъ Жарскій, которые были посвящены въ санъ викарныхъ епископовъ. Эти іерархи, имѣя во главѣ Сѣмашка, составили въ 1834 году соборъ, на которомъ постановлено возстановить въ униатской церкви полный строй православнаго богослуженія. Согласно этому опредѣленію, введены иконостасы, церковная утварь, священныя облаченія и книги синодальнаго изданія. Паны помѣщики, недовольные этой реформой, возмущили своихъ униатскихъ крестьянъ, бывшихъ тогда въ крѣпостной ихъ зависимости; такія волненія происходили, между прочимъ, въ приходахъ Овручскаго и Житомирскаго уѣздовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Вѣлорусской униатской епархіи. Въ видахъ установленія порядка въ этихъ приходахъ, ихъ присоединили къ Литовской епархіи, которой принадлежали и возмущившіеся приходы Ратненскій Ковельскаго уѣзда, Ромаявскій, Луцкаго, и Боремельскій, Дубенскаго уѣзда.

Въ 1838 году униатская церковь въ Россіи была подчинена вѣдѣнію обер-прокурора святѣйшаго синода, а вслѣдъ затѣмъ униатское духовенство въ особыхъ подпискахъ начало выражать желаніе возсоединиться съ православною церковью.

12-го февраля 1839 г. въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ былъ подписанъ актъ воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ числѣ 1,300 духовныхъ лицъ и 1.500,000, прихожанъ, а въ томъ числѣ 120,000 прихожанъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Съ тѣхъ поръ на Волыни не стало уни, и все русское населеніе принадлежитъ уже православной церкви.

Въ дальнѣйшей своей дѣятельности преосвященный Іосифъ полагалъ свои труды на укрѣпленіе и развитіе православныхъ началъ и русской народности. Дѣятельная и благотворная заботливость о православіи была почтена возведеніемъ его въ санъ митрополита литовскаго.

Высокопреосвященный Іосифъ скончался 23 ноября 1868 г. Погребенъ онъ въ Вильнѣ, въ пещерной церквѣ Свято-Духовскаго монастыря, въ устроенномъ имъ для себя каменномъ гробѣ подъ ракою виленискихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія. Митрополитъ Іосифъ составилъ замѣчательныя записки о воссоединеніи униатовъ, завѣщавъ Императорской Академіи Наукъ напечатать ихъ на оставленные имъ для сего суммы. Записки эти изданы Академіею въ 1884 году въ трехъ томахъ.

26 и 27. Графъ Д. Н. Блудовъ и графиня А. Д. Блудова.

(Стр 277.)

Городъ Острогъ, Волынской губерніи, бывшій съ XIII вѣка удѣльнымъ городомъ русскихъ князей, а впоследствии, во времена польскаго владычества надъ южно-русскими областями, — резиденціею извѣстнаго поборника православной вѣры князя К. К. Острожскаго и средоточіемъ умственной и религіозной жизни русскаго народа, — имѣетъ и въ наше время большое значеніе, составляя центръ-воспитательной и благотворительной дѣятельности русскихъ людей, задавшихся патріотическою мыслию содѣйствовать возстановленію и укрѣпленію религіозно-національныхъ началъ русскаго народа на Волыни, пережившаго вѣковую борьбу съ польско-іезуитскими стремленіями. Учрежденія, основанныя въ Острогѣ съ этою высоко-патріотическою цѣлью, обязавы своимъ существованіемъ графу Дмитрію Николаевичу Блудову и дочери его, камеръ-фрейлинѣ, графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

Имя гр. Д. Н. Блудова (р. 1785 г. † 1864 г.) извѣстно всей образованной Россіи, какъ государственнаго дѣятеля на поприщахъ народнаго просвѣщенія, юстиціи и дипломатіи, пользовавшагося довѣріемъ императоровъ Николая I и Александра II. Особенную заботливость гр. Блудовъ выказывалъ въ дѣлѣ народнаго образованія, гдѣ онъ являлся не по одному только офіціальному положенію государственнаго дѣятеля, но и какъ просвѣщенный человекъ, видѣвшій въ правильномъ развитіи молодого поколѣнія залогъ будущаго благоденствія Россіи. Заботы графа Блудова въ этомъ направленіи простирались до того, что и во время болѣзненнаго своего состоянія, онъ не щадилъ себя и, желая участвовать въ обсужденіи дѣлъ по народному просвѣщенію, являлся членомъ въ государственный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ. И уже будучи на смертномъ одрѣ не могъ освободить себя отъ заботъ объ улучшеніи любимаго дѣла. Наканунѣ своей смерти онъ вель обѣ

этомъ бесѣду съ духовникомъ своимъ, протопресвитеромъ В. В. Бажановымъ. Присмотрѣвшись на ненормальное положеніе воспитательнаго дѣла въ нашихъ западныхъ окраинахъ, гдѣ царю въ то время польское направленіе, отравлившее русское молодое поколѣніе чуждымъ ему польско-іезуитскимъ воспитаніемъ, графъ Влудовъ былъ особенно озабоченъ учрежденіемъ такихъ воспитательныхъ заведеній, гдѣ будущія жены нашихъ священно-церковно-служителей получали бы совершенно русское направленіе. Въ самый день своей смерти, когда, казалось, все земное должно было сдѣлаться для него чуждымъ, говорилъ своей дочери: «Надѣюсь, что устроятся такія училища; это мой послѣдній планъ, послѣдняя мысль и желаніе. Дай Богъ, чтобы они осуществились и ты помогла этому».

Просвященный государственный мужъ не ошибся въ выборѣ душеприбавщика для выполненія своей завѣтной идеи. Воля завѣщателя сдѣлалась для дочери его священной.

Для того, чтобы положить прочное основаніе дѣлу воспитанія, графиня Анна Дмитриевна, избравъ для осуществленія желанія своего отца мѣсто, наиболѣе нуждавшееся въ поддержаніи и укрѣпленіи русскихъ началъ, — Волынской край, прежде всего, по указаніямъ своего отца, основала въ г. Острогѣ, бывшей резиденціи ревнителей православія князей Острожскихъ, православное братство во имя святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія. Въ мартѣ 1865 г. послѣдовало утвержденіе устава братства, а въ октябрѣ того же года открыты начальная Кирилло-Меодіевская школа и приготовительное женское училище. Но для единенія въ молитвѣ и удовлетворенія религіозныхъ цѣлей братства необходимо было имѣть братскій храмъ. Озабочиваясь этимъ, графиня Влудова, при содѣйствіи П. Н. Батюшкова, испросила разрѣшеніе на передачу братству бывшаго капуцинскаго монастыря въ г. Острогѣ и на перестройку его, по ходатайству того же лица, получила отъ государя императора 19.000 руб. На эти средства, съ добавленіемъ пожертвованій отъ императрицы Маріи Александровны и разныхъ лицъ, болѣе же всего отъ графини Александры Григорьевны Шереметьевой и отъ княгини Даріи Андреевны Голлицыной, рожденной Остерманъ-Толстой, 8 октября 1876 г. была освящена братская церковь во имя Кирилла и Меодія, въ которой впоследствии были устроены предѣлы во имя св. великомученика Пантелеймона и св. Феодора, князя Острожскаго.

Цѣль братства состоитъ въ развитіи и укрѣпленіи христіанскаго просвѣщенія, насажденнаго среди славянъ солунскими братьями Кирилломъ и Меодіемъ и въ продолженіи ихъ просвѣтительной дѣятельности среди русскаго народа, обезсиленнаго въ своихъ вѣрованіяхъ вѣковыми угнетеніями польскаго правительства и латинскаго духовенства. Непосредственнымъ проводникомъ этихъ началъ служить, кромѣ упомянутыхъ раньше Кирилло-Меодіевской школы и приготовительнаго женскаго училища, учрежденное затѣмъ женское высшее имени графа Дмитрія Николаевича Влудова училище. Эти учебныя заведенія имѣютъ особенное значеніе кромѣ Виленскаго края, стремленія поляковъ перевоспитать рус-

скій народъ по своей іезуптской системѣ всецѣло распространялись и на Волишь. Здѣсь усердно работали и частныя лица и польско-латинскія учрежденія. Главнымъ рассадникомъ полонизма былъ Кременецкій лицей Чапкого, а въ параллель съ нимъ усердно работали польскіе пансіоны и частныя школы. Результаты, — прискорбные для русскаго имени, — получались тѣмъ легче, что дѣятели польской sprawy не встрѣчали, за отсутствіемъ русскыхъ школъ, никакого для себя противодѣйствія и имѣли благодарную почву въ обезличенномъ, забытомъ и изстрадавшемся отъ польской неволи народѣ. Посѣянному такимъ образомъ ложному ученію нужно было противупоставить правильное воспитаніе, которое возстановило бы въ народѣ вселенскую истину православнаго ученія и воскресило бы въ немъ національное самосознаніе. Итакъ, въ программу снованныхъ въ Острогѣ училищъ положено развитіе въ молодомъ русскомъ поколѣніи убѣжденія, что ихъ родина — пескони русская земля, что свѣтомъ хрестіанскаго ученія она одарена съ востока, что вмѣстѣ съ другими славянами они получили изъясненіе евангелія и всего священнаго писанія отъ свв первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія и ихъ преемниковъ, что православная церковь сохранила евангельскую истину отъ временъ апостольскихъ, что поляки стремились обратитъ русскыхъ въ латинство и унию изъ ненависти къ русскому народу и для усиленія Польши, и т. п.

Женское графа Д. Н. Влудова училище, имѣющее особый уставъ и штатъ, высочайше утвержденные 21 апрѣля 1875 г., при полномъ гимназическомъ курсѣ, пользуется правами женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Его общее направленіе, по мысли гр. Влудова, состоитъ въ развитіи семейнаго духа и семейныхъ обычаевъ, какъ основы женскаго призванія; научная же сторона гораздо менѣе развита, нежели въ обыкновенныхъ гимназіяхъ. Училище это есть закрытое учебное заведеніе, съ допущеніемъ и входящихъ ученицъ. Оно состоитъ изъ 4 классовъ съ семилѣтнимъ курсомъ; при немъ находится попечительный совѣтъ и хозяйственное управленіе. Учредительницѣ училища, графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Влудовой, принадлежитъ пожизненное званіе попечительницы. Въ училищѣ существуютъ стипендіи, которыя приурочены къ именамъ замѣчательныхъ русскыхъ писателей, какъ-то: Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Кирѣевскаго, Хомякова и др.

При Кирилло-Меоодіевскомъ братствѣ состоятъ еще слѣдующія учрежденія:

Пансіонъ бывшій г-ж и Гиревской, служащій пріютомъ для тѣхъ входящихъ ученицъ, которыя не имѣютъ въ Острогѣ родственниковъ и, за недостаткомъ средствъ у братства и за отсутствіемъ свободныхъ вакансій въ Влудовскомъ училищѣ, не могутъ быть приняты въ послѣднее пансіонерками.

Крестыанскій пансіонъ, устроенный для крестыанскихъ мальчиковъ, окончившихъ ученіе въ сельскихъ школахъ и желающихъ продолжать науки въ Острожской правительственной прогимназіи. Пансіонъ устроенъ по желанію крестыанскихъ старшинъ и содержится на счетъ волостныхъ суммъ Острожскаго уѣзда. Онъ находится подъ вѣдѣніемъ Кирилло-Меоодіевскаго братства и ближайшимъ руководствомъ двухъ надзирателей.

Библиотека, въ которой, кромѣ книгъ преимущественно по русской исторіи, хранятся дѣла и документы братства; здѣсь же имѣется складъ книгъ для продажи, а зала библиотеки служитъ мѣстомъ засѣданій совѣта Острожскаго братства.

Лечебница въ память покойнаго государя-цесаревича Николая Александровича; основаніе лечебницѣ положено великой княгиней Еленой Павловной, которая прислала братству опытную сестру милосердія, покойную Марью Ивановну Алексѣеву, изъ сестеръ Кресто-Воздвижинской общины, и снабдила лечебницу аптекой

Странно-примный домъ или подворье, учрежденный для богомольцевъ по примѣру древнихъ русскихъ монастырей. въ память благополучнаго рожденія цесаревича Николая Александровича. Поводомъ къ устройству этого дома послужила безпріютность тѣхъ богомольцевъ-странниковъ, которые, на пути изъ Кіева, идутъ на богомолье въ Почаевскую лавру. Въ Острожскомъ подворьѣ они получаютъ отъ братства пріютъ и пищу. Основано это учрежденіе иждивеніемъ княгини Голицыной, рожденной Остерманъ-Толстой.

Въ такомъ широкомъ видѣ осуществилась завѣтная мысль одного изъ государственныхъ людей нашего времени, графа Д. Н. Блудова, мысль о воспитаніи молодого поколѣнія юго-западныхъ окраинъ въ духѣ русской народности и православія, выполненная его дочерью графиней А. Д. Блудовой. Ея трудами открытъ и обеспеченъ цѣлый рядъ учрежденій воспитательно-благотворительнаго характера въ мѣстѣ, прославленномъ духовными подвигами и гражданскими доблестями князей Федора Даниловича и Константина Константиновича Острожскихъ, и впоследствии подвергшемся вліянію и воздѣйствію со стороны враждебныхъ намъ элементовъ католицизма и польщины. Устраненію этихъ вліяній посредствомъ воспитанія и укрѣпленія въ мѣстномъ южно-русскомъ народѣ національнаго и духовнаго самосознанія и служатъ тѣ учрежденія, съ которыми тѣсно связаны имена русскихъ патріотовъ, графа Д. Н. Блудова и графини А. Д. Блудовой.

В. Виды мѣстностей и зданій.

28. Ольгина купальня, близъ мѣстечка Искорости, Овручскаго уѣзда. (Стр. 7.)

Рисунокъ исполненъ съ акварели, снятой съ натуры художникомъ Струковымъ для IV выпуска «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ.

Великая княгиня Ольга, супруга князя Игоря Святославича († 945), въ отмщеніе древлянамъ за убійствіе ея мужа, отправилась въ 946 году съ сыномъ Святославомъ и большою дружиною въ Древланскую землю, овладѣла главнымъ городомъ ея Коростенемъ, при чемъ одни изъ жителей были избиты, другіе розданы въ рабство дружинникамъ, а на остальныхъ наложена тяжкая дань въ пользу Кіева и Вышгорода. Такъ тяжело наказаны жители Коростеня потому, что они-то именно убили Игоря: месть въ язычествѣ считалась закономъ. Но, наказавъ Коростень, Ольга съ сыномъ и дружиною уже мирно прошла по всей Древланской землѣ, «устанавлиючи, — какъ говорить лѣтописи, — уставы (законные порядки) и уроки (опредѣленные сборы). И суть становища (мѣста или дворы для остановки) ея и ловища (мѣста для охоты) ея. И прииде въ городъ свой Кіевъ». Мѣстное преданіе присовокупляетъ, что Ольга бывала въ Древланской землѣ и послѣ того, какъ стала христіанкою, принявъ св. крещеніе въ Царьградѣ отъ патріарха Полиевкта въ 957 году, что въ г. Коростенѣ (который предполагается возстановленнымъ) она построила церковь и высокій теремъ и временами жила въ немъ, творя дѣла благочестія. Преданіе это можетъ считаться далекимъ отголоскомъ народной памяти объ Ольгѣ, славившейся по всей землѣ Русской.

На пещавищѣ древняго города Коростеня, валы котораго сохранились до нашихъ дней, въ настоящее время стоитъ мѣстечко И с к о р о с т ь. Оно расположено на половинѣ пути отъ Овруча къ Житомиру, на лѣвомъ берегу небольшой рѣки Уши. Мѣстность здѣсь чрезвычайно живописная. Рѣка, пробиралась выше Коростеня едва замѣтнымъ ручьемъ по болотамъ и лѣсамъ, встрѣчаетъ при мѣстечкѣ гряду утесовъ и съ шумомъ пробиваетъ себѣ путь между возвышенными гранитными скалами, увлекая за собою цѣлую гряду камней. Въ самой стремнинѣ на ложбѣ рѣки возвышаются два большіе камня мѣстной гранитной породы. Въ теченіе вѣковъ вода промыла въ нихъ по одному глубокому и узкому отверстию овальной формы. Въ эти, наполненные водою отверстия взрослый челостѣкъ можетъ погрузиться только по поясъ; но быстрая струя воды, стремясь съ камня на камень, сбиваетъ его сверху. Это мѣсто, по преданію, и было избрано для купанья отказавшейся отъ славы суетнаго міра великою княгиней Ольгою и до сихъ поръ сохранило за собою названіе «Ольгиной купальни» или «Ольгиныхъ бань».

Нѣсколько ниже Ольгиной купальни, береговья скалы Уши принимаютъ иной видъ: разступаясь и становясь выше, отвѣснѣе и мрачнѣе, они защищаютъ отъ вліяній вѣтра и рѣка, принимая тихое и плавное теченіе, уже не рябится здѣсь зыбью.

Гуть же на правомъ берегу открывается терраса съ навѣсомъ, образовавшаяся въ отвѣсной стѣнѣ утеса, а наверху подъ утесомъ красуются три каменныхъ креста древней формы. Каждый шагъ на этой террасѣ вызываетъ глухой звукъ, какъ будто подъ нею существуетъ пустота. За исключеніемъ этихъ звуковъ, здѣсь царитъ тишина и какал-то таинственность. Мѣстные жители, спускаясь на террасу, набожно осеняютъ себя крестнымъ знаменіемъ. Это, по мѣстному названію, — «Святъе», на которомъ, болѣе 9 вѣковъ назадъ, былъ сооруженъ великою княгинею Ольгою первый въ землѣ Древлянской христіанскій храмъ. Никакихъ свѣдѣній о времени разрушенія этой церкви не сохранилось, и можно только предполагать, что она была разрушена послѣ кончины св. Ольги мѣстными жителями, которые, оставаясь въ язычествѣ, были ревностными поклонниками истукановъ.

Таинственность мѣстности и особенности окружающей природы создали въ народномъ воображеніи цѣлую легенду о первомъ Коростенскомъ храмѣ.

По народному сказанію, когда св. Ольга выстроила на краю отвѣснаго утеса церковь, и нѣкоторые язычники начали поклоняться истинному Богу, то забытые и покинутые идолы, опасаясь лишиться современемъ и всѣхъ своихъ почитателей, рѣшили положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію христіанства и съ этою цѣлью уничтожить церковь. Исполненіе этого замысла выпало на долю Чернобога. Этотъ ложный богъ, блуждая однажды по противоположному берегу и пылая негодованіемъ при взорѣ на христіанскій храмъ, отломилъ отъ скалы огромный кусокъ камня и съ сильнымъ напряженіемъ бросилъ его черезъ рѣку въ церковь; но камень, не долетѣвъ до церкви, ударился нѣсколько ниже ея въ утесъ и глубоко вѣзлся въ него, образовавъ видъ кровли надъ уступомъ. Тогда языческіе боги рѣшили разрушить ненавистный имъ храмъ общими силами: Перунъ, Вѣлосъ, Стрибогъ, Чернобогъ и проч. съ громомъ, молніей, бурей и дождемъ двинулись на церковь и, поколебавъ дружнымъ ударомъ основаніе ея, низринули зданіе съ высоты утеса въ пучину рѣки. Потому то рѣка, — объясняетъ преданіе, — не имѣетъ въ этомъ мѣстѣ дна, а изъ глубины ея, въ часы полночной тишины, слышатся иногда то протяжный колокольный звонъ, то церковное пѣніе стрѣльнаго хора.

Въ одномъ изъ архивовъ мѣстныхъ помѣщиковъ найдено извѣстіе о происхожденіи названія мѣстечка, замѣнившаго столицу Древлянской земли. Мѣстечко это было когда то подарено Ольгердомъ воину Тереху изъ Брявска; новый владѣлецъ мѣстечка съ тѣхъ поръ началъ величаться: Терехъ изъ Коростена, а это въ свою очередь послужило будто бы основаніемъ тому, что Коростень сталъ называться Искоростень, а потомъ, для сокращенія, — Искорость. Слѣдуетъ однако замѣтить, что выраженіе «Искоростень» было извѣстно еще до Ольгерда, что оно находится въ самой начальной кievской лѣтописи, гдѣ говорится: «Ольга же устрѣяся съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ».

(Упомянется на стр. 9.)

29. Мѣсто, гдѣ, по преданію, погребенъ князь Олегъ Святославичъ.
(Близъ города Овруча).

(Стр. 11.)

Изображеніе могилы (кургана) воспроизведено съ акварели, святой съ натуры художникомъ Струковымъ для IV-го выпуска «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ.

Въ сѣверовосточной сторонѣ города Овруча, близъ проселочной дороги, возвышается курганъ, окруженный плетнемъ. По мѣстному преданію, здѣсь былъ погребенъ первый удѣльный князь овручскій Олегъ Святославичъ.

Насколько достоверно это преданіе,—не извѣстно; по историческимъ же даннымъ смерть Олега сопровождалась слѣдующими событіями.

Великій князь кievскій Святославъ Игоревичъ, раздѣливъ въ 972 году свое княжество на удѣлы, передалъ Кіевъ старшему своему сыну Ярополку, Овручъ—среднему сыну Олегу и Новгородъ—младшему Владимиру (впослѣдствіи великій князь кievскій, креститель Руси). Несчастный случай послужилъ поводомъ къ раздору между братьями, доселѣ жившими довольно дружно. Олегъ имѣлъ неосторожность убить на охотѣ Люта, единственного сына Свѣнелда, любимаго воеводы князя Ярополка. Лишенный силъ отмстить Олегу лично, старый Свѣнелдъ избралъ для сего орудіемъ князя своего Ярополка, предъ которымъ онъ выставилъ Олега, какъ нарушителя правъ его на Кіевское княженіе. Отсюда возникла междоусобная война, кончившаяся тѣмъ, что Олегъ вынужденъ былъ отступить съ поля брани и затѣмъ обратиться въ бѣгство. Подъ Овручемъ дружина Олега нестройною толпой бросилась къ мосту и каждый воинъ, заботясь о собственной безопасности, спѣшилъ укрыться за городской стѣной. Забытый всѣми, Олегъ, спѣша также перейти мостъ, свалился въ ровъ и погибъ тамъ подъ тѣлами упавшихъ за нимъ воиновъ. Между тѣмъ Ярополкъ слѣдовалъ со своимъ войскомъ по стопамъ брата-непріятеля и ескорѣ, безъ особенныхъ усилий, завладѣлъ городомъ. Когда затѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ Олега и узналъ о судьбѣ погибшаго брата, то онъ залился горькими слезами и, облобызавъ принесенное къ нему тѣло брата, приказалъ погребсти его за городскимъ ровомъ, близъ того мѣста, гдѣ Олегъ упалъ, и насыпать надъ нимъ курганъ.

Сынъ Владимира Ярославъ (Юрій) Мудрый, выкопавъ прахъ дяди своего Олега, перенесъ его въ Кіевъ, совершилъ надъ нимъ безпримѣрный въ исторіи обрядъ крещенія надъ костями и похоронилъ ихъ въ Десятинной церкви рядомъ съ гробницею своего отца.

Курганъ Олеговъ подвергался неоднократнымъ изслѣдованіямъ, вслѣдствіе чего онъ каждый разъ уменьшался. Въ послѣдній разъ раскопки производились въ немъ въ 1845 году, по распоряженію Кіевской археографической комиссіи.

Въ 1848 году чрезъ Овручъ проходили русскія войска. Среди офицеровъ нашлись почитатели древнихъ памятниковъ, которые воздвигнули деревянный крестъ на томъ курганѣ, въ нѣдрахъ котораго, по преданію, было погребено тѣло Олега Святославича.

30. Аскольдова могила (церковь св. Николая въ Кіевѣ).

(Стр. 21.)

Два храбрѣхъ витязя Аскольдъ и Дирь, товарищи Рюрика, пришедшіе съ нимъ въ 862 году въ Новгородъ, вскорѣ затѣмъ отправились съ своею ратью на югъ искать счастья. Завладѣвъ на пути Кіевомъ, они въ 865 году предприняли на 200 ладьяхъ походъ въ Византію, которая впервые тогда увидала русскую дружину. Цареградскій патріархъ Фотій обратился съ молитвами къ Богородицѣ, проси избавленія отъ грозныхъ враговъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ изъ Влахернской церкви ризу Божіей Матери и, привнеся къ жорскому берегу, погрузилъ ее въ воду. Море, спокойное до этого времени, тотчасъ же покрылось волнами, угрожая гибелью русскимъ судамъ. Пораженные чудомъ, Аскольдъ и Дирь приняли крещеніе, при чемъ первый изъ нихъ получилъ имя Николая.

Возвратясь въ Кіевъ, Аскольдъ и Дирь положили начало христіанству на Руси и, по преданію, построили первую церковь св. Іліи.

Вскорѣ князь Олегъ, опекунъ малолѣтнаго сына Рюрикова, Игоря, приплылъ съ дружиною къ Кіеву. Укрывъ въ ладьяхъ своихъ воиновъ, Олегъ выступилъ на берегъ подъ видомъ варяжскаго купца, отправляющагося изъ Новгорода въ Грецію, и требовалъ свиданія съ Аскольдомъ и Диромъ. Князья вышли къ нему на площадку уступа печерской горы. Здѣсь Олегъ, показавъ имъ малолѣтнаго Игоря, сказалъ: «Вы не князья и не знатнаго рода, но я князь и вотъ сынъ Рюрика». По его приказанію Аскольдъ и Дирь тутъ же были убиты. Тѣло Аскольда было погребено на мѣстѣ его кончины, а тѣло Дири было отнесено въ мѣстность за Ирпинскимъ монастыремъ. Позлѣ того Олегъ поднялся на кіевскія высоты, обозрѣлъ мѣстность и изрекъ: «Се буди мати градомъ русскимъ».

Мѣстность Аскольдовой могилы была укрѣплена стѣной, въ которой было устроено нѣсколько воротъ. Съ древнихъ временъ здѣсь существуетъ кладбище. Въ 1809 году на могилѣ Аскольда заложена каменная церковь, существующая и въ настоящее время. Церковь эта сооружена иждивеніемъ воронежскаго купца Самуила Никитича Мещерикова въ память жены его Александры, умершей въ Кіевѣ и погребенной у Аскольдовой могилы, и освящена 20 августа 1810 г.

Могила Аскольда находится подъ церковью, въ подвальномъ помѣщеніи, въ которое ведетъ спускъ съ наружной стороны церкви. Могила обложена камнемъ и представляетъ собою видъ глубокой древности.

Внутри церкви находятся слѣдующія замѣчательныя надписи:

1) «Блаженной памяти государь императоръ Николай Павловичъ, въ 1847 году, сентября 10, благосопозволилъ посѣтить церковь на Аскольдовой могилѣ и на донесеніе инженеровъ произвести сломку церкви, получившей трещину отъ осунувшагося съ одного боку кургана, изволилъ отвѣтить: Ни чуть паденіемъ не грозитъ; не много нужно поправки и церковь должна существовать»

Минувшія съ того времени 40 лѣтъ вполнѣ подтвердили основательность заключенія мудраго императора.

2) «На семь мѣстѣ тайно церковь существовала, устроенная христіанами, отъ Аудрея Первозваннаго апостола просвѣщенными».

Въ 1861 году вокругъ кладбища, окружающаго Аскольдову могилу, построена каменная ограда съ воротами къ Николаевскому спуску, сооруженныи въ древнемъ стилѣ. Вблизи воротъ выстроены небольшой каменный домъ для церковнаго причта. Церковь считается приписною къ Николаевскому монастырю.

2 іюля 1866 года на Аскольдовой могилѣ праздновалось тысячелѣтіе со времени крещенія Аскольда. Съ того времени изъ Николаевского монастыря ежегодно совершается крестный ходъ къ Аскольдовой могилѣ.

31. Памятникъ-часовня въ честь крещенія Руси.

(Стр. 25.)

Послѣ принятія, въ 988 году, въ г. Корсунѣ или Херсонисѣ христіанства, великій князь Владиміръ, возвратясь въ Кіевъ, повелѣлъ прежде всего крестить всѣхъ двѣнадцать сыновей его. Крещеніе это совершилъ первый кіевскій митрополитъ Мпхайль въ источникѣ надъ Днѣпромъ. Источникъ этотъ, съ того времени называемый Крещатиномъ или Святымъ мѣстомъ, струился въ глубокомъ оврагѣ, впадая въ несуществующую теперь рѣку Почайну. Съ самыхъ древнихъ временъ на Святомъ мѣстѣ, у источника, находилась небольшая деревянная часовня, къ которой ежегодно, въ день кончины св. Владиміра, 15 іюля, совершался крестный ходъ отъ Десятинной церкви, Софійскаго собора, Братскаго монастыря и Рождественской церкви. Въ 1802 году, взамятъ деревянной, устроена каменная часовня, съ колонной надъ нею въ 26 аршинъ вышины. Часовня украшена иконами, а посреди ея устроенъ бассейнъ съ вызолоченнымъ крестомъ, изъ котораго струится вода изъ источника. Вершина колонны состоитъ изъ серебрянаго шара съ золотымъ на немъ крестомъ. Этотъ памятникъ былъ освященъ 15 сентября 1802 г. кіевскимъ митрополитомъ Серапіономъ (Александровскимъ). Прежде внизу колонны на деревянныхъ доскахъ находились надписи: «Святому Владиміру, просвѣтителю Россіи» и «Усердіемъ кіевскаго гражданскаго общества, за утверженіе правъ и привилегій императору всероссійскому Александру I». Въ 1862 и 1865 годахъ памятникъ былъ поновляемъ.

Вода въ Крещатицкій источникъ проведена изъ горныхъ рудниковъ и содержитъ въ себѣ значительное количество желѣза и поэтому имѣетъ цѣлебное свойство.

(Упоминается на стр. 16.)

32—34. Церковь Рождества пресвятой Богородицы или Десятинная въ г. Кіевѣ.

(Три рисунка на стр. 28.)

Принявъ въ 988 году въ греческомъ городѣ Корсунѣ или Херсонисѣ христіанскую вѣру, св. равноапостольный князь Владиміръ пожелалъ соорудить въ своемъ стольномъ городѣ Кіевѣ большую и величественную церковь. Съ этою цѣлью, на

третій годъ послѣ своего крещенія, онъ вызвалъ изъ Греціи искусныхъ мастеровъ, которые шесть лѣтъ трудились надъ постройкою перваго каменнаго храма на Руси. Для сооруженія его было избрано мѣсто, освященное кровію христіанскихъ мучениковъ. Въ ста саженьяхъ отъ терема великаго князя находилось жилище варяга-христіанина Феодора. Лѣтъ за шесть до закладки храма кіевляне-язычники рѣшили принести сына Феодорова, юнаго Іоанна въ жертву идоламъ; но Феодоръ воспротивился и открыто исповѣдовалъ Христа; за это язычники умертвили Феодора вмѣстѣ съ сыномъ его Іоанномъ. На мѣстѣ мученической ихъ кончины и положено основаніе церкви Рождества пресв. Богородицы. Св. Владиміръ пожертвовалъ въ церковь иконы, сосуды и другіе священные предметы, которые онъ вывезъ изъ Корсуни вмѣстѣ дани, поставилъ въ церкви мощи свв. Климента и Фива и повѣсилъ колокола, также привезенные изъ греческаго города.

Церковь была украшена внутри со всею роскошью византійскихъ храмовъ. Алтарь ея былъ покрытъ драгоценною мусією по золотому фону, а церковныя стѣны были расписаны фресковою живописью, узорами и арабесками; полъ былъ мозаичный изъ разноцвѣтнаго мрамора и яшмы; внутри церкви была устроена галлерея для крестныхъ ходовъ и хоры. Впослѣдствіи, въ 1240 году, кіевляне избрали эти хоры убѣжищемъ для себя при нашествіи Батыя на Кіевъ, но отъ столпившагоса народа хоры не выдержали и обрушились, задавивъ собою многихъ христіанъ. Съ внѣшней стороны церковь была украшена большими муравленными розетамп, карнизами и греческими надписями, высѣченными рельефомъ на дикомъ камнѣ. Какъ показали раскопки фундамента, церковь имѣла въ длину 24 саж. и въ ширину 16 саж., а толщина стѣнъ доходила до 1½ арш.

Освященіе храма было совершено въ 996 году кіевскимъ митрополитомъ Леонтіемъ. На торжествѣ освященія его, св. Владиміръ, войдя въ храмъ, обратился къ Богу съ слѣдующею молитвою:

«Господи, призри съ небеси и виждь и посѣти виноградъ сей, его же обратилъ еси сердца въ разумъ, познати Тебе, Бога истиннаго; и призри на церковь Твою сію, юже созда недостойный рабъ Твой во имя рождшія Тя Матере приснодѣвы Богородицы: Аще кто помолится въ церкви сей, то услыши молитву его, молитвы ради пречистыя Богородицы». Тутъ же благовѣрный князь далъ обѣтъ: «Се даю церкви сей святѣй Богородицѣ отъ имѣнія моего и отъ градовъ моихъ десятиую часть».

Съ тѣхъ поръ церковь Рождества Богородицы начала называться «Десятинною».

Устроивъ и украсивъ величественный храмъ, св. Владиміръ перенесъ сюда изъ Николаевской церкви, сооруженной княземъ Аскольдомъ, останки своей бабки, св. княгини Ольги († 969 г.), а затѣмъ и тѣло перваго, по преданію, кіевскаго митрополита Михаила. Въ 1011 году князь Владиміръ поставилъ среди церкви гробницу супруги своей Анны, спустя же четыре года послѣ того, почившій строитель храма самъ возлегъ въ немъ. Сынъ Владиміра Ярославъ (Юрій) Мудрый отрылъ въ 1044 году могилы убитыхъ въ язычествѣ дядей своихъ Ярополка и Олега Святославичей, совершилъ надъ ихъ костями безпримѣрный въ исторіи обрядъ крещенія и похоронилъ ихъ рядомъ съ гробницею своего отца. Послѣ того въ Десятинной церкви были

погребены: въ 1078 году Изяславъ I Ярославичъ и въ 1094 году Ростиславъ Мстиславичъ. Это была уже послѣдняя могила въ Десятинной церкви, въ теченіи 83 лѣтъ принимавшей подъ свои своды великокняжескіе гробы. Одно это уже показываетъ, что первый христіанскій храмъ, сооруженный св. Владиміромъ въ Кіевѣ, тотчасъ послѣ принятія имъ крещенія, имѣлъ первенствующее значеніе, хотя тамъ были уже такія святыни, какъ храмъ св. Софіи и Печерскій монастырь. Къ тому же Десятинная церковь располагала большими средствами: кромѣ десятины, ей принадлежало множество селъ и городовъ, а великіе князья жертвовали ему свои драгоценности и оставляли въ немъ свои одежды.

Въ 1039 году Десятинная церковь была возобновлена послѣ пожара и освящена митрополитомъ Феопемитомъ. Въ 1169 году, при взятіи приступомъ Кіева одиннадцатью князьями подъ главенствомъ Андрея Суздальскаго, многіе дома, церкви и монастыри были ограблены, а въ томъ числѣ и Десятинная церковь, изъ которой были похищены иконы, ризы, книги и даже колокола. Такому же опустошенію подверглась церковь и въ 1204 году при взятіи Кіева Рюрикомъ съ Ольговичами. Какъ ни прискорбно было разореніе православныхъ храмовъ русскими же князьями, но эти разоренія блѣднѣютъ сравнительно съ опустошеніями татарскихъ полчищъ. Въ 1240 году Батый подступилъ къ Кіеву. Кіевляне, спасаясь отъ варваровъ, сплотились у Десятиннаго храма. 7 декабря у самыхъ церковныхъ стѣнъ возгорѣлась отчаянная битва, давшая перевѣсъ татарскимъ полчищамъ, которыя разгромили церковь, оставивъ неприкосновеннымъ лишь юго-западный уголъ и части церковныхъ стѣнъ. Судьба этихъ драгоценныхъ развалинъ весьма печальна: около 400 лѣтъ онѣ не только оставались безъ всякаго вниманія, но даже подвергались расхищенію со стороны кіевлянъ, которые разбирали ее по кирпичику на свои постройки, не щадя мраморныхъ колоннъ, шиферныхъ плитъ и другаго цѣннаго матеріала.

Дальнѣйшему уничтоженію остатковъ историческаго храма положили предѣлъ приснопамятный святитель кіевскій, Петръ Могила. Къ его времени развалины составляли юго-западный уголъ и часть западной стѣны (см. 1-й рисунокъ). Къ этимъ остаткамъ митрополитъ Петръ въ 1735 году пристроилъ алтарную стѣну и такимъ образомъ возстановилъ въ маломъ видѣ церковь во имя Рождества пресв. Богородицы (см. 2-й рисунокъ). Эту церковь начали называть церковію «Десятиннаго Николая», по древнему чудотворному образу мирликійскаго святителя, сохранившемуся въ семействѣ одного кіевлянина съ времени разрушенія татарами Десятинной церкви, въ которой прежде находился образъ; въ верхнемъ же деревянномъ этажѣ церкви Петръ Могила устроилъ предѣлъ во имя апостоловъ Петра и Павла. вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Могила обратилъ вниманіе на фундаментъ развалинъ, сдѣлалъ расчистку и обрѣлъ двѣ мраморныя гробницы. Надписи на нихъ показали, что въ одной изъ гробницъ почиваютъ останки св. Владиміра, а въ другой — супруги его Анны. Митрополитъ Петръ передалъ черепъ крестителя русскаго народа сперва въ церковь Спаса Преображенія на Берестовѣ, сооруженную Владиміромъ, а потомъ въ Кіевско-Печерскую лавру, кость же правой руки отдалъ въ Кіевско-Софійскій соборъ, а нижнюю челюсть переслалъ въ Москву.

Устроенная святителемъ Петромъ церковь Десятиннаго Николы, сто лѣтъ спустя была обновлена схимонахиней Флоровскаго монастыря Нектаріею (въ мѣрѣ княг. Наталья Борисовна Долгорукая, рожд. гр. Шереметева, † 3 іюля 1771 г.). Имѣя въ то время малый приходъ и располагая крайне скудными средствами, церковь съ каждымъ годомъ приходила въ ветхость. По порученію и издвигеніемъ митрополита Евгенія (Болховитинова, 1822—1837 г.), были произведены изслѣдованія фундамента, при чемъ были найдены обломки мрамора, шифера, яшмы, камней съ остатками фресковой живописи и мозаики, два колокола, множество костей, кресты, кольца, браслеты, монеты и т. п. Слухъ объ этихъ раскопкахъ дошелъ до гвардіи-поручика Александра Семеновича Анненкова, который еще раньше предполагалъ заняться изслѣдованіемъ развалинъ древняго храма. Прибывъ въ Кіевъ, онъ выразилъ желаніе выстроить на свой счетъ на развалинахъ Десятинной церкви новый храмъ. По его желанію, архитекторомъ Меленскимъ былъ составленъ проектъ, по которому предполагалось включить въ новый храмъ и остатокъ юго-западной стѣны; но послѣ повѣрки проекта архитекторомъ академіи художествъ Ефимовымъ, признано, что оставленіе древней стѣны произведетъ неравномѣрную осадку всего зданія. По этому, при исполненіи новаго проекта, древнія развалины были разобраны до основанія, но фундаментъ южной и западной стѣнъ остался не прикосновеннымъ, и на немъ торжественно было заложенъ, 2 августа 1828 года, новый храмъ, который оконченъ постройкой въ іюлѣ 1842 года, а освященъ 19 іюля (см. 3-й рисунокъ).

Десятинный храмъ въ новомъ видѣ имѣетъ три престола: главный—въ честь Рождества пресв. Богородицы, а боковые во имя св. Николая и св. равноапостольнаго Владиміра. Построенная въ византійскомъ стилѣ, съ пятью главами, церковь составляетъ квадратъ по 40 аршинъ длины и ширины. Церковный полъ составленъ изъ плитъ краснаго шифера, яшмы, гранита и мрамора, найденныхъ при раскопкахъ древнихъ развалинъ, въ главномъ же алтарѣ предъ престоломъ и горнилахъ мѣстомъ уложены мозаическіе остатки древняго пола. Съ южной стороны храма, надъ нижними окнами, вдѣланы въ стѣну куски камней древней церкви, на которыхъ изсѣчена слѣдующая, доселѣ не разгаданная надпись:

НО СΛΟΓΩΜΕΩΣΟ

Надъ мѣстомъ гроба св. князя Владиміра сооруженъ саркофагъ изъ темно-сѣраго мрамора съ бронзовыми и серебряными украшеніями и слѣдующею надписью:

«Святый равноапостольный в. князь Владиміръ былъ равноапостоль церкви, великій монархъ, виновникъ первобытнаго духовнаго и гражданскаго нашего просвѣщенія и родоначальникъ російскихъ государей, а потому память его для Россіянъ священна».

«Здѣсь, подъ сподомъ, въ каменной гробницѣ опочиваютъ мощи св. равноапостольнаго великаго князя всея Россіи Владиміра I Святославича, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія, просвѣтившаго Россіянъ святымъ крещеніемъ».

емъ и введеніемъ праволавныя вѣры въ 988 году по Рождествъ Христовъ и преставившаюся въ 1115 году, а гробъ его открытъ былъ преосвященнымъ митрополитомъ кievскимъ Петромъ Могилою въ 1636 году, и изъ онаго взяты были части мощей св. Владиміра, то-есть главы, хранимая въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры, нижняя челюсть, находящаяся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и часть десной руки, хранимая въ Кіево-Собѣйскомъ соборѣ. По возобновленіи же церкви Десятинной, устрасно сіе надгробіе послѣднимъ родамъ на память, по высочайшему его величества государя императора Николая Павловича, самодержца всероссійскаго, соизволенію и по благословенію же святѣйшаго правительствующаго синода и преосвященнаго Филарета, митрополита кievскаго и галицкаго; тицнѣмъ и иждивеніемъ дворянина, гвардіи поручика Александра Аннѣнкова въ 1840 г. ».

Надгробіе украшено изображеніями почивающаго князя св. Владиміра во весь ростъ, всевидящаго ока въ сѣнпѣ, а подъ нимъ—«988 годъ», зодіака съ знаками тѣхъ мѣсяцевъ, въ которые Владиміръ принялъ крещеніе и скончался, инициала пресвѣтителя Руси, велико-княжескихъ регалій и проч.

Въ соотвѣтствіе саркофагу св. Владиміра, у сѣверной стѣны придѣла св. Николая устроена гробница съ частпцами мощей разныхъ святыхъ.

Въ алтарѣ хранятся царскія врата изъ церкви Десятиннаго Николая, построенной Петромъ Могилою, и многіе изъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что изъ числа иконъ, принесенныхъ св. княземъ Владиміромъ въ Десятинную церковь, икона Божіей Матери была перенесена, послѣ татарскаго разгрома, въ г. Минскъ и была тамъ установленна въ Запковой Рождества пресв. Богородицы церкви, нынѣ не существующей. Въ настоящее время эта древняя икона находится въ Минской соборной церкви и почитается павдрагоценнѣйшею святынею всего Западнаго края Россіи.

Соотвѣтственно историческимъ даннымъ о трехъ храмахъ, на мѣстѣ, обогренномъ мученическою кровію Феодора и Іоанна и освященномъ, 9 вѣковъ тому назадъ, закладкою и благословеніемъ крестителя земли Русской, изготовленъ для настоящаго изданія и рисунокъ, изображающій развалины Десятинной церкви, построенной св. Владиміромъ, церковь Десятиннаго Николая, возведенную на этихъ развалинахъ св. Петромъ Могилою, и наконецъ Десятинную церковь въ настоящемъ ея видѣ. Первые два изображенія воспроизведены съ литографическихъ рисунковъ, приложенныхъ къ «Галлерей кievскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей», 1857 года, а послѣдній—по фотографіи.

(Упоминается на стр. 17.)

35. Обыденная церковь св. Василія въ г. Владиміръ-Волынскомъ.

(Стр. 33.)

Къ числу храмовъ, сооруженіе которыхъ народное преданіе приписываетъ великому князю св. Владиміру, относится и Обыденная церковь св. Василія въ г. Вла-

дямірѣ-Волинскомъ. Названіе *Обыденной* Васильевская церковь получила потому, что она будто-бы была выстроена въ одинъ день. Равноапостольный князь, — по вѣстуетъ преданіе, — на возвратномъ пути изъ похода противъ хорватовъ, остановился во Владимірѣ-Волинскомъ и приказалъ каждому изъ своихъ воиновъ принести по кирпичу и соорудить, въ благодарность Богу, храмъ въ одинъ день. Церковь эта небольшая, но, занимая возвышенное мѣсто, на самомъ краю города, она замѣтно выдѣляется, представляя собою видъ башни. Стѣны ея, сложенныя изъ кирпича на цементѣ, отличаются толщиной. Въ алтарѣ сдѣлаво два круглыхъ окна съ различными переплетами, символически изображающими въ одномъ окнѣ — солнце, а въ другомъ — луну.

Со введеніемъ уніи и этотъ храмъ былъ захваченъ уніатами. Одинъ изъ впаивниковъ уніи, епископъ Ипатій Поцѣй отягаль Обыденную церковь отъ православныхъ и при этомъ кощунственно разорвалъ св. антипистъ и надругался надъ православнымъ священникомъ: вытащивъ его изъ алтаря, Поцѣй избилъ его на церковной папертѣ и насильво остригъ поуніатски.

Послѣ воссоединенія уніатовъ юго-западнаго края съ православною церковью при императрицѣ Екатеринѣ II, Обыденная церковь поступила въ вѣдѣніе православнаго духовенства. По распоряженіи спарціального начальства, къ церкви пристроена колокольня вмѣсто прежней звонницы, при чемъ значительно видоизмѣненъ куполь храма.

Въ сѣверной части храма, при входѣ въ него, въ наружной стѣпѣ, сохранился камень съ древнею славянскою надписью, относящуюся къ XII вѣку (1194 году). Эта надпись показываетъ, что храмъ не сохранился въ первоначальномъ своемъ видѣ и возобновленъ былъ уже послѣ св. Владимира.

Въ 1857 году при Обыденной церкви открыто православное братство имени св. Владимира, которое имѣетъ главною задачею содѣйствіе преуспѣянію и укрѣпленію православія на Волини и поддержаніе многочисленныхъ памятниковъ древняго церковнаго зодчества въ этомъ краѣ.

(Упомянется на стр. 19.)

36—38. Два храма Успенія пресвятой Богородицы въ г. Владимірѣ-Волинскомъ («Старая катедра» и Метиславскій).

(Три рисунка на стр. 37 и 41.)

Обширный нѣкогда городъ Владимірѣ-Волинскій, бывшій столицей Владиміро-Волинскаго княжества, славился въ свое время множествомъ паходившихся въ немъ церквей. Первымъ храмомъ извѣстенъ каменный соборъ во имя Успенія пресвятой Богородицы, сооруженный, по преданію, св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ вскорѣ по принятіи имъ хрстіанства. Храмъ этотъ былъ освященъ первымъ владиміро-волинскимъ епископомъ Стефаномъ и служилъ усыпальницей для владиміро-волинскихъ удѣльныхъ князей. Но отъ этого древнѣйшаго памятника православія на Волини, пришедшаго въ разрушеніе еще до татарскаго вшествія, остались одни раз-

валины: на разстояніи версты отъ города, близъ деревни Федоровцы, сохранились остатки фундамента, изображенныя на стр. 37 и извѣстныя по мѣстному нарѣчію «Старая катедра» (каедрa).

Взамѣнъ этого историческаго храма, удѣльный князь Мстиславъ II Изяславичъ, въ послѣдствіи великій князь кіевскій, соорудилъ во Владимірѣ-Волинскомъ, въ 1160 году, новый великолѣпный храмъ, посвятивъ его также Успенію пресвятой Богородицы. Храмъ этотъ, въ которомъ погребенъ самъ строитель, скончавшійся въ 1170 году, называется понынѣ Мстиславскимъ. Въ теченіи многолѣтняго своего существованія Успенскій соборъ подвергался многократнымъ опустошеніямъ. Сначала онъ былъ разоренъ полчищами Батыя; возобновленный послѣ того усердіемъ удѣльныхъ князей, онъ подвергся въ XV вѣкѣ новому татарскому опустошенію. Въ 1494 году владимірскій епископъ Вассіанъ возстановилъ древнюю святыню, снабдивъ ее иконой Божіей Матери (см. особый рисунокъ); но когда владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй принялъ въ 1596 году унию, Мстиславскій соборъ перешелъ къ униатамъ. Во время пожара 1683 года, опустошившаго весь городъ, храмъ сильно пострадалъ и былъ возобновленъ только въ 1753 году. Униаты воспользовались этимъ случаемъ, чтобы передѣлать византійскую архитектуру храма по своему вкусу. Униатскій епископъ Годабскій сдѣлалъ къ нему пристройки съ хорами и ложами по образцу латинскаго костела, уничтожилъ наружныя углы, видоизмѣнилъ алтарь и проч. Преемникъ Годабскаго задумалъ еще большія передѣлки храма въ латинскомъ вкусѣ, но когда начали съ этою цѣлью прорубать въ одномъ изъ столбовъ храма ходъ къ проповѣднической кзедрѣ, — столбъ рухнулъ, за нимъ рухнули своды, и храмъ пришелъ въ запустѣніе. Это случилось въ 1782 году.

Не смотря однако на опустошенія и униатскія искаженія, въ храмѣ сохранились слѣды фресковой живописи. Цѣнья древній памятникъ православія, мѣстное начальство представило въ Петербургское археологическое общество прозектъ реставраціи Мстиславскаго Успенскаго собора, предполагая возстановить его въ древнѣйшемъ, по возможности, видѣ, съ воспроизведеніемъ фресковой живописи по сохранившимся образцамъ.

На нашемъ рисункѣ, исполненномъ по фотографіямъ съ натуры, Мстиславскій соборъ изображенъ въ двухъ видахъ: съ лицевой западной стороны, наиболѣе сохранившейся византійскій стлпъ, и съ сѣверной стороны, показывающей нѣкоторыя позднѣйшія искаженія и особенности костельной архитектуры.

(Упоминается на стр. 19, 22 и 62.)

39. Церкви Успенія пресв. Богородицы и св. Василія въ селѣ Зимномъ, Владиміро-Волинскаго уѣзда, и остатки терема, по преданію, принадлежавшаго св. Владиміру.

(Стр. 45.)

Во время процвѣтанія нѣкогда обширнаго города Владиміра-Волинскаго, въ числѣ его предмѣстій было предмѣстье Зимно. Нынѣ это уже село, отстоящее отъ города въ пяти-верстномъ разстояніи.

По преданію, св. равноапостольный князь Владиміръ соорудилъ въ Зимномъ церковь во имя Успенія пресв. Богородицы, пожертвовавъ въ церковь икону Богоматери. По нѣкоторымъ признакамъ кладки, полагають однако, что нынѣшній храмъ передѣланъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтій; слѣды же реставраціи показываютъ, что онъ былъ прежде о пяти главахъ. Храмъ окруженъ оградой съ 6-ю башнями, одна изъ которыхъ замѣняетъ собою колокольню и вмѣстѣ съ тѣмъ служить воротами; но эти сооруженія относятся уже къ позднѣйшему времени. Подъ зданіемъ храма, на глубинѣ 10 аршинъ, находятся пещеры, ведущія галлерей въ развѣтляющемся направленіи. Точныхъ свѣдѣній о происхожденіи пещеръ и времени ихъ устройства не сохранилось. На стѣнахъ пещеръ встрѣчаются надписи, но неизвѣстно, начертаны ли они лицами, посѣщавшими подземелье, или они обозначаютъ мѣста погребенія умершихъ. Въ церкви сохранилась плита, надпись которой показываетъ, что подъ нею погребенъ въ 1583 году князь Дмитрій Козека, сподвижникъ извѣстнаго московскаго эмигранта, князя Андрея Мих. Курбскаго.

Съ появленіемъ униі, Зимненскій Успенскій храмъ былъ обращенъ лужскимъ латинскимъ епископомъ Заленскимъ въ униатскую церковь. Въ то же время каштелянъ Чацкій, завладѣвъ селомъ и разграбивъ всѣ церковныя богатства, приказалъ снять съ церкви три купола и оставить только два фронтонныя, дабы уподобить православный храмъ латинскому. Преданіе повѣствуетъ, что когда Чацкій началъ насмѣхаться надъ ограбленнымъ и искаженнымъ имъ же самимъ храмомъ, то его сразу поразила слѣпота, и онъ черезъ три года умеръ слѣпымъ, а наслѣдовавшіе отъ него награбленное церковное имущество наслѣдовали вмѣстѣ съ тѣмъ и небесную кару: каждый изъ наслѣдниковъ Чацкаго передъ смертію терялъ зрѣніе. Въ 1857 году Успенскій храмъ приведенъ въ благоустроенный видъ на суммы, пожертвованныя въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ и императрицею Марією Александровною.

Другая древняя святыня села Зимнаго находится подъ горою, близъ Успенскаго храма. Это—небольшая каменная церковь во имя св. Василия, по преданію, также сооруженная равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Насколько справедливо такое сказаніе неизвѣстно. Близъ Васильевской церкви, на склонѣ горы, находится входъ въ пещеры.

Къ числу описанныхъ древностей села Зимнаго относятся остатки стариннаго зданія, которому народная молва приписываетъ значеніе терема св. Владиміра.

(Упомянуется на стр. 19.)

40. Развалины храма св. Василія Великаго въ городѣ Овручѣ.

(Стр. 49.)

Въ городѣ Овручѣ (въ древности Вручай), бывшемъ нѣкогда столицей одного изъ южно-русскихъ удѣльныхъ княжествъ, а нынѣ скромномъ уѣздномъ городкѣ Волынской губерніи, сохранились остатки одного изъ древнѣйшихъ храмовъ южной Руси.

Св. равноапостольный князь Владиміръ, принявъ христіанство и потомъ объѣз-

жая разные города и области для насажденія истинной вѣры повсюду, посѣтилъ и городъ Овручъ и соорудилъ здѣсь церковь во имя св. Василя Великаго, какъ гласитъ мѣстное предавіе. Храмъ этотъ, какъ можно судить по развалинамъ, былъ построенъ въ византийскомъ стилѣ, съ пятью куполами, и назывался златоверхимъ. Въ XIII столѣтіи церковь св. Василя двукратно была разрушаема татарами, но каждый разъ обновлялась въ прежнемъ видѣ. Во время нападенія, въ XIV вѣкѣ, литовскаго князя Гедимина она подверглась новому разрушенію. Гедиминъ вообще щадилъ православные храмы, но въ этомъ случаѣ онъ отступилъ отъ своего правила въ виду упорства, оказаннаго овручанами при защитѣ своего города. Какъ высоко ни цѣнили мѣстные ревнители православія свою древнюю святыню, они однако были не въ силахъ возстановить храмъ въ прежнемъ его величіи и ограничились только постройкой среди его стѣнъ небольшой деревянной церкви. Вскорѣ эта церковь сгорѣла, но вмѣсто нея овручаве построили на томъ же мѣстѣ другую, также деревянную церковь. Это было уже въ концѣ XVI вѣка, т. е. предъ введеніемъ церковной уніи; когда же унія была объявлена, церковь захватили униаты. Запорожцы, ведя въ то время ожесточенную борьбу съ поляками и униатами, отомстили за это послѣднимъ. Овладевъ городомъ, казаки разрушили деревянную церковь. Вскорѣ послѣ того внутри храма св. Василя была построена третья деревянная церковь, которая просуществовала до 1784 года. Вѣроятно она и долѣе служила бы своему назначенію, но въ то время возникло опасеніе за цѣлость сводовъ и куполовъ древняго каменнаго храма. Опасенія эти однако не оправдались, и храмъ просуществовалъ до 1842 года. Въ этомъ году встрѣтилась надобность произвести раскопки фундамента, и при этихъ работахъ сводъ храма обрушился.

Къ нашему времени отъ древняго историческаго храма сохранились алтарная часть въ видѣ трехъ полукружій и часть сѣверной стѣны съ аркою предъ входомъ въ алтарь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣли остатки древней фресковой живописи, какъ напр. дѣвки Божіей Маріи и святителя Николая, и арабски краснаго цвѣта. Въ штукатуркѣ замѣчается прихвѣсъ волосъ и шерсти. Стѣны сложены изъ тонкаго кирпича, имѣющаго видъ лепешекъ съ перемежающимися рядами камня яркочернаго цвѣта (шифера), своды же были выведены, для легкости или для усиленія резонанса, изъ горшковъ. Вся кладка скрѣплена густыми слоями цемента, сплываюся съ кирпичемъ въ одну массу. Замѣчательно, что храмъ былъ построенъ безъ желѣзныхъ связей.

Рѣдкія изъ развалинъ не создаютъ въ воображеніи окружающаго ихъ населенія разныхъ болѣе или менѣе причудливыхъ легендъ и сказаній. Не избавились этой участи и развалины храма равноапостольнаго Владиміра. Вотъ нѣсколько мѣстныхъ объ немъ сказаній.

1. На нѣзгорныхъ камняхъ замѣтны длинныя и глубокія борозды. Легенда приписываетъ эти слѣды злomu божеству славянской мѣологии, называвшемуся Чернобогомъ, который, желая разрушить сооружаемый храмъ истинному Богу, напрасно тратилъ свои труды въ своей безсильной злобѣ, и послѣ долгихъ усилій ему удалось только оставить на камняхъ слѣды своей злобы.

2. Строителями храма были святые, а потому, — гласитъ преданіе, — и камни въ ихъ рукахъ получали мягкость и легкость на подобіе воска. Вѣруя въ это, православные берутъ изъ развалинъ кирпичи и обкладываютъ ими могилы своихъ покойниковъ, дабы имъ легче было лежать въ могилѣ.

3. Когда сооруженіе церкви приходило къ концу, въ Овручъ прибыло изъ Кіева еще двѣнадцать святыхъ строителей, принесшихъ съ собою для храма красный камень; но убѣдившись, что церковь уже окончена, они оставили камень на поляхъ. Этимъ сказаніемъ преданіе объясняетъ изобиліе красного камня въ окрестности Овруча.

4. Послѣ окончанія постройки храма, но еще до освященія его, нѣкоторые изъ бояръ овручскихъ, не за долго предъ тѣмъ принявшихъ христіанство, обратились къ священнику съ просьбою дозволить имъ погукать и посеистать въ церкви, чтобы убѣдиться, насколько она будетъ голосна. Священникъ нашель эту просьбу неумѣстной и неприличной; но пожертвованіе бояръ, общавшихъ за себя и за своихъ потомковъ платить вѣчно особую подать въ пользу церкви, смягчало строгаго іерея. Получивъ разрѣшеніе священника, бояре отправились въ церковь и, вдоволь нагукавшись и насвиставшись, начали исправно платить подать, которую потомки ихъ вносили до послѣднихъ временъ подъ названіемъ «г у к о в щ и н ы» и «с в и с т о в щ и н ы».

Это послѣднее преданіе имѣетъ еще другой вариантъ. Когда св. Владиміръ открывалъ выстроенный имъ храмъ, то для большей торжественности созвалъ ко дню освященія его все мѣстное населеніе, не вполнѣ еще просвѣщенныхъ древлянъ, которые, съ изумленіемъ взирая на храмъ и богослуженіе, по окончаніи службы, просили разрѣшить имъ войти еще разъ въ церковь и погукать въ ней, за что обѣщали приносить ежегодно для церкви по полбоченку лѣснаго меду изъ своихъ пашекъ. Впослѣдствіи эта повинность была замѣнена денежною.

(Упоминается на стр. 19.)

41 и 42. Развалины Крестовоздвиженской церкви въ г. Луцкѣ.

(Два рисунка на стр. 54 и 57.)

Въ историческихъ судьбахъ юго-западной Руси огромное значеніе имѣли православныя братства.

Введеніе церковной уніи, какъ извѣстно, сопровождалось жестокимъ гоненіемъ на православіе, вызваннымъ съ одной стороны стойкію православныхъ въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ, а съ другой фанатическою нетерпимостью уніатскаго и латинскаго духовенства. Гоненія на православныхъ сопровождались лишеніемъ священниковъ, не принявшихъ уніи приходовъ, заточеніемъ ихъ въ тюрьму, побоями и даже умерщвленіемъ, стѣсненіями въ исполненіи православными таинствъ, закрытіемъ церкви и передачею ихъ въ аренду жидамъ, которые устанавливали плату за открытіе церкви для богослуженія. Виновицами такого святотатственнаго порабо-

щенія христіанъ евреяъ, такого угнетенія православныхъ, напомнявшаго времена Діоклетіана, были христіане...

Чтобы болѣе сплотиться въ своихъ стремленіяхъ къ удержанію и укрѣпленію православія, дать отпоръ уніатско-латинскому прозелетизму и защищать свои права на польскихъ сеймахъ,—православные начали учреждать братства. Такая община была открыта, въ 1617 году, схимникомъ Герасимомъ Микуличемъ и въ г. Луцкѣ. На правахъ старшихъ братчиковъ, въ члены Луцкаго братства вступили многіе русскіе князья и дворяне; мѣщане же признавались младшими братчиками. Дѣятельность свою Луцкое братство открыло устройствомъ училища, въ которомъ юношество получало воспитаніе въ духѣ православной вѣры и русской народности, а въ числѣ разныхъ наукъ изучало славяно-русскій и греческій языки. Въ началѣ своей дѣятельности Луцкое братство получило отъ польскаго короля Сигизмунда III грамоту отъ 20 февраля 1619 г., которою братству разрѣшено соорудить церковь и построить вмѣсто сгорѣвшей новую богадѣльню. Братство воспользовалось этою привилегіею, выстроивъ на мѣстѣ прежней богадѣльни великолѣпный храмъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго креста Господня, который грамотами патріарховъ іерусалимскаго Теофана въ 1620 году и константинопольскаго Кирилла въ 1623 году былъ возведенъ на степень ставропигіи, вслѣдствіе чего и братство получило названіе ставропигіальнаго. Въ 1624 году при Крестовоздвиженской церкви братство учредило общежительный монастырь, а при немъ больницу для бѣдныхъ. Вскорѣ послѣ того іеромонахъ Павелъ Мотковичъ, вмѣстѣ съ іеродіакономъ Сильвестромъ, открыли при монастырѣ славяно-русскую типографію.

Не долго однако пришлось братству спокойно дѣйствовать на пользу церкви и русскаго народа. Видя въ этомъ русскомъ патріотическомъ учрежденіи преграду для своихъ фанатичныхъ замысловъ, латиняне воздвигли на него гоненія, начали опустошать церковь, разгонять учениковъ, наносить побои и истязанія монахамъ и старцамъ въ богадѣльнѣ. Ничѣмъ не сдерживаемое буйство изувѣровъ доходило до умерщвленія православныхъ. Объ одномъ изъ такихъ безчленствъ латинскихъ фанатиковъ, имѣвшемъ мѣсто въ 1634 году, былъ занесенъ 21 августа протестъ братчиковъ въ луцкія городскія книги.

Велики были сила и стойкость братства въ защитѣ своего существованія и правъ русскаго народа, если оно могло удерживаться почти цѣлое столѣтіе, въ теченіи котораго оно переживало гоненія со стороны фанатиковъ-латинянъ. Но, вѣроятно, борьба сдѣлалась не подъ силу, такъ какъ съ начала XVIII вѣка дѣятельность братства начинаетъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Собранія его начались созываться все рѣже и рѣже; оказывался недостатокъ въ братчикахъ, а въ актахъ южно-русскій языкъ началъ постепенно уступать мѣсто польскому... Яркій нѣкогда свѣточъ православія и русской народности, слабѣя все болѣе и болѣе, померкъ окончательно, не оставивъ въ исторіи и слѣда, по которому можно было бы опредѣлить съ точностію время его угасанія. Когда и при какихъ именно условіяхъ закрыто Луцкое братство—неизвѣстно. На страницахъ исторіи какъ-то сразу выступаетъ необъяснимая метаморфоза: все имущество Луцкаго братства оказалось въ рукахъ ла-

тинскаго духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такой фактъ: въ Луцкѣ ни одной православной церкви, а Крестовоздвиженскій храмъ—въ обладаніи униатскихъ монаховъ-базилианъ.

Такъ было до 1793 года, когда, послѣ присоединенія Волынской области къ Россіи, Крестовоздвиженская церковь была обращена въ православный соборъ. Вскорѣ однако, именно въ 1803 году, храмъ этотъ сторѣлъ и обратился въ развалины. Впослѣдствіи евреи воспользовались недостаткомъ надзора за Луцкимъ историческимъ храмомъ и устроили въ оградныхъ стѣнахъ его лавки, которыя заслонили фронтонъ церкви и окружили древнюю святыню нечистотами. Съ теченіемъ времени оставленные безъ всякаго попеченія развалины храма начали все болѣе и болѣе разрушаться; но, вмѣсто поддержанія и укрѣпленія ихъ, мѣстные власти распорядились разборкою зданія, а для того, чтобы не расходоваться на это, духовенство заключило въ 1864 году съ евреемъ Абрамомъ Сорокою контрактъ о разломкѣ зданія въ теченіи 2 лѣтъ за 514 руб. 20 коп., въ пользу Луцкой соборной церкви. Еврей успѣлъ разобрать боковыя стѣны до фундамента, но отъ дальнѣйшаго уничтоженія братская церковь была сохранена вслѣдствіе распоряженія кievскаго генералъ-губернатора и министерства внутреннихъ дѣлъ. Благодаря такой заботливости правительства, самая важная алтарная часть церкви сохранилась до нашего времени. Въ сохранившейся части ея предполагено затѣмъ построить часовню, на что уже изыскиваются средства.

На нашихъ рисункахъ Крестовоздвиженскій храмъ изображенъ въ двухъ видахъ: съ сѣверной стороны съ несуществующими уже нынѣ боковыми стѣнами, и съ западной части, представляющей собою открытый для зрителя алтарь.

Не лишнимъ будетъ дополнить свѣдѣнія о Крестовоздвиженской церкви слѣдующимъ фактомъ. При митрополитѣ Петрѣ Могилѣ принесена была грекомъ, докторомъ медицины Мозелемъ, остававшаяся въ Греціи лѣвая рука св. великомученицы Варвары (мощи которой покоятся въ Кіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ) и положена въ Луцкую Крестовоздвиженскую церковь. Спустя много лѣтъ, при епископѣ луцкомъ Гедеоу (князь Святополкъ-Четвертинскомъ, впослѣдствіи кievскомъ митрополитѣ), евреи обокрали Луцкую церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ похитили руку св. Варвары, хранившуюся въ серебряномъ ковчегѣ. Святыню эту они конопативно жгли въ печи и раздробляли желѣзными молотами на части, но оставшаяся невредимую отъ огня и только нѣсколько раздробленная, св. рука была торжественно положена въ Луцкой Іоанно-Вогословской церкви, откуда затѣмъ перенесена Гедеономъ въ Кіево-Софійскій соборъ, гдѣ она хранится до сихъ поръ.

(Упомянется на стр. 156, 165, 206, 212 и 284.)

43—45. Почаевская лавра.

(Три рисунка на стр. 67, 77 и 81.)

Въ 20-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Кременца и въ 8-ми верстахъ отъ австрійской границы, при мѣстечкѣ Почаевѣ, на высокой каменной горѣ величественно воз-

вышается святая обитель, известная подъ названіемъ Почаевской лавры и славящаяся среди всего православнаго міра чудотворною иконою Божіей Матери и священной ступою отъ ноги Богородицы.

По вѣстному преданію, Почаевская обитель получила свое начало вскорѣ послѣ крещенія Руси, но по болѣе достовѣрнымъ даннымъ время возникновенія ея относится къ началу XIII вѣка, когда иноки кіево-печерскіе, спасаясь отъ татарскаго меча и плѣна, удалялись въ дремучіе временецкіе лѣса и находили безопасную для себя охрану въ Почаевской горѣ. Отшельники селились здѣсь въ природныхъ каменныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя и въ настоящее время существуютъ, и въ выкопанныхъ ими самими пещерахъ и при нихъ устроили деревянную въ честь Успенія Божіей Матери церковь и за свою подвижническую жизнь, въ 1240 году, удостоились посѣщенія Божіей Матери, которая, явившись въ огненномъ столпѣ, на вершинѣ горы, оставила на камнѣ слѣдъ правой стопы своей, наполненный цѣлебной водою. Богоматерь явилась въ видѣ царицы съ короной на головѣ и скипетромъ въ правой рукѣ. Видѣли это не одни только иноки, но и нѣкоторые изъ мірянъ и, въ числѣ послѣднихъ, пасшій не вдалекѣ стадо овецъ, житель села Почаева, Иванъ Босый. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени стопа чудесно наполняется цѣльбоносной водою, которая въ особо заготовленныхъ стеклянныхъ флакончикахъ раздается многочисленнымъ богомольцамъ и разносится по всѣмъ концамъ Россіи и сосѣдней Галиціи. Цѣльбоносный источникъ этотъ въ настоящее время находится въ соборной лаврской церкви, у первой, съ правой стороны отъ входа, колонны. Надъ нимъ устроенъ великолѣпный бронзовый черезъ огонь золоченный кіотъ съ горельефнымъ образомъ явленія Божіей Матери на скалѣ Почаевской въ 1240 году.

Другою святынею Почаевской лавры служитъ чудотворная икона Божіей Матери, привезенная въ 1559 году цареградскимъ митрополитомъ Неофитомъ и подаренная имъ владѣльцѣ села Орля (нынѣ Урля), Аннѣ Гойской, рожденной Козинской, а ею въ 1597 году пожертвованная Почаевской обители. Съ пожертвованіемъ иконы, Гойская надѣлила обитель землями и жертвовала деньгами для постройки общежительнаго монастыря вмѣсто пустынныхъ пещеръ и, кромѣ того, на содержаніе монашествующихъ завѣщала 10-ю часть всякаго хлѣба съ Почаевскаго имѣнія, а для обработки полей и вообще для работъ по монастырю и монастырскому хозяйству дарила шесть ождныхъ крестьянъ съ ихъ семействами.

Въ 1617 году покровительница монастыря Гойская скончалась. Вступившій во владѣніе ея имѣніями племянникъ ея Фярей, принадлежавшій къ лютеранской вѣрѣ, по грубому и буйному характеру своему, въ 1623 году, силою ворвался въ монастырь, ограбилъ его и похитилъ св. икону Богоматери, которую держалъ въ своемъ имѣніи, мѣстечкѣ Козинѣ, въ теченіи почти 20 лѣтъ, въ полномъ небреженіи. Въ то время въ Почаевской обители настоятельствомъ ювъ, въ мірѣ Іоаннъ Желѣзо. Это былъ замѣчательный подвижникъ. Происходя изъ Галиціи, онъ въ молодости возлюбилъ пустынножительство и получилъ постригъ въ Угорницкомъ монастырѣ. Разказы о его подвигахъ и прижрной жизни дошли до князя К. К. Острожскаго, и этотъ поборникъ православія уговорилъ Іова принять настоятельство въ Крестово-

здвигенской обители, что на островѣ близъ г. Дубна. Послѣ 20-тилѣтняго управленія этимъ монастыремъ, Іовъ тайно скрылся въ Почаевъ, но вмѣсто тишины и уединенія, которыхъ онъ искалъ, подвижникъ встрѣченъ былъ избраніемъ его почаевскою братією въ настоятели. Іовъ не возражалъ противъ сего, но остался вѣренъ своему призванію: постъ, молитва, тайные подвиги и жизнь въ каменной пещерѣ, въ которой часто по цѣлымъ недѣлямъ уединялся изъ своей келліи, сопровождали его настоятельство. Вотъ этотъ то подвижникъ и выступилъ на борьбу съ Фирлеемъ и послѣ долгихъ споровъ, тяжбъ и проч. настоялъ на возвращеніи иконы Божіей Матери въ обитель. Этому способствовало впрочемъ еще слѣдующее. Жена Фирлея, нарядившись однажды въ церковныя, въ 1623 году забранна въ монастырѣ ризы, начала кощунственно надругаться надъ св. иконой и православіемъ и тотчасъ же подверглась страшнымъ до бѣшенства припадкамъ. Видя въ этомъ наказаніе Божіе, Фирлеи уступили настоятельнымъ требованіямъ Іова и въ 1644 года возвратили монастырю икону, послѣ чего больная выздоровѣла.

Возвративъ обители ея святыню, подвижникъ Іовъ, въ схимѣ Іоаннъ, свято почилъ 28 октября 1561 г., предсказавъ за недѣлю день своей кончины.

Еще при жизни этого праведника явились новые благотворители Почаевской обители. Это были православные дворяне Ѳеодоръ и Ева Домашевскіе. Въ 1649 году они выстроили большую каменную церковь во имя пресвятой Троицы и оказывали всякую помощь обители.

Во время збаражской войны 1675 года, татары, разрушивъ многіе южно-русскіе города и села, напали 20 іюля на Почаевъ и въ продолженіи 3 дней дѣлали приступы къ монастырю; но мирная обитель, лишенная какого либо оружія, осталась неприкосновенною.

Съ возникновеніемъ церковной уніи, многіе изъ русскихъ монастырей отпали отъ православія. Долго держалась Почаевская обитель святой вѣры восточной, но подъ напоромъ насилія и іезуитскихъ козней не устояла и около 1721 года перешла къ уніатамъ, бывъ обращена въ монастырь базиліанскаго ордена. Какъ извѣстно, унія пользовалась покровительствомъ польскаго правительства. Не была имъ забыта и Почаевская обитель. Такъ, въ 1770 году польскій король Августъ II грамотою подтвердилъ и укрѣпилъ всѣ права и имущества монастыря и пожертвовалъ ему 10.000 червонцевъ.

Во второй половинѣ XVШ вѣка Почаевскій монастырь пріобрѣлъ новаго благотворителя въ лицѣ польскаго графа Николая Потоцкаго, старосты каневского. По этому поводу существуетъ слѣдующее преданіе. Богатый и своевольный графъ Потоцкій велъ разгульную жизнь и буйство свое доводилъ до того, что для развлечения стрѣлялъ въ своихъ крестьянъ и евреевъ, убивая ихъ какъ животныхъ. Однажды онъ проѣзжалъ близъ Почаевской обители; но вдругъ лошади испугались, опрокинули экипажъ и умчались. Жестокосердый графъ, въ порывѣ гнѣва, выхватилъ пистолетъ и, направивъ его въ кучера, крикнулъ: «умри злодѣй!» Испуганный возница, подъ страхомъ смерти, съ вѣрою воскликнулъ: «Матерь Божія Почаевская, спаси меня!» Курокъ спустился, но выстрѣла не произошло. Три раза

разсерженный графъ стрѣлялъ въ кучера, и каждый разъ пистолець, не смотря на свою исправность, давалъ осѣчку. Поразило это графа; опустивъ оружіе, онъ началъ разспрашивать кучера и узналъ отъ него о существованіи святой иконы въ близъ лежащей обители. Отправившись тотчасъ же въ Почаевъ, гр. Потоцкій палъ предъ иконой Божіей Матери, покаялся въ своихъ грѣхахъ и далъ обѣтъ посвятить обители остатки своихъ дней и все свое имущество. На это пожертвованіе, доходившее до 2 милліоновъ золотыхъ, въ 1771 году, былъ заложенъ новый, обширный храмъ, на мѣстѣ прежняго, посвященный Успенію пресвятой Богородицы и существующій до настоящаго времени, возведены монастырскія зданія и сдѣланы другія улучшения.

Храмъ этотъ, имѣющій фору креста и простирающійся въ длину 24 саж. и въ ширину 14 саж., во внутреннемъ своемъ устройствѣ, какъ и во внѣшнемъ, носилъ всѣ признаки отступленія отъ православныхъ церквей. Въ немъ, по примѣру латинскихъ костеловъ, на горнемъ мѣстѣ, въ ширину всей стѣны храма и вышину почти до самыхъ сводовъ, былъ устроенъ особый величественный, изъ дубоваго дерева рѣзной работы, по мѣстамъ золоченый, кіотъ, и въ немъ выше середины помѣщена была чудотворная икона.

Во время польскаго возстанія почаевскіе монахи-базиліане выказали преступное въ немъ участіе: надѣляли мятежниковъ деньгами, печатали въ своей типографіи прокламаціи, торжественно встрѣчали повстанцевъ, благословляли ихъ, отпускали съ ними своихъ вооруженныхъ людей и т. п. Эта противогосударственная агитація не могла остаться безнаказанной: по повелѣнію государя императора Николая Павловича, Почаевская обитель передана, 10 октября 1831 года, въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

Съ переходомъ Почаевской обители въ вѣдѣніе православнаго духовенства, она возведена на степень лавры, и въ числѣ нынѣ существующихъ лавръ занимаетъ четвертое мѣсто. Священно-архимандритомъ ея считается волынской православный архіерей, а для ближайшаго управленія лаврою назначается отъ св. синода намѣстникъ въ санѣ архимандрита.

Близъ пещеры Іова, въ подземельѣ, находится церковь во имя сего преподобнаго. Тутъ же открыты почивають мощи угодника въ серебряной рацѣ, устроенографиней Орловой-Чесменской. При спускѣ въ эту церковь глазамъ зрителя представляется картина, изображающая отступленіе турокъ, сдѣлавшихъ нападеніе на обитель во время збаражской войны. Мощи преподобнаго были открыты кievскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ. Этому событію предшествовали чудотворенія: исхождение свѣта отъ могилы преподобнаго и неоднократныя явленія его митрополиту. Во время уніи мощи оставались въ пещерѣ безъ должнаго чествованія. По восстановленіи же въ Почаевѣ православія, въ день памяти Іова—28 августа 1833 года, мощи его преосвященнымъ Кирилломъ, архіепискомъ подольскимъ, и Иннокентіемъ, архіепискомъ волынскимъ, были торжественно сбесены кругомъ храма и установлены близъ пещерной церкви, при пещерѣ, въ которой преподобный при жизни по цѣлымъ недѣлямъ подвизался въ постѣ и молитвѣ.

Съ незапамятныхъ временъ Почаевская лавра и три ея святыни—цѣлбная стопа, чудотворная икона Божіей Матери и нетлѣнные мощи преподобнаго Іова служатъ мѣстомъ паломничества для вѣрующихъ и иудодѣйственнаго проявленія славы Божіей. Съиздавна сюда стекаются усердные паломники; но особенный наплывъ православныхъ сталъ замѣчаться со времени уничтоженія уни на Волыни, когда Почаевская священная гора сдѣлалась оплотомъ православія на югѣ Россіи.

(Упомянется на стр. 22, 23, 64, 136, 138, 166, 187, 192, 198, 206, 212, 254, 273, 276, 281, 286.)

46. Гробница Ярослава I (Юрія) Владиміровича.

(Стр. 85.)

Кіево-Софійскій соборъ служилъ некогда усыпальницей для великихъ князей, митрополитовъ и епископовъ. Изъ числа первыхъ здѣсь были погребены Изяславъ Ярославичъ (1078 г.), Всеволодъ Ярославичъ (1093 г.), Ростиславъ Всеволодовичъ (1094 г.), Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ (1125 г.) и Вячеславъ Владиміровичъ (1155 г.). Но въ числѣ княжескихъ гробницъ на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена усыпальница Ярослава I (Юрія) Владиміровича, какъ одного изъ мощныхъ великихъ князей кіевскихъ и какъ строителя Кіево-Софійскаго храма.

Гробница Ярослава I находится въ алтарѣ Владимірскаго придѣла, у правой его стѣны, отдѣляющей Трехсвятительскій (въ древности Георгіевскій) придѣлъ. Гробница сдѣлана изъ сѣраго мрамора и со всѣхъ сторовъ покрыта, въ четырёхугольныхъ обрамленіяхъ, рельефными изображеніями крестовъ, лавровъ, птицъ, рыбъ и т. п. На гробницѣ высѣчены греческія надписи: Ф. Х. Ф. П., то есть свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ, и IX. XC. NIKA, т. е. I. X. побѣждаетъ. Прежде гробница была одною третью своей ширины вдѣлана въ стѣну, но при послѣдней реставраціи собора изъ стѣны были вынуты кирпичи, и всѣ стороны гробницы нынѣ обнажены. Надъ гробницей находится два древнихъ фресковыхъ изображенія—Пантелеймона и Гервасія.

Великій князь Ярославъ I, прозванный «Мудрымъ», сынъ св. Владиміра и Рогвѣды, родился въ 978 году. Будучи новгородскимъ удѣльнымъ княземъ, онъ въ 1014 году отказался платить дань своему отцу, великому князю кіевскому. Это ослушаніе угрожало войною между отцомъ и сыномъ; но Владиміръ скоро скончался, и Ярославу пришлось вести междоусобную войну съ Святополкомъ. У Любеча послѣдній потерпѣлъ пораженіе, и Ярославъ вступилъ (въ 1016 г.) въ Кіевъ. Годъ спустя, Святополкъ, войдя въ союзъ со своимъ тестемъ, польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ, занялъ Кіевъ. Тогда Ярославъ возвратился въ Новгородъ и, собравъ здѣсь войско, двинулся въ походъ и разбилъ Святополка на берегахъ р. Альты. Занявъ снова кіевскій престолъ, Ярославъ началъ воевать съ братомъ своимъ Мстиславомъ Храбрымъ; но братья вскорѣ прекратили междоусобицу и произвели раздѣлъ государства, положивъ границею рѣку Днѣпръ. Ярославъ взялъ себѣ западную часть, покорилъ Чудь и основалъ городъ Юрьевъ, впоследствии переименован-

ный въ Дерить, къ сожалѣнію сохраняющій доселѣ это нерусское названіе. Въ 1031 году Ярославъ, вмѣстѣ съ Мстиславомъ, вели войну съ Польшею и покорили нѣсколько городовъ. Послѣ кончины своего брата, Ярославъ сдѣлался въ 1036 г. великимъ княземъ всей Руси. Вскорѣ онъ разбилъ хищныхъ печенѣговъ, которые долго послѣ того не могли оправиться. Въ Кіевѣ, который въ 1017 году былъ сильно истребленъ пожаромъ, Ярославъ заложилъ новый великій градъ на югъ отъ прежняго города и обвелъ его землянымъ валомъ съ крѣпостными воротами, главныя изъ которыхъ, называемыя З л а т ы м и в р а т а м и, сохранили свои остатки до нашего времени. Внутри новаго города Ярославъ соорудилъ храмъ во имя св. Софіи премудрости Божіей и при немъ учредилъ митрополию, поставивъ въ 1050 г. въ митрополиты іерея Иларіона, безъ участія цареградскаго патріарха. Въ новомъ своемъ городѣ онъ построилъ княжій дворъ, называвшійся Я р о с л а в о в ы м ъ д в о р о м ъ. Кромѣ того, онъ создалъ церкви и монастыри во имя Георгія и Ирины.

Ярославъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля Эрика, Ингегердъ и имѣлъ восемь сыновей и три дочери. Скончался онъ въ февралѣ 1054 г., раздѣливъ Русь на удѣлы между своими сыновьями.

Ярославъ составилъ гражданскій уставъ подъ названіемъ «Р у с с к а я п р а в д а», который служить однимъ изъ основныхъ памятниковъ русскаго гражданскаго законодательства. Мудрый князь оказывалъ покровительство народному просвѣщенію, открывалъ школы, заказывалъ списывать книги и самъ дѣлалъ переводы съ греческаго языка.

47 и 48. Замки князя Любарта (Дмитрія) Гедиминовича въ Луцкѣ.

(Два рисунка на стр. 93 и 99.)

Древнѣйшій изъ городовъ Волынскаго края Луцкъ (прежде Лутическъ или Лутческъ) до 1097 года составлялъ нераздѣльную часть Владиміро-Волынскаго княжества, но съ этого года онъ неоднократно то выдѣляется въ самостоятельный княжескій удѣлъ, то вновь присоединяется къ Владимірскому княжеству, принадлежа въ теченіи 357 лѣтъ князьямъ изъ рода св. Владиміра. Послѣ смерти князя Юрія Львовича († 1337 г.), прекратившей на юго-западной Россіи потомство равноапостольнаго князя въ мужскомъ колѣнѣ, владиміро-луцкій княжескій престолъ достался литовскому князю Любарту (Дмитрію) Гедиминовичу, женатому на дочери Юрія Львовича. Этотъ князь оставилъ послѣ себя память, какъ доблестный защитникъ православной вѣры и радѣтель народныхъ правъ. Уже въ то время латвиская церковь покушалась совратить православныхъ, но Любартъ прекратилъ въ своихъ владѣніяхъ эти поползновенія и положилъ всѣ свои труды и заботы на улучшение православныхъ церквей. Ему принадлежитъ постройка въ г. Луцкѣ церкви св. Дмитрія и основаніе города Любара.

Какъ бы къ вящему сохраненію памяти о сорокапятилѣтнемъ княженіи доблестнаго князя, до нашего времени сохранились остатки величественнаго замка его.

Система расположенія замка, форма башенъ и весь архитектурный стиль несо-

мѣнно показываютъ, что это сооруженіе относится къ концу XIV вѣка, т. е. ко времени княженія Любарта Гедиминовича. Хотя преданіе относитъ постройку замка къ болѣе отдаленной эпохѣ, но противъ этого выставляютъ то соображеніе, что если бы замокъ былъ воздвигнутъ въ древнѣйшую эпоху удѣльныхъ княжествъ, то при существованіи междоусобицъ и татарскихъ нападений того времени отъ замка не осталось бы основанія, потому что городу Луцку приходилось выносить на себѣ такіа пораженія, которыхъ избежались остальные пункты южной Руси; между тѣмъ луцкій замокъ сохранился безъ существенныхъ поврежденій. Вѣроятнымъ представляется, что, по стратегическому положенію Луцка въ краѣ, здѣсь существовало раньше еще сооруженія замка Любарта укрѣпленіе, которое, по мѣрѣ его разрушенія, возобновлялось. На этомъ же мѣстѣ, по преданію, происходила борьба князя Андрея Боголюбскаго (1175 г.) съ венгерцами, памяти о которой мѣстные жители приписываютъ и постановку сохранившагося по настоящее время каменнаго столба на берегу р. Стыри, сооруженнаго будто бы въ томъ самомъ мѣстѣ, куда конь Боголюбскаго вынесъ своего всадника.

Замокъ Любарта стоитъ на возвышенномъ пунктѣ восточной части города. Три башни готическаго стиля даютъ украшеніе древнему укрѣпленію, прежде называвшемуся *Высшимъ Замкомъ*. Съ южной стороны онъ окопанъ глубокимъ рвомъ, въ который выпускалась вода изъ рѣки, а съ прочихъ сторонъ онъ граничитъ болотомъ и рукавомъ, протекающимъ изъ р. Стыри въ р. Глушець и называемымъ Малый Глушець. Въ замкѣ нѣкогда былъ православный храмъ во имя св. Іоанна Богослова, отъ котораго уцѣлѣли лишь фундаментъ и склепы; здѣсь же былъ и владычній дворъ, принадлежащій епископу луцкому и острожскому. Въ этой церкви были погребены Любартъ Гедиминовичъ († 1383 г.) и одинъ изъ преемниковъ его княженія, ревнитель православія, князь Свидригайо (Левъ) Ольтердовичъ († 1452 г.).

Часть Высшаго Замка, извѣстная подъ названіемъ *Малый Замокъ*, теперь занята еврейскою синагогою.

49—53. Развалины Богоявленской церкви, остатки Острожскаго замка и древнія башни на Красной и Судовой горахъ, въ городѣ Острогѣ.

(Пять рисунковъ на стр. 104, 105 и 109.)

Городъ Острогъ, расположенный при впаденіи р. Валій въ р. Горынь, получаетъ въ исторіи извѣстность со времени образованія, послѣ блаженной кончины равноапостольнаго князя Владимира, удѣльныхъ княжествъ, когда этотъ городъ поступилъ къ князю Давиду Игоревичу. Образовавъ изъ себя въ концѣ XIII вѣка особый удѣлъ, Острогъ перешелъ во владѣніе князей туровскихъ и пинскихъ. Одинъ изъ нихъ, кн. Даніилъ Васильевичъ Острожскій соорудилъ въ Острогѣ каменныя укрѣпленія, а внукъ его Василій Красный (1453 г.), сынъ Θεодора (въ схимѣ Θεодосія, причтеннаго къ лику святыхъ), усилилъ эти укрѣпленія устройствомъ башенъ, воздвигъ при замкѣ величественный храмъ Богоявленія, построилъ въ городѣ церковь св. Василія и основалъ Дерманскій монастырь. Послѣ того городскія укрѣп-

ленія были еще разъ расширены внукомъ Василія Краснаго, литовскимъ гетманомъ, княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ († 1608 г.), который окружилъ замковую гору каменной стѣной и устроилъ нѣсколько башенъ. Недостатокъ мѣста вынудилъ его часть крѣпостной стѣны примкнуть къ самому храму.

По случаю такихъ передѣлокъ, Богоявленская церковь измѣнилась во внутреннемъ и вѣншемъ своемъ видѣ и, утративъ свой прежній, строго византійскій стиль, получила весьма своеобразную форму. При этомъ въ стѣврной церковной стѣнѣ были устроены фальконеты и амбразуры для орудій, а надъ амбразурами въ стѣну были вставлены четыре каменные плиты съ выбитыми славянскими и латинскими надписями. Такимъ образомъ храмъ вполне сдѣлался составною частью крѣпости. При знаменитомъ ревнителѣ православія, князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, Богоявленская церковь отличалась особымъ благолѣпиемъ, но послѣ его кончины, внучка его Анна Александровна, совратившаяся въ латинство подъ именемъ Алоизы, отняла Богоявленскую церковь отъ православныхъ. По народному преданію, поводомъ къ закрытію этого храма послужило слѣдующее событіе. Въ свѣтлый день пасхи прихожане во множествѣ собрались къ храму и, за недостаткомъ въ немъ мѣста, расположились съ куличами и яйцами на площади и на подъемномъ мосту, перекинутомъ черезъ ровъ, отдѣляющій замокъ отъ города. Въ это время изъ замка выѣхала въ каретѣ кн. Анна-Алоиза, направлявшаяся также на богослуженіе въ іезуитскій костелъ. Увидѣвъ густую толпу народа, княгиня приказала разгонять его бичами и двинулась прямо на приготовленные народомъ къ освященію куличи и яйца. Народъ и безъ того негодовалъ на княгиню Анну за отступничество отъ православной вѣры; но тутъ чаша терпѣнія переполнилась, и оскорбленные поруганіемъ пасхальныхъ принадлежностей и побоями, прихожане начали бросать въ карету яйца, однимъ изъ которыхъ былъ выбитъ у княгини глазъ. Анна-Алоиза не простила нанесеннаго ей оскорбленія и вызвала въ Острогъ королевскій трибуналъ, который приговорилъ многихъ мѣщанъ къ казни; Анна-Алоиза пощадилъ, впрочемъ, осужденныхъ и ограничилась изгнаніемъ православнаго духовенства изъ своихъ владѣній и прекращеніемъ богослуженія въ православныхъ церквяхъ. Народное сказаніе добавляетъ, что іезуиты, опасаясь передачи Богоявленской церкви какому-либо католическому монашескому ордену въ ущербъ имъ самимъ, предали анаемѣ какъ церковь, такъ и того, кто бы пожелалъ возстановить въ ней богослуженіе. Насколько это послѣднее преданіе вѣрно, неизвѣстно; фактъ тотъ, что Богоявленскій храмъ до сихъ поръ остается въ заустѣни, обратившись въ развалины, о сохраненіи и обезпеченіи которыхъ отъ вліянія времени приняты уже мѣры.

До послѣдняго времени существованія Речи-Посполитой изъ доходовъ отъ Острожскихъ имѣній содержался полкъ, называвшійся полкомъ Ординаціи Острожской. Около 1770 года владѣльцемъ собственно города Острога является Антоуъ-Варнава Яблоновскій. Въ 1875 году г. Острогъ, послѣ пребыванія своего въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ во владѣніи иновѣрцевъ, возвратился во владѣніе православныхъ помѣщиковъ.

На нашихъ рисункахъ изображены величественные и въ своихъ развалинахъ

остатки Богоявленскаго храма (стр. 109), замокъ Острожскихъ съ двухъ сторонъ, приспособленный къ помѣщенію въ немъ правительственныхъ учрежденій (стр. 140 и 105) и массивныя, красивыя башни на Красной горѣ (стр. 104) и на Судовой горѣ (стр. 105).

Добавимъ къ этому: отщепенство княгини Анны-Алоизы отъ прародительской вѣры, покровительство ея іезуитамъ и вообще латинской церкви, поруганіе и искорененіе православія не остались безъ возмездія. Защитникъ русской вѣры и народности Богданъ Хмельницкій, напавъ въ 1648 году на Острогъ, разрушилъ и сжегъ іезуитскія зданія, при чемъ основательница и строительница ихъ Анна-Алоиза вынуждена была бѣжать въ Галицію. Впослѣдствіи она возвратилась въ Острогъ, гдѣ и скончалась въ 1654 году.

(Упоминаются на стр. 62 и 162.)

54. Межиричскій Свято-Троицкій монастырь, Острожскаго уѣзда.

(Стр. 113.)

Въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Острога находится поселеніе Межиричъ, имѣющее характеръ предмѣстья Острога. Поселеніе получило свое названіе отъ мѣстоположенія своего между рѣками Виліей и Збытенкой, при сліяніи ихъ. Время основанія Межирича не извѣстно; но уже въ 1544 году оно существовало, какъ это видно изъ данной въ этомъ году королемъ польскимъ Сигизмундомъ I привиллегіи. Въ древности Межиричъ имѣлъ значеніе крѣпости, устроенной противъ татарскихъ нападений, отъ которой до настоящаго времени сохранились земляныя укрѣпленія, башни, слѣды давней каменной стѣны и рва; мѣстами находятъ иногда старинныя пули.

Во второй половинѣ XV вѣка князь Ив. Вас. Острожскій построилъ въ Межиричѣ каменную церковь во имя пресв. Троицы. Впослѣдствіи князь Иванъ (Янушъ) Конст. Острожскій, измѣнивъ православной вѣрѣ, передалъ Межиричскую церковь францисканамъ, построилъ при ней жилия помѣщенія и учредилъ католическій монастырь, получившій впослѣдствіи извѣстность подъ названіемъ «Conventus Medegensensis ordinis Franciscani». Въ XVIII вѣкѣ Межиричъ составлялъ частную собственность литовскаго маршала Яна Сангушка, который въ 1753 году передалъ его великому коронному канцлеру Яну Малаховскому. Католическій монастырь въ Межиричахъ закрытъ въ 1866 году и тогда же переданъ православному духовенству, которое устроило здѣсь приходскую церковь.

Въ Межиричской церкви находится древняя икона Божіей Матери, признаваемая мѣстнымъ населеніемъ чудотворною. Икона эта почиталась и католиками, и надъ нею 15 августа 1779 года былъ совершенъ луцкимъ латинскимъ епископомъ-суффраганомъ, Францискомъ Комарницкимъ, обрядъ канонизаціи. Икона эта теперь находится надъ царскими вратами и спускается, для лобызанія богомольцевъ, на шнурахъ.

Въ храмовой праздникъ св. Троицы и въ особенности въ недѣлю всѣхъ святыхъ въ Межиричѣ бываетъ большое стеченіе богомольцевъ.

(Упомянется на стр. 62, 122, 166.)

55. Дерманскій Свято-Троицкій монастырь, Дубенскаго уѣзда.

(Стр. 117.)

Между городами Острогомъ и Дубномъ, при селѣ Дермани, расположенъ Дерманскій Свято-Троицкій монастырь, одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Волынскаго края. Какъ самый монастырь, такъ и окружающая его мѣстность, занимаютъ весьма красивое положеніе. Взымаясь на небольшомъ холму, монастырь прилегаетъ къ горамъ, составляющимъ отроги Карпатскихъ горъ. Холмъ былъ окруженъ каменной стѣной болѣе 3 саж. вышины съ отверстіями для установки огнестрѣльныхъ орудій; большая часть стѣны сохранилась до настоящаго времени. Стѣна была обведена рвомъ, въ который изъ существовавшаго не вдалекѣ пруда, называемаго «мнихъ», спускалась вода, а для входа въ монастырь былъ устроенъ въ сѣверо-восточной сторонѣ подъемный мостъ къ башнѣ, служившей воротами и колокольней. Такимъ образомъ, въ древности монастырь имѣлъ значеніе крѣпости.

Время основанія Дерманской обители съ точностью опредѣлить нельзя, но съ вѣроятностью можно предположить, что монастырь былъ сооруженъ княземъ Василемъ Ѳеодоровичемъ Краснымъ; ограждая свои владѣнія отъ татарскихъ набѣговъ, онъ устроилъ укрѣпленія въ Острогѣ, Дубнѣ и Заславѣ и, несомнѣнно, одновременно съ тѣмъ возвелъ и Дерманскую крѣпостцу. Потому-то вѣроятно сохранившійся въ монастырѣ помянутый, писанный въ первой половинѣ XVII вѣка, начинается съ рода князей Острожскихъ; въ этомъ помянутый противъ имени Василя Краснаго на поляхъ киноварью написано: «который церковь и звонницу муроваль и самъ на закладаню былъ, и всего монастыря Дерманскаго фундаторъ, преставился року отъ сотворенія свѣта 7590 и» (6958 годъ, соответствующій 1453-му).

Первымъ документальнымъ доказательствомъ древняго существованія Дерманскаго монастыря служить хранящаяся въ монастырской библіотекѣ рукописная книга поученій, подаренная въ 1499 году Свято-Троицкой монастырской церкви внукомъ Василя Краснаго, княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, который вообще заботился о благостояніи обители и дѣлалъ разныя вклады. Такъ, въ 1507 году онъ пожертвовалъ рукописное евангеліе въ серебряномъ окладѣ, серебряные вызолоченые потиръ, дискосъ и лициу, крестъ съ мощами и облаченія.

Помѣщикъ Семень Олзаровичъ, вступивъ чрезъ супружество въ родство съ князьями Острожскими и, получивъ въ наслѣдство отъ князя Юрія Васильевича, сына основателя Дерманскаго монастыря, село Бѣлашевъ, предъ своею смертію, завѣщалъ въ 1512 году это село Свято-Троицкой монастырской церкви. До этого пожертвованія во владѣніи монастыря находились села Дермань, Купинъ, Коршевъ и Глинскъ. Последнее было потомъ замѣнено на деревню Мизочика. Это показываетъ, что Дерманскій монастырь располагалъ въ древности большими средствами.

Но средства эти еще болѣе усилились, когда князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, извѣстный защитникъ православной вѣры († 1608 г.), преобразовавъ въ 1602 году, съ благословенія патріарха александрійскаго Мелетія, Дерманскую обитель въ общежительный монастырь, снабдилъ его новымъ пожертвованіями и передалъ въ его распоряженіе свою типографію. вмѣстѣ съ тѣмъ князь Острожскій назначилъ игуменомъ Исаакія Борисковича, протосингела александрійскаго патріарха. Впослѣдствіи и самое значеніе Дерманскаго монастыря возвысилось, такъ какъ къ нему были приписаны монастыри Дубенскій, Преображенскій и Крестовоздвиженскій, а мѣсто настоятелей, которыми были сперва игумены, потомъ архимандриты, начали заступать епископы и архіепископы, именовавшіеся архимандритами дерманскими.

Изъ числа выдающихся настоятелей Дерманскаго монастыря были: архіепископъ полоцкій Мелетій С м о т р и ц в ѣ й (1627 г.), перешедшій изъ православія въ унию; на сохранившемся въ монастырѣ портретѣ онъ изображенъ въ архіерейской мантии съ бородою, держащій въ рукѣ пакетъ изъ Рима съ надписью: «Venerabili Fratри Meletio Archiepiscopo Ierapolitano»; униатскій архимандритъ Іоаннъ Д у б о в и ч ъ (1634 г.), ученый, написавшій изданное въ 1644 году въ Львовѣ, на польскомъ языкѣ, «Священноначаліе церковное»; Кипріанъ Ж о х о в с к і й, сперва униатскій епископъ витебскій и мстиславскій, архимандритъ дерманскій, а съ 1674 г. митрополитъ-архіепископъ полоцкій и витебскій, архимандритъ дерманскій и дубенскій, писатель († 1693 г.); Филиппъ-Фелиціанъ В о л о д к о в и ч ъ, епископъ холмскій, а потомъ владиміро-волинскій и наконецъ митрополитъ († 1778 г.); по его распоряженію архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, за отклоненіе православныхъ отъ униі, былъ схваченъ въ Радомыслѣ и заключенъ въ тюрьму въ Дермани.

Въ концѣ XVII вѣка Дерманскій монастырь отпалъ въ унию, въ которой пребывалъ до XIX столѣтія. Возвращенъ онъ въ православіе по слѣдующему случаю. Съ 1795 года въ г. Острогѣ, въ поіезувтскихъ зданіяхъ, помѣщался православный Преображенскій монастырь. Монастырь этотъ въ 1821 году сгорѣлъ, и указомъ 21 ноября того же года повелѣно штатъ сгорѣвшаго монастыря помѣстить въ Дерманскомъ монастырѣ, а униатскихъ монаховъ распредѣлять по другимъ монастырямъ, при чемъ приказано недвижимое имущество съ крестьянами передать въ казну, съ тѣмъ, чтобы доходы съ имѣній, поступая въ казначейство, передавались въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства на нужды монастыря. Но при сдачѣ монастырскихъ имѣній въ казну оказалось, что половину недвижимости успѣли передать въ частныя руки католикамъ. Такъ, казеннымъ вѣдомствомъ приняты села Дермань, Куининь, Коршевь и Мизочика только въ половинномъ размѣрѣ каждое, другія же ихъ части оказались во владѣніи князей Любомирскихъ, а село Бѣлашевь было выкуплено.

При монастырѣ находится бібліотека, въ которой хранится много книгъ изъ бывшаго Острожскаго монастыря.

Главный храмъ устроенъ во имя пресв. Троицы; другая церковь находится въ училищномъ домѣ. Она освящена въ 1827 году во имя св. Владимира.

(Упоминается на стр. 62—64, 138, 140, 143, 155, 156, 163, 210, 213, 224, 250, 254, 286.)

56. Гротъ съ часовнею св. Николая въ с. Гульчѣ, Острожскаго уѣзда.

(Стр. 120.)

Одно изъ чтимыхъ южно-русскимъ народомъ мѣстъ составляетъ священный гротъ въ с. Гульчѣ, называемый часовнею, а иногда урочищемъ св. Николая.

На пути изъ Гульчи въ г. Острогъ, въ лѣвой сторонѣ, расположена богатая растительностію и живописностію роща, огражденная отъ дороги стѣною изъ дикаго камня; довольно большія ворота открываютъ входъ на площадку. Здѣсь, влѣво домикъ для сторожа, а вправо—покатость, поднимающаяся вверхъ полукружіемъ. Прямо, противъ воротъ, у подошвы возвышенія—желѣзная рѣшетчатая дверь, ограждающая пещеру или гротъ, имѣющей видъ арки, сложенной изъ обтесаннаго камня. Внутри грота на верху въ углубленіи помѣщается икона св. Николая, чтимая не только православными, но и католиками. Мирликійскій чудотворецъ изображенъ съ поднятой вверхъ благословляющею рукою; на иконѣ славянскія надписи: на одной сторонѣ—«Святитель Николай», а на другой—«Отецъ нашъ». Кромѣ этого образа, въ часовнѣ есть нѣсколько другихъ иконъ. Полъ пещеры покрывается кристаллической ключевой водой, которая протекаетъ у подошвы возвышенія сквозь два отверстія, по вѣншности, похожія на устья пещки. Эта вода, вытекающая изъ грота особымъ каналомъ въ бассейнъ, мѣстнымъ населеніемъ также признается священной.

До появленія униі все населеніе Гульчи было исключительно православное. Въ селѣ была церковь, которой принадлежала деревянная часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мы видимъ пещеру. Съ незапамятныхъ временъ въ часовнѣ находился съиздавна чествуемый образъ св. Николая, но по нѣкоторымъ даннымъ предполагаютъ однако, что икона прежде была въ церкви и только въ прошедшемъ столѣтіи перенесена въ часовню. Одинъ изъ бывшихъ владѣльцевъ села Гульчи предполагалъ воздвигнуть возлѣ часовни монастырь и подготавливалъ необходимый для него матеріалъ; но это намѣреніе почему-то не осуществилось. Но вотъ наступаютъ печальныя въ исторіи южно-русскаго народа времена униі; постепенно заражаетъ она и Гульчу, владѣльцемъ которой является также униатъ—помѣщикъ Игнатій Подгородецкій. Онъ устроилъ, вмѣсто деревянной, каменную часовню въ видѣ грота или пещеры, въ которой помѣстилъ икону св. Николая, а впоследствии тутъ же поставилъ деревянную статую католическаго святаго Яна Непомуцена. При этомъ владѣльцѣ начались устраниваться въ роцѣ надъ часовней увеселительныя гулянья. Когда Волинскій край былъ возвращенъ Россіи, Гульчинскій униатскій священникъ, Іоаннъ Сагайдаковскій, послѣ долгаго колебанія, принялъ въ 1795 году православіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ воссоединились съ вѣрою предковъ и прихожане; самъ же помѣщикъ Подгородецкій перешелъ въ латинскую вѣру. При этомъ ему удалось обратить въ латинскій костель униатскую церковь, замѣнивъ которой онъ выстроилъ новую православную церковь. А такъ какъ гротъ св. Николая принадлежалъ униатской церкви, то, съ обращеніемъ ея въ костель, къ послѣднему отошла и священная пещера. И народъ и священники въ то время находились въ зависимости отъ пановъ. Не мудрено, по этому, что никто не возражалъ противъ захвата прозелитомъ

Подгородецкимъ православною святыню. Впрочемъ, послѣ смерти этого помѣщика, доходы изъ кружки при гротѣ начали поступать православному священнику. Но и этотъ слабый признакъ права былъ вскорѣ устраненъ. Въ 1852 году случилась покража денежной кружки, и вотъ, какъ бы въ предупрежденіе святотатства на будущее время, наблюденіе за кружкой и часовней всецѣло ввѣряется ксендзу. Для того, чтобы окончательно закрѣпить часовню за костеломъ, оставалось устранить изъ нея древнюю православную икону. Лучшимъ для сего временемъ представилось польское возстаніе 1863 года, когда разгаръ политическихъ страстей могъ сдѣлать малозамѣтнымъ скрытіе иконы. Расчеты однако не оправдались. Когда икона была перевесена изъ часовни въ сторожку при гротѣ, а на мѣсто ея похитители поставили, по костельному обычаю, зеркало, крестьяне возмутились и разбили зеркало. Опасаясь еще бѣдшаго волненія, похитители постыжились перенести образъ св. Николая обратно въ часовню, но тамъ помѣстили его уже въ другомъ мѣстѣ и притомъ такъ, что благословляющая рука святителя и славянскія надписи были закрыты изображеніемъ чествуемой поляками Ченстоховской Божіей Матери. Тогда крестьяне обратились къ властямъ, по распоряженію которыхъ икону поставили на прежнее мѣсто. Это было 1 сентября 1864 года, а въ слѣдующемъ году волынской архіепископъ, проѣзжая изъ Почаева въ Житомиръ, заѣхалъ въ Гульчу и собравшимся здѣсь полицейскимъ властямъ замѣтилъ неудобство оставленія фигуры Лва Непомуцена въ мѣстѣ, гдѣ совершается чествованіе православной иконы. Полиція распорядилась перенесеніемъ статуи въ костель, и такимъ образомъ совершилось возвращеніе священнаго грота въ руки православныхъ.

При освобожденіи крестьянъ, урочище св. Николая, по выкупнымъ актамъ, признано за крестьянами.

(Упомянется на стр. 62.)

57. Креховскій монастырь Преображенія Господня, близъ г. Львова.

(Стр. 201.)

Въ гористой, чрезвычайно живописной мѣстности, составляющей одинъ изъ отроговъ Карпатъ, надъ притокомъ рѣки Раты, въ Галиціи, существуетъ Креховскій монастырь, находящійся въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города Жолкова и въ 5 вер. отъ села Крехова, отъ котораго монастырь и получилъ свое названіе.

По преданію, подтверждаемому нѣкоторыми письменными документами, Креховскій монастырь основанъ схимникомъ Кіево-Печерской лавры Іоуплемъ, который, пришедъ сюда съ другимъ инокомъ около 1618 года, выкопалъ близъ нынѣшняго монастыря пещеры, существующія до сихъ поръ, но вскорѣ, выстроивъ двѣ деревянныя церкви въ честь Преображенія Господня и во имя св. Николая и написалъ общежительный уставъ, основалъ обитель, которая получила благословеніе константинопольскаго патріарха Кирилла. Послѣ кончины Іоупля, креховскіе иноки обвели монастырь глубокимъ ровомъ и крѣпостными стѣнами съ бойницами. Это было необходимо въ то время, когда агаряне вторгались въ русскія земли, а между родствен-

ными племенами происходили битвы. Въ 1672 году польскій гарнизонъ избралъ Креховскій монастырь мѣстомъ для своего убѣжища и дѣлалъ вылазки противъ козаковъ и ихъ союзниковъ турокъ и татаръ. Но обитель сохранилась невредимой отъ разоренія и вътеченіи цѣлыхъ вѣковъ служила мѣстомъ паломничества не только для русскихъ, но даже для жителей Молдавіи, Греціи и т. п. Въ числѣ богомольцевъ былъ и царственный паломникъ. Въ 1698 году императоръ Петръ Великій, пребывая въ Жолковѣ и Равѣ-Русской, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ польскимъ королемъ Августомъ II, неоднократно посѣщалъ и щедро одаривалъ Креховскую обитель, остававшуюся тогда еще въ православіи, и долгое время послѣ того присылалъ въ монастырь денежные и другія подаванія, какъ то: хлѣбъ, рыбу, икру и проч. Отъ щедротъ царя въ монастырь прибывали цѣлые возы «съ дорошномъ и всякимъ добромъ», которое обезпечивало безбѣдное существованіе иноковъ. Позавидовали враги православія—поляки и уніаты—такому благоденствію православной обители и начали притѣснять ее, такъ что монахи вынуждены были принять унію. Это было въ 1721 году. Къ этому времени, кромѣ Креховскаго монастыря, во всей Галичинѣ не оставалось уже ни одного монастыря, ни одной церкви православной,—всѣ были обращены въ унію. Исключеніе составлялъ еще монастырь на Скитѣ, близъ с. Манявы, Станиславскаго уѣзда, впоследствии упраздненный австрійскимъ правительствомъ.

Послѣ принятія уніи, креховскіе монахи совершенно преобразили древнюю русскую обитель: вмѣсто прежнихъ деревянныхъ церквей восточнаго типа, они возвели большую каменную церковь совершенно по образцу католическаго костела, а внутри устроили латинскій престолъ (алтарь) и поставили иконостасъ съ уніатскими добавленіями; древнюю же утварь и иконы только частію оставили у себя,—остальное роздали въ соседніе приходы. Такимъ образомъ уніаты обратили русскій монастырь въ латинскій кляшторъ.

Въ Креховскомъ монастырѣ сохранилась старинная деревянная таблица съ гравированнымъ изображеніемъ монастыря въ 1699 году (т. е. годъ спустя послѣ посѣщенія ея Петромъ Великимъ), исполненнымъ іеромонахомъ Діонисіемъ Сѣнкевичемъ. Это изображеніе, напечатанное въ трудахъ 1-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ и воспроизведенное въ настоящемъ изданіи, даетъ понятіе о древнихъ постройкахъ, монастырскомъ хозяйствѣ и архитектурѣ деревянныхъ церквей, сохранившейся еще въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи до настоящаго времени.

По бокамъ гравюры о. Діонисій Сѣнкевичъ помѣстилъ объясненія рисунка, прочитанныя и разобранныя Я. О. Головацкимъ, трудомъ котораго мы и пользуемся для описанія нашей гравюры. Вотъ эти объясненія.

Съ лѣвой стороны отъ востока представлена вверху *а*) «Церковь въ лѣсѣ на скалѣ св. апостоль Петра и Павла»; *б*) «Благовѣщеніе пр. Богородицы въ скалѣ» (часовня); ниже *в*) «Крестъ въ лѣсѣ» съ надписью: «Аще кто до Львова пытае, ото въ лѣво дорогу мае»; *г*) «Пещера въ скалѣ», по преданію, принадлежавшая основателю обители, Іоилу; возлѣ пещеры шла лѣсомъ тропинка и лѣстница вверхъ къ оградѣ и церкви св. Петра и

Павла; теперь нѣтъ ни церкви, ни часовни, ни креста, ни лѣстницы. На правой сторонѣ съ запада, вверху, изображена вторая застѣнная церковь съ строеніями, а ниже ея прудъ; нынѣ ни церкви, ни построекъ, ни пруда нѣтъ. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ стоитъ въ срединѣ къ полуночной сторонѣ: \bar{a}) «Церковь соборная Преображенія св. Спаса»; на право отъ нея \bar{b}) «Св. Покрова, въ ней же икона чудотворная пр. Богородицы, о чемъ свидѣтельствуесть книжица: «Новое Небо, чудовъ 29 о церквахъ ея»; влѣво къ углу крѣпости \bar{c}) «Церковь св. Троицы»; немного ниже \bar{d}) «Св. Николая»; на право къ югу: \bar{e}) «Дзвонница и дзигарь» (колокольня и часы); на лѣво въ восточной стѣнѣ крѣпости \bar{z}) «Врама» (ворота); опять въ срединѣ \bar{z}) «Криница и великій дзвонъ (колодезь и большой колоколь) надъ водою»; назади строеній съ западной стороны \bar{y}) «Поварня»; напередѣ ея \bar{a}) «Пекарня»; возлѣ поварни при задней стѣнѣ \bar{r}) «Полата»; у той же стѣны къ югу \bar{l}) «Пивоварня»; напротивъ у восточной стѣны \bar{k}) «Кравечня»; у сѣверной стѣны \bar{g}) «Вольница». Въ крѣпостныхъ стѣнѣ за большими воротами \bar{d}) «Вражка отъ поля»; а возлѣ нея \bar{e}) «Келія фортіанова» (привратника); на ближайшей къ нему башнѣ \bar{z}) «Икона преч. Богородицы на башнѣ»; на западномъ углу \bar{z}) «Икона св. Николая на башнѣ»; напередѣ, возлѣ первой башни \bar{y}) «Поклонница»; отъ востока \bar{a}) «Фольварь»; возлѣ огорода «студня» (колодезь), а выше—водопроводъ съ надписью: «ту руры до монастыря». Наконецъ въ самомъ верху: \bar{k}) «Видѣніе надъ монастыремъ, егда бысть нахождение безбожныхъ агарянь, еже видѣша многіе христіанцы; мерзкіе же агаряне сіе видѣвшезѣло устрашены побѣгоша. Сія обитель донелѣже начать созидатися, скитающу блаженному Іоилю, фундатору сея св. обители, на мѣстѣ, идеже нынѣ обитель; а идеже поклонница предъ монастыремъ, ту быше церковь мала св. Преображенія Господня ту приде молитвы ради къ блаженному нѣкій богодухновенный старецъ Герасимъ, слѣпъ очима, но свѣтомъ небеснымъ просвѣщенъ, пророчествуя, яко имать Господь Богъ воздвигнути обитель велику на мѣстѣ семъ, въ ней же спасатися имуть многіе. По семъ повелѣ себе водити по мѣсту идеже обитель имать быти, показуя на мѣста, идеже нынѣ церкви суѣ созданы, повѣдаше же и ударяя въ землю жезломъ, каковъ храмъ гдѣ имать быти. *Слѣдча* (1699) Іеромонахъ Діонисій изобрази неперемѣнно» (т. е. вѣрно).

(Упоминается на стр. 167.)

58. Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

(Стр. 205.)

Въ продолженіи многолѣтней борьбы южно-русскаго народа съ поляками гетманъ Малороссіи Богданъ Хмельницкій (1647—1657 гг.) убѣдился, что спасеніе его ро-
Волынъ.

дни — въ рукахъ Московскаго государства. Долго онъ раздумывалъ, какъ освободить свой народъ отъ польскаго порабощенія и сначала предполагалъ переселиться въ Москву съ своими казаками, а потомъ задумалъ привести край въ подданство царя. Въ этомъ направленіи его поддерживалъ и прибывшій въ Украину коринескій митрополитъ Іоасафъ, а также и константинопольскій патріархъ, приславшій казакамъ свое благословеніе. Послѣ пораженія своего подъ Берестечкомъ, Богданъ Хмельницкій весной 1652 г. отправилъ въ Москву пословъ съ письмомъ къ царю Алексѣю Михайловичу. «Пожалѣй насъ, государь православный, — писалъ знаменитый малороссійскій гетманъ, — умилосердись надъ православными Божьими церквами и нашею невинною кровью; ничего не исполняютъ поляки, что обѣщали, дѣлаютъ такія жестокости, что вашему царскому величеству и слушать станетъ жалко. Московскій царь вошелъ въ сношеніе съ польскимъ правительствомъ; но Польша отказалась улучшить положеніе южно-русскаго народа, и тогда, 1 октября 1653 г., въ Москвѣ былъ созванъ земскій соборъ для рѣшенія вопроса, какъ отнестись къ просьбѣ Хмельницкаго и возсоединить ли Малороссію съ Русскимъ царствомъ или нѣтъ? Соборъ рѣшилъ принять южно-руссовъ въ подданство московскаго царя и отправить къ нимъ пословъ. Когда послѣдніе прибыли въ Переяславль, Хмельницкій созвалъ 8 января 1654 года раду (совѣтъ) и предложилъ народу, желаетъ ли онъ быть подъ властію Польши и снова терпѣть всякія притѣсненія, или перейти подъ власть бусурмановъ — крымскаго хана или турецкаго султана, — или наконецъ возсоединиться съ православнымъ русскимъ народомъ? При этомъ онъ добавилъ: «мы съ православіемъ великой Руси едино тѣло церкви, ниѣющее главою Ісуса Христа». Народъ единогласно рѣшилъ: хотимъ подъ царя восточнаго, православнаго! и тутъ же подкрѣпили свое рѣшеніе присягою.

Такъ совершилось знаменательное событіе возсоединенія Малороссіи съ Велико-россіей.

Народное творчество опозтизировало это событіе въ нѣснѣ:

Ой, служивъ же я, служивъ пану католику,

А теперь ему служить не стану до віку!

Ой, служивъ же я, служивъ пану бусурману,

А теперь служить стану восточному царю!

А кievскій митрополитъ привѣтствовалъ пословъ царскихъ слѣдующею рѣчью: «Вы приходите къ сѣдалищу перваго благочестиваго русскаго князя, и мы исходимъ къ вамъ на срѣщеніе. Въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ васъ оный благочестивый Владиміръ, привѣтствуетъ васъ святой апостоль Андрей Первозванный, провозвѣстившій на семь мѣстѣ сіяніе великой Божіей славы, привѣтствуютъ начальники общезжитія, преподобные Антоній и Феодосій!»

Для увѣковѣченія такого знаменательнаго въ исторіи русскаго народа факта, какъ возсоединеніе Малороссіи, Россія воздвигаетъ памятникъ виновнику этого событія, знаменитому гетману Богдану Хмельницкому.

Первоначально предполагалось соорудить памятникъ по проекту художника М. О. Микѣшина. Даровитый художникъ, увѣковѣчившій свое имя многими сооруже-

ніями подобнаго рода и, главнымъ образомъ, памятникомъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ, создалъ проэктъ монумента, вполне отвѣчающій историческому событію 8 января 1654 года. Богданъ Хмельницкій поднялся на степножъ конѣ на вершину скалы и, грозно потрясая булавою, повергнулъ подъ собою фигуру іезуита, а ниже, подъ скалой валится уже сраженный шляхтичъ польскій, какъ бы охраняющій голову отъ ноги вскочившаго на верхъ коня; немного ниже жидъ въ мученіяхъ испускаетъ духъ. Съ лицевой стороны, подъ усѣченной скалой, сгруппированы типы пяти главнѣйшихъ племенъ, слившихся отнынѣ воедино: бѣлоруссъ, великоруссъ и три южно-русса, изъ которыхъ выступаетъ на первый планъ кобзарь, готовый уже извлечь изъ струнъ бандуры хвалебную пѣснь виновнику памятнаго событія. На утесѣ скалы слова: «Сгине Польша, сгине, а Русь буде пановати»; внизу на пьедесталѣ на лицевой сторонѣ—«Единая, недѣлимая Россія Богдану Хмельницкому», а слѣва барельефное изображение Переяславльской рады.

Къ крайнему сожалѣнію, превосходный проэктъ М. О. Микѣшина, вполне отвѣчающій историческому значенію какъ самаго событія, такъ и личности Богдана Хмельницкаго, не могъ быть осуществленъ. Онъ замѣненъ другимъ проэктомъ, далеко уступающимъ, по внѣшности и содержанію своему, громадному монументу Микѣшина. Упрощенный памятникъ, представленный на нашемъ рисункѣ, сооружается на Софійской площади, въ Кіевѣ. Онъ представляетъ собою фигуру гетмана верхомъ на степножѣ конѣ, съ булавою въ лѣвой рукѣ, направленной къ сѣверу. Пьедесталомъ служитъ скала, сложенная изъ груды камней. На лицевой сторонѣ, вверху скалы, сдѣлана надпись: «Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго», а съ боку изображено: «Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія». Этотъ скромный монументъ почти уже оконченъ сооруженіемъ и вскорѣ будетъ открытъ.

59 и 60. Преображенскій кафедральный соборъ въ Житомирѣ и церковно-строительное дѣло.

(Стр. 269.)

Въ систему гоненій, воздвигнутыхъ противъ православія польскимъ правительствомъ и латинскимъ духовенствомъ, входило приведеніе православныхъ церквей къ нищитѣ и разоренію. Вводилась и осуществлялась эта система съ настойчивостію и послѣдовательностію, достойными лучшаго примѣненія. Многіе памятники этого рода, разсыянные по русскимъ областямъ, находившимся подъ владычествомъ Польши, сохранились до позднѣйшаго времени, какъ бы въ подкрѣпленіе историческихъ сказаній о претерпѣнномъ и пережитомъ угнетеніи. И едва ли на земномъ шарѣ найдется такая страна, въ которой христіанскіе храмы принижались бы до положенія, худшаго противъ убогаго жилища простаго селянина. На помощь правительству и духовенству бывшей Польши являлись въ этихъ случаяхъ пань-помѣщики. Какъ бы для удовлетворенія собственныхъ религіозныхъ нуждъ, строили они костелы въ своихъ вотчинахъ, поселенныхъ крестьянами православными (или — поздѣе — униатами); строили со всею пышностію и роскошью, неотвѣчавшими потребности десятка-двухъ

католиковъ изъ панской челяди, а церковь православную (или униатскую), надъ которой паны считались «патронами» и «опекунами», умышленно оставляли безъ ремонта и поддержки. Результатъ получался крайне печальный для русской церкви и ея послѣдователей. Въ однихъ селахъ, по недостатку церковной утвари, вслѣдствіе ветхости или полнаго разрушенія храма, совершенно прекращалось богослуженіе, и часть прихожанъ, сманенная въ пышный костель, совращалась въ латинство; въ другихъ—разрушенная церковь замѣнялась простой деревенской хатой, которая, въ свою очередь, съ теченіемъ времени, превращалась въ жалкую развалину съ обнаженными стропилами и подгнившими углами... Не лучше было положеніе церквей и въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ бѣдность крестьянъ сталкивалась съ ненавистію къ русской церкви со стороны арендаторовъ имѣній и польскихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ такими имѣніями.

При посѣщеніи юго-западнаго края послѣ польскаго мятежа 1830—1831 гг., императоръ Николай Павловичъ, пораженный бѣдственнымъ состояніемъ православныхъ церквей какъ въ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ имѣніяхъ, повелѣлъ приступить къ постройкѣ на правительственныя суммы церквей въ селахъ, принадлежавшихъ казнѣ. При этомъ государь выразилъ волю, чтобы помѣщики добровольно приняли на себя поправку или перестройку церквей въ своихъ владѣніяхъ. Но послѣдніе остались вѣсны къ царскому призыву. Пользуясь по праву вотчинника даровымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ, паны-католики отказывали имъ въ удѣленіи собственныхъ средствъ на постройку церквей, дабы не быть причастными упроченію и возвышенію чуждой имъ православной вѣры. Тогда послѣдовало (въ 1851 году) высочайшее повелѣніе, которымъ на министерство внутреннихъ дѣлъ возлагалось: 1) въ селеніяхъ съ православнымъ населеніемъ, гдѣ вовсе нѣтъ церкви, но есть костель, послѣдній обратить въ церковь, если помѣщикъ не согласится выстроить каменную церковь, и 2) въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ костель и церковь, но первый находится въ хорошемъ видѣ, а послѣдняя пришла въ ветхость, помѣщикъ же отказывается отъ починки или постройки церкви, костель также обращать въ церковь. Но и эта высочайшая воля осталась безъ точнаго исполненія. Въмѣсто приведенія ея къ исполненію, полиція начала требовать отъ помѣщиковъ подписокъ о починкѣ или постройкѣ церкви для ихъ крестьянъ. Подписки охотно давались, но равносильныя отказу и содержація въ себѣ глумленіе надъ правительствомъ. Одинъ состоятельный помѣщикъ-полякъ назначилъ на ремонтъ половъ въ церкви восемь лѣтъ; другой въ подпискѣ, данной въ 1853 году, обязался исправить церковь въ теченіи 4 лѣтъ, но съ тѣмъ, что работы будутъ начаты въ 1869 году; наконецъ давались обязательства непременно выстроить церковь, но только деревянную и въ теченіи... 25 лѣтъ, и т. п. Всѣ эти подписки отбирались и представлялись по начальству, а тѣмъ временемъ, пока шла эта сухая и безплодная формалистика, православныя церкви приходили къ большому запустѣнію и разрушенію. Наконецъ, въ 1858 году правительство рѣшилось взять церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ въ свои руки и поставить его въ положеніе, независимое отъ воли частныхъ лицъ. Во время управленія министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ графомъ С. С. Ланскимъ, при этомъ министерствѣ, съ высочайшаго разрѣшенія, былъ образованъ церковно-строительный отдѣлъ, ввѣренный вице-директору департамента иностранныхъ исповѣданій П. Н. Батюшкову, по докладу котораго были приняты, съ утверженія государя, слѣдующія мѣры: а) полное отстраненіе помѣщиковъ отъ участія въ устройствѣ православныхъ церквей; б) командированіе въ юго западныя губерніи, съ согласія военнаго министра, штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба для осмотра церквей и зданій для священно-церковно-служителей; в) назначеніе правительственныхъ суммъ на сооруженіе новыхъ и ремонтъ обветшалыхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; и г) приглашеніе русскаго общества къ добровольнымъ пожертвованіямъ на это дѣло. Осуществленіе сихъ мѣръ дало чрезвычайно благопріятные результаты. Правительствомъ были назначаемы ежегодно суммы на постройку церквей въ девяти западныхъ губерніяхъ. Суммъ этихъ за время 1858—1887 гг. было отпущено 9.860.549 рублей, что дало возможность произвести до 1.700 церковныхъ сооружений. Независимо отъ сего было пожертвовано: деньгами — отъ государыни императрицы Маріи Александровны и августѣйшихъ дѣтей 69.910 руб. и отъ частныхъ лицъ и обществъ — 246.238 руб.; вещами — отъ государя императора Александра Николаевича 25 иконъ въ богатыхъ окладахъ, отъ государыни императрицы и членовъ императорскаго дома разныхъ церковныхъ предметовъ на 40 приходоу; отъ наследника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго императора, въ память почившаго августѣйшаго брата его, 80 серебряныхъ дарохранильницъ; отъ митрополитовъ: московскаго Филарета и петербургскихъ Григорія, а потомъ Исидора, отъ лавръ: Троице-Сергіевой и Александро-Невской, отъ разныхъ монастырей и приходскихъ церквей первопрестольной столицы, наконецъ отъ частныхъ благотворителей Петербурга и Москвы — ризъ и другихъ облачений 6.565, иконъ въ окладахъ 1.396, серебряныхъ чашъ 1.090, дарохранильницъ 524, крестовъ на престольныхъ 1.435 и на перстныхъ 1.000.000, евангелій въ окладахъ 913, сосудовъ водосвятныхъ, антидорныхъ и др. 2.808, подсвѣчниковъ выносныхъ и на престольныхъ 1.422, паникадилъ и лампадъ 797, плащаницъ 275 и много мелкихъ церковныхъ предметовъ, какъ то: кадиль, мирницъ, дароносицъ и т. п. Нѣкоторые изъ лицъ петербургскаго высшаго общества приняли на свое иждивеніе снабженіе утварью, богослужебными книгами и проч. на цѣлую церковь, а императрица Марія Александровна приняла на свое попеченіе по одной церкви каждаго уѣзда.

Все это краснорѣчиво свидѣтельствуеть о томъ патріотическомъ чувствѣ, которое, начиная съ высоты престола, проявилось во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ отвѣтъ на оказанныя благодѣянія прихожане выразили свою благодарность государю и государынѣ въ письменныхъ адресахъ, присланныхъ мѣстнымъ преосвященнымъ отъ 420 приходскихъ обществъ Кременецкаго, Новградволынскаго, Заславскаго, Овручскаго, Владиміро-Волинскаго, Луцкаго, Староконстантиновскаго, Дубенскаго, Острожскаго и Житомирскаго уѣздовъ, за подписью 587 священно-церковнослужителей и 1.314 свѣтскихъ лицъ, уполномоченныхъ отъ 378.219 прихожанъ. Большая часть этихъ адресовъ, выражая вѣрнопоподданническую благодар-

ность за оказанныя императорскимъ домою щедроты и милости русскому населенію Волыни, содержитъ въ себѣ указанія на историческое значеніе края. Здѣсь воспоминается о древнемъ единствѣ православной Руси и о послѣдовавшихъ затѣмъ бѣдственныхъ событіяхъ, нарушившихъ это единство; указывается на бывшее господство иноплемленной и иновѣрной власти, остановившей и отчасти заглушившей самобытное развитіе русскаго народа, вынесшаго многовѣковую тяжкую борьбу; возмущается и должнымъ образомъ освѣщается фактъ возвращенія Волыни подъ сѣнь единокровной и единовѣрной Россіи, — фактъ, предотвратившій конечную гибель русскаго народа, но не прекратившій однако борьбы между народностями, пока не появились манифесты 19 февраля 1861 и 30 августа 1863 г., положившіе предѣлы этой борьбѣ освобожденіемъ православнаго населенія отъ крѣпостной зависимости его отъ польско-католическаго дворянства. Всѣ эти адреса были доведены до свѣдѣнія государя императора 2 апрѣля 1865 года.

Предѣлы настоящаго изданія и отведеннаго намъ мѣста для объяснительнаго текста не позволяютъ представить многочисленныхъ подтвержденій того положенія церквей на Волыни, какое они занимали въ столѣ еще недавнее время; всего лучше положеніе церквей характеризуется рисунками разваливъ Успенскаго храма во Владимірѣ-Волынскомъ, Васильевской церкви въ Овручѣ, Крестовоздвиженской въ Луцкѣ, Богоявленской въ Острогѣ.

Въ Житомирѣ, до 1851 года, кафедральный соборъ помѣщался въ небольшой, весьма скромной по виду церкви, оставшейся отъ времени уніи; въ упомянутомъ году было приступлено къ расширенію этой церкви, но при такой перестройкѣ обрушилась колокольня. На время производства этихъ работъ соборъ находился въ деревянномъ помѣщеніи. Кто бы не удивился, встрѣтивъ православный кафедральный соборъ помѣщающимся въ простой хатѣ, имѣющей видъ постоялаго двора на проселочной дорогѣ? а между тѣмъ это было въ русскомъ губернскомъ городѣ, въ половинѣ нашего столѣтія. Правда, соборъ помѣщался въ такомъ нищенскомъ строеніи временно, всего около 10 лѣтъ, но въ теченіи этого времени никто однако не останавливался надъ мыслию, что господствующая церковь и одного дня не должна подвергаться подобному уничиженію и посрамленію.

Въ 1864 году было приступлено къ разборкѣ обрушившагося прежняго собора и составленію проекта постройки новаго храма. Проектъ составленъ по указаніямъ императора Александра Николаевича. Работы начаты въ 1866, а окончены въ 1874 году. Соборъ устроенъ на 3.000 богомольцевъ. Въ немъ находится три престола: Преображенія Господня, св. равноапостолянаго князя Владиміра и св. великаго князя Александра Невскаго. Всѣ столбы и украшенія внутри храма сдѣланы изъ мѣстнаго гранита и лабрадора, свидѣтельствующихъ о богатствѣ природы Волынскаго края. Иконостасъ сдѣланъ изъ дуба по эскизамъ архитектора Шаламова. Всѣ образа исполнены академикомъ Васильевымъ въ византійскомъ стилѣ и составляютъ оригинальныя произведенія.

Особенную цѣнность Житомирскаго храма представляетъ собою древняя икона св. Василія Великаго, перенесенная сюда изъ Овручской Николаевской церкви и, по

преданію, вывезенная св. Владиміромъ изъ Греціи послѣ принятія имъ св. крещенія.

Величественный и богато украшенный Житомирскій кафедральный соборъ можетъ служить образцомъ тѣхъ сооруженій церковнаго зодчества, которыя были воздвигнуты въ западныхъ окраинахъ нашихъ подъ высшимъ наблюденіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

(Упоминается на стр. 20, 284.)

61. Кирилло-Меѳодіевская церковь Острожскаго братства.

(Стр. 285.)

Острожская братская церковь во имя славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія устроена въ зданіи бывшаго капуцынскаго монастыря. Она основана стараніемъ и заботливостію попечительницы женскаго, имени графа Д. Н. Блудова, ученица, графини А. Д. Блудовой, при содѣйствіи правительства и русскаго общества.

Церковь освящена 8 октября 1676 г. Въ послѣдствіи въ ней были устроены придѣлы во имя великомученика Пантелеймона и св. Ѳеодора, князя Острожскаго. Иконостасъ, рѣзанный изъ дуба, отличается изяществомъ, простотой и отсутствіемъ обычныхъ украшеній. Онъ со всѣми иконами своими пожалованъ императрицей Маріей Александровною. Изъ числа находящихся въ храмѣ иконъ обращаютъ на себя вниманіе: запрестольный образъ Вознесенія Господня, — даръ государыни императрицы Маріи Александровны, икона Христа Спасителя, подаренная государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ; образъ святителя Николая, обвѣшанный орденомъ цѣлѣбнаго Андрея Первозваннаго, принадлежавшею графу Д. Н. Блудову; складень съ изображеніемъ трехъ святителей, увѣшанный Севастопольскими медалями и Георгіевскими крестами, — приношеніе бывшей въ Острогѣ артиллерійской бригады; образъ Спасителя подъ названіемъ «Спаса 19 февраля», написанный въ память освобожденія крестьянъ. Но изъ всѣхъ этихъ святынь драгоцѣннымъ сокровищемъ церкви признается крестъ съ частицею животворящаго древа Господня, дошедшій до Острожскаго братства случайно. Эта святыня нѣкогда принадлежала супругѣ французскаго короля Генриха IV, Маріи Медичи, и принесена въ Россію во время французской революціи однимъ изъ эмигрантовъ.

(Упоминается на стр. 284.)

Г. Разныя гравюры.

62. Монеты великихъ князей кievскихъ Владиміра и Ярослава.

(Стр. 16.)

Какъ изображенія воспроизведенныхъ въ настоящемъ изданіи монетъ св. Владиміра и Ярослава I, такъ и приводимыя ниже свѣдѣнія заимствованы изъ монументальнаго сочиненія графа И. И. Толстаго «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго». Считаемо долгомъ принести особенную признательность автору этого выдающагося сочиненія за сдѣланныя намъ по этому поводу указанія и за любезное принятіе на себя труда по предварительному просмотру воспроизведенныхъ здѣсь монетъ.

Существованіе на Руси въ дeмонгольскій періодъ монетъ собственной чеканки часто подвергалось оспариванію. Подробныя изслѣдованія монетъ, древнихъ грамотъ и другихъ матеріаловъ дали однако возможность придти къ положительному разрѣшенію вопроса. Къ числу такихъ изслѣдованій слѣдуетъ отнести прежде всего трудъ графа И. И. Толстаго, который, изслѣдовавъ и каталогизировавъ болѣе 170 монетъ, по преимуществу нигдѣ еще неизданныхъ и составляющихъ наслѣдіе отдаленнѣйшей эпохи нашей исторіи, пришелъ къ заключенію, что изслѣдованныя монеты, составляя несомнѣнно русскіе денежныя знаки, относятся ко времени княженія Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава I, съ признаками вліянія византійскаго искусства.

Монеты св. Владиміра Святославича.

1. Золотая монета, находящаяся въ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа. Вѣсъ 1 зол. 3 доли.

Лицевая сторона. Изображеніе великаго князя впрямь во весь ростъ, повидимому, въ сидячемъ положеніи, судя по согнутымъ, ясно обозначеннымъ ногамъ; сѣдалища никакого не видно, на головѣ вѣнецъ съ шестью крупными бусами (жемчугомъ); надъ головнымъ уборомъ три подобныя же бусы, отдѣленныя отъ него, вѣроятно, случайно и составляющія оконечность его (крестъ); отъ головнаго убора по обѣимъ сторонамъ лица висятъ нитки изъ мелкихъ бусъ, оканчивающіяся каждая двумя болѣе крупными; на великомъ князѣ надѣтъ короткій плащъ, застегнутый на груди круглой пряжкой: лѣвая рука покоится на груди, а правая держитъ длинный крестъ, стоящій прямо; оконечности его состоятъ изъ крупныхъ бусъ (на нижнемъ концѣ—тоже буса). По лѣвую руку великаго князя загадочная фигура—можетъ быть хоругвь, наверхіемъ книзу. Круговая надпись читается такъ: «Владиміръ на столѣ». Всѣ буквы этой надписи повернуты основаніями къ ободку монеты. Надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.

Оборотная сторона. Поясное изображеніе Спасителя впрямь; въ лѣвой рукѣ еван-

геліе, края котораго украшены рядомъ крупныхъ бусъ. Голова окружена вѣнчикомъ изъ мелкихъ бусъ. Огъ головы въ видѣ радіусовъ 6 линій изъ бусъ соединяють ее съ вѣнчикомъ. Круговая надпись: «Исусъ Христосъ». Буквы повернуты основаніями къ ободку; надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 1).

2. Серебряная монета, одинъ экземпляръ которой находится въ музеѣ при Киевской духовной академіи, а другой въ коллекціи гр. И. И. Толстаго. Первый экземпляръ найденъ рабочимъ при раскопкѣ фундамента на старомъ Киевѣ. Вѣсъ 66 долей. Изображенія—надписи подобныя тѣмъ, которыя находятся на золотой монетѣ.

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 6 а).

3. Серебряная монета изъ коллекціи гр. И. И. Толстаго. Вѣсъ 84 доли. Изображеніе великаго князя впрямь во весь ростъ, сидящаго на престолѣ, отъ котораго по обѣимъ сторонамъ видны круглыя ручки; на головѣ шапка, усыпанная бусами; отъ шапки, по обѣимъ сторонамъ лица, ниспадаютъ два шнура изъ мелкихъ бусъ. Вокругъ головы вѣнчикъ изъ болѣе крупныхъ бусъ. Въ правой рукѣ длинный жезлъ, стоящій прямо; на верхнемъ концѣ его небольшой равноконечный крестъ; на концахъ креста четыре бусы. Лѣвая рука покоится на груди. Одежда и поясъ усыпаны бусами.

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 31 а).

4. Серебряная монета, изъ коллекціи Московскаго университета. Найдена въ Борисполѣ, Черниговской губерніи. Вѣсъ 79 долей.

Лицевая сторона. Изображеніе великаго князя впрямь во весь ростъ, сидящаго на широкому сѣдалищѣ; верхняя перекладина спинки находится на уровнѣ шеи князя; сѣдалище все украшено бусами; головной уборъ отдѣланъ крупными бусами въ одинъ рядъ; надъ средней бусой крестъ съ тремя крупными бусами на оконечностяхъ; короткій плащъ, застегнутый на груди круглой пряжкой, весь въ складкахъ; на концахъ креста, наклоненнаго на правое плечо, крупныя бусы. Кругомъ сдѣлана надпись: «Владиміръ на столѣ».

На оборотной сторонѣ изображеніе хоругви и надпись, которая читается такъ: «А се его сребро».

Эта монета—первый, сдѣлавшійся извѣстнымъ, экземпляръ серебряныхъ монетъ Владиміра.

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 67).

5. Серебряная монета изъ коллекціи гр. С. Г. Строганова. Вѣсъ 69 долей.

Изображеніе имѣетъ сходство съ монетой, описанной подъ № 6-ю; но на оборотной сторонѣ находится надпись: «Святаго Василія» (христіанское имя в. кн. Владиміра).

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 82).

6. Серебряная монета изъ коллекціи С. В. Водилевскаго. Вѣсъ 73 доли. (Второй экземпляръ въ коллекціи гр. И. И. Толстаго).

На великомъ князѣ длинная и узкая нижняя одежда (долматикъ), поверхъ которой накинута плащъ; отъ этого плаща видна только верхняя часть, накинута на

плечи, и одинъ изъ угловъ, перекинутый черезъ лѣвую руку, которая покоится на груди; рукава нижней одежды украшены бусами, подолъ бахромой и бусами; воротъ характерно вырѣзанъ; въ правой рукѣ длинный крестъ, стоящій вертикально; на трехъ оконечностяхъ его по бусѣ; престолъ съ низкой вырѣзной спинкой, три видныя ножки его составлены изъ бусъ; подъ ногами великаго князя какъ-будто табуруетъ.

На оборотной сторонѣ изображеніе хоругви.

Надпись тѣ же, что на монетѣ № 2.

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 69).

Монеты Ярослава I (Юрія) Владиміровича.

1. Серебряная монета изъ коллекціи университета св. Владиміра. Вѣсъ 91 доля.

Изображеніе великаго князя впрямь въ низкой шапкѣ; одежда покрыта многочисленными складками; въ правой рукѣ длинный крестъ, стоящій вертикально, на оконечностяхъ котораго четыре бусы; лѣвая рука покоится на груди; голова окружена вѣничкомъ изъ бусъ.

На оборотной сторонѣ изображеніе хоругви, между откосами которой—полумѣсяцъ, обращенный рогами внизъ.

По поводу надписей на монетахъ Ярослава изслѣдователь древнихъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ милицъ-кабинету университета св. Владиміра, Я. Я. Волошинскій замѣчаетъ:

«Скудость сего класса монетъ, въ связи съ ихъ неясностью, лишаетъ насъ возможности составить болѣе или менѣе точное понятіе, какъ о порядкѣ буквъ въ надписяхъ обѣихъ сторонъ, такъ и о надлежащемъ ихъ начертаніи. Читая сіи надписи въ отвѣсномъ направленіи, и принимая нѣкоторыя изъ буквъ за ошибочно вставленныя, неправильно начертанныя и переставленныя, можно, кажется, предположить, что на лицевой сторонѣ выражается слово: Георгги или Гегоръги, или то же имя съ окончаніемъ іѣ, а на оборотной сторонѣ Иорги или Иоръги, или то же имя съ окончаніемъ іѣ. Напротивъ того, читая правую сторону лицевой надписи въ обыкновенномъ направленіи, выходитъ, кажется, слово: Геюрги или Геюръги, или то же имя съ окончаніемъ іѣ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что это имя (Георгій) въ лѣтописяхъ нашихъ имѣетъ различныя формы: Дюрдій, Юръгій, Юрій, Гюръгій, Гюргг, Геюрги, Егорій и т. п.»

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 103).

2. Серебряная монета изъ коллекціи графа С. Г. Строгонова. Вѣсъ 85 долей. (Второй экземпляръ принадлежитъ графу А. А. Мусину-Пушкину).

На лицевой сторонѣ поясное изображеніе св. Георгія Побѣдоносца впрямь; голова, покрытая вьющимися волосами, окружена вѣничкомъ изъ бусъ; на плечахъ плащъ въ складкахъ, застегнутый на груди у праваго плеча круглой пряжкой; въ правой рукѣ копье, наклоненное на правое плечо, а лѣвая скрыта круглымъ щитомъ, украшеннымъ по краю бусами, отъ котораго видна только верхняя часть. Надпись читается такъ: «Св. Георгій». Вокругъ изображенія и надписи два ободка

изъ бусъ, причѣмъ между ободками оставлено значительное свободное пространство, въ которомъ помѣщены четыре крестика, составленныхъ каждый изъ четырехъ бусъ; крестики эти расположены вокругъ изображенія, крестообразно, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи такимъ образомъ, что одинъ находится прямо надъ головой святаго, другой подъ изображеніемъ, а два остальныхъ по бокамъ.

На оборотной сторонѣ изображеніе хоругви; древко очень широкое, на нижней оконечности его кружокъ съ бусой по срединѣ, на полотнищѣ такихъ же 5 бусъ; круговая надпись читается такъ: «Ярослава серебро.» Ободки такіе же, какъ на лицевой сторонѣ; въ свободномъ между ободками пространствѣ четыре буквы, расположенныя какъ крестики на лиц. ст. и составляющія слово «Аминь».

(По описанію гр. И. И. Толстаго № 108).

Загадочная фигура, находящаяся на всѣхъ русскихъ монетахъ кievскаго періода, названа хоругвью лишь ради удобства при описаніи ея формы, находящихся на ней украшеній и т. п. Въ дѣйствительности, значеніе этой фигуры, въ которой нѣкоторые видѣли якорь, трикирій, хоругвь и даже изображеніе птицы, до сихъ поръ не разгадано. Представляется, однако, вѣроятнымъ, что это было «знамя», въ смыслѣ печати, знака, герба великихъ князей кievскихъ.

63. Страница изъ рукописнаго евангелія (XIV вѣка) Спасскаго Красносельскаго монастыря, близъ г. Луцка.

(Стр. 129.)

Евангеліе это, хранящееся въ настоящее время въ библиотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, писано на пергаментѣ въ листъ, на 262 листахъ, въ два столбца. Оно относится къ XIV вѣку. На рукописи находится много позднѣйшихъ приписокъ, доказывающихъ, что рукопись эта принадлежала Спасскому Красносельскому близъ г. Луцка монастырю. Правописаніе вообще русско-славянское, но въ языкѣ замѣчается переходъ къ малороссійскому нарѣчію, употребляемому на Волыни. Начальныя буквы евангелія состоятъ изъ перевивающихся драконовъ. Подобнымъ образомъ сдѣланы и заставки, находящіяся надъ заглавіями. Въ мѣсяцесловѣ украшенія инициаловъ проще и изображаютъ собою цвѣточные узоры.

(Упоминается на стр. 63.)

64. Страница изъ рукописнаго Каменецъ - Стромилловскаго евангелія XV вѣка.

(Стр. 133.)

Рукописное тетра-евангеліе это писано въ 1411 году въ мѣстечкѣ Каменецъ-Стромилловѣ (въ Галиціи, въ Золочевскомъ уѣздѣ, Жолковскаго деканата). Въ діалектологическомъ отношеніи оно имѣетъ особенное значеніе, представляя собою рукопись болгаро-русскую съ нѣкоторыми особенностями волынскаго нарѣчія. Исслѣ-

дованія древнѣйшихъ памятниковъ письменности показали, что въ древнія времена галицко-волинское нарѣчіе отличалось отъ обще русскаго говора яшшь самыми незначительными признаками; но затѣмъ, начиная съ конца XI до XV вѣка, въ нарѣчіи этомъ постепенно происходятъ звуковыя измѣненія, чуждыя великорусскому нарѣчію. Каменецъ-Стромиловское евангеліе служитъ тому однимъ изъ доказательствъ. Кромѣ болгаризмовъ, въ немъ замѣчаются слѣдующія отличія: употребленіе *и* вмѣсто *е* и *ъ* (какъ напр. хировимъ, по вѣри, и т. п.); на оборотъ, вмѣсто *и* — *е* и *ъ* (истены, свѣдѣтельство); *и* вмѣсто *ы* (рызы, мытары, крычаще); *о* вмѣсто *е* (чотырдесятница, чоловѣкъ) и т. д. Помимо лингвистическаго значенія, Каменецъ-Стромиловское евангеліе имѣетъ еще то значеніе, что оно составляетъ пока единственное извѣстное славянское бумажное четвероевангеліе начала XV в. съ опредѣленною датой. Подробное описаніе этой интересной рукописи, ея графיקи, знаковъ и всѣхъ фонетическихъ особенностей сдѣланы Г. Крыжановскимъ (Волин. Епарх. Вѣдом., 1886 г., №№ 17 и 18 и отдѣльн. брош.)

Евангеліе писано на бумагѣ, на которой замѣчается фабричное клеймо, изображающее дикаго кабана. Писано оно уставомъ, въ листъ, на 210 листахъ. Нѣкоторые листы обветшали и подклеены бумагой. Въ рукописи двѣ заставки и четыре инициала. Тѣ и другіе исполнены черниломъ или киноварью и раскрашены, — весьма впрочемъ неискусно, — красной, темно-синею и зеленою красками. Наоборотѣ 16-го листа позднѣйшимъ почеркомъ написано «Охлоповской церкви». Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія евангеліе было доставлено владиміро-волинскому протоіерею Севастіану Куссовичу церковнымъ причтомъ села Квасова, къ которому была причислена Охлоповская церковь, находящаяся на границѣ Галиціи, близъ мѣстечка Каменца-Стромилова, а въ 1884 году членъ корреспондентъ Церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи, настоятель Васильевской церкви въ г. Владиміръ-Волинскомъ, Данилъ Левницкій передалъ его въ музей, гдѣ оно украшаетъ теперь рукописный отдѣлъ.

Пожѣлая въ настоящемъ изданіи страницу Каменецъ-Стромиловскаго евангелія, въ точности воспроизведенную фототипографически съ фотографическаго снимка, какъ образецъ древней рукописи, носящей явные слѣды волинскаго нарѣчія, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь заключительную записку, написанную на оборотѣ послѣдняго листа полууставомъ, переходящимъ въ скоропись:

«От рож гда ба и сїса нашего іѣс хъ. року ¹¹⁴¹ сописася сія книга глѣмая евліе тетрь во бгосїсаемѣмъ мѣстѣ каменцѣ стромиловѣ, многогрѣшнем и недосном тимофеем павловичем. Отци честнїи чититакше (описка, вмѣсто читающе) сія книгу ба ради исправляйте где бым мѣл приписати строкою или словом. Неписа дхъ ни аггль по грешна и брenna рука. Чтѣте отци честнїи а мене грѣшнаго не кличѣте. Слава совершителю ху бѹ давшему по началѣ и конецъ. Аминь. Владчѣде прими молитвы раб своихъ избави нас от всякоя нужда и скорьбѣя».

Кромѣ одной страници Каменецъ-Стромиловскаго евангелія, воспроизведенной въ

настоящемъ изданіи съ совершенною точностію, изъ него взята заставка, помѣщенная на страницѣ 5, и инициалы для главъ 1 и 4 (стр. 5 и 87).

(Упоминается на стр. 63.)

65—69. Образцы Острожской первопечати: Новый завітъ съ псалтирью и Острожская біблія.

(Пять гравюръ на стр. 157, 161, 165 и 169.)

Первымъ славяно-русскимъ печатникомъ признается нѣмецъ Швайпольтъ (Святополькъ) Феоль, впервые напечатавшій пять славяно-русскихъ книгъ въ Краковѣ въ 1491 году. Послѣдователь его въ этомъ дѣлѣ былъ Францискъ Скорина изъ г. Полоцка, который напечаталъ въ 1517—1519 г. г. книгу подъ названіемъ «Библія руска». Въ Вильнѣ первая русская книга была напечатана въ 1525 году. Послѣ того книгопечатаніе распространилось на другія мѣстности западной Руси, а въ томъ числѣ и на Волынскій край, въ которомъ типографіи открывались одна за другой въ слѣдующей послѣдовательности: Львовская—1573 г., Острожская—1580 г., Стратинская—1604 г., Дерманская—1604 г., Крелосская—1606 г., Рахмановская—1618 г., Почаевская—1618 г., Черничцкая—1629 г., Луцкая—1635 года и Кременецкая—1638 года. Въ Москвѣ книгопечатаніе получило начало въ 1564 году, т. е. черезъ 39 лѣтъ послѣ Вильны. Первымъ печатникомъ въ Москвѣ былъ Іоаннъ Миссингеймъ Бокбиндеръ, присланный къ Іоанну Грозному датскимъ королемъ. Сотрудникомъ его былъ діаконовъ кремлевской церкви Николы Гостунскаго Иванъ Ѳедоровъ, напечатавшій первую въ Московскомъ государствѣ книгу Дѣянія апостольскія, а чрезъ два года послѣ того — Часовникъ. Вскорѣ послѣ того Иванъ Ѳедоровъ и помощникъ его Петръ Тимошеевъ Мстиславецъ, вызвавъ неудовольствіе къ себѣ бояръ, были обвинены въ вольнодумствѣ и принуждены были бѣжать въ Литву. Получивъ пріютъ у литовскаго гетмана Григорія Александровича Ходкевича, извѣстнаго ревнителя православія, московскіе бѣглецы устроили въ его имѣніи Заблудовѣ типографію, въ которой напечатали въ 1569 году «Евангеліе учительное» и Псалтирь. Вслѣдствіе болѣзни и старости своего покровителя, русскіе печатники вынуждены были искать новыхъ мѣстъ для продолженія своего труда. Иванъ Ѳедоровъ отправился въ 1574 году во Львовъ, а Мстиславецъ черезъ годъ послѣ того въ Вильну. Каждый изъ нихъ открылъ типографію. Прежде всего Иванъ Ѳедоровъ напечаталъ «Повѣсть откуда начася и како совершися друзарня сія» (львовская), а потомъ Апостолъ. Въ то же время сынъ его Иванъ устроилъ во Львовѣ переплетное заведеніе. Туго шло распространеніе книги, и нашъ первопечатникъ вынужденъ былъ продавать ее чрезъ посредство аптекарей, разныхъ ремесленниковъ и проч.; нужда заставляла даже закладывать книгу. Наконецъ Иванъ Ѳедоровъ отдалъ свою типографію, словолитню и гепроданныя книги въ залогъ еврею и переселился на Волынь, въ г. Острогъ, гдѣ, по желанію ревнителя русской народности и вѣры князя Ковстастина Ковстастиновича Острожскаго, открылъ типографію, въ которой на-

печатавъ въ 1580 году двѣ книги: Виблію, извѣстную подъ названіемъ «Острожской» и «Новый завітъ съ псалтирю». Въ слѣдующемъ году Ѳеодоровъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перемѣнилъ въ бібліи заглавный листъ, а затѣмъ напечаталъ третью книгу—«Хронологию Андрея Римши». Окончивъ эти изданія, Ѳеодоровъ возвратился, въ 1581 году, во Львовъ, гдѣ и умеръ 5 декабря 1583 г. въ крайней бѣдности. Погребенъ онъ въ притворѣ Львовской св. Онуфрія церкви, нынѣ уніатской. Еще въ половинѣ текущаго столѣтія существовала надгробная плита съ знаменъ первопечатника въ видѣ герба и съ надписью: «Іоаннъ Ѳеодоровичъ, друкарь московитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе заведбалое обновилъ. Друкарь книгъ предѣтъмъ невиданныхъ». Фанатизмъ уніатскаго священника не могъ помириться съ надгробной плитой «схизматика», и этотъ историческій памятникъ варварски былъ уничтоженъ.

Книгу «Новаго завіта съ псалтирю» первопечатникъ называетъ въ своемъ предисловіи «Первый овощъ». Изъ этой книги на нашихъ рисункахъ изображены фототипографически въ точныхъ копіяхъ лицевая и оборотная стороны заглавнаго листа, заставка и начало евангелія отъ Луки. Оборотная сторона представляетъ гербъ князей Острожскихъ. Обращаетъ на себя вниманіе предисловіе въ книгѣ, написанное самимъ Иваномъ Ѳеодоровымъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого обширнаго предисловія, обращеннаго къ князю Острожскому: «... сіяюще яко цвѣторасльная вътвь благочестія, источникъ милости и рачитель богодухновенныхъ догматъ святыхъ соборныхъ и апостольскія церкви, распалаемъ мноною любовію, достохвално желаніе подвигнулъ еси, о благочестивый княже, паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строитива и развращенна, еже толицѣмъ нерадѣніемъ къ заповѣдемъ господа нашего Іисуса Христа супротивленіе приемиюще, растерзають немилостивне церковь Божию и възмуцають нещадно стадо его»., и т. д. Предисловіе оканчивается словами: «Тѣмъ же молихъ вы, съ всякимъ смиреніемъ, о благочестивый Княже, да восприемиши сіе руководѣліе наше отъ насъ боголюбезно, яко первый овощъ отъ дому печатнаго своего, Острожскаго, въздаючи хвалу всѣмъ благимъ съдѣтелю Богу, яко да сподобитъ, благодатию своею, и сіе желаемое бытійское дѣло, еже начахомъ, съвершити, въ честь и хвалу имени своего святого, въ утверженіе церкви Христовы и въ насажденіе всему народу Русскому, вашему же княжацкому благочестію, съ благодарными ти чады, въ вѣчное благословеніе».

Послѣ выхода въ свѣтъ «Новаго завіта съ псалтирю» окончено было печатаніе Острожской бібліи, хотя Иванъ Ѳеодоровъ къ набору ея приступилъ раньше перваго овоща». Наши рисунки изображаютъ заглавный листъ этой знаменитой бібліи и весьма красиво исполненную заставку. На заглавномъ листѣ выставленъ 1581 годъ; въ дѣйствительности же изданіе это вышло изъ подъ пачатнаго станка въ 1580 году, спустя два-три мѣсяца послѣ Новаго завіта. Когда князь Острожскій

задумаль печатаніе славянской библіи, то рукописнаго экземпляра ея на славянскомъ языкѣ не нашлось ни въ одной славянской землѣ, кромѣ Москвы. Манускриптъ этотъ переведенъ съ греческаго экземпляра—какъ говорили въ Москвѣ—еще при равноапостольномъ Владимірѣ и, по просьбѣ писаря Литовскаго княжества Михаила Богдановича Гарабурды, былъ уступленъ царемъ Иваномъ Грознымъ князю Острожскому въ 1570 году. Рукописная библія была сличена и исправлена съ другими списками на языкахъ греческомъ, латинскомъ, церковно-славянскомъ, чешскомъ и польскомъ. Въ 1663 году въ Москвѣ была напечатана библія, извѣстная подъ названіемъ Московской первопечатной. Она составляетъ дословную перепечатку Острожской библіи, съ исправленіемъ лишь орфографіи нѣкоторыхъ именъ и реченій и тѣхъ погрѣшностей, которыми изобилуетъ послѣдняя.

Оборотная сторона заглавнаго листа Острожской библіи занята виршами, которая въ одинъ и въ два столбца окружаютъ гербъ князей Острожскихъ, сходный съ гербомъ, напечатаннымъ въ Новомъ завѣтѣ. Вотъ образецъ этихъ виршей.

Зри сія знаменія княжате славнаго,
ихже съдръжить домъ его отъ вѣка давнаго.
И разумѣй яко не туне, и не безъ причины,
о чомъ всластнѣй и ширѣи повѣсть тѣ кто инми.
Но яко достоинъ дѣлатель своєю заплаты,
нещадяще здравія никоея утраты.
Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпостать полки,
и разгонялъ скор оны драпѣжныя волки.
И еще можетъ,
аще богъ поможетъ.

Острожская библія считается большою библиографическою рѣдкостью, которая имѣется не во всѣхъ библіотекахъ.

Послѣ Ивана Федорова въ Острожской типографіи напечатана, около 1584 года, книга «О крестномъ знаменіи» Максима Грека, «за выдаткомъ»,—какъ сказано въ книгѣ,—або накладомъ на то велебного его милости епископа Луцъкого и Острозского отца Кирилла Терляецкого». Послѣднимъ тисненіемъ Острожской печати признается «Часословъ» 1612 года, напечатанный при князѣ Янушѣ Остржскомъ, извѣстномъ отступникѣ отъ православной вѣры.

(Упоминаются на стр. 138—140.)

70 и 71. Медаль въ память присоединенія къ Россіи южно-русскихъ областей.

(Два рисунка на стр. 236 и 237.)

Въ царствованіе императрицы Екатерины II совершилось одно изъ замѣчательныхъ событій въ жизни русскаго народа—возвращеніе подъ скипетръ русской державы русскихъ областей, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ остававшихся подъ чуждымъ польскимъ игомъ. Первоначально къ Россіи была присоединена, въ 1772 году,

Вѣлоруссія съ 1.800.000 жителей (первый раздѣлъ Польши); вполнѣдствіи въ Польскомъ королевствѣ возникли смуты и неурядицы, угрожавшія спокойствіемъ сосѣднимъ державамъ, вслѣдствіе чего былъ произведенъ 11 іюля 1793 г. второй раздѣлъ Польши, при чемъ Россія получила Воынь, Подолію и часть Литвы съ населеніемъ въ 3.000.000. Третій и послѣдній раздѣлъ Польши, положившій конецъ существованію этого неспокойнаго и фанатичнаго государства, послѣдовалъ въ октябрѣ 1795 г. и доставилъ Россіи остальные Литовскія земли, часть Великопольши и Курляндію.

Первыя два присоединенія, въ религіозномъ и бытовомъ отношеніяхъ, имѣли огромное значеніе для воссоединившагося населенія. Чуждое вѣротерпимости, Польское государство стремилось всѣми мѣрами обратить своихъ подданныхъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія въ католиковъ путемъ замышленной переходной вѣры—уніатской, которую оно вводило съ необычайнымъ для нашего времени насиліемъ и жестокостію. Какъ только чуждое и фанатичное владычество прекратилось, русское населеніе тотчасъ же сбросило съ себя несвойственную его духу унію и въ числѣ около 3.000.000 возвратилось въ лоно православной церкви.

Придавая большое значеніе первымъ двумъ воссоединеніямъ русскихъ областей съ Россіей, императрица Екатерина II повелѣла выбить, въ память этого событія, медаль, воспроизведенную на двухъ нашихъ рисункахъ съ оригинала, въ натуральную величину.

На лицевой сторонѣ медали изображенъ профильный портретъ Екатерины II, вправо обращенный, въ лавровомъ вѣнкѣ и малой коронѣ, и сдѣланы рельефныя надписи: сверху — «Б. М. (Всакію милостію) Екатерина II императрица и самодержица всеросс.», а внизу — «Carl Leberecht. F.» (Карль Леберехтъ, рѣшникъ медали). На оборотной сторонѣ помѣщенъ увѣнчанный тремя коронами двуглавый орелъ, держащій двѣ географическія карты, на которыхъ сдѣланы надписи; на картѣ съ правой стороны — «Полоцъ», «Витепскъ», «Орша», «Мстисла.», «Могиле», «Рогачевъ», «Р. Десн.», «Р. Днеп.» и на завиткѣ «1772»; на картѣ съ лѣвой стороны — «Наро.», «Дубро.», «Минскъ», «Несви.», «Р. Прип.», «Иязславъ», «Р. Бугъ», «Каменецъ», «Брацлавъ», «Р. Днѣст.», и на завиткѣ «1793». Надъ орломъ воспроизведена надпись: «Отторженная возвратихъ», внизу инициалы медальера: «I. V. G.» (Юганъ Вальтазаръ Гассъ).

(Упоминается на стр. 229.)

72. Заставки и инициалы.

(22 гравюры.)

Нѣсколько снимковъ изъ древнихъ рукописныхъ и первопечатныхъ книгъ, воспроизведенныхъ на страницахъ настоящаго изданія, представляютъ собою образцы мѣстной южно-русской палеографіи. Дополнительными къ нимъ элементами могутъ служить заставки и инициалы, помѣщенные въ началѣ каждой главы сей книги. Всѣ они также взяты изъ южно-русскихъ книгъ и рукописей, а именно:

Введение. Заставка и буква **З**—изъ рукописи «Поученія избранна», писанной
Стр. 1. въ XVI вѣкѣ по повелѣнiю слудкаго князя Юрія Семеновича дьякомъ Устиномъ Яцковичемъ - Чечеряниномъ. Рукопись находилась въ Мѣлецкомъ монастырѣ и хранится нынѣ въ библиотекѣ Кіевской духовной академіи, № А а 1290.

Глава I. Заставка и буква **П**—изъ рукописнаго Каменецъ - Стромилловскаго
Стр. 5. евангелія XV вѣка, хранящагося въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи. Образецъ этой рукописи воспроизведенъ на стр. 133.

Глава II. Заставка—изъ рукописной миней служебной 1696 года, принадлежавшей Почаевскому монастырю, а нынѣ хранящейся въ библиотекѣ Кіевской духовной академіи. Мѣсяць Августъ. Буква **Н**—изъ рукописнаго сборника поученій Ефрема Сиріа, XVI вѣка, принадлежавшаго нѣкогда Зимненскому монастырю и находящагося нынѣ въ Кіевской духовной академіи (№ А а 1283).

Глава III. Заставка изъ того же сборника, что буква **Н** главы II. Буква **В**—
Стр. 53. изъ той-же рукописи, что заставка «Введенія».

Глава IV. Заставка изъ той-же рукописи, что заставка «Введенія». Буква **З**—
Стр. 87. изъ той-же рукописи, что въ главѣ I.

Глава V. Заставка—изъ той же рукописи, что заставка главы II. Мѣсяць
Стр. 116. апрѣль. Буква **Б**—изъ той же, что въ «Введеніи».

Глава VI. Заставка изъ той же рукописи, что въ главѣ II. Мѣсяць мартъ.
Стр. 151. Буква **Д**—тоже, что буква **Н** главы II.

Глава VII. Заставка изъ Острожской первопечатной библии 1581 г., заглав-
Стр. 178. ный листъ которой воспроизведенъ на стр. 169. Буква **Г**—то же, что въ «Введеніи».

Глава VIII. Заставка и буква **В**—изъ рукописнаго евангелія XIV вѣка, отры-
Стр. 208. вокъ котораго хранится въ Виленскомъ музеѣ.

Глава IX. Заставка—изъ той же рукописи, что заставка главы II. Мѣсяць
Стр. 231. іюнь. Буква **Е**—то же, что въ «Введеніи».

Глава X. Заставка и буква **Н**—изъ рукописнаго евангелія, хранящагося въ
Стр. 272. Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подь № 106.

За исключеніемъ заставки главы VII, а также заставокъ и буквъ въ главахъ VIII и X, воспроизведенныхъ въ VI и VIII выпускахъ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ, всѣ остальные заставки и инициалы настоящей книги являются въ печати впервые.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Августъ II, Фридрихъ, электоръ саксонскій и король польскій, 203.

Авраамій стагонскій, впоследствии пинскій епископъ, 152.

Айгуста, дочь вел. кн. литовскаго Ольгерда. См. Анастасія.

Александръ I Павловичъ, императоръ, 254—256, 258, 262, 263, 265, 270.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, 283.

Александръ (Олеелью) Владиміровичъ, кievскій князь, родоначальникъ князей случкихъ, 82, 88, 91, 92, 95.

Александръ Ягеллонъ князь литовскій, а потомъ король польскій, 96—98.

Аленскій, митрополитъ всей Россіи, святой, 71, 72.

Алексій Михайловичъ, царь московскій, 175—177.

Альдона, дочь литов. князя Ольгерда, супруга польскаго короля Казимира, 59.

Амфилохій, епископъ владиміро-волинскій XI вѣка, 21.

Анджеевскій, профессоръ Кременецкаго лицея, 261.

Анастасія (Айгуста), супруга московскаго князя Симеона Ивановича, 59.

Анастасія Васильевна, супруга кн. кiev. Александра (Олеельки) Владиміровича, 88.

Андрей, сынъ венгерскаго короля Белы, 43.

Андрей Владиміровичъ, князь, сынъ Мономаха, 39.

Андрей Ольгердовичъ, полоцкій князь, 72, 75.

Андрей Первозванный, апостоль, первый проповѣдникъ евангелія на Руси, 14.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, удѣльный князь пересовницкій, а впоследствии суздальскій, 21, 35, 40, 48.

Андрей Юрьевичъ, князь галицко-владимірскаго холмскаго-белзскаго, 52, 59.

Анна, греческая царевна, супруга равноапостольнаго князя Владиміра, 16.

Антоній:

— (Зубко), униатскій протоіерей, впоследствии православный архіепископъ минскій, 279.

— (Рудницкій), настоятель Дубенскаго, а потомъ Загаецкаго монастыря, 144, 156.

Ариадій, игумень Богуславскаго Николаевскаго монастыря, 239.

Ариудій, Петръ, греко-униатъ XVI в., докторъ богословія, 134.

Артемій, игумень Троицко-Сергіевой лавры, эмигрантъ, 110.

Аскольдъ (или Снальдъ), князь кievскій, 9, 14.

Аванасій:

— Владимірскаго епископъ, 50.

— Константинопольскій патріархъ, 50.

— (Пузына, Александръ), лудскій православ. епископъ, 155, 160—162, 164, 165, 167.

Б.

Базальскій, Антоній, стольникъ венденскій, 220.

Бановецкіе, дворянскій родъ, 138.

Балабаны:

— Дворянскій родъ, 138.

— Гедеонъ, экзархъ константинопольскій, епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій, 130, 140—143.

— Григорій-Гедеонъ, жидичинскій архимандритъ, 135.

— Діонисій, холмскій епископъ, впоследствии кievскій митрополитъ, 174, 191, 192.

— Исаія, уневскій архимандритъ, 144.
Батый, ханъ Золотой Орды, 46.
Бенлешевъ, каменецъ подоля вий генералъ-губернаторъ, 247.
Бела, король венгерскій, 43.
Бенедиктъ XIV, папа римскій, 218.
Бениславскій, латинскій епископъ, 251, 252.
Бернай, ханъ Золотой Орды, 47.
Бессеръ, профессоръ Кременецкаго лицея, 261.
Билецъ, рядовой Дубенскаго гарнизона, покушавшійся на жизнь К. Саковича, 163.
Блудовы, графы:
— Антонина Дмитріевна, основательница Острожскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, 284.
— Дмитрій Николаевичъ, дѣйствительный тайн. сов., статсъ-секретарь, президентъ академіи наукъ и предсѣдатель государств. совѣта, 284.
Бобриничъ-Копоть, епископъ мстиславскій. См. Іосифъ.
Боговитины, дворянскій родъ, 124, 136.
Богущъ-Корецкій, староста луцкій, брацлавскій и винницкій, 63, 114.
Бонѣи, дворянскій родъ, 123.
Болеславъ, мазовецкій князь, 90.
Болеславъ I, Храбрый или Смѣлый, польскій король, 31, 32, 36.
Болеславъ III Тройденевичъ, галицкій князь, 52, 68.
Бона, жена польскаго короля Сигизмунда I, 66, 103.
Борецкій, кievскій митрополитъ. См. Іовъ.
Борзобогатый - Красненскій, православно-епископъ на Воляни. См. Іона.
Борисновичъ, Исаакій, настоятель Дерманскаго монастыря, впослѣд. епископъ луцкій и острожскій, 144, 152, 155, 157.
Борисъ Владиміровичъ, св. мученикъ, удѣльный князь ростовскій, 18, 31.
Босы, Іоаннъ, житель селенія Почаева, видѣвшій явленіе Богородицы, 22.
Братновскіе:
— Дворянскій родъ, 138.
— Данилъ, 196.
Бронишевскій, настоятель костела въ Базали, Староконстант. у., 221.
Броховецкій, Ів. Мартынов., малороссійскій гетманъ, 179, 183.
Булганъ, Іосафатъ, униатскій митрополитъ, 240, 241, 248, 266, 270, 271, 279, 280.
Бурнинскіе, помѣщики, противники православія, 242.
Бурундай, татарскій военачальникъ, 47, 56.
Бутримовичъ, викарій униатскаго митрополита, 235.
Буша, супруга Любарта Гедиминовича, 52, 59.
Бычковскій, Іоаннъ, протоіерей 239.
Бѣлевскіе, князья, 97.
Бѣльскіе, князья:

— Семенъ Ивановичъ, литовскій князь, перешедшій въ московскую службу, 97.
— Федоръ Ивановичъ, родственникъ князей Олельковичей, 92.

В.

Валевскій, помѣщикъ, строитель костела въ Тучинѣ, Ровен. у., 262.
Варлаамъ (Шпшадкій), могилевскій православно-архіепископъ, 238, 239, 244, 245, 250, 252.
Василій:
— Іерей Волянской области XI вѣка, лѣтописецъ, 29.
— (Лужинскій), униатскій протоіерей, впослѣд. православно-архіепископъ подолицкій и членъ св. синода, 279.
Василій Васильевичъ, московскій князь, 82.
Василій Дмитріевичъ, московскій князь, 76, 78.
Василій Ивановичъ, великій князь московскій, 98, 100.
Василій Михайловичъ, удѣльный князь слуцкій, 92.
Василько Романовичъ, удѣльный князь волянскій, 22, 24, 43, 46, 47, 51.
Василько Ростиславичъ, князь теребовльскій, 29, 36, 38.
Вассіанъ, владиміро-волянскій епископъ XV в., 62.
Вербичій, Викторинъ, луцкій католическій епископъ, 114.
Викторъ (Садковскій), епископъ переяславскій и бориспольскій, 227, 228, 235, 237, 238, 240.
Вильгельмъ, австрійскій принцъ (XIV в.), 72.
Вильги:
— Помѣщикъ, основатель костела въ Локачахъ, Владимір. у., 221.
— Помѣщики, противники православія, 242.
Винницкіе:
— Антоній, перемышльскій епископъ, потомъ митрополитъ, 174, 192, 194.
— Иннокентій, перемышльскій епископъ, 195.
Виссаріонъ, игуменъ Николаевскаго Пустыно-Медвѣдовскаго монастыря, 239.
Витвицкій, Стефанъ, воспитанникъ Кременецкаго лицея, 261.
Витень, или Витенесь, великій князь литовскій, 58.
Витовтъ или Витольдъ Кейстутевичъ, во св. крещеніи Александръ, великій князь литовскій, 72—76, 78—80, 82.
Вишенскій, западно-русскій подвижникъ. См. Іоаннъ.
Вишневецкіе, князья:
— Княжескій родъ, 123.
— Владѣлица м. Рахмановъ, Кременец. у., 137.

— Іеремія, 167, 170.
 — Константинъ, 114.
 — Михайль-Іеремія, 220.
 — Христина. См. Малинская.
 — Янушь, 220.

Владиміро, сынъ Володаря Ростиславича, галицкій князь, 42.

Владиміръ, князя:
 — Сынъ Ярослава I Мудраго, 32.
 — Сынъ Ярослава Осмомысла, галицкій князь, 43.

Владиміръ Васильовичъ, удѣльный князь волынской, 23, 26, 51, 58.

Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кievскій, 35, 36, 38, 39, 48.

Владиміръ Мстиславичъ, удѣльный князь въ г. Половномъ, внослѣд. великій князь кievскій, 34, 39.

Владиміръ Ольгердовичъ, кievскій удѣльный князь, 71, 72, 74—76, 88.

Владиміръ Святославичъ, въ св. крещеніи **Василій**, св. равноапостольный великій князь русскій, 4, 10, 13—21, 24, 31.

Владиміръ Ярославичъ, князь новгородскій, 32.

Владиславъ:
 — Опольскій, родственникъ польско-венгерскаго короля Людовика I, 65, 85.
 — II (или V), король польскій. См. Ягайо.
 — III (или VI) Ягайловичъ Варненчикъ, король польскій, 85, 90, 95.
 — IV (или VII), король польскій, 159, 160, 164, 171.

Воины, дворянскій родъ, 123.

Воишель, инокъ, сынъ литовскаго князя Миндовга, 23, 56, 57.

Воловичи, дворянскій родъ, 123.

Володаръ (Владиміръ) Ростиславичъ, князь перемышльскій, 36, 38.

Волуцкій, Павелъ, католическій епископъ, 124.

Вороненціе, дворянскій родъ, 138.

Вороничъ, кievскій подкоморій, 221.

Воротынскіе, князя, 97.

Всеволодъ-Андрей Ярославичъ, князь переяславскій, а потомъ кievскій, 32, 35, 36.

Всеволодъ Владиміровичъ, удѣльный князь владиміро-воынскій, 17, 18.

Всеволодъ Ольговичъ, князь кievскій, 35, 39.

Выговскіе:
 — Дворянскій родъ, 138.
 — Александръ, латинскій епископъ, 220.
 — Иванъ Остаповичъ, малороссійскій гетманъ, 179—183, 191, 192.

Выленнскіе:
 — Польское семейство, 228
 — Янъ, визитаторъ училищъ, 260.

Вышеславъ, сынъ равноапостольнаго Владимира, 18.

Вячеславъ Ярославичъ, князь смоленскій, 32.

Г.

Гарасько, предводитель загона, 171.

Гаштольдъ, Мартинъ, литовскій государственный человекъ, 88, 90, 92.

Гедеоиъ, въ міръ Григорій Захарьевичъ князь Святополькъ Четвертинскій, кievскій митрополитъ, 192, 197.

Гедиминъ, великій князь литовскій, 51, 56, 59, 68.

Георгій (Конисскій), могилевскій православ. архіепископъ, 224, 237.

Герасимъ:
 — Литовскій православ. митрополитъ, 84
 — (Микуличъ), игумень Черничкаго монастыря. См. Григорій.
 — Настоятель Угорницкаго монастыря, 144.

Гервасій:
 Игумень Ржищевскаго Преображенскаго монастыря, 239.
 — (Линцевскій), переяславскій епископъ, 224, 225.

Германъ, полоцкій епископъ, участвовавшій на брестскомъ униатскомъ соборѣ, 130.

Гиницкіе:
 Вареоломей, каштелянъ вышгородскій, 221.
 — Вареоломей, воынскій губернаторъ, 257.
 — Помѣщики, противники православія, 244.

Гизель, игумень. См. Инноентій.

Глезна, Іона, литовскій митрополитъ. См. Іона.

Глембоцкій, основатель августіанскаго монастыря въ Коднѣ, Житомир. у., 221.

Глинскіе:
 — Василій, литовскій полководецъ, 100.
 — Михайль, литовскій вельможа, 99, 100.

Глѣбовичи, дворянскій родъ, 123.

Глѣбъ, князь смоленскій, 76.

Глѣбъ Владиміровичъ, во св. крещеніи Романъ, мученикъ, удѣльный князь муромскій, 19, 31.

Глѣбъ Юрьевичъ, князь кievскій, 40.

Гнѣвошь-Гуревичъ-Дрозденскій, владѣлецъ с. Дрозды, Ковельск. у., 137.

Гоголь, Іона, пинскій епископъ, участвовавшій на брестскомъ униатскомъ соборѣ, 130.

Гойская, Анна, помѣщица, покровительница Почаевскаго монастыря, 136.

Головацкій, начальникъ казацкаго отряда, 172.

Головинскій, овручскій уѣзд. предводитель дворянства, организаторъ повстанскаго шайки, 275.

Головня, униатскій архимандритъ, 267.

Головичиці, дворянскій родъ, 123.
 Голуховская, Маріанна, основательница кармелитскаго монастыря въ Киселинѣ, Владимір. у., 220.
 Гольшанскіе, князья:
 — Княжескій родъ, 92
 — Симеонъ Юрьевичъ, луцкій староста, 94.
 Гонта, Иванъ, сотникъ запорожцевъ, 225.
 Горайны, дворянскій родъ, 122, 136.
 Горбациій, униатскій епископъ, 235.
 Горностаи, дворянскій родъ, 123.
 Горскіе, дворянскій родъ, 123.
 Горяинъ, Стефанъ, архимандритъ Мѣлечкаго монастыря, 198.
 Грабовецкіе, дворянскій родъ, 138.
 Грековичъ, Антоній, намѣстникъ униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя, 134. 150.
 Григорій:
 — (Болгаринъ), литовскій митрополитъ, 95, 96.
 — (Микуличъ), схимникъ, въ иночествѣ Герасимъ, игуменъ Черпичкаго монастыря, 137, 146
 — (Цамбалаъ) литовскій православный митрополитъ, 80.
 — Цареградскій патриархъ, 95.
 — XI, папа римскій, 65.
 Гримальди, Теронимъ, напскій нунцій, предсѣдательствовавшій на замостьскомъ соборѣ 1720 г., 208
 Губна, рядовой Дубенскаго гарнизона, покушавшійся на жизнь К. Саковича, 163.
 Гудовичъ, гр. Ив. Васильевъ, бѣлорусскій, впослѣд. закавказскій генералъ-губернаторъ, 251.
 Гулевична-Лозина, Галшка (Елена), основательница Кіево-Богоявленскаго монастыря, 146.
 Гулевичи:
 — Дворянскій родъ, 122, 123.
 — Андрей, 196.
 — Вацлавъ, 219.
 Гулевичи-Всютинскіе:
 — Дворянскій родъ, 138.
 — Архимандритъ Почаевскаго монастыря. См. Петроній
 — Семень, Луцкій земскій писарь, 166
 Гуляницкіе, дворянскій родъ, 138, 199.
 Гуня, предводитель казацкаго возстанія, 168.
 Гурно, дворянскій родъ, 123.
 Гуровскій, помѣщикъ, основатель костела въ Заблотахъ, Владимір. у., 221.
 Гурская, помѣщица, основательница костела въ Превалахъ, Владимірскаго у., 66.
 Гусъ, Іоаннъ, пражскій проповѣдикъ, реформаторъ католической церкви въ Богеміи, 80.

Д.

Давидъ, игуменъ Виноградскаго Успенскаго монастыря, 239.

Давидъ Игоревичъ, князь дорогобужскій, потомъ владиміро-волынскій и наконецъ снова дорогобужскій, 36, 38, 42.
 Давыдовъ, полковникъ, разбившій повстанскую шапку гр. Стецкаго, 275.

Даниль:

— Епископъ владимірскій и берестейскій. 95.

— Настоятель Георгіевскаго Лебединскаго монастыря, 239.

Даниль Романовичъ, князь галицкій, 19, 22, 24, 35, 43, 44, 46—48, 51, 56.

Дашневичъ, Остафій, староста черкасскій и каневскій, 100.

Дверницкій, предводитель польскихъ мятежниковъ. 275, 276.

Дзвинковскій, Иванъ, начальникъ Острожскаго казацкаго полка, 175.

Дзяльнскій, владѣлецъ м. Шумска, Кременец. у., мятежникъ, 232.

Диръ, князь кіевскій, 14.

Діонисій, (Димитрій Жабокрицкій), луцкій православ. епископъ, совратившійся въ унию, 202—205

Дмитрей, подоляскій ханъ, 70.

Добринскій, Стефанъ, луцкій православный священникъ, 130, 131.

Довмонтъ, князь вальшанскій, 56.

Дольскій, князь, основатель костела въ Дубровицѣ. Ровен. у., 220.

Домашевскіе, Федоръ и Ева, основатели старої церкви въ Почаевѣ, 166.

Домжина - Лютевичъ, игуменъ Чорненскаго Спасскаго монастыря. См. Павелъ.

Донецъ, предводитель загона, 171, 172.

Дорогоевскій, хелмынскій латинскій епископъ, относившійся съ уваженіемъ къ православію, 107.

Дорогостайскіе, дворянскій родъ, 123.

Дорошенко, Петръ Дорофеевичъ, малоросскій гетманъ, 179 183, 184. 186, 187, 192, 193.

Древинскіе:

— Дворянскій родъ, 136, 138.

— Василій, писарь вел. княж. Литовскаго, 114.

— Лаврентій, ташникъ волынскій, 156, 165.

Древновскій, Адамъ, основатель костела въ Лисинѣ, Дубен. у., 220.

Друцкіе, князья, 100.

Дубраская, основательница кармелитскаго монастыря въ Ушомирѣ, Житомир. у., 221.

Дѣдо, Димитрій, староста перемышльскій, 69.

Е.

Ева, супруга в. кн. литовскаго Гедимина, 59.
 Екатерина, третья жена Сигизмунда II Августа, 108.

Екатерина II Аленстевна, императрица, 224--226, 228, 229, 231, 234, 236, 244, 245.
 Елена Іоанновна, супруга Александра Ягеллона, 97.
 Елисей (Плетевецкій), кіево-печерскій архимандритъ, 144.
 Еловицкіе, дворянскій родъ, 138.
 Ело-Малинскіе, дворянскій родъ, 136.
 Ельць, Игнатій, 124.
 Ерузальскій, Іосифъ, подляскій подстолий, 220.

Ж.

Жабонрицкіе:
 — Дворянскій родъ, 136, 138.
 — Дмитрій, кременецкій подстароста, избранный въ епископы. См. Діонисій.
 Жарскій, Іосафатъ, базилянскій архимандритъ, 278.
 Желиборскій, Аеанасій, львовскій православ. епископъ, 194.
 Желъзнякъ, казацкій вождь, 225.
 Жемальскій, Іоаннъ, луцкій священникъ, 155.
 Жолневскій, Станиславъ, великій канцлеръ и гетманъ коронный, 150.
 Журавницкіе, дворянскій родъ, 122.

З.

Заборовскіе, дворянскій родъ, 124.
 Забнезинскій, Янъ, маршалокъ великаго княжества Литовскаго, 100.
 Загорескіе:
 — Дворянскій родъ, 136
 — Волынскій маршалъ, 63, 114.
 — Марія, жена брацлавскаго каштеляна, 132.
 Загурскій, помѣщикъ, строитель костела въ Скурчѣ, Луцкаго у., 263.
 Закжевскій, воспитанникъ Кременецкаго лицей, 261.
 Зеленскіе:
 — Андрей, владимірскій судья, 134.
 — Левъ, уніатскій митрополитъ, 202, 203.
 Залусскій, Іосифъ, латинскій епископъ, 221.
 Заславскіе, князья:
 — Княжескій родъ, 122, 123, 136.
 — Александръ Ивановичъ, 123, 124, 155, 156.
 — Владиславъ-Доминикъ, 156, 161, 163.
 — Івуншъ, 122.
 Захарія (Нопыстенскій), кіево-печерскій архимандритъ, 144.
 Збаранскіе, князья:
 — Княжескій родъ, 122, 123, 136.
 — А., основательница костела во Владимирѣ-Волынскомъ, 66.
 Збирускій, Діонисій, холмскій епископъ, принявшій унію, 130.

Земнидовскій, дворянскій родъ, 136.
 Зеновичи, дворянскій родъ, 123.
 Зизаній-Тустановскій, Даврентій, настоятель Корецкой соборной церкви, 137.
 Значко-Яворскій, мотропинскій игумень. См. Мелхиседець.
 Зубко, Автоній, увіатскій протоіерей, впоследствии православ. архіепископъ. См. Антоній.
 Зубчевскіе, дворянскій родъ, 138.

И.

Ибрагимъ-паша, турецкій предводитель, 167.
 Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, удѣльный князь, 42.
 Игнатій:
 — Московскій еретикъ XVI в., 108.
 — (Оксеновичъ), игумень, 166.
 Игорь, князь кіевскій, 8, 9, 14.
 Игорь (Георгій) Ярославичъ, князь владиміроволынскій, а потомъ смоленскій, 32, 36.
 Изяславъ Владиміровичъ, удѣльный князь полоцкій, 17.
 Изяславъ Давидовичъ, князь кіевскій, 35.
 Изяславъ Мстиславичъ, князь кіевскій, 35, 38—40.
 Изяславъ I Ярославичъ, великій князь кіевскій, 32, 35, 36.
 Иларіонъ, кіевскій митрополитъ, 20.
 Ильинскіе:
 — Графъ, волынскій помѣщикъ, 261.
 — Иванъ, староста житомирскій, 221.
 Иннокентій:
 — (Гизель), игумень, 166.
 III папа римскій, 43.
 Исаакій, протосиенгель александрійскій, игумень Дермапскаго монастыря, 140.
 Исайновскій, Самуиль, луцкій судья, 219.
 Исидоръ, кіевскій митрополитъ, принявшій флорентійскую унію, 94, 95.

І.

Іезениль (Нянгининскій), западно-русскій подвижникъ. См. Іовъ.
 Іеремія:
 — II (Гранось), цареградскій патріархъ, 146.
 — (Тиссаровскій), львовскій православ. епископъ, 160.
 Іеронимъ, пражскій богословъ, послѣдователь и другъ Іоанна Гуса, 80.
 Іоакимъ, антиохійскій патріархъ, 146.
 Іоаннъ:
 — Варягъ, первый кіевскій мученикъ за вѣру Христову, 14, 17.
 — (Вишенскій), западно-русскій подвижникъ XVI в., 144.
 — Холмскій православный епископъ XIII в., 47, 50.

Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь московскій, 97.

Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, 108, 110, 126, 139.

Іоанъ:

— (Борецкій), кievскій митрополитъ, 152, 157.

— (Желъзо), игуменъ Дубенскаго, а потомъ Почаевскаго монастыря, преподобный, 143, 144, 191.

— (Княгининскій), западно-русскій подвижникъ, схимникъ, въ иночествѣ Іезекиль, 143.

Іоан:

— (Борзобогатый-Красненскій), православ. епископъ на Волини, 107.

— (Глезна), литовскій православ. митрополитъ, 96.

— Московскій митрополитъ, святой, 95, 96.

Іосифъ:

— (Бобриковичъ - Копоть), настоятель Виленскаго братскаго монастыря, впоследствіи епископъ мстиславскій, 144, 160.

— Мармарошскій епископъ, 203.

— (Солтанъ), литовскій православный митрополитъ XV вѣка, 98, 100.

— (Съмашко), униатскій архіепископъ, впоследствіи православ. митрополитъ литовскій, 271—273, 278, 279.

— (Чаплиць), мѣлецкій архимандритъ, впоследствіи луцкій епископъ, 165, 174.

Іуліянія, блаженная, въ мірѣ княжна Ольшанская, 64.

К.

Казиміръ III, Великій, польскій король, 65, 68, 69.

Казиміръ IV Ягайловичъ, литовскій князь, а потомъ польскій король, 86—88, 90—92, 94—96.

Калиновскіе:

— Дворянскій родъ, 123.

— Владѣлецъ мѣстечка Гусятина, 149.

— Польскій гетманъ, 170.

Каллистъ, патріархъ константинопольскій, 63.

Карамзинъ, Никол. Михайлов., исторіографъ, 256.

Карвицкій, Станиславъ, волынский помѣщикъ, 257.

Карчевскій, основатель костела въ м. Берестечкѣ, Дубен. у., 220.

Кейстутъ, князь троцкій, 69, 72.

Кизаревичъ, овручскій игуменъ. См. Филовей.

Киприанъ, литовскій митрополитъ XIV в., 72, 79.

Кирилль:

— (въ мірѣ Константинъ), моравскій архіепископъ, святой, просвѣтитель славянъ, 15.

— (Дукарисъ), начальникъ Острожской греко-славянскои школы, впоследствіи патріархъ константинопольскій, 138, 156.

— «Печатникъ» князя Данила Романовича, впоследствіи кievскій митрополитъ, 48.

— Туровскій епископъ, 29.

Кирды, дворянскій родъ, 124.

Кисель, Адамъ, воевода кievскій, староста Писовскій, 166, 171.

Китовскій, ротмистръ, начальникъ Корецкаго округа, 240.

Кишни:

— Дворянскій родъ, 123.

— Левъ, униатскій митрополитъ, 208, 209.

Княгининскій, западно-русскій подвижникъ, въ иночествѣ Іезекиль. См. Іоанъ.

Козини, князья:

— Княжескій родъ, 122.

— Дмитрій, князь, московскій эмигрантъ, 110.

Коленда, Гавріиль, униатскій митрополитъ, 193.

Колодна, предводитель загона, 170.

Колпытовскіе, дворянскій родъ, 122.

Комарицкій, Иларіонъ, базилианецъ, 215.

Конашевичъ Сагайдачный, Петръ гетманъ, 139, 152.

Кондраціе, помѣщики, противники православія, 242.

Коницскій, могилевскій архіепископъ. См. Георгій.

Константинъ Ольгердовичъ, князь, 72, 74.

Копинскій, Исаія, перемышльскій епископъ, 152.

Копыстенскіе:

— Захарія, кievо-печерскій архимандритъ. См. Захарія.

— Михаилъ, перемышльскій епископъ, 130.

Кореціе, князья:

— Княжескій родъ, 122.

— Анна, рожд. Ходкевичъ, 137.

— Іоакимъ, 137.

— Самуиль, 122.

— Янъ-Карль, 124.

Корженевскіе:

— Іосифъ, профессоръ Кременецкаго лицея, польскій писатель, 261.

— Помѣщикъ, строитель костела въ Березнѣ, Заслав. у., 263.

Корибутъ Вишневецкій. См. Михаилъ.

Корибутъ (Димитрій) Ольгердовичъ, удѣльный князь новгородсѣверскій и трубчевскій, 76.

Корсанъ, дворянскій родъ, 123.

Косинскій, шляхтичъ русскои вѣры изъ Полься, 149.

Косой, Θεодосій, московскій еретикъ XVI в., 108.

Коссовскій, участникъ мятежа 1794 г., 232.

Косцеленція:

— Екатерина, любовница польск. короля Сигизмунда I, 103.

— Беата, дочь предъидущей. См. кн. **Острожская**.
Носцюно, Ѳадей, польскій полководецъ, 229, 232, 244.
Нохановичъ, Григорій, униатскій митрополитъ, 268.
Нохановская, Н. С., писательница. См. **Соханская**.
Ношени, дворянскій родъ, 122.
Ноширскіе, дворянскій родъ, 123.
Красовскій, полоцкій униатскій, в послѣд. луцкій архіепископъ, 234, 267, 268, 270.
Креховецкій, овручскій архимандритъ. См. **Феофанъ**.
Кречетниковъ, гр. Михаилъ Никит., генералъ-аншефъ, генералъ губернаторъ минскій, изяславскій и брацлавскій, 229, 232.
Кривоносъ, Максимъ, предводитель загона, 170, 171.
Кропивницкіе, дворянскій родъ, 138.
Крошинскій, князь, волинскій вельможа, 120, 122.
Кульчицкіе, дворянскій родъ, 138.
Нунцевичъ, Юсафатъ, полоцкій униатскій архіепископъ, изувѣръ, лжемученикъ, 134, 134.
Курбскій, кн. Андрей Мих., русскій эмигрантъ, 63, 110, 120, 122.
Нуремса, татарскій темникъ или воевода, 46, 47.
Нурцевичъ-Наріатовичъ, Іезекииль, владиміро-брестскій епископъ, 152, 154, 155.
Нутлубуга, подольскій ханъ, 70.

Л.

Лагодвскій, Іоаннъ, строитель костела въ Свайчовѣ. Владимир. у., 126.
Лазарь, игуменъ Мошпогорскаго Вознесенскаго монастыря, 238.
Лазовскій, православ. епископъ на Волыни. См. **Феодосій**.
Левинскій, Стефанъ, луцкій униатскій епископъ, 233, 248, 262, 265.
Левъ I Даниловичъ, князь галицкій, 47, 51, 57, 58.
Левъ II Юрьевичъ, князь луцкій и всей земли Русской, 51, 52, 58, 59.
Ледуховскій, острожскій градскій подстароста, 199.
Ленькевичи, номѣщики. противники православія, 242.
Леонтій, кievскій митрополитъ X вѣка, 19.
Лещинскіе:
 — Андрей, дессидентъ, 124
 — Пасхазій, базиліанинъ, 215.
 — Самуиль, 219.
Лжедмитрій, 63, 126.
Линцевскій, іерейславскій епископъ. См. **Гервасій**.
Лисовскій, Іраклій, униатскій митрополитъ, 235, 248, 264, 266—268, 270.

Лисянскій, Іоанитъ, викарный генералъ базилянскій, 216.
Лисатицкій, Іеремя, архимандритъ Дорогобужскаго монастыря, 155.
Литта, папскій пунцій, 246, 252.
Лобода, казацкій гетманъ, 149, 150
Лозицкій, іеромонахъ. См. **Нинодимъ**.
Лужскій, Василій, униатскій протоіерей, в послѣд. православ. архіепископъ. См. **Василій**.
Луна (Селеховскій), послѣдній православный игуменъ Почаевскаго монастыря, 206.
Лунарьскіе, Кирилль, начальникъ Острожской греко-славянской школы, в послѣд. патриархъ константинопольскій. См. **Кирилль**.
Луномскіе, дворянскій родъ, 123.
Лъневичъ, Іоаннъ, кievскій священникъ, 239.
Любартъ Гедиминовичъ, во св. крещеніи **Димитрій**, литовскій и владиміро-волинскій князь, 52, 59, 65, 68—72.
Любецкіе, дворянскій родъ, 138.
Любомирскіе, князья:
 — Княжескій родъ, 220, 221, 242.
 — Іосифъ, 220.
 — Станиславъ, 124.
 — Строитель костела въ м. Подонномъ, Новградволын. у. (1607 г.), 124.
 — Теофила, 220.
Людвигъ I Великій, король венгерскій, а потомъ польскій, 65, 69, 70, 72

М.

Магометъ IV, турецкій султанъ, 186.
Мадалинскій, предводитель польскаго возстанія, 232.
Мазепа, Іванъ, малороссійскій гетманъ, 179.
Манарій (Гокаревскій), настоятель православнога монастыря въ Овручѣ, преподобный, 199.
Маневичъ, Діонисій, униатскій священникъ, 209.
Максимъ, кievскій митрополитъ, в послѣд. владимірскій, 48, 50.
Мала, князь древлянскій, 8.
Малинскіе:
 — Дворянскій родъ, 122.
 — Даниль, волинскій хорунжій, 165, 166.
 — Христина, рожд. княж. Вишневецкая, 166.
Мамана, ханъ татарскій, 94.
Манецкіе:
 — Доминиъ, основатель домивиканскаго монастыря въ Вишнякахъ, Луцк. у., 221.
 — Криштофъ, дворянинъ, 199.
Марія, дочь литовск. кн. Ольгерда, супру-

га тверскаго князя Дмитрія Михайловича, 59.

Марія Юрьевна, супруга черскаго князя Тройдена, 52.

Марія Ярославна, супруга в. кн. литовскаго Ольгерда, 59.

Марковскіе, дворянскій родъ, 138.

Маръя, перемышльскій епископъ, 50.

Массальскіе, княжескій родъ, 123.

Маковский, предводитель польскихъ войскъ, 184.

Мелетій, патріархъ, 140.

Мелешно, дворянскій родъ, 124.

Мелхиседекъ:

— (Значко-Яворскій), мотронинскій игуменъ, 224, 225.

— Игуменъ Жаботинскаго Онуфріевскаго монастыря, 239.

Менгли-Гирей, крымскій ханъ, 94.

Меоводій, архієпископъ паннонскій и моравскій, святой, просвѣтитель славянъ, 15.

Мишуличъ, Герасимъ, игуменъ Черницкаго монастыря. См. Григорій.

Миндовгъ, князь литовскій, 47, 56, 58

Минцовскіе, шляхтичи, захватившіе имущество Кременецкаго братства, 199.

Мисаилъ, (князь Пеструцій), литовскій митрополитъ, 96.

Михаиль:

— (Корибутъ - Вишневецкій), польскій король, 186.

— Русскій воевода XV вѣка, оборонявшій Кіевъ отъ поляковъ, 83.

— Сынъ литов. кн. Сигизмунда Кей-стутевича, 85, 88.

Михаиль Омельковичъ (Александровичъ), удѣльный князь слупскій, 92.

Мишень:

— Иванъ, 221.

— Марина, жена Іжедмитрія, 63.

Многогрѣшный, Демьянъ Ігнатьевъ, малороссійскій гетманъ, 179.

Могила, кievскій митрополитъ. См. Петръ Моднеевскій, польскій мыслитель, 107.

Мозель, Александръ, стротель богадѣльни въ Луцкѣ, 165.

Моношо. Казиміръ, византаторъ училищъ, 260.

Мороховскій, сотрудникъ Іпатія Поцѣя по введенію уніи, 134.

Корскій, участникъ мятежа 1794 г., 232.

Мошинскій, Петръ, волынскій губ. предводитель дворянства, 257.

Мстиславскіе, князья, 100.

Мстиславъ Андреевичъ, князь, третій сынъ в. кн. суздальскаго Андрея Боголюбскаго, 35.

Мстиславъ Владиміровичъ:

— Великій князь кievскій, 22, 35, 39.

— Храбрый или Удалой, князь гугураканскій, 17.

Мстиславъ Даниловичъ, удѣльный князь луцкій, 23, 51.

Мстиславъ Изяславичъ, князь волынскій, а потомъ кievскій, 22, 38, 40.

Мышени, дворянскій родъ, 122.

Мышна-Холоневскіе, дворянскій родъ, 138.

Мышисвскіе, дворянскій родъ, 123.

Н.

Наливайно:

— Даміанъ, острожскій пресвитеръ, 140, 149.

— Северинъ, предводитель казацкаго возстанія, 149, 150.

Наполеонъ I (Бонапартъ), императоръ французовъ, 256.

Нагольскій, Іосифъ, уніатскій священникъ, 209.

Нарушевичъ, уніатскій священникъ, 251.

Небаба, начальникъ казацкаго отряда, 172.

Негалесскій, Валентинъ, соцівіанинъ, 107.

Нелюбовичъ-Тунальскій, Іосифъ, митрополитъ, 194.

Немиричи:

— Дворянскій родъ, 138, 204.

— Иванъ-Карлъ, 219.

Неофитъ, греческій митрополитъ, 136.

Нифоръ, кievскій митрополитъ, 39.

Никодимъ (Лозицкій), іеромонахъ, 203.

Николай I Павловичъ, императоръ, 271, 272, 280.

Никола Святоша, інокъ Кіево-Печерской лавры, въ міръ Святославъ Давидовичъ, удѣльный князь луцкій. во св. крещеніи Понкратій, 21, 38.

Нововейскіе, помѣщики, противники православія, 242.

Новосильскіе, князья, 7.

Носъ, Александръ, князь. 78. 84.

О.

Овлочинскіе, дворянскій родъ, 122.

Одоевскіе, князья, 97.

Одынецъ, дворянскій родъ, 122.

Омга, Самуиль, латинскій епископъ, 220.

Осеновкчъ, игуменъ. См. Ігнатій.

Олизаровскій, воспитаникъ Кременецкаго музея, 261.

Олимпіада (Рогозяпка—Силичева), начальница Кіево-Печерскаго женскаго монастыря, 166.

Ольга:

— Равноапостольная, во св. крещеніи Елена, супруга вел. князя кievскаго Игоря, 9, 14.

— Супруга в. кн. литовскаго Гедиміна, 59.

— Супруга Ярослава Владиміровича Осмомысла, 43.

Ольга Романовна, супруга волынскаго князя Владиміра Васильковича, 23.

Ольгердъ Гедимировичъ, великій князь литовскій, 58, 69—72.
Оле́гъ-Вѣщій, князь кievскій, 10.
Оле́гъ Святославичъ:
 — Первый древлянскій князь, 13.
 — Удѣльный князь волынкскій, а потомъ черниговскій, 26, 36.
Ольшанская, княжна, блаженная. См. Юліянія.
Онупрій, кременецкій игумень, 192.
Оранскій, основатель костеловъ въ Владиміро-Водн. у., 220, 221.
Орѣховскій, латинскій каноникъ, относившійся съ уваженіемъ къ православію, 107.
Осинскій, Алоизій, профессоръ Кременецкаго лицея, 261.
Острожскіе, князья:
 — Княжескій родъ, 62, 63, 66, 123.
 — Александръ Константинов., 124.
 — Анна (Алонза) Александровна. См. Ходневичъ
 — Анна, супруга Ал. Конст., 124.
 — Беата, рожден. Коспелецкая, 66, 103.
 — Гальшка, дочь Илья Конст., 103.
 — Данило, 69.
 — Даниль Федоровичъ, 78.
 — Иванъ, 94.
 — Илья Константиновичъ, 103.
 — Константинъ Ивановичъ, гетманъ, 63, 64, 97, 101.
 — Константинъ Константиновичъ, кievскій воевода, маршалъ волынкскій и староста владимірскаго, 63, 112, 114, 122, 127, 128, 130, 138—140, 142, 143, 148, 162.
 — Явушь (Иванъ) Константин., 122, 123, 126, 149.
 — Феодоръ Даниловичъ. преподобный См. Феодоръ.
Острианичъ, предводитель казацкаго возстанія, 168.
Охонскій, Іосафатъ, овручскій базиліанскій архимандритъ, 215, 232.

II.

Павель (Домжива - Люткевичъ), игумень Чорненскаго Спасскаго монастыря, 138, 158.
Павель І Петровичъ, императоръ, 215, 245—248, 250, 262.
Павловичи, дворянскій родъ, 124.
Павлюкъ, организаторъ казацкаго возстанія, 168.
Пансій (Ипполитовичъ Черновскій или Черкавскій), епископъ холмскій, 152.
Паноста, Аванасій, холмскій униат. епископъ, 155.
Палій, Семень, полковникъ, 179, 188, 190
Пацы:
 — Дворянскій родъ, 123.

— Николай, нареченный кievскій католическій епископъ, принявшій протеставство, 106.
Пелеховскій, послѣдній православный игумень Почаевскаго монастыря. См. Луна.
Пелловскій:
 — Лаврентій, основатель костела въ Тайкурахъ, Острож. у., 220.
 — Петръ, кievскій подчасній, 220
Перетятковичи, помѣщички, противники православія, 242
Петроній (Гулевичъ-Вокитинскій), архимандритъ Почаевскаго монастыря, 144
Петръ:
 — Игумень Ратненскаго монастыря, впоследствии митрополитъ всероссійскій, святой, 21, 29, 50.
 — (Могила), кievскій митрополитъ, 158—160, 165—167.
Петръ І Алексѣевичъ, императоръ, 190, 204
Петрыковскій, Стефанъ, священникъ с. Вельбовнаго близъ Острога, 199.
Пиездецкій, Александръ, воспитанникъ Кременецкаго лицея, 261.
Пнилускій, помѣщичкъ, строитель костела въ Вутовцахъ, Заслав. у., 263.
Плетенецкій, киево-печерскій архимандритъ. См. Елисей.
Плятеръ, графы:
 — Основатель костела въ Катеринбургѣ, Кременец. у., 220.
 — Филиппъ, волынкскій вице-губернаторъ, 257, 260.
Подгородецкій, помѣщичкъ с. Гульчи, Острож. у., 222.
Подгородинскій, Валеріанъ, 126.
Подгрошевскій, основатель кармелитскаго монастыря въ Городищахъ, Заслав. у., 219.
Подлужанскій, заславскій офиціалъ, 240.
Поляновскій, Іосифъ, перемышльскій столъникъ, 263.
Понятовскіе:
 — Графъ, польскій король См. Станиславъ II Августъ.
 — Іосифъ, князь, 229.
 — Польскій генералъ, 222.
Поссевинъ, Автовій, иезуитъ, 126, 127.
Потоцкіе:
 — Андрей, польскій военачальникъ, 182.
 — Кievскій воевода, 220
 — Польскій гетманъ, 170.
 — Помѣщичкъ, основатель костела въ Веледвикахъ, Овруч. у., 126.
Поцци (или **Поцци**):
 — Дворянскій родъ, 124.
 — Ипатій, владимірскаго епископъ, впоследствии митрополитъ, одинъ изъ творцевъ унии 1596 г., 127, 120,—132, 134, 140, 142, 150.
Почапваскій, Іеремія, лудцкій униатскій епископъ, 155, 162, 164
Прейсы, Михайлъ и Тереза, основатель-

— Григорій Захаревичъ. См. Геденъ.
 — Николай, 200
 Святославъ, смоленскій князь, 75.
 Святославъ Владиміровичъ, князь древланскій, 18, 31.
 Святославъ Всеволодовичъ, князь владиміровольнскій, 39.
 Святославъ Давидовичъ, удѣльный князь лудцій, во св. крещеніи Паннратій въ иночествѣ Николай. См. Никола Свягоша.
 Святославъ Игоревичъ, князь кievскій, 9, 13
 Святославъ Ярославичъ, великій князь кievскій, 26, 32, 35, 36.
 Севастьяновъ, полковникъ, дѣйствовавшій прогнвъ польскихъ повстанцевъ, 275
 Сельневичъ, воспитанникъ Кременецкаго лицей, 261.
 Семюта Павелъ-Криштофъ, 124.
 Сергій, епископъ мокачевскій, 144
 Сестренцевичъ, католическій митрополитъ, 247, 250, 251, 263, 268
 Сигизмундъ:
 — Нѣмецкій императоръ, 82.
 — I, король польскій, 98, 99, 101 — 103, 106
 — III, король польскій и шведскій, 127, 130, 140, 142, 147, 154, 158.
 Сигизмундъ II Августъ, король польскій, 102, 106 — 108, 110, 111, 127.
 Сигизмундъ Кейстутевичъ, литовскій князь, 82 — 85
 Сигизмундъ Коробутовичъ, князь, 82
 Сильвестръ, іеродіаконъ, книгопечатникъ, 138.
 Симеонъ, владимірскій, а потомъ ростовскій епископъ, 48
 Симеонъ, литовскій митрополитъ, 96
 Симеонъ Іоанновичъ Гордый, великій князь московскій, 50
 Симеонъ Омельковичъ, (Александровичъ, кievскій удѣльный князь 91, 92.
 Снабцине, помѣщики, противники православія, 242
 Скарга, Петръ, іезуитъ XVI в., 127
 Смиргайлъ-Иванъ Ольгердовичъ, князь, 72, 75.
 Смирмунтъ, Богуславъ, основатель костела въ Бережницѣ, Луцкаго у., 220.
 Скобейна, кievлянинъ, сообщникъ кн. Чарторыйскаго въ борьбѣ съ кн. Сигизмундомъ Кейстутевичемъ, 85.
 Скумины, дворянскій родъ, 124.
 Словацкій, Юлій, польскій поэтъ, 261.
 Слуцкіе, княжескій родъ, 123.
 Смотрицкіе:
 — Герасимъ, начальникъ Острожской греко-славянской школы, 133, 154.
 — Мелетій, полоцкій архіепископъ, сначала ревнитель, а потомъ отступникъ православія, 123, 139, 152 156.
 Соколинскіе, дворянскій родъ, 123.
 Соломерецкіе:
 — Дворянскій родъ, 123.
 — Ирина, основательница монастыря въ м. Гопѣ, Острожск. у., 166.

Солтанъ, литовскій мигрополитъ. См. Іосифъ.
 Сомко, малороссійскій гетманъ, 179.
 Сосновскіе, дворянскій родъ 124.
 Соханская, Надежда Степановна, писательница (Нохачовская), основательница Яполотскаго братства, 284.
 Станиславъ, князь кievскій, 58.
 Станиславъ II Августъ (графъ Понятовскій), польскій король, 224
 Стежновскій, Іосифъ, вѣдѣлецъ м. Лабуна, польскій воевода 225
 Стефанъ:
 — I владиміро-вольнскій епископъ, 19.
 — II, владиміро-вольнскій епископъ, 21.
 — (Романовскій), епископъ вольнскій, вполсѣд. архіепископъ астраханскій, 254, 255.
 Стефанъ Баторій, король польскій, 126.
 Стецкіе:
 — Хорунжіи, 263.
 — Польскій графъ, повстанецъ 1831 г., 275.
 Стройновскій, графъ, строитель костела въ Гороховѣ, Владим. у., 263.
 Стрѣхинъ, Артемій, протоіерей Кievской епархіи, 239.
 Суворовъ-Рыминскій, графъ, князь Италійскій, Александръ Вас., генералиссимусъ, 240.
 Сулима, предводитель нереестровыхъ казаковъ, 168.
 Сурины, дворянскій родъ, 138.
 Суша, Яковъ, холмскій уніатскій епископъ, 198.
 Сѣмашно.
 — Дворянскій родъ, 123.
 — Уніатскій архіепископъ, вполсѣд. правосл. митрополитъ литовскій. См. Іосифъ.
 Страновскій, львовскій католическій епископъ, 218, 219.
 Строчицскій, воспитанникъ Кременецкаго лицей, 261.

Т.

Тарновскій, Янъ, львовскій католич. епископъ, 194
 Тваровскій, игуменъ Лиснянскаго монастыря, 196.
 Терлецкіе:
 — Дворянскій родъ, 122.
 — Кириллъ, епископъ лужскій и острожскій, одинъ изъ творцевъ уніи 1596 г., 127, 130, 131, 150.
 Тетеря, Павелъ, малороссійскій гетманъ, 179, 183, 192.
 Тимовей, десятникъ Дубенскаго гарнизона, покушавшійся на жизнь К. Саговича, 163
 Тискиневичъ, Григорій, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 150.

Тиссаровскій, львовскій правосл. епископъ.
См. Іеремія.

Тонаревскій, настоятель Овручскаго монастыря. См. Манарій.

Томашевскій, Василій, уніатскій священникъ, принявшій православіе и отрешившійся отъ него, 242.

Торресъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 135.

Тохтамышъ, татарскій ханъ, 76.

Транквилионъ-Ставровецкій, Кириллъ, рожно-русскій проповѣдникъ, 138.

Тризна, дворянскій родъ, 123.

Тройденъ, великій князь литовскій, 57.

Тунальскій, митрополитъ, 186, 192.

Турсіе:

— Феликсъ, латинскій епископъ, 221.

— Феодоръ, кременецкій уніатскій протопопъ, 164.

Туголминъ, Тимофей Ів., генералъ аншефъ, генералъ-губернаторъ Подольскаго и Волынскаго намѣстничества, вносльд. предсѣдатель государственнаго совѣта, 229, 232, 234, 238, 241.

Тышневичи, дворянскій родъ 122, 123.

У.

Ушанъ-Нуликовскіе, дворянскій родъ, 138.

Ф.

Фелинскій, Алоизій, профессоръ Кременецкаго лицея, 261.

Филовей:

— (Казаревичъ), игуменъ Овручскаго Заручанскаго монастыря, 158.

— Патріархъ цареградскій, 71, 72.

Фирлеи, дворяне, 171.

Фотій, митрополитъ всея Руси, 80, 82, 94.

Х.

Хаджибей, подольскій ханъ, 70.

Халецкіе, дворянскій родъ, 123.

Ханенко, Михаилъ Степанов., малороссійскій гетманъ, 179, 186.

Хлѣбовскій, воспитанникъ Кременецкаго лицея, 261.

Хмельницкіе:

— Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 170—172, 175—180.

— Тимофей, сынъ предыдущаго, 176.

— Юрій, малороссійскій гетманъ, 179, 180, 182, 187, 192.

Ходневичъ:

— Дворянскій родъ, 123.

— Анна (Алоиза) Александровна, рожд. княж. Острожская, 123, 124, 126, 155, 156, 161—163, 171.

— Аня. См. кн. Корзцная.

Холодовскій, Іоиль, настоятель Колодеженскаго монастыря, 198.

Холоневскій, кievскій подвоевода, 150.

Хорошко, дворянскій родъ, 138.

Хреботовичъ, дворянскій родъ, 123.

Хриницкіе, дворянскій родъ, 136.

Ц.

Цавланъ, литовскій митрополитъ. См. Григорій.

Цецишевскій, Гаспаръ, лудкій латинскій епископъ, 248.

Цецюра, казацкій полковникъ, 182.

Ч.

Чаплиць, мѣлецкій архимандритъ, вносльд. лудкій епископъ. См. Іосифъ.

Чапскій, графъ, участникъ польскаго возставія 1831 года, 275.

Чарнецкіе:

— Анастасія, строительница женскаго кармелитскаго монастыря въ Дубнѣ, 219:

— Михаилъ, стольникъ волынскій, 220.

— Строитель францисканскаго монастыря въ Ивницѣ, Житомир у., 221.

Чарторыйскіе, князья:

— Княжескій родъ, 114, 120, 123, 242.

— Адамъ-Георгъ, министр иностранныхъ дѣлъ, а потомъ попечитель Виленскаго учебнаго округа, 232, 255, 257, 258, 264, 267, 270.

— Волынскій князь, поразившій Сигизмунда Кейстутевича, 83.

— Николай, 122.

— Юрій, первый изъ рода принявшій латинство, 122.

— Феодоръ Михайлов., 62.

Чацкіе:

— Польскіе дворяне, 232.

— Фаддей, главный визитаторъ училищъ. Кіевской, Волынской и Подольской губерній, 257, 258, 260, 264, 267.

Челенскіе, дворянскій домъ, 123.

Черновскій (или Чернавскій), епископъ холмскій. См. Памсій.

Четвертинскіе, князья:

— Княжескій родъ, 122, 174.

— Вацлавъ, 196.

— Григорій, основатель Четвертинскаго женскаго православно. монастыря, 137, 165.

Чехъ, профессоръ Кременецкаго лицея, 261.

Чопень, рядовой Дубенскаго гарнизона, покушавшійся на жизнь К. Соковича, 163.

**Відруковано у в-ві «Закарпаття»
м. Ужгород, вул. Гагаріна, 42/1
Зам. 1027, т. 10000**

40⁰⁰